

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

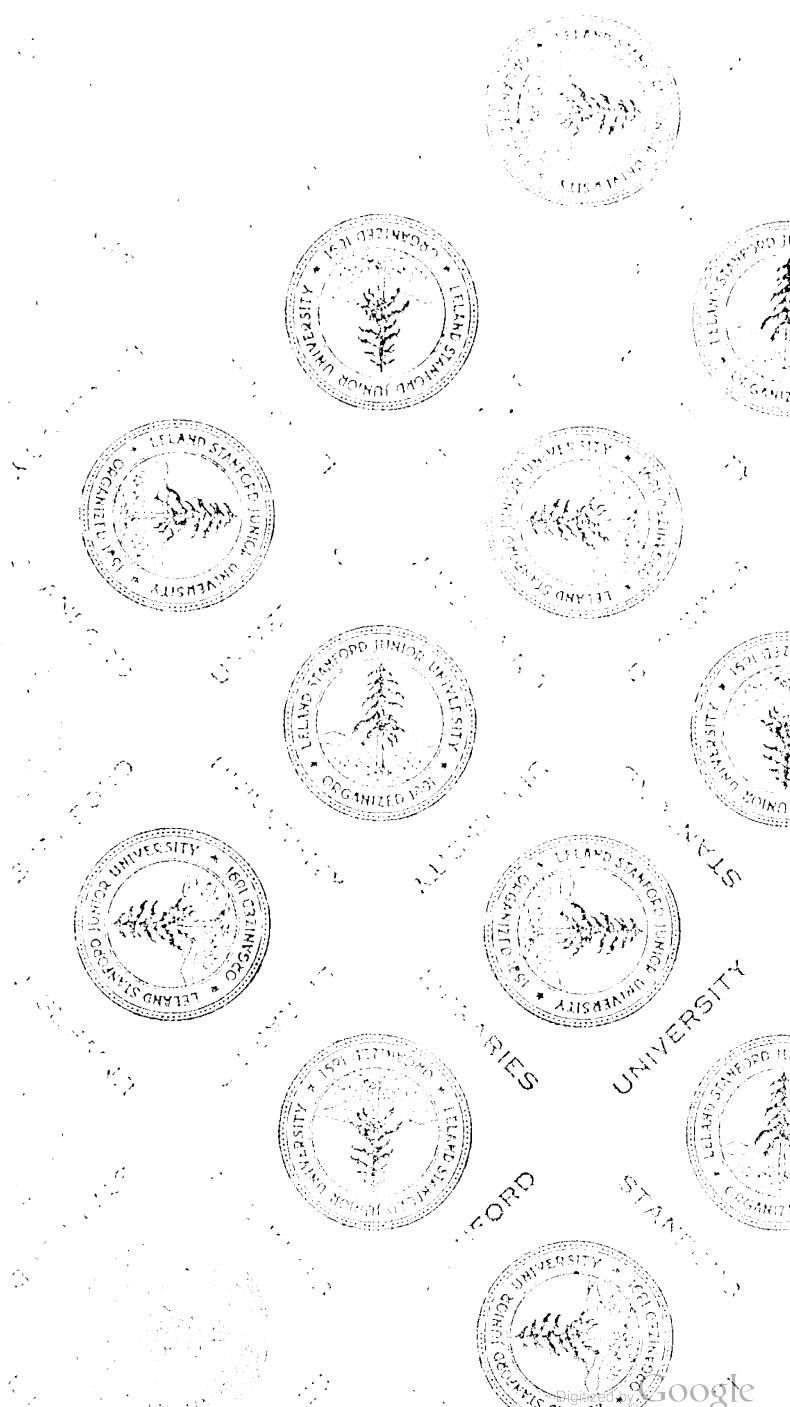
Stanford University Libraries

3 6105 210 175 787

ARIE
LIBR
STAN

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ X. ЯНВАРЬ. 1891 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
✓ I. Обыкновенный профессор. Романъ И. И. Ясинскаго	5
II. Новый годъ. Стихотвореніе Ө. Э. Ромера	39
III. Арабское гнѣздо. (Изъ воспоминаній о поѣздѣ въ Кордову). Вас. И. Немировича-Данченка	42
IV. Меджидъ. Стихотвореніе В. Л. Величко	75
V. Дѣвичій переполохъ. (Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ изъ временъ XVII-го столѣтія) В. А. Крылова	80
✓ VI. Вѣтка сирени. Разсказъ Уидѣ	153
VII. Въ лунную ночь. Стихотвореніе К. М. Фофанова	204
VIII. Поземельныя и общественныя права крестьянской женщины. Н. П. Дружинина	205
IX. Сумерки. (Изъ новогоднихъ сілуетовъ). А. В. Круглова	231
X. Сказки. Стихотвореніе графа П. Д. Бутурлина	249
XI. Кладъ. Романъ Н. Ө. Бажина	250
XII. Смерть ребенка. Стихотвореніе Л. Медвѣдева	272
✓ XIII. Власть денегъ. Романъ Эмиля Золя	273
XIV. Французскій Теофрастъ. В. В. Чуйко	393
XV. Довѣ грозы. Стихотвореніе П. Рейтерна	408

(См. та оборотѣ).

VI. Политическая хроника 1

Новый европейскій оракулъ.—Рѣчь императора Вильгельма II о школьномъ образованіи.—Сущность императорскихъ требованій.—Вторая рѣчь Вильгельма.—Рѣчь Бебеля о хлѣбныхъ пошлинахъ.—Русинское движеніе.—Меморандумъ королевы Наталіи.—Жидовствующая Англія.—Расколъ въ ирландской партіи.—Новый фазисъ убійства генерала Селиверстова.—Консерваторы во французской палатѣ.—Верди и Криспи.—Швейцарія, ограничивающая право убійства и права присяжныхъ.

VII. Новыя книги: 1) *В. Л. Величко. Восточные мотивы.* (Стихотворенія). Спб. 1890. 2) *Любке. Иллюстрированная исторія искусств.* Второе, дополненное, изданіе перевода *Θ. Буллакова.* Спб. 1890. 3) *Дунай, какъ международная рѣка.* *А. Л. Форштетера,* подъ редакціей *В. А. Уляницкаго.* Москва, 1890. 4) *Проводникъ и переводчикъ* по отдаленнѣйшимъ окраинамъ Россіи. Томъ II. Составилъ *А. В. Старчевскій.* Спб. 1889. 5) *Наши сосѣди.* Справочная книжка. Заграничный переводчикъ. Томъ III. Составилъ *А. В. Старчевскій.* 1890. 6) *Кавказскій толмачъ.* Составилъ *А. Старчевскій.* 1891. 16

VIII. Наши внутреннія дѣла. 23

Толки по поводу учрежденія министерства земледѣлія.—Предстоитъ ли надобность въ такомъ специальномъ вѣдомствѣ?—Примѣръ иностранныхъ государствъ.—Доводы противниковъ.—Наши соображенія.—Положеніе сельскаго хозяйства на западѣ Европы и въ Россіи.—Задачи новаго министерства.—Необходимость введенія въ Россіи мелораціоннаго кредита.—Противники кредита вообще.—Неумѣнье нашихъ землевладѣльцевъ пользоваться кредитомъ.—Выговоръ дворянамъ, сдѣланный вн. Мещерскимъ.—Скептицизмъ въ дѣлѣ кредита.—Недоразумѣнія и поправки.—Факты и выводы.—Нѣсколько словъ по поводу неурядицы въ городскихъ дѣлахъ.—Необходимость измѣненія порядка городскихъ выборовъ.

IX. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»): 1) П смѣхъ, и горе. (Литературныя и общественныя замѣтки).

Неожиданный противникъ классицизма, самъ воспитанный въ классической школѣ.—Осужденіе „монашескаго образованія“.—Национальная сторона въ воспитаніи и обученіи.—Строгое предостереженіе „Московскихъ Вѣдомостей“ по адресу германскаго императора.—„Предложеніе“ прозы въ стихи.—Отзывы европейской печати.—Перспективный взглядъ на судьбу нашего средняго образованія.—Классицизмъ, являющійся въ разное время и разрушительнымъ снарядомъ, и опорой порядка.—Уваровъ и Катковъ. **Ефима Простосердова** 38

2) Стихотворенія: **Старога Напрала и М.** 50

XX. Объявленія: 1) О выходѣ новой книги: „Восточные Мотивы“; 2) объ изданіяхъ д-ра А. С. Виреніуса“; 3) о подпискѣ на газеты и журналъ: „Историческій Вѣстникъ“, „Лучъ“, „Южный Край“, „Саратовскій Листокъ“, „Сынъ Отечества“, „Русскій Курьеръ“, „Одесскій Листокъ“, „Астраханскій Листокъ“, „День“, „Новости Дня“, „Живописное Обозрѣніе“, „Донъ“, „Тифлисскій Листокъ“, „Казанскій Виржевой Листокъ“ и „Сельскій Хозяинъ“. . . . . 1—11

ДОБРОУДАТЕЛЕВЪ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ. ПРОВЕРЕНО

Книгохранилище

1925 г.

№ 1. ЯНВАРЬ.

116.674
24 см.
1942

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и главная контора помѣщаются на углу Стрѣмянной и Владимірской ул., № д. 1—6, кв. 14.

1891.

ТИПОГРАФІЯ С. ДОБРОДѢВА, КОВЕНСКІЙ ПЕР., СОБСТВ. ДОМЪ, № 14.

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1891 ГОДУ (ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, И. Д. Ахшарумовъ, Н. Э. Важинъ, Е. С. Баранцевичъ, П. В. Бесобразовъ, В. И. Вибиковъ, П. Д. Воборыкинъ, графъ П. Д. Вутурлинъ, Максимъ Вѣлинскій, П. В. Выковъ, А. А. Выковъ, В. В., И. Ф. Василевскій (Буква), П. И. Вейнбергъ, В. Л. Величко, Вологдинъ, Г. А. Мачетъ (Г*), проф. В. П. Давневскій, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, П. Э. Калтеревъ, С. Я. Капустинъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, проф. Э. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Л. И. Пальминъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Э. Э. Ромеръ, Г. П. Сазоновъ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Сербидцкій, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, Н. Северинъ, Н. Сѣверовъ, Л. Н. Трефолевъ, проф. А. С. Трачевскій, Н. Флеровскій, К. М. Ффановъ, В. В. Чуйко, О. Н. Чюмина, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ) и др.

«Наблюдатель» *возвратился къ прежнему сроку выпуска номеровъ* и выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:

За полгода:

Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	6 р.
Съ доставкой въ Спб.	13 р.	Съ доставкой въ Спб.	6 р. 50 к.
Съ пер. въ др. мѣста имперіи	14 р.	Съ пер. въ др. мѣста Россіи	7 р.
Съ пересылкою за границу	17 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Иногородные годовые подписчики „Наблюдателя“, желающіе получить второе изданіе монографій редактора: „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“, высылаютъ 16 р. Городскіе и заграничные приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка: платы *допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору*, причѣмъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкой	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за границу	8 р.	5 р.	4 р.

Библиотеки и кабинеты для чтенія (а также и книжные магазины, при которыхъ они состоятъ) пользуются разсрочкою, платы подѣлѣ лишь условіемъ, если выписываютъ не меньше 15-ти годовыхъ экземпляровъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передѣлѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подписываются въ Главной Конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель А. П. ПЯТКОВСКІЙ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣе проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Утраченный не по винѣ редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику за 1 р. 50 к. 3) При переѣзѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать *пять* семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ за напечатаніе новаго адреса. 4) При переѣзѣ городского адреса на иногородный, уплачивается 2 р.; при переѣзѣ же иногороднаго на городской—1 р. Переѣзны адреса въ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовые марки для отбѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко переписанными*. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, — если не будутъ вытребованы обратно, — уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 50 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ ни въ какую *переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отбѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены почтовые марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленные безъ опредѣленія условій гонорара, считаются бесплатными или оплачиваются по усмотрѣнію редакціи. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами и бандеролами*. Рукописи, принятая безъ *указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію редакціи. Статьи неизвѣстныхъ редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода съ времени напечатанія*, признаются бесплатными. 7) Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4 час. попол., *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней*. Пріемъ въ редакцію—*по четвергамъ, отъ часу до двухъ*. 8) Объявленія для напечатанія въ журналъ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за 1/2 стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ: 5 числа, отъ часу до 3-хъ пополудни*. Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятая, но не напечатанная въ журналъ, не допускаются.*

1 P50
N33
v.10
n.1
1891

ЖИЗНЬ ИСТОРИИ

НАШЕГО

ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО
РАЗВИТІЯ.

Второе, дополненное, издание монографій и критическихъ статей **А. П. ПЯТКОВСКАГО**, въ двухъ частяхъ (свыше *сорока* печатныхъ листовъ).

Содержаніе 1-ой части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Д. И. Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и др. предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-ой части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I-го до Александра I-го, съ 1703 г. до 20-хъ годовъ текущаго столѣтія); 2) Журнальный триумвиратъ (Сенковский, Гречъ и Булгаринъ); 3) князь В. Θ. Одоевскій (литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями); 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

См. отзывы: «*Историческій Вѣстникъ*», 1889 г. № 4, «*Русская Старина*», 1889 г. № 7, «*Новое Время*», № 4634, «*Русскія Вѣдомости*», 1888 г. № 343, «*Правит. Вѣстникъ*», 1888 г. № 270, «*Всемирная Иллюстрація*» и проч.

Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 рубля. Складъ въ главной конторѣ журнала «**НАБЛЮДАТЕЛЬ**» (Спб., Владимирская, № 6). Годовые и полугодовые подписчики журнала, желающіе получить эту книгу, добавляют къ подписной цѣнѣ 2 р.

Кромѣ того, въ конторѣ журнала продаются послѣдніе экземпляры историческаго романа Георга Эберса: **СЕРАПИСЬ**. Цѣна 1 р., перес. за одинъ фунтъ. Романъ одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для библиотекъ старшихъ классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

ОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОРЪ.

Романъ *).

I.

Утромъ ботаническій садъ быть закрытъ, и на калиткѣ бѣлѣлся доскутокъ съ надписью: „Бывшу вчера дождю, садъ воспрещается посѣтителемъ“. Директоръ сада, нѣмецъ, ботаникъ и знаменитый ученый Шмандкухень сочинилъ разъ навсегда эту надпись, и когда дорожки становились влажными и была опасность, что ихъ испортятъ каблучки гуляющихъ, садовникъ вывѣшивалъ объявленіе у входа. Почему

---

*) Въ 1886 году, въ іюль мѣсяцѣ, я напечаталъ въ кievской газетѣ „Заря“ эту же подѣ названіемъ „Открытие“, листа въ полтора печатныхъ. Объ этомъ обстоятельстве можно было бы не упоминать, еслибы въ эту же не были намѣчены опредѣленно и рѣзко основныя черты характеровъ: погруженнаго въ научное одиночество и страдающаго собачьей старостью, профессора Алексѣя Васильевича Уржумова; магистранта Столбухина (названнаго въ эту же Кольцовымъ); дѣвушки Кати, считающейся дочерью профессора, любящей его и питающей пристрастіе къ сценѣ; жены профессора, Ольги Федоровны, заботливо опекающей мужа и несколько его не любящей, и др. Пока я былъ занятъ разработкою подробностей романа, который намѣревался сдѣлать изъ этого, а также заканчивалъ другія работы,—одинъ молодой беллетристъ, обладающій несомнѣннымъ дарованіемъ, напечаталъ (черезъ три года послѣ „Открытія“) повѣсть, гдѣ вывелъ профессора, обезсилѣвшаго отъ старости, дѣвушку Катю, тяготящую къ театру, молодого ученаго, креатуру профессора, и жену профессора, не любящую, но опекающую мужа. — Конечно, это ничто иное, какъ совпаденіе, и молодой беллетристъ самостоятельно воспользовался матеріаломъ, который сослужилъ службу и мнѣ. Однако же, такъ какъ молодой беллетристъ напечаталъ свою повѣсть въ извѣстномъ петербургскомъ изданіи, а я—въ мало распространенномъ провинціальномъ, то я долженъ теперь возстановить истину, дабы критики не обвинили меня же самого въ нѣкоторомъ позаимствованіи. Такимъ образомъ, не изъ желанія обидѣть талантливаго молодого беллетриста дѣлаю я эту оговорку—и дѣлаю въ первый разъ за всю свою литературную дѣятельность — а единственно для самозащиты, на всякій случай.

Авт.

Шмандкухенъ считалъ возможнымъ навязать русскому языку такую странную грамматическую форму, это составляло его тайну. Вообще, много тайнъ хранилъ почтенный ученый въ своей головѣ... Но по его безцвѣтнымъ глазамъ, устремленнымъ вдаль, можно было бы заключить, что тайны эти мало интересны. Единственную интересную тайну Шмандкухена въ прошломъ году представляла его дочь, хорошенькая, блѣлая Анхенъ. Но и она совсѣмъ перестала быть тайной, выдя замужъ за доцента ботаники, Якова Яковлевича Пуля, соотечественника Шмандкухена.

Пуль былъ не только протежэ директора, но еще и другаго стараго профессора, тоже нѣмца, Моргенштейна, служившаго ординарнымъ профессоромъ ботаники. Вмѣстѣ съ Моргенштейномъ, Пулю покровительствовалъ и рѣшилъ сдѣлать его экстраординарнымъ профессоромъ геологъ Яммеръ—тоже коренной нѣмецъ, прїѣхавшій изъ Іены, по приглашенію факультета, на вакантную кафедру, и привезшій съ собою двухъ молодыхъ германцевъ: прозектора Пиперкрейца и приватъ-доцента, зоолога Гекеллейна.

Университетъ искони состоялъ наполовину изъ нѣмцевъ. Факультеты медицинскій и физико-математическій были почти нѣмецкіе и, обновляясь, они становились еще болѣе нѣмецкими.

Всѣ эти мысли о нѣмцахъ, о томъ, какъ они усилились и какъ отъ нихъ становится трудно русскимъ ученымъ, пришли въ голову молодому химику, Ивану Никифоровичу Столбухину, подошедшему къ калиткѣ ботаническаго сада и прочитавшему надпись. Пожавъ плечами, онъ пересѣкъ улицу и пошелъ по бульвару. Бульваръ тянулся черезъ весь городъ, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, и былъ усаженъ высокими, старыми пирамидальными тополями. Лѣтнее солнце кидало уже на землю отвѣсные лучи; приближался полдень и, не смотря на вчерашній дождь, пыль густыми вихрями проносилась, отъ времени до времени, мимо бульвара.

„Да, нѣмцы! Даже ботаническій садъ себѣ отмежевали. Дня три не будутъ пускать!“ жельно ворчалъ Столбухинъ. „Изволь жариться на солнцѣ! Ищи протекціи у какогонибудь Карла Ивановича или у Юлія Германовича, чтобы пройти

въ садъ, на который и я же имѣю право, какъ членъ университета!“

Столбухинъ былъ небольшого роста человѣчекъ, съ сутуловатыми худыми плечами, на которыхъ пиджакъ висѣлъ, какъ мѣшокъ. Широкая соломенная шляпа бросала тѣнь на его смуглое лицо съ татарскими скулами. Одѣтъ былъ Столбухинъ во все новое. Можно было заключить, при бѣгломъ осмотрѣ всей его фигуры, что, въ бытность свою студентомъ, онъ наголодался и теперь съ трудомъ привыкаетъ къ сытой и сравнительно обеспеченной жизни. Онъ прошелъ до Университетской улицы, повернулъ за уголъ и миновавъ, величавое зданіе университета, украшенное съ фронтона девятью колоссальными колоннами, позвонилъ у подъѣзда небольшого одноэтажнаго кирпичнаго домика, передъ окнами котораго были разбиты пестрыя клумбы. На мѣдной позеленѣвшей дощечкѣ, прибитой на дверяхъ, было вырѣзано: „Профессоръ Алексѣй Васильевичъ Уржумовъ“. Баба, одѣтая по малороссійски, отворила дверь и, на вопросъ Столбухина—дома ли профессоръ, отвѣчала:

— Уѣхали! Еще третьяго дня! Они просили васъ въ Борщовку. И баринъ, и барыня просили. И барышня!—прибавила баба, засмѣявшись.

Последнее сообщеніе заставило самого Ивана Никифоровича улыбнуться; кромѣ того, оно разогнало его мрачныя мысли о нѣмцахъ и, наконецъ, сдѣлало его щедрымъ: опустивъ руку въ карманъ, онъ вынулъ двадцатикопѣечную монету и подалъ бабѣ.

— Зачѣмъ это мнѣ?—спросила она.

— Возьми, возьми, это тебѣ! Скажи, Галя, барышня ничего еще не говорила?

— Да что же она будетъ говорить?

— А ты припомни. Можетъ быть, она говорила чтонибудь особенное. Можетъ быть, пожалѣла меня, что я былъ боленъ!

— Правда, онѣ говорили, что у васъ грудь болитъ.

— Ну, вотъ видишь ли! Прощай, Галя! Я поѣду сегодня же А тебѣ не страшно оставаться въ домѣ?

— Страшно, да чтожъ!

— Так прощай, Галя. Подожди. А что, барышня ни о комъ еще не говорила, кромѣ меня? Не вспоминала она Бориса Наумовича?

— Нѣтъ, не помню. Нѣтъ, этого не было.

— А обо мнѣ, говоришь, вспоминала? Гм! Ладно, прощай!

II.

Профессоръ Алексѣй Васильевичъ Уржумовъ сидѣлъ это утро въ своемъ деревенскомъ домѣ, въ кабинетѣ, который выходилъ итальянскимъ окномъ въ садъ, и думалъ о „расположеніи элементовъ по періодамъ“. Онъ пріѣхалъ въ деревню отдыхать, но, вмѣсто отдыха, съ перваго же дня весь предался работѣ. Передъ нимъ на письменномъ столѣ и на стульяхъ лежали тетради и кипы клочковъ бумаги, въ которыхъ заключался матеріалъ, много лѣтъ собираемый имъ — выписки изъ сочиненій разныхъ ученыхъ и изъ журналовъ французской академіи наукъ, а также собственные замѣтки, состоящія изъ цифръ, отрывочныхъ соображеній, чертежей и формулъ.

Было тихо. Пробыло девять часовъ. Семья профессора еще спала, и только изъ сада, — вчера освѣженнаго проливнымъ дождемъ, а теперь залитаго солнечнымъ свѣтомъ, зеленого и благоуханнаго, — несло чириканье птичекъ, которое, по временамъ, заглушалось побѣдительнымъ крикомъ пѣтуха на дворѣ. Природа представлялась бы другому человѣку, на мѣстѣ Алексѣя Васильевича, въ весьма обаятельномъ видѣ: садъ былъ густой, хотя и небольшой, и росъ на склонѣ горы. Горизонтъ приходился выше его верхушекъ. Вдали синѣли лѣса, блестя серебряной полоской рѣчка, а направо, сизымъ силуэтомъ, — который почти сливался съ горизонтомъ, — туманный, величавый, виднѣлся университетскій городъ. Но профессоръ никогда не имѣлъ привычки любоваться природой, а теперь онъ былъ способенъ къ этому еще меньше, чѣмъ когда нибудь. Онъ безучастно смотрѣлъ на широкую панораму, разстлавшуюся передъ нимъ. Умъ его былъ исключительно химическій. Онъ сроднился съ химическими образами и не зналъ другой логики, кромѣ химической. Нельзя однако

сказать, чтобы мышление его совершалось легко и быстро; но зато не подлежало сомнѣнію, что онъ былъ человѣкъ съ трудолюбіемъ и неослабнымъ терпѣніемъ. Внося поправку въ труды химическихъ авторитетовъ и выражая ее въ формѣ закона, Уржумовъ испытывалъ болѣзненные ощущенія въ мозгу. Онъ хваталъ матеріалы, просматривалъ ихъ и въ то время, какъ былъ уже, повидимому, у цѣли, вдругъ чувствовалъ, что гений, манившій его къ чему-то далекому и великому, ослабѣвалъ и крылья его опускались. Профессоръ задыхался отъ непосильнаго напряженія, потъ ручьями лилъ съ его поглубѣвшаго лица. Тогда онъ бралъ себя за голову, опирался локтями на столъ и снова принимался за мучительный процессъ мышленія, все не теряя надежды, что истина будетъ открыта. Онъ думалъ и, казалось, ему всячески помогали въ этомъ разбросанныя по кабинету бумаги, квиви на разныхъ языкахъ, портреты Реньо и Зинина, колбы, реторты, двухгорлыя и трехгорлыя склянки, блестящія въ дубовыхъ шкафахъ, и уныло улыбающійся черепъ на горкѣ съ коллекціей минераловъ. Каждый разъ, какъ выбившійся изъ силъ гений падалъ съ высоты, обливаясь потомъ трудолюбія, и тяжелымъ бременемъ повисалъ на шеѣ химика, послѣдній подгонялъ его крѣпкими сигарами. Бѣдный гений взвивался, но опять ненадолго и опять столь же бесплодно. Высота, достигаемая имъ, постепенно становилась меньше. Наконецъ, измученный, онъ отказывался отъ полета и одурѣлымъ взглядомъ смотрѣлъ на своего тирана.

Уржумовъ вздохнулъ, откинулся на спинку кресла и нѣсколько минутъ оставался въ состояніи полнѣйшаго умственнаго истощенія, когда ни одна, самая коротенькая, мысль не лѣзетъ въ голову.

III.

Алексѣй Васильевичъ былъ профессоромъ уже около двадцати лѣтъ. Ему шель сорокъ шестой годъ; онъ былъ худъ, волосы и борода у него были песочные, глаза безцвѣтные, губы блѣдныя, огромный лобъ съ большими выпуклостями вверху и вдавленный надъ переносьемъ; руки—ма-

ленькія съ подогнутыми большими пальцами. На его лицѣ было много продольныхъ морщинъ. Одѣвался онъ въ сѣренькіе цвѣта. Онъ производилъ впечатлѣніе челоуѣка, котораго выдержали въ тюрьмѣ, въ одиночномъ заключеніи, такъ что онъ утратилъ свой первоначальный обликъ и цвѣтъ. Алексѣй Васильевичъ точно вылинялъ и выцвѣлъ отъ постояннаго обращенія съ хлоромъ и другими химическими тѣлами. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ всюду распространялъ химическій запахъ. Онъ пользовался уваженіемъ, какъ ученый челоуѣкъ, и въ обществѣ не было никого скучнѣе его. Онъ на все смотрѣлъ съ химической точки зрѣнія и съ сожалѣніемъ относился къ людямъ, которымъ не была знакома теорія горѣнія или свойства углеазотистыхъ соединеній, о которыхъ онъ когда-то написалъ пространную диссертацию. Ему смѣшно было, что люди любятъ цвѣтами и не знаютъ органической химіи, при посредствѣ которой они легко могли бы открыть истинный составъ розы и тюльпана, и тогда уже смотрѣть на міръ просвѣтленными глазами. Онъ ѣлъ не хлѣбъ, а крахмалъ и клейковину, пилъ не чай, а теинъ, дубильную кислоту и соединеніе кислорода съ водородомъ; онъ дышалъ не воздухомъ, а механической смѣсью кислорода и азота, къ которой послѣ вчерашней, на примѣръ, грозы присоединился еще озонъ. Даже люди самые близкіе, къ каковымъ несомнѣнно слѣдуетъ отнести жену и дѣтей, представлялись ему не людьми, а весьма сложными органическими соединеніями.

Въ практическомъ отношеніи, онъ былъ совершенно негодный челоуѣкъ и постоянно попадалъ въ просакъ. Равнодушный ко всему, что не химія, онъ впутывался однако въ университетскія интриги, и то держалъ сторону нѣмецко-консервативной партіи, то приставалъ къ русско-либеральной. Онъ не понималъ потому, за что на него сердятся и считаютъ двуличнымъ челоуѣкомъ. Для враговъ, которыхъ онъ не старался себѣ создавать, для друзей, которыхъ у него не было,—хотя онъ и заблуждался на этотъ счетъ,—для всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться, для педеля и для ректора, для молодой красавицы и для безобразной старухи, для своихъ и для постороннихъ—у него была одна и та же любезная стереотипная улыбка, и всѣмъ съ одинаково-холоднымъ, чисто химическимъ чувствомъ

жалъ онъ руку. Его разсѣянность вошла въ поговорку, и увѣряли, что онъ, имѣя надобность въ носовомъ платкѣ, обыкновенно отправлялъ руку въ карманъ сосѣда, чистилъ носъ и возвращалъ платокъ, стереотипно улыбаясь, точно такое поведеніе въ порядкѣ вещей. Потребности его были самыя ограниченныя. Онъ не ходилъ въ театръ, потому что тамъ не было ничего химическаго, не бывалъ въ клубѣ по той же причинѣ, не имѣлъ никакихъ страстей, кромѣ жажды открыть что нибудь великое въ области химіи, не читалъ стиховъ и романовъ, со снисходительной улыбкой относился къ университетскимъ товарищамъ, которые ухлопываютъ время на такія пустяки, какъ исторія литературы, и въ особенности презиралъ философію. Если двадцать лѣтъ изучаешь всего одну науку и, ознакомившись съ нею во всѣхъ подробностяхъ, приходишь къ убѣжденію, что все таки трудно открыть истину въ предѣлахъ знанія, то какъ можно искать ее за предѣлами его? Искать, не опираясь на точныя данныя, не чувствуя почвы подъ ногами, цѣпляться за гипотезы и удовлетворять пылкость духа художественными образами? Надо быть круглымъ невѣждой, чтобы быть философомъ; и, раздражаясь на этихъ бесполезныхъ людей, претендующихъ на главенство въ сферѣ мысли, онъ смѣло заключалъ, что всѣ отвлеченные мыслители—дураки и, по меньшей мѣрѣ, душевно-больные.

Онъ не зналъ и, повидимому, не хотѣлъ знать, что дѣлается у него дома. Когда-то онъ женился или, вѣрнѣе, его женили. Родители жениха и невѣсты переговорили между собою и завязали въ одинъ узелъ двѣ жизни: химическую жизнь профессора и молодую, страстную жизнь свѣтской барышни. Сначала барышня страдала, потомъ утѣшилась съ молодымъ доцентомъ, преподававшимъ презрѣнную философію. Когда доцентъ женился, она нашла утѣшеніе въ артиллерійскомъ офицерѣ. Офицеръ этотъ держался мнѣній, за которыя онъ поплатился, какъ поплатилось и много другихъ молодыхъ людей, полагавшихъ, что можно ускорить историческій процессъ. Когда не стало артиллерійскаго офицера, профессорша, пришедшая уже въ солидный возрастъ, намѣтила себѣ въ адъютанты юнаго студента. Студентъ, кстати, сдѣлался химикомъ, и Алексѣй Васильевичъ возлагалъ на него нѣкоторыя надежды. Кончивъ курсъ, онъ, благодаря протек-

ці профессора, былъ оставленъ при университетѣ магистрантомъ. У профессора рождались дѣти и умирали; ихъ крестили, праздновали ихъ именины; они росли, поступали въ учебныя заведенія... Домъ все больше и больше наполнялся шумомъ дѣтской жизни. По четвергамъ бывали гости, играли въ карты. Профессорша изъ тоненькой граціозной дѣвушки, какою была до замужства, стала полной пожилой дамой. Всѣ эти явленія и перемѣны мелькали передъ глазами Алексѣя Васильевича, какъ тѣни, какъ сновидѣнія, въ смыслъ которыхъ не стоитъ особенно входить специалисту по химіи. Можно сказать, что онъ былъ счастливымъ человѣкомъ и жена его тоже была счастливою женщиной.

Итакъ, ни одна самая коротенькая мысль не лѣзла въ голову почтеннаго профессора. Видя, что сигарный дымъ пересталъ дѣйствовать на его слабосильнаго генія, онъ досталъ изъ письменнаго стола шагреновую коробочку, въ которой лежалъ крошечный шприцъ съ иглой на концѣ. Онъ развелъ въ водѣ два грана морфина, зажегъ свѣчку и сталъ подогрѣвать на огнѣ пробирный стаканчикъ. Геній съ нѣкоторымъ трепетомъ слѣдилъ за этими приготовленіями, крѣпко прижавшись къ профессору. Онъ предвидѣлъ, что будетъ пущенъ на страшную высоту и заранѣе боялся головокруженія. Поэтому онъ искренно обрадовался, когда въ кабинетъ вбѣжала дочь Алексѣя Васильевича, Катя, молоденькая дѣвушка, лѣтъ шестнадцати, и помѣшала отцу открыть, съ помощью волшебной шприцовки, химическую истину, неизвѣстную Менделѣеву, Бутлерову, Кекулэ, Вюрцу, Дюма, Либиху и никому въ мірѣ. Уржумовъ взглянулъ на дочь тусклымъ взглядомъ, торопливо спряталъ обратно въ письменный столъ шагреновую коробочку и улыбнулся дѣвушкѣ своею стереотипною улыбкою.

IV.

— Добраго утра, папаша! — сказала дѣвушка. — Боже, какъ вы рано встаете! По всему видно, что вы уже давно занимаетесь. Я помѣшала вамъ? Ничего, я сейчасъ уйду. Я только забѣжала поцѣловать васъ! И мнѣ хотѣлось узнать, неужели

я раньше всѣхъ проснулась въ домѣ... Что это вы дѣлаете, папаша?

Она положила руку на плечо отцу и поцѣловала своими розовыми губками его морщинистую выдвѣтшую щеку. Профессоръ долженъ былъ отвѣтить на ласку лаской.

Изъ всѣхъ сложныхъ органическихъ соединеній Катя была, несомнѣнно, наиболѣе привлекательнымъ и прекраснымъ. Алексѣй Васильевичъ не могъ не сознавать этого и иногда ему было пріятно, что у него такая прелестная дочь. Она родилась въ тотъ счастливый періодъ его супружеской жизни, когда въ ихъ домѣ завтракалъ, обѣдалъ и ужиналъ доцентъ философіи. При взглядѣ на черные еврейскіе волосы Кати и пламенные глаза, въ его умѣ невольно возникало воспоминаніе о философѣ, который былъ курчавъ и происходилъ изъ жидовъ. Но профессоръ не обобщалъ фактовъ и не дѣлалъ изъ этихъ двухъ сопоставленій вывода, который могъ бы нанести ударъ его самолюбію. Поменьше гипотезъ — это былъ его девизъ, котораго онъ держался не только въ наукѣ, но и въ жизни. У Кати была бѣлая, нѣжная кожа, гибкая талія, красивый, нѣсколько лѣнивый голосъ, тонкій носикъ съ приподнятыми ноздрями и узкія, еще красноватыя руки. Отдавая должное ея внѣшности, отецъ огорчался только тѣмъ, что умъ у нея былъ не серьезный: она предпочитала такъ называемыя гуманныя науки — точнымъ, могла по цѣлымъ часамъ зачитываться Тургеневымъ и Гончаровымъ, и даже сама пописывала стишки. Она была легкомысленна и, конечно, тутъ много значилъ возрастъ. Но точно также не обошлось и безъ губительнаго вліянія доцента философіи, который долгое время былъ ея наставникомъ. Много разъ хотѣлъ профессоръ привить ей вкусъ къ химіи. Но, помимо оппозиціи, которую онъ встрѣчалъ со стороны своей жены, Ольги Федоровны, онъ въ самой Катѣ не могъ отыскать ни малѣйшей любви къ химическимъ тѣламъ и ихъ свойствамъ, и ее тошнило отъ воздуха лабораторіи, а отъ паровъ брома она упала однажды въ обморокъ. Философское направленіе ея ума было очевидно. Она часто дѣлала глупости и предлагала пустые вопросы. Къ такимъ вопросамъ относится и тотъ, который она предложила теперь.

— Какъ, что я дѣлаю?—сказалъ Алексѣй Васильевичъ съ оттънкомъ неудовольствія и продолжалъ грѣть стаканчикъ съ морфиномъ.—Ты видишь, мой другъ, я работаю.

Никогда не проявляя интереса къ химическимъ явленіямъ, молоденькая дѣвушка захотѣла сдѣлать угодное отцу сегодня утромъ. Еще разъ поцѣловавъ его, она съ необыкновенной любознательностью спросила:

— Папаша, скажите мнѣ, что это такое?

Папаша смутился, ибо тщательно скрывалъ, что употребляетъ морфій и прибѣгаетъ къ его сотрудничеству въ критическія минуты, когда отказывается дѣйствовать его научная фантазія. Онъ отвѣчалъ:

— Это, мой другъ, одинъ изъ важнѣйшихъ алколюидовъ опіума или, вѣрнѣе, это хлористо-водородная соль морфина. Вотъ смотри: если мы прибавимъ сюда азотно-серебряной соли, то получится псевдо-морфинъ...

— Папаша, какая я дура!—перебила профессоръ дѣвушка, садясь на ручку кресла.—Какъ это все интересно, а я, хоть убейте меня, ничего не поняла.

Она смотрѣла на пробирный стаканчикъ, дрожавшій въ плоскихъ пальцахъ ученаго, и во всей ея позѣ, въ томъ, что она сказала, и въ выраженіи ея глазъ чувствовалось вліяніе доцента философіи.

— Необходимо предварительное знаніе основныхъ началъ нашей науки,—отвѣчалъ Алексѣй Васильевичъ.—Въ противномъ случаѣ, дѣйствительно, химія для философскаго ума можетъ не представить особеннаго интереса.

— Ахъ, папаша! Откуда вы взяли, что у меня философскій умъ?

Профессоръ глянулъ въ пространство и произнесъ:

— У тебя умъ въ высшей степени философскій.

— Папаша, мнѣ кажется, что для того, чтобы хорошенько понять ваши химическія слова, необходимо познакомиться скорѣе съ древнимъ мексиканскимъ языкомъ, чѣмъ съ началами химіи!

Ученый внимательно посмотрѣлъ на дочь, на ея хорошенькое радостно-глупое личико, на ея свѣжія губки, въ которыхъ затаился и трепещетъ худо-сдерживаемый философскій смѣхъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать ей, но геній его до того обе зси-

дѣлъ, что совсѣмъ отказался отвѣчать. Онъ крѣпко сдавилъ его за шею. Холодный липкій потъ выступилъ на лицѣ профессора, и ему показалось, что онъ сію минуту простудился, потому что у него появились внезапные симптомы злѣйшаго насморка. Онъ съ тоской перевелъ взглядъ на ящикъ письменнаго стола, хранившій въ себѣ волшебную шприцовку.

— Скажите же, папаша?—продолжала дѣвушка.—Клянусь вамъ, что мнѣ гораздо легче произнести Попокатепетль, чѣмъ вотъ это миленькое химическое словечко...

Она схватила развернутую книгу и прочитала, ломая языкъ:

— Этилендитиогликоклъ...

— Гликоль, а не гликоклъ!—поправилъ Алексѣй Васильевичъ, въ изнеможеніи роняя голову на грудь.

— Папаша?—вскричала Катя съ тревогой.—Ахъ, я теперь понимаю! Это все ваша противная, мерзкая химія! Что вамъ говорилъ докторъ? Вамъ приказано три мѣсяца ничего не дѣлать. Вамъ надобно отдыхать, а не заниматься мексиканскими нарѣчіями...

— Другъ мой...

— Ничего, папаша! Я вижу, я вамъ надоѣла... Разумѣется, я уйду!

— Да, пожалуйста.

— Но все равно, придетъ мамаша и не позволитъ вамъ... Бѣдный папа!

Она соскочила съ ручки кресла, схватила отца за голову и поцѣловала его въ плѣшь. Профессоръ стереотипно улыбнулся ей и, какъ только она ушла, досталъ коробочку, съ особеннымъ удовольствіемъ всадилъ себѣ въ грудь вершковую иглу и впрыснулъ морфинъ.

Этотъ ничтожный бѣлый порошокъ — изумительный чудодѣй! Насморкъ моментально исчезъ, и профессоръ почувствовалъ, что онъ способенъ опять пуститься въ поиски за неизвѣстной химической истиной. Его безцвѣтныя щоки покрылись какимъ-то подобіемъ румянца. Въ тусклыхъ глазахъ вспыхнуло по искоркѣ жизни. Чувство оцѣпенѣлости и мучительнаго безсилія уступило мѣсто возбужденію. Тоскливое состояніе духа смѣнилось веселымъ. Онъ потерялъ руки и по-

грузился въ химическія формулы, между тѣмъ какъ гений его, получивъ уколъ иглою, взмылъ подъ самыя небеса.

V.

Профессоръ долго былъ убѣжденъ, что еслибы не вошла въ кабинетъ Ольга Федоровна въ скоромъ времени послѣ дочери и не помѣшала ему, то ему удалось бы, наконецъ, осуществить цѣль всей своей жизни,—поймать искомую истину, обрѣзать ей крылья, засушить ее между листьями бумаги и сдать въ университетскую бібліотеку. Но, къ сожалѣнію, вошла Ольга Федоровна. И мало того, что вошла: она, съ несвойственнымъ ея лѣтамъ жаромъ и стремительностью, идущею въ разрѣзъ съ ея полнотою, оттащила профессора отъ стола, скомкала бумаги, разбросала по полу выписки изъ авторовъ и замѣтки самого Алексѣя Васильевича, и все это единственно въ видахъ его здоровья, которое ей и всѣмъ близкимъ давно внушаетъ серьезныя опасенія.

— Ты это что себѣ думаешь?—строго спросила она.

— Я ничего не думаю, — отвѣчалъ профессоръ, уныло глядя на разрушеніе, произведенное его подругой жизни.

— Безстыдный человѣкъ! Посмотри, на кого ты похожъ. Скелеть! Изъ тебя капли крови нельзя выжать. Мумія!

Профессоръ молчалъ. Онъ замѣтилъ, что лицо Ольги Федоровны не предвѣщаетъ ничего добраго и своимъ вишневымъ цвѣтомъ свидѣтельствуетъ о томъ, что изъ нея можно было бы выжать, по крайней мѣрѣ, пять ведеръ крови—въ данную минуту чрезвычайно горячей.

— Пойми, Алексѣй Васильевичъ,—понизивъ голосъ, сказала Ольга Федоровна:—ты грабишь своихъ дѣтей!

Алексѣй Васильевичъ пожалъ плечами.

— Да, своихъ собственныхъ дѣтей!—подтвердила Ольга Федоровна съ убѣжденіемъ.

— Не понимаю, Оленька. Объясни...

— Глупецъ! Развѣ можно глупымъ людямъ что нибудь объяснить? Да ты не видишь, что у тебя подъ носомъ дѣлается! Ты себя не видишь. Ты пощупай себя. Гдѣ ты? Тебѣ нѣтъ!

Послѣднюю фразу она произнесла тономъ, устраняющимъ всякую возможность спора. Это глубокое сомнѣніе въ его существованіи обезпокоило профессора, и онъ опять невольно вспомнилъ курчаваго доцента, который проповѣдовалъ пессимистическій скептицизмъ.

— Можетъ быть, меня нѣтъ въ домѣ, но въ кабинетѣ у себя я есмь. Зачѣмъ ты мѣшаешь мнѣ открыть... великій законъ?

— Для такихъ, какъ ты, законъ не писанъ!—вскричала Ольга Федоровна.—Если ты до сихъ поръ ничего не открылъ, то и не откроешь. А семью, между тѣмъ, обираешь, обворываешь на каждомъ шагу; ты — преступникъ! У тебя преступное лицо, преступное сердце, преступная душа. Ты холоденъ, ты никогда не зналъ и не знаешь, что такое любовь! Тебѣ мало казенныхъ суммъ на опыты, ты не щадишь жалованья. Вбей себѣ въ голову, если ты способенъ на это, несчастный, что ты не имѣешь права тратить на твои затѣи ни гроша. Не имѣешь права болѣть, потому что это слишкомъ дорого для тебя. Чего тебѣ хочется? Ты — ординарный профессоръ, докторъ химіи; ты все сдѣлалъ, что могъ. Хочется славы? Ну, развѣ съ такою наружностью бывають знаменитые люди?..

Она поднесла руку къ лицу профессора; онъ слегка отстранился.

— Ты чего испугался?— снова напустилась она на него.— Какъ ты смѣлъ испугаться? Что жъ, ты думалъ, что я тебя ударю? Какъ! по твоему, я въ состояніи унизиться до этого? Великій Боже, за что Ты наказалъ меня?!

Она возвела глаза къ потолку.

— Оленька, успокойся, пожалуйста.

— Я не успокоюсь! Я не могу успокоиться, не въ состояніи успокоиться. Ты убиваешь себя и вдругъ тебѣ приходитъ въ голову, что я поднимаю на тебя руку. Жалкій! Я не покушаюсь на твою жизнь; напротивъ, я хочу сохранить ее!

— Я не зналъ, Оленька, что ты меня такъ любишь, — проговорилъ профессоръ.

— Что? Я тебя люблю? Слѣпецъ! Преступниковъ не любить. Повторяю, ты преступникъ! Пока ты будешь нашимъ

домашнимъ воромъ, я тебя буду ненавидѣть. Ты слышишь это?

— Что же мнѣ дѣлать, Оленька?

— Ничего,

— Я умру безъ дѣла.

— Умру безъ дѣла!—вскричала Ольга Ѳедоровна, наливаясь кровью и дѣлая угрожающій жестъ пальцемъ подъ самымъ носомъ своего ученаго супруга. — Если ты не имѣешь права болѣть, то тѣмъ болѣе ты обязанъ жить. Ты выслужилъ пенсію? Скопилъ ты, какъ порядочный человѣкъ, что нибудь на черный день? Ничтожный эгоистъ! Не надо было жениться и заводить семью, если ты думалъ этимъ кончить, или надо было умереть раньше... А теперъ живи! Ты долженъ жить и будешь жить, клянусь тебѣ! За каждымъ шагомъ твоимъ я буду слѣдить. А въ доказательство, что это не мой капризъ, прочти письмо доктора, которое я только что получила. Онъ пишетъ: „главное, не давайте мужу работать“... Ну, маршъ, пошелъ въ садъ! Пойдемъ, пройдемся вмѣстѣ!

Она взяла его подъ руку, и профессоръ долженъ былъ ступать по листкамъ своихъ химическихъ замѣтокъ, направляясь къ дверямъ. Онъ оглядывался и покушался поднять замѣтки. Но Ольга Ѳедоровна была неумолима.

VI.

Садъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ двухъ аллей. Обѣ онѣ были расчищены, но ихъ не успѣли посыпать пескомъ, который былъ уже привезенъ и, двумя свѣтлыми холмами, выдѣлялся вдали на фонѣ зелени. Вѣдя профессора подъ руку, Ольга Ѳедоровна стала говорить:

— Тебѣ слѣдуетъ какъ можно больше быть на свѣжемъ воздухѣ. Брось ты химію и возмись за физическій трудъ. Вотъ тебѣ тачка, вотъ тебѣ лопата и, если ты не можешь жить безъ дѣла, посыпай дорожки пескомъ. Маслюкъ не тебѣ чета, онъ имѣетъ двѣ звѣзды. Вотъ примѣръ! Ему шестьдесятъ лѣтъ, а онъ каждый день беретъ ножницы и самъ подчищаетъ деревья. Повѣрь, онъ благоразумнѣе тебя. Онъ въ глубинѣ души давно уже пересталъ думать о наукѣ. Онъ—

директоръ банка, онъ—заступающій мѣсто городского головы. Его семья благоденствуетъ. У него тысячъ сто капитала. Когда же ему нужно показать, что онъ продолжаетъ стоять на уровнѣ знанія, то читаетъ публичную лекцію и всегда въ современномъ вкусѣ. Никто не смѣется надъ нимъ, всѣ его уважаютъ и, посмотри, какой онъ здоровый и румяный старикъ!

Алексѣй Васильевичъ слушалъ жену въ полъ-уха. Мысли его были далеки. Въ эту самую минуту, надъ тѣмъ же химическимъ вопросомъ работаетъ, можетъ быть, на какомъ нибудь пунктѣ земнаго шара другой химикъ, жена котораго не боится за его здоровье и не заставляетъ возить въ тачкѣ песокъ. Ему уже не разъ случалось испытывать мучительное чувство ревности при видѣ того, съ какою быстротою его товарищи по наукѣ разрѣшали вопросы, надъ которыми онъ трудился годы. Онъ сказалъ:

— Послушай, Оленька, я ужь... Право, я уже совершенно здоровъ. Я вернусь, другъ мой.

— Нѣтъ, ты не вернешься. Ты будешь гулять еще цѣлый часъ.

— Цѣлый часъ?—переспросилъ Алексѣй Васильевичъ.

Онъ погрузился въ унылое молчаніе. Между тѣмъ Ольга Федоровна продолжала говорить. У нея была потребность произносить длинныя укоризненные рѣчи. Можетъ быть, это было въ зависимости отъ ея полнокрвія, потому что приливы къ головѣ могли обусловливать дурное расположеніе духа. Жизнь съ Алексѣемъ Васильевичемъ въ сильной степени способствовала выработкѣ въ ней самоувѣренности. Въ молодости она была довольно красивая женщина, и мужчины льстили ей съ тою безсовѣстностью, которая имъ свойственна, разъ они замѣчаютъ, что женщина, недурная собою, стремится къ свободѣ чувства. Лесть эта оставила, разумѣется, глубокой слѣдъ въ душѣ профессорши; воспоминанія о томъ, чѣмъ она была когда-то, окрыляли ее на старости лѣтъ, и она мужественно и смѣло готова была отстаивать свои права, въ случаѣ; еслибы они оказались попранными. Для сорока лѣтъ она была молодожава. Поздняя старость—привилегія дамъ, страдающихъ нѣкоторою полнотою. У нея былъ небольшой красивый носъ, маленькія уши и черезчуръ жирная шея.

Въ улыбкѣ ея было много чувственнаго и повелительнаго, почти тираническаго, и странный контрастъ съ этой улыбкой представляли добродушныя ямочки прекраснаго двойнаго подбородка. Она говорила все время съ авторитетомъ.

Супруги нѣсколько разъ обошли садъ. Ольга Ѳедоровна дѣлала по временамъ разныя хозяйственныя замѣчанія, но неизмѣнно въ томъ же тонѣ. Она устала, наконецъ, и они сѣли на скамейку. Отсюда былъ чудный видъ. Профессорша, душѣ которой были доступны эстетическіе восторги, указала рукой на пеструю сверкающую даль. Алексѣй Васильевичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе. Тогда она еще разъ напустилась на него:

— Но ты—какой-то чурбанъ! Скажи, пожалуйста, отчего ты сидишь, какъ деревянный? Ты на меня дуешься? Этого еще недоставало! Я люблю поспать, а между тѣмъ нарочно встала рано, чтобы помѣшать тебѣ заниматься; я цѣлый часъ вожу тебя, какъ маленькаго! Я трачу на тебя время, здоровье, и хоть бы тѣнь благодарности... Ну, нечего сказать, счастливая я жена!

— Оленька, — съ раздраженіемъ сказалъ профессоръ, — чего ты хочешь отъ меня? Я здоровъ, а меня считаютъ больнымъ. Мнѣ это надоѣло. Я уѣду въ городъ въ лабораторію; сегодня же уѣду.

— Алексѣй Васильевичъ, не забывайся! — сурово произнесла Ольга Ѳедоровна. — Существуютъ обязанности, которыя выше всего на свѣтѣ. Это — обязанности отца семейства. Никогда я не позволю тебѣ манкировать ими. Ты можешь успокоиться, — ты не уѣдешь!

Она произнесла это съ удареніемъ и слегка ежала руку профессора.

— Алеша! Поди сюда! — крикнулъ профессоръ, увидѣвъ вдали своего двѣнадцатилѣтняго сына.

Алеша подбѣжалъ. Это былъ длинноносый бѣлокурый мальчикъ въ гимназической блузѣ. Онъ держалъ въ рукѣ игрушечный пистолеть.

— Что вамъ, папаша?

— Пожалуйста, дружокъ, сходи ко мнѣ въ кабинетъ, запри и принеси сюда ключъ.

Алеша вопросительно посмотрѣлъ на мать.

— Ты слышишь, что отецъ сказалъ? Запри кабинетъ и принеси ключъ, — подтвердила Ольга Федоровна.

Мальчикъ побѣждалъ исполнять приказаніе. Онъ подпрыгивалъ на бѣгу, прицѣливался въ птичекъ и съ трескомъ разбивалъ пистоны. Несомнѣнно, въ немъ было что-то артиллерійское. Профессорша вздохнула, глядя ему вслѣдъ; профессоръ барабанилъ пальцами по скамейкѣ. Когда мальчикъ вернулся съ ключемъ, Ольга Федоровна спокойно взяла его и спрятала въ карманъ. Алексѣй Васильевичъ спросилъ:

— Что это значитъ?

Она отвѣчала:

— Помни о своихъ обязанностяхъ. Еще разъ говорю тебѣ: не забывай, что ты отецъ. Пойдемъ пить чай. Послѣ чая, я возвращу ключъ на два часа. Но я сама буду сидѣть въ кабинетѣ. Передъ обѣдомъ ты станешь посыпать дорожки пескомъ. Каждый день я буду назначать тебѣ урокъ. Безъ возраженій! Я дала себѣ слово сдѣлать изъ тебя нормальнаго человѣка.

Она встала и отправилась съ мужемъ въ домъ.

VI.

Иванъ Никифоровичъ Столбухинъ пріѣхалъ въ Борщовку. Онъ соскочилъ съ извозчика, вошелъ въ калитку и очутился въ саду, гдѣ засталъ своего патрона, профессора Уржумова, за тачкой и съ лопатой въ рукѣ.

— Здравствуйте, Алексѣй Васильевичъ! что это вы? — спросилъ онъ. Алексѣй Васильевичъ уронилъ лопату и, улыбаясь, произнесъ:

— По предписанію врача. Ольга Федоровна находитъ, что это полезно для моего здоровья. Я ужъ, право, не знаю, можетъ быть, это и такъ. Какъ вы поживаете, Иванъ Никифориичъ? что ваше воспаленіе? Мы всѣ обрадовались, когда узнали, что вы поправились. Будьте добры сказать мнѣ — заходили вы сегодня въ лабораторію и что тамъ дѣлается?

— А что же тамъ можетъ дѣлаться, Алексѣй Васильевичъ? Все въ порядкѣ и все на мѣстѣ, — отвѣчалъ Столбухинъ, пожимая руку ученому мужу. — Но въ университетѣ не совсѣмъ ладно.

— Что вы говорите? Какъ несовсѣмъ ладно? Что же случилось?

— То есть, не въ самомъ университетѣ, а въ ботаническомъ саду, — пояснилъ Столбухинъ. — Да, Алексѣй Васильевичъ, безпримѣрное событіе!

— Да ну-те же, что такое?

— Тайнственное преступленіе! Ничего не поймешь, какимъ образомъ — неизвѣстно! Садъ запертъ по случаю дождя. Откуда эта дѣвочка, какимъ образомъ она туда попала?..

— Какая дѣвочка?

— Такъ, лѣтъ пятнадцати, шестнадцати. Повидимому, изъ порядочнаго круга. Преступникъ тоже не отысканъ... Да, да, Алексѣй Васильевичъ, задушили платкомъ! Я узналъ, когда уже совсѣмъ собирался къ вамъ. Нѣтъ, вообще, Алексѣй Васильевичъ, страшные беспорядки! А все оттого, что нѣмцы... Повѣрьте, что когда мы, русскіе, возьмемъ университетъ въ свои руки и вытѣсимъ колбасниковъ, — такихъ ужасовъ больше не будетъ. Прямая обязанность ректора... Но ректоръ кто? — нѣмецъ. Проректоръ? — нѣмецъ. Деканъ — возьмите любой факультетъ? — нѣмецъ. Нѣмецъ на нѣмцѣ сидитъ, нѣмцемъ погоняетъ! Я, нѣкоторымъ образомъ, членъ университета, не могу попасть въ ботаническій садъ, когда мнѣ хочется погулять. А убійства совершаются свободно!

— Гм! Но послѣ этого страшно ходить въ ботаническій садъ, — задумчиво сказалъ Алексѣй Васильевичъ. — Что же тамъ, переполохъ?.. Скажите, къ лабораторіи это не имѣетъ никакого отношенія? — съ тревогой спросилъ профессоръ.

— Нѣтъ, ни малѣйшаго! Хотя (Столбухинъ сдѣлалъ круглые глаза и поднялъ плечи) ни за что нельзя ручаться. Конечно, надо думать, что дѣвочка была проведена черезъ университетъ... Вотъ въ чемъ главная загвоздка, Алексѣй Васильевичъ! — со злораднымъ торжествомъ воскликнулъ молодой человѣкъ и, увидѣвъ, что съ крыльца сходитъ Ольга Ѳедоровна, торопливо повернулся въ ея сторону и, снявъ шляпу, направился къ ней. Онъ поцѣловалъ ея руку и повторилъ ей все то, что уже рассказалъ Алексѣю Васильевичу о ботаническомъ садѣ.

— Неужели вы думаете, что это ктонибудь изъ университетскихъ! — спросила Ольга Ѳедоровна, всплеснувъ ру-

ками.—Но кто же? Какойнибудь сторожъ? Ну, конечно, сторожъ!—рѣшила она, такъ какъ всякія проступленія, не смотря на ея увлеченіе радикальнымъ артиллерійскимъ офицеромъ, представлялись ей плодомъ дурныхъ страстей, которыми проникнуты низшіе классы. Что же касается Столбухина, то, хотя онъ не принадлежалъ, по своимъ воззрѣніямъ, къ социалистамъ, однако же питалъ инстинктивное отвращеніе къ аристократамъ, вслѣдствіе чего сказалъ:

— Ольга Ѳедоровна, тутъ, можетъ быть, ктонибудь по-выше. Согласитесь сами, зачѣмъ какомунибудь сторожу убивать молодую барышню. Нѣтъ, все это не такъ просто, какъ кажется!

— Кто же, Иванъ Никифоричъ, по вашему, могъ убить?

— Мало ли кто...

— Напримѣръ?—спросила Ольга Ѳедоровна и съ минутной безсчетной тоской бросила взглядъ вокругъ себя.

— Указать на опредѣленную личность было бы неосторожностью и рискомъ,—съ загадочной улыбкой отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Но въ городѣ уже говорятъ. И, знаете, какъ это ни глупо, но вѣрно, что гласъ народа—гласъ божій.

— Скажите, удивительно! — произнесла Ольга Ѳедоровна.—Мы уѣхали изъ города и случилось такое происшествіе. Какъ нарочно, безъ насъ! Что же говорятъ? На кого?

— На...

Столбухинъ наклонился и прошепталъ на ухо Ольги Ѳедоровны фамилію лица, обвиняемаго общественнымъ мнѣніемъ въ убійствѣ въ ботаническомъ саду неизвѣстной молоденькой дѣвушки. Ольга Ѳедоровна опять всплеснула руками.

— Можетъ ли быть? Ужасно! Алексѣй Васильевичъ, ты слышалъ? Ты ничего не слышалъ... О чемъ ты думаешь!—закричала Ольга Ѳедоровна на мужа, который стоялъ поодаль.—Проснись! Козенсъ убилъ дѣвочку!

— Козенсъ? Что жъ, его арестовали?

— Гласъ народа...

— Позвольте, Иванъ Никифоричъ,—началъ профессоръ, оживляясь.—„Гласъ народа“—значитъ ли это, что народъ ходитъ и кричитъ: „Козенсъ убилъ“. То есть, это фактичскій крикъ или, такъ сказать, гипотеза изъ разряда сенсационныхъ?

— Пока трудно, Алексѣй Васильевичъ...

— Нѣтъ, позвольте, Иванъ Никифоровъ. Отчего трудно, когда легко. Я, напримѣръ, не вѣрю, что Козенсъ убилъ...

— Замолчи! обрадовался, присталь! — накинулась на мужа Ольга Федоровна.

Алексѣй Васильевичъ замолчалъ, внимательно посмотрѣлъ на Столбухина и, замѣтивъ у него на пиджакѣ нѣсколько красненькихъ пятнышекъ отъ азотной кислоты, взялъ заступъ и машинально начерталъ на дорожкѣ формулу этой кислоты... Брезгливо взглянувъ на мужа, Ольга Федоровна повела Столбухина на крыльцо.

— Катя, что же ты, мать моя, сидишь, какъ принцесса! Кажется, могла бы снизойти къ намъ. Важничать пока нечего. Вы, пожалуйста, не говорите ей, — вполголоса сказала Уржумова.

— Нѣтъ, отчего же, зачѣмъ скрывать? — возразилъ Столбухинъ. — Я ничего не вижу дурнаго!

И онъ въ третій разъ разсказалъ о томъ, что случилось сегодня въ ботаническомъ саду. Полюбовавшись испугомъ молодой дѣвушки, онъ постыдился ее успокоить.

— Но вы не бойтесь, Екатерина Алексѣевна, преступника отыщутъ и накажутъ. За это его въ Сибирь, кто бы онъ ни былъ! Есть законы, Екатерина Алексѣевна!

VIII.

Козенсъ былъ молодой человѣкъ, оставленный при университетѣ. Онъ хорошо зналъ минералогію и его прочили въ консерваторы минералогическаго кабинета. Квартира, отведенная ему, помѣщалась въ четвертомъ этажѣ университетскаго зданія, рядомъ съ гербаріемъ, и состояла изъ огромной, низкой четырехъугольной комнаты казарменнаго типа. Мебель въ этой комнатѣ была казенная, старинная и скудная. Одно время Козенсъ, по своей болѣзненной скупости, странной въ человѣкѣ его возраста, пускалъ къ себѣ за небольшую плату товарищей, отдавая имъ углы въ своей громадной комнатѣ. Но начальство провѣдало объ этомъ и дало понять Козенсу, что это неблаговидно.

Онъ долженъ былъ отказать квартирантамъ и остался одинъ; всю весну онъ велъ себя угрюмо. Сторожъ Вавила, который ему прислуживалъ, говорилъ, что Козенсъ по цѣлымъ часамъ сидитъ на одномъ мѣстѣ и точитъ камушекъ о камушекъ съ непонятнымъ терпѣніемъ. Чаю Козенсъ не пилъ — все по своей скуности; обѣдать ходилъ въ кухмистерскую и сѣдалъ тамъ только половину обѣда, потому что содержательница кухмистерской, Кономская, въ виду замѣчнаго ея несоотвѣтствія между апетитомъ студентовъ и ихъ кошельками, избрѣла полупорціонные обѣды.

Козенсъ по утрамъ попадался въ коридорѣ университетскимъ дамамъ — женамъ канцелярскихъ чиновниковъ и даже супругѣ субъ-инспектора — въ такомъ видѣ, который наводилъ на нихъ страхъ и оскорблялъ ихъ стыдливость: онъ прогуливался въ халатѣ. Этотъ отрепанный халатъ, доставшійся Козенсу еще отъ отца, былъ предметомъ шутокъ со стороны студентовъ во все время пребыванія Козенса въ университетѣ. Какая-то необыкновенно прочная, не то суконная, не то бумажная матерія, называемая портными „чортовой кожей“, покрывала халатъ; но время повдѣло на чортову кожу: плечи халата были масти свѣтлой; что же касается поля, то онѣ съ каждымъ годомъ становились все темнѣе и, такъ сказать, загадочнѣе. Число дыръ въ халатѣ было такъ велико, что сосчитать ихъ никто изъ товарищей Козенса не могъ, и это признавалось математической задачей, столь же трудной, какъ квадратура круга. Воротникъ и лацкана халата были мерлушечьи. Но мѣхъ давно вылѣзъ и представлялъ собою рядъ плѣшей. Когда Козенсъ надѣвалъ свой халатъ, и его бѣлокурая голова торчала изъ-подъ хомутообразнаго мерлушечьяго воротника, — казалось, что обладатель халата совершенно лысъ. Этотъ странный эффектъ въ особенности былъ удаченъ на нѣкоторомъ разстояніи. Такъ въ панорамахъ предметы, поставленные на первомъ планѣ, заставляють зрителей считать такими же точно дѣйствительными предметами и ихъ изображенія на второмъ и третьемъ планѣ.

Всѣмъ была извѣстна также, не менѣе его халата, склонность его къ толстой сорокалѣтней бабѣ, стиравшей на университетскихъ сторожей и мывшей по вторникамъ и суббо-

тамъ полы въ четвертомъ этажѣ. Бабу звали Акулиной; она была вдова, имѣла взрослую дочь, и правый глазъ ея былъ пораженъ бѣльмомъ. Являясь къ Козенсу, она приносила ему въ горшочкѣ творогу или сметаны, и это приношеніе приводило молодаго человѣка въ умиленное состояніе духа. Самъ же онъ не тратилъ на Акулину ни копѣйки и только по временамъ, особенно расчувствовавшись, обѣщаль ей подарить серыги. Но хотя, въ проэктѣ, цѣна серегъ не должна была превышать двадцати копѣекъ, Козенсъ все таки не рѣшался на покупку подарка и откладывалъ это дѣло подъ разными предлогами на неопредѣленное время.

Козенсъ славился, наконецъ, своимъ аристократизмомъ. Онъ увѣрялъ, что предокъ его служилъ при дворѣ Людовика XIV и носилъ титулъ „виконта“. Въ Подольской или Волынской губерніи Козенсамъ принадлежали огромныя имѣнія. При Павлѣ I-омъ, Козенсы получили графскій титулъ, но почему-то вскорѣ утратили это высокое отличіе. Съ тѣхъ поръ Козенсы впали въ бѣдность, но и въ бѣдности держали себя гордо, такъ что, будучи только кандидатомъ въ консерваторы минералогическаго кабинета, Козенсъ свысока смотрѣлъ уже на ректора. А на разную мелкую шуштуру, въ родѣ профессоровъ, доцентовъ и привать-доцентовъ, онъ даже не хотѣлъ смотрѣть. Столбухина, съ которымъ одно время занимался въ лабораторіи за общимъ столикомъ, онъ полужитительно презиралъ. Столбухинъ недаромъ питалъ къ Козенсу непримиримую вражду.

IX.

Въ то самое время, когда Столбухинъ, прочитавъ на ка-литкѣ сада о закрытіи его для публики, шелъ по бульвару, ругая нѣмцевъ,—въ сторонѣ отъ каштановой аллеи, подъ группой пихтъ и итальянскихъ сосенъ, маленькій Пуль, прогуливаясь со своей женой, увидѣлъ пару хорошенькихъ ботинокъ, торчавшихъ изъ травы. Такъ какъ ботинки были надѣты на ножки, открытыя почти до колѣнъ, и на нихъ бѣлѣлись чулки, то Пуль почувствовалъ себя сконфуженнымъ и сказалъ своей Анхень:

— Милая, я прошу тебя не взирать направо. Это слишком суровое зрѣлище для твоихъ юныхъ лѣтъ.

Онъ говорилъ съ Анхенъ по русски, потому что ему было совѣстно насмѣшекъ, которымъ подвергали каждый разъ его лекціи безцеремонные студенты. Анхенъ отвѣчала:

— Яковъ Яковлевичъ, я ничего не вижу!—и покраснѣла, а у Якова Яковлевича крѣпко забилося сердце.

Пройдя нѣсколько шаговъ и очутившись въ полномъ одиночествѣ и затишьѣ, молодые супруги поцѣловались. Пуль вынулъ большой носовой платокъ изъ задняго кармана своей жакетки, поднесъ къ носу, надулся, какъ индѣйскій пѣтухъ, и, приведя себя въ порядокъ, сказалъ:

— Анхенъ, сегодня очень хорошая погода, но это немѣшаетъ мнѣ позвать садовника и сказать ему, что онъ есть очень большой дуракъ. Ифанъ, Ифанъ!—закричалъ онъ, гнѣвно тараща глаза на садовника, который поливалъ клумбы изъ лейки въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ молодой четы.

— Анхенъ, ты можешь уходить въ оранжерею къ твоему отцу и тамъ подождать моего возврата! — сдерживая себя, какъ бы въ скобкахъ, сказалъ Яковъ Яковлевичъ, поворачивая къ женѣ трясущееся лицо.

Оставшись одинъ, онъ ужъ не могъ преодолѣть охватившаго его порыва и подскочилъ къ садовнику.

— Чего изволите?—апатично спросилъ садовникъ, наискосокъ черезъ плечо посмотрѣвъ на ученаго ботаника.

— Это безпорядокъ! это есть вершина безобразій!—сталь кричать Пуль.—Я не могу выносить дольше утреннихъ прогулокъ. Какъ ты смѣешь пускаться въ садъ, между тѣмъ какъ онъ закрытъ по высшему распоряженію власти, отъ которой ты всеестественно зависишь, несчастный? Ты зависишь, ты зависишь!—повторилъ Пуль.

— А что случилось?—сказалъ садовникъ, наклоня лейку изъ которой опять полилась вода многочисленными брызгами, засверкавшими на солнцѣ.

— Какъ, что случилось? И ты еще испрашиваешь! Ты есть безсовѣстный и небрежный слуга. Идемъ сейчасъ, я укажу тебѣ пьяную женщину!—пониживъ голосъ и оглянувшись, пояснилъ Пуль и строго приказалъ:—Оставь чичась лейку и скорѣй ходи за мной!

Садовникъ повиновался и пошелъ вслѣдъ за Пулемъ. Все время Пуль ворчалъ. Когда они пришли къ тому мѣсту, гдѣ торчали ботинки, садовникъ пожалъ плечами и наклонилъ голову, чтобы разсмотрѣть, кому онѣ принадлежатъ:

— Да это не женщина, баринъ, а дѣвочка,—сказалъ садовникъ. И не пьяная она, а скорѣе мертвая. Такъ и есть—это мертвая барышня, сударь!

Маленькій Пуль не вѣрилъ своимъ глазамъ. Стыдливость и чувство оскорбленной нравственности уступили мѣсто недоумѣнію и страху. Онъ увидѣлъ молодую дѣвушку не старѣе пятнадцати лѣтъ, голова которой была поворочена въ профиль и лицо слегка закрыто кудрявыми темными волосами; соломенная шляпка съ бѣлымъ страусовымъ перомъ была судорожно схвачена и смята правой рукой, простертой въ травѣ, а лѣвая, прижатая къ груди, была запачкана черной, уже засыхающей кровью. Синева была разлита на лицѣ, и полуоткрытый глазъ тускло смотрѣлъ—безъ мысли и безъ вѣраженія.

— Вотъ такъ бѣда!—произнесъ Иванъ.—Не трогайте, баринъ—пускай лежитъ такъ, какъ ее смерть застигла, а то будетъ намъ. Надо пойти въ полицію заявить. Подождите здѣсь, баринъ.

Но Яковъ Яковлевичъ возсталъ противъ предложенія, сдѣланнаго Иваномъ.

— Я пойду съ тобой, и объ этомъ ужасномъ преступленіи надо разсказать г. Шмандкухену, потому что онъ есть хозяинъ сада. Нѣтъ, ты стой здѣсь, Ифанъ, а мы сами будемъ увѣдомить полицію!

Съ блѣднымъ лицомъ, искаженнымъ испугомъ, прибѣжалъ Пуль въ оранжерею и поднялъ крикъ, на который сочувственнымъ контральтовымъ звукомъ отвѣчала Анхенъ, не зная хорошенько, въ чемъ дѣло. Выбѣжала старая нѣмка, ея нянька, и тоже стала кричать, но болѣе въ вопросительномъ смыслѣ:

— Was? Was? Was da?

Одинъ Шмандкухенъ остался, по обыкновенію, невозмутимъ и безцвѣтенъ. Выслушавъ Якова Яковлевича, онъ по-

качалъ головой, глубокомысленно понюхалъ табаку и произнесъ:

— Да—а... ја...

Опять понюхалъ табаку и на этотъ разъ ничего не произнесъ. Нарочный былъ посланъ въ полицію, и черезъ нѣсколько минутъ явился частный приставъ. Откуда ни взялся пьяный репортеръ мѣстной газеты и записалъ обстоятельства, при которыхъ найденъ былъ трупъ. Сталъ производить слѣдствие судебный чиновникъ, допрашивая Ивана, Якова Яковлевича Пуля и всѣхъ, и ничего не открылъ.

Х.

Козенсъ изъ аристократизма тщательно скрывалъ, что у него есть сестра.

Трудно представить себѣ женщину болѣе худую. Высокая, безкровная, съ толстыми блѣдными губами, изъ-подъ которыхъ торчали кривые зубы, акушерка Дербягина казалась только что вышедшей изъ больницы. Вся она была какая-то безцвѣтная, начиная съ блѣдныхъ волосъ и блѣдно-пепельныхъ глазъ и кончая ея выпцвѣтшимъ блѣднымъ платьемъ и ватерпруфомъ мышинаго цвѣта. По обѣимъ сторонамъ ея головы некрасиво оттопыривались тонкія, словно перепончатыя, уши. Но не безобразіе вдовы Дербягиной смущало будущаго консерватора минералогическаго кабинета, а ея репутація: Дербягина занималась въ городѣ особой практикой, и въ ея домѣ, — стоявшемъ на выѣздѣ, въ полуверстѣ отъ университета, въ трущобѣ, — помѣщалось убѣжище для дѣвицъ и дамъ, которыя почему либо должны были искать акушерской помощи. Подобно самой Дербягиной, ея убѣжище было некрасиво на видъ. Высокій, двухъэтажный домикъ, — гдѣ было комнатъ меньше, чѣмъ можно было предполагать, — ютился у склона глинистой горы, съ когоровъ частые дожди сгоняли грязь цѣлыми лавами. Въ первомъ этажѣ господствовала сырость, въ которой можно было убѣдиться сразу по противному запаху. Убѣжище не было даже огорожено. У Дербягиной не имѣлось ни коровы, ни птицы, ни своей лошади; а огородъ, который примыкалъ къ ея дому, никогда не

засѣвался. Всѣ предполагали, что Дербягина—женщина богатая, но достовѣрно было одно, что она въ скупости превосходила своего аристократическаго брата: издержать самыя ничтожныя деньги на необходимое было для нея предметомъ долгихъ и мучительныхъ безпокойствъ и осторожныхъ соображеній. Изрѣдка показывалась она на ближайшемъ рынкѣ, торговалась, покупала молоко и овощи, немного мяса самаго дурнаго качества, и уходила со своей прислугой; послѣ чего на рынкѣ не видали ея въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Рѣдко кто могъ знать домашнюю жизнь акушерки Дербягиной: ея пациентки объ этомъ не рассказывали. Служанка ея жила на одномъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ и, хотя пребываніе въ уединенномъ домѣ Дербягиной отражалось несовсѣмъ выгодно на здоровьѣ этой женщины, — потому что изъ краснощекой бабы она постепенно стала безкровной и болѣзненной старухой, — тѣмъ не менѣе, у нея уже образовалась привычка служить въ убѣжищѣ и установилась прочная связь между барыней и служанкой. Единственнымъ гостемъ Дербягиной, да и то за послѣднее время, могъ назваться Борисъ Наумовичъ Розенкранцъ, красивый брюнетъ съ курчавыми волосами, одѣтый всегда безукоризненно и носившій франтовскіе цилиндры. Онъ читалъ въ университетѣ исторію философіи и хотя имѣлъ званіе доцента, но всѣ его называли профессоромъ. Ему ужъ было тридцать восемь лѣтъ.

Профессоръ Розенкранцъ пріѣзжалъ въ Гнилой Ярѣ, гдѣ находилось убѣжище Дербягиной, на извозикѣ, или же приходилъ пѣшкомъ и всегда раннимъ утромъ. Это былъ тотъ самый доцентъ философіи, который, по мнѣнію Алексѣя Васильевича Уржумова, оказалъ дурное вліяніе на образъ мыслей Кати, а по внутреннему сознанію Ольги Ѳедоровны, — на темный цвѣтъ и кудрявость ея волосъ. Философъ скрывалъ свои визиты къ Дербягиной и называлъ ихъ прогулками, которыя были ему необходимы для того, чтобы настроить умъ въ направленіи, наиболѣе удобномъ для безпрепятственнаго чтенія лекцій. И, въ самомъ дѣлѣ, чтобы придать болѣе правдоподобія своему объясненію, профессоръ посѣщалъ убѣжище только въ тѣ дни, когда у него бывали занятія въ университетѣ.

Когда въ ботаническомъ саду Яковъ Яковлевичъ Пуль, вмѣстѣ со своей супругой, нащель въ травѣ пару маленькихъ ботинокъ, Розенкранцъ не читалъ лекцій, за ихъ прекращеніемъ. Съ женой своей Леночкой, онъ долженъ былъ вскорѣ уѣхать за границу; извѣстно, что русскіе профессора изощряютъ свои способности и пополняютъ познанія преимущественно во время лѣтнихъ путешествій: для философской поѣздки Бориса Наумовича университетъ уже ассигновалъ изрядную сумму. Борисъ Наумовичъ объяснилъ женѣ, что ему надо побывать у ректора, но въ десятомъ часу направился въ Гнилой Яръ.

Вчера проливной дождь смылъ съ горы столько глины, что она поднялась на четверть аршина вокругъ убѣжища. Войдя въ то мѣсто, которое слѣдовало бы назвать дворомъ,—еслибы оно было огорожено,—изысканно одѣтый Розенкранцъ сталъ пробираться по мосткамъ, подъ которыми сочилась и чмокала вода, брызжа грязью на его прекрасно вычищенные сапоги и на модныя брюки. Рискаю увязнуть въ глину, Розенкранцъ сдѣлалъ прыжокъ съ одной доски на другую, еще разъ былъ обрызганъ грязью и взобрался, наконецъ, на крыльцо. Оно жалобно заскрипѣло подъ его тяжестью; а когда онъ взялся за дверь, захватанную и черную, она застонала на блокѣ. Дрянная собачонка съ длинной, черной шерстью, старая и беззубая, хрипло залаяла на Розенкранца. Въ темной передней, вмѣстѣ съ лаемъ собаки, послышался изъ угла другой лай: кашлялъ ребенокъ. Въ послѣднее время Розенкранцъ замѣтилъ, что дѣтей въ убѣжищѣ становится все меньше. Сдѣлавъ впередъ нѣсколько шаговъ, Розенкранцъ наступилъ на что-то живое: крикъ далъ ему знать, что это былъ ребенокъ. Розенкранцъ нагнулся, и рука его встрѣтила голое тѣлце, состоявшее изъ кожи и костей. „Упалъ, бѣдняжка, и—безпризорный—ползаетъ по полу. Куда его положить?“—подумалъ Розенкранцъ. Онъ глянулъ вокругъ себя—темнота, которая сразу показалась ему непроглядной послѣ солнечнаго дня, разсѣялась, и въ сумеркахъ онъ увидѣлъ на полу бѣльевою корзину, полуразвалившуюся и наполненную тряпками. Изъ корзины торчало еще нѣсколько дѣтскихъ головокъ. Рядомъ съ корзиной стояло корыто, налитое водой. Собачонка, оставъ соперничать съ кашляющимъ ребенкомъ,

подбѣжала къ водѣ и начала лакать. Розенкранцъ не зналъ, куда дѣтъ поднятое имъ худенькое созданье, уже плакавшее не такъ громко, можетъ быть, вслѣдствіе неспособности къ продолжительному, напряженному крику; головка и ручки его повисли. Розенкранцъ положилъ малютку въ общую корзину. Изъ передней Розенкранцъ, которому были знакомы всѣ ходы и выходы въ убѣжищѣ, повернулъ направо и вошелъ въ узкую комнату, заставленную пустыми кроватями. Рядомъ съ этой комнатой, производившей впечатлѣніе мертвецкой въ анатомическомъ театрѣ, своимъ унылымъ и непривѣтнымъ характеромъ, — была другая, поменьше, на окнахъ которой зеленѣли цвѣты, придавая ей, въ сравненіи съ предъидущей комнатой, отпечатокъ поэзіи. Поэтическое существо, обитавшее въ ней, была сама акушерка Дербягина.

— Макрина Павловна! — позвалъ ее Розенкранцъ.

Но отвѣта не послѣдовало. Розенкранцъ повторилъ призывъ; и опять никто не отвѣтилъ. Заглянувъ въ комнату, Розенкранцъ увидѣлъ, что тамъ никого нѣтъ, и по нѣкоторымъ признакамъ заключилъ, что Дербягина куда нибудь ушла изъ дому: не было ея мышинаго ватерпруфа и шляпки съ желтымъ перомъ, висѣвшихъ всегда на опредѣленномъ мѣстѣ. Розенкранцъ пошелъ въ кухню.

— Ивга! — крикнулъ онъ.

Но и служанки не оказалось въ домѣ. „Значить, обѣ на рынокъ“, сказалъ Розенкранцъ и вышелъ въ сѣни, гдѣ стояла почти отвѣсная лѣстница. Эта лѣстница вела во второй этажъ. Когда Розенкранцъ поднимался по ней, держась за перила, ступеньки стали кричать на разные голоса. Было что-то странное и жуткое въ этомъ крикѣ неодушевленныхъ вещей, словно весь домъ былъ наполненъ безпокойными душами малютокъ, погибшихъ въ убѣжищѣ отъ неизвѣстныхъ причинъ. На площадкѣ втораго этажа Розенкранцъ остановился и, глянувъ въ разбитыя стекла галерейки на улицу, — гдѣ въ отдаленіи ожидалъ его извожикъ и гдѣ дома находились другъ отъ друга на разстояніи, по крайней мѣрѣ, полуверсты, — онъ подумалъ: „каждый разъ, когда я бываю здѣсь, мнѣ становится страшно—кто нибудь случайно увидитъ и сдѣлаетъ заключеніе, не имѣющее ничего общаго съ благородной наукой, которой я посвятилъ всю свою жизнь“. Ро-

зенкранць вздохнулъ и приблизился къ двери, обитой клеенкой, изъ подъ которой въ разныхъ мѣстахъ торчалъ войлокъ; клеенка была прикрѣплена лучинками, и вся дверь имѣла такой видъ, какъ будто за нею живетъ какой нибудь подозрительный субъектъ—воръ или, по крайней мѣрѣ, нищій. Постучавъ скобой, Розенкранць, не дожидаясь приглашенія, отворилъ дверь.

На обычномъ мѣстѣ, на небольшой желѣзной кровати, кот орой лежала постель, свидѣтельствовавшая о привычкахъ ея обладательницы къ порядочности и чистоплотности, Розенкранць не увидѣлъ женщины, которую онъ ожидалъ увидѣть. Строго говоря, это была даже не женщина, а дѣвушка, или — скорѣе — дѣвочка. На ночномъ столикѣ, который былъ купленъ Розенкранцомъ (равно какъ и другія вещи, находившіяся въ комнатѣ), увядалъ букетъ розъ въ вазочкѣ, гдѣ вода, вѣроятно, не была перемѣнена въ теченіе нѣсколькихъ уже дней—со времени послѣдняго пріѣзда Розенкранца. На подоконникѣ лежало корешкомъ вверхъ популярное философское сочиненіе Розенкранца, вышедшее въ Парижѣ на французскомъ языкѣ, а на полу валялась пустая коробка отъ конфетъ. Стоявшій въ простѣнкѣ, гардеробный шкафчикъ былъ раскрытъ и по беспорядку, который замѣтилъ Розенкранць, было видно, что таинственная особа, обитавшая здѣсь, часъ или два тому назадъ торопливо одѣвалась, перемѣняла бѣлье (оно было брошено прямо на полъ и не убрано), примѣряла одно платье, не удовлетворилась имъ и надѣла другое; умылась — полотенце, лежавшее на стулѣ, было еще влажно,—и, вспрыснувъ себя духами, такъ спѣшила уходить, что забыла даже закупорить склянку.

У Розенкранца задрожали руки и стало учащенно биться сердце: ему было досадно, что птичка вылетѣла изъ клѣтки, не предупредивъ его, тогда какъ имъ разъ навсегда было запрещено ей показываться въ городѣ, гдѣ ее могли узнать родители и знакомые. Притомъ же она не могла быть вполне здоровой, и торопливость, съ какою она покинула убѣжище, хотя бы на время, казалась ему предосудительной. Онъ сѣлъ на свободный стулъ и сталъ ждать прихода Дербягиной, чтобы потребовать отъ нея объясненія.

Сквозь досчатый полъ доносились снизу крики дѣтей, то

поднимаясь, то вдругъ затихая. Еслибы Розенкранцъ не привыкъ въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ къ этой обстановкѣ, навѣрно душа его содрогнулась бы теперь, когда онъ одинъ сидѣлъ въ убѣжищѣ. Но онъ былъ такъ занятъ своими мыслями и дѣлами, что вдумываться въ смыслъ того, что представляетъ собою это убѣжище, онъ не хотѣлъ. На душѣ у него было нехорошо отъ собственныхъ семейныхъ дразгъ, и жалость къ самому себѣ у него была сильнѣе жалости къ кому бы то ни было другому.

Вскорѣ онъ услышалъ, что по улицѣ кто-то идетъ. Онъ сталъ смотрѣть въ окно— акушерка Дербягина возвращалась съ Ивгой, несшей корзинку, изъ которой торчали хвостики моркови, обрубленная у кости и кровоточащая лопатка баранины, и перья зеленого луку. Обѣ женщины громко разговаривали и укоряли другъ дружку: хозяйка упрекала служанку въ томъ, что она лѣнитса, а служанка нападала на барыню за то, что та скупится и заставляетъ ее таскать тяжесть въ гору, такъ какъ не ближній свѣтъ Кривой рынокъ—надо идти версты три! Розенкранцъ поспѣшилъ спуститься по лѣстницѣ на встрѣчу Дербягиной и вскричалъ:

— Здравствуйте, сударыня! Я здѣсь совершенно одинъ. Дѣти кричатъ, и я не знаю, что съ ними дѣлать. Но—главное—куда дѣлась Сашенька? Что съ ней? Какъ могли вы отпустить ее!

— Сашенька? — переспросила акушерка, задыхаясь отъ усталости послѣ длиннаго пути; переведя духъ, она проговорила:—Сашенька была дома. Вотъ ужъ какъ вы меня пугаете... Надо ее поискать хорошенько!

— Нѣтъ, она ушла,—возразилъ Борисъ Наумовичъ.

— Откуда вы знаете?—взглянувъ на профессора, сказала акушерка.

Но характеръ ея взгляда совсѣмъ не означалъ, что она считаетъ профессора способнымъ на ложь и обманъ. Ей хотѣлось только показать, что она вообще никому не довѣряетъ, даже фактамъ.

— Позвольте-ка, я сама посмотрю.

Она поднялась по лѣстницѣ, ступая по кричащимъ и плачущимъ ступенькамъ, вошла въ опустѣвшую комнату и посмотрѣла даже въ шкафъ и подъ кровать.

— Въ самомъ дѣлѣ нѣту, — сказала она. — Въ такомъ случаѣ, она вернется, — пояснила акушерка черезъ нѣсколько минутъ, обыскавъ весь домъ. — Но какъ это нехорошо! — стала она кричать. — Меня могли обокрасть, я на нее оставила убѣжище. Бѣдные ангелы беззащитны. Свинья забѣжала бы сдуру и съѣла! Вѣдь это было уже разъ.

— Какой разъ! Это было два раза, — проворчала Ивга.

— Молчи, вѣдьма! — сердито оборвала прислугу акушерка. — Разъ или два — это было не нарочно. Я ничего не могу сдѣлать съ божьимъ наказаньемъ! Если Господь посылаетъ болѣзни и ангелы умираютъ, переселяясь въ лучший мѣръ, тутъ совѣсть моя чиста; но должна же я беречь ихъ отъ случайностей. Ахъ, Сашенька! Повѣрьте, я ею недовольна гораздо больше, чѣмъ вы! — заключила акушерка, обращаясь къ Розенкранцу.

Худое созданье, состоявшее изъ кожи и костей, успѣло выползти изъ корзины, куда положилъ его Розенкранцъ, и очутилось у ногъ разговаривающихъ. Ручка, похожая на прутикъ, съ пальчиками, похожими на вѣточки, вцѣпилась въ подолъ Дербягиной.

— Тсс! дрянной ценокъ! — вскричала акушерка и ногой отшвырнула ребенка. — Ъсть хочеть. Ивга, готовы у тебя сѣски? Что ты возишься?! Уморишь ты мнѣ дѣтей!

— Плакать съ вами не будемъ, — отвѣчала Ивга изъ-за перегородки. — А на небесахъ имъ лучше будетъ.

— Какъ вы думаете, куда же могла уйти Сашенька?

— Почему же я знаю, мосье Розенкранцъ? — на вопросъ отвѣтила вопросомъ Дербягина. — Чѣмъ же я виновата, что вы ей не внушили? Надо было внушать! Натурально, забрала себѣ въ голову богъ знаетъ что и часто скучала и плакала.

— Плакала? Вотъ вы мнѣ объ этомъ ничего не говорили!

— Зачѣмъ же мнѣ было васъ разстраивать? А она плакала — это вѣрно. Никакой любви она къ вамъ не чувствовала, это я могу вамъ теперь сказать.

Розенкранцъ махнулъ рукой.

— Богъ съ ней! Не въ этомъ дѣло, а жаль ея. Всѣ планы могутъ разлетѣться, какъ дымъ. Только опираясь на меня, она могла бы счастливо избѣжать огласки, ухватъ за границу

и вернуться назадъ года черезъ два, черезъ три, какъ ни въ чемъ не бывало. Получила бы тамъ образованіе.

— Что жъ, я ей нѣсколько разъ говорила: учитесь акушерству—всегда будете имѣть кусокъ хлѣба.

Профессоръ искоса посмотрѣлъ на ребенка, которому Ивга принесла соску и который жадно схватилъ ее и засунулъ въ ротъ, сидя на полу.

— Зачѣмъ акушеркой: мало ли профессій въ послѣднее время открылось для женщинъ! Впослѣдствіи она могла бы примириться съ родными, а родные у нея богатые. Наконецъ, она положительно глупа!—вскричалъ онъ гнѣвно.

— Я всегда вамъ то же самое говорила,—желчно начала акушерка:—по цѣлымъ днямъ она только и дѣлала, что наряжалась и смотрѣлась въ зеркало, въ то время какъ ей нельзя было даже вставать съ постели. Я не знаю, какъ она еще выздоровѣла! Могла бы себѣ нажить такія болѣзни... И вы представьте, когда умеръ ея малютка, она мало плакала; даже, кажется, была немножко рада, но потомъ, потихоньку отъ меня, достала изъ своего сундука куклу и положила съ собой; а когда я куклу отдала ангеламъ, такъ она заплакала, да вѣдь какъ! Дѣвчонка!—презрительно заключила акушерка.

— Да, она молода и, разумѣется, въ ней много дѣтскаго и... милаго,—сказалъ Розенкранцъ съ тоской.

Онъ рѣшилъ подождать еще часъ; а госпожа Дербягина, сдѣлавъ ревизію дѣтямъ и убѣдившись, что у всѣхъ есть соска, стала хлопотать съ кофе, котóрымъ ей хотѣлось напоить гостя. Она подала ему рыжую бурду, и онъ едва тронулся губами до стакана.

— Кушайте, пожалуйста. Вотъ крендельки.

— Благодарю васъ.

— Скажите, а если она не вернется, чтó мнѣ дѣлать съ вещами?

— Съ какими вещами?

— А которыя вы купили для Сашеньки?

— Дѣлайте, чтó хотите. Но неужели она не вернется?!—вскричалъ онъ.

— Не оставила ли она какойнибудь записочки?—пытливо наморщивъ лобъ, спросила акушерка.

— Въ самомъ дѣлѣ!

Госпожа Дербягина и ея гость вновь поднялись во второй этажъ и пересмотрѣли всѣ углы и закоулки комнатки, въ которой жила Сашенька. Ничего не нашлось, кромѣ нѣсколькихъ доскутковъ, гдѣ карандашемъ было набросано: на одномъ — счетъ бѣлья, на другомъ отмѣченъ день рожденія и смерти младенца Бориса съ припиской: „Какъ жаль, что онъ не крещенъ, хотя, можетъ быть, это пустяки. Русскія бабы рассказываютъ, что некрещеныя дѣти дѣлаются русалками. Но развѣ можетъ мальчикъ сдѣлаться русалкой? Это вопросъ!“ А на третьемъ листкѣ былъ набросанъ рисунокъ—могила, лягушка и сломанный крестъ. Чтò означалъ рисунокъ, Борисъ Наумовичъ не рѣшилъ и только спряталъ всѣ три клочка въ карманъ. Онъ прождалъ два часа. Госпожа Дербягина занимала его разговорами. Она сообщала ему, не называя именъ, городскія скандальныя исторіи. Съ какой-то радостью говорила она о гнусностяхъ, которыхъ была свидѣтельницей, а, можетъ быть, и участницей. Мысли Бориса Наумовича были далеко; онъ слушалъ задумчиво, то есть не слушалъ, а все думалъ свои думы. Наконецъ, Дербягина стала жаловаться на упадокъ нравственности въ современномъ обществѣ и на сопряженное съ нимъ дурное состояніе ея личныхъ дѣлъ. Розенкранцъ вышелъ изъ задумчивости, удивленный странностью жалобы, и спросилъ:

— Что вы называете нравственностью?

— Какъ, чтò называю нравственностью, Борисъ Наумовичъ? Да помилуйте мою душу! Безстыдство дошло ужъ я не знаю до чего!.. И прежде, какъ всегда, случалось, что грѣшили дѣвушки, но, по крайней мѣрѣ, онѣ скрывали. Поможешь, спрячешь всѣ концы,—и выходитъ она замужъ! Тамъ ужъ промежъ себя съ мужемъ потолкуютъ. А все же общество ничего не знало—это главное. Теперь не успѣетъ дѣвушка познакомиться съ молодымъ человѣкомъ, какъ ужъ они цѣлуются и начинается гражданскій бракъ, который и выдуманъ для того, чтобъ не скрывать. Положительно, для безстыдства! Ну, понятно, если гражданскій бракъ, такъ ужъ какія же убѣжища! Да чтò я вамъ скажу, Борисъ Наумовичъ: дѣвушки своихъ незаконныхъ дѣтей воспитываютъ дома, при себѣ! Я знаю здѣсь почтенныхъ людей, у которыхъ дочь не успѣла изъ гимназіи выйти, какъ ей Богъ послалъ... А

родители тѣшатся съ внукомъ и пестуютъ его. Видано ли это было когда нибудь прежде?! Нравственности нѣтъ, Борисъ Наумовичъ... а вы спрашиваете! Да какъ же мнѣ не знать, что такое нравственность, когда я отъ этого страдаю. Богъ съ вами!

Пока госпожа Дербягина говорила съ нимъ, Борисъ Наумовичъ посматривалъ на часы все съ бѣльшимъ и большимъ нетерпѣніемъ. Уже былъ второй часъ. Онъ вскочилъ, молча простился съ акушеркой, то есть не отвѣтилъ ни на одинъ ея вопросъ, и, угрюмый и печальный, вышелъ изъ убѣжища. Дрянная собачонка, все время оставлявшая его въ покоѣ, вдругъ бросилась за нимъ и до самаго извозчика провожала хриплымъ лаемъ, хромя на переднюю лапку и закрывая свой единственный зрячій глазъ лохматымъ ухомъ, что, кажется, всего больше ее сердило. Она тщетно старалась избавиться отъ лишняго бремени, мотала головой и все лаяла въ припадкѣ неудержимаго гнѣва.

І. Ясинскій.

(Продолженіе будетъ).

НОВЫИ ГОДЪ.

Полночь бьетъ! и, православнымъ
Знаменуясь крестомъ,
Годъ родившійся—заздравнымъ
Я привѣтствую глоткомъ.
Нужды нѣтъ, что средь деревни
Все недвижимо, все спитъ;
Нужды нѣтъ, что самъ я—древній,
Одинокій инвалидъ.
Вмѣсто легкихъ и игривыхъ
Звуковъ музыки,—у насъ,
Вдоль селеній молчаливыхъ
Слышенъ вьюги зимній гласъ;
Вмѣсто шумнаго стеченья
Люда празднаго толпой—
Вижу собственную тѣнь я
Въ тѣсной горенкѣ съ собой.
Скрыто жадною могилой
Все родное навсегда;
Прижились въ лачугѣ хилой
Только горе, да нужда.

Но огонь священный вѣры
Я въ душѣ не погасилъ!
Чтя высокіе примѣры,
Я въ побѣду свѣтлыхъ силъ
Надъ невѣжествомъ и тьмою
Вѣрю, вѣрилъ, и всегда
Буду вѣрить всей душою.
Пессимизмъ вашъ, господа,
Это—нервное разстройство
Современныхъ мудрецовъ;
Это—слѣдствіе иль свойство

Худосочія мозговъ.
 Мнѣ не надо размышленій,
 Чтобы вѣрвать въ прогрессъ;
 Не философъ я, не геній,
 Не хватаю звѣздъ съ небесъ,
 Но я жилъ, и жилъ довольно,
 Чтобы видѣть и сравнить!
 Да! Съ улыбкою невольной,
 Мнѣ хотѣлось бы спросить
 Всякаго, кто помнитъ время
 Лѣтъ хоть за сорокъ назадъ
 (Старости ворчливой бремя
 Не дозволить невпопадъ
 Похулить свое былое,
 Восхищаясь новизной)—
 Пусть же скажетъ: что такое
 Было нашею весной?

Пусть онъ вспомнитъ, *какъ* мы жили,
 Были *чѣмъ* окружены,
 Какъ въ семействахъ насъ учили,
 И какіе намъ даны
 Были обществомъ примѣры;
 Что творилось безъ суда;
 Что за мысли, что за мѣры
 Примѣнялись къ намъ тогда!
 Какъ жилось тогда богатымъ,
 Какъ жилось обѣднякамъ;
 Что давалось только златомъ,
 Что осталось грошамъ;
 Какъ народныя печали
 Понимались тогда;
 Въ комъ сочувствіе встрѣчали
 Скорбь, обида и нужда;
 Какъ свой долгъ уразумѣли
 Единицы лишь, и какъ
 По змѣиному шипѣли
 Противъ нихъ корысть и мракъ...

Э, да что тутъ!—Я ворчливый,
 Позабитый нелюдимъ,
 Сирый, хилый, несчастливый,

Одинокъ и нелюдимъ;
 Но и я, сравнивъ былое
 Съ тѣмъ, что сталося теперь—
 «Сердце—говорю—больное!
 «Торжествуй, молись и вѣрь.
 «Да, сбываются надежды
 «Свѣтлой юности твоей.
 «Прежде, чѣмъ закрою вѣжды,
 «Я увидѣлъ ростъ идей,
 «Благородныхъ и завѣтныхъ;
 «Я увѣрился, узналъ,
 «Что превыше стѣнъ запретныхъ
 «Свѣтитъ чудный идеаль,
 «Что грядущее завидно:
 «Больше счастья, меньше бѣдъ»...
 Какъ же вамъ-то—вамъ не стыдно,
 Пессимисты въ двадцать лѣтъ!
 Кубокъ полнъ виномъ заздравнымъ;
 Пусть же будетъ новый годъ
 Шагомъ новымъ, шагомъ славнымъ—
 Человѣчества впередъ!

Ө. Ромеръ.

АРАБСКОЕ ГНѢЗДО.

(Изъ воспоминаній о поѣздѣ въ Кордову).

I.

Поэты, влюбленные въ свою родину, умѣютъ обыкновенно найти красоту тамъ, гдѣ мы, простые смертные, проходимъ равнодушно, ничего не замѣчая. Ламанча — эта тоскивая, сожженная солнцемъ и потрескавшаяся отъ сухости воздуха гладь, — тоже нашла своихъ бардовъ въ Кастиліи. Не зная, что воспѣтъ въ ней, они отвели душу хоть на сравненіяхъ. Такимъ образомъ, оказалось, что эта печальная страна является золотымъ блюдомъ днемъ и серебрянымъ лунною ночью. Надо прибавить къ этому, что именно на такихъ золотыхъ блюдахъ будутъ нашего брата жарить въ аду. По крайней мѣрѣ—меня, въ отечествѣ донъ-Кихота и Санчо Пансы, такъ жгло, въ такомъ слѣпящемъ зноѣ тонули желтые пески далей, такъ безотрадно было все кругомъ, что я считалъ часы и минуты до тѣхъ поръ, когда придетъ, наконецъ, вождѣнный предѣлъ этому добровольному мученичеству. Добровольному—потому что я могъ бы поѣхать по желѣзной дорогѣ, но мнѣ хотѣлось увидать Аргамасилью, Тобозо, посѣтить сіерру (въ сущности, небольшой холмъ) гдѣ послѣдній рыцарь обѣихъ Кастилій, донъ-Кихоть, такъ отважно вступилъ въ бой съ преградившими ему путь великанами. Увы! отъ благороднаго поклонника Дульцинеи Тобозской остались только печатные листки, а великаны до сихъ поръ торчатъ, раскинувъ въ воздухъ свои крылья-руки. Россинантъ, на которомъ мнѣ пришлось ѣхать, печально помоталъ головою, очевидно, желая выразить: такъ проходитъ слава міра сего... Потомъ, подъ влияніемъ жары и страшной сухости воздуха—мнѣ начало чудиться, что рядомъ со мною, кинувъ длинную тѣнь на желтые пески Ламанчи, двигается величавый силуэтъ рыцаря

печальнаго образа... Нигдѣ упадокъ Испаніи не сказывается въ такихъ поразительныхъ чертахъ, какъ именно здѣсь, на этомъ раскалившемся блюдѣ. Нѣкогда Ламанча пѣла и плясала. Кастильскіе поэты добраго стараго времени почерпали здѣсь мотивы для своихъ восторженныхъ *sonlas*. Теперь, на этомъ золотомъ блюдѣ—въ страшномъ пеклѣ, едва-едва доживаетъ свой вѣкъ измученное лихорадками, дотла изголодавшееся населеніе нищихъ, выродившееся до такой степени, что ни въ одной провинціи Пиренейскаго полуострова нѣтъ столько слѣпыхъ, хромыхъ, горбуновъ, колченогихъ, какимъ-то чудомъ дышущихъ и живущихъ комьевъ почти не человѣческаго тѣла. Путешественники, въ за-сось описывавшіе бои быковъ, типичныхъ монаховъ (кстати: давно уже не существующихъ въ Испаніи), прелестныхъ маноль, погонщиковъ муловъ,—изъ-за этой показной декораціи упустили настоящую дѣйствительность, поразительную и поучительную въ одно и то же время. Нигдѣ въ такихъ яркихъ и ужасныхъ чертахъ не сказывается губительное вліяніе абсолютизма, заключившаго союзъ съ религіозною нетерпимостью. Филиппъ II и Торквемада—эти наиболѣе выпуклые выразители двухъ родственныхъ направленій пиренейской политической жизни—въ какіе нибудь три вѣка низвели богатую, могущественную страну, кипѣвшую ключемъ самобытнаго духовнаго развитія, до такого ужаса застоя, косности, нищеты и безсилія, которому не найти примѣра на землѣ... Исключите богатую Каталонію и Бискаю—вся остальная Испанія является именно тою мерзостью залуствѣнія, изученіе которой не бесполезно для ревнителей «добраго стараго времени». Разумѣется, для этого надо взглянуть поглубже и не очень долго останавливаться на подкупающей прелести страстныхъ глазъ, такъ заманчиво сверкающихъ изъ-подъ чернаго кружева мантильи, на чудныхъ мотивахъ андалузскихъ пѣсень; не очень поддаваться ошеломляющему и кружащему голову треску кастаньетъ, не за-сматриваться за причудливые узоры желѣзныхъ рѣшетокъ въ окнахъ. Декораціи само собой... Пѣснямъ и пляскамъ—отдайте свое мѣсто, но не упускайте того глубокаго урока, который эта поэтическая страна даетъ цѣлому міру своимъ безпримѣрнымъ паденіемъ, такимъ же гигантскимъ, невѣроятнымъ, фантастическимъ, каково было и ея прежнее возвышеніе. Филиппъ II и Торквемада не только остановили развитіе страны: они убили ее наповаль. Въ своемъ безоглядномъ стремленіи поддержать религію и власть—они под-держали ихъ, какъ веревка повѣшаннаго, т. е. задушивъ цѣлую страну вмѣстѣ съ ними. Абсолютизмъ и нетерпимость здѣсь достигли совершенно противоположныхъ результатовъ: въ странѣ

теперь нѣтъ власти, а есть только чиновническое мошенничество, одинаково свойственное всѣмъ партіямъ, захватывающимъ этотъ группъ въ свои руки. Здѣсь нѣтъ религіи—величавыя громады царственныхъ монастырей пусты, величавые соборы безлюдны. Религіозныя процессіи осмѣиваются простонародьемъ, какъ это я видѣлъ въ Севильѣ. Молятся только старухи, а для молодежи базилика давно служить только мѣстомъ свиданій. Дѣйствительная Испанія не просыпается, она только порою судорожно корчится, точно гальванизируемая своими пронунсіамента, но за конвульсіями опять наступаетъ тлѣніе смерти... Бездѣльничество, хищничество чиновниковъ, продажность министровъ, находящихся на содержаніи у желѣзнодорожныхъ и иныхъ компаній, эксплуатирующихъ страну, чтò называется, и въ хвостъ, и въ гриву; безнравственность и анархія, безграмотность и неподвижность—вотъ характеристика центральныхъ и южныхъ областей страны. Оставленные села, города, населеніе которыхъ уменьшилось въ двадцать разъ; исчезнувшія навсегда, но нѣкогда обогащавшія страну отрасли производительности; поля безъ работниковъ, работники безъ полей; жадность бездѣльничавшаго Мадрида, высасывающаго послѣднее чтò осталось въ старой Испаніи; невѣжество политикановъ, для которыхъ, хоть трава не рости; страшные долги и масса генераловъ—вотъ что такое современная Испанія!..

Чего же добились великіе столпы абсолютизма и нетерпимости, Филиппъ II и Торквемада?..

Одного несомнѣнно: смерти своего отечества! Спасти и поддержать — они никого не спасли и не поддержали, а убили все окресть...

Я говорю еще разъ—нѣтъ въ этомъ отношеніи болѣе поучительной страны, какъ центральныя провинціи Испаніи.

Каталонецъ Альмираль, любящій болѣзненно и страстно свою родину, въ яркихъ чертахъ указалъ ея недуги. Бѣдная и плохо управляемая страна, дѣйствительно, только въ одномъ отношеніи стоитъ впереди другихъ государствъ Европы и Америки. Нищая, она ухитрилась перещеголять Соединенные Штаты, Германію и Австро-Венгрію—количествомъ своего государственнаго долга. Съ 1845 года и по 1883-й, напр., въ періодъ, когда страна не вела никакихъ разорительныхъ войнъ, не задавалась дорого стоящими сооружениями, короче: не сдѣлала ничего, она, благодаря глупости правителей и безотвѣтности управляемыхъ, удесятирила свои долги. Въ самомъ дѣлѣ, она платила по нимъ процентовъ:

Въ 1845 году	27.000,000	песеть.
» 1853 »	61.000,000	»
» 1864 »	101.000,000	»
» 1873 »	238.000,000	»
» 1883 »	273.000,000	»
» 1890 »	320.000,000	»

Въ это время, населеніе ея не увеличилось замѣтно; умножилось только число генераловъ, являющихся истинною язвою этой страны. На войско въ 70 т. солдатъ здѣсь числится болѣе 600 генераловъ, получающихъ громадныя жалованья, честолюбивыхъ, для которыхъ всѣ интересы отечества заключены въ ихъ драгоценныхъ особахъ. Такимъ образомъ, на свое семидесятитысячное войско Испанія имѣетъ генераловъ болѣе, чѣмъ Франція съ ея полуторамилліонною арміею; вдвое противъ страны по преимуществу военной—Германіи — и болѣе чѣмъ вдвое противъ Италиі. Славящаяся множествомъ своихъ военныхъ превосходительствъ, Австрія—имѣетъ ихъ по 17 на каждый милліонъ своего населенія; Испанія на таковой же милліонъ выставляетъ ихъ по 36!!!

Признаки разложенія—здѣсь не въ одномъ правительствѣ. Ими заражено все. Желѣзныя дороги здѣсь обходятся, благодаря административному воровству, вчетверо дороже ихъ дѣйствительной стоимости, причемъ состояніе ихъ неизмѣримо ниже другихъ европейскихкихъ рельсовыхъ путей. Быстрѣйшіе изъ нихъ, въ случаѣ крайней необходимости, съ невѣроятными усиліями могутъ развивать скорость, достигающую 35 километровъ въ часъ. Правленія этихъ дорогъ находятся въ Парижѣ. Между такими крупными центрами, какъ Мадридъ, Барселона, Лерида, Сарагосса, тянется только одинъ поѣздъ въ день, дѣлающій отъ 20—25 верстъ въ часъ. Экстренный (30 верстъ въ часъ) ходитъ только дважды въ недѣлю... Лучшіе испанскіе рудники въ Ріо-Тинто, Альмаденъ, Бильбао, Хуэльва— всѣ въ рукахъ иностранцевъ. Судходство, по имени: «испанское національное», національно только по названіямъ кораблей и пароходовъ, собственниками которыхъ являются нѣмцы, англичане, французскіе евреи. Почты таковы, что имъ денегъ довѣрять нельзя. Въ Андалузіи большія суммы пересылаются черезъ посредство контрбандистовъ, самыхъ честныхъ людей въ странѣ, но ни одинъ банкиръ не довѣритъ своего денежнаго пакета—правительственному чиновнику... Развитіе торговли невозможно, потому что желѣзнодорожный тарифъ является какою-то сказкою. Доставить товаръ изъ Америки въ испанскій портъ обходится вдвое дешевле, чѣмъ передвинуть его по рельсовому пути на 50 километровъ внутрь страны. Всякій министръ—есть членъ пра

каждой желѣзной дороги. Кановасъ-дель-Кастильо (о честности котораго кричить вся Испанія) состоитъ директоромъ пяти желѣзнодорожныхъ компаній, хотя, какъ говоритъ Альмираль, «онъ столько же знаетъ о нихъ, сколько и о вулканахъ, расположенныхъ на противоположной землѣ поверхности луны». Министръ внутреннихъ дѣлъ Ромеро Роблезо—разъ публично попалъ въ просакъ. Компаніи «трамваевъ» понадобилось что-то. Она отрядила ходоконъ и они поймали Ромеро—въ моментъ антракта въ кортесахъ. Кругомъ была масса народа. Министръ слушалъ ихъ, слушалъ и, наконецъ, отвѣтилъ:

— Я ничего не понимаю въ вашихъ дѣлахъ и никогда о нихъ не слыхалъ.

— Какъ!—вспыхнулъ одинъ изъ наиболѣе горячихъ ходоконъ, принадлежавшій, впрочемъ, къ оппозиціи.—Какъ вы ничего не слыхали, когда вы чиновникъ нашей компаніи «трамвая».

— Что? я чиновникъ?

— Разумѣется! Вы пятый годъ получаете у насъ жалованье!..

Хохотъ окружающихъ не смутилъ Ромеро. Онъ пожалъ плечами и весьма спокойно отвѣтилъ:

— Еслибы каждый изъ насъ зналъ, за что онъ получаетъ жалованье, то Испанія была бы Англіей, а не Испаніей!..

Отвѣтъ, достойный консервативнѣйшаго, въ то время, изъ миnistровъ этой несчастной страны...

Обезлѣсенная, обезпложенная, обезлюденная, какъ и чѣмъ она существуетъ — трудно сказать. Еслибы не ея богатые, трудящіеся и прогрессирующіе окраины, главнымъ образомъ ея Каталонія, на которую теперь устремлены хищныя вождельніа мадридскихъ чиновниковъ — испанское государственное казначейство представляло бы пустоту безпримѣрную. И это вовсе не объясняется естественными условіями. Земля у басковъ—гораздо хуже кастильской, неизмѣримо хуже, но она вся обработана и населеніе благоденствуетъ. Тѣмъ не менѣе, кастильцы называютъ Бискайю—пятномъ на картѣ Испаніи! Обнищаніе страны, если будетъ позволено такъ выразиться, оголеніе ея шло здѣсь параллельно съ уничтоженіемъ фуэросовъ,—«вольностей» отдѣльныхъ областей. Теряя свою автономію, всякая провинція дѣлалась немедленно законною добычею хищническаго чиновничества Мадрида—этого полипа, ни къ селу, ни къ городу созданнаго на пустомъ и скверномъ мѣстѣ королевскимъ повелѣніемъ Филиппа II. Бискайѣ, рѣшительной, самоотверженной, удалось сохранить тѣнь своихъ фуэросовъ, и, благодаря этому, она, среди общаго запустѣнія, является оазисомъ, полною чашей. Но нигдѣ весь этотъ ужасъ нынѣш-

ного дня не является до такой степени выпуклымъ, какъ въ Ламанчѣ... Про нее даже пословицы притергѣвшася народа говорятъ, что «ласточка, пролетая надъ Ламанчей, должна нести свой кормъ съ собою, иначе она погибнетъ съ голоду», съ голоду въ странѣ, до Филиппа II кипѣвшей молокомъ и медомъ, воспѣтой маврами, какъ неистощимая житница ихъ халифатовъ. Поэтому-то, при описаніи родины донъ-Кихота, я счелъ умѣстнымъ обстоятельно поговорить о паденіи Иберійскаго полуострова, о чемъ до сихъ поръ, въ другихъ своихъ очеркахъ, я ограничивался только бѣглыми указаніями. Нигдѣ нѣтъ такой массы *desproblados*, т. е. брошенныхъ мѣстечекъ, городковъ и селъ, какъ здѣсь; даже основанныя Карломъ III колоніи, которымъ было дано все, чтобы призвать ихъ къ жизни—едва-едва перемогаются. Можно подумать, что нетерпимость и абсолютизмъ лишили эту землю всякихъ творческихъ силъ и на ней ничего вырасти не можетъ. Сухая, какъ змѣиная кожа, она тянется передъ вами во всѣ стороны, и странствуя по этому золотому блюду, вы мало по малу поддаетесь отчаянію. Придорожныя венты пусты, часто попадаютъ дома, гдѣ торчатъ только стѣны; но провалившіяся кровли и зіяющія открытыя окна говорятъ вамъ, что хозяева богъ вѣсть когда бѣжали отсюда. Альмурадиль—звучное имя, но скверный городишка весь былъ охваченъ лихорадкою. Здороваго человѣка не оказывалось на его унылыхъ улицахъ. Только Вальдепельясъ, благодаря знаменитому въ Испаніи производству, еще полонъ жизни. Какъ все это кругомъ было печально, заброшено, одичало! Въ Вента-де-Карденьясъ—«Карденіо», куда Доротея и добродушный кюрэ привезли донъ-Кихота, выгнавъ его изъ одиночества и пустыни—такое гнѣздо, отъ котораго и не донъ-Кихоть ушелъ бы въ любую пустыню. Здѣсь, въ вентѣ, мнѣ привелось познакомиться съ двумя необыкновенно воинственными господами. Оба оказались свѣжеиспеченными полковниками—никогда не служившими въ войскахъ. Они когда-то командовали бандами карлистовъ, получивъ первоначальное образованіе въ семинаріи и готовясь приумножить собою племя левитово. Потомъ—разбойничали на сѣверѣ Испаніи, мародерствовали, гдѣ могли, и консервативное министерство Кановаса-дель-Кастильо опредѣлило обоихъ, въ благодарность, вѣрно, за ихъ подвиги—полковниками на дѣйствительную службу! Можно себѣ представить, какую деморализацію внесутъ въ армію эти господа. И такихъ здѣсь немало даже между генералами. По всему этому пути въ Ламанчѣ—мы не могли достать ничего съѣстнаго, кромѣ «гаспачьо».

А знаете ли вы, что такое «гаспачьо»?

Нуженъ былъ мой голодь, для того чтобы удовольствоваться этою специальностью ламанчской кухни. Передо мною поставили горшокъ съ оливковымъ, неочищеннымъ и потому необыкновенно вонючимъ масломъ, и ломти хлѣба. Надо было послѣдніе макать въ первое и ѣсть.

— Въ другой вентѣ и этого не найдете! — утѣшила меня хозяйка.

— Нѣтъ ли у васъ хотя вальдепельяса?

— Вальдепельяса! — съ такимъ выраженіемъ воскликнула она, точно я потребовалъ у нея короны обѣихъ Кастилій и Леона...

Единственно, чтó разнообразило здѣсь пустыню—это кресты, поставленные надъ зарѣзанными нѣкогда путешественниками. По мѣрѣ того какъ безлюдѣла страна,—росло ея разбойничество, а теперь даже и его не осталось въ Испани, не потому, чтобы бандитизмъ потерялъ свою привлекательность, напротивъ — пѣсни о Хосе Маріа, о знаменитомъ Фелипе Гарсія поются по всей Ламанчѣ. Просто, грабить некого. Разбойники исчезли изъ Ламанчи, какъ тараканы изъ русской избы въ голодный годъ.

Я проѣхалъ мимо нѣсколькихъ такихъ крестовъ, когда мнѣ попался одинъ совершенно новый...

— Недавно поставленъ? — спросилъ я у своего проводника.

— На прошлой недѣлѣ.

— Неужели опять показались разбойники?

— Нѣтъ, такъ... Молодежь поиграла.

— Какъ?

— Очень просто... Изъ всего, чѣмъ прежде занималась Ламанча, у насъ только и осталось, что производство ножей. Могу васъ увѣрить, что наши навахи могутъ поспорить съ толедскими и альбасетскими. Тѣ красивѣе, но вѣдь не въ красотѣ дѣло! — Сюда пріѣзжалъ одинъ hombre (человѣкъ) изъ Кордовы и сталъ хвастаться малагскою навахой, будто лучше малагской и на свѣтѣ нѣтъ. Ну, а у насъ юноши—настоящіе ламанчцы. Каждый отлично владѣеть ножемъ. Дѣтми учатся!.. Вотъ они и рѣшили покончить споръ дѣломъ—чей-де ножъ лучше. Нашъ Пачеко завернулъ себѣ лѣвую руку капой (плащомъ), и когда омбре изъ Кордовы напалъ на него, онъ и подставилъ ее... А самъ, въ это время,—знаете: мансанаресскій ударъ, снизу вверхъ,—и вскрылъ его...

— Такъ, со спокойнымъ сердцемъ?

— Отчего же ему беспокоиться? Онъ велъ себя какъ мужчина. Наши ламанчцы—не андалузцы. Тѣ схватятся за ножъ и давай!

браниться и прыгать одинъ около другаго, а потомъ, смотришь, они уже распиваютъ вмѣстѣ свою манцанилью.

— Гдѣ же онъ теперь?..

— Э... его взяли. Говорятъ, что скоро будутъ гарротировать!.. Жаль, малый былъ славный... ну, да нельзя же было позволять людямъ изъ Кордовы болтать всякую глупость!..

Гаррота до сихъ поръ существуетъ въ Испаніи. Это—чисто кастильская специальность. Разные «омбре», хорошо владѣющіе ножами и потому предчувствующіе, что имъ когда нибудь не обойтись безъ короткаго знакомства съ нею—называютъ гарроту «бискайскимъ галстуконъ», «тѣснымъ воротничонъ» и тому подобными фамиллярными именами. Въ Вальдепельясѣ, на примѣръ, хозяйка гостиницы совершенно спокойно объясняла моему проводнику, что ея братъ умеръ настоящимъ cavallero. Кавалерская смерть состояла въ томъ, что этому храброму парню, съумѣвшему ухлопать благополучно четырехъ карабинеровъ (здѣсь жандармы называются карабинерами) надѣли «ошейникъ»... Но онъ, видите ли, при этомъ велъ себя, какъ настоящій valiente! До послѣдняго мгновенія разговаривалъ съ палачемъ и со священникомъ, и выпустилъ изъ рта сигару только тогда, когда ему пришлось высунуть языкъ. Я смутно понималъ, въ чемъ дѣло, до Андухара—гдѣ мнѣ самому пришлось быть свидѣтелемъ того, какъ умираютъ люди съ настоящимъ corazón (сердцемъ) въ Испаніи.

Когда я пріѣхалъ сюда—на улицѣ мнѣ попались члены похороннаго братства. Они шли завѣшенные капюшонами, въ которыхъ были прорѣзаны отверстія для глазъ. У нѣсколькихъ въ рукахъ оказывались горящія восковыя свѣчи... Небо было такъ соблазнительно ясно, такую чудною прохладой вѣяло изъ ущелій Сьерры Морены, такъ далека была въ эту минуту мысль о смерти, что я невольно вздрогнулъ—когда одинъ такой братъ подошелъ ко мнѣ.

— Помогите, сеньоръ кабальеро, грѣшной душѣ примириться съ Господомъ.

На лицѣ моемъ выразилось такое изумленіе, что братъ-пеципансіаръ поспѣшилъ объясниться.

— Онъ жилъ мало, но согрѣшилъ столько, что нужно будетъ много, охъ, очень, очень много обѣдень, чтобы сократить его пребываніе въ чистилищѣ!..

— Я рѣшительно ничего не понимаю.

— Сегодня казнятъ обѣднаго Paquito!..

Я даль, сколько могъ; очевидно, это было больше, чѣмъ ожидалъ завѣщенный капюшономъ таинственный незнакомецъ...

— *Machissimes gracias!*.. Можетъ быть, и вашей милости впоследствии ктонибудь окажетъ такое же *beneficio*...

Я бы не пошелъ на «*plaza Mayor*»—но мой проводникъ такъ взволновался и такъ возмутился на меня, что я невольно поддался ему.

— Какъ же можно не идти, когда всѣ идутъ. Дѣвушки надѣнутъ лучшія свои платья, и потомъ Пакито такой молодецъ, что доставитъ всѣмъ много, много удовольствія. Онъ умретъ не какъ какойнибудь «*goposo*», а какъ настоящій *hidalgо*. Я его знаю съ этакихъ лѣтъ (онъ опустилъ ладонь къ землѣ). И притомъ вы передъ «*argolla*»—увидите лучшее здѣшнее общество. Вы должны оказать—эту честь бѣдному малому. Пускай онъ знаетъ, что даже изъ этой,—какъ ее? *Russia*, что ли,—пріѣхали «полюбоваться» на него. Это его вознаградитъ за нѣсколько неприятныхъ мгновений!..

Можно ли было не сдаться на такіе аргументы?

Дѣйствительно, улицы были полны разряженными женщинами. Такихъ яркихъ шолковыхъ, затканныхъ пестрыми цвѣтами, шалей—я до тѣхъ поръ и не видывалъ; длинная бахрома ихъ волочилась по землѣ. Въ волосахъ у мѣстныхъ «*buena moza*», казалось, пылали алыя розы. На лицахъ горѣло оживленіе—и всѣ эти *mujeres* (женщины) торопились на *plaza Mayor*.

— Это гораздо замѣчательнѣе, чѣмъ *cogrida de toros* (бой быковъ)—объясняла мимоходомъ одна *senorita* другой... — И потомъ, онъ умретъ по настоящему, не то, что *Hilario*, два года назадъ, который просилъ завѣсить себѣ лицо въ послѣднюю минуту. И, кромѣ того, у *argolla* будутъ всѣ его родные...

— А если король его помируетъ?—спрашивалъ молодой парень у старика. Оба тоже стремились мимо насъ все по тому же самому направленію.

— Ну, вотъ!—съ неудовольствіемъ заворчалъ тотъ.—Въ прошломъ году онъ помиловалъ *Херонимо*. И потомъ король знаетъ, что мы всѣ ждали этого дня...

Очевидно, инстинкты, воспитанные ауто-да-фе—еще не исчезли въ населеніи этихъ областей Испаніи. Страсть къ крови и къ зрѣлищу страданій, такъ тщательно воспитывавшаяся инквизиціей и добрымъ королемъ Филиппомъ II—стала для испанца второю натурою. Можно сказать, что въ этотъ день *Андухаръ* былъ пустъ: весь онъ оказывался на большой площади, ожидая, когда изъ «*капилья С. Франсиско*» поведутъ «славнаго малаго», отважнаго Пакито, у котораго въ груди бьется «настоящее сердце»—поведутъ на *argolla*...

— Это все таки для него утѣшительно, что весь городъ думаетъ о немъ теперъ!—замѣтила одна *manolla* своему *querido*...

— Да и съ нимъ вмѣстѣ молится нѣскольکو священниковъ.

Осужденнымъ здѣсь объявляютъ наканунѣ отказъ короля на просьбу о помилованіи. Тотчасъ же послѣ того, бѣднягу приводятъ на всю ночь въ капеллу, гдѣ онъ молится до утра, посреди множества духовенства, признающаго своею обязанностью не оставлять его ни на минуту. Въ этомъ отношеніи, даже прелаты не считаютъ себя въ исключительномъ положеніи. Архіепископъ Севильи, на примѣръ, еще недавно молился всю ночь вмѣстѣ съ несчастнымъ Эрике Рибера. Казнятъ обыкновенно въ десять-одиннадцать часовъ утра, такъ что осужденнымъ остается болѣе 12 часовъ нестерпимаго ожиданія. Капелла на эту ночь торжественно освѣщается тысячами огней. Кромѣ приговореннаго и священниковъ, тамъ никого нѣтъ. Не пускаютъ даже властныхъ людей. Только снаружи, на улицѣ, стоитъ нѣскольکو сбировъ... Съ десяти вечера до девяти утра идутъ нескончаемыя службы, торжественно звучитъ органъ, раздаются печальные напѣвы духовенства; словно изъ какой-то, пропадающей въ дыму ладона, глубины и высоты раздается напутственное слово потрясенному бѣдняку. Онъ все время не одинъ. Онъ окруженъ священниками и, — надо сказать правду, — рѣдкій изъ самыхъ закоснѣлыхъ злодѣевъ не каялся и не плакалъ среди такой обстановки. Подъ утро, приговореннаго отпѣваютъ, какъ мертваго. Онъ слышитъ надъ собою панихиды и въ послѣдній разъ внимааетъ молитвеннымъ звукамъ органа, слѣдитъ, какъ лучи восходящаго солнца проникаютъ сквозь расписныя окна храма въ его, полную мистическаго сумрака и облаковъ ениміама, бездну... Ему кажется, что онъ уже затерялся въ этой безднѣ, растворился въ ней, и, еслибы не красныя сутаны причта и не бѣлыя одежды священниковъ—все бы исчезало изъ его глазъ, кромѣ кроткаго лика мадонны, въ золотѣ и самоцвѣтныхъ камняхъ, ярко сіяющаго надъ нимъ изъ глубины капеллы. Въ девять часовъ—въ двери раздается троекратный стукъ. «Земля» требуетъ у небесъ на время свою жертву, чтобы часа два спустя окончательно отдать ее имъ... На стукъ торжественно растворяются двери капеллы и въ нихъ, окруженный священниками появляется осужденный. Въ послѣдній разъ ему свѣтило солнце въ тотъ день, когда я видѣлъ это печальное зрѣлище; улица охватываетъ несчастнаго своимъ шумомъ и гамомъ... Съ лица его еще не сбѣжало выраженіе экстаза и благоговѣнія—а уже тѣнь ужаса падаетъ на него. Странно, съ какимъ страхомъ приговоренный смотрѣлъ не впередъ, гдѣ его ждетъ отвратительная *argolla*, а прямо надъ собою и около себя. Я не умѣю сравнить этого ни съ чѣмъ инымъ, какъ еслибы онъ слышалъ около

вѣянье какихъ-то невѣдомыхъ, зловѣщихъ крыль... Но духовенство не даетъ ему опускаться въ эту пропасть малодушія. Прямо передъ нимъ, въ твердой рукѣ мѣстнаго кюрэ оказывается золотой крестъ и за него бѣдняга схватывается, какъ за послѣдній якорь спасенія. Теперь уже онъ не отводитъ отъ него глазъ. Онъ не видитъ полныхъ жаднаго любопытства глазъ толпы, наполнившей весь путь до гарроты; не замѣчаетъ, что всѣ балконы полны пестро разряженными сеньорами и сеньоритами, которые, встрѣтивъ это шествіе — сейчасъ же бросятся вслѣдъ на plaza Mayor. Онъ не слышитъ гула голосовъ, часто обращенныхъ прямо къ нему—но никогда, какъ бы ни были страшны его злодѣянія, не укоряющихъ его ни въ чемъ. Въ этомъ отношеніи наша толпа—въ полномъ значеніи слова звѣриная.—Южане понимаютъ, что смерть примиряетъ все, и умѣютъ передъ казнью прощать осужденнаго. Я помню, какъ въ Петербургѣ животная масса дворниковъ, лавочниковъ и уличныхъ завсегдатаевъ ревѣла, какъ одержимая бѣсомъ, злобно и насмѣшливо въ одно и то же время, передъ помертвѣвшимъ отъ предсмертнаго ужаса преступникомъ. Она была отвратительна въ полномъ смыслѣ слова и никогда казнь не являлась до такой степени озвѣряющей массу, какъ въ тотъ сѣрый и тусклый день. Въ Испаніи—дѣло другаго рода. Тутъ толпа ободряетъ бѣднягу, и часто вмѣстѣ съ нимъ молится. Только вдали видны веселыя лица, слышны шутки и смѣхъ—но они не оскорбляютъ осужденнаго. Они вовсе не къ нему относятся.

Какъ тяжело, должно быть, было бѣдному Пакито въ это утро—такое радостное, пріятное, ясное... Ни облачка на небесахъ. И такъ мягко рисовались позади, казавшіяся такими нѣжными, голубыя вершины Сьерры Морены; солнце такъ ласково, такъ тепло освѣщало и стѣны домовъ, бѣлыя на темносинемъ фонѣ неба, и тонкіе силуэты башенъ, и колокольни церквей. Такъ жизненно—весело звучали въ толпѣ голоса агуадоровъ, выкрикивавшихъ:

— Agua fresca, agua fresca!

Такъ жизненно и весело!.. Но какъ они должны были отзываться въ этомъ смятенномъ, трепетавшемъ сердцѣ...

— Э! Пакито!—послышался въ толпѣ ободряющій голосъ.

Несчастный повернулъ туда голову.

— Э! Пакито... Ты жилъ молодцомъ, умѣй же и умереть, какъ слѣдуетъ.

Какое-то отраженіе улыбки пробѣжало по блѣдному лицу кающагося.

Въ большихъ городахъ, осужденнаго на гарроту доставляютъ въ тюремной колесницѣ, окруженнаго карабинерами. Въ Андухарѣ—

я думаю—и лошадей вовсе нѣтъ, а по этимъ улицамъ никакая колесница и не продвинулась бы! Во времена оны—его привезли бы на ослѣ, обнаженного до колѣнъ, причѣмъ позади бѣжалъ бы палачъ подъ звуки веселыхъ «coplas» (куплетовъ) и сыпалъ бы на жалкое тѣло преступника нестерпимые удары кнута. Это еще было не такъ давно. XIX-й вѣкъ, вмѣстѣ съ подслѣдственной пыткой, уничтожилъ и предсмертную муку для приговореннаго... Чѣмъ ближе къ площади, тѣмъ глаза Пакито становились все краснѣе и краснѣе—лицо синѣло... Въ тотъ моментъ, какъ изъ тѣсной улицы онъ переступилъ на plaza Mayor—я замѣтилъ, что взглядъ его опустился внизъ. Ему страшно было видѣть эту платформу съ чернымъ столбомъ! Рѣзко и грубо рисовался онъ въ чистомъ и прозрачномъ воздухѣ. Съ отвратительной отчетливостью, подъ этимъ освѣщеніемъ выдѣлялся изъ эшафота стулъ, прислоненный къ столбу, и столъ около, покрытый бѣлою скатертью, на которой чернѣлъ ржавый ошейникъ, «argolla»—гаррота.

Священники чуть не на рукахъ внесли несчастнаго на девять ступеней, ведущихъ къ этому стулу. Осужденный не отрывалъ устъ отъ распятія. Рука его инстинктивно придерживала сердце. Должно быть, оно съ болью, рѣзко и сильно отбивало ударъ за ударомъ, точно маятникъ, отсчитывавшій остающіяся мгновенья жизни... Городскія колокольни долго ждали этого момента. Похоронный гулъ колоколовъ пронесся въ высотъ и уже не прекращался до смерти Пакито. Передъ стуломъ священники отступили... Палачъ положилъ руки на плечи казнимаго и грознымъ движеніемъ посадилъ бѣднягу... Было ли отраженіе какого нибудь челоувѣческаго чувства на этомъ парализованномъ лицѣ?.. Ничего, кромѣ ужаса, застывшаго во всѣхъ чертахъ холоднаго, синяго лица... Не умеръ ли онъ раньше, чѣмъ желѣзный ошейникъ надѣли ему на шею?.. Палачъ отступилъ и схватился позади за ручку механизма... повернулъ ее.

Избавьте меня отъ описанія лица казненнаго. Это было до такой степени отвратительно, что нужны испанскіе нервы—чтобы не отводить глазъ, жадныхъ и любопытныхъ, отъ этой обезображенной массы. Вѣра лихорадочно шелестила въ рукахъ у сеньоръ и сеньоритъ, толпа замерла.

Законъ кончилъ свое.

Въ Испаніи трупъ немедленно выдается роднымъ или погребальному братству. Такому именно и были выданы останки Пакито на самомъ эшафотѣ. Мгновенно образовалась громадная похоронная процессія. Принесли богатый гробъ, сложили туда тѣло казненнаго. Члены братства въ опущенныхъ на лицо капюшонахъ

подняли его на длинныхъ полотенцахъ и понесли открытымъ въ церковь. Когда я зашелъ сюда — надъ гробомъ Пакиго звучали тѣ же Requiem и De profundis, которые сорокъ восемь часовъ, послѣднихъ въ своей жизни, онъ слышалъ надъ собою въ той же капеллѣ.

II.

Съ «гарротою» мнѣ пришлось забѣжать впередъ и говорить объ Андухарѣ раньше, чѣмъ мы туда приѣхали... Мы еще на золотомъ блюдѣ Ламанчи—одни края его видны передъ нами. Среди страшнаго, расслабляющаго зноя этой глади, нѣтъ-нѣтъ да и поветъ свѣжимъ вѣтеркомъ, точно дыханіе жизни приносится отъ тѣхъ голубыхъ силуэтовъ, что стоятъ вдали на рубежѣ улыбающейся Андалузіи, точно защищая ее отъ песковъ голой, шафранной Кастиліи, медленно и тяжело умирающей подъ пристальнымъ взглядомъ своего безпощаднаго солнца. Чѣмъ ближе къ Сьеррѣ Моренѣ—тѣмъ все чаще и чаще этотъ привѣтливый вѣтерокъ освѣжаетъ наши разгорѣвшіяся лица. Земля начинаетъ мало по малу всхолмливаться, кое-гдѣ по ней даже ползутъ, еще робко и неувѣренно, первые зеленые побѣги... Мы мало по малу выходимъ изъ оцѣпененія—хотя жара еще сильна и кажется, что самый мозгъ расплавляется въ нашихъ накалившихся черепахахъ... Призракъ благороднаго донъ-Кихота—мало по малу отходитъ назадъ. Только тѣнь его еще чудится на золотыхъ пескахъ Ламанчи... длинная, длинная... нѣтъ, это не она... Неужели настоящее дерево?.. дерево съ листьями и вѣтвями. Да, это его тѣнь... Значить, конецъ золотому блюду. На золотомъ блюдѣ несчастной страны не горы, полагается быть деревьямъ. Чу, и разомъ надвинулись горы, манищія въ прохладу своихъ ущелій, съ золотыми скалами въ высотѣ, съ синими бархатистыми склонами, съ бѣлыми стѣнами деревушекъ, точно ласточкины гнѣзда, прислонившихся къ ихъ отвѣсамъ. Вотъ башни чудятся, остатки построенныхъ маврами крѣпостей... Еще немного—и мы точно въ рай попали. Журчанье воды, шелестъ вѣтвей, прохлада... Яркія уста жадно раскрывшихся въ травѣ цвѣтовъ, пѣніе птицъ, которыхъ такъ ненавидитъ молчаливая и засушенная Кастилія. Сиера Морена еще не Андалузія. Это ея порогъ, двери въ нее,—но уже въ дверяхъ благоухаетъ и вѣетъ своимъ волшебнымъ воздухомъ страна, передъ очарованіемъ которой бессильно слово...

Какъ глубоки эти ущелья, причудливы утесы! Какими чудовищными ребрами взрѣзали они землю... Какъ свѣтло и ярко бѣ-

жать гремучіе ключи, прозрачныя и чистыя, по черному агату шифера... Какимъ расплавленнымъ золотомъ, прорвавшись сквозь зеленныя вѣтви платановъ, падаютъ на дорогу лучи солнца. Оно уже безсильно здѣсь. Убившее Кастилію и Ламанчу—оно только влюбленно и нѣжно грѣетъ Сьерру Морену. Тѣснины все уже и уже. Кажется, стѣны этихъ горъ сдвинутся сейчасъ и раздавятъ насъ. Мы пересѣкаемъ рельсы желѣзной дороги. Вотъ черный звѣвъ тунеля. Изъ него, свистя и шипя, громяхая и тяжело дыша удушливымъ дымомъ, вырвался локомотивъ и медленно протаскилъ мимо насъ нѣсколько тяжелыхъ темныхъ вагоновъ, чтобы сейчасъ же спрятаться, какъ червякъ въ свою нору—въ новый тунель... Только чадъ и вонь каменнаго угля остались въ благоуханномъ горномъ ущельѣ... Мы миновали его; тихо движется намъ на встрѣчу мулъ, пестро одѣтый въ мелодически позвякивающую бубенцами сбрую. Бахрома виситъ у него на груди, перья колышутся между ушами, лобъ прикрытъ красною сѣткою. На немъ граціозно усѣлась *manolla*, завернувшаяся въ палевую, затканную цвѣтами, шаль... Весело изъ подъ черныхъ кудрей ея сверкнули лукавыя глаза.

— *Vagan ustedes con Dios!* (Проѣзжайте съ Богомъ)—послышался намъ ея мелодичный голосъ. У меня въ памяти остался красивый очеркъ художественно очерченнаго рта и слоновая кость свергнувшихъ на мгновеніе зубовъ красавицы...

— Настоящая «могера»!—прошепталъ мой проводникъ.

— Что?

— У насъ въ Кордовѣ есть еще такія!

— Развѣ онѣ выводятся?

— Да... Все хорошее мало по малу выводится въ нашей несчастной Испаніи. Только и остались намъ въ утѣшеніе вотъ такія красавицы да пѣсни!.. Скоро, впрочемъ, и Андалузія пѣть перестанетъ.

— Почему?

— Потому что голоднымъ людямъ не до того!

Какъ хорошо кругомъ!

Кажется, бросилъ бы сѣдло и коня, забрался въ горную долину, что вся утонула въ прохладѣ тѣни и зелени, надъ которой только утесъ вверху отразился огнистымъ отсвѣтомъ солнца, и забылъ бы тамъ весь міръ, среди идиллической лѣни и покоя!.. Вотъ изъ-за горъ выступила бѣлая вершина... Другая... На ихъ снѣгахъ розовѣетъ что-то. Это изъ-за Сьерры Морены послала намъ свой величавый привѣтъ Невада...

Другая страна, другіе люди! Совсѣмъ не Испанія. По крайней

мѣрѣ, не та Испанія, къ которой я привыкъ по ту сторону горъ. Веселія, открытыя лица... Какъ будто желая опровергнуть зловѣщія предсказанія моего проводника, пѣсня то и дѣло слышится намъ на встрѣчу, граціозная, какъ птичка, купающаяся въ воздухѣ и трепещущая каждымъ своимъ звукомъ каждымъ перышкомъ своихъ крыльевъ... Мы прислушиваемся. Вотъ онѣ — первыя ласточки Андалузїи! Это все тотъ же «coplas», нѣжно и ласково стучащійся въ ваше сердце. Скорѣе откройте его!..

Dos besos tengo en el alma
Que no me dejan vivir:
El ultimo de mi madre
Y el primero que te di!..

т. е. два поцѣлuya въ душѣ моей, не дающіе мнѣ жить: послѣдній моей матери, и первый, который я дала тебѣ...

Неужели, на зло Филиппу II и Торквемадѣ — Андалузїя еще поетъ и пляшетъ? Неужели злобныя силы этихъ двухъ титановъ ада разбились о зеленыя стѣны Сьерры Морены и загубили только желтыя глади Кастиліи, Леона и Ламанчи?.. И, какъ будто въ отвѣтъ мнѣ, изъ другаго ущелья вырвалась и весело звучитъ новая пѣсенка:

Los ojos de mi morena
Tienen un mirar extrano;
Que matan en una ora
Mas que la muerte en un ano...

т. е. страшень взглядъ моей морены: онѣ въ часъ убиваетъ вѣрнѣе, чѣмъ смерть сдѣлаетъ это въ годъ.

День, проведенный въ горахъ Сьерры Морены, навсегда останется у меня въ памяти, послѣ кошмара Ламанчи и обѣихъ Кастилій. То и дѣло попадались мнѣ на встрѣчу всадники, сидѣвшіе въ классическихкихъ андалузскихъ позахъ верхомъ, вмѣстѣ съ дамами. Нѣкоторые коротали дорожную скуку, перебирая струны гитары; другіе пѣли, третьи радостно и весело хохотали. Природа здѣсь — точно попали мы на другую планету. Гдѣ-то, кажется, въ недосыгаемой дали, осталась ея жесткость, сухость... Огонь не льется съ небесъ, земля не жжетъ ногу. Мягкія очертанія всего кругомъ успокоиваютъ нервы, волны благоуханій охватываютъ васъ кругомъ, счастливыя сочетанія красокъ ласкаютъ взглядъ. Деревни, правда, напоминаютъ еще кастильскія. Около — нѣтъ садовъ, зато сѣровато-серебристыя облака оливковъ подступаютъ чуть не къ самымъ домамъ. На высотахъ — точно привѣтъ холодной родины — кое-гдѣ попадается наша сѣверная береза;

пожалуй, повѣрилъ бы, что я дома, еслибы не это темносинее небо, «глубокое, какъ очи андалузянки, и горячее, какъ они же», по словамъ Хосе Сорильи. Городки совсѣмъ уже уносятъ васъ на востокъ. Когда мы проѣзжали по ихъ узкимъ улицамъ—дѣвушки съ балконовъ, смѣясь, кидали намъ лиліи. Разъ какъ-то моему проводнику случилось сопровождать какого-то англичанина. На него тоже посыпался дождь цвѣтовъ. Восхищенный островитянинъ, привыкшій за все про все разсчитываться деньгами, швырнулъ имъ, этимъ прелестнымъ *могепас*, нѣсколько золотыхъ. Надо было видѣть, какую бурю негодованія вызвало его «невѣжество»! Деньги были выкинута назадъ, на улицу, къ вышему благополучію неожиданнѣйшей такой благодѣтели нищихъ, и на бѣднаго туриста полилась, вмѣсто цвѣтовъ, вода изъ графиновъ, умывальниковъ, стакановъ, причемъ тѣ же стаканы вслѣдъ полетѣли ему въ голову. Мальчуганы пляшутъ, шелкая въ ладоши и напѣвая что-то. Не будь такъ привѣтливы ихъ лица, можно было бы подумать, что они пьяны. Впрочемъ, это ужь такъ Богомъ положено: вся Андалузія до сихъ поръ навеселѣ. Ея смѣха, пѣсни и пляски не могло убить ничто! Даже карабинеры-жандармы, и тѣ, кажется, воть-воть загремятъ кастаньетами и давай отбивать захватывающій на мѣстнаго болеро. Скоро дома потеряли свой кастильскій характеръ. Розы цѣпляются по ихъ стѣнамъ, волны зеленой поросли падаютъ съ ихъ кровель и слегка шелестятъ по вѣтру. Даже попадавшіяся намъ на встрѣчу желѣзнодорожныя станціи, и тѣ затопило зеленью... Еще нѣсколько километровъ, и зелень уже раскидывается какимъ-то наводненіемъ. Когда, потомъ, я проѣзжалъ эти же мѣста уже въ вагонѣ—мнѣ казалось, что нашъ поѣздъ запутается въ этомъ морѣ цѣпкихъ стеблей, вѣтвей, вѣтокъ и лозъ, что онъ остановится посреди нихъ, какъ корабль, захваченный водорослями. Гвадалквивиръ уже показывается здѣсь. Мы нѣсколько разъ перебирались черезъ него. Въ Севильѣ онъ и не «шумить», и не «бѣжить», зато тутъ онъ стремится по наклонному дну съ такой быстротой, что голова кружится, глядя на него. Кое-гдѣ онъ раздвигается и тамъ, на островкахъ, тоже одѣтыя зелеными бархатными мантиями всякой поросли, красиво стоятъ старыя башни и стѣны мавританскихъ замковъ. Очевидно, арабы защищали ими когда-то доступъ черезъ горы въ свои счастливые и цвѣтушіе халифаты. Это — край легендъ. Здѣсь народная фантазія съ каждымъ камнемъ связала какую нибудь былинку. Тутъ воть, на примѣръ, является тѣнь стараго мавра, сбивающаго съ пути странниковъ; тамъ плачетъ дочь халифа, которую когда-то изъ Кордовы увезъ готскій рыцарь и, слышавъ погоню, постыдно бросилъ ее тутъ прямо

подъ ножъ мстительнаго отца; тамъ, въ цѣломъ гнѣздѣ утесовъ, кажущихся въ лунныя ночи кованными изъ серебра, собираются воины Абу-Маммуна, побитые при Ласъ-Навао-до-Толоза, бѣжавшіе сюда, а здѣсь постигнутые и истребленные кастильскими воинами... Кое-гдѣ горы оставляютъ небольшія площади для хлѣба—и я вижу крестьянъ, пашущихъ землю. Плуги запряжены каждый, парю громадныхъ круторогихъ быковъ. Когда горы мало по малу стали отступать—кругомъ сдѣлалось такъ ясно, такъ весело, что я даже не сообразилъ, почему съ такою гордостью и въ то же время съ восторгомъ мой проводникъ сталъ меня торопить къ какому-то «руевлю», бѣлые дома котораго радостно сверкали подъ солнцемъ. Окна ихъ были прикрыты причудливыми желѣзными рѣшетками... Сѣрые листки оливковыхъ деревьевъ нѣжно трепетали подъ легкими порывами просыпавшагося и снова засыпавшаго вѣтра.

— Куда мы торопимся такъ?

— Но, сеньоръ-кабальеро, вѣдь это Байленъ.

Байленъ!.. Одно это имя объяснило мнѣ все: и радость, и гордость моего спутника. Байленъ—первая андалузская деревня, гдѣ впервые грозныя войска Наполеона—восемнадцать тысячъ лучшихъ солдатъ его—были не только разбиты, но положили оружіе передъ переодѣтыми въ солдатскіе мундиры андалузскими мужиками. Байленъ—первое предостереженіе этому титану, предтеча Москвы!.. Байленъ, который заставилъ вздрогнуть цѣлый міръ и поднять голову всѣхъ тѣхъ, кого заставили опустить ее сто наполеоновскихъ побѣдъ, и сколько загадочнаго схоронено здѣсь—на этихъ улыбающихся поляхъ. Поневоля всматриваешься въ эти кокетливые дома, допрашиваешься у старыхъ деревьевъ о тайнахъ, свидѣтелями которыхъ они были... Миліоны людей погибли потому, чтобы искупить то, что здѣсь было потеряно въ одинъ часъ. Эдгаръ Кинэ говоритъ, что—среди ослѣпительныхъ праздниковъ имперіи—восьмиугольная колокольня Байлена вдругъ выдвинулась и зазвонила также зловѣще, какъ нѣкогда таинственная рука написала три непонятныя слова на пирѣ Вальтасара. Это случилось 19 іюня 1808 г. Послѣ него—побѣды продолжались; но уже была найдена Ахиллесава пята французской арміи. «Позади триумфальной колесницы имперіи, голосъ смерти кричалъ, не умолкая: «Байленъ, Байленъ», и его ничто уже не могло заглушить». Послѣ Байлена—война уже не опускала своего меча. Байленъ неизбѣжно вызвалъ Ватерлоо.

Въ этотъ злополучный для французовъ день, въ три часа утра, командующій наполеоновскимъ отрядомъ въ Андалузіи генераль Дюпонъ—до сихъ поръ никѣмъ и нигдѣ не побѣжденный—велъ

на это оливковое поле девять тысяч свѣжихъ солдатъ къ другимъ девяти тысячамъ, ждавшимъ его здѣсь. Ему удалось перейти дорогу испанской арміи, оставшейся позади, за Андухаромъ... Было еще темно. Тяжелое, точно свинцовое, небо бременемъ висѣло надъ остывавшею и молчаливою землей. Дюпонъ, неутомимый и предприимчивый, двинулъ свой отрядъ далѣе и во мракѣ наткнулся на какія-то живыя, только развертывавшіяся массы. Это были двадцать пять тысячъ испанскихъ рекрутъ, только что взятыхъ отъ земли, непривыкшихъ носить оружіе и, тѣмъ не менѣе, смѣло бросившихся черезъ Гвадалквивиръ, между двумя стѣнами испытанныхъ героевъ наполеоновскихъ войнъ, уже сближавшимися и готовыми соединиться. Дюпонъ понялъ опасность. Онъ развернулъ свой отрядъ и съ мѣста бросился въ атаку съ тою всеограшающею стремительностью, которая была едва ли не лучшимъ качествомъ боевыхъ армій Бонапарта. Онъ снесъ прочь первыя линіи враговъ, какъ будто ихъ и не существовало—и вдругъ наткнулся точно на какой-то утесъ. Это—стояли подъ его огнемъ и штыками андалузскіе мужики; они грудью встрѣтили считавшійся неотразимымъ ударъ... Они его выдержали—и сами надвинулись на изумленныхъ солдатъ Дюпона. На войнѣ, удивить и побѣдить—почти синонимы. Солнце встало, освѣтивъ картину неимовернаго ужаса и истребленія. Оправившись отъ изумленія, французы бросились на андалузцевъ. Начался бой грудь съ грудью, молчаливый, штыковый бой, когда люди и убиваютъ, и умираютъ безъ крика и шума, когда каждая пядь земли достается цѣною чьей нибудь смерти. Рѣзня была такова, что острый запахъ крови слышался на милю кругомъ. Но испанцы падали подъ штыками наполеоновскихъ солдатъ и на смѣну павшихъ тотчасъ же появлялись новыя полчища. Андалузскіе мужики держались съ такою стойкостью, что генераль Дюпонъ воскликнулъ, обращаясь къ генералу Мареско:

— Скажите мнѣ: сплю ли я, или это, дѣйствительно, испанцы?

Кастильскіе историки, большіе любители риторическихъ фигуръ и сравненій, говорятъ, что 19 іюня 1808 года—въ дравшихся Байлена испанцевъ вселились души доблестныхъ защитниковъ Нуманціи и Сагунта.

— Да неужели же нельзя сбить эти стѣны!—съ отчаяніемъ крикнулъ молодой капитанъ Дюперрэ.

Оказалось: нельзя. Когда онъ, собравъ наиболѣе стремительныхъ изъ своихъ солдатъ, кинулся съ ними, чтобы пробить брешь въ этой живой массѣ защитниковъ Севильи и Кордовы, она разомкнулась передъ ними, потомъ опять сомкнулась на нѣсколько ми

нуть, чтобы выбросить обратно французамъ уже трупы лучшихъ ихъ товарищей.

Въ одиннадцать часовъ жара стала нестерпимой. Солнце жгло такъ, что у бойцовъ поневолѣ опускались руки. Кажется, самый воздухъ сверкалъ—точно съ неба лились струи огня на напоенную кровью землю. Трупы стали разлагаться съ быстротой, приводившей въ отчаяніе французовъ, которымъ приходилось дышать этими миазмами. Дюпонъ потребовалъ приостановки боя. Солдаты бросились на землю, и послѣ нечеловѣческихъ усилій, впервые забылись въ тяжеломъ, похожемъ на кошмаръ, снѣ. Рѣдкая тѣнь оливковыхъ деревьевъ не спасала ихъ отъ этого пламени, казалось, все продолжавшаго литься съ небесъ. Сотни людей были поражены солнечными ударами. Войцы ползкомъ, подъ этимъ страшнымъ зноемъ, искали хоть какого нибудь ручейка—но воды не было! Кругомъ французскаго отряда лежали кольцомъ массы труповъ. Молчаніе царило здѣсь; тогда какъ испанцы со всѣхъ сторонъ, веселыми криками, призывали къ мести и даже пѣснями торжествовали окончаніе перваго акта этой бойни. Сулавердые пишутъ, что въ рядахъ этихъ андалузскихъ мужиковъ слышались даже звуки гитары, въ то время какъ французскіе солдаты царапали землю въ отчаяніи. Надо прибавить къ этому, что наполеоновскій отрядъ былъ по рукамъ и по ногамъ связанъ пятьюстами телѣгъ съ добычей, доставшейся ему при разграбленіи Кордовы. Развязаться съ ними нельзя было—онѣ все равно не давали двинуться солдатамъ назадъ; въ то же самое время у испанцевъ, кромѣ оружія, ничего не было—движенія ихъ оказывались свободны и они могли выбирать мѣсто для своихъ ударовъ...

Что было дѣлать далѣе?

Дюпонъ собралъ военный совѣтъ.

Два генерала объявили, что пѣхота вполне обезсилена; третій, что кавалерія можетъ оказать ей весьма слабую помощь. Дюпонъ растерялся и сдался на капитуляцію.

Это былъ первый успѣхъ испанскихъ народныхъ армій передъ профессиональною наполеоновскою солдатчиной. Не безъ основанія французскіе историки упрекаютъ Дюпона въ томъ, что онъ не бросилъ большой дороги, не дождался ночи и не попробовалъ однимъ ударомъ въ лѣвое или правое крыло испанцевъ пробиться и уйти, оставивъ убитыми и ранеными хоть половину своихъ бойцовъ. Я проходилъ по полямъ Байлена—болѣе удобнаго и ровнаго мѣста для боя нельзя было найти, а для атаки въ тотъ же вечеръ, когда солдаты мало по малу оправились бы отъ жары и устали, они представляли всѣ желательныя условія. Дюпонъ не

дождался вечера, когда, какъ онъ зналъ, Ведель долженъ былъ явиться ему на выручку и дѣйствительно явился—но удары его пушекъ слушала уже сдававшаяся и военноплѣнная армія. У Веделя было девять тысячъ совершенно свѣжихъ солдатъ, и разумѣется, что съ его помощью отрядъ андалузскихъ мужиковъ былъ бы совершенно уничтоженъ. Но Дюпонъ пошелъ дальше. Связанный капитуляціей, онъ послалъ Веделю приказъ тоже положить оружіе, что и было слѣпо исполнено. Генераль Дюпонъ писалъ потомъ Бертъе: «мы находились среди непроходимыхъ горъ Сьерры». Была ли это галлюцинація? Сьерра оставалась далеко позади; отъ Герумблара до Гвадалквивира — стелется зеленѣющая гладь... Не только непроходимыхъ горъ, но и холмовъ здѣсь не оказывается вовсе. На своемъ образномъ языкѣ, Эдгаръ Кинэ говорить: «въ этомъ знаменіи Испанія узнала десницу Господню. Ея священная война началась такимъ образомъ—чудомъ» Съ этого дня Іосифъ, король Испаніи и Индіи—уже является для нея только въ смѣшномъ видѣ Хозецильо.

Говорять, было жарко—но развѣ не также жарко было солдатамъ на поляхъ Маренго, въ сожженныхъ небомъ пустыняхъ Африки? Они ничего не ѣли,—а болѣе тысячи быковъ и лошадей, перевозившихъ телѣги, нагруженные золотомъ? Развѣ нельзя было пожертвовать ими?

Байленъ теперь—совсѣмъ спитъ, среди окружающихъ его оливковыхъ рощъ. Испанцы на главной площади его—на площади Богородицы—вмѣсто памятника, поставили фонтанъ со статуею независимости наверху... Гораздо пріятнѣе другая площадь этого городка, вся заросшая апельсинными деревьями. Тонкій ароматъ ихъ цвѣтовъ льется въ воздухъ; кругомъ, мрачно нахмурясь, стоятъ нѣсколько домовъ со старинными щитами конквистадоровъ, прибитыми надъ ихъ дверями. Тишина. Ничто не говоритъ о минувшихъ вѣкахъ, и только вдохновенныя строки поэта Риваса еще цитируются здѣсь, и то лишь любителями старокастильскихъ поэтовъ.

«Байленъ — магическое слово! Какой испанецъ, произнося тебя, не почувствуетъ въ своемъ сердцѣ всеожигающую лаву восторга.

«Байленъ — чистѣйшая слава этого вѣка поставила свой тронъ посреди твоихъ полей.

«Байленъ — въ твоихъ оливковыхъ рощахъ, спокойныхъ и пустынныхъ, на твоихъ нѣмыхъ пригоркахъ, на берегахъ твоего ручья, самъ Господь поставилъ свой несокрушимый престоль, чтобы съ высоты его изречь вѣчную независимость Испаніи.

«Божья воля совершилась. Побѣдоносныя войска, отважные бойцы, покрытые сталью, непобѣдимые гренадеры, боевые кони, звенящіе мечи, стремительные вожди, легко находившіе дорогу надъ твердынями Монъ-Сениса и Сень-Бернара,

«тѣ, кто одолѣлъ волны Вислы и Дуная, Мезы (Мааса), Рейна и Арно, не могли осилить незамѣтныхъ склоновъ Байлена и найти бродъ въ маленькомъ ручейкѣ Херрумблара...

«Смѣявшіеся надъ пѣлымъ моремъ огня, опрокидывавшіе стѣны штыковъ—не противостали хрупкому желѣзу новобранцевъ, мушкетамъ мужиковъ.

«Напрасны были ихъ усилія, тщетно утомленіе боя. И люди, и кони были отброшены и метались въ одномъ хаосѣ, влачась во прахѣ.

«Гордые орлы — съ обрызганными кровью перьями, такъ понизили свой полетъ, что затерялись въ тинѣ.

«И легионы плѣнныхъ, нѣкогда пугавшихъ вселенную, смѣнивъ свою славу на позоръ, проходили, опустивъ головы, въ цѣпяхъ, передъ толпами хлѣбопашцевъ или ремесленниковъ, которые еще два мѣсяца назадъ не сумѣли бы зарядить мушкета.

«Да здравствуетъ Испанія!—воскликнулъ мѣръ, пробуждаясь изъ своей летаргіи, и въ этотъ мигъ одна звѣзда погасла на небесахъ.

«И въ ту минуту, когда Дюпонъ сложилъ свой мечъ и лавры своихъ боевыхъ товарищей къ ногамъ испанскаго вождя, два архангела отлетѣли съ высоты престола Предвѣчнаго.

«Одинъ понесъ вѣсть объ этой побѣдѣ къ полюсу, и его льды запылали огнемъ; другой въ скалѣ, владычествующей надъ океаномъ, указалъ гробницу Святой Елены».

Я привожу эту наивную и риторическую оду испанскаго поэта только потому, что ее до сихъ поръ съ паэосомъ декламируютъ со всѣхъ испанскихъ сценъ, и сегодня даже, какъ и пятьдесятъ, восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, она вызываетъ одинаковый восторгъ слушателей. Ее положили на музыку, и во многихъ кастильскихъ школахъ поютъ хоромъ, а имя Байлена такимъ образомъ гремитъ по всей Испаніи.

Самый городокъ ведетъ теперь тихую и скучную жизнь.

Дюпонъ былъ здѣсь пораженъ генераломъ Кастаньо. Это—салонный вертунъ, сдѣлавшій всю свою карьеру въ переднихъ королевскаго дворца. Когда французскій вождь, передавая ему шпагу, сказалъ:

— Вы можете гордиться нынѣшнимъ днемъ, генераль. До сихъ

поръ я не проигрывалъ ни одного сраженія. Участвуя въ двадцати—я выигралъ всё!

— Это тѣмъ болѣе удивительно, — замѣтилъ Кастаньо въ отвѣтъ ему, — что до сихъ поръ, во всей жизни своей, я не видывалъ ни одной битвы даже издали.

Изъ Байлена я проѣхалъ въ Андухаръ и тамъ сѣлъ въ вагонъ желѣзной дороги.

До сихъ поръ въ Кастиліи, Арагонѣ, Леонѣ и Ламанчѣ я не видывалъ улыбки на суровыхъ или апатическихъ лицахъ различныхъ кабальеро. Теперь, въ наше купэ то и дѣло входили—отъ станціи до станціи—веселые смѣющіеся люди... Совсѣмъ другой типъ—точно Испанія осталась далеко-далеко, арабская кровь видоизмѣнила его довольно основательно. И если благочестивые короли изгнали это красивое и способное племя съ Пиренейскаго полуострова въ Африку, то все таки до тѣхъ поръ оно успѣло по-работать надъ улучшеніемъ довольно таки грубоватой готской расы. Оно и понятно. Мужья дома не сидѣли. Они были конквистадорами и, какъ опереточный рыцарь Дюнуа, хотя и безъ штановъ, но уходили одерживать побѣды надъ невѣрными. А побѣжденные раньше невѣрные, оставаясь на мѣстахъ, по своему мстили своимъ завоевателямъ. Дѣти рождались—вороной масти, съ такими нѣжными глазами, которые вовсе были несвойственны дубоватымъ воинамъ Фердинанда и Изабеллы. Какъ стройны здѣсь женщины! Сколько изящества, мягкости граціи въ каждомъ ихъ движеніи. Какъ прелестны ихъ руки и ноги, и какъ хорошо понимаютъ онѣ всю свою силу...

Одинъ русакъ здѣсь говорилъ мнѣ:

— Знаете: за нихъ не жаль жизнь отдать, особенно если ихъ сравнить съ нашими русскими тетѣхами!

Андалузянка стройна и легка, какъ газель; у газели же она позаимствовала свои глаза, большіе, полные неописуемаго выраженія. Они мѣняются, какъ море при различномъ освѣщеніи. Они, кажется, живутъ помимо ихъ обладательницы, своею собственною жизнью. Они и говорятъ вамъ, и манятъ васъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полны такъ наивной, полудикой робости. А страстью вспыхнуть—жмурьтесь!.. Иначе бѣда вамъ. Одна замѣтила, что я засмотрѣлся на розу, яркую и пышную, алымъ полымемъ горѣвшую въ ея волосахъ, и, вынувъ ее, съ такою очаровательною, нѣжной улыбкой подала мнѣ, что я невольно прижалъ цвѣтокъ къ своимъ губамъ. И сама эта роза была свѣжа и прекрасна, какъ ея обладательница. Ея лепестки, казалось, еще только что распустились; осыпанные утреннею росой, они были напоены прохладнымъ дыханіемъ

ночи, но уже опалившимися первыми лучами солнца. Какъ все это не похоже на нашъ далекий и угрюмый сѣверъ, и приче́мъ тутъ бѣдныя наши березы, опять показавшіяся на вершинахъ горъ, къ которымъ подошелъ вновь поѣздъ. Впрочемъ, онѣ тутъ затерялись среди кущъ алоэ, стремительно поднимающихъ вверхъ свои стволы á la gaquettes, среди живыхъ изгородей кактуса... Вонъ по склонамъ пещерь, въ ихъ темной глубинѣ, возятся дѣти, крикливыя и веселыя, словно птицы, и птицы тутъ же скрываются роями. Кажется, каждой атомъ воздуха поетъ вмѣстѣ съ ними. Мы проѣзжаемъ черезъ цѣлую вереницу городовъ и городковъ. Вдали, то и дѣло проступаютъ и опять прячутся въ какой-то голубой туманъ снѣговыя вершины Сьерры Невады. Снѣга, царственными, затканными серебромъ, парчевыми мантиями, спускаются внизъ и тонуть въ цѣломъ морѣ свѣта. Всюду журчатъ и весело искрится воды. Неужели въ самомъ дѣлѣ конецъ суровой и дикой Кастилии?...

Герцогъ де-Ривасъ,—о которомъ я говорилъ выше, приводя отрывки изъ его оды на побѣду при Байленѣ,—самъ родился въ Кордовѣ, и въ его пламенныхъ стихахъ часто встрѣчаются перлы истиннаго вдохновенія, когда онъ говоритъ объ Андалузіи. Мнѣ придется о немъ упоминать особо въ очеркахъ этого города. Теперь же я не могу не привести здѣсь нѣсколькихъ строкъ его, посвященныхъ мѣстамъ, черезъ которыя мы теперь проѣзжаемъ:

«Быль ли ты когда нибудъ заключенъ долго и безнадежно— и отворилась ли передъ тобою неожиданно дверь твоей темницы?

«Любилъ ли ты когда нибудъ такъ, что счастье казалось для тебя невозможнымъ, а красавица принадлежала другому, и вдругъ она обратила на тебя влажный взглядъ своихъ глазъ и сказала: я твоя, возьми меня!

«Случалось ли тебѣ умирать такъ, что тьма загробной ночи уже окутывала тебя и сердце билось все слабѣе и слабѣе, и вдругъ пришло утро и воскресило тебя къ жизни?

«Все это ты испытаешь, спускаясь изъ сухой и бесплодной Кастиліи въ благословенныя небомъ андалузскія долины».

III.

— Скоро Кордова!—говорить мнѣ радостно и весело мой со-
сѣдъ.

— Это ваша родина?

— О, нѣтъ!.. Но когда пробудешь болѣе года въ холодномъ и скучномъ Мадридѣ—то первый андалузскій городъ покажется слаще всякой родины.

Я проглядѣлъ всѣ свои глаза, высунувшись изъ окна. Мнѣ казалось, что блистательная столица халифовъ явится передъ нами еще издали въ невиданномъ великолѣпнн. Въ ожиданн этого, я не обратилъ никакого вниманн на Вилла-дель-Рю, съ древннмъ арабскнмъ замкомъ на Монторо, лѣннво и капризно раскинувшнйся по лѣвному берегу Гвадалквивира, хотя на стѣнахъ этого города такъ заманчнво играло солнце и такъ красива казалась зелень его пышныхъ садовъ. Отсюда уже начинаются тѣ самыя счастливыя мѣста, о которыхъ до сихъ поръ такими звучными стихами плачутъ мавританскне поѣты, не забывшне въ пустыняхъ Марокко чудныхъ цвѣтовъ навѣки оставленнаго ими края... Свѣтлыя воды Гуадальбарбо и Гуадальмелато сверкнули вдали на одно мгновенн, но, завернувшнся въ черную тучу удушливаго дыма, нашъ поѣздъ былъ уже далеко... Къ счастью, потянуло вѣтромъ и разогнало этотъ дымъ... На насъ повѣяло нѣжнымъ ароматомъ туберозъ, такимъ нѣжнымъ, такимъ ласковымъ, какъ легкое прикосновенн локона любимой женщины. Это было первымъ привѣтомъ Кордовы—этого «алмазнаго вѣнца» Андалузн, который, если вѣрнть все тѣмъ же пѣвцамъ, такъ ревннво стерегутъ двѣ снѣрры: Невада и Морена... Какая тишина была кругомъ, какое видимое благословенн неба покоилось на поляхъ, окружающихъ этотъ городъ.

Тѣмъ не менѣ, мы напрасно искали его вдали.

Тамъ была вся та же прозрачная, глубокая синь, безоблачная, чистая... Кордова ничѣмъ себя ни выдавала—ни башни, ни колокольни... Альмадаваръ съ его старою крѣпостью, точно выросшей изъ скалы, какъ изъ земли растетъ дерево, остался позади. Здѣсь донъ-Педро Жестокнй хранилъ, между прочнмъ, свои сокровища и... красавицъ, когда ему приходила въ голову блажь измѣнить Марнн Падилла. У меня до сихъ поръ въ памяти—этотъ причудливый силуэтъ стараго замка, такъ рѣзко выступавшнй на голубомъ фонѣ этихъ почти уже африканскихъ небесъ. Казалось бы, пора уже Кордовѣ показаться моему жадному взгляду, но минуты проходили за минутами, а ея не было... По обѣимъ сторонамъ дороги могуче раскидывалась растнтельность, ничего общаго не имѣвшая съ европейскою. Алоэ высоко взбрасывали свои стволы à la gaquette. Такихъ громаднхъ я еще не видывалъ. Стояли старннныя масличныя деревья съ узловатыми, толстыми, причудливо извивавшимися стволами; кое-гдѣ высились пальмы, вздрагивавшнй каждымъ листомъ своего вѣнца; платаны и какня-то другня, совсѣмъ неизвѣстныя мнѣ растення чудовищными листьями заполоняли все... За возвышеннми земли совсѣмъ не видать Кордовы. Точно ея нѣтъ

и не будет вовсе... Чу, потянуло несравненнымъ запахомъ апельсиновыхъ цвѣтовъ.

— Гдѣ же Кордова?—спросилъ я, наконецъ, у моего спутника.

— О, вы ея не увидите, пока не приѣдете въ нее...

Пришлось поневолѣ успокоиться на этомъ.

Послѣ чисто готскаго города—Тоledo, которому я посвятилъ столько времени, Кордова интересовала меня едва ли не больше Севильи и Гренады. Тѣ преобразились—Европа наложила на нихъ свою обезличивающую и нивелирующую руку. Кордова—одна осталась, какъ и была, *арабскимъ инъдомъ* въ полномъ смыслѣ этого слова. Еслибы старые властители ея, халифы, какимъ либо чудомъ воскресли и очутились въ ней, они бы не нашли въ своемъ излюбленномъ городѣ почти ничего европейскаго. Правда, неутомонные и грубые конквистадоры снесли ихъ блистательные дворцы, срубили чудные сады; невѣжественные монахи уничтожили или обезобразили мечети, но улицы остались тѣми же, какими онѣ были тогда, когда изъ Дамаска, Алеппо, Моссула. Каира—шли сюда странники только для того, чтобы полюбоваться на чудеса арабскаго искусства, выросшія здѣсь, на другомъ концѣ свѣта... Нашъ поѣздъ повернулъ, и вдругъ передъ нами, на густой синевѣ неба, разомъ выросли бѣлыя ослѣпительныя стѣны домовъ, крытыхъ черепичными кровлями. За ними разомъ же, словно по щучьему велѣнью, выдвинулись профили старинныхъ башенъ, колокольни церквей, тяжелый силуэтъ знаменитой мечети... Картина стала такъ красива и оригинальна, что мнѣ, какъ Иисусу Навину, такъ и хотѣлось крикнуть: стой поѣздъ и не движься локомотивъ... Но, разомъ показавшееся, все это также разомъ и исчезло, а вмѣсто чуднаго города, передъ нами очутилась простенькая, жалкая желѣзнодорожная станція.

Привѣтливая толпа на станціи. Ни кастильской холодности, ни сѣверной суровости. У каждаго на лицѣ написано: добро пожаловать къ намъ въ Кордову... У подѣзда классическій дилижансъ, запряженный мулами. Мулы разукрашены бахромой, перьями, колокольцами, помпонами. Кондукторъ весело оретъ что-то намъ. Садимся, и доисторическая колымага, какъ и вездѣ въ Испаніи, стремглавъ несется по усыпанной крупною галькой дорогѣ. Мы всѣ, въ ней сидящіе, стукаемся колѣнями, локтями, лбами—но отъ этого намъ дѣлается еще веселѣе. Какое-то жевакинское настроеніе. Кажется, покажи ктонибудь палець—мы начали бы хохотать. Быстро проносятся мимо насъ направо какіе-то сады, и не сады даже, а сплошные цвѣтники, и я понимаю, чей это привѣтъ приносилъ намъ дующій отсюда вѣтерокъ въ окна вагоновъ. Въ пышномъ уборѣ

вѣннихъ цвѣтовъ стоятъ большія деревья. Широко и привольно раскидываются кусты — тоже сплошь, точно дождемъ, осыпанные цвѣтами. Наконецъ, цвѣтники кончились — мы въѣзжаемъ въ оригинальный, весь бѣлый, изъ бѣлыхъ маленькихъ домиковъ состоящій городокъ. Въ каждомъ домикѣ мелькаютъ за сквозною желѣзною рѣшеткою, замѣняющею дверь, «patios» — дворики, отдѣланные мраморомъ и цвѣтными каменными паркетами. Тамъ — нѣчто волшебное! Пышныя тропическія растенія, громко журчащіе фонтаны, статуи, кажущіяся мимоходомъ такими прекрасными. Мозаика вмѣсто пола, и голубое небо вмѣсто потолка. Чтò можетъ быть лучше этого? Я думаю, здѣсь и улицы пустыньны потому, что людямъ не хочется уходить изъ своихъ очаровательныхъ patios. Часто дома — наружу слѣпые, ни одного окна. Цѣлые закоулки, улицы и площади слѣпыхъ домовъ, и вдругъ совершенно неожиданно — великолѣпный порталъ, коринфская колонна, мавританская арка, витой восточный столбъ, который былъ бы гораздо болѣе на мѣстѣ въ Тунисѣ, Каирѣ или Триполи, чѣмъ здѣсь. А то, ни съ того ни съ сего, въ массу бѣлыхъ домовъ вдвигается старая башня съ ажурною мраморной галереей на верху или узорочною арабскою надписью, вязъ которой выступаетъ изъ-подъ облупившейся позднѣйшей штукатурки, какъ иногда чудный и старый рисунокъ великаго художника изъ-подъ современной банальной подмалевки. Ъдешь, ѣдешь, и невольно ахнешь — раскинулась, вся сквозная, стѣна изъ восточныхъ арокъ съ арабесками, кружевомъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, тонкимъ до того, что удивляешься, отчего оно не колышется отъ тихаго дыханія этого благоуханнаго вѣтра. И опять однообразныя улицы съ маленькими молчаливыми домками, такими неприглядными на взглядъ и такими заманчивыми, когда вдругъ улыбнется вамъ неожиданно ихъ — зеленью, солнцемъ и цвѣтами залитое — patio... И опять стѣны, дряхлыя, дряхлыя; оказывается, что это остатки римскихъ сооруженій, или колонна, стоявшая когда-то въ храмѣ Весты... А то вдругъ перегородитъ вамъ путь такая свалившаяся глыба кирпичей, что положительно не узнаешь, кто, какой народъ въ ней виноватъ: Римъ, арабы, готы или карагегяне... Нищіе догоняютъ насъ отовсюду: изъ-за угловъ, съ папертей церковей, изъ руинъ. Одинъ въ дилижансѣ ворвался, сѣлъ и давай плачущимъ голосомъ выманивать «una limosna». Едва его согнали, да и то онъ долго еще ругался, грози кондуктору, между прочимъ, мщеніемъ св. Рафаэля. Не знаю, поэтому или нѣтъ, только одинъ изъ муловъ нашей колымаги вдругъ споткнулся и грохнулся о землю. Мы невольно остановились. Какъ разъ въ это мгновеніе наѣхалъ на насъ какой-то гидальго въ ве-

ликоѣнномъ ландо и съ живостью истиннаго андалузца предложилъ дамамъ нашего дилижанса—воспользоваться его экипажемъ. Предложеніе было принято съ такою же простотою, съ какою и предложено, а самъ онъ преспокойно пошелъ пѣшкомъ. Здѣсь я убѣдился, что не испанцы маврамъ, какъ говорилъ мнѣ пріятель толедскій готофилъ Гарсія де-ла, Вега, сообщили свою вѣжливость, а, напротивъ, мавры оставили ее въ наслѣдство андалузцамъ... И сколько страннаго въ мѣстномъ обиходѣ — даже на первыхъ порахъ неволью замѣчаешь это. Вотъ, напримѣръ, проходитъ щеголеватый поикъ и въ щель полуоткрытыхъ ставень невѣдомо кому посылаетъ летучій поцѣлуй—а оттуда въ отвѣтъ летитъ къ нему на улицу полевая гвоздика. Онъ подымаетъ и слѣдуетъ съ гордымъ видомъ дальше, помахивая цвѣткомъ, какъ славно доставшимся ему трофеемъ...

— Fonda Suissa (швейцарская гостинница).—Вы, сеньоръ, хотѣли въ Fonda Suissa?..

Я уже забылъ, что именно хотѣлъ остановиться здѣсь.

Вылѣзаю. Думаю: начинаются обыденныя непріятности Испаніи. До сихъ поръ въ Кастиліи я видѣлъ отели—одинъ хуже другаго, а самые скверныя, разумѣется, въ Мадридѣ.

Меня въ этомъ отношеніи ждалъ пріятный сюрпризъ.

Оказалось, что скверныя догловища — какъ и вся испанская дрянь и рвань—остались къ сѣверу за Сьеррой Мореной. Начиная съ Кордовы, я уже всюду находилъ превосходныя гостинницы, и притомъ недорогія. Во дворѣ нашего отеля пышно раскидывали свои широкіе ярко-зеленыя листья бананы, благоухали жесмины и расцвѣтали, опьяняя своимъ чуднымъ ароматомъ, лимонныя деревья. Въ волю было солнца — а подъ аркады галерей манила такая прохлада, что, разъ попавъ туда — долго не хотѣлось уходить въ свѣтъ и жаръ безлюдныхъ улицъ. Впрочемъ, послѣ долгаго и мучительнаго скитальчества по Ламанчѣ, я имѣю полное право на отдыхъ...

Если Толедо является готскимъ музеемъ, то Кордова съ полнымъ правомъ можетъ заявить притязанія на имя арабскаго музея. Испанцы только разрушили ее и уничтожили на девять десятыхъ — но не создали здѣсь ничего такого, что бы заслоняло столицу Абдъ-эръ-Рахмановъ II и III-го. Она еще стоитъ передъ вами, печальная въ своемъ заустѣннѣи, величавая въ своихъ царственныхъ руинахъ. Но Кордова говоритъ вамъ не объ однихъ маврахъ. Одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ Европы — она уже во времена римлянъ играла громадную роль на Пиренейскомъ полуостровѣ. Здѣсь родились Луканъ, который въ своей

«Фарсалъ» воспѣлъ войну Цезаря съ Помпеемъ, и Сенека; императоръ Августъ называлъ ее *colonia patricia*. Кордуанскія школы славились тогда даже въ Римѣ, а здѣшнихъ риторовъ и моралистовъ считали выдающимися послѣ аѳинскихъ. Кордова въ тѣ времена жила широкою жизнью и римляне не щадили средствъ на ея украшенія. Они обнесли городъ стѣнами, пережившими два тысячелѣтія, опоясали Гвадалквивиръ мостомъ, противъ котораго время почти осталось безсильно; воздвигли тутъ арену, отъ которой остались только слабыя слѣды, храмы, обращенные затѣмъ въ христіанскіе, потомъ въ мусульманскіе и снова ставшіе католическими. Кордуанскія термы славились своею роскошью. Кромѣ стѣнъ города— въ немъ самомъ была построена мощная крѣпость, реставрированная и великолѣпно отдѣланная потомъ Абдъ-эръ-Рахманомъ III. Готы, столько потрудившіеся для Толедо—почти ничѣмъ не ознаменовали своего владычества въ Кордовѣ. Зато мавры ничего не щадили для нея. И Кордова не осталась неблагодарной. Она дала жизнь Эбнъ-Баджеху (Себенпасесъ)—знаменитому физику и мусульманскому моралисту; Маймониду — ученѣйшему изъ еврейскихъ раввиновъ; Эбнъ-Рошу, котораго европейцы называютъ Аверроэсомъ, слава котораго пережила мусульманское владычество, а энциклопедическій гений — только въ настоящее время оцѣненъ по достоинству. Когда мавры ушли отсюда, Кордова — не изсякла творческими силами. Нѣсколько раньше здѣсь родился— Гонзалво Хернандесъ, прозванный *Grand-Capitaine*, военачальникъ, отнявшій свою родину у арабовъ, Гренаду у нихъ же, побѣждавшій французовъ въ Барлетѣ, Семинарѣ, Сериньолѣ. Здѣсь выросъ поэтъ донъ-Хуанъ де-Мека, авторъ «*Laberinto*», котораго современники называли Дантомъ Испаніи, а потомки Энниемъ кастильскаго Парнаса. Не смотря на свое низменное положеніе, онъ былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ—кордуанскаго муниципалитета, секретаремъ короля Хуана II и историографомъ Кастиліи. Здѣсь родились: историкъ Амбруазъ Моралесъ—одинъ изъ «отцовъ испанскаго языка», Гонгора-и-Арготе—поэтъ, Паблоде-Сеспедесъ—поэтъ и художникъ, наконецъ, еще недавно здѣсь выросъ уже цитировавшійся нами поэтъ де-Ривасъ. Такимъ образомъ, ясно, что еслибы когда нибудь Кордова воскресла и соорудила пантеонъ своимъ знаменитымъ людямъ — ей было бы что помѣстить въ немъ.

Нигдѣ упадокъ Испаніи не сказывается такими поразительными чертами, какъ въ Кордовѣ. Въ этомъ отношеніи—ея исторія въ высшей степени поучительна. Такое величіе въ прошломъ, такое

стремительное паденіе въ настоящемъ. Вся исторія несчастной страны—въ одномъ этомъ арабскомъ гнѣздѣ!.. Нигдѣ бездарность правителей, мошенничество бюрократіи не принесли столько зла, не могли такъ окончательно добить страну и народъ. Абсолютизмъ Филиппа II, нетерпимость Торквемады—изъ сказочной столицы, по своему блеску, многолюдству, красотѣ, школамъ и сооруженіямъ, сдѣлали жалкій, едва перемогающійся городъ. Чтобы это было понятно,—позвольте рассказать вамъ, чѣмъ была Кордова когда-то. Это не займетъ много мѣста и не потребуетъ слишкомъ много вниманія у читателя.

«Кордову пророкъ допустилъ погибнуть потому, что она была соперницею рая», говорятъ на своемъ образномъ языкѣ арабскіе поэты. И дѣйствительно, нынѣшній городъ могъ бы быть только небольшимъ кварталомъ чудной столицы халифовъ, являвшейся осуществленіемъ сказокъ «Тысячи и одной ночи». Все, что востокъ создалъ прекраснаго, нашло здѣсь свое высшее выраженіе. Кордова чаровала пріѣзжаго такъ, что Абу-Гамидъ восклицаетъ: «лучше умереть здѣсь, чѣмъ жить въ другомъ мѣстѣ». Тысячи путешественниковъ, являвшихся сюда изъ Дамаска и Алеппо—оставались въ Кордовѣ навсегда, предпочитая нужду и бѣдность здѣсь богатству на родинѣ. Многіе кастильскіе рыцари, попавъ въ плѣнъ, отказывались отъ выкупа и оставались жить среди мавровъ, потому что суровые готскіе города казались имъ темницами, послѣ этого обольстительнаго города. Арабы считали здѣсь двѣсти тысячъ домовъ, восемьдесятъ тысячъ дворцовъ—отличавшихся своимъ просторомъ, роскошью, садами. Между ними не были исключеніемъ и такіе, гдѣ колонны дѣлались изъ чистаго серебра, обвитыя золотыми листьями и стеблями, съ которыхъ свѣшивались внизъ и падали сверху гроздья изъ драгоценныхъ камней. На тонкихъ золотыхъ цѣпочкахъ летали повсюду рѣдкія птицы. Арабски стѣны были расписаны яркими красками и покрыты позолотою; потолки изъ кипарисоваго дерева представляли чудо рѣзнаго искусства. Лучшіе шелка востока, рѣдчайшія ткани Персіи и Индіи служили для занавѣсей; въ коврахъ тонули ноги посѣтителя. Часто стѣны сплошь были покрыты тисненой золотомъ кожею, которая до сихъ поръ славится подъ именемъ кордуанской. Сады въ этихъ дворцахъ представляли что-то феерическое! Пальмы, смоковницы, латаніи—глядѣлись въ дремлюція воды прудовъ, берега которыхъ были оправлены яркими и красивыми азудехасоми, т. е. изразцами. Кровли дворцовъ были украшены тоже этими азудехасоми, какъ и наружныя стѣны. Безконечныя перспективы арабскихъ арокъ подковами—манили въ

тайнственную глубь этихъ палаццо; въ воздухѣ струились вѣжныя благоуханія востока; у воротъ, на толстыхъ серебряныхъ цѣпяхъ сидѣли тигры и львы... Отъ кровель, черезъ всѣ улицы, раскидывались защищавшіе прохожихъ отъ солнца брусскіе шолковые пологи... Дома простыхъ смертныхъ тонули въ цвѣтахъ и встрѣчали прохожаго радостнымъ говоромъ фонтановъ; по всѣмъ закоулочкамъ, въ оправленныхъ изразцами каналахъ, бѣжала освѣжавшая воздухъ, чистая, какъ кристалъ, вода, проведенная изъ Сьерры Морены. Главный дворецъ поддерживался 12,000 колоннъ изъ разнообразнѣйшихъ мраморовъ, яшмы, сарпентина, порфира и мрамора. Стѣны его были золоченыя—такъ что «отъ нестерпимаго блеска ихъ можно было ослѣпнуть». Абдерамъ II-й для своей любимой рабыни построилъ дворецъ Захра. Для этой Захры ему прислали изъ Африки тысячу римскихъ колоннъ да греческій императоръ подарилъ другую тысячу... Шестьсотъ мечетей поражали своимъ невиданнымъ великолѣпіемъ. Болѣе тысячи минаретовъ — дѣлали этотъ городъ какимъ-то скопищемъ пріятныхъ, пестрыхъ, сквозныхъ, артистически отдѣланныхъ башенъ. Въ глубинѣ этихъ джамій царилъ меланхолическій сумракъ; мистическая тишина охватывала молящихся. Только сверху, сквозь цвѣтныя окна, золотые и розовые лучи солнца падали въ глубь мечетей, какъ въ бездну. Полю ихъ представлялъ чудесныя сочетанія мраморовъ, колонны считались тысячами и были такъ разнообразны, что описать ихъ «представлялось невозможнымъ». На серебряныхъ подставкахъ лежали изумительно расписанные миниатюрными арабесками алькораны; переплеты ихъ были сплошь задѣланы въ бирюзу и алмазы. Часто въ такихъ мечетяхъ нельзя было видѣть стѣнъ—перспектива колоннъ въ нихъ казалась безконечна, точно въ лѣсу. Были такія, въ которыхъ горѣло благоуханное масло въ 12,000 лампадахъ. Около каждой мечети былъ садъ, въ которомъ отдыхавшіе пользовались вѣчною тѣнью. Болѣе тысячи медресе (школъ) принадлежали мечетямъ; отдѣланныя съ невиданною роскошью, восемьдесятъ пять высшихъ мусульманскихъ училищъ славились по всему востоку, а въ семи «университетахъ»—пріѣзжали учиться даже христіане-готы. Величайшіе ученые того времени — мусульмане и евреи—преподавали въ этихъ университетахъ жаднымъ толпамъ безчисленной молодежи. Профессора кордуанскіе, не смотря на различія вѣры, приглашались разрѣшать споры даже между готскими королями. Въ книгохранилищахъ Кордовы—сохранялись рѣдчайшія рукописи. Свобода преподаванія и науки была полная. Самые деспотическіе халифы, коль скоро дѣло касалось знанія, являлись его ревностнѣйшими покровителями. При дворахъ

устраивались научные диспуты, и тамъ, гдѣ народъ былъ рабомъ своихъ повелителей, ученые считались равными имъ. Они свободно говорили халифу правду. При властелинѣ находился совѣтъ, состоявшій не изъ вельможъ, а изъ ученыхъ. Къ еврею Бенъ-Иошуа приходилъ въ гости Абдерамъ III, какъ къ равному, и часто засиживался у него до глубокой ночи, слушая краснорѣчиваго философа. Поэзія свила здѣсь себѣ прелестное гнѣздышко. Извѣстно нѣсколько султаншъ, писавшихъ чудныя поэмы. Зайнень славила своими эротическими пѣснями, исполнявшимися лучшими пѣвцами халифа. При дворѣ, разъ въ мѣсяцъ, устраивались состязанія поэтовъ, и побѣдитель часто получалъ столько, что изъ нищаго онъ дѣлался богачемъ. Ибнъ-Саиду халифъ за каждую строку его поэмы заплатилъ по алмазу. Другому онъ подарилъ цѣлый дворецъ, третьяго пригласилъ жить съ собою. Ибнъ-Саидъ даже назывался божественнымъ, и прямо говорили, что его пѣсни поются ангелами передъ престоломъ Аллаха. Онъ черпалъ содержаніе ихъ во всемъ востокѣ... Вотъ одна изъ его пѣсенокъ; она называется: «цвѣтокъ гранаты», дѣйствіе ея относится къ Дамаску:

За рѣшеткою гарема
Заалѣлъ цвѣтокъ гранаты,
Тамъ еврейка Миріема,
Въ этотъ мигъ была одна ты...
Вѣдь цвѣтамъ теперь не время,
То уста твои— я знаю!—
И по нимъ томлюсь, и племя
Иудеевъ проклиная.
Будь ты жалкою рабою,
Я бы выкупъ далъ богатый
И увелъ тебя съ собою,
И сорвалъ цвѣтокъ гранаты...
Твой отецъ, клянусь пророкомъ,
Горделивѣй всѣхъ въ Дамаскѣ.
Во дворцѣ его высокомъ
Точно рай изъ старой сказки.
Золоченыя палаты,
Бирюзовыя колонны...
Тамъ вурятся ароматы
Аравійской киннамоны.
Даже стѣны надъ тобою
Всѣ разубраны шелками,

Бенаресскою парчею,
 Исфаганскими коврами...
 Я ребенкомъ былъ смѣлѣе,
 Проникалъ въ сады чужіе,
 Рвалъ ихъ розы и лилеи,
 Бралъ ихъ гроздья золотыя...
 И теперь ночной порою
 Я приду въ твои палаты
 И, какъ воръ, возьму съ собою
 Золотистый цвѣтъ гранаты...

Даже положеніе женщины было здѣсь отлично отъ того же на востокѣ. Лѣтописцы рассказываютъ, что въ кордуанскомъ университетѣ преподавала, между прочимъ (что—неизвѣстно) одна женщина такой красоты, что всѣ ея аудиторіи съ ума сходили отъ любви къ ней. Какимъ солнечнымъ блескомъ, тепломъ, изяществомъ вѣетъ отъ всѣхъ этихъ преданій!.. Разъ въ аудиторіи у нея появился халифъ. Она до такой степени понравилась ему, что онъ пришелъ туда вторично... Въ третій разъ онъ высказался ей...

— По тебѣ давно тоскуетъ мой гаремъ!..

— Знаніе не тепличный цвѣтокъ... Оно не нуждается въ затворахъ. Кому Аллахъ послалъ его—тотъ долженъ дѣлиться съ людьми подъ открытымъ небомъ.

— Я для тебя снесу первыя стѣны гарема. Ты будешь въ немъ также свободна, какъ вѣтеръ, пролетающій вдоль его колоннъ.

Красавица согласилась и оставалась долго любимѣйшею султаншею халифа и обожаемымъ профессоромъ кордуанской молодежи.

Преподавали во дворцахъ—подъ тѣнью апельсинныхъ деревьевъ, у мраморныхъ галерей... Когда умеръ Тинсахъ-Экбаръ — по этомъ ученомъ былъ наложенъ общегосударственный трауръ. Его провожали въ могилу, какъ халифа!..

Кордуанскія бани считались первыми въ мусульманскомъ мірѣ. Однѣ изъ нихъ занимали полтораэта залъ съ бассейнами различной температуры. Тамъ курились ароматы, пѣли пріѣзжавшіе издали пѣвцы, звучала музыка. Писатели являлись сюда читать лучшія свои произведенія и, какъ въ римскихъ палестрахъ—атлеты и молодежь боролись на нагрѣтыхъ мраморныхъ полахъ, соперничая въ силѣ и ловкости. Въ разныхъ мѣстахъ Кордовы было болѣе трехсотъ базаровъ, между которыми нѣкоторые отличались невѣроятною пышностью. Лучшіе товары востока и запада свозились сюда. «Самъ халифъ недостаточно богатъ—говорили въ Кордовѣ,—чтобы скупить всѣ наши сокровища». Все, что создавало мусульманское искусство въ Азіи и Африкѣ—все находило тутъ сбытъ. Изъ

самыхъ таинственныхъ уголковъ Аравіи сюда доставлялись пряности и благоуханія; изъ Индіи ткани, золото и серебро, изъ Африки—слоновая кость. «Купцы кордуанскихъ базаровъ могли бы выстроить другой такой же городъ, только изъ чистаго золота»—говорили арабы.

Такова была пышная столица халифовъ!.

Но это еще не все.

Вы, разумѣется, поражены цифрами, въ которыхъ представляется ея старое величіе: этими 200,000 домовъ, 80,000 дворцовъ, 600 мечетей. Но это еще не все. Лѣтописцы говорятъ, что ея предмѣстья состояли изъ нѣсколькихъ тысячъ деревень, тонувшихъ въ садахъ. Въ общемъ, видъ всего этого былъ таковъ, что путники тѣхъ далекихъ временъ, прїѣзжавшіе сюда не съ сѣвера, какъ я, а съ юга, т. е. спускавшіеся къ Кордовѣ съ высокихъ плато, -- видя у своихъ ногъ громадный городъ, раскинувшійся на громадномъ пространствѣ, сверкающій всѣми цвѣтами радуги, украшенный несравненными сооружеиіями—приходили въ такой восторгъ, что послѣднее плато передъ Кордовой называлось арабами: «горою восхищенія». Только пилигримы, прошедшіе пустыню и въ первый разъ увидавшіе Мекку, испытывали нѣчто подобное.

Сколько разъ въ послѣдствіи я приходилъ на эту высоту и оттуда любовался современною Кордовой... Я ее видѣлъ не такую, какова она теперь... Изъ-за нея, бѣдной, заброшенной, опустѣвшей, передо мною выдвигался городъ халифовъ, и онъ производилъ такое неизгладимое впечатлѣніе, какого я не испытывалъ ни передъ Римомъ въ Монте Пинчіо, ни передъ Аѣинами съ ихъ Акрополя. Солнце щедро обливало Кордову своими лучами. За все это время оно одно не измѣнило ей! Слава и могущество ушли отсюда; осталось то, что съ избыткомъ замѣняетъ ихъ—поэзія воспоминаній!.. Я невольно отыскивалъ взглядомъ знаменитыя пальмы Абдерамана... Но—увы!—грубые готскіе конквистадоры вырубилъ ихъ подъ корень... Я представлялъ себѣ стоявшіе нѣкогда въ чудной красотѣ своей заколдованные дворцы халифа Альмансура... Вѣтеръ, доносившійся оттуда, приносилъ на легкихъ крылахъ своихъ нѣжное дыханіе апельсинныхъ цвѣтовъ, сладкій привѣтъ жасминовъ.

И какъ жаль было навсегда отжившаго былаго...

Отчего не воскресаютъ мертвые? Можетъ быть, тогда и старые города подымались бы опять изъ руинъ и праха въ своей оригинальной красотѣ и прелести...

Василій Немировичъ-Данченко.

(Окончаніе будетъ).

МЕДЖИДЪ.

(ТАТАРСКАЯ СКАЗКА).

Проживаль, нуждой забытый,
Въ Шемахѣ пастухъ Меджидъ.
Дни, когда бываль онъ сътъ,
Были имъ давно забыты.

Не воздѣланъ огородъ,
Въ домѣ—блохи лишъ водились...
Въ пищу блохи не годились,
А скорѣй наоборотъ...

—«Горе смертныхъ—божьимъ взглядамъ,
«Значить, видно не всегда!
«Я въ мольбахъ провелъ года...
«Нѣтъ!.. пойду къ Аллаху на-домъ!..

«Къ праху божьяго слуги
«Всѣ съ мольбой идутъ въ Медину *)!..
«Такъ не прощенья господину
«Молвить прямо: «Помогите!..»

—И пошелъ онъ, взявъ свой посохъ,
Въ путь далекій, наугадъ...
Встрѣтилъ множество преградъ
Онъ въ водахъ, лѣсахъ, утесахъ...

Въ ночь—другія небеса,
Днемъ—все странно, незнакомо...
—«Видно, близко къ божью дому!
«Скоро будутъ чудеса!»—

*) Въ Мединѣ находится могила Магомета.

Думалъ онъ... И вправду, чудо
Путникъ скоро увидалъ:
Передъ нимъ стоялъ шакаль
Зеленѣе изумруда...

Вскрикнулъ въ ужасѣ Меджидъ:
—«Плохо жъ выбралъ я дорогу,
«Чтобъ идти съ любовью къ Богу!..»
—«У меня животъ болитъ:

«Вѣрно, былъ я неумѣренъ!»
Отвѣчалъ Меджиду звѣрь:
«Не до пищи мнѣ теперь,
«Ѣсть тебя я не намѣренъ!

«Ты жъ зато узнать изволь
«У Аллаха за бесѣдой—
«И, домой идя, повѣдай,
«Чѣмъ унять мнѣ эту боль...

—«Непремѣнно! Не забуду!»
Отвѣчалъ ему пастухъ,
Убѣгая во весь духъ...
Онъ бѣжалъ отъ чуда къ чуду:

Синій розанъ въ полѣ росъ.
Синій розанъ! Ну... а запахъ?!
Но въ шипахъ, какъ въ тигра лапахъ,
Вдругъ застрялъ Меджида носъ.

Розанъ молвилъ: «Сладко пахну?!
«Что?!. Ну, Богъ съ тобой! Ступай!
«Лишь узнать мнѣ клятву дай,
«Отчего теперь я чахну!..»

Съ жаромъ путникъ произнесъ:
—«Всѣмъ кланусь я, чѣмъ угодно!»
И, вернувъ изъ плѣна носъ,
Зашагалъ опять свободно...

Много видѣлъ онъ чудесъ
Ежедневно, ежечасно,—

Но во все вникать опасно—
И къ нимъ близко онъ не лѣзъ...

Напримѣръ, онъ по наслышкѣ
Зналъ, что дѣло рыбъ—молчать...
Вдругъ одна кричитъ: «Узнать
«Просимъ средство отъ одышки!»

Все узнать онъ обѣщаль,
Убѣгая безъ оглядки.
Самъ же думаль: «Ну, порядки!
«Просто, волосъ дыбомъ всталъ!»

Такъ дошелъ онъ до пустыни,
Много вынесши тревогъ.
Ни травинки: все песокъ,
А надъ нимъ сводъ неба синій...

—«Ужь не сбился ль я съ пути?»
Думаль странникъ: «это худо!
«Нѣтъ ни жизни здѣсь, ни чуда!
«Здѣсь Аллаха не найти!..

«Ни для хана, ни для бека
«Степь нѣмая—не чертогъ!
«Что же?! Богъ, великій Богъ
«Безпріютнѣй человѣка?!..

«Нѣтъ, уйду я завтра прочь
«Съ первымъ проблескомъ денницы!..»
Ужь совѣздій вереницы
Зажигала тихо ночь...

Вдругъ... одна звѣзда золотая
Съ горней выси сорвалась
И на землю понеслась,
Слѣдъ огнистый оставляя...

Ближе, ближе все звѣзда,
Блещетъ ярче все, свѣтлѣе...
Путникъ, въ страхѣ цѣпенѣя,
Думаль: «Ну, теперь бѣда!..»

Вся пустыня озарилась...
 То былъ ангель Джебранль:
 Отъ его чела и крыль
 То сіяніе струилось...

И Меджду произнесъ
 Лучезарный візирь Бога:
 — «Я съ небснаго чертога
 «Божью вѣсть тебѣ принесъ!

«Слушай! Вотъ слова Аллаха:
 «Миръ—дворецъ мой! Я вездѣ!
 «Видны въ счастѣ и въ бѣдѣ
 «Мнѣ всѣ люди, дѣти праха!

«Не блуждай! Домой спиши!
 «Щедръ Аллахъ! Ты будь спокоенъ,—
 «Будь щедротъ моихъ достоинъ:
 «Вѣрь, трудись и не грѣши!

«Рыбу, розу и шакала
 «Научить не полѣнись,
 «Какъ отъ недуговъ спастись:
 «Въ глоткѣ рыбины застряло

«Три алмаза и рубинъ;
 «Подъ кустомъ—кувшинъ со златомъ...
 «Можетъ сдѣлаться богатымъ
 «Взявшій камни и кувшинъ!

«А шакаль, проситель третій,
 «Для спасенья своего
 «Пусть найдетъ и съѣсть того,
 «Кто глупѣе всѣхъ на свѣтѣ!»...

— Ангель скрылся.. А Медждъ,
 Внявши рѣчи благодатной,
 Ужь пустился въ путь обратный:
 Не идетъ онъ, а бѣжитъ,

Не бѣжитъ онъ,—просто мчится!..
 Сообщи́лъ онъ налету

Бѣдной рыбѣ и кусту,
Какъ имъ надобно лѣчиться...

—«О! такъ будь же намъ врачемъ!»
Тѣ ему взмолились слезно:
«И тебѣ оно полезно,
«Ты вѣдь сталъ бы богачемъ!»»

Отвѣчалъ онъ, убѣгая:
—«Нѣтъ, лѣчить я не гораздъ!
«Мнѣ жъ Аллахъ самъ денегъ дастъ!
«Эка невидаль какая!»

«Стоить время здѣсь терять!»...
Послѣ встрѣтилъ онъ шакала
И, не струсивши нисколько,
Долгомъ счелъ все рассказать:

Какъ лѣчиться отъ недуга,
Гдѣ о чемъ былъ разговоръ...
У шакала вспыхнулъ взоръ:
—«Ахъ! я ждалъ тебя, какъ друга!»...

—И немедленно его
Съѣлъ шакалъ, проситель третій,
Разсудивъ, что въ цѣломъ свѣтѣ
Нѣтъ глуше никого!..

В. Величко.

ДѢВИЧІЙ ПЕРЕПОЛОХЪ.

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ изъ временъ XVII-го столѣтія.

В. А. Крылова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Сапунъ - Тюфякинъ, Юрій Михайлычъ, — ближній бояринъ, пріѣзжій изъ Москвы.

Охлябинъ - Сусло, Иванъ Аванасъичъ, — воевода.

Марья Никитишна, его жена.

Марейнка, ихъ дочь.

Лыковъ, Алексѣй Петровичъ, — дьякъ тайнаго приказа, — тоже пріѣзжій съ бояриномъ.

Бухалова, Прасковья Федоровна, — вдова боярыня.

Дарья, ея дочь.

Коромышловъ - Кречетовъ, князь, Артамонъ Спиридонъичъ.

Устинья, его дочь.

Глѣбовъ, Борисъ Ильичъ, — дворянинъ.

Татьяна

Глафира

Аграфена

Капитолина

} его дочери.

Кукинъ, Андронъ Савельичъ, дворянинъ.

Кукина, Анна Лукинишна, его жена.

Матрена, ихъ дочь.

Ключникъ воеводскій.

Антошка

Сенька

} холопы воеводскіе.

Тимошка Бѣсомыка, скоморохъ-гуслирь.

Настасья, его жена.

Матвѣевна, нянька Марейнки.

Нѣздило, мельникъ.

Трошка, подсыпка, парнишка у мельника.

Первый приставъ.

Второй приставъ.

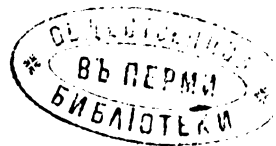
Подъячій.

Дворяне, дворянки, ихъ дочери-дѣвицы, холопы, понятые.

Дѣйствіе происходитъ въ половинѣ XVII-го вѣка: 1-е, 2-е и 4-е въ домѣ воеводы, а 3-е — на мельницѣ.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Садъ у воеводы; глухое мѣсто. Въ глубинѣ частоколъ и вышка подлѣ него, приходящаяся почти среди сцены.

I.

Матвѣвна, потомъ Ключникъ.

М а т в ѣ в н а—*входитъ, ворча про себя.* Фу ты, жара какая!.. (*спускаетъ платокъ съ головы на плечи*). Силушки нѣтъ, съ ногъ сбилась... Ну васъ!.. Приглядишь за вами, какъ же... на что пригоже?—боярышни... Настоящія-то боярышни по всякъ часъ бережливы да щепетливы, а у насъ что?—разбрелись по кустамъ: лѣтникъ-отъ, гляди-ка-сь... то здѣсь продранъ, то тамъ... Охъ! дать бы тебѣ строгаго родителя, погладилъ бы онъ тебя плеточкой шолковой, какъ въ старину-то васъ, дѣвокъ, учили...

Входитъ ключникъ.

К л ю ч н и к ъ. Вона!—и Матвѣвна тутъ, и боярышни... Не напужалъ васъ никто?

М а т в ѣ в н а. Чего пужаться? не дремучій лѣсъ, — садъ воеводскій... медвѣдь сюда не полѣзеть.

К л ю ч н и к ъ. Сейчасъ Васька прибѣжалъ, — сказывалъ, быдо за частоколомъ двое какіе-то хоронятся. Какъ бы грѣхомъ въ садъ не забрались.

Входитъ на вышку.

М а т в ѣ в н а. Ахъ, святители!..

К л ю ч н и к ъ. Не видать никого... Ишь, окаянные!.. на руку ишь, что мы московскаго боярина ждемъ и холопей во всѣ стороны разметали... Знають, что въ воеводскомъ домѣ суетня; такъ авось, молъ, старый ключникъ не доглядитъ... (*Сходитъ съ вышки*). Нечистъ поганая!.. Лакомы на чужое добро... Нѣтъ, никого не видать...

М а т в ѣ в н а. Я сама намедни запримѣтила: точно, ходилъ одинъ незнамый вокругъ дома.

К л ю ч н и к ъ. Мнѣ пуще—за яблонь я боюсь, за энту вонъ. Воевода наказалъ, чтобъ ни одно яблочко не пропало; пріѣдетъ бояринъ московскій, такъ его угощать... (*Осматриваетъ яблоню*). Кажись, всѣ цѣлы.

М а т в ѣ в н а. Не про яблоки; какъ бы хуже чего не было:

туть, гляди, не до дѣвокъ ли добираются?—высмотрѣть хотять; срамъ этакій.

Ключникъ. А ты на что приставлена? береги нашу боярышню.

Матвѣвна. И то берегу. Да отъ такихъ-то парней никакимъ тыномъ нѣ огородиться. А ужь какъ же и не беречь! Вона теперь по всему царству невѣсть для царя собирають,— и къ намъ же смотрѣть невѣсть московскій бояринъ ѣдетъ... Можетъ, опредѣлилъ Богъ нашей Марейнкѣ царицей быть, намъ на радость...

Воевода—за сценой кричитъ. Ахъ, вы, бѣсовское отродье! Съ живыхъ кожу сдеру!

Матвѣвна. Воинъ нашъ сюда идетъ.

Входитъ воевода.

II.

Тѣ же и Воевода.

Воевода. Въ котлы упрячу, въ смолѣ кипучей варить буду! Куда всѣ запропастились?.. (*Увидя ключника*). А-а!.. Ты что же это? ты куда же это? ты чего же это?.. по всему дому ключника кричу, а онъ въ саду проклажается?!

Ключникъ. Васька сказывалъ, государь воевода...

Воевода. Въ землю живаго закопаю! и носомъ свѣта божьяго не увидишь... (*Внезапно смягчался*). Васька? какой Васька?

Ключникъ. Парнишка съ поварни... Людей незнамыхъ запримѣтилъ за частоколомъ... я ужь кинулся: яблокъ не обворовали бы заморскихъ.

Воевода. Что?!. Это которыя яблоки я для прѣзжаго боярина приберегаю?.. Оббили! обтрясли?!. Какихъ яблокъ, можетъ, и на Москвѣ нѣту... Вѣдь это царскій шипъ — называется... Что жъ вы, разбойники, со мной дѣлаете? за посмѣхъ отдать хотите воеводу-то?.. Поймать вора! тутъ его подъ яблоней и рассказать... Всю дворню на ноги! всѣхъ до одинаго!!

Ключникъ. Да всѣ въ разгонѣ, государь.

Воевода. Ахъ, ты, Господи!—Судный часъ не насталь, а ужь они меня въ смерть извести сговорились... Попадете къ искусителю рода человѣческаго, подъ кочергу. Будетъ онъ васъ за непочитаніе господъ на горячихъ угольяхъ перетраживать.

Матвѣвна. Тьфу ты! тьфу!.. Наше мѣсто свято!

Воевода. Чѣмъ же я теперь...

М а т в ѣ в н а. Да ты постой... Ты угомонись... Никакой еще пропажи, ни изъяну нѣтъ... Вонъ они, яблоки-то, цѣлы; ни что имъ стало.

В о е в о д а. Цѣлы?

М а т в ѣ в н а. Цѣлешеньки... Кирилычъ только изъ опаски прибѣжалъ; а и вора никакого не бывало.

В о е в о д а. Такъ чего жъ вы меня мутите?.. Я и безъ васъ весь разбилъ, не знаю, какою честью встрѣтитъ царскаго ближняго боярина... Пронеси только Господи эту грозушку небесную. *(За сценой смѣхъ, воевода внезапно изъ сердитаго превращается въ веселаго, улыбается.)* Ишь, какъ Марейнька смѣется! серебрецомъ переливается.

Вбѣгаетъ Дарья испуганная и почти одновременно съ ней Марѳа, заливаясь смѣхомъ.

III.

Тѣ же, Дарья и Марѳа.

Д а р ѣ я—*отмахиваясь*. Оставь ужь! Оставь!

М а р ѳ а—*смѣясь*. Охъ, дѣвка, умора съ тобой!! Батюшка! ты послушай-ка, послушай! что ей причудилось...

Д а р ѣ я. Оставь, Марейнька, говорю, оставь...

Марѳа продолжаетъ смѣяться; заражаясь смѣхомъ, смѣется воевода, потомъ Матвѣвна и ключникъ.

В о е в о д а—*ключнику*. Ты чего заготовалъ?

К л ю ч н и к ѣ. За тобой слѣдомъ; по государѣ и холопи.

М а т в ѣ в н а. Охъ, ты, смѣяна-царевна. Смотри: самоё просмѣютъ.

М а р ѳ а—*смѣясь*. Батюшка!—Дарья оборотня увидала за чашкою въ щелку, пса чернаго,—и будто онъ, песь-то, кричалъ по совиному.

В о е в о д а и М а т в ѣ в н а. Неужто?!

Д а р ѣ я. Охъ, языкъ твой, дѣвка.

М а р ѳ а. А ты бы сказала: совушка, совушка, бѣдокурная вдовушка, сгинь, пропади, къ намъ не лети,—вотъ те и заклалась бы.

В о е в о д а. Ой, Марѳа!—не распускай смѣхъ-отъ... какое теперь веселье?—не ко времени... погоди, вотъ пріѣдетъ бояринъ-то...

М а р ѳ а. А мнѣ что? Меня выбирать не станеть; я въ царицы не гожа, не казиста.

Воевода. Ты-то не казиста?! Да этакую дѣвку-то поищи да поищи, поди ка-сь!.. (*Гладитъ ее по голову*). Ты у меня и красавица... ты у меня и умница...

Мареа. И послушница... пуще всего, что тебѣ не супротивница. Я въ домѣ скромница: живу тихоней и не слышно меня. *Заливается смѣхомъ*). Что жъ, батюшка, встрѣчу боярину-то послалъ?

Воевода. Твое ли, дѣвка, дѣло воеводскіе распорядки узнавать??

Мареа. А ты все жъ таки скажи.

Воевода. Такъ я тебя и послушалъ.

Мареа. Ты не слушай.. а все жъ таки скажи.

Воевода—*строго*. Не скажу... (*Мяко*). Послалъ, извѣстно... и на перевозъ послалъ, и на выѣздѣ изъ города съ хлѣбомъ солью купцы стоятъ.

Мареа. А коли нонче бояринъ не пріѣдетъ?

Воевода. Ну, и ночь купцы простоятъ, велика напасть!.. Да что ты надо мной розыски чинишь? смѣешь ты отца спрашивать?.. (*Ключнику*). Иди въ домъ, что сталъ? тамъ еще на сѣновалѣ московскихъ подъячихъ устроить надо... легко ли всѣхъ размѣстить... И то весь домъ боярину отдаю; самъ въ свѣтелку лѣзу. Пошелъ.

Осматриваетъ яблоню. Ключникъ уходитъ.

Мареа. Переположились же мои подруженьки! Всякой-то лестно въ государевы невѣсты попасть.

Матвѣевна. А тебѣ не лестно?

Мареа. Мнѣ бы не того хотѣлось... меня бы только полюбилъ милъ сердечный дружокъ.

Матвѣевна. Какой тамъ еще дружокъ?

Мареа. Никакой.

Матвѣевна. Ахъ ты, срамница этакая!.. ахъ ты...

Мареа. Батюшка, — кого жъ бояринъ смотрѣть-то будетъ: однихъ дворянскихъ дѣвокъ, служилыхъ, аль со всего народу?

Воевода. И ничего таки я тебѣ не скажу; а станешь не къ мѣсту соваться, запру въ чуланъ, болтай тамъ съ мухами.

Мареа. Что жъ? — мнѣ и тамъ хорошо. У насъ въ чуланѣ запасливо: варенья всякаго, и груши въ меду, и пастилы, — мнѣ тамъ любо.

Воевода. Ай дѣвка! — ничѣмъ не испужаешь. Вотъ ты у меня какая дѣвка — противъ всякаго парня сойдешь... (*Дѣлуется ее, потомъ отталкиваетъ*). Отвяжись, искушенье мое!.. Что на-

до-то? — да, еще коверъ не постеленъ... Ой, Господи! пронеси только!
Уходитъ.

IV.

Матвѣвна, Марѳа, Дарья.

М а т в ѣ в н а. Ты, Марейнька, оборотнемъ не шути: онъ не посмотритъ, что ты такая-сякая воеводская дочка, — онъ те покажетъ себя... И впрямь, нѣтъ ли чего тутъ? вонъ и Васька какихъ-то двоихъ подъ частоколомъ высмотрѣлъ, кралися...

Д а р ь я. Я къ матушкѣ пойду.

М а р ѳ а. Погоди-ка-сь... Что она говорить: какіе двое?.. пойдемъ-ка на вышку, глянемъ; не видать ли которыхъ.

Д а р ь я. Страху въ тебѣ нѣтъ, дѣвка...

М а р ѳ а. Страшисъ грѣха — не страшисъ людей, чего мнѣ бояться-то!.. Ну, вона!.. смотри, души живой кругомъ нѣту, одинъ просторъ! чай, всѣ теперь за городомъ, на встрѣчѣ боярина... Это, вѣрно, попа Ивана теленокъ съ луга сорвался, тебѣ за оборотня померещился...

Д а р ь я—*идя на вышку*. Нешто можетъ теленокъ по свиному кричать?.. то-то и плохо, что не людно... на людяхъ-то и нечистый опасается, а то онъ и среди бѣла дня...

М а р ѳ а—*торопливо*. Иди назадъ, иди скорѣй, скорѣй.

Объ сходятъ съ вышки.

Д а р ь я. Что? и ты увидала?

М а р ѳ а. Нѣтъ, не то...

Д а р ь я. Я къ мамѣ побѣгу...

М а р ѳ а. Нѣтъ, Дарьюшка, голубушка... милушка моя... подруженька дорогая, не уходи... я знаю кто это... Только дай няню съ рукъ сбить, все скажу.

М а т в ѣ в н а. Ну, что еще? — что придумала? чего корезься?

М а р ѳ а. Жарко, нянюшка, пить хочется; принеси намъ кваску, родная.

М а т в ѣ в н а. Пойдемъ-ка лучше всѣ въ хоромы.

М а р ѳ а. Вотъ невидаль, хоромы!.. лѣтомъ да въ хоромакъ сидѣть... ступай, кваску принеси; да иди же... охъ! пить хочется, охъ, какъ пить хочется... охъ... пить...

М а т в ѣ в н а. Ну, тебя! Полно стонать-то, принесу ужь...

М а р ѳ а—*стаскивая съ нея платокъ*. Оставь платокъ-то... куда ты съ платкомъ... чай, не холодно... да иди скорѣй... ой, пить хочется.

М а т в ѣ в н а. Ахъ, ты непоклада! Все не по ней!.. По-
годи, замужъ выйдешь: приберутъ тебя къ рукамъ, коза попры-
гуша... это у батюшки промежъ пальчиковъ, а у мужа-то бу-
дешь во всемъ кулакѣ.

Уходитъ.

У.

Марья и Марѳа, — потомъ Лыковъ.

М а р ѳ а, *давъ уйти Матвѣевнѣ, надъвастъ на себя ея платокъ.*

Д а р ѳ я. Что ты выражаешься?

М а р ѳ а. Ничего; я будто дѣвка сѣнная, твоя слуга... Даръ-
юшка, вѣдь это онъ тутъ... въ щель приглядываетъ... это знаешь
кто?—я все тебѣ сказывать буду; только съ запрещеніемъ съ
великимъ... ты мнѣ совѣтный другъ, чтó сестра, не выдашь...
Съ недѣлю мѣста онъ подъ окнами бродитъ у насъ. Да молодецъ
какой! поглядѣла бы: брови-то черныя; а борода кудрявенькая...
ну, ровно макъ махровый въ огородѣ расцвѣлъ...

Д а р ѳ я. Придется мнѣ за твои разговоры земные поклоны
класть.

М а р ѳ а. Выглядѣла я его изъ-за занавѣски, да думаю: пу-
щай и онъ на меня посмотреть.

Д а р ѳ я. Ахъ ты, грѣховодница!

М а р ѳ а. Только съ Дуняшки платокъ стащила, вотъ какъ
сейчасъ съ няни; на голову накинута, чтобы онъ меня за слугу
почиталъ,—да и глянула въ оконце. Ужъ онъ ходилъ, ходилъ,
смотрѣлъ, смотрѣлъ, а я словно не вижу... Пстой, я его сюда
заманю.

Д а р ѳ я. Пропадешь съ тобой, дѣвка.

М а р ѳ а—*громко*. И какіе же это парни плутоватые! сейчасъ
прознаютъ, что тутъ, подлѣ частокола, вышка строена... влѣзь
на дерево, съ дерева-то на вышку, а оттуда въ садъ...

Д а р ѳ я. Охъ, не замолить мнѣ этого ни въ жизнь...

М а р ѳ а *Дарътъ*. А ты, какъ онъ если полѣзеть-то, ты испу-
жайся, да и бѣги... Къ бесѣдкѣ бѣги... тамъ меня дождайся...

Д а р ѳ я. Какъ же тебя съ нимъ здѣсь оставить? я бы хоть
издали на него поглядѣла.

М а р ѳ а. Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ... (*Громко*). Велѣтъ бы эту
вышку совсѣмъ срубить до грѣха... (*Въ глубинѣ, на вышкѣ по-
является Лыковъ. Дарътъ*). Лѣзетъ, лѣзетъ, ей Богу лѣзетъ!.. ис-
пужайся, бѣги...

Д а р ь я. Ахъ, что это? воры! разбойники!.. Ай, смерть моя. М а р е а—*отталкиваетъ ее*. Да ты что къ нему бѣжишь? Ты въ садъ, въ бесѣдку, туда!..

Д а р ь я. Ай, батюшки! ой, ой, погибель наша!..

Убѣгаетъ.

VI.

Марѳа и Лыковъ.

М а р ѳ а. Ты что жъ это, невѣжа, непрошенный въ чужой огородъ забираешься?

Л ы к о в ѣ. Обронилъ я тутъ вещачку драгоцѣннукъ, такъ ужъ не обезсудьте, отдайте мнѣ.

М а р ѳ а. Все-то ты врешь! Ничего ты не обранивалъ, а лѣзешь воромъ въ воеводскій садъ; такъ за это, попадись только, тебѣ ребра-то посчитаютъ.

Л ы к о в ѣ. Нѣтъ, истинно, что обронилъ. Аль ты, дѣвка, подняла да припрятала?.. отдавать не хочешь?

М а р ѳ а. Что обронилъ-то, выдумщикъ?

Л ы к о в ѣ. Тоску-кручинушку мою обронилъ!..

М а р ѳ а. Она! угодье какое! Чего жъ тебѣ по кручинѣ жалиться, — пушай ее пропадаетъ.

Л ы к о в ѣ. Невозможно мнѣ безъ той кручины жить; потому безъ нея и радости не бывать.

М а р ѳ а. Мудрено что-то разговариваешь... Ну, да ужъ коли тебѣ дрянъ такая надобна, ищи ее самъ; гдѣ она тутъ въ травѣ валяется?.. Я тебѣ не ищейка. (*Лыковъ дѣлаетъ два шага по лѣстницѣ*). Куды ты, куда разлетѣлся? Или впрямь неймется съ дубовымъ дружкомъ познакомиться?

Л ы к о в ѣ. Сама звала сойти, свою пропажу искать.

М а р ѳ а. Съ чего выдумалъ?.. Ты, я вижу, парень не промахъ... Пропадетъ у тебя, какъ же, ты, гляди, еще самъ до чужаго добра падохъ.

Л ы к о в ѣ. Этимъ промысломъ не промышаемъ.

М а р ѳ а. Какой же твой промыселъ?

Л ы к о в ѣ. Мы люди торговые, товаръ сбываемъ, безъ котораго товара дѣвкамъ житья нѣтъ: зеркальца, кружевца, камки, пестради заморскія.

М а р ѳ а. Охъ, ужъ не на языкѣ ли у тебя товаръ-то твой?

Л ы к о в ѣ. Тебя какъ зовутъ?

М а р ѳ а. Какъ попъ крестилъ, такъ и зовутъ.

Лыковъ. Какое жь имя онъ тебѣ даль?

Марѳа. Православное.

Лыковъ. А какъ въ святцахъ писано?

Марѳа. У красной дѣвицы подъ косицей имя пишется: кто распделъ, тотъ и прочелъ.

Лыковъ. Стало, если...

Марѳа (*перебивая*). Тыфу! Надоѣлъ! сидить на лѣстницѣ, какъ курица на насѣстѣ, а я снизу кричи, надрываешься; у меня горло пересохло.

Лыковъ—(*сходя постепенно*). Такъ я сойду...

Марѳа. Сходи, сходи, я посмотрю... Посмѣй только, такъ я людей склину: скрутятъ назадъ руки.

Лыковъ. А не склинешь!

Марѳа. А склину!

Лыковъ—(*совѣмъ сойдя*). Вотъ и не склинула.

Марѳа. Развѣ, что осипла, съ тобой разговариваючи. Горла не хватить, не услышать.

Лыковъ. Откуда ты дѣвка такая взялась? глазомъ поведешь, какъ камнемъ блеснешь самоцвѣтнымъ; словомъ слылешь, словно жемчугомъ... Говори, кто ты такая? Какъ воеводѣ приходишься?

Марѳа. Никакъ... вонъ она, воеводская дочка, боярышня... вонъ тамъ гуляетъ...

Лыковъ. А ты то кто же будешь? подружка ея что-ли, или слуга? вольная аль кабальная?.. Скажи, красавица, — выкуплю тебя, чего бы ни стоило.

Марѳа. Денегъ не хватить.

Лыковъ. А, можетъ, найдутся?

Марѳа. Этихъ денегъ и не счесть, что за меня платить надо.

Лыковъ. А не счесть, такъ даромъ скраду.

Марѳа. Попробуй. Ну, какъ же ты не грабитель?—торговымъ человѣкомъ прикинулся... вошелъ, дверей не отворяючи, заговорилъ, не окликнувши, да еще воровскимъ дѣломъ похваляешься... Гдѣ такой обычай нашель? Убирайся-ка лучше скорѣй по добру, по здорову...

Лыковъ. Скажи ты мнѣ только...

Марѳа. Уйди, уйди скорѣй... слышь: калитка скрипнула—нянька съ квасомъ идетъ.

Лыковъ. Одно словечко.

Беретъ ее за руку. Марѳа отталкиваетъ его.

Марѳа. Невѣжа!..

Убѣгаетъ.

VII.

Лыковъ и Бѣсомына.

Лыковъ (*свиститъ*). Да торопись!.. кубаремъ! шутовъ сынъ.

Бѣсомыка—*появляется на вышку*. Лечу!.. (*Съзжаетъ по периламъ лѣстницы и подбѣгаетъ*). Весь тутъ передъ тобой, какъ листъ передъ травой... и гусли со мной!—только приказывай.

Лыковъ. Гляди туда,—кто тамъ бѣжить?

Бѣсомыка. Кто бѣжить? Лѣтникъ да платочекъ, лакомый кусочекъ; коли не дѣвка, такъ баба.

Лыковъ. Дуракъ! Я спрашиваю, кто такая? какъ зовутъ? Ты, чай, вхожъ въ домъ-то.

Бѣсомыка. Какъ же не вхожъ; наша такая честь скомо-рошья: намъ всюду дорога, отъ пинка до порога.

Лыковъ. Такъ ты эту дѣвку долженъ знать.

Бѣсомыка. Мало, что знаешь, да не сразу смѣнешь; чай, надо ей въ лицо поглядѣть.

Лыковъ. Такъ забѣгай вокругъ сада, шутова голова.

Бѣсомыка. Я-то забѣгу, а ты-то лучше отседова увол-кивайся, пока тебя никто здѣсь не накрылъ. Здѣсь не спросятъ, какая твоя честь? а на что въ воеводскій садъ изволил лѣзть?.. Какъ бы тебѣ, дьяку-то московскому, тоже по горбу не попало.

Лыковъ,—*идя на вышку*. Ладно. Вывѣдывай же ты мнѣ про эту... да всю подноготную—слышь! Кто она такая?

Бѣсомыка. Жди меня у коней, гдѣ Теренька телѣгу стережетъ; сизымъ голубемъ налечу.

Лыковъ. Нѣтъ... Теперь ужъ недосужно.. Ты свою служ-бишку правь, а мнѣ пора и на мою. Сегодня къ полудню нашъ бояринъ безпремѣнно на рѣку къ перевозу подѣдетъ, я его встрѣчать долженъ.

Бѣсомыка. Стало, ты теперь себя больше выдавать не станешь за такого за сякаго за купца?.. Прямо дьякомъ москов-скимъ при бояринѣ къ намъ пожалуешь?.. Ну, коли ужъ личину съ тебя долой, вотъ тебѣ и поклонъ земной; меня, сиротинку, не оставь своею милостью.

Лыковъ. Было бы за что жаловать!.. Смотри же, все про дѣвку прознай. Безъ того и на глаза не кажись.

*Перелзаетъ за частоколъ; въ это время
появляются Матвѣевна и Настасья.*

VIII.

Бѣсомыка, Настасья и Матвѣвна.

М а т в ѣ в н а—*глядя за кулисы*. Вона, какъ защемило!.. кто такая?.. словно бы Аксинья, да лѣтнѣиъ не тотъ...

М а т в ѣ в н а—*тихо Настасья*. Видѣла, перелѣзь.

Н а с т а с ѣ я. Это евоный пріятель, купецъ нижегородскій... они все вмѣстѣ; гдѣ бы только дѣвки да бабы, тамъ ужь и они сатанинскую службу правятъ.

М а р е а. На-ка тебѣ квасъ-отъ, я сейчасъ боярню приведу... удержи его тутъ... мы ихъ пашни-то выведемъ на свѣтъ божій.

Уходитъ.

Н а с т а с ѣ я—*ставитъ квасъ въ сторону; про себя*: Ай, муженекъ!.. Ай, милъ сердечный дружокъ... я тебѣ покажу, какъ за чужими бабами бѣгать... (*Бѣсомыка извивается среди кустовъ, низко перегнувшись, и крадется къ кулисамъ. Она громко*). Ахъ ты, оглашенный!

Б ѣ с о м ы к а. Баба моя!.. Вотъ те и у праздника!.. Откуда ее нелегкая нанесла?

Н а с т а с ѣ я. Чего это ты, какъ змѣя подколодная, кольцами вьнешся, по травѣ стелешься?.. какую добродѣтель высматриваешь?

Б ѣ с о м ы к а. Настя, Настенька, лента красненька! сама черноброва, опушка боброва, откудова?

Н а с т а с ѣ я. Ты не увертывайся... ты говори: какія добротства вершить собираешься?

Б ѣ с о м ы к а. Ахъ, ты дружье, подружье мое!..

Хочетъ ее поцѣловать.

Н а с т а с ѣ я. Пошелъ!.. не подружье я тебѣ, не жена... пошелъ!..

Б ѣ с о м ы к а. Чего такъ спѣсива, не скажешь спасибо? цѣловать въ уста нѣтъ поста,—разлапушка!

Н а с т а с ѣ я. Дура я, дура была, небитая! на кого польстилась?—за скомороха замужъ пошла, дьяволу душу отдала—сатанѣ... на жизнь на горемычную...

Б ѣ с о м ы к а. Да гдѣ же видано, да гдѣ же слыхано, чтобы скоморошья жена да плохо жила!.. Мужъ за гусли, а жена за пѣсни; мужъ играть, а жена плясать—поскакивать.

Н а с т а с ѣ я. Была бы моя жизнь, не плакалась бы, кабы ты на чужихъ дѣвокъ глазища не пялилъ, да по чужимъ задворкамъ не заигрывался.

Бѣсомыка. Тыфу ты! все одно да одно! Какъ же мнѣ по чужимъ дворамъ не заглядывать?—мы, скоморохи, по всей землѣ ходоки, всѣмъ скорбямъ знатоки.. скорби ухаживаемъ, недуги уговариваемъ.

Настасья. Кабы ты за своимъ скоморошьимъ дѣломъ шель, такъ черезъ тынъ-то не лазилъ бы.. По всю недѣлю за тобой слѣдомъ хожу, все знаю: связался съ купчишкой съ треклятымъ, оба въ омутъ пойдете...

Бѣсомыка. Ахъ, ты зелье мое неотвязное!

Настасья. Со стрѣльчихой Парамошихой о чемъ ономясь изъ-за изгороди разговаривалъ? а къ протопопу зачѣмъ пробирался третьяго дня?.. я у воротъ ходила, ходила,—всѣ ноженъки притоптала... сгинулъ черезъ плетень въ полѣ. А здѣсь что съ задовъ протерся? Какую красавицу высматриваешь?

Бѣсомыка. Таковую!.. Хороша—шла, да не поклонилась, сулилъ алтынъ, да не воротилась. Эхъ ты!.. жиру нажила, а ума не припасла... Люди будутъ кашу ѣсть, а мы ложки подъ лавки швырять!.. Когда жъ и покормытоваться-то, какъ не теперь?—только приноживайся, гдѣ свѣжинкой пахнетъ, у кого въ кошелѣ денежка звончѣе звякнетъ.

Настасья. Какая корысть?.. Скажи-ка-съ какая?

Бѣсомыка. Много будешь знать, скоро состаришься. Съ бабой говоритъ, что въ рѣшето воду лить—спокаешься.

Настасья. Видно, языкъ примололся, сказать нечего. Доведешь ты меня: церковнымъ судомъ на тебя искать стану. Я жена вѣнчанная; долженъ ты жить по божески али нѣтъ. Я къ воеводѣ челомъ бить пойду—жалиться!.. Будешь ты изъ тюрьмы по городу ходить колодничкомъ, калачики подъ окнами выпрашивать.

Бѣсомыка. То-то тебѣ чести-то прибудеть, три копы съ половиною.

Настасья. Что мнѣ честь? Я не боярыня, въ терему шелками вышивать да съ мужа сапоги стаскивать, я и на базарѣ закричу, коли что...

Бѣсомыка—*приплясывая*. Идетъ любчикъ подъ горой, несетъ гусли подъ полой!

Настасья. Хоть бы тебѣ гдѣ ноги перешибли, хоть бы руки изъ суставовъ повывихнули, чтобъ ты струнами глухыхъ бабъ не подманивалъ.

Бѣсомыка—*приплясывая*.

Играй, играй, скоморошенька,

Отъ села до села,

Чтобы наша Настасьюшка
 Была весела!—весела!..
 Настасья. Провались ты, плясунъ дьявольскій!
Вбѣгаетъ нѣсколько слугъ.

IX.

Настасья, Бѣсомына, Сенька, Антошка, Кирилычъ и еще двое
 слугъ; потомъ Матвѣвна, Бухалова и Воеводша.

Сенька. Вотъ онъ, тут!.. не убѣжить.

Кирилычъ—*входя*. Ну, Тимошка, пришелъ твой конецъ!
Входятъ Воеводша, Бухалова и Матвѣвна.

Воеводша. Ой, батюшки! мнѣ же и въ домѣ ворошить,
 мнѣ же и вора хватать... тащили бы его къ воеводѣ.

Бухалова. Мы разберемъ... мы безъ воеводы разберемъ.

Воеводша. Ну, и разбирай... Ты взялась во всемъ помогать—и помогай.

Бѣсомынка. Чѣмъ матушка провинился, прогнѣваль твою милость?

Воеводша. Да что ты, Тимошка, крещенный человекъ, аль нѣтъ? въ моемъ-то домѣ, гдѣ милость-то видѣлъ не по твоей мѣрѣ, кормленъ да даренъ, а ты все ни во что поставилъ?!

Бухалова. Погоди, ужъ я скажу... (*Бѣсомынкѣ*). Ты какое лихо замутилъ, душа твоя отверженная? съ какимъ воровъ спутался? Порчу что ли сюда напущать затѣяли?

Настасья. Порчи тутъ, государыня, нѣтъ никакой... а oprичъ что за бабами...

Бухалова. Ты что голосъ подняла?—брысь!! (*Холопи отталкиваютъ Настасью*). Изволь ты мнѣ, Тимошка, отвѣтъ держать накрѣпко, безо всякой утайки; а то и розыскъ учинить можно, и въ застѣнокъ угодишь.

Настасья—*выступая*. Матушка ты родная, милосливая! ты мнѣ его совсѣмъ перемнешь, Христось небесный!.. Куда жъ онъ послѣ розыска-то будетъ гождать?—смилуйся!.. Ты вели его легонько потрепать, чтобъ жену любилъ, а не то что...

Бухалова. Гоните ее вонъ, со двора помеломъ!.. Чего она суется?..
Холопи ее выпроваживаютъ.

Настасья. Ахъ я, баба глупая, что я надѣлала-то?.. мужа подвела подъ злой часъ... Охъ, ты мой Тимошенька, охъ, ты роднещкій...

Холопи. Иди, иди, не упирайся... *Уводятъ ее.*

Бѣсомыка. Вотъ и спасибо тебѣ, боярыня, что меня отъ моей бабы избавила... охъ, прискучила мнѣ дура-баба!.. А ты слѣдомъ за ней и слугъ вонъ гони. До васъ, до обѣихъ, государыни, есть у меня дѣло тайное.

Воеводша. Тайное! Да что ты?!

Бухалова. Не мечись—все визнаемъ... Только ты, Тимошка, и въ головѣ не держи, что увильнешь; тебя, вѣдь, во всемъ уѣздѣ всякая собака знаетъ. (*Холопяма*). Ну, ступайте коли...

Холопи уходятъ.

Воеводша—*Матвѣевнѣ*. Иди и ты къ боярышнямъ, что онѣ тамъ безъяни.

Матвѣевна. А ты, государыня, ему десятое слово вѣрь, да и того слова чурайся... онъ-те шлыкъ-отъ на лобъ надвинетъ, глаза туманомъ заволочетъ... *Уходитъ.*

Х.

Бѣсомыка, Воеводша и Бухалова.

Бухалова. Ну, сказывай: кого ты тутъ черезъ частоколь проваживалъ?

Бѣсомыка. Какъ объ немъ молвить?—съ виду овечка, а въ душѣ и отъ волка недалечко. Почитай, что мужикъ, а передъ нимъ и воевода задрожитъ.

Воеводша. Полно-те съ загадками-то! не мастерица я загадки разгадывать...

Бѣсомыка. Дьякъ государевъ изъ Москвы, тайнаго приказа.

Воеводша. Ахти, Создатель!!

Бухалова. Да ты не пьянъ ли? Что насъ морочишь?

Бѣсомыка. Поживете, вспоманете, какъ увидите его при московскомъ бояринѣ, что ѣдетъ невѣсть царю выбирать... Заранѣ присматривался переряженный, чтобъ которые служилые люди дѣвокъ своихъ не попрятали...

Бухалова. Ахъ, Господи!.. И давно у насъ живетъ?

Бѣсомыка. День восемь будетъ.

Воеводша. Такъ что жъ ты воеводѣ не донесъ, погубитель ты нашъ?

Бѣсомыка. Я и самъ-то только что сегодня узналъ. Прикинулся онъ купцомъ, деньги сыплеть, не считая,—только вывѣдывай ему, что надо.

Бухалова. Что же вывѣдываетъ-то, Тимошенька?

Бѣсомыка. Да больше все про дѣвокъ: какія дѣвки и въ городѣ, и въ уѣздѣ у насъ... и красотой-то, и нравомъ-то, и здоровьемъ...

Бухалова. Стало, все же про государевыхъ невѣсть справлялся... что же ты про мою-то Дарью сказывалъ ли?

Бѣсомыка. Да про твою-то пуще всего. Твоя-то всемъ взяла: и румяна, и бѣла, на шелкахъ росла; коли другой рядомъ нѣтъ, она первая.

Бухалова. Кто же другая-то противъ моей постоитъ?

Воеводша. Ну, не похваляйся! что жъ моя Марейнька-то плоше твоей что ли?.. Про Марейньку-то, Тимошенька, ты говорилъ ли ему?

Бѣсомыка. Марейньку-то я выше лѣсу нахвалилъ. (*Тихо Бухаловой*). Гдѣ ужъ Марейнькѣ съ твоей Дарьей равняться... (*Тихо Воеводшѣ*). Куда ужъ Дарьѣ соваться противъ твоей Марейньки.

Бухалова. Такъ что же это онъ, дьякъ-отъ?.. слышь, Тимошенька... это онъ нашихъ боярышень выглядывать въ садъ залѣзъ?

Бѣсомыка. Да нешто онѣ тутъ?

Воеводша. Вона гуляютъ...

Бѣсомыка. Ахти, батюшки!.. а мы-то думали, что это дѣвки сѣнныя.

Бухалова. Такъ онъ ихъ близко-то и не высмотрѣлъ?

Бѣсомыка. Гдѣ ужъ!.. Тутъ Матвѣевна съ Настасьей спугнули... тоже неловко дьяку государеву себя оказывать, онъ и полѣзъ назадъ; а теперь на встрѣчу къ боярину поскакалъ; съ бояриномъ вмѣстѣ въ домъ воротится.

Бухалова. Такъ этакій-то, гляди, у боярина, что правнй глазъ... Его и ублажить надо, — заступу въ немъ себѣ приготовить...

Воеводша. А я объ немъ ничего и не знаю... Господи!.. и перина-то у меня про него не больно мягкая осталась; тѣ, что получше-то, подъ боярина пошли...

Бухалова. Такъ у меня возьми... ужъ какъ-никакъ, для государева слуги потѣснюсь... У меня новенькая есть, пушинка къ пушинкѣ... Тимошеа, лети ко мнѣ, скажи тамъ ключницѣ Авдотѣ, чтобъ сейчасъ дала новую перину, что въ кладовой лежить.

Бѣсомыка. Соколинымъ летомъ летаю. У меня и телѣга за угломъ.

Воеводша. Ты иди черезъ заднюю калитку въ тыну. На

вотъ и ключъ... съ часу на часъ ждемъ боярина, съ нимъ бы на дворѣ не столенулся.

Бѣсомыка. Вильнемъ ужемъ, мимо носа безъ спроса, только оглядывайся.

Убѣгаетъ.

ХІ.

Воеводша и Бухалова, потомъ Марѳа и Дарья.

Бухалова. Экій этотъ Тимошка непутевый, Дарью-то мою выхвалявалъ,—а?.. Ну, какъ дякъ-отъ скажетъ боярину,— а тотъ Дарью-то, выберетъ въ государевы невѣсты, оборони Богъ...

Воеводша. Царицей-то быть?..

Марѳинька и Дарья крадутся въ кустахъ и подслушиваютъ.

Бухалова. Охъ ты, разумница!—больно ужъ прятка. Еще царю-то либо приглянется, либо нѣтъ; со всего-то царства какъ соберутъ ихъ тысячько... поди-ка одна противъ одной,—глаза разбѣгутся... А и до того-то времени, что мукъ-то примутъ эти дѣвки. Нѣтъ, ужъ я Бога молю, чтобъ онъ мою Дарьюшку выволилъ отъ этой неволи.

Воеводша. Какихъ мукъ?

Бухалова. Первое, отъ дѣвичьей стыдливости: тутъ ее смотреть, и въ очи, и на руки-то, и повезутъ, и тамъ смотреть, и бояре-то, и верховья боярники. Затрясется сердчишко-то, какъ овечій хвостъ. А ужъ и выберутъ, въ верхъ возьмутъ, боярникамъ сдадутъ на сбереженье, тутъ еще пуще...

Воеводша. Что ты?!

Бухалова. Родителямъ-то всякимъ лестно въ такое приближенъе къ государю войти, дочь ихъ царицей будетъ,—вотъ и почнутъ другъ дружкѣ козни строить; а все на дѣвку оборотится. Али ее, царскую невѣсту, окормятъ зельемъ какимъ, али опоятъ... порчу какую наустятъ, не то лихимъ волшебнымъ словомъ наговорятъ... Пойдетъ ее корчить—и пришлютъ дохтура... а онъ еще, глады, для своей недружбы, скажетъ: она къ государевой радости не прочна.

Воеводша. Страсти какія... матушка!..

Бухалова. Тутъ ее безо всякаго сыску съ верку сгонять, государеву-то невѣсту—да прямо въ ссылку... въ Сибирь, подъ крѣпкое начало... а и родителямъ казнь жестокая бываетъ...

Воеводша. За что же, мать моя праведная!

Бухалова. За измѣну: какъ-де могли больную дочь за

здоровую ставить... она, можетъ, и не больная, такъ, временемъ съ лиходѣевъ позавяла, а отецъ спину подставляй подъ батожье.

Мареа—*тихо Дарья*. Что? слышала?.. Хочешь въ царицы, хочешь?

Бухалова. Ужь я подумывала, не припрятать ли мнѣ Дарью-то пока, отъ грѣха подальше...

Воеводша. Сомутила ты меня, Прасковья Ѳедоровна. У меня и такъ разумъ шаткѣй, а съ тобой и тотъ совсѣмъ истеряла. Пойдемъ къ воеводѣ, съ нимъ совѣтовать, что дѣлать?

Бухалова. Кликнемъ дѣвокъ сперва, что имъ по саду шляться, того гляди, нагрянетъ бояринъ. (*Кличетъ*). Дарья! Марейника!.. идите, что ль?

Появляется Матвѣвна.

ХІІ.

Тѣ же и Матвѣвна, потомъ Воевода.

Матвѣвна. Слышу, слышу... Мареа!.. да гдѣ ты? мученье мое...

Мареа—*кидаясь къ матери въ волнень*. Матушка, родненькая, милая, не отдавай меня никому...

Воеводша. Чего ты, дочечка?.. чего ты? сердечко мое дорогое...

Цѣлуетъ ее и успокоиваетъ.

Дарья—*въ сторону, Бухаловой*. Матушка, что жъ это все ты меня въ царицы заманивала, а здѣсь другое говоришь; я не хочу, я боюсь...

Бухалова—*ей тихо*. А ужъ вы подслушали?! Охъ, смерть съ вами!.. такъ вѣдь я нарочно, чтобъ тебѣ Мареа дороги не загородила... Помалкивай, знай...

Воевода—*за сценой*. Марья!.. (*Входитъ*). Что ты по саду гуляешь? сейчасъ гонецъ прискакалъ, бояринъ ужъ черезъ рѣку переправился.

Воеводша. Батюшки!.. Какъ же съ Марейничкой-то? какъ быть-то?.. И въ домѣ-то еще не все прибрано... (*Бухаловой*). Дадутъ ли перину-то Тимошкѣ? пожалуй, ключница-то не дастъ, подумаетъ, не скралъ бы!?

Бухалова. Я сама поѣду, распоряджусь... Иди, Дарья... (*Тихо воеводши*). То-то вотъ, коли успѣешь Мареу припрятать,—

припрячь... поскорѣй припрячь... по душѣ тебѣ говорю... Я ужь ночи не сплю: все Сибирь снится. Таеъ-то...

Уходитъ съ Дарьей.

XIII.

Воевода, Марѳа, Воеводша и Матвѣевна.

Воевода. А ты чего не двинешься?.. Али на тебя столбнякъ напалъ?

Воеводша. И тс столбнякъ... что дѣлать? какъ быть? ничего разсудить не могу...

Марѳа. Дозволь мнѣ, матушка, сказать... дозвожь, батюшка, рѣчь молвить...

Воевода. Какіе теперь разговоры при нашихъ недосугахъ!

Марѳа. Не много, не мало времени прошло, а въ тотъ часъ всего-то я, дѣвка, навидалась, всего-то наслушалась... Рѣшайте мою судьбу, какъ вашей родительской волѣ угодно, — я дитя покорное, смиренное... только съ горя да со страху помирать я не согласна.

Воевода. Ну, да говори скорѣе, что такое?

Марѳа. Нянюшка милая, тебѣ матушка приказываетъ: бѣги въ домъ... сбри тамъ единымъ духомъ какія ни есть пожитки свои да мои, да пугайчикъ накинь, да дѣвки Агашки лѣтникъ прихвати—не забудь, да ея жъ тѣлогрѣю... да повязочку на голову, не забудь ничего...

Матвѣевна. Чтѣ она говорить, государыня? куда это сборы?

Марѳа. Нянюшка милая... тебѣ матушка приказываетъ.. ты слуга вѣрная, а не ослушница...

Воеводша. Марѳинька, да для чего?..

Марѳа. Ты, матушка, приказала, ты не трудись повторять, она слуга вѣрная, должна твою волю исполнять... Поворачивайся, торопись... нянюшка милая... сбри скорѣй... (*Толкаетъ Матвѣевну*). Ну, ну, милая, милая...

Матвѣевна. Да что ты все: милая, милая... а сама подъ бока тычешь...

Уходитъ.

Воевода. Инъ ты что замыслила?

Марѳа—*кланяясь отцу*. Батюшка мой родной, дорогой, богоданный... приказала мнѣ матушка моя тебѣ доложить...

Воеводша. Что ты, Марѳинька, нешто я...

М а р е а—*матери*. Ты, матушка, не мѣшай. Ты приказала, ты теперь не мѣшай сказывать. (*Отцу*). Доложить тебѣ приказала, что обо мнѣ, Марей, объ вашей налюбозной дочкѣ, разболѣлось ея материнское сердце... Н: хочетъ она меня отдавать на смотрини въ государевы невѣсты звѣроподобнымъ челоувѣкамъ на растерзаніе. Потому хоша бы и было мнѣ такое счастье, что произволилъ государь взять меня въ верхъ себѣ для сочетанія законнымъ бракомъ, такъ не допустятъ того дворскіе лиходѣи—и изведутъ меня въ конецъ.

В о е в о д а. Марейня! Да какъ же теперь...

М а р е а. Потерпи, батюшка, дай все сказать, что матушка приказала... И за тебя она боится—чтобъ и твоему бѣлому тѣлу не пришлось за меня отвѣтъ держать, батожья извѣдать, да въ сылку угодить.

В о е в о д а. Теперь-то вѣдь...

М а р е а. Ты, батюшка, свое сказалъ, ты, стало, пообожди маленько, я пойду матушкѣ доложу твой наказъ... (*Подходитъ къ матери*). Матушка моя родимая, принялъ государь батюшка твои мудрыя рѣчи, приказалъ меня сѣнной дѣвкой одѣть и, ни часу не промедля, отправить къ тетускѣ, въ Воздвиженскій монастырь, къ игуменѣ... тамъ чтобъ берегла она меня, пока туча проминеть... сейчасъ и лошадь закладать...

В о е в о д а. Марей! да ты послушай...

В о е в о д ш а. Дай хоть сказать-то...

М а р е а. Спасибо вамъ, родители мои богоданные, что меня, холопку вашу, не покинули своею милостью, душой по мнѣ болѣете. Послушна я вашей волѣ родительской безо всякаго пререканія; куда мнѣ прикажете, туда я поѣду... Иди же, батюшка, про телѣгу-то...

В о е в о д а. Что ты надумала!? вѣдь за это еще пуще отвѣтишь. Грамоты царской ослушаться! да тутъ подъ такую опалу попадешь...

М а р е а. Ты боярину скажи, что ужъ я недѣли съ три на богомолье ушла, въ Кіевъ.

В о е в о д а. А люди донесутъ.

М а р е а. Я, батюшка, изъ твоей воли не выду, я дочь покорная... коли рѣшилъ ты меня къ игуменѣ прятать, такъ ступай, вели скорѣй телѣгу готовить, пока не наѣхали незваные гости.

В о е в о д а. Да что ты меня на издѣвки поднимаешь!.. Какъ ты смѣешь за отца разговаривать?! Инъ и впрямь я не глава въ домѣ... Да я тебя!.. Да если ты только словечко... (*Внезапно смея-*

часть тонъ). Гдѣ теперь телѣгу-то достать? всѣ телѣги-то за бояриномъ высланы.

Воеводша. Охъ, заботушка наша горькая!..

Входитъ Бѣсомыка съ периной.

XIV.

Тѣ же и Бѣсомыка, потомъ Матвѣвна.

Бѣсомыка. Вотъ она, перина-то...

Мареа. Тимошка, ты въ телѣгѣ?

Бѣсомыка. Телѣга тутъ, у калитки.

Мареа. Тащи перину назадъ въ телѣгу, укладывай сидѣнье, чтобъ мягче сидѣть. Тебѣ батюшка приказалъ меня въ монастырь везти, въ Воздвиженскій, къ тетускѣ моей, къ игуменьѣ...

Воеводша. Что жъ мнѣ-то теперь? какъ же я-то?

Мареа. Да приказалъ тебѣ еще батюшка сказать, чтобъ ты, помня его добро къ тебѣ, ни единой душѣ христіанской про это словечкомъ не обмолвился... Чай, не забылъ, какъ по моимъ просьбамъ онъ тебя изъ бѣды выручалъ, когда тебя на правезѣ ставить хотѣли...

Бѣсомыка. Какъ можно забывать!.. Пушай меня воровъ-разбойникомъ называютъ, а кто мнѣ доброхотенъ бывалъ, за того я въ огонь... Для кого я гуляка, для кого забіяка, а тебѣ я вѣрная собака... смекнулъ, боярышня, не бойся, не выдамъ...

Входитъ Матвѣвна съ узломъ.

Мареа. Давай Агашкинъ шугай...

Надѣваетъ бѣдный шугай, подпоясывается и голову повязываетъ платкомъ.

Воевода. Ну, дѣвка! чего доросла... блюли, блюли въ терему-то, анъ вишь ты...

Воеводша. Родименькая моя, на кого ты стала похожа! ровно мужичка кабальная.

Мареа. Благослови, батюшка...

Воевода. Господь тебя благослови... Охъ, голубушка, ноги не держать... Что-то будетъ?

Воеводша—*цѣлуетъ ее*. Я скоро сама въ обитель приѣду.

Воевода. Скажи игуменьѣ-то: пудовую свѣчу пожертвую только прonesи Господи.

Мареа—*Матвѣвнѣ*. Ступай, вались на перину, да носъ-отъ въ перину уткни, чтобы не примѣтили.

Матвѣвна. Да куда мы это?

Б ѣ с о м н и к а. Эхъ, старая, говори еще тутъ съ ней... Неси вотъ въ калитку.

Даетъ ей перину и выталкиваетъ со сцены.

М а р е а. Простите, родимые!

Уходитъ.

Б ѣ с о м н и к а. Не бойся, государь, не выдадимъ!.. Хоть въ дугу согни, хоть въ муку сотри. Хоть въ огнѣ подпаливай...

Убѣгаетъ.

В о е в о д а. Выручайте, голубчики. Охъ, ноженьки нейдутъ...
Постой!..

Идетъ и лѣзетъ на вышку.

В о е в о д ш а. Дочечка... Дай еще хоть глазкомъ глянуть!..

В о е в о д а. Силъ нѣтъ... (*Садится на ступени*). Охъ, на кого насъ покидаешь...

В о е в о д ш а. Ростили, ростили!.. Маревинька!..

Падаетъ на скамью.

В о е в о д а. Слѣшь... тронулись... ѣдутъ... поѣхали...

Оба плачутъ. Последнiя рѣчи почти одновременно.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Палата въ воеводскомъ домѣ. Слѣва группа дворянъ, между ними Кукинъ. Справа, близъ отдѣльно поставленнаго кресла, Кречетовъ и Глѣбовъ.

I.

Подъячій, Кречетовъ, Глѣбовъ, Кукинъ и другіе дворяне.

П о д ѣ я ч і й — *войдя*. Дворяне-государя, всѣ ли своихъ дѣвокъ въ смотрѣльную запись записали?

Г о л о с а. Всѣ, всѣ... я вписалъ... вписали... какъ же...

Подъячій уходитъ.

К р е ч е т о в ъ — *Глѣбову*. Дворяне!.. Много-ль ихъ тутъ дворянъ-то, настоящихъ-то? Перебери-ка ихъ роды-то... Гляди-ка, дѣды сами въ холопахъ бывали... Дослужился приказнымъ сидѣнемъ чести да вотчинъ, — вотъ онъ и дворянинъ; а не то, чтобы стародавнимъ родомъ.

Г л ѣ б о в ъ. Это ужъ что говорить, князь... а вотъ главное обидно: кто при этомъ-то еще жизни зазорной, непохвальной да

чрезъ свою дѣвку къ высокимъ званіямъ пролѣзеть... вотъ злость-то! Господи спаси!.. не глядѣли бы глаза...

К р е ч е т о в ъ. Про кого ты?

Г л ѣ б о в ъ. Про нашего воеводу, — про кого же?.. У него дочь-то, знаешь, какой товаръ?

К р е ч е т о в ъ. Ну?

Г л ѣ б о в ъ. По всѣмъ вотчинамъ первый товаръ... У меня, по вдовству моему, старуха-теща за дѣвками-то приглядываетъ, такъ вѣдь проходу имъ нѣтъ отъ нея: все воеводскую Марюу въ глаза тычетъ... вотъ, молъ, вы, дуботолки, на нее бы смотрѣли... и глазаста она, и румяна она, и статненъка, что цвѣтокъ на стеблѣ... а ужъ умомъ прѣвыше всего... и работница... (*Усиленно*). Грамотна.

К р е ч е т о в ъ. Да что ее воевода въ дѣяки приказные что ли прочить?

Г л ѣ б о в ъ. Прислушайся, что слуху носится про нашихъ дѣвокъ,—всѣ ровненьки... А воеводская дочка всѣмъ, что бѣльмо на глазу.

К р е ч е т о в ъ. Нѣтъ ли у нея корешка какого приворотнаго?

Г л ѣ б о в ъ. Отъ нашего воеводы станется. Ему всякіе волхвы да знахари—друзья милые, какого хочешь коренья добудутъ. Прикинь теперь: вона у меня четыре дѣвки и съ рукъ нейдутъ; а приведи Богъ экое счастье, при моей бѣдности,—молвить страшно: въ царицы! вѣдь всему семейству благодать... Ну, и тебѣ, и всякому хочется... Такъ вѣдь мою ли выберутъ, твою ли, это ужъ божья воля; ни хитрости у насъ, ни лукавства нѣтъ... а воеводская Марѣа и словомъ, и нарядомъ, и колдовствомъ. Гдѣ же нашимъ дѣвкамъ противъ нея?—всѣхъ насъ помеломъ отсюда выметутъ!

К р е ч е т о в ъ. Тамъ неужто нашего воеводу въ такую честь пушать? Онъ изъ приказныхъ вывелся.

Г л ѣ б о в ъ. Мы и родовиты, да на насъ не посмотреть.

К р е ч е т о в ъ. Денегъ не пожалѣю, а ужъ ему съ дочечкой поруху подведу.

Г л ѣ б о в ъ. Погоди... лучше можно... Боярину-то надо наговорить про его воеводскія лиходѣйства да пакости... очернить воеводу-то черняе уголья; такъ небось, отъ такого батюшки зазорно будетъ дѣвку въ царскія хоромы взять.

К р е ч е т о в ъ. А инъ быть такъ...

Г л ѣ б о в ъ. Поди-ка-съ къ дворянамъ, пошепчи-ка имъ: что онъ намъ со своей дѣвкой всѣмъ на шею садится,—спихнуть

бы его... какъ всей-то гурьбой почнемъ воеводѣ бока мыть, такъ бояринъ-то на его Марю и глядѣть не станетъ.

К р е ч е т о в ъ. Ладно... я ихъ пугну... ладно...

Отходитъ къ дворянамъ, входитъ воевода.

II.

Тѣ же и Воевода, потомъ Бухалова.

Г л ѣ б о в ъ. Ну что, Иванъ Аванасъичъ, какъ тебя Богъ милуетъ?.. доволенъ ли бояринъ твоимъ обиходомъ?

В о е в о д а. Не такъ чтобы очень, по середнему... Послѣ Москвы-то, ему поди-ка-съ угоди... Сейчасъ въ банѣ парился; ну, говорить, вѣники. не тѣ... Вѣникъ-отъ подай ему широкій, что павлиній хвостъ. Ну, и мыльня не въ мѣру, и паръ, вишь ты, въ Москвѣ сизымъ облачкомъ стелется, а здѣсь не то... Мы ужъ и квасомъ съ мятой поддавали... не беретъ.

Г л ѣ б о в ъ. Погляжу я, заботъ у тебя съ нимъ... Вотъ она, служба-то царская, воеводская!—не легко... недаромъ денежки-то достаются...

В о е в о д а. Да, влѣзь-ка теперь въ мою шкуру... (*Входитъ Бухалова*). Здравствуй, Прасковья Федоровна.

Б у х а л о в а. Бояринъ-то париться изволить, холопи сказывали.

В о : : : : : . (Сидитъ въ креслѣ... Отойдите маленько отъ кресла-то..

Всѣ трое отходятъ въ глубину. Въ кучкѣ дворянъ говорятъ.

Г о л о с а. Кому не попадало? что ужъ?.. Мы его выведемъ, мы покажемъ!.. затѣвай только—не отстанемъ...

Входитъ Лыковъ.

III.

Тѣ же и Лыковъ, потомъ Бояринъ и слуги.

Л ы к о в ъ. Будьте здоровы, государи дворяне... Бояринъ жалуется.

Входитъ Бояринъ; красный послѣ бани, онъ мраченъ, на поклоны дворянъ не отвѣчаетъ, садится.

Б о я р и н ъ. Пить!.. (*Ему подактъ кружку; чмокнувъ*). Медь! что за медь такой! не умѣючи варять... противъ московскаго-то... и въ ротъ бы не взялъ... тѣфу... дай еще... (*Холопъ ухо-*

дитя съ кружкой). Дьякъ... прочти имъ еще грамоту царскую.. уфъ!.. Господи, жарко какъ...

Лыковъ — *вынимаетъ грамоту изъ-за пазухи и читаетъ*. Отъ великаго государя, царя и великаго князя московскаго и всея Руси, въ мою вотчину новгородскую четъ, по всѣмъ городамъ и посадамъ и во всѣ помѣстья и вотчины, всѣмъ князьямъ и дѣтямъ боярскимъ и служилымъ людямъ: Послалъ я въ мою вотчину новгородскую боярина моего ближняго, Юрія Михайловича Сапунъ-Тюфякина, а при ѣмъ дьяка думнаго, Лыкова, Алексѣя Петровича; а велѣлъ я имъ смотрѣть у васъ дочерей, дѣвокъ намъ въ невѣсты. И какъ къ вамъ сія наша грамота придетъ и у которыхъ у васъ будутъ дочери дѣвки, и вы бы съ ними ѣхали того же часа въ города къ воеводамъ, и дѣвокъ у себя не таили. А который у васъ дочь дѣвку утайтъ и къ боярину Юрію не повезетъ, и тому отъ меня быть въ великой опалѣ и въ казни.

Бояринъ. Слышали... Садись коли кто... бабы постарше которыя. *(Кое-кто садится; ему подають кружку, онъ пьетъ)*. Фу! — что за медъ такой?.. Ни сладко, ни кисло, ни хмѣльно — разбери его! Тьфу!.. Давай еще... *(Холодъ уходитъ)*. Ну, привезли дѣвокъ?

Дворяне. Привезли, бояринъ, привезли...

Бояринъ. Ведите ихъ завтра на воеводскій дворъ; завтра и смотрѣть будемъ.

Бухалова. Ужъ страху-то у нашихъ дѣвокъ, страху-то! — такъ и трясутся, бояринъ... Моя Дарья говоритъ: пришелъ, мамонька, конецъ моего живота... какъ повезутъ меня въ Москву...

Кукинъ. Можетъ, и не повезутъ?

Бухалова. Не наша воля, Андронъ Савельичъ... кабы наша-то воля была, я бы сама вотъ боярину-то бы челомъ била, въ ноги бы кланялась: не выбирай ты мою Дарью... стонетъ материнское сердце... Гдѣ ей, Дарьѣ, въ такую честь, холопѣ, — государевой невѣстой быть! Она у меня смиренница, нрава тихаго, лю бовнаго...

Кукинъ. Хвали, хвали!..

Бухалова. Да ужъ чуетъ мое сердце, бояринъ, что увезешь ты у меня ее; увезешь... горе мое!.. не скроешь этого, что ода-рилъ ее Господь и красотою, и добродѣтелью всякой... и...

Кукинъ. Запѣла, заскрипѣла. Овсяная каша хвалилась, будто съ коровьимъ масломъ родилась.

Бухалова. Твою Матрену что ли хвалить косоглазую?

Кукинъ. Гдѣ ты у нея глаза косые видѣла? гдѣ? Ну-ка..

Воевода. Полно вамъ, полно... боярина тревожить спорами-то...

Глѣбовъ. И правда, Иванъ Аенасъичъ; бояринъ самъ это рѣшить, какъ ему Богъ на душу положить: которая больше гожа.

Бояринъ. Извѣстно, васъ спрашивать не стану. Мнѣ отъ царя указъ и вся моя воля: хочу выберу, хочу вонъ погоню.

Кречетовъ. Оттого-то, бояринъ, мы тоже къ тебѣ съ челобичьишкой... Ты насъ отъ воеводы охраняй...

Голоса. Это правда, всѣ челомъ бьемъ, бояринъ!.. на воеводу...

Воевода. Съ чего?

Кречетовъ. Чтобъ онъ насъ къ тебѣ допускалъ; а то онъ со своими приставами, противъ кого зло мыслить, и на дворъ воеводскій не пустить,—такъ чтобъ намъ передъ государемъ въ отвѣтъ не быть.

Бояринъ. Какъ смѣетъ не пустить?

Воевода. Побойся Бога, князь, — что ты мелешь? вѣдь, коли по твоимъ рѣчамъ, мнѣ за это кнутъ!.. что я себѣ врагъ что ли?

Кречетовъ. Не больно-то ты кнута, Иванъ Аенасъичъ, боишься; кабы ты кнута-то боялся, лиходѣйства-то бросилъ бы...

Воевода. Какія лиходѣйства?

Кречетовъ. Какія!.. Подожмешь хвостъ передъ бояриномъ-то! погоди ужю!..

Бухалова. Ахти! что вы это?..

Голоса. Мало-ль за тобой доводилось? всѣ терпимъ, всѣ во истину!.. пора конецъ положить...

Воевода. Что вы съ цѣпи сорвались? чтобъ вамъ...

Бояринъ. Не кричатъ! — кто тутъ наибольшій?.. (*Холопъ подаетъ кружку.*) Не хочу... стану я пить такой медъ лядащій... поставь ко мнѣ въ опочивальню... да ледъ чтобъ былъ. (*Дворянамъ.*) Въ чемъ жалоба?

Кречетовъ. Житья нѣтъ, бояринъ! что жъ это за воевода? хотъ все царство обойди, такого убойцу не сыщешь...

Воевода. Я тебѣ, Артамонъ Спиридонъичъ...

Бояринъ. Молчи... Пушай онъ сказываетъ.

Кречетовъ. Одно только въ мысляхъ и держать: какъ бы себя богатить... Безъ посула къ нему ни за какимъ дѣломъ не суйся... Послѣднюю животинку сведеть, да еще собакой травить станеть... Чего ужъ мы!—на казну государеву рукой потя-

нулся. Спроси-ка-сь: судныя-то дѣла у него въ книгу и не записваны; а пошлныи съ тѣхъ дѣлъ себѣ въ карманъ кладеть...

К у к и н ѣ. Да и гдѣ бы самъ платить долженъ, не платитъ. Въ своихъ помѣстьяхъ, самовольствомъ, на водахъ мыты да перевозы заводитъ, и отъ того казнѣ великій убытокъ.

К р е ч е т о в ѣ. А еще мельницу держитъ. На воеводской же рѣкѣ Нѣздило мельникъ живетъ... знахарь, съ нечистыми водится, заговорами промышляетъ; а воевода его покрываетъ. Которому и въ могилѣ-то основый колъ въ спину вколотить надо бы, а воевода съ имъ барыши дѣлитъ.

В о е в о д а. Бояринъ, да прикажи имъ не врать! За что поклепъ такой... вотъ я на Бориса Ильича сошлюсь...

Г л ѣ б о в ѣ. Я, Иванъ Аванасычъ, тобой много доволенъ. Кого ты тѣснишь и грабишь,—мнѣ дѣла нѣтъ; мнѣ ты добродѣй... когда въ городъ прѣзжаю, всегда жалуешь, и дѣвкамъ моимъ; мнѣ тебя не судить... а насчетъ мельника и скомороховъ, хошь ты меня брани, хошь казни, я, по благочестію моему, хвалить не могу, что ты бѣсовскимъ дѣламъ да игрищамъ потаковникъ... Вотъ хошь бы скоморохъ Тимошка, — кому онъ изъ насъ не насолил? а все ему съ рукъ сходитъ, что онъ у тебя на послугахъ.

В о е в о д а. Гдѣ же? Да мнѣ его и знать не гождь... Такъ-то ты говорить сталъ...

Г л ѣ б о в ѣ. Я, Иванъ Аванасычъ, за тебя, какъ передъ Истиннымъ; еженочь десять поклоновъ земныхъ кладу, ежегодно молебень въ день твоего ангела пою... а ужъ о богопротивныхъ дѣлахъ правды не скрою... что отъ Бога грѣхъ и отъ людей посмѣхъ... Ужъ коли сказать...

За сценой крикъ: «Пусти! Пусти! Батюшки, рѣжутъ!»

В о е в о д а. Что тамъ?!

К р е ч е т о в ѣ. Твоя же пристава—приспѣшники разгулялись. о я р и н ѣ. Вели пустить.

В о е в о д а. Пустите. Кто это воетъ?

Впускаютъ Настасью.

IV.

Тѣ же и Настасья.

Н а с т а с ѣ я—*падая въ ноги боярину.* Смилуйся, бояринъ! Прикажи за себя вѣки вѣчныи Бога молить... не дай помереть безъ покаянія...

Бояринъ. Чего тебѣ?

Настасья. Мужа прикажи мнѣ отдать, милостивецъ, мужа!.. Больше-то ничего и не надо... да прикажи ему, злодѣю моему, со мной согласно жить, въ любви... Ты, вишь, московскій бояринъ, всякому дѣйству сила... прикажи, кормилецъ.

Падаютъ въ ноги.

Бояринъ. Какой такой мужъ? Очумѣла!

Настасья. Мой мужъ, изъ веселыхъ молодцовъ, скомо-рохъ Тимошка Бѣсомыка... совсѣмъ ужъ поньче отъ рукъ отбываться сталъ, третьи сутки его ужъ и не вижу.

Воевода. Прикажи, бояринъ, ее вонъ гнать... и что тебѣ всякую гольтѣбу слушать.

Лыковъ. Обожди, государь воевода, тутъ дѣло есть... я этого гуслира самъ ищу два дня... (*Настасья.*) Гдѣ же ты укажешь его найти?

Настасья. Батюшки свѣты! да никакъ это ты, купецъ нижегородскій.

Лыковъ—*строго*. Ты лишняго не ври... я тебя спрашиваю: гдѣ твой мужъ?

Настасья. Гдѣ же, какъ не на воеводскомъ дворѣ? и по сейчасъ у воеводы въ подклѣти хоронится; сама видѣла.

Кречетовъ. А воевода отъ него открещивается—игуменъ праведный...

Воевода. Что жъ это? до чего дожилъ!—отъ всякой грязи покоръ нести... Почему я знаю, какъ Тимошка въ подклѣтъ забрался?.. Прикажи, бояринъ, пушай его сюда ведутъ. Розыскъ надо мной чинить хотять, такъ пушай—и Тимошка на меня доказываетъ.

Бояринъ. Веди.

Воевода. Пристава!.. Сыщите Тимошку Бѣсомыку въ подклѣти.

Лыковъ. Не бери въ обиду, государь воевода, тутъ дѣло такое, что сыску требуетъ. Дозволь, бояринъ, бабу спрашивать.

Бояринъ. Спрашивай, пожалуй, коли дурости-то ихъ слушать охота.

Воевода—*про себя*. Чего онъ добирается?

Лыковъ—*Настасья*. Ты, коли умная баба, ты должна говорить настоящее. Какой я купецъ нижегородскій? — я дьякъ московскій при бояринѣ.

Настасья—*пытливо*. Понимаю.

Лыковъ. Какъ же по твоему? почему твой мужъ два дня прячется?

Н а с т а с ѣ я. Стало, онъ намъ всѣмъ глаза отводить, вотъ что... и тебя, не во гнѣвъ будь сказано, въ дураки садить... Въ тѣ поры, какъ ты въ воеводскій садъ черезъ тынъ лазалъ...

О б щ і й в з р ы в ъ. Какъ? куда лазалъ?.. кто?..

Н а с т а с ѣ я—*спохватясь*. Что я? вздорная баба, вру... Не то... не ты лазалъ, а Тимошка, мой мужъ,—я подсмотрѣла... а меня воеводша да вотъ боярыня Прасковья изъ сада вытолкали...

Б о я р и н ъ. Ничего не понимаю.

Л ы к о в ъ. Сказывай, сказывай...

Н а с т а с ѣ я. Пошла я къ собору, сѣла на паперть и реву... Глядь, поглядь, ни мало, ни много, катить телѣга во всю пруть; Тимошка править, покрикиваетъ, а въ телѣгѣ двѣ бабы сидятъ...

В о е в о д а. Не могло этого приключиться.

Б у х а л о в а. Мы Тимошку послали...

В о е в о д а. Куда посылать?—воздержи языкъ свой отъ лжи.

Б о я р и н ъ. Тутъ что-то напутано.

В о е в о д а—*про себя*. Доберутся до Марейники... охъ, доберутся...

Л ы к о в ъ—*Настась*. Ну, дальше-то что же?

Н а с т а с ѣ я. Ну, я за телѣгой бѣгомъ... не поспѣла, куды же!.. все жъ таки выслѣдила... День деньской шла по дорогѣ, по колеѣ, подхожу къ Воздвиженскому монастырю, анъ Тимошкина телѣга тамъ стоитъ; я было кинулась къ воротамъ, бѣгу по оградѣ-то, а онъ выскочилъ, прыгнулъ въ телѣгу и сгибъ... съ той поры и не вижу.

В о е в о д а. Вотъ баба глупая... Для чего ему въ Воздвиженскій монастырь?.. схомороху да въ монастырь! эка нагородила...

Вводятъ Бѣсомыку; онъ еле держится, поддерживаемый приставомъ.

V.

Тѣ же и Бѣсомына.

Б о я р и н ъ. Аль ты черезъ край винищемъ нагрузился, что на ногахъ не держишься.

Б ѣ с о м ы к а. Охъ, бояринъ, охъ!.. я не пьянъ, а только всему тѣлу изъянъ—разнемогся... охъ...

Н а с т а с ѣ я. Догулялся...

В о е в о д а. Жена на тебя доказчица.

Л ы к о в ъ. Ну-ка, сказывай, отчего тебя не видно было?

Бѣсомыка. Охъ! былъ у меня такой молодець, нижегородскій купецъ... охъ!.. принудилъ меня въ чужой садъ черезъ чистоколь лазать. Охъ!.. вотъ меня всего и обломало...

Бояринъ. Опять купецъ нижегородскій?!. Что за воровскія дѣла?—Подать его сюда!

Лыковъ. Это... это, бояринъ, намъ не вмѣстно...

Кречетовъ. Для чего не вмѣстно? То же, чай, воеводскій слуга, воръ...

Кужинъ. Принять бы Тимошку-то въ ботожье,— правду-то повыбили бы изъ него.

Бѣсомыка. А вы чего? Охъ!.. не въ свой рядъ затесались... Посадили мужика у порога, а онъ и подъ образа лѣзетъ... оохъ!!.. тутъ есть постарше васъ...

Бояринъ. Вотъ это такъ!.. Что вы и въ самомъ дѣдѣ при мнѣ громко заговорили?!. Я тутъ хозяинъ, мнѣ одному тутъ и спрашивать.

Бѣсомыка. Передъ тобой, бояринушка... охъ!.. какъ передъ попомъ,—никакой правды не потаю... кому чести много, тотъ милосливъ... а къ этимъ попади въ лапы, они тебѣ сперва языкъ вырвутъ, охъ!.. а тамъ волять слово молвить...

Бояринъ. Я милосливъ, коли кто мнѣ во грѣхѣ кается.

Бѣсомыка. Ишь ты рѣчь-то боярская медовая!—пуще снадобья, заговора... хворь-то отъ нея какъ рукой сняло.

Бояринъ. Здоровъ сталъ?

* Бѣсомыка. Сразу... отъ единого твоего слова... А то было весь измаялся: дѣвку одну визнавалъ, выкручивался.

Настасья. Изволишь слышать, бояринъ, при всемъ народѣ говорить, не стыдится. Его объ дѣвкахъ только спроси, — про каждую скажетъ на триста верстъ кругомъ... что и въ умѣ-то держать, что и въ сундукѣ...

Бояринъ. Дьякъ!.. Да онъ, пройдоха, намъ пригодится: пушай про дѣвокъ сказываетъ, что знаетъ...

Лыковъ. Какъ повелишь, бояринъ.

Настасья. Никакъ его жъ за это жаловать стануть?

Кречетовъ. Бояринъ, смыскавай на насъ, какъ твоей волѣ будетъ угодно,—только обиды намъ не чини: мразь эту до своего слуха не допущай. Мы тоже дворяне родовитые,—такъ вору противъ насъ вѣры не давай; онъ и не такихъ, какъ ты, объѣзжалъ на кривой... Опрочь воеводы, ни за кого не постоятъ: одному воеводѣ въ руку тянетъ,—оба они разбойники.

Воевода. Артамонъ Спиридонъчъ, да что я тебѣ...

Бѣсомыка. Оставь, государь... словно не видишь: дове-

лось кулику на своемъ на вѣку переплыть рѣку, такъ ему и море по колѣна... Аль ты, князь, за свою за Устинью затрясся?.. такъ вѣдь что я ни говори, бояринъ-то самъ увидитъ, кака сорока кривобока, кака ворона картависта.

Общее негодованіе дворянъ.

К р е ч е т о в ъ. Убью!!..

Г л ѣ б о в ъ. Смирйя себя, смирай; — смѣющийся да възрыдаеть. Бояринъ, вѣдь онъ, не выгавъ, не выбоживъ, словечка не скажетъ...

Б ѣ с о м ы к а — *Глѣбову*. Сидѣлъ бы ты, дядя Борисъ, подъ кустомъ, закрывшись листомъ, — что ты благовѣствуешь?... неужто и тебѣ на Москву захотѣлось?.. твои четыре дѣвки-то ужъ крышу проросли: Таня да Глаша, горе наше, кому щи, кому каша, — ты бы ихъ радъ отдать хоть за козла, только бы ни одна въ дому не жила... Христовлаженный!..

К у к и н ъ. Бояринъ, прикажи ты ему...

Б ѣ с о м ы к а — *Кукину*. И ты къ пирогу запросился?... аль опять меня въ сваты звать собрался?

К у к и н ъ. Заткни ему глотку!..

Б о я р и н ъ. Пушай вретъ... онъ на розказни гораздъ... мнѣ забава (*Бѣсомыкъ*). Ты и въ сватахъ бывалъ?

Б ѣ с о м ы к а. Былъ, бояринъ, — роспись приданого и по сей-часъ у меня. (*Вынимаетъ бумагу*). Изволь прислушать приданое знатное: въ началѣ восемь дворовъ крестьянскихъ, промежь Лебедяни, не доѣзжая Казани, гдѣ пьяныхъ вязали... а въ нихъ полтора человекъ съ четвертью... семеро въ бѣгахъ, пятеро въ бѣдахъ, третьяго никакъ не найти... Да и съ тѣхъ же дворовъ сходить на всякій годъ насыпнаго хлѣба шесть амбаровъ, безъ заднихъ стѣнъ; а въ одномъ амбарѣ десять аршинъ капусты да сорокъ сороковъ тараканьихъ окороковъ, да четыре пуда каменнаго масла...

Бояринъ и многіе дворяне слегка смѣются.

К у к и н ъ. Бояринъ! Не попускай!

Б о я р и н ъ. Ври, ври, ничего.

Б ѣ с о м ы к а. Да въ тѣхъ же дворахъ конюшня; а въ ней четыре журавля стоялыхъ; да одинъ конь гнѣдъ, а шерсти на немъ вовсе нѣтъ... передомъ сѣчетъ, задомъ волочетъ... да двѣ коровы дойныхъ, да двѣ вороны гончихъ... А запасу въ нихъ всякаго: двадцать шестовъ собачьихъ хвостовъ, а вѣтру да пыли и не счесть, и въ сундукѣ шуба соболя, другая сомовья, крыта дубовой корой; три опасна сукна мимозеленаго, шапка ежевая, кру-

жева берестовья... И всего приданого будетъ: триста пусто да на пятьсотъ ни кола...

Бояринъ и другіе смѣются.

Г л ѣ б о в ѣ. Тьфу!.. напелелъ чего... служба идольская.

Л ы к о в ѣ. Басни-то сказывать ты гораздъ; а ты лучше отвѣть-ка мнѣ: кого ты въ Воздвиженскій монастырь возилъ?

В о е в о д а. Фу ты! дался имъ этотъ монастырь.

Б ѣ с о м н и к а. Я-то?

Н а с т а с ѣ я. Возилъ, возилъ!.. не запирайся, сама видѣла.

Б ѣ с о м н и к а. Перину возилъ, отъ боярыни игумень въ даръ... вотъ, отъ Прасковьи Федоровны.

Б у х а л о в а. Мою перину въ монастырь!?, да кто тебѣ велѣлъ? я ее воеводшѣ для дьяка московскаго дала... (*Лыкову*). Для тебя, государь, вотъ те Христось... Зачѣмъ въ монастырь перину? у матерей свои пуховики есть...

В о е в о д а. Ты забыла... ты забыла... Это не про ту... это про другую перину.

К р е ч е т о в ѣ. Голову на плаху положу, коли тутъ воровства какого нѣтъ.

Б о я р и н ѣ. Молчи! всѣ молчи... Тьфу! Неразбѣрека какая. Дьякъ, я соснуть пойду... Какъ же мы теперь ихъ порѣшимъ?

Л ы к о в ѣ. Да что рѣшать?.. Извѣты эти дворянскіе на воеводу намъ слушать нечего... еще съ этимъ дѣломъ возжаться?.. Мало ли кто на кого клевететь?

Б о я р и н ѣ. Такъ... Слышали?.. Стану я еще розыски чинить, себя тревожить!—мчѣ бы наказъ государевъ справить... Знать ничего больше не хочу! Слышали? Приводите завтра дѣвокъ на осмотръ.

Л ы к о в ѣ. А въ Воздвиженскій монастырь съѣздить надо, пошарить; не кроется ли тамъ чего?

В о е в о д а—*про себя*. Фу! ажно въ жаръ бросило.

Б о я р и н ѣ. Ну, и поѣзжай самъ туда, вывѣдывай... А дворянъ гони... (*Лыковъ отходитъ къ дворянамъ*). Ишь тоже чего выдумали?! сегодня на воеводу, а завтра и на меня челобитничать станете... я вамъ покажу!.. Ну, а я спать пойду... послѣ бани-то—ухъ... примааялся... Иди за мной, шутъ гороховый; пока я засыпать стану, ты мнѣ сказки сказывай. Экая сторонка благословенная! какъ ихъ Богъ терпитъ... Кабы не царская служба, вѣкъ бы сюда не заглянулъ: ни ѣсть, ни пить, ни слова молвить... противъ Москвы-то... (*Звываетъ*). Царь небесный...

Уходитъ.

Воевода тихо останавливаетъ Бѣсомыку.

Воевода. Стой!..

Озирается на Лыкова.

Кречето въ—*суетъ бумагу Лыкову.* Да ты прочти, прочти только... глаза не проглядишь; будь доброхотень...

Лыковъ беретъ бумагу и читаетъ.

Воевода. Выручай... выручай, Тимошка... ничего не жалѣю... Лети впередъ въ монастырь, вихремъ лети... перехвати Марейнюку-то, пока дьякъ туда не прѣхаль... я ужь позадержу, какъ могу...

Бѣсомыка. Какъ же боярину сказку говорить?

Воевода. Авось скоро уснетъ... Выручай... конецъ мой приходитъ... бѣсомъ обернись, въ трубу вылети, — спаси мнѣ Марейнюку,—не забуду.

Бѣсомыка. Да ужь надо выручать... Смотри: Настасья прислушивается. (*Громко напѣваетъ, проходя съ вывертомъ передъ Настасьей*). Какъ струна струнѣ молвить: надо молодцу жениться! разыграйтесь гусли, мысли, а вамъ пѣсенку спою...

Уходитъ.

Воевода—*Настасья*. Ты чего это, анаемское отродье?.. Да коли тебя еще разъ тутъ встрѣчу, да коли ты къ вѣдьмамъ на лысую гору не убирешься,—да отъ тебя порошинки не останется!

Настасья быстро исчезаетъ. Къ нему подходитъ Бухалова.

Бухалова. Иванъ Аванасъичъ, что жъ ты это съ моей периной сдѣлалъ? — я такъ-то не позволю... Я ее подъ дьяка давала...

Воевода. Что тамъ перина?! тутъ смерть моя пришла, а она про периву... Всяка храбрость отъ мена миновалась; будь добра на сосѣдствѣ, помогай... Удержи ты дьяка, чтобъ онъ въ монастырь не ѣздилъ, чтобъ мнѣ Марейнюку въ другое мѣсто переправить.

Бухалова. И то вѣдь: попадется, такъ онъ ее, сохрани Господи, на смотрины поставитъ... Ладно ужь, похлопочу для тебя.

Воевода отходитъ къ Лыкову.

Лыковъ—*отдавая бумагу.* Опять тутъ все то же... Вамъ сказалъ бояринъ: не наше дѣло; разбирайтесь тутъ промежь себя.

Воевода. Что вы государевыхъ слугъ тревожите? идите пока до завтрева... что Богъ пошлетъ...

Бухалова. Ступай сюда, дьякъ! я съ тобой про твои дѣла побесѣдую.

Лыковъ—идеть къ ней. Про мои?

Воевода — боярянамъ. Ну ужь, голубчики, удружили.. дайте боярину отъѣхать...

Дворяне, вполголоса оправдываясь, расходятся.

Глѣбовъ — воеводѣ. Ишь народецъ!.. Иванъ Аванасъичъ... кабы я-то за тебя не вступился, загрызли бы...

Воевода. Уходи, старецъ благолѣпный... Придетъ мое время, всѣхъ васъ разберу.

Оба уходятъ.

VI.

Бухалова и Лыковъ.

Бухалова. Садись-ка, я тебѣ глаза открою.

Лыковъ—садясь. Въ чемъ?

Бухалова. Какъ же это ты, дьякъ прозорливый, и даль себя плуту-скомороху обвести?.. Нешто не видишь, что онъ со своей бабой ставнукся: при людяхъ прикидываются, что бранятся, а для чего? чтобъ тебя въ монастырь заманить, да время выгадать... на что ты въ Воздвиженскій монастырь поѣдешь? чего ты тамъ не видалъ?

Лыковъ. По твоему, не ѣхать?

Бухалова. Пока ты даромъ время потеряешь, Тимошка противъ тебя что ни на есть да смастерить... А коли есть у тебя въ мысляхъ: разузнать что хочешь, — иди ко мнѣ въ науку, я скажу, гдѣ разузнать.

Лыковъ. Говори.

Бухалова. Знаешь ты за городомъ лѣсъ... поѣзжай ты къ ночи по этому лѣсу; не бойся, тутъ разбоя нѣтъ: богатые здѣсь не ѣздятъ, а съ голытьбы что взять?.. и въ концѣ лѣса будетъ деревенька, скудное мѣсто, нищенское... а деревеньку проѣдешь, увидишь на берегу рѣки три сосны... тутъ ты остановись и свисни три раза богатырскимъ посвистомъ... а котораго человѣка увидишь, что позоветъ тебя, за нимъ и ступай.

Лыковъ. Куда же онъ меня поведетъ?

Бухалова. Къ волхву, къ чародѣю... А и вотъ чародѣй по всей землѣ видитъ, и по верху, и по низу... и подъ землей на семь саженой... Онъ те, коли что тревожитъ, на все отвѣтъ дастъ.

Лыковъ. Спасибо, боярыня... только что же мнѣ порукой будетъ, что и ты не хочешь меня въ обманъ ввести.

Бухалова. Какая мнѣ корысть?.. А порукой тебѣ вотъ

что: есть у меня до тебя просьбица великая; коли тебѣ по моей наукѣ чародѣй службу сослужить, и ты мнѣ въ тѣ поры не откажи.

Лыковъ. Инъ будь по твоему: съѣзжу... но смотри: коли ты какой подвохъ замышляешь, я и за зло тоже зломъ,—въ долгу не останусь.

Бухалова. Ахъ ты, Оома невѣрный! На что намъ ссориться?.. еще, можетъ, поживемъ, такъ ты мнѣ покланяешься да и покланяешься...

Входятъ ключникъ, Сенька и Антошка.

VII.

Тѣ же, Ключникъ, Сенька и Антошка.

Ключникъ. Пожалуй, государь, въ дьячью избу; воевода просить.

Бухалова — *Лыкову*. Къ полуночи... три сосны не забудь.

Лыковъ. Не забуду. (*Бухалова уходитъ. Ключнику*). Поставь-ка мнѣ какого сторожа, чтобъ скоморохъ Тимошка не убѣжалъ... Коли отъ боярина выбудетъ, сейчасъ мнѣ доложи.

Уходитъ.

Ключникъ. Да ужь всѣ втроемъ ждать останемся... Вотъ тутотка подмети... натоптали дворяне-то...

Сенька. А! Кирилычъ!.. кака сила!.. Бояринъ-то... Чего уже всѣ другіе—а и воевода передъ нимъ ниже травки сталъ... Я его въ банѣ парилъ, ажъ тряся: легко ли экое боярское тѣло да вѣникомъ стегать.

Ключникъ. Ну ты, говорунъ... заговорятъ тебя... (*Бьсомыка выходитъ отъ боярина; ключникъ его останавливаетъ*). Стойка, не велѣно тебя пуцать.

Бѣсомыка. Что за притча? кто не велѣлъ?

Ключникъ. Дьякъ московскій. Бѣги, Сенька, скажи ему!

Бѣсомыка. Ни съ мѣста! (*Про себя*). Фу ты, чортъ! задержать, пожалуй... (*Громко*). Тише!.. сейчасъ бояринъ започивать изволилъ... Тронься только который, закричу, такъ онъ вамъ задасть дьяка... Ишь вы, полѣнья нетесанныя... Кто выше? дьякъ аль бояринъ? Почну я ему сказку про воеводскихъ холопей сказывать, онъ вамъ салазки-то къ затылку загнетъ.

Ключникъ. Какъ же быть-то, Тимошенька, -- коли намъ приказано...

Бѣсомыка. Да вотъ, Тимошенька!.. Я и самъ никуда не уйду... Куда мнѣ уходить, коли я теперь въ такой чести: къ экому боярину на службу попалъ... масляна лепешка въ печи сидѣла, на насъ глядѣла, въ ротъ захотѣла, а мы прочь побѣжимъ?— Нѣтъ, врешь... Меня еще бояринъ-то хочеть на Москву везти, — чтобъ я самому государю сказки сказывалъ.

Ключникъ. Да неужто?

Бѣсомыка. Достань-ка! тогда меня рукой-то... Слышалъ, какъ я дворянъ-то охорашивалъ? а ужъ тогда-то что будетъ: держись только.

Ключникъ. Чѣмъ же ты боярину такъ угодилъ? что рассказывалъ-то?

Бѣсомыка. Все про старое, про бывалое, про свое рожденьице, про судьбы прохожденьице, — какъ я неразмѣнный рубль доставалъ.

Ключникъ. Какой такой?

Бѣсомыка. Вотъ те на!.. въ бородѣ сѣдина, на томъ свѣтѣ ужъ по немъ стосковались, не дождутся, а онъ про неразмѣнный рубль не знаетъ... Такой онъ и есть неразмѣнный; ты его изъ кошеля взялъ, а тамъ ужъ новый готовый... ты и его, а тамъ опять. Бери сколько хошь — все тоже останется...

Сенька. Да гдѣ же онъ у тебя? покажи...

Бѣсомыка. То-то, братцы, самъ виноватъ... пропалъ онъ у меня... Коли тѣмъ рублемъ что покупаешь, не надо сдачи брать; а я на сдачу польстился, — хватъ въ кошель, а тамъ ужъ одни черепки... такъ и пропалъ, и другаго мнѣ не добыть: одинъ разъ по всѣ дни онъ дается-то.

Ключникъ. А мнѣ добыть его можно?

Бѣсомыка. Отчего же? — всякому можно. Только не всякій выдерживаетъ: того гляди, съ ворожбы-то рожу къ затылку свернетъ; будешь вѣкъ свой себѣ на спину глядѣть.

Сенька. Да ужъ ты только научи, какъ добыть то, а мы выдержимъ.

Ключникъ. Научи, Тимошенька, попытай, желанный.

Антошка. Батожье выдерживаемъ, такъ что намъ! научи...

Бѣсомыка. Да мудренаго нѣтъ ничего: купи на базарѣ гусака, не торгуясь, изжарь съ перьемъ. Иди потомъ на развилину дорожную да кричи: купите гусака, дайте рубль серебряный. Нечистая сила мужикомъ прикинется, дастъ тебѣ рубль за гусака, и бѣги ты съ нимъ тогда безъ оглядки. Будеть тебя по по-

гамъ хлестать и спину жечь, и пакость всякая померещится,— бѣги, не оглядываясь... ну, выдержишь,—твой рубль останется а не выдержишь, попадешь по горло въ болото.

Сенька. Попытаю.

Бѣсомыка. А и сперва-то кошель осмотри: не всякому кошелю этотъ рубль дается.

Ключникъ. А что же?

Бѣсомыка. Давайте ваши кошелю. *(Они даютъ ему кошелю, онъ высыпаетъ изъ нихъ деньги и кладетъ себѣ за пазуху; они смотрятъ въ недоумѣніи).* Не велико же твое богатство: алтынъ съ денежкой.

Ключникъ. Что жъ ты наши деньги обираешь?

Бѣсомыка. Отдамъ... на что мнѣ онѣ... кошель надо пустой осматривать. Ну вотъ: правымъ глазомъ въ него гляди, а лѣвый зажмурь... да къ свѣту-то спиной становись... *(Устанавливаетъ ихъ)* и считай до ста... да не спутай смотри, а то опять сначала начинать... коли увидишь, въ кошелѣ будетъ искрами сыпать, онъ кошель настоящій, а нѣтъ,—ищи другаго.

Устанавливаетъ ихъ, а самъ крадется къ окну.

Ключникъ. Ну, считай...

Всѣ трое вмѣстѣ. Разъ,—два,—три...

Бѣсомыка. Шутъ васъ побери.

Вылзаетъ въ окно.

Всѣ трое. Четыре...

Сенька. Восемь...

Ключникъ. Какія восемь?—считай сызнова...

Всѣ трое. Разъ,—два,—три...

Входитъ Лыковъ.

VIII.

Ключникъ, Сенька, Антошка и Лыковъ, потомъ Воевода.

Лыковъ. Никакъ онъ въ окно убѣжалъ?.. Что вы тутъ дѣлаете?

Всѣ трое. Четыре,—пять,—шесть...

Лыковъ—толкаетъ ключника. Очнись! Аль тебя лукавый обошелъ?!

Ключникъ. Оставь! не мѣшай!—кто это?

Всѣ трое оглядываются.

Лыковъ. Что вы носами въ кошелю уткнулись?.. Былъ тутъ Тимошка воръ?

Ключникъ. Да гдѣ онъ?

Лыковъ. Былъ онъ тутъ? спрашиваютъ тебя.

Ключникъ. Какъ же не былъ?! онъ у меня восемь алтынъ стянулъ.

Сенька. Ахъ, разбойникъ!—и у меня три гривны. Да куда онъ провалился? и дверью-то не скрипнуло.

Лыковъ. Такъ это онъ въ окошко шмыгнулъ. Я рядомъ видѣлъ... Бѣги скорѣй, лови...

Ключникъ. Куда ужъ теперь ловить! — онъ побѣжитъ, такъ отъ него заяцъ на пять верстъ отстанетъ.

Лыковъ. Что жъ вы, зѣвороты, его изъ рукъ выпустили?! Приказывалъ я вамъ сторожить!.. ну, помянете вы меня...

Вбѣгаетъ Настасья.

IX.

Тѣ же и Настасья, потомъ Воевода и пристава.

Настасья. Убѣгъ, государь, Тимошка-то опять убѣгъ! да теперь не отвертѣтся ему: захватимъ—я подслушала...

Лыковъ. Что?

Настасья. Въ кустахъ хоронилась; а онъ изъ окошка-то прыгъ, да прямешенько мимо меня... тутъ, откуда ни возьмись, его сподручные двое скомороховъ, — наказалъ онъ имъ наскоро: готовьте, говорить, подставу лошадей у мельника Нѣздылы, ночью... да и былъ таковъ...

Ключникъ. Тамъ его и изловить, проклятаго.

Антошка. Два алтына взялъ.

Настасья. Ужъ вы мнѣ его тогда отдайте. Ужъ я ему въ бороду вцѣплюсь, со мной не убѣжитъ больше...

Входитъ воевода.

Воевода. Куда жъ ты, дьякъ, подѣвался? въ спискахъ-то вонъ вранье оказываетъ.

Лыковъ. Неладныя у тебя дѣла чинятся, господинъ воевода: твой скоморохъ Тимошка опять убѣжалъ.

Воевода — *радостно*. Убѣжалъ?.. Неужто убѣжалъ?.. Ну, слава тебѣ Господи.

Лыковъ. Какъ слава Богу?! да онъ видимое злоумышленіе чинить.

Воевода. То... я не того... я того... я говорю: слава Богу, что не скралъ ничего.

Антошка. У меня два алтына.

Лыковъ. Я его захватить долженъ. Давай мнѣ твоихъ приставовъ.

Воевода. Куда? Для чего?

Лыковъ. Схватить.

Воевода. Кого?

Лыковъ. Да что ты, воевода, о чемъ ты мыслишь? Тимошку скомороха схватить, — онъ, вишь ты, у мельника у какого-то будетъ нынче ночью...

Ключникъ. У Нѣздили...

Воевода. На что ему туда ѣздить? это же ему не по пути... чего ему туда колесить въ объѣздъ...

Лыковъ. А ты почему знаешь его путь?.. Аль онъ тебѣ, воевода, сказывалъ, гдѣ въ бѣгахъ хорониться будетъ?

Воевода. Не сказывалъ, а я... того... Да что вы всѣ ко мнѣ пристали? и тутъ воевода не то, и тамъ... и посулы онъ беретъ, и разбойникамъ мирволить!.. Я жъ те докажу... приставовъ тебѣ? (*Антошка*). Зови сюда приставовъ... (*Антошка убѣгаетъ*). У мельника Нѣздили? — ладно... (*Про себя*). Ему туда и ѣздить нечего, будете въ пустомъ мѣстѣ шарить.

Настасья. Коли, государь воевода, позволишь?

Воевода. А! Это ты все путаешь?.. хорошо... (*Входятъ пристава*). Слышите вы... собирайтесь всей гурьбой и съ понятиями, — къ мельницѣ, къ Нѣздилѣ... Да не сейчасъ, а ночью; тутъ всего двѣнадцать верстъ... какъ смеркнется, такъ и выѣзжайте... украдкой подойти... Такъ ли, дьякъ?

Лыковъ. Такъ, такъ...

Воевода. Мельницу окружить, и кого у мельника найдете, всѣхъ за караулъ взять. Безо всякой пощады: мужикъ ли, баба ли, вяжи руки и тащи сюда въ темную.

Лыковъ. Ну, ужъ не очень тамъ разгуливайтесь... имъ дай волю, и помнутъ человѣка...

Воевода. Пушай!.. Вотъ я каковъ!.. коли ты думалъ, что я мирволщикъ да потаковщикъ, а я во всей строгости... Стой!.. вотъ и эту бабу забирай съ собой!..

Настасья. Да на что же?—родимый!..

Воевода. Она доносчица, она сомнительница, пушай про- топчется, ей здорово... пушай въ свидѣтеляхъ будетъ, кого вы тамъ захватите...

Настасья. Батюшка, да я и здѣсь подожду...

Воевода. Тащи, тащи, не слушай ея... Я вамъ покажу, ка- жовъ я воевода!—я покажу!...

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Внутренность водяной мельницы. Справа въ глубинѣ виденъ помостъ и ковшъ съ ларемъ. Совсѣмъ справа, по стѣнѣ, лѣстница, ведущая вверхъ. Лѣвѣе въ глубинѣ дверь. Слѣва окно, лавки и столъ. Мельница въ ходу, слышенъ плескъ воды и стукъ жернововъ. Мельникъ ходитъ около ларя и обмахиваетъ муку.

I.

Мельникъ, потомъ Трошка.

М е л ь н и к ъ (*мурлычетъ про себя пѣсню*):

Еще какъ люди въ людяхъ-то живутъ,
На людей люди ухаживаютъ,
На свекровь да приноравливаютъ...
У меня, молодой, свекровушка лиха,
Кривошлыка непривѣтливая...

Т р о ш к а—*появляется наверху, на лѣстницѣ*. Дѣдъ... тащи еще кулъ сюда, остатное зерно сыплется.

М е л ь н и к ъ. Ну его!.. будетъ! останавливай!.. (*Трошка скрывается*). Ладно, коли и прикончить... Солнышко-то вона ужъ подъ землю ушло... и жерновамъ покой дать.

Движеніе мельницы останавливается. Трошка снова появляется.

Т р о ш к а. Дѣдка! а у насъ къ ужину рѣпа есть.

М е л ь н и к ъ. Откедова?

Т р о ш к а. Я у Кукина на огородѣ скралъ.

М е л ь н и к ъ. Вздеруть тебѣ когда спину-то...

Т р о ш к а. Не вздеруть; меня не словишь... да имъ таперя и не до рѣпы,—весь домъ ходуномъ пошелъ: дѣвку-то ихнюю въ городъ повезли, къ воеводѣ... въ царскія невѣсты выбирать.

М е л ь н и к ъ. Неужто и Матрену тупорылу повезли?

Т р о ш к а. И ее... можетъ, ея доля такая, что она царю приглянется, царицей будетъ... А и дура же! ей бы къ тебѣ прийти поколдовать... Дѣдка?

М е л ь н и к ъ. Ну?

Т р о ш к а. Можешь ты по вѣтру отседова въ Москву на царя напустить, чтобы царю тая дѣвка полюбилась, которую дѣвку ты укажешь?

Мельникъ. Нишкни, пострѣленокъ! за тако слово-то знаешь что?!. знахарей-то въ срубахъ жгутъ.

Трошка. О-о-о!..

Мельникъ. Вотъ-те и о-о-о!.. засадятъ въ срубъ да я почнутъ живаго жечь—не ври много.

Трошка. Да нешто отъ вѣтру что станется?.. это бабамъ въ угоду, что онѣ вѣрятъ... Ты вона прошлой зимой на воеводу по вѣтру напущалъ, со злобы Афросиньюшки, извести воеводу хотѣлъ; а онъ, вишь-ты, здоровый какой... оглоблю съѣсть, не подавится...

Мельникъ. Съ вѣтромъ не угадаешь: иное и не на того нанесетъ, кого изводишь... Подвернется который рожей похожъ али имя тоже,—его и скорчить, замѣсто настоящаго-то.

Трошка. Ахъ, дѣдка, какъ ужъ ты вратъ почнешь, такъ тебя только послушай.

Мельникъ. Ну, ну! рассказывай, чертенокъ!.. Ты вѣрь не вѣрь, а прислушивайся да приглядывайся, какъ дѣдъ народъ-то крутить. Я те еще за давшнее вихры не надралъ: на зло мнѣ собакой залаялъ... я те велѣлъ изъ подполья покойникомъ выть, а ты мнѣ на зло, что?.. я мужику сказываю, у меня-де тутъ покойникъ убиенный зарытъ, его косточки ноютъ, — а ты собакой лаешь!?..

Трошка. Мнѣ больно занятно было, какъ ты, дѣдка, ужомъ выворачиваться почнешь.

Мельникъ. Я те дамъ,—занятно!.. я те... (*Глянувъ въ окно*). Ишь ты! кто это?.. телѣга...

Трошка.—*Глядя въ окно*.—Боярыня Прасковья Бухалова.

Мельникъ. Эва кто!.. милости просимъ... опять ей зандобился... Это ладно,—эта баба тароватая.

Бухалова—*за сценой*. Повели, Нѣздилушка, войти рабѣ Прасковѣ...

Мельникъ. Входи, раба божья.

Бухалова входитъ; на порогъ два холопа.

II.

Тѣ же, Бухалова и двое слугъ.

Къ концу этой сцены постепенно темнѣетъ и лунный свѣтъ сѣтитъ въ окно.

Бухалова. Здравствуй... (*холопамъ*). Ступайте... одинъ по-

ставь телѣгу въ кусты, а другой тута подлѣ мельницы меня жди... (*Холопи уходятъ*). Нѣздилушка, я къ тебѣ.

Мельникъ. Вижу.

Бухалова. Ступай, Трошка, мнѣ съ дѣдомъ поговорить... Боюсь, ужь не опоздала ли... (*Трошка уходитъ*). Былъ у тебя дьякъ молодой московскій сегодня?

Мельникъ. Нѣту.

Бухалова. Ну, стало, не опоздала... Еще со свѣтомъ быть бы у тебя должна, да, вишь ты, лѣшій обошелъ: кружилъ, кружилъ дорогу-то... гляжу, не та дорога. Я Еремѣй: ты куда меня везешь? а у него ужь и возжи изъ рукъ валяются.

Мельникъ. Пьянъ?

Бухалова. Не то пьянъ, не то на нечистый слѣдъ попалъ... страхъ, говорить, обуялъ... Ну, я его къ себѣ въ телѣгу, другаго холопа къ конямъ,—такъ тотъ дороги не знаетъ... Стали ужь встрѣчныхъ мужиковъ спрашивать, еле добрались.

Мельникъ. Видно, мнѣ поклона аль подарка пожалѣла, вотъ онъ тебя и путалъ, лѣшій-то; не допущалъ...

Бухалова. Когда-жъ я скаредничала? что ты? вотъ деньги готовы, бери... (*Даетъ кошель*.) Помогай только... Поможешь, навѣкъ тебя осчастливлю, золотомъ засыплю по самое горло... бо-риномъ заживешь.

Мельникъ. Что больно распозлалась?.. аль въ тещи къ царю норовишь?

Бухалова. Охъ, Нѣздилушка, ты вѣдь душу-то насквозь человѣческую видишь, отъ тебя ничего не укроешь... Чѣмъ же моя Дарья не царица? нешто она чѣмъ хуже которой?.. глянь ка-сь на нее: и съ лица смазлива, и шея лебединая,—что бѣлый сыръ на блюдѣ лежитъ, что сахарный кусъ на тарелочкѣ... а ужь смиренница!—такъ рукавъ отъ лица и не оторвешь... отчего не ей тако счастье?—можетъ, Богъ благословилъ... Ее какъ крестили-то, въ тѣ поры гроза была, отъ молоньи у насъ овинъ сгорѣлъ, такъ всѣ говорили, что это къ благополучію... а ужь кабы случилось,—кажется, ничего бы тебѣ не пожалѣла.

Мельникъ. Что жъ, погадать тебѣ, что ли? аль плакунъ-травы хочешь, чтобъ во снѣ дѣвкѣ судьбу увидеть?

Бухалова. Охъ, нѣтъ... ты мнѣ о масляной, какъ я въ Москву собиралась, давалъ этого плакуна-то, траву-то... я подъ подушку клала... такъ меня ночью-то домовою душилъ, навалился,—еле очнулась.

Мельникъ. Это какъ судьба...

Бухалова. То-то судьба! коли злая судьба привидится,

лучше ее и не знать до поры... нѣтъ, что гадать; а ты мнѣ такъ помоги: подстрой дѣло на хитрую статью,—судьбу-то и пригнемъ по своему.

Мельникъ. Сказывай.

Бухалова. Вишь ли, пріѣхалъ бояринъ невѣсть выбирать, а съ имъ дьякъ... и дьякъ - отъ молодой, да хитрый, впередъ боярина сюда пріѣхалъ, за купца нижегородскаго себя выдалъ... все про нашихъ дѣвокъ разспрашивалъ... и вывнала я, что тотъ дьякъ надъ бояриномъ первый воротила: что захочетъ, такъ тому и быть...

Мельникъ. Какъ зовутъ-то?

Бухалова. Алексѣемъ... У насъ тутъ противъ Дарьи только одна и есть дѣвка достойная: воеводская Марѳа; такъ ее я отстранила... напужала смотринами, теперь ее прячуть...

Мельникъ. Ты баба не промахъ.

Бухалова. Только онъ, дьякъ, не уgomонился; должно, выслужиться передъ государемъ хочетъ: рыщетъ да ищетъ чего-то. Боюсь я, ужъ не Марѳы ли доискивается, не смекнулъ ли... Онъ, слышь, въ воеводскій садъ черезъ тынъ лазалъ, дѣвокъ смотрѣть, да добро мы помѣшали... Ну, этого дьяка я сюда къ тебѣ направила; гляди, сейчасъ прикатить.

Мельникъ. Милости просимъ.

Бухалова. Такъ ты ему наворожи тамъ своей ворожкой чего... Парень молодой, чай, тоже и пожить хочется, и передъ людьми показаться, можетъ, и зазноба есть... Ты съумѣешь ему душу вывернуть, всякія тайны повытряхать... Насули ему всякаго счастья съ три короба; только супротивъ всего зарокъ возьми, чтобъ никуда онъ не гонялся, ничего бы не искалъ, а выбиралъ бы на смотринахъ мою Дарью въ первую статью, да и мало того: противъ всѣхъ бы хвалилъ... И въ Москву пріѣдетъ, и тамъ бы противъ всѣхъ государевыхъ невѣсть хвалилъ...

Мельникъ. Ишь тебя забрало.

Бухалова. И заклятье въ томъ съ него возьми крѣпкое; коли хочетъ своего благополучія, чтобъ заклился: чтобъ ему безъ эстаго въ золѣ горючей погибать, въ тинѣ болотной, чтобъ окривѣлъ, охромѣлъ, обезручилъ, чтобъ изсушило его суше травы, заморозило пуще льда...

Мельникъ. Да и зла же ты, баба, коли тебя раздражить.

Трошка показывается въ дверяхъ.

Трошка. Дѣдка! у сосны кто-то свиснулъ.

Бухалова. Это онъ, я ему такъ и наказала; это вѣрно, что онъ.

Мельникъ—*Трошка*. Ну что жъ? не знаешь своей службы? мозглякъ! вылѣзай изъ-за плетня, веди сюда гостя.

Трошка исчезаетъ.

Бухалова. Такъ я поскорѣй уйду... Ишь ты, ужъ совсѣмъ ночь... не столкнуться бы...

Мельникъ. Трошка не пустить.

Бухалова—*раздражаясь*. Ну! помогай дѣдь... Коли поможешь, хорошо тебѣ будетъ жить; а не поможешь, заклятья не возьмешь, пеняй на себя... я теперь разожглась: я тебя со свѣту сживу, передъ владыкой обнесу.

Мельникъ. Знаю, что зла.

Бухалова—*вдругъ мнѣняя тонъ, крайне мягко*. Прощай же, Нѣздилушка, послужи... Я те, oprичъ всего, еще завтра запаса пришлю: огурчиковъ, да рѣпки, у меня ядрѣна уродилась... и меду пришлю слышь, боченочекъ, — пей на здоровье; спроворь только... Ну, и прощай же...

Уходитъ.

III.

Мельникъ одинъ, потомъ Трошка и Лыковъ.

Мельникъ. Ишь ихъ разлакомило! — всѣ къ царю въ родню норовятъ. Присылай, присылай огурчиковъ... (*Считаетъ деньги.*) Языкомъ болтать, не землю пахать—что же?.. И заклятье взять можно, коли съ дурака... а козни мнѣ твои не страшны, я и самъ съ усамъ... (*Считая деньги.*) Пять, восемь,—таровата, нешто; загорѣлось въ государевы тещи... охъ, бабы, бабы!..

Прислушивается; потомъ быстро прячется за ковшъ; въ дверяхъ появляется Трошка.

Трошка. Сюда иди, куда ты мимо двери на мостокъ забрался? тамъ подъ колесо угодишь... (*Лыковъ входитъ*). Садись-ка вотъ тутъ пока, гляди въ окошко на мѣсяцъ... (*Таинственно.*) Онъ крысу потронить, сейчасъ придетъ... (*Лыковъ садится на лавку и смотритъ въ окно. Трошка идетъ въ глубину направо къ мельнику.*) Что жъ его попужать что ли? стонать покойникомъ-то?

Мельникъ. Когда палкой объ полъ ударю... и колесо пусти... остановишь, какъ крикну: разсыпся!

Трошка тихо прокрадывается сзади къ двери и исчезаетъ. Мельникъ, пройдя въ глубину, запираетъ за нимъ дверь на крюкъ.

IV.

Мельникъ и Лыковъ.

Лыковъ. Долго ли ждать-то! (*Идетъ вправо осмотрѣть по-кой, между тѣмъ мельникъ выступилъ на аванъ-сцену; онъ весь блѣдъ и освѣщенъ луной изъ окна. Лыковъ, оборачиваясь, видитъ его и пораженъ*). Что ты изъ земли выросъ что ли?

Мельникъ. Самъ еще въ могилѣ не бывалъ, а съ покойниками дружбу вожу, не погнѣвайся. Добро пожаловать, гость московскій...

Лыковъ. Почему ты знаешь, что я московскій?

Мельникъ. Я все знаю.. и зачѣмъ ты пришелъ—и то знаю. Садись, будемъ разговаривать.

Лыковъ. Что жъ ты, хозяинъ непривѣтливый, огня не вздуешь?

Мельникъ. На что огонь?—намъ божье свѣтило свѣтитъ, чего лучше?

Лыковъ. Нешто видалъ меня гдѣ?

Мельникъ. Видалъ, какъ на Москву въ облакѣ леталъ,— гдѣ же больше?.. ты здѣсь недавно, и у меня впервые, а я съ мельницы никуда не ухожу.

Лыковъ. Правда твоя.

Мельникъ. Судьбу свою узнавать пришелъ?

Лыковъ. Хоша бы и судьбу.

Мельникъ. Твоей судьбѣ всякъ позавидуетъ: кому горе гореваньице, кому скорбь неизбытная, слезы горючія; а тебѣ—удалъ добрый малодецъ, доля желанная, удача по всякій часъ.

Лыковъ. Спасибо.

Мельникъ. И не слѣдъ бы тебѣ, дьяку-то московскому, важному, черезъ тынъ въ воеводскій садъ лазать.

Лыковъ. И это знаешь?

Мельникъ. Ну, кайся, говори, что тамъ искалъ?.. Государю невѣсту вывѣдывалъ, али къ своей голубицѣ припархивалъ?

Лыковъ. Для чего мнѣ сказывать, коли ты и такъ все знаешь?

Мельникъ. Я-то знаю,—а все же безъ твоего покаянія я тебѣ помочь не могу... неужто страхъ беретъ говорить-то?

Лыковъ. Никакого страха у меня нѣтъ... Вижу, что ты ловокъ... съ чортомъ ли знаешься, аль какіе приспѣшники тебѣ до-

носятъ, все едино:—послужить мнѣ можешь, такъ нечего тебѣ и таяться... Не про государя я заботился, самъ полюбилъ дѣвку красную, да вонъ сгубла она у меня изъ-подъ руку—и имени ея не знаю. Бери, что хочешь, да наведи меня на слѣдъ, гдѣ мнѣ ее сыскать.

Мельникъ. Отчего не сыскать!—да вишь ты больно невѣрующъ; а тутъ безъ ворожбы ничего не узнаешь...

Лыковъ. Ну, зови свою бѣсовщину, пуцай она тебѣ въ уши нашепчетъ.

Мельникъ. А бояться не станешь?.. тутъ нужна сила могуча,—она во-какъ ворочаетъ... въ землѣ-то бугры вздымаютъ... коли что послышится аль померещится—стой ужъ, не дыши... чуть двинешься—пропалъ.

Лыковъ. Ворожи что-ль?.. пропадать случится, такъ мнѣ же, а не тебѣ.

Мельникъ. Потомъ не отрекайся... становись сюда... (*Ставитъ его и очерчиваетъ вокругъ него на полу кругъ*). Теперь изъ этого круга чтобъ не шелохнуться... (*Медленно ходитъ вокругъ него, говоря заклинаніе*). На морѣ, на океанѣ, на островѣ на Буянѣ, гдѣ теплые вѣтра провѣвали, стоитъ изба за семью стѣнами. А въ той избѣ ларець за семью замками; а въ томъ ларцѣ трава журець съ семью зубцами. На томъ островѣ я былъ-побывалъ, тоѣ траву добывалъ для раба божія Алексѣя.

Лыковъ. Ты знаешь мое имя?

Мельникъ. Молчи... Кладу ту траву на огонь, приговариваю: какъ та трава на огнѣ горитъ и сохнетъ, такъ чтобы по рабѣ Алексѣѣ горѣла и сохла зазноба его, красная дѣвица... (*Ударяетъ палкой объ полъ*). А и посохнувши, чахла, пока къ нему, рабу Алексѣю, не приклонится, до сырой земли не поклонится. (*Подъ поломъ слышатся глухіе стоны*). Опять заныли, застонали.

Лыковъ. Что такое?

Мельникъ. Покойникъ у меня подъ мельницей былъ похороненъ, убиенный... ноютъ его косточки, чтобъ убійцу нашли... (*Жернова начинаютъ стучать*). Ишь расходился! всю мельницу переломаетъ... Ахъ, чтобъ те... Аминь, аминь, разсыпся! (*Жернова останавливаются*). Затихъ?

Прислушивается; въ окно стукъ.

Лыковъ. Нѣтъ, стучитъ кто-то въ окно.

Мельникъ—*про себя*. Опять пострѣленокъ проказитъ; я те! дай часъ... (*Лыкову*). Не выходи изъ круга, попадешь водяному въ лапы...

Отворяетъ окно.

Бѣсомыка—*за сценой*. Нѣздило, ты одинъ что-ль?

Лыковъ—*подходя къ окну*. Голосъ знакомый.

Мельникъ. Стой, стой!.. Ну!—вся ворожба пропала! все ты теперь разбилъ. Опять надо будетъ сызнава начинать.

Бѣсомыка—*за сценой*. Пусти бабъ.

Лыковъ. Да это скоморохъ Тимошка!.. и съ бабами... Да ты, кажись, мнѣ и впрямь наворожилъ, старый, — лучше лучшаго. Отвори имъ дверь и ни словечка не пророни, что я тутъ; я вонъ за ковшемъ притаюсь.

Мельникъ—*про себя*. Выкручивайся теперь съ ними... не радъ будешь и прибытку.

Лыковъ. Смотри же: ни слова... не то помянешь меня...

Прячется; мельникъ открываетъ дверь.

Мельникъ. Иди сюда... о порогъ не спотыкнись.

Входятъ Матвѣвна, Марѣа и Бѣсомыка.

V.

Тѣ же, Матвѣвна, Марѣа и Бѣсомыка.

Матвѣвна. Охъ, голубчики мои, охъ, православные... не пережить мнѣ этихъ страстей...

Бѣсомыка—*Марѣа*. Не бойся, боярышня, мельника; не гляди, что онъ тако чучело,—онъ те обиды не учинить.

Марѣа. Темно тутъ что-то... не люблю я, когда темно въ горницѣ. Хоть бы свѣтецъ какой зажгли.

Бѣсомыка—*Мельнику*. Вздуйвай огонь-то, зажигай лучину! поварачивайся,—ну-те!

Мельникъ. Поди-ка къ сторонѣ, сказать надо.

Бѣсомыка. Зажигай огонь! — намъ не до разговоровъ... Разгорайся огонечекъ, приходи ко мнѣ, дружочекъ, будемъ время коротать!

Мельникъ зажигаетъ лучину, сцена освѣщается; Марѣа снимаетъ платокъ съ головы.

Матвѣвна. Смерти ты нашей захотѣлъ... загубитель нашъ!..

Бѣсомыка. Погоди, тетка, накликаешь... придетъ часъ: не уйдешь отъ корыта, что другимъ покрыто.

Матвѣвна. Како тамъ еще корыто?

Бѣсомыка. Гробъ.

Матвѣвна. Тьфу!!

Бѣсомыка. А теперь еще подождешь.

Матвѣвна. Куда ты насъ завезъ? нешто тута дорога?... постой, пройдетъ время, нажалуюсь я воеводѣ-то... намъ дорога отъ монастыря къ лѣсной усадѣбѣ примехонько вправо пошла, а ты какъ разъ влѣво взялъ; мы теперь отъ той усадьбы на пять верстъ дальше,—мельница-то совсѣмъ въ другой сторонѣ... ты думаешь, я не знаю?..

Бѣсомыка. Намъ гдѣ путь, тамъ и дорога. Прямо-то только ворона летаетъ, да и то бита бываетъ; не бойся дороги, были бѣ кони здоровы.

Мареа. Зачѣмъ же колесить?

Бѣсомыка. Нельзя безъ эстаго, боярышня: коли за тобой погоня наскочетъ въ монастырь, да матерямъ страху нагонитъ, онѣ прямо покажутъ, въ каку сторону мы полетѣли; а и народъ придорожный тоже... мы вотъ къ ночи сюда добрались, у меня тутъ и подстава припасена; рванемся въ бокъ, такъ никому не въ домѣкъ... Гонись за нами дальше, куда хошь, а мы взади останемся—ночью не видно... вотъ какъ поскачемъ, только держись! тѣло доведу, за душу не ручаюсь.

Мельникъ—таинственно. Подъ-ка сюда...

Бѣсомыка. Провались ты! чтѣ присталъ?.. намъ мѣшкать неча... Дай вотъ подставу въ роцѣ сыскать, сейчасъ и въ путь; не успѣешь зѣвнуть, и слѣда не останется.

Уходитъ.

Мельникъ. Ну, попалъ я въ жернова.

Отходитъ вправо.

Матвѣвна. Охъ, растрясетъ онъ мои косточки... да еще вывалитъ ночью-то куда въ оврагъ...

Мареа. Полно-ка! глянь-ка въ окошко: мѣсяць-то свѣтитъ,—дорога-то, что серебромъ покрыта!..

Объ глядятъ въ окно.

Лыковъ—тихо Мельнику. Уводи ты старуху.

Мельникъ. Что вздумалъ?

Лыковъ. Уведи, спасибо скажешь... не то я тебѣ...

Скрывается.

Мареа—отходя отъ окна. Вотъ какъ доѣдемъ—любехонько!

Матвѣвна. Не видали мы съ тобой горя еще...

Мареа. А мнѣ то-то и весело, что такъ-то страшно да жутко... лѣсъ-то черный, черный, а тамъ-то словно всякая сила нечистая... вѣткой лицо зацѣпить, словно птица крыломъ какая невѣдомая... Духъ захватить, сердце замреть!—охъ, хорошо!

М а т в ѣ в н а. Ишь тебя одурманило, баловница!.. не будетъ съ тобой сладу ни во вѣкъ... пропадай тутъ съ тобой...

М а р е а. Погадать нешто?! у мельника-то... объ миломъ, объ суженомъ...

М а т в ѣ в н а. Ой, батюшки, да она меня извести собралась... Ты за меня Богу отвѣтишь...

М а р е а. Ну, ну, полно, полно,—не буду... нянюшка милая, пошутила... полно же... глянь, какъ лучина-то горитъ ярко да весело,—не затуманивайся.

М а т в ѣ в н а. Вотъ она, наша холопская-то доля: безо всякой вины натерпишься... всю-то мѣня дорогой разломило,—и головушка трясется, и утробушку подвело... я и поужинать-то не успѣла, сирота; выхватилъ онъ меня изъ-за щей... смерть годна...

М е л ь н и к ъ. Пойдемъ ко мнѣ въ избу, я те накормлю.

М а р е а. Накорми, старичокъ добрый; мы заплатимъ.

М а т в ѣ в н а. Чѣмъ еще накормишь-то? отъ твоего кормаго, можетъ, руки и ноги сведеть?

М е л ь н и к ъ. Эхъ ты, старуха немудрая; нешто мы тоже Богу не молимся?.. кашей накормлю.

М а т в ѣ в н а. Ну, пойдѣмъ, Марейнка.

М а р е а. Иди одна; я здѣсь погожу... Тамъ, чай, въ избѣ-то тымно, да смрадно.

М а т в ѣ в н а. Какъ же одной-то на мельницѣ?..

М е л ь н и к ъ. Что жъ тутъ боярышнѣ станется? мы сейчасъ зернемся. Боярышня не боится, а у тебя за нее страхъ-печаль... мль ты ужъ изъ ума выживаешь?..

М а т в ѣ в н а. Такъ вѣдь здѣсь бѣсовщина.

М е л ь н и к ъ. Чай, и у нея крестъ на шеѣ есть... крестомъ то всякаго навожденія оборонишься... иди, знай...

М а р е а. Иди, няня, иди; ужинай, за меня не страшись... у гения и ладонка съ собой, отчураюсь хоть отъ кого.

М а т в ѣ в н а. Охъ, и не ждала, что дожить мнѣ до этого...

Уходитъ съ мельникомъ, Марѣа провожаетъ ее до двери.

М а р е а—*у двери.* Не упади, смотри, на лѣстницѣ-то... поддержи ее, старичокъ.

Возвращается и, видя выступившаго Лыкова, невольно пугается.

VI.

Мареа и Лыковъ.

Мареа—*пуается*. Чурь меня, чурь!.. инъ со мной навождение?.. нянюшка!..

Лыковъ. А сама смѣлостью похвалялась да ладонкой.

Мареа. Не подходи ко мнѣ близко! чурь меня!..

Лыковъ. Ну, вотъ же и не подхожу.

Мареа. Ты мнѣ, дѣвкѣ, зла не сдѣлаешь?

Лыковъ. Неужто не узнала меня?

Мареа. Почему мнѣ тебя знать?—что ты такое? какая сила... не здѣшняя... ты вона изъ колеса выскочилъ.

Лыковъ. Похожъ ли я на бѣса рогатаго? чай, также крещенъ, какъ и ты... Заслышалъ подъ окномъ твой голосъ соловьиный, такъ мигнулъ мельнику—да тутъ и прихоронился, чтобы съ глазу на глазъ съ тобой побесѣдовать... Вглядиись хорошенько, не въ первой меня видишь.

Мареа. Кто его разберетъ—искусителя-то?... онъ хитерь... и не такимъ красавцемъ покажется... онъ, говорятъ, и огненнымъ змиемъ оборачивается, въ трубу летаетъ... И ты, можетъ, такой же проклятый, на погибель мою въ этакомъ-то образѣ подходишь... въ самомъ-то смутительномъ...

Лыковъ. Что же во мнѣ такого?..

Мареа. Стоишь ты передо мной, ни дать не взять, какъ словно тотъ молодецъ... что полюбился мнѣ... миленькій... къ кому душа просится...

Лыковъ—*горячо*. Такъ ли полно, дѣвка!?!.. стало, недаромъ я у тебя подъ окномъ ходилъ?.. и твое сердечко тоже откликнулось... стало...

Дѣлаетъ шагъ.

Мареа. Не подходи ко мнѣ, не подходи!.. чурь меня!.. что ты?—нешто я что сказала?

Лыковъ. Нешто нѣтъ?.. обронила слово ласковое да и спокаялась... не бойся его; отъ добраго слова языкъ не усохнетъ... скажи прямо, что любовь я тебѣ.

Мареа. Охъ, да и что же это я?!.. сомутитель ты мой!.. опуталъ ты мой дѣвичій разумъ, обвелъ, заколдовалъ: заставилъ меня, дѣвку, тебѣ выболтать, чего и матушкѣ съ багюшкой не сказала бы...

Лыковъ. Можетъ, ты мнѣ дороже, нежели родителямъ-то?

М а р е а. Будешь теперь бранить-корить меня, что я тебѣ въ такомъ грѣхѣ сама проболталась; насмѣешься надо мной, застыдишь меня при всемъ народѣ до смерти... а и отопрусь же я, отъ своихъ словъ отрекусь.

Л ы к о в ъ. Даренаго не отнимай и не жалѣй. Я ото всѣхъ сберегу твою думушку завѣтную на сердцѣ; никому не выдамъ, буду ждать, что сама ее скажешь попу передъ алтаремъ, въ церкви божьей.

М а р е а. Какъ тебя слушать?—и любо, и боязно... Лянетъ твоя рѣчь, что полковая ленточка къ стѣнкѣ, что змѣйка мѣдьяница злая... сгубишь ты меня...

Л ы к о в ъ. Откройся же, голубка: кто ты такая?.. кто тебя, мою суженую, спородилъ-вскормилъ, вспоилъ-выхолил? къ кому сватовъ засылать? кого батюшкой, матушкой величать?

М а р е а—*встѣхнувъ*. А это тебѣ на что? Заворожилъ дѣвку, вѣнецъ посулилъ, а тутъ и оговариваться сталъ?.. аль провѣдаешь, кто родители, такъ гнать меня будешь? аль не я тебѣ полюбилась, не я надобна, а родители да племя мое?

Л ы к о в ъ. Какъ же хочешь ты...

М а р е а—*перебивая его*. Спыхватился спрашивать!.. я кабальная, мужичья дочь; у бояръ коровница!.. вишь какая понѣва на мнѣ... меня любишь, меня и бери... хочешь за себя кабальную взять?

Л ы к о в ъ. Хочу!—самъ за тобой въ кабалу пойду... Ишь ты, зелье, развоевалась!.. Кто ты ни будь,—можно ль въ такомъ дѣлѣ родителей обойти? а ты вонъ, вишь ты, и имени своего христіанскаго по сю пору не сказала.

М а р е а. А ты потерпѣлъ бы, чтобъ я сама тебя порадовала... (*Шутливо*). Кто я такая?.. я матушкина дочка, батюшкино утѣшеньице. Не видать же тебѣ меня, коли ты дерзкій такой, самъ лѣзешь все узнавать.

Л ы к о в ъ. Потерпѣть-то я потерплю, только какъ бы изъ того хуже не было.

М а р е а—*внезапно пугаясь и рванувшись къ нему*. Ай!.. Что это?.. гляди-ка, что тамъ ворочается?!..

Л ы к о в ъ. Гдѣ?

М а р е а. Тамъ, — тамъ... вона ворочается въ темномъ-то углу...

Л ы к о в ъ. Ничего я не вижу.

М а р е а—*лянетъ къ нему*. Ворочается... вона... и лучина гаснетъ... что жъ это меня, дѣвку, одну оставили на мельницѣ... страшно таково...

Лыковъ,—*обнимая ее*. Да хоть бы вся бѣсовская сила тутъ со всѣхъ щелей выползла—не отдамъ тебя никому, яхонтъ мой дорогой, отрада ты моя сердечная... (*Цѣлуетъ ее*). На семь верстъ не подпущу къ тебѣ никого...

Марѳа. Оставь... что ты? оставь... охъ, пропала теперь моя волюшка дѣвичья... попала я тебѣ въ лапы, теперь не уйти,—вовѣкъ не уйти отъ тебя... хоть бей, хоть рѣжь... захватилъ ты меня въ свои рученьки...

Лыковъ. На радость да на ласку.

Марѳа. Матушка, родименькая! не вернуть тебѣ твоей Марѳиньки...

Лыковъ. Такъ вотъ какъ тебя звать-то? Марѳой?

Марѳа. Охъ, все-то ты изъ меня повымотаешь; словно хворостиночку тонкую, меня согнешь, перевьешь, какъ твоей душевнѣе угодно... милъ ты мнѣ, мой желанный дружокъ!..

Лыковъ. Такъ ужъ говори лучше все сама, чѣмъ мнѣ выматывать-то?

Марѳа. Вотъ что, парень: мѣшкать-то намъ нельзя... хочешь меня за себя взять, торопись вѣнчаться,—не ухорониться мнѣ. Повезутъ меня на осмотръ въ государевы невѣсты...

Лыковъ—*насмѣшливо*. Да вѣдь ты кабальная,—кабальныхъ не берутъ.

Марѳа. Все я врала тебѣ,—я воеводская дочь... съ умысломъ приряжалась да плела тебѣ, на Дарью показывала; Дарья не воеводская, она Прасковьяна. Знаю, что ты дьякъ при бояринѣ, да коли повезутъ меня на Москву, тамъ и сильнѣе тебя люди есть; не за царя, такъ за лысаго боярина, пожалуй, отдадутъ... да еще ты, слышно, сирота, безъ родителей, что ты сдѣлаешь?.. Думала я объ этомъ думу крѣпкую и выходить, что одно намъ только остается: сейчасъ перевѣнчаться.

Лыковъ. Ужъ и надумала. Чего жъ ты передо мной кобенилась?

Марѳа. А то прямо говорить?—чай, дѣвушка зазорно... Ты бы и самъ не похвалилъ, кабы я не застыдилась. Ступай же сейчасъ, мой любчикъ, кудрявчикъ ты мой... знаешь, погостъ Знаменскій?

Лыковъ. Знаю.

Марѳа. Скачи туда,—тамъ у самага кладбища жди. Сейчасъ мы тамъ мимо поѣдемъ; ты лошадей останови... я одна буду съ нянькой да съ Тимошкой... подхвати тогда меня и убѣжимъ вмѣстѣ. Скради ты меня, кудреватая головушка моя!.. Въ

томъ погостѣ попъ, старикъ добрый, Семень, онъ насъ сейчасъ и обвѣнчаетъ.

Лыковъ. А ты, дѣвка, боецъ.

Марѳа. Ужь мужнюю жену не отымуть.

Лыковъ. Какъ же безъ родительскаго благословенья?

Марѳа. Меня матушка съ батюшкой впередъ благословили,—что мнѣ въ угоду, то и по ихъ благословенью.

Лыковъ. Люблю дѣвку за обычай!.. Досель воромъ не бывалъ, а довелось, такъ охулки на руку не положу: красть, такъ красть!... Прощай же, коли такъ,—до новой встрѣчи.

Марѳа. Не прозѣвай у погоста.

Лыковъ. Плутовата ты у меня, Марѳушенька.

Марѳа. Плутовата, да не на твою голову, мой соколикъ.

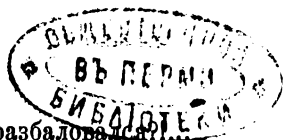
Лыковъ. Обойми же еще разокъ на прощанье.

Марѳа. Прощай.

Цѣлуются, вошелъ мельникъ.

VII.

Тѣ же и Мельникъ.

Мельникъ. Дьякъ, дьякъ!.. что разбаловался!

Марѳа—*вскрикиваетъ и отбѣгаетъ.*

Лыковъ—*даетъ мельнику кошель.* Вотъ тебѣ за ворожбу... Наворожилъ ты мнѣ счастья такого,—во вѣкъ не избыть!

Уходитъ.

Мельникъ. А ты что жъ это, дѣвка?..

Марѳа. Ой, дѣдъ, какія тутъ страсти у тебя на мельницѣ-то... Навожденіе... звѣри лютые бродятъ, молодцы кудрявые хватаютъ, обнимаютъ... ужъ натерпѣлась я, душа съ тѣломъ разставалась.

Мельникъ. Что жъ ты, боязливая, не покричала насъ въ окошко?

Марѳа. Да и кричала. Вы, видно, не слышали. Въ другѣ-рядъ жемчугомъ меня осыпъ, ни за что одна тутъ не останусь... Слава Богу, что еще пришелъ ты во-время. Что, нянюшка-то моя, неужто не наужиналась?

Мельникъ. Да, дѣвка, тебя безъ няньки-то оставлять—бѣды наживешь.

Марѳа. Наживешь... охъ, наживешь...

Входятъ Матѣевна и Бѣсомыка.

VIII.

Мельникъ, Марѳа, Матвѣвна и Бѣсомыка,

Бѣсомыка. Ну, ну, тетка, переваливайся... торопись, не оступись, не осрамишь, намъ тутъ не пироги мѣсить... Готово, боярышня,—какую мы тебѣ пару приспособили!—сѣрымъ волкомъ по лѣсу побѣжить.

Матвѣвна. Охъ, дѣдъ, хмѣльна твоя брага; инда въ ноги шибануло.

Садится.

Марѳа. Чего жъ ты садишься? собирайся.

Матвѣвна. Смередушка моя... Теперь бы соснуть... охъ бы соснуть!—головушку-то такъ и клонить... перебыть бы намъ тутотка до свѣту.

Бѣсомыка. Ой, тетка, не просись. Я одна на мельницѣ вздремнулъ, такъ мнѣ такое пригрезилось: тридцать денъ все отплеывался.

Марѳа—*смѣясь*. Что-жъ пригрезилось-то, Тимошка, что?

Матвѣвна. Не надо, не надо, не говори...

Бѣсомыка. Стоны застонали, стѣны задрожали!—тараканы врозь побѣжали... Громъ разразился: комаръ съ полки свалился... прилетали мухи-горюхи, пѣли комару славу до вѣку: Охъ ты гой еси, комарище, разбилъ ты себѣ плечище... (*Марѳа смѣется*). Остальное дорогой доскажу, теперь некогда; какъ бы погоня не нагрянула.

Марѳа. И то; гдѣ ужъ теперь сказки слушать... (*Расталкивая Матвѣвну*). Да полно тебѣ спать! поѣдемъ.

Матвѣвна. Мучительница.

Марѳа. Намъ еще до Знаменскаго погоста пять версть ѣхать, а отъ погоста-то я и не знаю сколько.

Бѣсомыка. На что намъ ѣхать на погостъ? я не такъ простъ,—мы ближе прокатимъ!

Марѳа. Какъ? мы мимо Знаменья не поѣдемъ?

Бѣсомыка. Нѣтъ... Знаменье у насъ въ сторонѣ, мало за полторы версты останется.

Марѳа. Не хочу, не хочу... поѣзжай на Знаменье...

Бѣсомыка. Да какая тебѣ прибыль?.. Подъ Знаменьемъ-то стрѣльцы живутъ на заставѣ гоеударевой, десятка съ два. Прѣслышутъ телѣгу, навѣрняка остановятъ... а попадись-ка, тремя алтынами не откупишься.

М а р е а. Знать ничего не хочу!.. я.. я.. я обѣтъ дала: какъ мимо Знаменья поѣдемъ, помолиться...

Б ѣ с о м ы к а. Церковь-то издали видно будетъ; ты молись на нее, сколько хочешь.

М е л ь н и к ъ. Тамъ у Знаменья-то опасно, въ перелѣскѣ пошаливаютъ... и на лихаго человѣка наскочить не диво.

М а т в ѣ е в н а. Ой страсти!.. что ее слушать? ты не слушай... вези, гдѣ знаешь лучше; намъ за нее въ отвѣтъ быть.

М а р е а. Не поѣду... не поѣду... и силкомъ везти не дамся... пѣшкомъ пойду... не хочу, не могу!.. Тимошенька, миленькій, вези мимо Знаменья.

Б ѣ с о м ы к а. Никакъ я и въ миленькіе попалъ?.. Ишь ты съ норовомъ какая!—что съ ней дѣлать... Воевода говоритъ: прятъ, а она на народѣ вскачь,—хоть ты плачь.

М а т в ѣ е в н а. Чтò ее слушать.

М а р е а. Тимошенька, по гробъ не забуду...

Б ѣ с о м ы к а. Вотъ нешто старика прихватить, съ нимъ все сподручнѣе... (*Мельнику*). Душегубы-то, чай, все свои ребята? краденое-то у тебя же на мельницѣ хороняютъ?

М е л ь н и к ъ. Ну! застрекотала сорока... (*Подходитъ къ окну*). Да чтой-то словно звенить по лѣсу?..

Всѣ прислушиваются. За сценой приближающійся звонъ колокольчиковъ.

Б ѣ с о м ы к а. Ёдутъ... кто-то ёдетъ... вѣрно...

М а р е а. Погоня!—за мной?

Б ѣ с о м ы к а. Нѣтъ... гдѣ, чай, погоня?.. погонѣ за нами не послѣтъ. Пока они тамъ у матерей въ обители все вверху дномъ взворащатъ, часъ другой все пройдетъ.

М а т в ѣ е в н а. Не удалцы ли какіе, грабители?

М а р е а.—*пугается*. Нянюшка!..

М а т в ѣ е в н а. Теперя нянюшка!.. что жъ я-то сдѣлаю?.. ой, да прячьте насъ, куда ни на есть...

Б ѣ с о м ы к а. Не бойся... Мало ль тутъ народу гулящаго ѣздить. Погоня съ бубенцами не поѣдетъ: жди лихо, гдѣ ёдутъ тихо, а коли звонъ да гамъ, такъ не горе намъ...

Вбѣгаетъ Трошка.

Т р о ш к а. Дѣдка! ёдутъ...

М е л ь н и к ъ. Молчи... у насъ останавливаются, гляди... и стрѣльцы съ ними...

Б ѣ с о м ы к а. Да это воеводскіе пристава.

М а р е а. Спрячьте... спрячьте меня...

Трошка. Бѣги со мной скорѣе наверхъ подъ крышу.

Оба бѣгутъ на лѣстницу.

Матвѣевна. А я-то? а я-то куда?..

Бѣсомыка. Постой, погоди... закидывай крючокъ... позадержи ихъ маленечко... (*Мельникъ запираетъ дверь*). Иди сюда, боярышня,—коли они за тобой, все одно и наверху сыщутъ.

Мельникъ. Объявится бы ей; нешто воеводскую дочь тронуть?

Бѣсомыка. Что ты? вѣдь она отъ московскаго боярина прячется! выплыви только таперя: вѣдь это государево дѣло... Гаси лучину, Трошка, зажигай жирникъ... (*Трошка исполняетъ приказанье*) чтобы свѣгу поменьше было, обличья не распознать бы.

За сценой стукъ.

Голоса. Отпирай!..

Бѣсомыка. Пушай постучать. Ничего, кулаковъ не обломать. Много ль ихъ было?

Мельникъ. Не то четверо, не то пятеро; не запримѣтилъ.

Голоса—за сценой. Отворяй!.. дьяволы...

Стукъ.

Бѣсомыка. Садитесь-ка вы, бабы, тута на лавочку; бесѣдуйте чинно, благочинно, о рукодѣльѣ, о домашнемъ строенѣ, какъ въ дому порядокъ вести.

Стукъ.

Мельникъ. Кто тамъ?

Голосъ. Отворяй! пристава государевы!

Бѣсомыка. А ты, Трошка, закидывай меня мѣшками, вотъ тута... а искать будутъ, тащи ихъ вверху, да и позадержи тамъ.., а я съ боярышней въ дверь, да бокомъ, по мосточкамъ... спущу ее по плотинѣ-то,—а у плотины наши лошади.

Прячется подъ лѣстницу; Трошка закидываетъ его мѣшками.

Голоса. Что жъ ты не отпирнешь? аль дверь расшибать!..

Стукъ сильнѣе.

Мельникъ. Кто васъ знаетъ, какіе вы тамъ пристава?.. (*Оглядывается на работу Трошки*). Можетъ, еще недобрые люди какіе.

Голоса. Запаливай ему мельницу-то! подпускай краснаго пѣтуха подъ крышу, коли не слушаетъ...

Мельникъ. Ну, ну, не дури... отворяю...

Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, оглядываетъ все и отпираетъ дверь.

Входятъ два пристава.

IX.

Тѣ же и два пристава.

Марѳа. Говори... говори... про морковь, про рѣпу...

Матвѣевна. Не могу... языкъ не ворочается...

Первый приставъ. Вотъ онѣ... Ступай въ телѣгу за караулъ.

Матвѣевна. Что? за караулъ?.. погоди-ка-сь... воевода тебѣ задастъ за насъ... дай-ка домой вернуться...

Марѳа—*тихо ей*. Не выбалтывайся! (*Приставамъ*). Охъ, да за что же?..

Первый приставъ. По извѣту дворянъ да по ихъ словесной сказкѣ, данъ намъ, приставамъ, воеводскій указъ: взять на мельницѣ, Нѣздили мельника, всѣхъ воровскихъ и гулящихъ людей, какихъ на той мельницѣ сыщемъ.

Матвѣевна. Нешто мы воровскіе? да какъ ты смѣлъ...

Марѳа—*обдеривая ее*. Ахъ, типунъ же тебѣ на языкъ...

Мельникъ. Вотъ воровскихъ нашель! — двѣ бабы богомолки.

Первый приставъ. Намъ все одно... велѣно всѣхъ забратъ—и полно... нѣтъ ли еще кого у тебя?

Мельникъ. Осматривайте... вонъ хошь къ верху идите... Трошка, веди ихъ на верхъ.

Трошка. Сюда, господа прпстава.

Пристава поднимаются наверхъ. Бѣсомыка выходитъ изъ подъ мшиковъ.

Бѣсомыка—*Марѳѣ*. Бѣги скорѣй за мной...

Матвѣевна. А я?

Бѣсомыка. Ну, тебя! кому ты нужна, тебя не тронуть. (*Марѳѣ*). Бѣги!.

Дѣлаетъ съ Марѳой шагъ къ двери, которая отворяется и входитъ Настасья.

Настасья. Попался!.. и съ бабами... на мое выпло.

Бѣсомыка. Молчи, бѣда будетъ, пусти!...

Настасья. Слушать не хочу... Держите!! тута, держите!..

Пристава сбѣгаютъ съ верху, другіе два входятъ въ дверь.

Первый приставъ. Вяжи его... откуда взялся?..

Бѣсомыка. Что вы? да вѣдь это я? Тимошка...

Первый приставъ. Вяжи, знай... Тащи всѣхъ въ телѣгу, вези къ воеводѣ... тамъ разберуть.

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Теплыя сѣны, соединяющія два строенія въ домѣ воеводы. Входы справа и слѣва. Вся стѣна въ глубинѣ состоитъ изъ оконъ и широкой оконной же двери; она открыта. За окнами виденъ садъ. Лавки вдоль стѣны. Посрединѣ, въ глубинѣ, входъ въ подполье, запертый замками. На сценѣ двое приставовъ: одинъ сидитъ, другой лежитъ на лавкѣ.

Входитъ Сенька.

I.

Пристава и Сенька.

Первый приставъ. Проходи, проходи; чего сталь? — прохлада тебѣ тутъ?

Сенька. Ишь ты важенъ какъ?

Первый приставъ. Мы передъ государемъ отвѣтчики: воровскихъ людей бережемъ.

Сенька. Ночью, слышно, привезли.

Первый приставъ. А то днемъ везти?.. Тутъ государево дѣло, тайное; ночью захватили, ночью и привезли.

Второй приставъ — *подымаясь съ лавки и садясь*. Днемъ-то привези, такъ вся дворянъ высыплетъ смотрѣть, что за товаръ такой? — не укроешь. Ночью-то сподручнѣй. Ключникъ насъ пустилъ, такъ мы и его отогнали. Только дверь намъ отперъ да замокъ принесъ... Никто ихъ не видалъ.

Сенька. У мельника захватили? кто бы такіе? удалые разбойнички али бѣгле?

Первый приставъ. Про это ужъ мы знаемъ.

Сенька. Ключникъ сказывалъ: бабы какія-то...

Первый приставъ. Ну, что жъ, что бабы? нешто баба зла не умыслить?

Второй приставъ. Баба-то еще злѣе мужика.

Первый приставъ. Вѣстимо, злѣе. На мужика острава есть: батожье; а баба привычна... отецъ ее учить, мать ее учить, замужъ выдетъ — мужъ учить, — бьютъ, бьютъ, притерпится... такъ, коли въ бабу-то бѣсъ вселится, чѣмъ ты ее испужаешь?

Второй приставъ. Баба, которая вѣдьма, отъ нея ни крестомъ, ни пестомъ не оборонишься.

Сенька. Такъ онѣ... эти-то, что въ подпольѣ сидятъ... должно, ворожбой на мельницѣ промышляли?

Первый приставъ. Да что увязался спрашивать?.. вотъ поставлю я тебя въ послухи, позовутъ тебя въ приказную избу къ распроснымъ рѣчамъ, взвоешь...

Сенька. Ишь ты, недотыка, нонече, сталъ.

Первый приставъ. Тебѣ говорятъ, дѣло тайное: бояринъ московскій указалъ, воеводѣ приказалъ... стало, это такое дѣло—до Москвы доидеть!

Входитъ ключникъ.

II.

Тѣ же и Ключникъ, потомъ Воеводша.

Ключникъ. До воеводы не добратся, ничего слушать не хочетъ, прогналъ; а вона государыня-воеводша идетъ. (*Сенькѣ*). Пошелъ ты отсюда, чего мнешься?

Сенька уходитъ. Входитъ воеводша.

Воеводша. Чего вамъ, ребятки?

Первый приставъ. Да вотъ, государыня, мы, по указу воеводы, у мельника Нѣздили захватили воровскихъ людей, ночью сюда доставили... вотъ сюда въ подполье заперли и отойти не смѣемъ... такъ какое имъ отъ государей рѣшенье будетъ?

Воеводша. А ужъ и не знаю, дѣтущки, — вотъ ужъ и не знаю. Къ воеводѣ-то теперь не подступиться; потому бояринъ московскій сегодня съ постели всталъ гроза грозой... какъ туча тученская по всему дому и ходитъ.

Первый приставъ. Плохо почивать изволилъ, что ли?

Воеводша. Еще вчера въ вечеру прогнѣвался. Какъ идти ему ко сну-то, онъ спрашиваетъ Тимошку скомороха сказки сказывать, а Тимошка пропалъ, нигдѣ не доискаться... А утрось, какъ глазки открылъ, дьяка своего велѣлъ позвать, а и дьяка тоже нѣтъ, невѣдомо куда подѣвался.

Первый приставъ. И не ночевалъ дома?

Воеводша. Нѣтъ. Сгибъ да и на поди. Боярину-то какъ доложили, онъ сталъ лютѣ лютаго: весь медъ по полу расплескалъ. Ничего онъ безъ дьяка не осилитъ, самъ смотринны назначилъ сегодня, а дьяка нѣтъ, — такъ ужъ не знаетъ, на чемъ и злобу сорвать, бояринъ-то... братину серебряную въ лепешку смялъ.

Первый приставъ. Ай, батюшки!..

Воеводша. При такихъ-то дѣлахъ, воеводѣ-то не до насъ. Послалъ ли, Кирилычъ, гонцовъ-то, дьяка искать?

Ключникъ. Давно пославо.

Воеводша. Дьякъ-то важный—вотъ что... Московскій, государю вѣдомъ. Пропади-ка этакій—напляшешься... Да гдѣ у тебя воры-то сидятъ?

Первый приставъ. Да вотъ тутъ въ подпольѣ и сидятъ.

Воеводша. Ахъ, батюшки, а бояринъ приказалъ здѣсь дѣвокъ для осмотра собрать, что здѣсь, молъ, свѣтлѣе, нежели въ горницѣ.

Ключникъ. Некуда сажать-то больше... которая изба у насъ была про воровъ, въ тую холопей перевели... бояринъ приѣхалъ, весь домъ заполонилъ, вездѣ тѣснота.

Первый приставъ. Да пушай сидятъ тутъ въ подпольѣ; они на замкѣ, не выдутъ.

Ключникъ. Боярину и не въ домѣкъ будетъ.

Воеводша. Да что они у тебя, воры-то, не пьяные?

Первый приставъ. Нѣтъ,—куда... двѣ бабы тута...

Воеводша. Бабы-то выть бы не стали?

Первый приставъ. А мы снаружи ходимъ около стѣны, гдѣ просвѣтъ въ подпольѣ; коли выть начнутъ, мы ихъ усовѣстимъ.

Воеводша. Ладно ужъ, поприглядывайте, ребятушки...

Входитъ подъячій.

III.

Воеводша, Ключникъ, приставъ, подъячій.

Подъячій. Государыня, бояринъ приказалъ дѣвкамъ сейчасъ сюда собираться. Онѣ тамъ во дворѣ сидѣли, такъ я ужъ ихъ покликалъ. Бояринъ сейчасъ выдетъ.

Воеводша. Ну, что жъ... (*Приставамъ*). Идите къ мѣсту... (*Пристава уходитъ*). Кирилъчъ, жди меня въ поварнѣ... Чѣмъ мы сегодня боярина кормить будемъ? — совсѣмъ съ толку сбились... и такъ-то онъ у насъ чванный, ничѣмъ не угодишь, а ужъ при гнѣвѣ-то, что ему ни подашь, гляди, все за окошко пошвыряетъ. (*Ключникъ уходитъ. Подъячему*). Ты, Сережка, мою Марюшку вписалъ ли?

Подъячій. Вписана.

Воеводша. Какъ же теперь? Вѣдь ея нѣту, на богомолье поѣхала.

Подъячій. Ну, такъ и скажемъ, что на богомолье... откуда же ее взять?

Входятъ: Кукина, Матрена, Кречетовъ, Устинья, Глѣбовъ съ четырьмя дочерьми: Татьяна, Глафира, Аграфена и Каптелина, и другія матери съ дочерьми изъ сада.

III.

Воеводша, Подъячій, Кукина, Матрена, Кречетовъ, Устинья, Глѣбовъ, Татьяна, Глафира, Аграфена, Каптелина и другія; потомъ Бухалова и Дарья.

Воеводша—*раскланиваясь*. Здравствуйте... здравствуйте, родимья... Ахъ, Анна Дмитриевна, какъ Богъ милуетъ?.. а у меня-то что!—слышали?..

Нѣкоторыя. Что? что?

Воеводша. Марейнька-то... на богомолье ушла...

Кукина. Да что ты?

Воеводша. Ушла въ Кіевъ,—грѣхъ такой. Еще о смотрѣ-то и въ слухахъ не было...

Общее оханье.

Кукина—*дочери*. Матрена, что ты ротъ разѣваешь? сколько тебѣ говорить...

Глафира—*сестрамъ*. Стало, Марейньку-то показывать не будутъ?

Глѣбовъ—*Кречетову*. Вотъ, князь, и не слѣдъ бы тебѣ воеводу чернить,—все равно, его дѣвка твоей мѣста не заступитъ.

Кречетовъ. Ахъ, кривая душа, да ты же научалъ...

Глѣбовъ. Что ты? что ты?—когда жъ я на возводу пойду: онъ мнѣ что отецъ родной..

Воеводша—*Кукиной*. Что дѣлать, мать,—и вѣсточка-то объ ней запала, и вернуть-то ее не знаешь откуда...

Входятъ Бухалова и Дарья; обѣ сильно разряженныя и очень чванныя.

Бухалова. Поклонъ тебѣ, государыня-воеводша.

Татьяна. Ишь ты ходитъ спѣсь, надуваешься,—намъ-то ужъ и не кланяются.

Устинья—*отцу*. Батюшка, Дарья-то, смотри-ка, сюда и не глядитъ.

Кречетовъ. А ты сама отвернись, плюнь на нее.

Устинья. А еще въ позапрошрое воскресенье ко мнѣ прѣвжала со всякими съ пересудами.

Дарья—*матери*. Глянъ-ка, матушка, Устинью-то вырядили; изъ какихъ достатковъ?—чай, послѣднихъ коней продали.

Татьяна. У нихъ такъ рѣшено, что ей царицей быть.

Глафира. Онѣ, сестрица, ворожить еще стануть на царя-то.

Татьяна. Денегъ много; онѣ и сатану закупаютъ.

Бухалова—*Глбову*. И ты, Борисъ Ильичъ, своихъ дѣвокъ привезъ? не полѣнился.

Глбобовъ. Государевъ приказъ,—какъ можно!.. а мать у нихъ померла, такъ поневолѣ мнѣ самому надо везти.

Бухалова. Бываетъ, и при матеряхъ отцы возятъ; коли рѣчисты товаръ свой выхвалять. Вонъ у княжны Устиньи мать жива, а она съ княземъ прѣехала.

Кречетовъ. Ты лучше, Прасковья Ѳедоровна, въ мой огородъ камней не кидай...

Бухалова. Инымъ дѣвкамъ-то приглядиѣ бы и захворать на время, чѣмъ показывать-то себя, при всемъ народѣ стыдить; коли Богъ красы не далъ... Да вѣдь слѣпы родители къ своимъ-то.

Воеводша. Извѣстно, всякому своя дорога.

Бухалова. Особливо у кого ихъ четыре, да еще въ возрастъ вошли, перестарки...

Глафира. Сестрицы! слышите,—перестарки!..

Глбовы негодуютъ.

Глбобовъ. Да коли сироты... Безъ матери-то сироту и красивую захулять... сирота-то, что горохъ при дорогѣ, всякая скотина его щиплетъ.

Бухалова. Ужъ и скотина!.. твой горохъ-отъ и воробы не клюютъ.

Устинья—*отцу*. Да обругай ты ее, батюшка; ты ругаться гораздъ.

Воеводша. Полно тебѣ, ржа... что ты, какъ ржа желѣзо, всѣхъ точишь?..

Дарья. И то, матушка, не принижай себя: со всѣми разговариваешь.

Татьяна—*сестрѣ*. Вотъ она, вотъ царица-то... охъ...

Кукина. Матрена, да что ты все ротъ разѣваешь...

Кречетовъ. Посмотрю я на тебя, Прасковья Ѳедоровна, такъ ты и умрешь, ума не наживши. Ты что думаешь?—коли ты на торгу весь жемчугъ скупила да на свою дочь навѣшала, такъ жемчугомъ и царя обведешь?.. у него казны-то побольше, чѣмъ у насъ...

Бухалова. Чѣмъ у тебя-то, и у поповой собаки больше.

Кречетовъ. Боярыня Прасковья, меня лучше не задѣвай...

Бухалова. Я что ли виновата, что ты всё свои недостатки пропилъ да промоталъ?.. а теперь, какъ пришлось на послѣднія деньги дочь наряжать, такъ и злишься.

Кречетовъ. Ты считала мои деньги? считала?

Устинья. Ничего на меня не потрачено... этотъ дѣтничекъ-отъ у меня еще бабушкинъ... коли мы домовито да бережливо одежду въ коробьяхъ прячемъ...

Дарья. Поди-ка, вся горница коробьями заставлена; а шапомъ покати по полу, ничего не задѣнешь.

Буккина. Не хвались, дѣвушка, достаткомъ, это какъ кого Богъ благословить. Мы и побогаче тебя, да не хвалимся.

Кречетовъ. Истинно такъ! вотъ мудрое-то слово... и подъ жемчугомъ холопскую кровь не укроешь.

Бухалова. А ты вотъ и князь, да самъ землю папешь, въ лаптяхъ за сохой ходишь. Дома-то одной гущей живы; на толокнѣ съ квасомъ бока-то разѣбли, а бахвалятся.

Устинья. Вотъ и не угадала: мы вчера кисель ѣли клюковный.

Дарья. Слать какая! онъ вамъ, видно, въ диковину, кисель-то!..

Глафира. А у насъ лапша гороховая была.

Кречетовъ. Да ты себя хоть по горло медомъ налей, а все крови княжеской не наживешь. Ты чѣмъ хвалишься-то? грабленьемъ... твой батюшка, покойничекъ, наѣзды чинилъ со псарями да съ собаками, поборы силкомъ бралъ.

Глѣбовъ. Кому не памятно: его разбойнымъ промысломъ ты дочь-то вырядила.

Дарья. Ты лучше скажи, всё ли рябины твоя Татьяна бѣлилами затерла? смотри бы не просвѣчивали.

Татьяна. Я-то рябая?!

Глѣбовъ. Ты мою дѣвку не порочь!

Устинья—Дарья. Тоже разбираетъ! — а ты сперва себѣ косу отрусти дѣвичью настоящую...

Дарья. Съ твои годы поживу, такъ вырастетъ.

Бухалова. Не смѣй ты...

Шумъ, говоръ. Входитъ воевода.

IV.

Тѣ же и Воевода, потомъ Бояринъ.

Воевода. Тише! чего орете? (*Все стихаетъ*). Базаръ у васъ тутъ что ли?

Воеводша. И къ чему грызутся?.. Тѣмъ въ государевы невѣсты не попадешь, что другаго облаешь.

Букина. Матрена! — да что мнѣ долго ли повторять? не развѣвай ротъ, сомни уста.

Воевода. Молчите... идеть.

Входитъ бояринъ, очень сумраченъ, въ парадномъ платьѣ, въ горлатной шапкѣ.

Устинья. Ишь ты, пѣтухомъ нарядился какимъ.

Кречетовъ. Молчи, сердитый.

Татьяна. Шапка-то, шапка, сестрицы...

Бухалова—*Дарь*. А гдѣ же дьякъ?

Бояринъ стѣлъ.

Бояринъ. Подать сюда мѣреу роста государева.

Воевода. Да гдѣ жъ она у тебя, бояринъ.

Бояринъ. Дьяку дана на сбереженіе... Лыкову.

Воевода. Такъ вѣдь я жъ тебѣ докладывалъ: нѣтъ дьяка... пропалъ дьякъ.

Бухалова. Пропалъ?!

Бояринъ. Какъ же мнѣ невѣсть смотрѣть безъ мѣрки?.. я долженъ прикинуть, въ мѣру ли избранница росту государеву, али нѣтъ... Ну, воевода, не сыщешь ты моего дьяка, убѣгай лучше въ лѣса дремучіе на край свѣта,—расказнять тебя люто.

Воевода. Да я... я... я... я..

Бухалова—*воеводѣ*. Куда ты дьяка дѣвалъ? куда? говори... безъ дьяка-то какія же смотрины? подѣ статью ли одному боярину?..

Воевода. Да отстань, ты-то еще...

Бухалова—*боярину*. Ты лучше отсрочи смотрины-то, бояринъ; безъ дьяка-то гдѣ же тебѣ?

Бояринъ. Что за баба назойлива!—отпихни ее.

Воевода отводитъ Бухалову.

Бухалова—*дочери*. Три рубля дала мельнику-то съ алтынномъ... ахъ ты, Господи!—да что же...

Садится въ сторонѣ.

Бояринъ. Выкликай, подъячій.

Подъячій—*со спискомъ, читая*. Въ первую голову—князя Ивана Карамышлова-Кречетова дочь, Устинья.

Устинья выступаетъ.

Бояринъ. А кто же изъ васъ ея мать?

Кречетовъ. Я, бояринъ.

Бояринъ—*глядя на него съ изумленіемъ*. Ты?.. какая же ты мать?

Кречетовъ. Я отецъ, бояринъ... княгиня-то моя хвораеть, такъ вотъ я съ дѣвкой-то замѣсто ея.

Бояринъ. Такъ бы и говоришь... а то мать!.. ну, сторонка!.. Подойди... (*Устинья подходитъ*). Что глаза на меня выпучила? чего не видала?

Бухалова—*дочери*. Примѣчай, чтò боярину не любо; не глади ему въ глаза.

Кречетовъ. У нея, бояринъ, глазъ-то ужь больно хорошъ,—такъ и горитъ звѣздой... нашъ княжескій глазъ... мы, бояринъ, стариннаго рода княжескаго... захудали теперь по причинамъ—и иные роды наши тоже безъ остатка миновались; а еще подъ Казанью же...

Бояринъ. Все жужжи... (*Устинья*). Повернись... (*Устинья поворачивается*). Коса длинная...

Кречетовъ. Ужь съ косою, бояринъ, не знаемъ, что и дѣлать, некуда ленту приплетать, по полу влочится...

Бояринъ. Будеть... ступай.

Кречетовъ. Да ты, бояринъ, не все...

Бояринъ. Ступай... (*Подъячему*). Ставь два креста противъ нея.

Устинья—*отцу*. Что жь это два креста обозначаютъ?

Бояринъ. Выкликай дальше.

Подъячій. А во вторую голову—воеводы Ивана Охлябина-Сусло дочь, Марѣ... только на лицо оной не имѣется, на богомолье ушла...

Бояринъ. Куда на богомолье? кто позволилъ?.. да за это... знаешь...

Воевода. Бо... бо... бо... яринъ... тогда еще о смотрѣ-то и указа не приходило... отпросилась... тверскимъ чудотворцамъ поклониться... я... я... я...

Воеводша. Что дѣлать-то? грѣхъ такой... вона и вѣсточка запала... дорога дальняя, самъ знаешь: скоро-ль отседова до Кіева доберешься?..

Бояринъ. До Кіева? а онъ говоритъ: къ тверскимъ пошла.

Во е в о д а. То бишь, въ Кіевъ,—что я?.. въ Кіевъ, мать лучше знаетъ...

Б о я р и н ь. Какъ же мнѣ теперь тебя лучше разобрать?.. опять безъ дьяка ничего не скажешь... Да куда ты его?.. Ну!.. послѣ розьскъ учинимъ... Зови дальше.

П о д ь я ч і й. А въ третью голову—вдоваго служилаго Бориса Глѣбова четыре дочери.

Б о я р и н ь. Четыре?.. (*Глѣбовъ кланяется*). Все твои?

Г л ѣ б о в ь. Мои, бояринъ.

Б о я р и н ь. Да на что жъ у тебя столько?.. Ишь разъ-ѣхался!.. Ты бы хоть выбралъ одну какую—да ее бы и показывалъ; а то четырехъ!

Г л ѣ б о в ь. Да вотъ выбирай самъ; которая тебѣ больше приглянется?.. вотъ Татьяна, вотъ Глафира, вотъ Каптелина...

Б о я р и н ь. Которая по твоему лучше всѣхъ?

Г л ѣ б о в ь. Да всѣ ровненьки, какъ огурчики.

Б о я р и н ь. Ну, Глафиру показывай.

Глафира выступаетъ.

Г л ѣ б о в ь. Глафирушка у меня очень ужъ умна... такъ умна-домовита, весь домъ на ней... за мать сестрамъ-то сходить.

Б о я р и н ь. Сколько лѣтъ?

Г л ѣ б о в ь. Восемна... семнадцатый годокъ пошелъ о Срѣ-теньѣ.

Б о я р и н ь. Скоро же она у тебя растеть. Ну-ка, скажи, домовитая, какъ смородинный квасъ дѣлать?

Г л а ф и р а. У насъ не дѣлають.

Б у х а л о в а. Гдѣ имъ, бояринъ... еще до смородины... у нихъ и сада-то нѣтъ.

У с т и н ь я. Я бы сказала, меня вотъ не спросилъ.

Б о я р и н ь. Ну, ладно, уходите... ставъ одинъ крестъ. Дальше.

П о д ь я ч і й. А въ четвертую голову—дворянина Кукина дочь, Матрена.

Матрена выступаетъ.

Б о я р и н ь—*машетъ руками*. Не надо, ступай назадъ... ступай...

Матрена отступаетъ.

К у к и н а. Я тебѣ говорила, не разъвай ротъ. Ничего ты не слушаешь.

П о д ь я ч і й. А въ пятую голову—боярской вдовы Пераскевы Бухаловой дочь, Дарья.

Дарья выступаетъ.

Б у х а л о в а. Да ужъ и пора... что попусту-то боярскіе глаза.

натруждать... Вотъ, бояринъ, смотри самъ... я вѣдь не то, что другіе, нѣкоторые,—я свое чадо хвалить сама не стану... что тамъ глаза какіе, аль рябины бѣлилами замазывать, аль года меньшеить...

Б о я р и н ъ. Погоди... дай самому воззрится.

Б у х а л о в а. Ты самъ-то ничего не разглядишь...

Б о я р и н ъ. Фу, что за баба!..

Б у х а л о в а. Вотъ она вся тутъ, какъ Богъ на свѣтъ пустиль... впередъ ужъ знаю, что оторвешь ты ее у моего сердечка родительскаго... на кого только она меня покинетъ!..

В о е в о д а. Помолчи хоть малость.

Б у х а л о в а. Пройдись, Дарьюшка, передъ бояриномъ-то, пройдись, пушай бояринъ твоей поступью полюбуется... (*Дочери твое*), ходи павой, ходи павой... (*Дарья ходитъ. Боярину*). Вотъ и не учила, не учила, сама ужъ она у меня такъ ходитъ...

Б о я р и н ъ. Да остановись! что те вертуномъ вертитъ?!

Б у х а л о в а. Подойди, Дарьюшка, къ боярину-то... будетъ... Вотъ она какая у меня,—и жемчугъ-то на ней тускнетъ; хвали, не хвали...

Г л ѣ б о в ъ. Охъ, языкъ же у нея...

Б о я р и н ъ. Покажи-ка, дѣвка, руки.

Д а р ь я—*закрывая лицо рукавомъ и ломаясь*. Ай, стыдно!

Б у х а л о в а. Ужъ такая скромница, такая скромница... на отца духовнаго и то глаза поднять боится... Ничего, Дарьюшка, покажи ручки...

Д а р ь я. Охъ, матушка, какъ стыдно-то...

Б у х а л о в а. Покажи, покажи... мать приговариваетъ, такъ грѣха нѣтъ... (*Дарья, ломаясь, протягиваетъ руки*). Она у меня, бояринъ, я тебѣ скажу, еще трехъ годковъ была...

Б о я р и н ъ. Отстань.

Б у х а л о в а. Отецъ ея покойный, царство ему небесное, ужъ такъ ее любилъ, такъ... помирая, наказывалъ...

Вбѣгаетъ Сенька.

V.

Тѣ же и Сенька, потомъ Лыковъ.

С е н ь к а. Воевода! сыскался дьякъ!

Общее волненіе.

В о е в о д а. Гдѣ? гдѣ онъ?

Б у х а л о в а. Ну, слава тебѣ Господи! теперь все пойдетъ по нашему...

Б о я р и н ъ. Веди его сюда.

С е н ь к а. Идетъ... вотъ онъ... идетъ...

Входитъ Лыковъ.

Б о я р и н ъ. Куда ты пропалъ, провалился, когда я смотрины назначилъ? аль ты службу государеву забывать сталъ?

Л ы к о в ъ. Вотъ ужъ во истину не своей волей замѣшкался. Глянь-ка на меня, какъ меня отработали... ишь ты! до лохмотьевъ.

Б у х а л о в а. Да что тебя волки рвали, что ли?

Л ы к о в ъ. Хуже волковъ. Стрѣльцы сторожевые на заставѣ, близко Знаменскаго погоста. Я, по твоему наказу, въ Воздвиженскій монастырь поѣхалъ; не довелось туда и попастьъ... на пол пути у заставы: стой! — говорятъ, — кто такой ряженный, глаженный, шапка бархатная?... я сказываю, а они и не слушаютъ... кто, молъ, тебя знаетъ? можетъ, ты душегубецъ какой, разбойникъ, воръ.

В о е в о д а. Ахъ, злодѣи, мои погубители...

Л ы к о в ъ. Мы, молъ, на то у заставы стоимъ, чтобъ недобрыхъ людей не пущать... Какъ я ни кричалъ, какъ ни рвался, — захватили меня... коня отобрали, опашень новый тоже; здѣсь все оборвали; шапку, и ту отняли... вотъ какую утварь дали изъ милости. Слава Богу, еще живаго отпустили.

Общее волненье, тревога.

В о е в о д а—*про себя*. Стрясется же этакое, Господи!

Л ы к о в ъ. Плуталъ я, плуталъ, ночью-то; въ шалаши гдѣ-то у охотниковъ вздремнулъ... а вотъ теперь еле добрался...

Б у х а л о в а. Ну, благо пришелъ... теперь смотрины...

Б о я р и н ъ. Да отпихните вы отъ меня эту бабу... (*Воеводу*). Что жъ это у тебя за порядки, воевода?.. Такъ-то государевыхъ слугъ почитаютъ?.. свои же служилые ограбили...

Л ы к о в ъ. Бояринь! воеводу не кори; воевода тутъ не причинень...

В о е в о д а. Я ихъ въ бараній рогъ согну, окаянныхъ... я ихъ...

Л ы к о в ъ. Воеводѣ во всѣ концы не разорваться, онъ приказываетъ праведно и доброхотно, — что жъ, 'боли ослушники?.. Что дѣлать? людей взять негдѣ; поди-ка-сь, вездѣ такіе.

В о е в о д а. Истинно такъ! правеемъ не выправить... А я-то ужъ стараюсь какъ: всѣ животинки положить готовъ... Она хоть бы вчера: ты сказывалъ, на мельницу приставовъ послать, — все ужъ сдѣлано, и воры за караулъ взяты.

Л ы к о в ъ. На какую мельницу?

Воевода—*холопямъ*. Веди сюда приставовъ и Настасью, что послухомъ была...

Холопъ уходитъ.

Бухалова. Да вѣдь смотрины...

Воевода. Пущай видятъ, какой я воевода... Ты вчера мигнуть не успѣлъ, а ужь у меня они подъ замкомъ сидятъ.

Входятъ пристава и Настасья.

VI.

Тѣ же, два Пристава и Настасья.

Воевода. Гдѣ у васъ вчерашніе воры схоронены?

Первый пристава. Здѣсь, въ подпольѣ.

Воевода. Гдѣ?

Первый пристава. Да подъ ногами у тебя, воевода... вонъ онъ, замокъ-отъ,—здѣсь заперли.

Дѣвушки слезка взвизгиваютъ и жмутся къ стѣнкамъ.

Дарья. Подъ нами разбойники, а мы и не схватимся.

Воевода. Не нашелъ другаго мѣста?

Первый пристава. Ночью привезли-то; куда ключники сунуль...

Воевода. Отпирай.

Лыковъ. Погоди, воевода... это твое дѣло, намъ не подсудное; ты одинъ ихъ разбери. Бояринъ знаетъ, что ты воевода праведный,—ему тутъ не вмѣстно...

Бояринъ. Да что ты все за меня говоришь? когда я тебѣ наказывалъ?.. Можетъ, я самъ хочу разбойниковъ допросить?

Воевода. А и мое будетъ въ этомъ къ тебѣ челобитье... чтобъ тебѣ все вѣдомо было, никакой сокровенности... Отпирай!

Пристава отпираютъ подполье.

Дарья. Охъ, матушка, я боюсь ихъ.

Бухалова. Дура... вѣдь тутъ на народѣ...

Первый пристава. Ну, выльзайте вы тамъ...

Изъ подполья появляется Бѣсомыка.

VII.

Тѣ же и Бѣсомыка.

Бѣсомыка. Не надо и бѣса, коли я здѣсь.

Кречетовъ. Да это Тимошка.

Бѣсомыка. Охъ вы, дворяне богатые, бояре тароватые, ставьте меду сладкіе, варите брагу пьяную... отворайте ворота растворчатые, принимайте гостей оборванныхъ, чернь мужицкую, неумытую...

Бояринъ. Вотъ онъ гдѣ былъ.

Воевода. Откуда ты?

Воеводша. Такъ онъ въ монастырь не ѣздилъ?

Воевода—*тихо ей*. Молчи... при всѣхъ-то...

Воеводша—*тихо ему*. Стало, Марейнька-то еще въ монастырѣ?

Настасья. У мельника его захватили съ чужими бабами. Не вѣрилъ ты мнѣ, государь воевода...

Воевода—*Бѣсомыкъ*. Такъ-то ты наказъ воеводскій прaviшь?

Бѣсомыка. Ой вы, наши милостивцы!.. Бояринушка, не вели казнить, вели миловать...

Бояринъ. Ну, нѣтъ... кабы ты еще только своровалъ что,—это съ кѣмъ грѣха не бываетъ; а ты меня, государева посланца, ослушался.. я тебѣ приказывалъ въ вечеру при мнѣ быть...

Бѣсомыка. Я за дудой побѣжалъ... я те сказку норовилъ съ подыгранныцею, на дудочкѣ, на сопѣлочкѣ,—да, вишь ты, пошелъ за дудой, а вернулся съ бѣдой; слѣшилъ—не грѣшилъ, а нечистый по своему рѣшилъ.

Настасья. Вреть онъ, бояринъ... ты вели его бабъ показать.

Лыковъ—*строго*. Да ты-то какъ смѣешь голосъ подымать?! Бояринъ, это дѣло намъ не вмѣстно; тутъ смотрины...

Бояринъ. Опять учить меня вздумалъ?.. а коли я хочу розыскъ чинить?

Лыковъ. Гоже ли при дѣвкахъ-то?

Бояринъ. А дѣвки пошли вонъ!.. пошли всѣ вонъ отсюда, кто къ дѣлу не причастенъ!..

Говоръ. Да зачѣмъ же?.. да мы ничего... все бы равно...

Расходятся.

Бухалова. Я причастна... я Тимошкѣ 'перину дала...

Воевода. Ступай, не гнѣви боярина. Иди, пристава, двери сдерживай...

Бухалова уходитъ послѣ всѣхъ; за ней второй пристава.

VII.

**Бояринъ, Воеводша, Лыковъ, Бѣсомыка, Настасья и Пристава.
потомъ Матвѣвна и Марѳа.**?

Бояринъ. Ну, выводы на свѣжую воду.

Воевода. Показывай своихъ бабъ, показывай...

Бѣсомыка. Бояринъ! — прожегъ ты мнѣ душу взглядомъ орлинымъ, судья ты праведный... прикажи ты насъ бросить: тебѣ однимъ глазкомъ, и то глядѣть на моихъ бабъ не пристало... узнаешь, кто такія, самъ отвернешься...

Бояринъ. Говори—кто?

Бѣсомыка. Мой грѣхъ, каюсь... попуталъ лукавый: дочкой она мнѣ приходится,—вотъ отъ жены, отъ бабы, хоронилъ.

Настасья. Царь небесный! шестнадцать лѣтъ съ нимъ живу, объ дочкѣ ничего не знала.

Лыковъ. Что ты все врешь?—что ты путаешь?

Бояринъ. А ты откуда узналъ, что онъ вретъ?

Воевода. Вотъ мы сейчасъ увидимъ, какія такія... (*Въ подполье*). Идите сюда, кто вы тамъ?

Бояринъ. Посмотримъ, посмотримъ твою красавицу... (*Изъ подполья выходитъ Матвѣвна*). Это что?

Воевода. Матвѣвна!

Воеводша. Куда жъ ты Марѳиньку подѣвала?

Матвѣвна. Тутъ, тутъ, въ подпольѣ сидить,— всю ноченьку вмѣстѣ промаялись. Я ужъ кричала приставамъ, что воеводѣ буду жаловаться, ничего меня не послушали: воеводскую дочь за караулъ взяли.

Бояринъ. Какую воеводскую дочь? да она на богомольѣ.

Воевода. Пропала моя головушка!

Марѳа—*быстро выходитъ изъ подполья и бросается къ матери*. Матушка моя, родименькая! — вотъ ужъ и не чаяла тебя видѣть... батюшка желанный!

Настасья. Что жъ я натворила-то?..

Бѣсомыка. Ужъ покажу я тебѣ мою любовь. Будешь помнить до новыхъ вѣнковъ.

Настасья. Бей, да только люби. Милый ударить, тѣла прибавить, радость ты моя ненаглядная!

Бояринъ. Это твоя дочь?

Воевода. Моя, бояринъ... хошь ремни изъ меня выкраивай.

Лыковъ. Дозволь, бояринъ...

Б о я р и н ъ. Не дозволю... Какъ же ты говорилъ: она въ Кіевѣ?.. Ты отъ смотра ея ухоронить хотѣлъ?.. а указъ читалъ государевъ? знаешь, что за это?

М а р е а. Ахъ, да и что же я, дѣвка, невѣжа какая: такой гость именитый—бояринъ, а я и не поклонилась. Прости, бояринъ, больно ужь родителямъ обрадовалась: почитай два мѣсяца не видала... вотъ со старухой-то, съ няней, ѣхали, ѣхали, ѣхали, ѣхали...

Б о я р и н ъ. И въ подполье заѣхали?

М а р е а. Это въ подполье, видно, дѣдушка водяной насъ запряталъ. Вотъ страстей-то навидались, матушка, родименькая... къ ночи-то на мельницу попали; а онъ, старый, колесо-то задвигалъ, застучалъ, застоналъ, да и вылѣзъ изъ воды-то, изъ омута... да неприглядный такой, рожа страшная, — стоитъ передо мной, переминается, вотъ какъ ты теперь, бояринъ...

Б о я р и н ъ. Что она это говорить?

М а т в ѣ в н а. Она наскажетъ: ты ее только послушай...

М а р е а. Ужъ мы чурались, чурались, чурались, чурались... глядимъ: налетѣли идолы, похватили насъ; а тутъ и свѣтъ изъ очей выкатился, ничего и не помню... а ужъ тутъ гляжу: мы и въ подпольѣ сидимъ.

П е р в ы й п р и с т а в ъ. Это идолы-то мы были.

Б ѣ с о м ы к а. Вотъ она правда-то гдѣ! какъ дѣло-то было... и меня старый за ногу чуть было въ воду не стащилъ, подѣ плотину.

Б о я р и н ъ. Почему жъ ты ее за свою дочь выдавалъ?

Б ѣ с о м ы к а. Нешто я это говорилъ?.. да тебѣ, бояринъ, почудилось... вотъ на всѣхъ сошлюсь...

Л ы к о в ъ. Тебѣ почудилось, бояринъ, онъ не говорилъ...

Другіе дѣлаютъ другъ другу знаки и подтверждаютъ: почудилось, не говорилъ.

Б о я р и н ъ. Почудилось?.. что это, я погляжу, ты все на ихъ сторону гнешь?.. Почудилось!—ну, ладно же, коли почудилось,—пушай такъ... Теперь она съ богомолья воротилась, мы ее смотрѣть будемъ, въ государевы невѣсты...

М а р е а.—*пуаясь*. Какъ же?.. что ты?.. это. это... нельзя... это... это... да я... я не пойду... я, бояринъ... я помолвлена... (*Общее недоумѣніе*). Вотъ спрости хоть батюшеу съ матушкой, они меня ужъ и иконой благословили... я чужая... батюшка, скажи...

В о е в о д а. Точно что!.. у нея... это... да... прinesi Господи!..

Бояринъ. Что жъ не сказали? зачѣмъ же тебя въ списокъ вписали?.. съ кѣмъ же ты помолвлена?

Мареа. Съ моимъ... съ женихомъ... помолвлена... вотъ... съ твоимъ дьякомъ помолвлена...

Воевода. Зарѣзала, дѣвка, въ конецъ!

Мареа—*тихо Лыкову*. Да говори же, что еще объ рождествѣ здѣсь былъ. Что ты стоишь, какъ бревно дубовое...

Лыковъ. Прости, бояринъ, не смѣлъ тебѣ доселѣ докладывать, а и точно: помнишь, о святкахъ я въ Новгородъ былъ посланъ... такъ сюда заѣзжалъ... о святкахъ и стоворились—и по рукамъ ударили... (*Воеводу*). Такъ, вѣдь, батюшка.

Воеводша. Такъ, такъ, сынокъ дорогой...

Воевода—*про себя*. Пронеси только, Господи!

Лыковъ—*боярину*. А коли будетъ милость твоя такая, мы и мѣшкать не станемъ, теперь же и свадьбу сыграемъ... я же сирота, ты мнѣ замѣсто отца всегда былъ,—будь и теперь.

Мареа. Не откажи, бояринъ; слышишь, какъ батюшка съ матушкой тебя просятъ?

Бояринъ. Гдѣ же просятъ-то!

Воеводша—*понукаемая Марей*. Не откажи...

Воевода кланяется.

Мареа—*Матвѣевнѣ*. Проси и ты.

Матвѣевна. Сломить ты себѣ когда ни на есть шею.

Бѣсомыка. А ужъ какой пиръ горой зададимъ! — небу жарко станетъ... Съ семи городовъ скомороховъ сберу: заиграютъ дружки, такъ запляшутъ всѣ лохмотья, загуляютъ лоскутки! Отъ веселья да похмѣлья голова затрещитъ,—помирать будешь, насъ не забудешь—во какъ!

Бояринъ. Инъ пожаловать тебя моей боярской милостью?.. Ну! такъ и быть: на радости, что ты мнѣ цѣлъ вернулся,—справлю твою свадьбу.

Лыковъ, Мареа, Воевода. Спасибо!! Вотъ спасибо!.. спасибо, бояринъ!..

Вбѣгаетъ второй приставъ.

Второй приставъ. Воевода! дѣвки дерутся... не удержатъ никакъ, сюда прутъ!

Бояринъ. Пусти теперь, ничего.

Всѣ, бывшіе въ предыдущей сценѣ, возвращаются.

VIII.

Тѣ же и всѣ лица 6-й сцены.

Бухалова. Что же смотрины?.. Марейника!.. откуда взялась?!

Бѣсомыка. Съ богомолья, изъ подполья, гдѣ крысы спаяются.

Многія. Марейника... Марейка... да здравствуй.. да гдѣ ты была?.. воеводская дочь... (и проч.).

Бухалова. Ты, бояринъ, еще мою Дарью не досмотрѣлъ...

Бояринъ. Ну васъ! надоѣло. Другой день назначу. Да, видно, мнѣ отсюда ни одной невѣсты не увести... Не гожи... (Общій вздохъ). Ни одна не гожа... (Указываетъ на Марейку). Вотъ развѣ эта одна была гожа да и та просватана.

Многія. Просватана? Марейника просватана?.. слышь-те... просватана... за кого?..

Бухалова. Да когда же?

Бѣсомыка. Въ сѣрую субботу, въ рябой четвертокъ.

Воевода. Вотъ за дьяка замужъ отдаемъ.

Татьяна. Ахъ, Лиса Патрикѣвна!

Устинья. Змѣнышъ этакій!

Глафира. Провалиться бѣ ей! нашла же себѣ.

Марейка. Спасибо вамъ, подруженьки, за ваше поздравленьце ласковое... Батюшка съ матушкой на свадьбу просятъ.

Бѣсомыка. А дѣвишникъ справлять почнемъ — все гори огнемъ!.. чтобы нашу бесѣду развеселую помнили по всему царству русскому внуки и правнуки; усмѣхались бы, поминаючи, поминали бы, повторяючи: то старина, то и дѣянiе ¹⁾).

---

¹⁾ При исполненіи пьесы на сценѣ, конецъ нѣсколько измѣняется. Послѣ словъ: „все гори огнемъ“—слѣдуетъ: „съ семи городовъ скомороховъ сберу: заиграютъ дружки, такъ заляжутъ всѣ лохмотья, загуляютъ доскутки!“

Монологъ Бѣсомыки въ седьмомъ явленіи, гдѣ эти слова встрѣчаются, выкидывается.

ВѢТКА СИРЕНИ.

Разсказъ **Уидá.**

— Да, на разсвѣтѣ меня разстрѣляютъ. Такъ мнѣ объявлено.

И все изъ-за вѣтки сирени. Вы не вѣрите? Что же? Люди часто погибали изъ-за такихъ бездѣлицъ. Изъ-за взгляда, улыбки, слезы, изъ-за увядшаго цвѣтка. Такія бездѣлицы! А между тѣмъ, какъ много онѣ значатъ, если принадлежали женщицѣ. Въ нихъ все наше настоящее, все прошедшее и будущее. Вотъ эта сирень— посмотрите! Въ ней нѣтъ теперь ни цвѣта, ни аромата, ни прелести. Она такая блѣдная, увядшая—точно умершая любовь. Говорятъ, что люди не умѣютъ любить въ наше время. Это ложь Богатые, можетъ быть. Но бѣдняки!..—Только женщины—равнодушны къ ихъ любви.

Вы просили меня разсказать вамъ мою исторю. Зачѣмъ? Имѣть исторю—роскошь богачей. Какую пользу принесетъ она бѣднякамъ? Если они начнутъ разсказывать ее—кто станетъ ихъ слушать? А я всегда былъ очень бѣденъ. Но, между тѣмъ, я былъ счастливъ, пока эта сирень не расцвѣла въ одинъ изъ прелестныхъ весеннихъ дней.

Я актеръ. Моя мать также была актрисой. Она всегда обрѣталась въ полнѣйшей безызвѣстности,—эта маленькая, скромная актриса,—и переѣзжала съ небольшою странствующей труппой въ извѣстныя времена года изъ города въ городъ, изъ провинціи въ провинцію. Я помню, что она носила меня на плечахъ или за спиной по пыльнымъ дорогамъ, а я ловилъ бабочекъ, игравшихъ на солнцѣ во время этихъ переходовъ. Я былъ маленькій круглякъ, смуглый, шаловливый ребенокъ—очень некрасивый, какимъ и теперь остался и какимъ былъ всегда. Но для нея, безъ сомнѣнія,

я былъ красивъ. Вѣроятно, я очень надѣдалъ ей во время постоянныхъ странствованій; но она никогда не давала мнѣ почувствовать, что я былъ ей въ тягость. Какъ бы ни уставала, она никогда не утомлялась играть и прыгать со мной. Моя бѣдная, блѣдная, худенькая мать! Я какъ сейчасъ вижу ее, танцующую въ платьѣ, расшитомъ блестками, нарумяненную, съ ея глазами, нѣжными, какъ у птички, постоянно ищущую неловкаго, грубаго мальчишку, который только рвалъ ея платье, когда былъ голодень, или билъ ее своимъ загорѣвшимъ кулакомъ, когда былъ золь и утомленъ. А онъ часто былъ утомленъ и голодень, — это я также помню. Но она не была въ этомъ виновата. Она готова была плясать до полусмерти, чтобы держать меня, какъ маленькаго принца, еслибы пляска могла принести ей богатство.

Бѣдная моя мать! Она упала съ какихъ-то подмостковъ, когда мнѣ было всего пять лѣтъ; но я вижу ее, какъ сейчасъ, въ ея пурпуровомъ корсажѣ и серебристыхъ юбкахъ, когда она въ свободныя минуты убѣгала со сцены, чтобы схватить меня въ свои объятія и покрыть поцѣлуями. И, сколько я ее помню, она была очень граціозна — какъ птичка на вѣткѣ, покрытой роскошной лѣтней листвою; но, если я правъ, публика, передъ которой она танцевала, была несправедлива, потому что никогда не находила въ ней ничего особеннаго, и она умерла, какъ жила — странствующей актрисой. «Пиччинино» было ея послѣднее слово; она всегда меня такъ называла; такъ я и остался Пиччинино. Вѣроятно, у меня было и другое имя, данное мнѣ закономъ. Но законъ и я никогда не были въ тѣсной дружбѣ.

Маленькая труппа, въ которой находилась моя мать, была очень добра ко мнѣ. Въ людяхъ, ведущихъ кочующую жизнь, такъ много хорошаго. Они всегда ласковы, великодушны, симпатичны и сострадательны... Я былъ маленькимъ, лишеннымъ матери, несчастнымъ созданиемъ пяти лѣтъ, притомъ же и некрасивымъ. Но они были такъ добры ко мнѣ, какъ будто я могъ назваться красавцемъ и получилъ богатое наслѣдство. Старикки и молодые, пожилыя актрисы и красавицы нашей труппы — всѣ наперерывъ старались оказать мнѣ свое участіе. Правда, они всѣ были очень бѣдны, но никогда ничего не жалѣли для меня. Они вездѣ возили меня за собой и имъ никогда не приходило въ голову сдать меня на попеченіе такой злой мачихи, какъ государство. Когда я подросъ, то поступилъ на сцену. Я не могъ представить себѣ жизни подъ другую музыку, кромѣ нашей флейты и барабана, которые заглушили мой первый крикъ при рожденіи, а потомъ такъ часто

возбуждали мой смѣхъ, что мнѣ казалось также немислимымъ жить безъ этихъ звуковъ, какъ и безъ солнечнаго свѣта.

Ребенокъ, конечно, могъ дѣлать только очень немного,—исполнять крошечныя роли, но то, что могъ, я исполнялъ съ самаго того времени, какъ моя мать покинула меня одного на свѣтѣ. Говорили, что я игралъ хорошо. Не знаю, насколько это правда; знаю только, что подмостки нашего маленькаго театра всегда казались мнѣ роднымъ домомъ и что я никогда не пугался безчисленныхъ глазъ самой большой публики: они всегда казались мнѣ глазами друзей—единственныхъ друзей, которые у меня были. И мнѣ такъ было пріятно заставлять ихъ смѣяться. Я, маленький, некрасивый ребенокъ,—котораго дѣти въ городахъ и деревняхъ дразнили во время нашихъ переходовъ,—могъ заставить всѣхъ этихъ взрослыхъ мужчинъ и женщинъ, всѣхъ этихъ отцовъ семействъ, дѣдушекъ и бабушекъ трястись отъ смѣха силой моей веселости. Это была моя месть, и она была сладка мнѣ. Дѣти, дразнившіе меня, иногда бросавшіе камнями, называли меня клоуномъ и уродомъ—эти дѣти не могли заставить своихъ старшихъ смѣяться по желанію, а я могъ.

У меня не было злобы противъ дѣтей—этихъ враговъ моихъ. Я отличался хорошимъ характеромъ, былъ веселъ на сценѣ и внѣ сцены, и во время дѣтства, и послѣ, пока не расцвѣла эта сирень, два года тому назадъ!

Мы вели веселую жизнь, очень бѣдную, правда, и иногда очень тяжелую. Мы должны были переходить съ мѣста на мѣсто во всякую погоду, спѣша попасть въ такую-то деревню или такой-то городъ къ празднику того или другаго святаго. Мы часто должны были спать на сѣновалахъ или на скотныхъ дворахъ; потому что таверны, доступныя намъ, всегда были полны въ праздничные дни; иногда мы зарабатывали слишкомъ мало и намъ ничего не оставалось за расходами по освѣщенію и постановкѣ нашего маленькаго переноснаго театра; а старый Вико Матюрень, нашъ глава и начальникъ, былъ честенъ и никого не надулъ бы даже на грошъ, хотя бы самъ умиралъ съ голоду. Но что жъ изъ этого? Мы составляли веселое маленькое братство, гдѣ всѣ любили другъ друга и гдѣ даже соперничество было самое благодушное; каждый изъ насъ всегда готовъ былъ видѣть все въ лучшемъ свѣтѣ. Мы часто думали, проходя черезъ какой нибудь городъ, насколько мы счастливѣе и свободнѣе тѣхъ, которые жили тутъ, прикованные къ одному мѣсту, собранные подъ одной крышей, видѣвшіе все одинъ пейзажъ, находившіе себѣ могилу на томъ же мѣстѣ, гдѣ родились, между тѣмъ какъ мы уходили и приходили,

какъ хотѣли, никогда не оставаясь на одномъ мѣстѣ такъ долго, чтобъ оно могло надоесть намъ, рѣдко видя плоды на тѣхъ деревьяхъ, которыя заставляли въ цвѣту.

Городскіе жители жалѣли насъ, какъ бездомныхъ бродягъ. Но мы никогда не жалѣли себя. Слѣдовательно, мы были счастливы.

Я былъ совсѣмъ ребенкомъ, когда въ первый разъ вступилъ на сцену, но я родился кочевникомъ и былъ доволенъ своимъ положеніемъ,—идя рядомъ съ Вико Матюреномъ и погружая свои маленькія ноги въ толстый слой лѣтней пыли или шлепая по лужамъ подъ осеннимъ дождемъ. Я былъ полонъ радости, потому что Матюрень, трепля меня по головѣ, предсказывалъ диковины о моемъ талантѣ; прекрасная голубоглазая Евфразія сплетала мнѣ вѣнки изъ травъ; здоровенный Францискъ, ея любовникъ, поднималъ меня на свои сильные плечи и несъ, когда я уставалъ; жаворонокъ пѣлъ, заяцъ перебѣгалъ намъ дорогу, а иногда старая крестьянка давала мнѣ кусокъ медоваго пирога, завернутаго въ зеленый листъ.

Зимой, правда, намъ было труднѣе. Зима очень тяжела для всѣхъ кочевниковъ: еслибы цѣлый годъ продолжалось лѣто, весь свѣтъ велъ бы кочующую жизнь. Но даже зимой было столько веселаго и пріятнаго, что нельзя было грустить или ворчать. Обыкновенно зимой мы жили въ какомъ нибудь южномъ городѣ; и когда мнѣ было холодно,—какая нибудь добрая женщина, сидя у жаровни съ каштанами, съ улыбкой подавала мнѣ нѣсколько плодовъ или прекрасная Евфразія, брала меня въ свои объятія и тогда Францискъ притворялся страшно ревнивымъ, а Вико Матюрень пользовался минутой, чтобъ отложить часть своей порціи на мою тарелку, увѣряя, что пріятель такъ угостилъ его въ трактирѣ, что онъ не въ силахъ ѣсть болѣе. Дорогие люди! Живы ли вы?—хотѣлось бы мнѣ знать. Скоро я узнаю.

Такимъ образомъ, мое дѣтство и отрочество прошли счастливо. На бѣдность я не обращалъ вниманія, потому что бѣдность эта была веселая и довольная. Мнѣ говорили, что мое лицо — такое подвижное и выразительное, что вполне подходило къ комическимъ ролямъ, которыя были главнымъ репертуаромъ моего таланта. Только изрѣдка, когда маленькія темноглазья дѣвочки, во время религіозныхъ процессій съ бѣлыми лиліями и поднятыми крестами, слегка отстранялись отъ меня, съ испугомъ выглядывая изъ-подъ облака бѣлой кисей—только тогда я желалъ, чтобы черты мои были правильнѣе, чтобъ я былъ красивѣе и болѣе похожъ на обыкновенныхъ мальчиковъ.

— Глупо быть такимъ уродомъ,—сказала мнѣ однажды малень-

кая, хорошенькая, блѣлая дѣвочка въ конфирмаціонный день, толкнувъ меня прямо на камни, лежавшіе при дорогѣ. Я пошатнулся и вздрогнулъ: она была хороша, какъ ангель.

Но въ этотъ самый вечеръ мой маленькій ангель, въ вѣнѣ изъ блѣлыхъ розъ на золотистыхъ кудряхъ, пришла въ нашъ маленький театръ съ своими родителями, богатыми красильщиками. Я видѣлъ ее и ничего не видалъ, кромѣ нея: она смѣялась, кричала и аплодировала, вся раскраснѣвшись отъ удовольствія. Матюрень и Францискъ, мои учителя и воспитатели, сказали мнѣ потомъ, что я никогда еще не игралъ такъ замѣчательно для своихъ лѣтъ, какъ въ этотъ вечеръ. Я засмѣялся, выслушавъ ихъ; я не видалъ ничего и смотрѣлъ только на море головъ передо мной, среди котораго видѣлъ лишь одну маленькую золотистую головку, увѣнчанную бутонами блѣлыхъ розъ.

— Спросите ее теперь, глупо ли быть уродомъ,—сказалъ я имъ.

Вамъ скучно слушать все это. Кому нужно знать, страдалъ я или наслаждался, любилъ или ненавидѣлъ? Танцующая собака глубоко страдаетъ подъ ударами палки и способна на глубокую привязанность къ тому, кто достаточно милосердъ, чтобы не бить ее; но танцующая собака, ея страданья и любовь — ничто для свѣта: такимъ ничтожествомъ всегда останусь и я. Ничего не можетъ быть ужаснѣе, какъ напрасная трата чувствъ, какъ обильное изліяніе безплоднаго страданія, принимаемаго каждымъ часомъ жизни мильонамъ живущихъ твореній.

II.

Такъ росъ я среди этихъ веселыхъ, ласковыхъ людей, которыхъ многіе презирали. Когда мнѣ было около пятнадцати лѣтъ, старикъ умеръ.—отъ холода, думается мнѣ. Онъ отдалъ свой единственный толстый плащъ, чтобы согрѣть ноги бѣднаго молодого созданья, едва оправившагося отъ родовъ и лежавшаго въ лихорадкѣ на соломенной постели въ хижинѣ при большой дорогѣ, и сдѣлалъ это, не сказавъ никому, ни слова: онъ пролежалъ, дрожа, всю ночь на своемъ чердакѣ въ жестокой морозъ, пока наконецъ его сердце совсѣмъ перестало биться.

Его смерть разъединила маленькую труппу. Ея члены нѣкоторое время держались другъ друга, но крѣпкая связь между ними порвалась со смертью Матюрена, и они распались мало по малу. Францискъ и Евфразія рѣшились, наконецъ, призвать благословеніе священника на свою любовь, они обвѣнчались и отпра-

вились куда-то на югъ, гдѣ открыли вдвоемъ кафе и цвѣточную лавку, рѣшивъ, что пора приобрести вѣрное убѣжище и мѣсто среди честныхъ людей по мѣрѣ приближенія старости. Остальные разошлись на востокъ и на западъ. Я сначала отправился съ одними, потомъ съ другими. Евфразія желала, чтобъ я поселился съ ними и помогаль ей сѣять цвѣты и подвязывать гвоздику, но я не хотѣлъ бросать старыхъ привычекъ прежней жизни. Крыша надъ головой не могла ничего значить для молодого таланта, какъ говорили всѣ. Къ тому же я родился цыганомъ: кровь бродягъ и кочевниковъ пылала во мнѣ. Я любилъ свободу и перемѣны, любилъ даже рискъ и лишенія той карьеры, которой всегда слѣдовалъ, и былъ убѣжденъ, что никакая музыка не можетъ быть такъ мила моему слуху, какъ звуки старой тростниковой флейты и мѣднаго барабана, привѣтствовавшихъ мои пробуждающіяся чувства еще въ колыбели. Мнѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ: я былъ ~~положъ~~ здоровъ и силен. У меня былъ талантъ, благодаря которому я могъ заставить людей—по крайней мѣрѣ, смѣяться. Мнѣ нечего говорить, что я не боялся будущаго: я любилъ карьеру актера и не промѣнялъ бы ея безопасности и свободы ни на что.

Мой первый учитель Матюренъ, хотя и до конца остался неизвѣстнымъ странствующимъ актеромъ, былъ человекъ съ вѣрнымъ сужденіемъ и природнымъ вкусомъ. Онъ научилъ меня понимать разницу между граціозной шутливостью и плоскимъ шутствомъ; онъ всегда училъ меня возбуждать веселость и восторгъ толпы законными средствами, а не съ помощью непристойныхъ шутокъ и намековъ. Я былъ комическимъ актеромъ, какимъ былъ и онъ самъ, но я могу сказать, какъ могъ сказать и онъ, что нравственности публики не могли повредить мои шутки, возбуждавшія ея смѣхъ.

Что же изъ этого? скажете вы. Немного для постороннихъ: но когда человекъ долженъ умереть съ разсвѣтомъ, ему пріятно вспомнить, что его образъ дѣйствій, во все время его артистической карьеры, не осквернилъ мыслей ни одной дѣвушки и не развратилъ побужденій ни одного мужчины.

Я присоединялся къ нѣсколькимъ странствующимъ труппамъ послѣ того какъ наша распалась, по смерти Матюрена. Я по своему былъ счастливъ съ этими людьми, хотя никогда не обращалъ на себя достаточно вниманія, чтобы быть приглашеннымъ въ какойнибудь городъ какимънибудь импрессарио. Городской вкусъ требуетъ неприличныхъ жестовъ и не находитъ остроумія въ шуткѣ, если она не скрываетъ двусмысленнаго значенія. Мой

же комизмъ былъ простъ въ своей веселости. Когда усталыя толпы рабочаго класса и глупые крестьяне съ открытыми ртами наполняли сверху до низу нашъ балаганъ и хохотали при моихъ шуткахъ до того, что полотняный потолокъ приподнимался отъ громкихъ раскатовъ смѣха, исходившихъ изъ ихъ сильныхъ легкихъ, они не дѣлались хуже изъ-за этого минутнаго забвенія своего голода и труда.

Такъ жилъ я десять лѣтъ, жилъ до тѣхъ поръ, пока расцвѣла эта сирень. Не думайте, что я былъ святой. Я дѣлалъ много глупостей, много грѣшилъ. Я любилъ выпить стаканъ вина, поиграть въ домино, любилъ поцѣлуй полныхъ губъ, танецъ со стройной дѣвушкой; я любилъ все это, какъ всякій, и получилъ свою долю во всѣхъ этихъ удовольствіяхъ. Но я всегда старался быть приличнымъ. Матюренъ не разъ доказывалъ мнѣ, что всякая карьера можетъ быть облагорожена, смотря по тому, какъ мы поведемъ ее, и онъ всегда думалъ, что, хотя свѣтъ съ презрѣніемъ относится къ искусству комическаго актера оно можетъ преслѣдовать благородную цѣль, если будетъ стремиться—заставить усталую и обремененную работой толпу забыть на время горечь тяжелаго ига.

— Послушай меня,—часто говорилъ онъ мнѣ, когда я былъ еще мальчикомъ.—Всѣ эти люди приходятъ и смотрятъ на насъ, слушаютъ насъ, смѣются и радуются на короткое время, а потомъ, когда они возвратятся въ свои хижины или на свои чердаки,—какойнибудь отрывокъ изъ нашихъ пѣсенъ останется у нихъ при воспоминаніи о нашихъ шуткахъ среди всей ихъ бѣдности и тяжелой работы; и все это будетъ свѣтлымъ, лучемъ въ подвалѣ среди мрака ихъ судьбы. Подумай объ этомъ, Пиччинино, и тебѣ не будетъ обидно, когда какойнибудь насмѣшникъ съ презрѣніемъ броситъ тебѣ въ лицо твое званіе странствующаго актера.

И эти слова моего стараго учителя всегда жили во мнѣ и, насколько могъ, я неуклонно шелъ по его слѣдамъ; и во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ его знали, жители привѣтствовали и любили меня ради него. Я никогда не покидалъ Франціи: мы, которые говорили только для народа, не можемъ идти туда, гдѣ народъ говорить не нашимъ языкомъ. Но Франція такъ велика, а я постоянно переходилъ съ мѣста на мѣсто—на сѣверъ, во время жатвы; въ центръ, во время сбора винограда; на югъ, въ зимній сезонъ; я являлся всюду, гдѣ былъ какойнибудь праздникъ, свадьба, большая ярмарка или день какогонибудь святаго, когда жители города или поселяне были въ праздничномъ настроеніи. Сидя

здѣсь во мракѣ, я вижу, какъ передо мной проходятъ всѣ сцены этой веселой жизни.

Безъ сомнѣнія, мнѣ часто бывало жарко, часто холодно; я часто уставалъ, былъ голоденъ и страдалъ отъ жажды—безъ сомнѣнія, все это случалось; но все это забыто теперь. Я вижу только старое, потерянное, незабвенное счастье: залитыя солнцемъ дороги, по сторонамъ которыхъ цвѣтеть дикій макъ среди травы; хорошенькія красныя крыши и остроконечныя башни, возвышавшіяся надъ лѣсами; ясныя, голубыя небеса, къ которымъ поднимаются поющіе жаворонки при блескѣ солнца; спокойныя, прохладныя, поросшіе мохомъ города со старыми колоколами, сонливо звучащими надъ ними; мрачныя окна, отворявшіяся, чтобы показать розу, похожую на щечки молодой дѣвушки, и лицо дѣвушки, похожее на розу; маленькіе винные погребки, скрытые виноградной лозой и высокимъ разноцвѣтнымъ остролистникомъ, изъ-за которыхъ часто раздавался веселый голосъ: «Зайди выпить стаканъ на и заплати намъ пѣсней».

И потомъ тѣ вечера, когда публика стекалась къ намъ, наша палатка освѣщалась и веселый смѣхъ дѣтей и женщинъ раздавался, какъ музыка; а мужчины спорили между собой, кому изъ нихъ пригласить каждаго изъ насъ ночевать и ужинать подъ кровлей ихъ хижинъ, на старой мельницѣ или на чердакѣ; я вижу еще тѣ ночи, когда скромный ужинъ происходилъ въ нашемъ присутствіи, а мы заставляли краснѣть отъ удовольствія и широко раскрывать глаза ихъ маленькихъ дѣтей, рассказывая имъ смѣшныя сказки. Потомъ мы тихо выходили при лунномъ свѣтѣ, любовались древнимъ соборомъ, заходили подъ его темныя своды, смотрѣли на увѣнчаннаго терніемъ Бога на крестѣ, а тамъ снова выходили на прохладный, пропитанный ароматомъ воздухъ, среди мягкаго, безмолвнаго полумрака, и безшумно бродили, какъ бы боясь пробудить умершихъ.

III.

Я жилъ такъ десять лѣтъ послѣ смерти Матюрена, жилъ счастливо, большей частью, хотя у меня никогда не было столько денегъ, чтобы заплатить за болѣе чѣмъ скромный обѣдъ, твердую постель и самое жидкое вино.

Но счастье такъ много зависитъ отъ насъ самихъ. Это—изношенная фраза проповѣдниковъ. Но она правдива, тѣмъ не менѣе. Пока ему не о чемъ сожалѣть, человѣкъ можетъ быть счастливъ;

что касается меня, я не завидовалъ никому. Это было слѣдствіемъ невѣжества, безъ сомнѣнія; еслибъ я зналъ, что значать богатство, его могущество и радости, я, безъ сомнѣнія, искалъ бы ихъ, какъ и всѣ остальные. Но я никогда этого не зналъ и не въ моей натурѣ было завидовать обладанію этими благами. Еслибъ я былъ калѣкой, я бы страстно завидовалъ тѣмъ, кто могъ ходить свободно, по залитымъ солнцемъ равнинамъ, по бѣлымъ полямъ, покрытымъ зимними снѣгами — но я не могъ завидовать тѣмъ, кто ѣздилъ въ коляскахъ или верхомъ на красивыхъ коняхъ. Это было не въ моей натурѣ, являлось слѣдствіемъ моего невѣжества, безъ сомнѣнія. Люди, знающіе много, много завидуютъ, какъ я замѣтилъ — завидуютъ почти всегда.

Однажды, ранней весной, я пришелъ съ моей группой въ маленькій городокъ на Луарѣ, — старый, сѣрый городокъ на высокой скалѣ, окруженный искрошенными стѣнами и украшенный зеленью распустившихся деревьевъ и цвѣтами, росшими вдоль рововъ и валовъ, на улицахъ и въ окнахъ домовъ; даже возлѣ лужъ бѣлѣли ландыши; крыши домовъ желтѣли цвѣтущими растеніями, а во всѣхъ углахъ надъ стѣнами городскихъ садовъ цвѣла бѣлая и лиловая сирень. Я еще теперь чувствую ея ароматъ; въ ямѣ, въ которой меня зарюютъ, мнѣ кажется, я еще буду чувствовать его.

Мы вошли въ городскія ворота въ самый полдень и поставили нашъ маленькій театръ на городской площади. Слѣдующій день былъ праздничный, городъ былъ выведенъ изъ отупѣнія и тишины, оживленъ веселыми поселянами и своимъ собственнымъ небольшимъ населеніемъ, наполнявшимъ деревянныя палатки ярмарки и кривыя аллеи, перекрещивавшіяся на склонахъ холмовъ, на которыхъ построены городъ.

Въ то время какъ я поднимался по одной изъ этихъ аллей, неся свою часть досокъ и полѣтна нашего театра, при звукахъ тростниковой флейты и стараго барабана звучащихъ также весело, какъ и всегда, впереди насъ, я услышалъ надъ собою голосъ — звучный, высокий голосъ женщины.

— Какой уродъ, вотъ этотъ! — воскликнула она со смѣхомъ. — По лицу видно, что шутъ. Онъ заставитъ даже уличныхъ собакъ умереть со смѣха.

— Тише! — сказалъ другой голосъ, болѣе низкій и менѣе звучный. — Кто знаетъ? Онъ можетъ услышать. Къ тому же, онъ такой печальный и усталый!

Другой голосъ продолжалъ смѣяться весело и жестоко.

— О! онъ слишкомъ безобразенъ, чтобы жить на свѣтѣ! Зачѣмъ Богъ творить подобныя созданья?

И въ эту минуту вѣтка благоухающей сирени въ полномъ цвѣту ударила меня по глазамъ, освѣживъ мое пылающее лице своимъ прикосновеніемъ.

Та, которая говорила послѣдняя, сорвала вѣтку этого весняго цвѣтка и бросила ея въ меня съ презрительной веселостью; цвѣты упали на матеріалы, которые я несъ. Я помню, что на ней была маленькая, шафрановаго цвѣта, бабочка и золотистокоричневая пчела. Пчела съ минуту посидѣла на моей рукѣ и улетѣла; бабочка осталась на цвѣткѣ.

Я взглянулъ къверху. Старикъ-садовникъ и прекрасное созданье, бросившее въ меня нѣжныя цвѣты и жесткія слова, стояли, облокотившись на старую, сѣрую, обросшую мохомъ, стѣну. Вѣтки сирени окружали ее со всѣхъ сторонъ—сверху, съ боковъ, вездѣ. Ея золотистые волосы блестяли на солнцѣ. Вѣтка сирени была приколота на ея груди.

Могу ли я описать ее? Нѣтъ, вспомните ту женщину, которая больше всѣхъ остальныхъ олицетворяла для васъ любовь.

Она была молодой дѣвушкой изъ народа, сиротой бѣднаго дровосѣка, одѣта въ костюмъ своей провинціи; она отдыхала отъ работы, смотря на процессію странствующей труппы, проходившей мимо сада подъ звуки барабана; но для меня она сдѣлалась всѣмъ на свѣтѣ!

Это такъ странно! Мы видимъ милліоны лицъ, слышимъ милліоны голосовъ, встрѣчаемъ милліоны женщинъ съ цвѣтами на груди и блескомъ въ глазахъ, и онѣ не трогаютъ насъ. Потому мы видимъ какую нибудь одну женщину и она несетъ съ собой для насъ жизнь или смерть, и такъ безопасно играетъ ими — какъ ребенокъ своими игрушками. Она не благороднѣе, не лучше и не прекраснѣе тѣхъ, мимо которыхъ мы прошли равнодушно, а между тѣмъ міръ кажется намъ пустымъ безъ нея.

Я шель дальше, вверхъ по улицѣ, и держалъ въ рукѣ вѣтку сирени.

Да, эту самую вѣтку, отцвѣтшую и лишенную аромата! А въ то утро она была такъ свѣжа, такъ полна благоуханія; ее такъ страстно цѣловали бабочка и пчела. Два года тому назадъ, ровно два года! Цвѣтеть ли теперь тамъ сирень? Вѣроятно, и она рветъ ее и бросаетъ своему любовнику.

Подумаешь ли она объ увядшей вѣткѣ—о вѣткѣ, цвѣтшей такъ давно? Нѣтъ. Цвѣты сирени живутъ лишь одинъ день. Но этотъ юроткій день длиннѣе женской памяти.

О, этотъ вечеръ! — какъ я игралъ, я не могу сказать. Я не

знать, что дѣлалъ. Вокругъ меня носился аромат сирени и въ морѣ головъ подо мной я искалъ лишь ея головку. Ея не было.

Когда я не нуженъ былъ больше на сценѣ и публика разошлась, громко расхваливая насъ, я освободился отъ всѣхъ моихъ товарищей и горожанъ, и снова пошелъ на ту маленькую, кругую улицу, полную аромата сирени.

Полная луна ярко свѣтила. Сирень казалась совсѣмъ безцвѣтной при этомъ освѣщеніи, и воздухъ былъ весь пропитанъ ея запахомъ. Ручеекъ за стѣнами сада мѣрно и медленно журчалъ среди ночи. Сова пролетѣла мимо, блеснувъ бѣловатымъ крыломъ, отливавшимъ серебромъ при звѣздномъ сіяніи. Зачѣмъ я говорю обо всемъ этомъ? хоть оно навѣки живетъ въ моей душѣ.

Я ходилъ тамъ взадъ и впередъ цѣлую ночь. Съ восходомъ солнца, я со стыдомъ удалился. Чѣмъ была вѣтка сирени, что могла сдѣлать меня такимъ безумцемъ?

Когда день насталъ, я спросилъ каменщика, проходившаго на работу, кто жилъ за этими старыми разрушавшимися стѣнами? Онъ отвѣчалъ, что никто не жилъ тамъ. Это были стѣны стараго монастырскаго сада, куда всякій могъ заходить гулять. Я не спрашивалъ ничего болѣе. Мной овладѣла странная робость. Я вернулся домой въ маленькую таверну, гдѣ остановились мои товарищи, поднялся на свой чердакъ и, смотря на вѣтку сирени, безумно цѣловалъ ее. Я чувствовалъ, что въ ней заключается моя судьба.

Я поставилъ ее въ воду, держалъ въ тѣни, но она уже завяда. Весь день я пытался найти женщину, которая уронила вѣтку въ мои руки, но безуспѣшно. Былъ праздничный день и улицы полны народа, оживлены флагами и знаменами, распятіями и иконами, мальчишками-пѣвчими въ бѣлыхъ платьяхъ и веселыми дѣтьми съ головками, увѣнчанными весенними цвѣтами. Но я не встрѣтилъ между всѣми этими лицами ту, кого искалъ. Она должна быть тамъ, но какимъ образомъ ускользнула отъ меня? Наступила ночь и я снова взошелъ на сцену.

— Что ты ищешь, Пиччинино? — спрашивали мои товарищи.

Я глупо разсмѣялся и отвѣчалъ имъ: «вѣтку сирени». Они посмотрѣли на меня удивленно, думая, что я сошелъ съ ума, потому что во всемъ городѣ, въ маленькихъ садикахъ, на валахъ и вдоль каменныхъ стѣнъ, бѣлая и лиловая сирень была въ полномъ цвѣту.

Я вышелъ на сцену, какъ всегда. Хорошо помню маленькую пьесу, которую мы давали въ тотъ вечеръ. Это была простая юмористическая сценка, въ которой я игралъ главную роль—всегда

очень подходившую ко мнѣ—бѣднаго сапожника, который, уже старый, безобразный калѣка, любитъ молодую дѣвушку изъ своей деревни и служить цѣлью насмѣшекъ всей сельской молодежи за свою неумѣстную и отвергнутую страсть. Роль была очень комична и я привыкъ играть ее среди взрывовъ смѣха публики, хохотавшей надъ безуміемъ и притязаніями стараго, искалѣченнаго, безобразнаго сапожника, осмѣливагося обратитьъ глаза и мысли на прелестнѣйшую и самую кокетливую дѣвушку своей деревни.

Но въ этотъ вечеръ я сыгралъ эту роль въ другомъ духѣ. Звукъ ея словъ: «Какой онъ уродъ!» звучалъ въ моихъ ушахъ и туманилъ мой умъ. Меня привѣтствовали шумными рукоплесканьями, когда я появился. Я былъ популяренъ въ городѣ и пьеса эта была также популярна. Притязанія на чувство во всякомъ некрасивомъ и старомъ созданіи всегда служили излюбленною темой для толпы, настроенной насмѣшливо. А между тѣмъ не всегда молодые и красивые чувствуютъ глубже.

Я не знаю, что охватило меня. Эта роль всегда была комической, я всегда былъ комическимъ актеромъ. Ни въ роли, ни во мнѣ ничто никогда не видалъ ничего, кромѣ шутовскаго фарса, нелѣпныхъ положеній и смѣшныхъ сценъ. Между тѣмъ, въ этотъ вечеръ я внезапно измѣнился, а со мной и вся роль, и я былъ уже безсиленъ поправить дѣло.

Я почувствовалъ непреодолимое влеченіе измѣнить характеръ этой роли въ нѣчто болѣе возвышенное, благородное, безконечно печальное, чѣмъ старый дуракъ, котораго я любилъ изображать и которому публика привыкла рукоплескать.

Я не измѣнилъ ни одной сцены, не уничтожилъ ни одного слова, а между тѣмъ роль, которую я игралъ, уже не была достойна презрѣнія, не представляла ничего шутовскаго и нелѣпаго; она сдѣлалась полна достоинства и почти героизма. Этотъ бѣдный, слабый старикъ обладалъ сердцемъ, которое умѣло безконечно любить и безконечно страдать, — сердцемъ, сознававшимъ себя глубже, вѣрнѣе и сильнѣе въ привязанности и страданіи, чѣмъ всѣ окружавшіе его. А между тѣмъ, онъ былъ лишь цѣлью насмѣшекъ всей своей среды и даже того самаго созданья, для котораго готовъ былъ перенести тысячу смертей.

Вотъ какъ я понимаю теперь этотъ характеръ; вотъ какимъ я представилъ его на сценѣ. И когда я произнесъ послѣднія слова и первый разъ взглянулъ въ тотъ вечеръ на сидѣвшую передо мной толпу, я увидѣлъ, что она сидѣла, затаивъ дыханье, взвол-

нованная и безмолвная—увидѣлъ, что я, шутъ, нанятой комикъ, заставилъ ихъ не смѣяться, а плакать.

Они не знали, что съ ними случилось, но вслѣдствіе странной связи, соединяющей актера съ публикой, мое горькое страданье сообщилось имъ, и они плакали тамъ, гдѣ прежде насмѣхались, сожалѣли тамъ, гдѣ прежде презирали.

— Что на тебя нашло, Пиччинино,—говорили мои товарищи, окружая меня послѣ окончанія пьесы.—Кто могъ думать, что въ тебѣ кроется такой талантъ? И такая роль къ тому же! Вѣдь публика плакала, какъ дѣти—всѣ безъ исключенія, старые и молодые. Что нашло на тебя, скажи?

Я снова безумно разсмѣялся.

— Всему виной вѣтка сирени,—пробормоталъ я въ отвѣтъ, стараясь смѣхомъ уничтожить мое безуміе. Они должны были подумать, что я сошелъ съ ума; я и самъ такъ думалъ.

Нашъ директоръ вошелъ, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня, потомъ ласково ударилъ по плечу.

— Чортъ возьми, Пиччинино!—воскликнулъ онъ съ добродушнымъ изумленіемъ.—Я не удивлюсь, если въ концѣ концовъ ты сдѣлаешься трагическимъ актеромъ. Но въ другой разъ не заставляй весь мой театръ плакать, какъ женщинъ, когда мы объявляемъ комическое представленіе. Наше призваніе—смѣшить публику; не забывай этого, мой другъ.

Я молчалъ и не могъ объяснить, что такъ странно взволновало меня.

Все это произошло отъ вѣтки сирени. Но кто же повѣрилъ бы этому? Люди никогда не вѣрятъ тому, что правдиво.

Оказалось потомъ, что страхъ нашего директора,—боявшагося неудовольствія публики за то, что мы были трагичны вмѣсто обѣщанной веселости,—былъ напрасенъ. Маленькая пьеса, которую перемена расположенія моего духа измѣнила изъ фарса въ поэзію, понравилась имъ не менѣе прежняго. Они хорошо знали меня, знали еще маленькимъ загорѣлымъ ребенкомъ; и эти добрые люди удивлялись тому, что ихъ смѣшной, некрасивый, старый другъ Пиччинино обладалъ такимъ талантомъ.

— Мы знали, что онъ всегда можетъ заставить насъ смѣяться, но онъ заставляетъ насъ также и плакать, этотъ шутникъ. Кто знаетъ? Быть можетъ, онъ будетъ великимъ актеромъ. Быть можетъ, онъ будетъ играть въ Парижѣ,—говорили они, выходя изъ театра.

И они тѣснились вокругъ меня, обнимали и наперерывъ приглашали съ собой; но, видя, что я молчу и не расположенъ къ

шумной компаніи, они оставили меня и ушли, качая головою, но все же гордясь мной: вѣдь я былъ ихъ старый другъ Пиччинино; ихъ старики помнятъ меня, когда я былъ маленькимъ, ихъ старшіе видѣли, какъ я бѣгалъ возлѣ моей матери, держась за ея расшитое блестками платье; и вдругъ они увидѣли, что я обладаю талантомъ.

IV.

Въ слѣдующій разъ, когда мы снова должны были играть эту пьесу, я хотѣлъ вернуться къ прежнему своему шутовству, но я не былъ хозяиномъ труппы, а горожане требовали, чтобы я игралъ эту роль опять въ томъ новомъ видѣ, какой придалъ комической роли, какъ они предполагали.—случайно. Такъ мы и играли.

Геній можетъ поступать, какъ ему угодно, съ своей публикой; но мы, бѣдняки, имѣвшіе маленькія способности, для которыхъ не всегда даже могли находить сбытъ—мы должны были повиноваться нашей публикѣ и давать ей то, чего она требовала.

Въ этотъ вечеръ, когда я взошелъ на сцену, я почувствовалъ, что она была тутъ, прежде чѣмъ я увидалъ ее—она тутъ съ своей свѣтлой, золотистой головой, выдѣлявшейся среди моря смуглыхъ крестьянскихъ лицъ, а ея смѣлые дѣтскіе глазки, смѣясь, смотрѣли на меня сквозь желтоватый свѣтъ нашихъ масляныхъ лампъ. Увидѣвъ ее, я смутился, запутался, голова моя кружилась. Мои товарищи шептали вокругъ меня: «Что съ тобой, Пиччинино? Ты съ ума сошелъ, пьянъ или боленъ»? Они не отрезвили меня. Я стоялъ, тупо смотря передъ собой.

Публика начала сердиться за остановку и за молчанье. Ея благосклонность была моимъ насущнымъ хлѣбомъ; ея гнѣвъ былъ бы равносильнъ моему разоренію. Но и это не отрезвило меня. Я не видалъ публики; а видѣлъ только лицо, смѣявшееся надо мной среди вѣтвей сирени. Сквозь шумъ голосовъ въ палаткѣ, до меня долетѣлъ нѣжный, серебристый звукъ ея голоса; онъ проговорилъ съ жесткой радостью:

— Такой уродъ и такъ глупъ къ тому же! Это, право, слишкомъ много для одного человѣка!

И она снова засмѣялась дѣтскимъ смѣхомъ, съ какимъ бросила мнѣ вѣтку сирени.

Этотъ звукъ разбудилъ меня, какъ игла, погруженная въ открытую рану. Я собрался съ силами; заставилъ себя играть, какъ наканунѣ; я почти не сознавалъ все время, гдѣ я, что я дѣ-

лалъ, и публика не существовала для меня; я видѣлъ только одно лицо. Но для него я игралъ всей своей душой; и мнѣ сказали потомъ, что я превзошелъ самого себя,—что публика сидѣла, едва дыша, почти въ страхѣ. Я, конечно, ничего не сознавалъ. Я знаю только, что меня вызывали подъ конецъ разъ за разомъ; что публика сдѣлала мнѣ всевозможныя оваціи; махала платками и шляпами и до тѣхъ поръ кричала: браво, пока не охрипла; потомъ всѣ окружили и стали тянуть меня въ таверну, чтобы тамъ шумно почтить меня. Но я высвободился отъ нихъ подъ предлогомъ нездоровья, вышелъ одинъ, спрятался у входа и сталъ наблюдать за женщинами, выходившими изъ театра.

Но я опоздалъ. Мои ласковые мучители лишили меня единственной награды, которой я добивался. Она ушла, и я не узналъ, восторжествовалъ ли я и здѣсь—отуманились ли слезами ея сіяющіе, жестокіе глаза, какъ у всѣхъ остальныхъ женщинъ въ этотъ вечеръ.

Я ушелъ съ большимъ сердцемъ, не смотря на торжество, съ какимъ такъ радостно поздравляли меня мои старые товарищи. Побѣда надъ этими бѣдными крестьянами, которые не могли отличить одной буквы отъ другой! Какую цѣну могла она имѣть для меня?

Въ большихъ городахъ мою игру, вѣроятно, освистали бы. Въ первый разъ моя карьера показалась мнѣ ничтожной и успѣхи въ ней смѣшными. Въ своемъ воображеніи я провожалъ домой прелестное созданье, видѣлъ, какъ она передъ зеркаломъ расплетала свои густыя свѣтлыя волосы, и слышалъ, какъ она въ своемъ удивленіи смѣялась надо мной, несчастнымъ уродомъ, воображавшимъ, что если простаки смѣялись при его игрѣ и кухарки отъ нея плакали, то слава уже принадлежала ему! Въ первый разъ, послѣ того какъ я пробудился къ жизни въ объятіяхъ моей матери подъ звуки флейты и барабана, жизнь, какую я велъ, показалась мнѣ низкой, глупой, несчастной и безцѣльной.

Въ темнотѣ ночи мнѣ казалось, что ея смѣхъ звучитъ вокругъ меня—въ листьяхъ, въ фонтанахъ, въ легкомъ вѣтеркѣ, въ жужжаньѣ скрытыхъ въ травѣ насѣкомыхъ. Всѣ они, казалось, смѣялись надо мной ея смѣхомъ, сливши въ хоръ всѣ свои тоненькіе, нѣжные голоса, тѣмъ болѣе жестокіе въ своей насмѣшкѣ, что исходили отъ такихъ нѣжныхъ и прелестныхъ созданій. «Такой уродъ и такъ глупъ къ тому же! Зачѣмъ Богъ творитъ подобныя созданья?»

Я часто самъ предлагалъ себѣ этотъ вопросъ. Моя исторія не представляетъ ничего новаго. Она такъ обыкновенна.

Въ этотъ вечеръ мой хозяинъ послѣдовалъ за мной на чердакъ и сказалъ, что прибавитъ мнѣ жалованья и думаетъ остаться цѣлый мѣсяцъ въ этомъ маленькомъ городкѣ, такъ какъ я былъ очень популяренъ среди населенія, которое въ извѣстной степени могло считаться богатымъ. Его красильщики, виноградари и хлѣбопашцы были люди состоятельные, кругомъ было много селеній и мы могли рассчитывать на многочисленную публику во все время лѣтняго сезона; я съ жаромъ ухватился за его намѣреніе остаться тамъ. Для меня теперь во всемъ мірѣ была только одна дорога, на которой цвѣла сирень.

Итакъ мы оставались тамъ, пока не увяла сирень и задолго до истеченія мѣсяца я узналъ ея имя и жилище. Я не хочу называть ея имени,—пусть оно умретъ со мной. Послѣ того, какъ я въ первый разъ ее увидѣлъ, я не иначе называлъ ее въ своихъ мечтахъ, какъ «она». Весь міръ заключалъ въ себѣ лишь одну женщину.

Она жила въ высокомъ старомъ домѣ, въ сѣрой мрачной улицѣ, въ самомъ отдаленномъ углу ея, подъ самой крышей. Старый садъ былъ недалеко и она часто ходила туда. У нея не было друзей. Она зарабатывала хлѣбъ плетеніемъ кружевъ. Она сидѣла у своего окна въ золотистомъ платочкѣ, повязанномъ вокругъ золотистыхъ волосъ; ея маленькіе, розовые пальчики быстро перебирали коклюшки, прижимая безчувственную подушку къ бѣлой груди.

Я часто наблюдалъ ее, спрятавшись въ темномъ углу воротъ или подъ изломанной аркой далеко внизу. И все это время цвѣла сирень. У нея всегда стоялъ большой, вѣжнѣйшій букетъ этой сирени въ коричневомъ разбитомъ кувшинѣ, на каменномъ подоконникѣ. И въ то время, какъ я слѣдилъ за ней снизу, вѣтеръ доносилъ иногда до меня благоуханіе этихъ цвѣтовъ и маленькія голубыя бабочки летали между мной и ея окномъ; и я, какъ дуракъ, старался увѣрить себя, что она, вѣроятно, не бросила бы мнѣ вѣтку своего любимаго цвѣтка, еслибы считала меня такимъ страшнымъ и смѣшнымъ, какъ говорила.

Я сталъ очень застѣнчивъ и молчаливъ. А когда-то я былъ даже очень смѣлъ. Я никогда не стѣснялся въ смѣлыхъ шуткахъ и безпечномъ нахальствѣ съ женщинами. Самое сознаніе мое, что я, бѣднякъ и уродъ, былъ ничѣмъ для ихъ пола, заставляло меня быть смѣлымъ и нахальнымъ съ ними. Всѣ поцѣлуи, полученные мной, были куплены; всѣ лица, улыбавшіяся мнѣ, улыбались лишь потому, что даже моя маленькая плата избавляла ихъ отъ голода; и хотя память моей матери сохранила меня менѣе порочнымъ, чѣмъ я могъ бы сдѣлаться вслѣдствіе моего образа жизни,

все же я никогда не былъ слишкомъ скромнень, когда дѣло касалось женщинъ. Но съ ней—я былъ такъ робокъ, такъ нѣмъ, такъ непохожъ на самого себя.

Отчасти меня смущало сознание ея презрѣнія. Но главнымъ образомъ это произошло отъ того, что съ первой минуты, какъ я увидѣлъ ее, она сдѣлалась для меня созданьемъ невыразимо прекраснымъ, полнымъ святости и такъ высоко стоящимъ надо мной, какъ будто была королевой, окруженной гвардіей въ своемъ дворцѣ, а не дѣвушкой изъ народа, которая плела кружева въ маленькой комнаткѣ подъ самой крышей. Всѣ ея родные умерли. Ей было шестнадцать лѣтъ и она была бѣдна. Вотъ что я узналъ про нее. У меня не достало смѣлости произносить ея имя или много расспрашивать объ ней. Мнѣ казалось, что каждый могъ замѣтить, какъ кровь прилиwała и отлиwała отъ моего глупаго лица, когда я случайно заговоривалъ о ней съ какимъ нибудь сосѣдомъ.

Помню, что одна старуха, у которой была лавочка на той же улицѣ, пожимала плечами, дѣлая презрительную гримасу, и однажды хотѣла сказать мнѣ что-то про нее, бормоча какія-то злыя слова. Но я зналъ злобу женщинъ; я не сталъ ее слушать; не могъ перенести мысли, что меня заподозрятъ въ шпионствѣ за ней. Когда людей увлекаетъ ихъ судьба, они дѣлаются слѣпыми и глухими.

Мнѣ казалось, что она живетъ невинно и очень просто, потому что была очень бѣдна. Я никогда не смотрѣлъ на свою бѣдность, какъ на несчастье, и находилъ, что въ бѣдности мужчины бываютъ здоровѣе, сильнѣе, менѣе испытываютъ искушеній и болѣе мужественны. Но сердце мое болѣло при видѣ маленькой жалкой комнаты, составлявшей ея пріютъ.

Она была такъ безконечно прелестна, ея золотистая головка такъ сіяла, она такъ походила на розу нѣжностью и изяществомъ, что мнѣ казалось, будто ей слѣдовало жить, какъ бабочкѣ, въ цвѣткѣ, какъ граціозной малиновкѣ—въ гнѣздѣ среди лѣтней листвы. Она вскорѣ открыла меня на моемъ наблюдательномъ посту. Она иногда смѣялась, смотрѣла на меня своими шаловливыми глазками, и кивала очаровательнымъ движеніемъ, какъ бы полуприглашенія, полупрезрѣнія и насмѣшки.

Рано утромъ, она отправлялась къ обѣднѣ съ ниткой сухихъ красныхъ ягодъ вокругъ шеи вмѣсто цетокъ, и шла, считая ихъ, опустивъ длинныя темныя рѣсницы, не обращиваясь ни направо, ни налево и какъ бы вся погруженная въ серьезную молитву. Кто учить этому женщинъ? Ей еще не сравнялось семнадцать лѣтъ; она была дочерью бѣдныхъ рабочихъ, ея отецъ былъ дровосѣкомъ, мать кружевницей; она ничего никогда не видала, кромѣ этого мирнаго

старого уголка на скалѣ надъ рѣкой; кто же могъ научить ее злу, какъ не инстинкты ея женской натуры? Я до сихъ поръ думаю, что онѣ не знаютъ, что дѣлаютъ; онѣ лукавы и жестоки ради шутки; онѣ губятъ тѣхъ, кто любитъ ихъ — вслѣдствіе одного инстинкта, какъ котенокъ играетъ мышью.

Другіе уже говорили все это гораздо лучше меня, но всякому человѣку, когда онъ страдаетъ, все это кажется новымъ и онъ думаетъ, что никакая рана не была такъ глубока или нанесена съ такой безпечностью, какъ та, отъ которой онъ страдаетъ.

V.

Мы пробыли въ этомъ городкѣ, пока не завяли всѣ цвѣты сирени и надъ низкими каменными стѣнами, на улицахъ и въ садахъ, спускавшихся къ рѣкѣ, вмѣсто нихъ не расцвѣли высокія серебристыя лиліи и яркія лѣтнія розы.

Моя вѣтка сирени завяла и сдѣлалась безцвѣтной, какъ пыль, но вмѣсто того для меня распускался чудесный цвѣтокъ небеснаго счастья. Она часто приходила въ нашъ театръ съ кѣмъ нибудь изъ городскихъ жителей и я заставлялъ себя думать, что послѣ того, какъ она видѣла мою игру, она стала меньше презирать меня. Въ тѣ вечера, когда ея не было, я игралъ скверно, и нашъ хозяинъ нѣсколько разъ дѣлалъ мнѣ серьезные выговоры. Но когда она была тутъ,—хоть я и не видалъ публики, не видалъ ничего, кромѣ свѣтлой головки, на которой волосы блестяли при свѣтѣ лампъ, какъ сіяніе вокругъ головъ святыхъ,—я знаю, что игралъ свою роль съ огнемъ и душой.

— Еслибъ онъ не игралъ такъ неровно, онъ былъ бы артистомъ даже въ Парижѣ,—говорили вокругъ меня. И мой хозяинъ говорилъ тоже. Я смѣялся про себя и сердце мое ныло; это ужасно, что искусство, умъ, сила, жизнь человѣка могутъ такъ зависѣть отъ присутствія или отсутствія одного существа! А между тѣмъ это было такъ. Если я могъ вызвать смѣхъ или удивленіе въ ея глазахъ юморомъ или паэосомъ моей игры, я дѣлался великимъ артистомъ. Если она не сидѣла передо мной, театръ казался мнѣ пустымъ; я дѣлался скученъ, безжизненъ, глупъ и съ трудомъ двигался на сценѣ въ продолженіе всей игры.

Но она приходила часто. Вмѣстѣ съ остальными актерами, я имѣлъ право вводить кого нибудь бесплатно въ нашъ театръ, когда захочу, и она каждый день находила на своемъ столикѣ билетъ вмѣстѣ съ какимъ нибудь простымъ приношеніемъ, въ родѣ

цвѣтовъ, плодовъ или другихъ бездѣлицъ, которыя я могъ приобрѣтать на ничтожное жалованье, получаемое мною за наши представленія. Она брала все, что я предлагалъ ей, и я былъ больше, чѣмъ вознагражденъ, если она, взявъ, шаловливо кивала мнѣ головой или дарила улыбкой. Иногда она отказывала мнѣ и въ этомъ и проходила мимо меня съ легкой дрожью отвращенія или дѣлала видъ, что совсѣмъ не замѣчаетъ меня.

Я не могъ сердиться, не имѣлъ на это никакого права; я отлично зналъ, что она считала меня слишкомъ безобразнымъ, чтобы женщина могла два раза въ одинъ день улыбнуться мнѣ. Я былъ доволенъ, если она позволяла мнѣ слѣдовать за ней или позволяла смотрѣть на себя, не закрывая своихъ глазъ руками, чтобы защитить ихъ отъ отталкивающаго зрѣлища. А она дѣлала это часто и потомъ весело смѣялась надъ моимъ несчастьемъ, такъ что я иногда не зналъ, ненавидѣла она меня или нѣтъ.

Такъ продолжалось до одного роковаго дня. Было очень жарко. Не было ни малѣйшаго вѣтерка, который бы освѣжилъ воздухъ. Золотистое солнце раскалило темную, прохладную улицу и окрасило всѣ ея тѣни въ красноватое золото. Маленькія, печальныя птички въ клѣткахъ отрывали свои носики, страдая отъ жажды, и тяжело дышали. Красныя ползучія растенія надъ окнами печально опустились, собаки скрывались подъ тѣнью галерей и воротъ старинныхъ домовъ. Между крышами сіяло синее, безоблачное небо. На немъ дрожали бѣловатыя пыльныя деревья. Я еще слышу лѣнивое журчанье невидимой рѣки подъ городомъ, чувствую болѣзненно-тяжелый запахъ лилій, томившихся отъ жары. Всѣ ставни и окна были закрыты. Никто не двигался. Казалось, весь городъ спалъ.

Я одинъ бодрствовалъ и вышелъ изъ дома — я одинъ не чувствовалъ ни жары, ни холода, не сознавалъ ни дня, ни ночи, а только смотрѣлъ на маленькое окошечко подъ крышей, чтобы видѣть, какъ лучи солнца освѣщали руку дѣвушки, перебиравшую нитки, и слѣдить ночью за луннымъ свѣтомъ, игравшимъ чистымъ сіяніемъ на темномъ закрытомъ окнѣ, за которымъ она спала.

Я вышелъ среди палящаго полдневнаго зноя и ходилъ взадъ и впередъ по каменистой дорогѣ, надѣясь случайно увидѣть ее у окна за работой. Долго ждалъ я напрасно, ходя по обыкновенію взадъ и впередъ по улицѣ, лишенной всякой тѣни. Окошечко ея каморки было пусто и цвѣты на немъ, мои цвѣты, завяли. Я держалъ въ рукахъ другіе, защищенные отъ солнечныхъ лучей мокрыми листьями. Я ожидалъ ея появленія у окна, чтобы положить ихъ, какъ всегда, у входа въ маленькую чашу, вдѣланную въ

стѣнѣ надъ скамьей и предназначенную для святой воды. Но, вмѣсто того чтобы выглянуть ко мнѣ съ высоты, она шла мнѣ на встрѣчу—шла по улицѣ, склонивъ отъ жары головку, какъ нѣжная роза. Она несла на рынокъ свои кружева.

Мы были одни, неожиданно столкнувшись среди безмолвнаго, жаркаго, усыпляющаго полдня, подъ тѣнью старыхъ домовъ. На ней была зеленая юбка и бѣлый корсажъ; она прикрыла свои блестящія волосы и свой маленькій желтый платокъ широкими, зелеными сплетенными листьями. Она сама походила на цвѣтокъ, распвѣтшій на сѣрыхъ плитахъ мостовой.

Быть можетъ, это было вслѣдствіе жары, или вслѣдствіе усталости, но ея лицо было блѣднѣе обыкновеннаго, а глаза нѣжныѣ. Что-то заставило меня говорить и я заговорилъ, подавая ей свое бѣдное, ничтожное приношеніе. Я зналъ, какъ это было глупо; зналъ, что это было безумно. Я зналъ, что ни одна женщина не могла смотрѣть на меня иначе, какъ съ отвращеніемъ—или, самое болѣе, съ состраданіемъ. Я зналъ, что сердце мужчины могло разбиться навѣки и ни одна женщина не увидитъ ничего, кромѣ смѣшнаго, въ его отчаяніи, если онъ безобразенъ и бѣденъ, какъ я.

А между тѣмъ я говорилъ, позабывъ самого себя, уносимый потокомъ своихъ словъ, неудержимо, бессознательно, какъ это случалось иногда со мной на сценѣ, когда внезапный порывъ заставлялъ меня увлекать зрителей, забывавшихъ, что тотъ, кто такъ волновалъ ихъ, былъ лишь безобразнымъ, бѣднымъ и неизвѣстнымъ актеромъ. Я не могъ надѣяться, что увлеку ее также, а между тѣмъ я продолжалъ говорить среди мрачной, тихой улицы, безъ другихъ свидѣтелей, кромѣ темныхъ ползучихъ растений, повисшихъ отъ жара.

Что я сказалъ ей, не знаю, но я молилъ ее, какъ люди должны молить лишь своего Бога. Я не просилъ ее о взаимной любви. Но я просилъ о каплѣ состраданія, о каплѣ терпѣнія; я зналъ, что со стороны безобразнаго и бѣднаго созданья, какъ я, было преступленіемъ говорить о любви.

Когда все мое сердце вылилось передъ ней и голосъ замеръ на моихъ горячихъ, сухихъ губахъ, я весь похолодѣлъ отъ смертельнаго ужаса. Я ждалъ ея смѣха, ея жестокаго, нѣжнаго, безжалостнаго, дѣтскаго смѣха.

Но, вмѣсто этого, она стояла молча. Потомъ вдругъ задрожала и поблѣднѣла все также тихая и безмолвная. Я слышалъ громкіе и тяжелые удары моего сердца среди мертвой тишины. Вдругъ

она взглянула на меня, ея губы дрожали и дыханіе, какъ тихое рыданье, вырвалось изъ ея груди.

— Я совсѣмъ одинока,—прошептала она, полу-смѣясь, полу-плача.—Я совсѣмъ одинока!

Я былъ такъ безобразенъ, такъ смѣшенъ, такъ бѣденъ во всѣхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ сѣрая улица, желтоватый свѣтъ, красныя ползучія растенія, дрожавшія на окнахъ, ясное небо, на которомъ выдѣлялись жаждавшіе влаги листья,—все это кружилось вмѣстѣ со мной въ какомъ-то болѣзненномъ круговоротѣ. Это было невозможно, а между тѣмъ она смотрѣла на меня и слегка смѣялась съ своимъ прежнимъ презрѣніемъ къ моему безумію, хотя слезы лились изъ ея глазъ.

— Вы слышите?—сказала она мягко, но съ такой милой смѣлостью.—Вы слышите? Вы такъ некрасивы, такъ смѣшны; у васъ ротъ, точно у лягушки, а глаза, какъ у рыбы, но между тѣмъ вы добры—вы умѣете говорить такія прекрасныя вещи, а я — я совсѣмъ одинока.

Тогда я понялъ ее. Еслибъ я могъ умереть въ тотъ день, когда мнѣ казалось, что само небо раскрылось для меня! Было ли все это лишь одной ложью? Я часто думаю объ этомъ. Нѣтъ, не все. Она была очень молода, очень бѣдна и ей надоѣла ея жизнь, и даже такой человѣкъ, какъ я, былъ ей пріятенъ, такъ какъ я любилъ ее такой глубокой страстью и могъ дать ей свободу, какъ она думала. Нѣтъ, я не полагалъ, что она лгала—тогда.

Она никогда не любила меня, но знала, что я любилъ ее, и, быть можетъ, страданіе, высказанное мною, тронуло ее; а, можетъ быть, она подумала: «лучше идти за этимъ бѣднымъ дуракомъ, постранствовать по свѣту и повеселиться немного, чѣмъ тратить лучшіе годы въ одиночествѣ, теряя зрѣніе надъ кружевной паутиной, которую я плету для нарядовъ другихъ женщинъ».

Быть можетъ, также она слышала, какъ говорили, что я обладалъ талантомъ, который могъ когда нибудь составить мнѣ имя въ большихъ городахъ; и такимъ образомъ ей показалось, что стоитъ раздѣлить со мной мою бѣдную жизнь. Она, конечно, знала, что все, чтò я могъ заработать, я собралъ бы лишь для нея одной.

А, можетъ быть, она совсѣмъ не разсуждала, не думала ни о чемъ, а только чувствовала какой-то новый порывъ, смутный и дѣтскій, взволновавшій ея сердце, когда она услышала, что я ее люблю, какъ никогда никто не любилъ ни одну женщину—и она приняла предлагаемый ей даръ, нѣжно смѣясь, не

зная навѣрно, чего сама желала, и не заглядывая въ будущее.

Да, это самое вѣроятное. Я не хотѣлъ бы думать, что все было ложно тогда.

Итакъ, я женился на ней. Знаете ли вы, чѣмъ стала жизнь для меня? Раемъ—дурака, безъ сомнѣнія, но раемъ безъ одного облачка, безъ одного пятна, страха или сожалѣнія во все время его существованія.

Она любила меня! Она это говорила и доказывала. Это казалось мнѣ удивительнымъ. День и ночь я благодарилъ за это небо, потому что вѣрилъ въ него. Кто же, кромѣ Бога, чистаго и совершеннаго, могъ создать такое существо, какъ она?

Она казалась мнѣ такимъ чудеснымъ созданіемъ, съ бѣлоснѣжными членами, розовыми губками и сіяющей улыбкой! И она принадлежала *мнѣ*—только мнѣ. Когда я смотрѣлъ на нее при первыхъ лучахъ занимавшейся зари и любовался ея тихимъ нѣжнымъ сномъ, мнѣ казалось, что все это сновидѣніе — этотъ дивный восторгъ и это упоеніе обладанія. Чѣмъ я былъ, бѣдный, смѣшной и лишенный всякаго значенія человѣкъ, что могъ заслужить любовь такого цвѣтка, сорвать его и прижать къ своему сердцу?

При наступленіи каждой ночи, каждаго дня, я благословлялъ святую случайность, приведшую меня сюда въ мѣсяцъ цвѣтущей сирени. Все время я хранилъ дорогую вѣтку, хотя она уже завяла, сдѣлалась безцѣтной и лишенной аромата. Мнѣ не показалось бы большимъ чудомъ, еслибъ я нашелъ ее снова расцвѣтшей; это не было бы большимъ чудомъ, чѣмъ та красота и радость, въ которыя превратилась внезапно моя жизнь.

Знала ли она когда нибудь, какъ сильно я ее любилъ? Бѣдняки не могутъ выказать свою любовь въ тѣхъ богатыхъ дарахъ, которые женщины больше всего цѣнятъ и легче всего понимаютъ. Безъ сомнѣнія, это кажется холоднымъ и жестокимъ съ нашей стороны, что мы не осыпаемъ ту, которую любимъ больше всего на свѣтѣ, всѣмъ тѣмъ чего желаетъ ея сердце; безъ сомнѣнія, молодой, безпечной женщиной кажется, что скорѣе недостатокъ желанія, чѣмъ невозможность, заставляютъ насъ отказывать ей въ драгоценностяхъ и золотѣ. А когда мы не даемъ ей не только этого, но безсильны даже предложить другую пищу, кромѣ самой скромной, другую постель, кромѣ соломы,—тогда, вѣроятно, ей кажется, что еслибы мы истинно любили, то нашли бы средство дать ей ту роскошь, которой она жаждетъ.

Безъ сомнѣнія, это должно казаться ей. А я былъ очень бѣденъ и не могъ измѣнить образа своей жизни. Единственный талантъ, которымъ я обладалъ, былъ мой сценическій талантъ, и хотъ

во мнѣ были настоящія драматическія способности, я все же—неизвѣстный, темный актеръ и не могу перемѣнить своего положенія въ одинъ день и даже въ одинъ годъ. Простой народъ въ провинціяхъ рукоплескалъ мнѣ, это правда, но, чтобы заслужить одобреніе въ Парижѣ, для этого надо имѣть великій талантъ.

Я всегда любилъ свою жизнь. Она казалась мнѣ самой свободной и веселой, какую только могъ желать человѣкъ, вышедшій изъ народа. Но теперь она, казалось, измѣнилась. Она была неудобна для нея и не могла дать мнѣ того, чего я желалъ. Мнѣ не трудно было бродить по обожженнымъ солнцемъ дорогамъ; голодъ и жажда почти не заставляли меня страдать; спать въ какомъ нибудь сараѣ или на скотномъ дворѣ, когда таверны были полны, было для меня очень обыкновенно. Грубыя шутки, грубыя попойки, пьяныя остроты, ужины въ кабакахъ были мнѣ даже пріятны послѣ долгой ходьбы.

А она была такъ молода, такъ прелестна, такого нѣжнаго сложенія, такъ дорога мнѣ, что мнѣ было ужасно заставлять ее идти по каменистымъ горнымъ дорогамъ, спать на вязанкѣ сѣна, видѣть взгляды моихъ товарищей, направленные на нее, и слышать, какъ шутки пьяницъ оскверняли ея слухъ. Все это не отравляло моей прежней жизни. Я никогда не желалъ ничего болѣе легкаго, лучшаго для самого себя; но ради нея—въ первый разъ сталъ завидовать другимъ; ради нея я съ завистью смотрѣлъ на бѣлоснѣжныя виллы, окруженныя садами, на вызолоченные балконы красивыхъ домовъ, на шелковые флаги, развѣвавшіеся на сѣрыхъ башняхъ замковъ, когда мы проходили мимо нихъ.

Быть можетъ, я никогда не чувствовалъ бы всего этого, еслибъ она была довольна своей жизнью. Но она не была довольна.

Мужчина не долженъ отдавать женщинамъ свое сердце, если не можетъ въ то же время осыпать ихъ подарками.

Прежде чѣмъ вѣтка сирени упала на меня, я не завидовалъ богачамъ. Когда я заглядывалъ сквозь золоченныя рѣшетки въ какой нибудь садъ, полный розъ, гдѣ прогуливались знатныя дамы и играли хорошенькія дѣти, я всегда радовался, что есть такіе счастливые люди, и проходилъ съ лучшимъ чувствомъ въ душѣ. Но теперь, когда я видѣлъ подобныя картины, я только думалъ: «почему у моей голубки нѣтъ такихъ розовыхъ садовъ и почему ея дѣти должны родиться и воспитываться въ бѣдности, а не въ богатствѣ?»

Я дѣлалъ, что могъ, чтобы смягчить то, что такой женщиной, какъ она, казалось жестокостью и лишеніями въ нашей жизни. Я былъ въ состояніи нанять стараго мула, котораго могъ вести че-

резь поля и горы, гдѣ камни и солнце были ей невыносимы. Благодаря работѣ, которую я находилъ въ городахъ, гдѣ мы останавливались и гдѣ я рубилъ дрова, пологъ гряды въ садахъ или переносилъ тяжести,—я могъ также нанять ей маленькую комнатку, вдали отъ шумной жизни тавернъ. Иногда какому нибудь изъ зрителей особенно нравилась моя игра и онъ спрашивалъ меня, что я предпочитаю получить—бутылку вина, ужинъ въ ресторани или пачку сигаръ? Тогда я благодарилъ и отказывался отъ всего этого, а выбиралъ взаменъ корзину роскошныхъ плодовъ или букетъ рѣдкихъ цвѣтовъ и, благодарный, спѣшилъ съ ними домой къ ней, чтобы насладиться ея невинной радостью.

Я дѣлалъ все, что могъ, но это все было очень немного. Любовь бѣдняка должна всегда казаться такой ничтожной. Какъ же можетъ быть иначе? То, что богачъ можетъ дѣлать каждый часъ, бѣднякъ можетъ сдѣлать лишь съ такимъ трудомъ. Да и этого онъ можетъ достигнуть только тяжелымъ физическимъ и умственнымъ напряженіемъ, потому что, когда трудно добыть средства къ жизни, откуда же достать излишекъ на розы, золотыя вещи и всѣ тѣ красивыя бездѣлки, которыя любятъ женщины? Это невозможно. Но эта невозможность кажется такой жестокой, узкой, передъ щедростью любви, имѣющей золото въ своемъ распоряженіи. Женщина съ трудомъ можетъ повѣрить, что вы любите ее, если вы не умѣете по ея требованію сдѣлать невозможное возможнымъ.

А какъ можно быть чародѣемъ безъ золота? Я слыхалъ, что въ старину бывали люди, тратившіе свой умъ и свои годы на то, чтобы превратить неблагородные металлы въ золото посредствомъ химіи. Я увѣренъ, что они никогда не подумали бы объ этомъ, еслибы женщина, любимая ими, не просила ихъ неотступно о золотомъ украшеніи, котораго они не въ состояніи были ей купить. Я не знаю, чего она могла ожидать отъ жизни со мной. Я никогда, съ самой первой минуты, не скрывалъ отъ нея, какъ жизнь моя была бѣдна и тяжела. Но она видѣла ее лишь съ вѣшной стороны и, я думаю, ожидала отъ нея больше веселья и разнообразія. Во всякомъ случаѣ она была разочарована и ничто уже не могло утѣшить ее. Одного, впрочемъ, она страстно желала—и это желаніе было единственное, въ которомъ я отказывалъ ей. Она желала сама выступить на подмосткахъ сцены. Кто-то изъ моихъ товарищей сказалъ ей необдуманно, что грѣшно было съ такимъ лицомъ, какъ у нея, сидѣть за кулисами, вмѣсто того чтобы возбуждать восторгъ публики. И ей очень хотѣлось выступить на сцену. Но я объявилъ ей съ горечью и запальчиво, что

скорѣе убью ее собственными руками, чѣмъ допущу, чтобъ она выставляла свою красоту напоказъ развратнымъ взглядамъ публики.

Да, это было мое мнѣніе. Мнѣ тяжело было даже видѣть, что прохожіе на большихъ дорогахъ нахально смотрѣли на нее. Я готовъ былъ даже убить самаго лучшаго своего друга изъ нашей труппы, когда онъ беззаботно шутилъ или обмѣнивался съ ней веселыми фразами.

— Ты дуракъ, Пиччинино, — говорилъ мнѣ хозяинъ нашей труппы. — Счастье дало тебѣ, въ лицѣ твоей жены, лампу Аладина. Но, вмѣсто того чтобы воспользоваться свѣтомъ твоей лампы для приобрѣтенія золота, ты прячешь ее на своей груди.

Я понялъ его; онъ никогда больше не повторилъ мнѣ этой фразы, и мы никогда уже не могли быть снова друзьями.

— Берегитесь! — слышалъ я, какъ они говорили другъ другу. — Наша старая собака — Пиччинино — умѣетъ рычать и даже кусаться. Прежде его можно было дразнить, какъ угодно, онъ и не обернется, но теперь...

А между тѣмъ, мнѣ кажется, что я не ревновалъ ея тогда безумно и дико. Я не лишалъ ея ни одного удовольствія, желалъ видѣть ее счастливой, не смотря ни на какія лишенія, нравственныя или физическія. Я любилъ видѣть, какъ она умѣла возвышать свою нѣжную красоту и сіять ею передо всѣми. Но когда мужчина такъ безобразенъ, какъ я, и смотреть на любимое существо, какъ я смотрѣлъ на нее, съ безконечнымъ обожаніемъ, какъ на существо, посланное небомъ и слишкомъ совершенное, чтобы долго оставаться съ нимъ на землѣ, тогда онъ не можетъ безъ горечи переносить взглядовъ или фразъ, обращенныхъ къ такому священному сокровищу, какъ будто оно ничего болѣе, какъ красивая и рѣдкая вещь, которой можетъ восхищаться всякій случайный зритель. Я слышалъ, что есть страны, гдѣ женщины всегда ходятъ подъ густыми покрывалами, скрывая свою красоту отъ всѣхъ мужчинъ, исключая мужа или отца. Я не желаю, чтобы тоже было и во Франціи, не желалъ бы, чтобы прелесть, дарованная Богомъ на радость его твореньямъ, скрывалась отъ всѣхъ взглядовъ и не освѣщала собой окружающихъ предметовъ. Но, конечно, если человѣкъ не долженъ смотрѣть на звѣзды безъ благоговѣйнаго трепета, тѣмъ менѣе долженъ онъ позволять себѣ смотрѣть любопытнымъ взоромъ или обращаться съ фамиллярной рѣчью къ существу, красота котораго предназначена быть отраженіемъ внутренней чистоты и святости. Поэтому я такъ строго слѣдилъ за всѣми, кто приближался къ ней, стараясь защитить ее отъ навязчивыхъ взглядовъ или словъ, даже такихъ, которыхъ

она сама не замѣчала и не понимала. И иногда, не зная, почему я такъ дѣйствовалъ, она выходила изъ терпѣнія и сердилась, даже уходила надувшись, какъ избалованное дитя, которому отказали въ его желаніи. Но зато она такъ часто была въ другомъ настроеніи,—пѣла, смѣялась, была весела. Я думаю, что она была счастлива тогда.

Была середина зимы, когда со мной случилось большое чудо, о которомъ я мечталъ всю свою жизнь, какъ о славѣ, невозможной для меня. Въ то время какъ мы находились въ центральныхъ провинціяхъ, играя въ маленькомъ городкѣ во время рождественскихъ праздниковъ, одинъ парижанинъ, содержавшій тамъ театръ—Folies-Maigny—видѣлъ мою игру въ нашемъ балаганѣ и она такъ ему понравилась, что онъ отыскалъ меня въ концѣ представленія.

— Вы отличный актеръ,—сказалъ онъ.—Неужели никто не открылъ этого раньше, и вы все странствуете по балаганамъ? Слѣдуйте за мной и я дамъ вамъ извѣстность въ Парижѣ.

Я не вѣрилъ ему, а между тѣмъ онъ говорилъ совершенно серьезно и готовъ былъ подтвердить свое слово. Я согласился на его предложеніе, отуманенный удивленіемъ, что такъ неожиданно исполнились мои самыя золотыя мечты; потомъ я отправился къ ней и все ей рассказалъ. Она бросилась мнѣ на шею и нѣсколько разъ поцѣловала меня.

— Теперь я буду очень счастлива!—воскликнула она.—Я увижу свѣтъ, наконецъ!

Потомъ она начала строить тысячу красивыхъ плановъ разныхъ праздниковъ и всякаго блеска, какъ будто я сдѣлался обладателемъ огромнаго богатства. Но мнѣ не приходило въ голову остановить ея восторгъ или учить ее благоразумію. Я самъ слишкомъ торжествовалъ ради нея.

Я былъ такъ гордъ и счастливъ въ эту ночь. Мнѣ было такъ легко. Я досталъ простой маленькій ужинъ, бутылку бургонскаго и пригласилъ своихъ товарищей порадоваться вмѣстѣ съ нами; я купилъ также для нея нѣсколько конфетъ въ блестящей золотой бумагѣ, оранжерейную розу и нитку янтаря, потому что она, какъ ребенокъ, любила эти бездѣлицы; мой новый хозяинъ присоединился къ намъ и мы очень весело провели эту ночь.

Это была ночь подъ крещенье и весь городъ танцевалъ и веселился; но подо всѣми его многочисленными кровлями не было общества радости и веселья того, которое собралось въ моей каморкѣ, подъ крышей, при свѣтѣ единственной лампы. Бургонское было хорошо, а она была такъ прелестна съ зимней розой, сіявшей яркой краской на ея груди, что всѣ завидовали мнѣ; мы

смѣялись долго и весело, сердце мое было радостно и безмятежно, когда мы пили за будущее. Древніе были правы, говоря, что боги поражаютъ насъ слѣпотой, прежде чѣмъ направить наши стопы къ безумному концу.

Итакъ, въ эту самую недѣлю мы отправились въ Парижъ. Тамъ я игралъ въ труппѣ моего новаго хозяина; тамъ я достигъ успѣха—въ скромномъ видѣ.

VI.

Это былъ маленькій театръ, очень незначительный, и публику его составляли преимущественно студенты, художники, швей—все веселые, но бѣдные люди. Но все же это былъ парижскій театръ и парижская публика; это былъ настоящій театръ, построенный изъ дерева, камня и желѣза; одно это уже было важной перемѣной къ лучшему для меня, Пиччинино—странствующаго актера, никогда не игравшаго подъ лучшей крышей, какъ кусокъ полотна, развѣвавшійся по волѣ вѣтра.

Пріѣздъ въ Парижъ былъ очень важенъ для меня и могъ повести къ большому счастью. Уже то, что я утвердился въ столицѣ и что мой голосъ раздавался въ ней среди возгласовъ толпы, имѣло большое значеніе для меня. Конечно, театръ былъ полонъ сверху до низу каждый вечеръ, и потому я не могъ сомнѣваться, что высоко стою во мнѣніи вѣтряной, все критикующей и трудно удовлетворяемой публики. Она шумно рукоплескала мнѣ, и въ продолженіе одного сезона я делѣялъ золотыя мечты. Правда, что касается меня, я не чувствовалъ себя здѣсь такъ хорошо, какъ подъ старой подвижной кровлей, часто дырявой, которую пробивалъ дождь, но которая такъ легко складывалась и переносилась всюду, гдѣ мы могли надѣяться на успѣхъ.

Я всегда былъ странствующимъ актеромъ и совсѣмъ не зналъ большихъ городовъ; улицы казались мнѣ тюрьмой, а море газа душило меня. Но я пріобрѣталъ деньги и пріобрѣталъ также—въ меньшей степени, конечно, но все же вѣрно—славу хорошаго актера. Я былъ тщеславенъ—и, сидя за стаканомъ краснаго вина, все еще довѣрчиво пилъ за будущее.

Она была такъ довольна. У насъ была маленькая свѣтлая комнатка, позолоченная, какъ бонбоньерка, высоко, подъ цинковой крышей многоэтажнаго дома, въ узкомъ переулкѣ возлѣ театра. Квартира была страшно дорога, величиной не болѣе какъ съ орѣхъ, и всегда жарка и душна вслѣдствіе близости крыши. Но

она считала ее раемъ—потому что надъ каминомъ висѣло зеркало, а напротивъ, глубоко внизу, было модное кафе, наполненное цѣлый день посѣтителями; а рядомъ—большой магазинъ кружевъ, шалей и тому подобныхъ вещей, которыми прикащики позволяли ей любоваться, иногда даже трогать дорогія ткани, ради ея прекрасныхъ глазъ.

Она считала все это раемъ, говорю я; но я не разъ съ тоской вспоминалъ наши старыя голыя коморки, въ которыхъ гулялъ вѣтеръ, съ ихъ обнаженными стѣнами, маленькими окошечками, и маленькіе старинные города, гдѣ такъ радостно звучали колокола. Я всегда жилъ на воздухѣ, подъ лучами солнца, подъ дождемъ и вѣтромъ; даже игралъ подъ палаткой, гдѣ малѣйшій вѣтерокъ поднималъ полотно надъ моею головою и колыхалъ огонь нашихъ маленькихъ фонарей. Я вель суровую, свободную жизнь на чистомъ воздухѣ и тѣснота города—даже такого, какъ Парижъ—была мнѣ неприятна, но я никогда не показывалъ ей этого: это было бы эгоистично. Она была такъ довольна!

Когда я возвращался домой въ двѣнадцать часовъ дня по окончаніи театральныхъ репетицій, я всегда находилъ ее у окна, изъ котораго она слѣдила за кипучей жизнью внизу, склонивъ на руки свою маленькую головку. Это кафе всегда было переполнено, рядомъ съ нимъ были казармы и потому оно всегда блестяло мундирами и въ немъ раздавался шумъ оружія, въ то время какъ офицеры ѣли и пили за столиками передъ дверями подъ золоченой рѣзбой и зелеными жалузи. Это было красивое зрѣлище; не удивительно, что она любовалась имъ, и, безъ сомнѣнія, я показался ей грубымъ животнымъ и дуракомъ, когда однажды оттолкнулъ ее отъ ея любимаго мѣста и рѣзко заперъ ставни. Я не могъ выносить нахально-смѣлыхъ взглядовъ, которые бросали на нее офицеры. Она разразилась тихими, жалобными рыданьями и требовала, чтобъ я сказалъ ей, что она сдѣлала. Я цѣловалъ ее, сталъ на колѣни, умолялъ простить меня, порицалъ мою ревнивую страсть и проклиналъ свѣтъ, недостойный ея взгляда. Она разсмѣялась—безъ сомнѣнія, я казался ей дуракомъ—закрѣла мнѣ ротъ руками, чтобы заставить замолчать, убѣжала отъ меня и, все продолжая смѣяться, снова открыла ставни, настаивая на своемъ.

Кирасиры въ кафе, насупротивъ, тоже смѣялись. Бѣднякъ—безобразный, ревнующій свою жену—это было смѣшно, безъ сомнѣнія. Они считали меня ревнивымъ и смѣялись—эти красивые, безпечные, веселые молодые люди, пившіе свое вино за завтракомъ подъ зеленью виноградныхъ листьевъ и золотой рѣзбой; но

они были несправедливы ко мнѣ. Я не ревновалъ тогда; ревность зарождается въ сомнѣніи, а моя вѣра въ жену была такъ глубока, слѣпа, что сомнѣніе не смѣло коснуться ея.

Но жена была для меня такъ дорога, что легкомысленный взглядъ и пустое слово, брошенные ей, поражали меня, какъ острый ножъ. Лицо, выглянувшее на меня впервые изъ-за вѣтвей цвѣтущей сирени, всегда казалось мнѣ священнымъ. Я желалъ бы, чтобъ толпы горожанъ преклоняли передъ ней колѣни, какъ крестьяне, преклонявшіеся передъ изображеніемъ мадонны.

Я никогда не былъ ревнивъ. Мнѣ казалось удивительнымъ, что моя жена могла отдать свою красоту существу такому безобразному и обиженному счастьемъ, какъ я—это было чудо, за которое я ежедневно благодарилъ небо. Но чтобы, разъ отдавшись мнѣ, она могла быть невѣрной, этого подозрѣнія я никогда не имѣлъ и не виновенъ въ томъ передъ ней. Я благодаренъ судьбѣ, вспоминая объ этомъ теперь, благодаренъ, что былъ дуракомъ и безумцемъ! Вѣдь только минуты ослѣпленія и безумія могутъ назваться минутами счастья на землѣ. Мы видимъ ясно, лишь достигнувъ глубины несчастья.

Время летѣло въ Парижѣ, я имѣлъ успѣхъ въ своемъ маленькомъ мірѣ, и она была счастлива, я увѣренъ въ этомъ. Она была очень молода и неопытна и маленькіе ужины въ дешевомъ ресторанѣ, въ одномъ изъ парковъ, простыя украшенія и платья, которыя я былъ въ состояніи покупать ей, одинъ призракъ блеска и разнообразія вокругъ нея развлекали и дѣлали ее счастливой. Къ тому же, она имѣла то, что дорого каждой женщинѣ—ею восхищались вездѣ и всѣ, начиная съ уличныхъ мальчишекъ, громко восхвалявшихъ ее на своемъ жаргонѣ и кончая титулованными воинами, кланявшимися ей изъ дверей кафе и, безъ сомнѣнія, готовыхъ засыпать ее цвѣтами, конфектами, брилліантами и рѣдкими подарками, еслибъ я не стоялъ между нею и ихъ улыбками.

Они смѣялись и часто остряли надо мной, я это зналъ, но притворялся глухимъ; ради нея я не хотѣлъ затѣвать исторіи; и хотя, навѣрно, они презирали меня—бѣднаго, безобразнаго аэтера, обладавшаго такимъ прелестнымъ созданьемъ, — однако, открыто они не раздражали меня. Мое главное горе—и я не могъ помочь ему—было то, что я долженъ былъ часто оставлять ее одну.

Репетиціи и представленія отнимали у меня почти все время. Но я старался украсить ея комнату, насколько это было возможно; музыка и полки шли мимо, фокусники показывали свое искусство, священники проходили съ хоругвями и распятіями по

этой улицѣ; она говорила, что ее забавляло слѣдить за всѣмъ этимъ, что она довольна, и я не подозрѣвалъ ничего. Она говорила, что ей нравилось сидѣть у маленькаго окошечка между цвѣтами красной герани, наблюдая за потокомъ уличной жизни, казавшейся мнѣ такой пустой, пыльной и оглушительной, но которая почти всегда кажется раемъ женщинамъ, рѣдко бывающимъ поэтами и почти никогда художницами.

За это время я лишился многихъ друзей, потому что свято охранялъ ее и не хотѣлъ допустить сношеній между нею и женщинами нашей труппы. Я часто думалъ послѣ, что это было дурно и жестоко съ моей стороны. Какое право имѣлъ я судить другихъ? Благословеніе священниковъ никогда не освящало любовныхъ связей моей бѣдной матери, а между тѣмъ на свѣтѣ никогда не было болѣе кроткой и честной женщины. Развѣ я не видѣлъ среди этихъ бѣдныхъ, веселыхъ и легкомысленныхъ созданій, всегда окружавшихъ меня—самопожертвованіе, нѣжность, великодушіе, даже героизмъ, начиная съ дней моего сиротства, когда голубоглазая Евфразія не задумалась продать свое ожерелье, чтобы накормить мѣня, лишенаго матери, и такъ до самаго конца моей артистической карьеры.

Развѣ я не находилъ всегда твердое терпѣніе въ бѣдности и при дурномъ обращеніи, ясное довольство во всѣхъ превратностяхъ судьбы, веселость, смѣявшуюся сквозь слезы, нѣжную доброту ко всѣмъ товарищамъ въ несчастіѣ—развѣ не находилъ всѣхъ этихъ добродѣтелей и многихъ другихъ въ этихъ дорогихъ друзьяхъ моего дѣтства и зрѣлаго возраста, которыхъ я изгонялъ изъ ея общества, потому что въ жизни ихъ была одна слабость? Да, это было жестоко и неблагодарно съ моей стороны; я узналъ это слишкомъ поздно; а между тѣмъ это случилось, потому что я считалъ свою бѣлую лилію такой чистой и не могъ выносить, чтобъ оскверняющее дыханье волновало воздухъ, которымъ она дышала. Да, если я согрѣшилъ грѣхомъ неблагодарности и фарисейства — то былъ наказанъ за него.

Такъ проходила наша жизнь въ Парижѣ; недѣли превращались въ мѣсяцы и во всѣхъ садахъ города, вокругъ всѣхъ дворцовъ, во всѣхъ паркахъ и рощахъ цвѣла сирень, наполняя воздухъ нѣжнымъ ароматомъ, казавшимся мнѣ благоуханіемъ рая. Быть можетъ, это глупо—потому что я все еще былъ бѣденъ, и расходы моей новой жизни болѣе чѣмъ превышали мои доходы — но я истратилъ немало серебряныхъ монетъ, чтобы наполнять ея маленькую комнатку каждый день свѣжими массаи этихъ бѣлыхъ и лиловыхъ цвѣтовъ, во все время какъ цвѣла сирень. Этотъ цвѣ-

тогь для меня былъ символомъ величайшаго счастья, когда либо извѣданнаго человѣкомъ на землѣ.

Я такъ любилъ эти цвѣты, что сдѣлался почти суевѣрнымъ; когда они увядали, я едва рѣшался выбросить ихъ, а когда ихъ отцвѣтшіе лепестки покрывали милліонами зеленыя дороги въ лѣсахъ и на берегу рѣки, я никогда не рѣшался наступать на нихъ безъ сожалѣнія.

Когда послѣдніе цвѣты сирени отцвѣли въ эту весну, группа, къ которой я принадлежалъ, получила предложеніе, отъ котораго нашъ директоръ счелъ невыгоднымъ отказаться. Его аренда въ Парижѣ окончилась въ первыхъ числахъ мая и онъ повезъ насъ на югъ, въ Спа, гдѣ роскошныя обѣщанія соблазнили его провести сезонъ. Я хорошо зналъ Спа. Въ давно прошедшія времена, мы часто проходили чрезъ него съ моимъ дорогимъ Матюреномъ на пути изъ Лотарингіи или Люксембурга, чтобъ играть на ярмаркахъ въ хорошенькихъ горныхъ деревушкахъ маасскаго департамента и въ селахъ и городахъ обширной фламандской равнины.

Но это было много лѣтъ назадъ, и мы тогда скромно ставили нашъ маленькій деревянный балаганъ въ самомъ отдаленномъ кварталѣ, куда могли приходять къ намъ бѣдняки, потому что у насъ не было ни средствъ, ни надежды привлечь къ себѣ богатую, веселую толпу проживавшихъ здѣсь иностранцевъ. Рѣзчики дерева и дровосѣки обыкновенно собирались у насъ; но мы никогда не сближались съ модной и легкомысленной частью населенія, тратившей въ городѣ свое золото; вѣдь мы были простыми странствующими актерами и играли въ палаткѣ, куда каждый могъ войти за нѣсколько сантимовъ. Но теперь все было иначе. Я обладалъ установившейся, если и не великой славой; я принадлежалъ къ хорошо организованной труппѣ; мое имя окружалъ ореолъ Парижа; я игралъ въ театрѣ, который посѣщала модная публика; и я могъ теперь жить уже не въ несчастной тавернѣ въ душномъ переулкѣ, полу-скотномъ дворѣ и полу-кабакѣ, но въ веселой и свѣтлой квартирѣ, выходившей на алеи Marteau.

Мое сердце радостно забилося, когда я снова очутился между лѣсовъ и полей и услышалъ, какъ журчали свою пѣсню ручейки. Непривычная жизнь великаго города душила меня, но здѣсь, среди горъ, я снова могъ свободно дышать. Я былъ дѣтски счастливъ и готовъ даже громко запѣть, привѣтствуя звонкіе бубенчики фламандской упряжи и перезвонъ церковныхъ колоколовъ. Листья, потоки, холмы, небеса, все—казалось—сіяло и улыбалось. Было тепло и свѣтло, лѣса полны дикихъ цвѣтовъ, поля зеленѣли вы-

сокой травой, нѣжный запахъ сосенъ проникалъ въ долину съ каждымъ дуновеніемъ вѣтерка. Я былъ счастливъ!

Въ самой старинной части города жилъ старикъ съ своей женой, зарабатывая хлѣбъ разрисовываніемъ вѣровъ, катушекъ для шолка, бонбоньерокъ и тому подобныхъ игрушекъ, производившихся въ окрестностяхъ. Они были добры ко мнѣ, когда я приходилъ сюда почти мальчикомъ съ Матюреномъ. Я пошелъ къ нимъ и взялъ жену съ собой. Они едва могли повѣрить: мальчикъ Пиччинино, котораго они знали, сталъ достаточно извѣстнымъ артистомъ, чтобъ играть передъ дворянствомъ въ городскомъ театрѣ, казавшемся имъ самымъ величественнымъ зданіемъ на свѣтѣ. Эти старики долго и съ набожнымъ удивленіемъ смотрѣли на красоту моей жены.

— Ты счастливецъ, Пиччинино,—сказалъ старикъ сердечно, и непремѣнно захотѣлъ подарить ей — хоть я знаю, что это было сверхъ его состоянія—маленькій черный вѣеръ, на которомъ онъ только что нарисовалъ вѣтку бѣлыхъ и лиловыхъ фіалокъ.

Старуха пристально посмотрѣла на нее сквозь очки и не сказала ничего.

— На что ей этотъ вѣеръ?—онъ не украшенъ драгоценными камнями и золотомъ, — пробормотала она, продолжая прясть въ дверяхъ на солнцѣ.

Я часто потомъ удивлялся, какъ женщины умѣютъ однимъ взглядомъ читать въ глазахъ другихъ женщинъ, и читать такъ вѣрно.

Это былъ хорошенькій маленькій вѣеръ, стоившій много труда, хотя старикъ могъ продать его не дороже, какъ за два франка. Это была игрушка такая изящная, какъ будто была украшена брилліантами. Старикъ долго изучалъ эти лѣсные цвѣты, прежде чѣмъ изобразить ихъ съ жизненной правдой. Но черезъ нѣсколько дней этотъ маленькій, такъ сердечно предложенный, подарокъ погибъ: она уронила его съ балкона и онъ разбился въ дребезги. Я кротко упрекнулъ ее за безпечность.

— Чтобы подарить тебѣ этотъ вѣеръ,—сказалъ я, — старикъ навѣрное нѣсколько дней будетъ варить свою чечевичную похлебку безъ мяса.

Она только размѣялась.

— Онъ ничего не стоитъ,—отвѣчала она.

Я поднялъ бѣдную, маленькую сломанную игрушку и спряталъ ее. Она поступила такъ лишь вслѣдствіе безпечности своей молодости, утѣшалъ я себя. Но въ первый разъ въ этотъ день я услышалъ фальшивую ноту въ звонѣ колоколовъ и журчащихъ ручей-

ковъ, увидѣлъ тѣнь на яркомъ солнечномъ сіяніи, почувствовалъ горечь въ нѣжномъ благоуханіи одѣтыхъ лѣсами холмовъ.

Оцѣнить ли она мою любовь больше, чѣмъ маленькій сломанный вѣрвь?

VII.

Мы должны были пробывать въ этомъ городѣ въ продолженіе всего сезона. Онъ едва начался, когда мы пріѣхали. Публики съѣхалось еще очень мало, и у меня было много свободного времени, которымъ я воспользовался, чтобы проводить съ женой время въ тѣнистыхъ аллеяхъ, на холмахъ и подъ густой листвою лѣсныхъ дорогъ, гдѣ мы часто завтракали подъ деревьями Жеронстеры.

Два или три артиста изъ нашей труппы обыкновенно сопровождали насъ; одинъ изъ нихъ хорошо пѣлъ, какъ уроженецъ юга. Мы познакомились также съ двумя молодыми живописцами, двумя братьями, бѣдными, но полными таланта, веселости и надежды; они также часто бывали съ нами. Мы составляли веселое, счастливое общество и часто будили эхо въ скалахъ своимъ хоровымъ пѣніемъ, заставляя пасшихся въ лѣсу бѣлыхъ быковъ съ кроткими глазами выходить изъ чащи и съ удивленіемъ прислушиваться къ нашему смѣху.

Это были счастливыя времена, полныя невинной веселости и вѣры въ будущее, среди лучшаго изъ временъ года, когда распускался первый шиповникъ, когда утренняя роса серебрила каждую травку и милліонами брызгъ разсыпалась съ каждаго стебля бѣлой буквицы, съ каждой вѣтки боярышника. Была еще ранняя весна, въ городѣ мало пріѣзжихъ, и всѣ зеленыя аллеи и рощи казались намъ нашей собственностью, а свѣжій горный воздухъ, здоровый и укрѣпляющій, свободно проносился черезъ городъ, еще не отравленный духами, пудрой, букетами и виннымъ запахомъ моднаго общества.

Но скоро все это измѣнилось: аллеи оживились экипажами и кавалькадами. Окрестныя владѣльцы, праздношатающіеся наполнили маленькій городокъ среди долины, и онъ оживился движеніемъ и яркими красками, смѣнявшимися безпрестанно съ утра до вечера. Конечно, это меня радовало ради нашего театра: онъ былъ полонъ каждый вечеръ; наши веселыя, маленькія комическія пьески восхищали пустую и ничего не дѣлавшую публику. Меня принимали хорошо, я сдѣлался популяренъ и могъ поспорить съ военнымъ клубомъ въ притягательной силѣ. Конечно, я радовался этому.

Мой импресарио былъ очень доволенъ мной и предложилъ прибавку жалованья съ половины лѣта. Я сдѣлался даже настолько извѣстнымъ, что меня замѣчали, когда я проходилъ по улицамъ или останавливался возлѣ музыки въ прелестной Promenade des Sept-Heures.

— Вотъ онъ!—говорили въ публикѣ,—видите этого страннаго, неловкаго, безобразнаго человѣка? Это Пиччинино, французскій актеръ. Вы видѣли его въ «Le Chevreuil»? Мнѣ онъ нравится больше Равеля.

— Да, онъ хорошій актеръ,—отвѣчали другіе:—безъ сомнѣнія, но какое безобразное животное! И это прелестное созданье—его жена.

И они смѣялись. Я, конечно, не обращалъ вниманія на намеки насчетъ моей наружности; я давно привыкъ къ этому и такъ хорошо зналъ, все безобразе, что оно не могло оскорбить меня. Меня оскорбляла манера, съ которой они говорили о женѣ, какъ будто оттого, что она была хороша собой, я не могъ имѣть право на нее. И, дѣйствительно, мнѣ самому иногда казалось это.

Когда я проходилъ по наполненнымъ публикой аллеямъ, между этими beaux messieurs dorés, мнѣ казалось, что такая несчастная, мрачная птица, какъ я, не имѣла права соединиться съ такой прекрасной, молодой, золотистой птичкой. Я зналъ, что они думали такъ, и часто размышлялъ, что могла думать объ этомъ она?

Итакъ, хоть я имѣлъ успѣхъ и радужныя надежды въ будущемъ, благодаря моей популярности, но не былъ спокоенъ, съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ окружилъ насъ и мы не могли больше смѣяться, пѣть и пить наше дешевое вино въ зеленыхъ лѣсахъ, не встрѣчая толпы блестящей, изящной публики, которая холодно смотрѣла на насъ, а потомъ отворачивалась и смѣялась.

Между этой публикой—мы часто встрѣчали молодаго дворянина изъ южныхъ провинцій, маркиза де-Каролье, артиллерійскаго богатаго офицера. Онъ былъ прекрасенъ, какъ женщина. Я еще теперь вижу его лицо тамъ, гдѣ цвѣтетъ сирень.

Этотъ молодой маркизь пріѣхалъ въ Арденны среди лѣта. Мы видали его очень часто. Я держался, насколько могъ, вдали отъ веселаго свѣта: у меня ничего не было съ нимъ общаго и не хватало средствъ блистать въ немъ. Къ тому же, я каждый вечеръ игралъ въ театрѣ; и такъ какъ я не зналъ ни одной женщины, съ которой могъ бы оставлять свою жену, то бралъ ее съ собой, и пока былъ на сценѣ, она оставалась въ моей уборной.

Это было очень скучно для нея; ей хотѣлось быть въ кур-

залѣ и на балахъ, я зналъ это, но ни одна изъ порядочныхъ женщинъ тамъ не захотѣла бы сойтись съ ней, дѣвушкой, вышедшей изъ народа, женой комическаго актера; а съ женщинами легкаго поведенія я никогда не позволилъ бы ей даже обмѣняться словомъ. Такимъ образомъ, мы почти совсѣмъ не бывали въ собраніяхъ свѣтскаго общества, но видѣли его, а оно видѣло насъ на гуляньяхъ и возлѣ оркестровъ въ паркахъ; вслѣдствіе этого, мы по двѣнадцати разъ въ день случайно встрѣчались съ Каролье или, быть можетъ, онъ намѣренно искалъ насъ.

Онъ жилъ въ отелѣ d'Orange и ему совсѣмъ незначѣмъ было ходить взадъ и впередъ по нашей аллеѣ; но онъ дѣлалъ это постоянно, появляясь то пѣшкомъ, то верхомъ. Я сначала обратилъ на него вниманіе вслѣдствіе его замѣчательной красоты; люди безобразные, какъ я, всегда замѣчаютъ всякое физическое совершенство. Онъ участвовалъ также въ скачкахъ съ препятствіями и выигрывалъ; онъ беззавѣтно предавался игрѣ и тоже выигрывалъ, потому что могъ много проиграть; его искали и обожали многія изъ элегантныхъ женщинъ, утомленныхъ жизнью въ Спа; онъ былъ очень богатъ и очень привлекателенъ; свѣтъ постоянно говорилъ объ немъ.

Я долженъ былъ сказать раньше, что она въ первый разъ разсердилась на меня—или, по крайней мѣрѣ, выказала гнѣвъ—по поводу игорныхъ столовъ. Она умоляла меня, почти страстно, испытать мое счастье въ рулеткѣ во время бала. А я постоянно ей въ этомъ отказывалъ.

Я былъ не лучше другихъ и не осуждалъ того, что они дѣлали; но игра не имѣла предести для меня и мнѣ казалось, что для того, кто имѣлъ такъ мало, какъ я, было безуміемъ подвергаться разоренію, ставя все свое имущество въ зависимость отъ маленькаго костянаго шарика. Твердость моя очень огорчала ее. Ей казалось жестокостью, что я не хотѣлъ попробовать однимъ счастливымъ ударомъ пріобрѣсти столько денегъ, сколько мнѣ пришлось бы зарабатывать цѣлыми годами. Ей нужны были платья, шали, кружева, брилліанты, какъ у знатныхъ дамъ, которыхъ она видѣла; ей хотѣлось ѣздить по аллеямъ парка на красивыхъ лошадяхъ въ позолоченной упряжи со звенящими бубенчиками, какъ у аристократокъ, проѣзжавшихъ мимо насъ; ей хотѣлось ѣздить на балъ въ платьяхъ съ бархатными или атласными шлейфами; однимъ словомъ, хотѣлось быть совершенно не тѣмъ, чѣмъ она была. Эта болѣзнь, безъ сомнѣнія, очень обыкновенна, но она всегда опасна.

Она была нѣжное, эфирное, маленькое существо, полное естественной граціи, хотя была лишь маленькой крестьянкой съ бе

реговъ Луары и плела кружева въ каморкѣхъ подъ крышей; она легко привыкла бы къ богатству и роскоши и, безъ сомнѣнія, казалась бы рожденной среди нихъ. Но могъ ли я дать ихъ ей? Это было невозможно. Я не могъ пробовать счастья въ рулеткѣ, потому что, еслибъ я проигралъ то небольшое, что имѣлъ, она осталась бы нищей. Это-то обстоятельство и сдѣлалось недоразумѣниемъ и преградой между нами.

Она не хотѣла простить мнѣ этого, а я не могъ измѣнить своего рѣшенія и дѣйствовать противъ разума и совѣсти. Но я думаю, что ея мысль, прежде всего, обратилась къ Карольѣ, потому что она слышала отъ моихъ товарищей, какъ онъ игралъ по ночамъ и постоянно выигрывалъ.

Однажды онъ пришелъ за кулисы въ нашемъ театрѣ. Онъ зналъ нашего директора и былъ принятъ радушно. Онъ наговорилъ мнѣ массу комплиментовъ. У него была такая открытая, свободная манера держать себя, что я не могъ не полюбить его. Не смотря на это, я заперъ передъ нимъ дверь своей уборной. Жена сидѣла тамъ, плетя кружева для себя, но въ то время, какъ ея руки двигались съ обычнымъ искусствомъ, слезы капали на ея работу.

— Мнѣ такъ скучно! — шептала она жалобно.— Ты и не думаешь объ этомъ! Ты на сценѣ, въ блескѣ свѣта; передъ тобой публика, рукоплещущая и вызывающая тебя; но здѣсь! Это ужасно! Я слышу, какъ они смѣются, ерничать, хлопаютъ, въ то время какъ я сижу здѣсь одна!

Я не могъ смотрѣть на нее въ такія минуты. Я бранилъ себя за мою жестокою безпечностью. Въ слѣдующій вечеръ я спросилъ для нея ложу и она провела въ ней часы, во время которыхъ я игралъ. Въ то время, какъ я былъ на сценѣ, я увидѣлъ съ ней Карольѣ. Онъ попросилъ нашего директора провести его къ ней, что и было сдѣлано. Я пришелъ къ нимъ во время антракта. Онъ сказалъ намъ, что былъ утомленъ ежедневными увеселеніями, и попросилъ насъ позволить ему присоединиться къ нашимъ завтракамъ въ паркахъ. Онъ часто слышалъ, какъ мы пѣли,—говорилъ онъ,—и ему страстно хотѣлось оставить своихъ друзей, соединиться съ нами и участвовать въ нашемъ весельѣ. Я охотно согласился. Мнѣ нравился этотъ молодой человѣкъ и его вѣжливыя, изящныя манеры, и честные глаза, сивіе, какъ васильки. Я не предчувствовалъ ничего дурнаго и вполне вѣрилъ въ жену.

На слѣдующій день, онъ отправился съ нами. Но наши завтраки были уже не тѣ. Онъ являлся въ своей коляскѣ и требовалъ, чтобы мы ѣхали съ нимъ, и когда остальные приходили пѣш-

комъ, усталые и запыханные, и соединялись съ нами въ Жеронстерѣ — все выходило иначе. Мои товарищи уже не были такъ оригинально веселы, наши шутливыя пѣсни не звучали такъ радостно, какъ въ то время, когда мы всё вмѣстѣ поднимались по горнымъ дорогамъ, перекликаясь другъ съ другомъ и собирая полевые цвѣты.

Это не была вина маркиза Карольё; онъ былъ привѣтливъ и простъ со всѣми, какъ будто самъ былъ странствующимъ актеромъ, но когда появились лошади, бившія копытами позади насъ, въ своей украшенной серебромъ упряжи; шампанское, которое онъ привозилъ съ собою и которое замѣняло наше жиденькое, дешевое вино; медвѣжьи и тигровыя шкуры, которыя его лакеи разстилали для насъ на зеленыхъ холмахъ, что-то въ нашемъ весельѣ исчезло и улетучилось. Исчезло чувство равенства, а возникло чувство неловкости. Вѣроятно, онъ нашелъ насъ такими же скучными, какимъ, по его словамъ, былъ для него большой свѣтъ.

Впрочемъ, онъ часто бывалъ съ нами, и при всякомъ удобномъ случаѣ покидалъ для насъ свое общество. Онъ охотно привлекъ бы насъ къ блестящимъ ужинамъ, которые давалъ въ своемъ отелѣ и для которыхъ не падалъ ничего. Мои товарищи-артисты посѣщали ихъ, но я не могъ отплатить за подобныя дорогія любезности и привыкъ всегда отказываться отъ того, чего не могъ самъ предложить.

Они, безъ сомнѣнія, думали, что я удалялъ ее отъ нихъ изъ ревности, но во мнѣ не было подобнаго чувства. Я любилъ этого молодого человѣка и не подозрѣвалъ ничего дурнаго. Я поступалъ такъ, потому что всегда былъ отчасти гордъ съ тѣми, кто былъ выше меня по рожденію и богатству, и никогда не любилъ оставаться въ долгу. Мнѣ казалось неумѣстнымъ, если человѣкъ, безобразный и бѣдный, какъ я, только что начинающій завоевывать себѣ извѣстность, будетъ принимать подарки и ужины богатаго аристократа. Я зналъ, какъ смѣялись бы тогда надо мной мои товарищи и говорили бы: «Они принимаютъ Пиччинино, потому что у его жены прелестное личико». Я зналъ, какими насмѣшками они осыпали бы меня; и находилъ, что ея невинность и моя честь стоить того, чтобъ оберегать ихъ. И я ни разу не воспользовался гостеприимствомъ Карольё.

Но это было не потому, что я дурно думалъ о немъ, хотя тоже послужило предлогомъ неудовольствія между женою и мной. Она считала меня грубымъ, жестокимъ и деспотичнымъ за то, что я не хотѣлъ принять для себя и для нея блестящихъ приглашеній молодого маркиза; а я не могъ сказать ей настоящихъ причинъ,

руководившихъ мной; не могъ осквернить ея слуха словами, которыя могли бы произнести низкіе и грязные языки по этому поводу. Такимъ образомъ, мои мотивы, безъ сомнѣнія, должны были показаться ей несостоятельными, и она, вѣроятно, думала, что я противился ея желанію и отказывалъ ей въ удовольствіи изъ каприза и настойчивости. Одно время она горько упрекала меня за это и въ продолженіе нѣсколькихъ дней преслѣдовала со свойственной ей горячностью, съ своимъ капризнымъ, дѣтскимъ гнѣвомъ; она не радовалась никакому предлагаемому мной плану, никакой игрушкѣ, которыя я покупалъ ей, и постоянно повторяла, что мнѣ ненавистно видѣть ее счастливой.

Это были жестокія слова, потому что она знала, что я готовъ былъ отдать жизнь, чтобы доставить ей радость; но она была разочарована, ослѣплена и разсержена, какъ избалованное дитя, которому отказали въ игрушкѣ; блескъ веселой и изящной жизни молодого человѣка ослѣпилъ ее. Однако, черезъ недѣлю или двѣ она перестала упрекать меня, сдѣлалась очень молчалива и казалась странно-кроткой и послушной всѣмъ моимъ желаніямъ. Она уже не стремилась выходить изъ дома такъ часто, какъ прежде. Мнѣ съ трудомъ удалось уговорить ее выходить въ тѣ часы, когда игралъ оркестръ. По цѣлымъ часамъ сидѣла она у окна нашего маленькаго chalet въ улицѣ Marteau, плетя свое кружево передъ столикомъ, на которомъ всегда стоялъ букетъ цвѣтовъ. Она мало говорила, исполняла все, что я требовалъ, часто сидѣла задумавшись, съ улыбкой на губахъ, а когда я заговаривалъ съ ней, она вздрагивала, какъ бы внезапно пробуждаясь отъ сна. Я думалъ, что она больна, и сталъ беспокоиться, но она увѣрила меня, что совершенно здорова; и, дѣйствительно, я никогда не видалъ ея нѣжныхъ глазъ блестяще и никогда розы на ея щекахъ не были свѣжѣе. Я думалъ, что горный воздухъ былъ, вѣроятно, вреденъ ей и дѣлалъ ее апатичной. Конечно, мнѣ часто приходилось оставлять ее одну. Я никакъ не могъ избѣжать этого. Наша труппа была единственною въ Спа и, чтобы угодить требовательной публикѣ, для которой мы играли, намъ приходилось каждый вечеръ мѣнять пьесы. Это очень насъ утомляло, а больше всего меня, потому что пьесы, которыя мы давали теперь, были не тѣ, что въ нашемъ маленькомъ деревянномъ театрѣ, написанныя большею частью мною самимъ. Изученіе новыхъ характеровъ и репетиціи занимали почти цѣлые дни, и съ разгаромъ сезона у меня все меньше оставалось свободнаго времени.

По вечерамъ, она всегда отправлялась со мной въ театръ и сидѣла въ ложѣ; иногда, входя къ ней, я находилъ у нея Ка-

рольѣ, но не часто. Онъ какъ будто избѣгалъ меня. Я предполагалъ, что онъ былъ обиженъ моими постоянными отказами отъ его частыхъ приглашеній въ началѣ лѣта. Разъ, почти въ первые дни своего появленія въ Спа, онъ прислалъ ей великолѣпный букетъ рѣдкихъ цвѣтовъ, и я откровенно сказалъ ему:

— У васъ доброе намѣреніе, я знаю, но не дѣлайте этого въ другой разъ. Помните, что простая любезность между людьми равными вамъ—для людей темныхъ и бѣдныхъ дѣлается долгомъ, который можетъ заставить ихъ потерять свою единственную гордость, право самоуваженія.

Онъ казался тронутымъ, слегка покраснѣлъ и дружески пожалъ мнѣ руку. И съ этого времени онъ ни разу ничего не прислалъ ей. Но мнѣ казалось, что позднѣе онъ былъ въ претензій на меня за эти слова.

Однажды вечеромъ, уже въ концѣ лѣта, я долженъ былъ играть въ совершенно новой пьесѣ, въ которой—предполагали—я буду имѣть значительный успѣхъ. Въ Спа находились въ это время высокопоставленныя особы; за неимѣніемъ чего нибудь лучшаго, они посѣщали наши представленія. Благосклонность, съ какою они принимали меня и говорили обо мнѣ, общала многое и все выше поднимала меня въ глазахъ моего директора. Въ общемъ, жизнь была очень хороша и пріятна для меня въ то время, и компетентныя лица говорили, что съ занятіемъ и практикой я могъ бы сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ актеровъ Франціи. Въ этотъ вечеръ жена заявила мнѣ, что совсемъ здорова—у нея разболѣлась голова отъ жары и она боялась душной атмосферы театра. Она улыбалась, что-то напѣвала про себя и сказала, что сядетъ у окна въ маленькой спальнѣ, которую она особенно любила, и тамъ будетъ ждать моего возвращенія и вѣстей о моемъ торжествѣ.

Я зналъ, что въ театрѣ было очень душно въ это время года, особенно, когда онъ былъ такъ переполненъ, и не пытался уговорить ее сопровождать меня. Я принесъ ей громадный букетъ бѣлыхъ розъ, которыя купилъ въ городѣ. Она поставила ихъ въ большую голубую вазу и сказала, что ихъ аромат и свѣжесть облегчили ее. Она поцѣловала меня, обняла и прошептала, тихо и нѣжно смѣясь: «Au revoir!» и стала торопить меня, чтобъ я не опоздалъ къ спектаклю.

Я оставилъ ее сидящей передъ вазой съ розами. Передъ ней были ея пальцы и катушки, и она занялась плетеніемъ кружевъ. Она посмотрѣла на меня изъ окна и послала рукой послѣдній прощальный привѣтъ. Во мнѣ не было и тѣни подозрѣнія. Я

только сказалъ себѣ: «Вѣрно, она научилась, наконецъ, немного любить меня».

— Это старая исторія,—скажете вы.—Да, очень старая.

Я оставилъ ее и отправился въ театръ. Помню, какъ я шель вдоль по аллеѣ, при блескѣ солнечнаго сянiя. Въ полдень прошелъ дождь. Былъ прелестный вечеръ. Оркестръ игралъ на Place Royale. Всѣ жители были на улицахъ. Изъ маленькихъ садиковъ поднимались ароматы розъ, резеды и гвоздики,—всѣхъ благоухающихъ цвѣтовъ середины лѣта,—еще усиленные вечерней теплотой и влагой. Облака проносились надъ холмами и, казалось, отдыхали на нихъ.

Я видѣлъ, какъ посѣтителы входили и выходили изъ игорныхъ домовъ. Я жалѣлъ ихъ за то, что они мѣняли эту чудную погоду, которой могли наслаждаться, на лихорадочную атмосферу игорной залы! Между ними былъ Каролье. Онъ, видимо избѣгая меня, перешелъ на другую сторону и вошелъ обѣдать къ Баасъ-Когезу. Кто-то возлѣ меня сказалъ:

— Какъ везетъ этому молодому человѣку! Онъ каждый день выигрываетъ. Если такъ будетъ продолжаться еще недѣлю, онъ сорветъ банкъ.

— Оттого что ему ничего не нужно, все ему и дается,—прибавилъ другой.

Я выслушалъ эти слова, но не позавидовалъ ему: я никому не завидую и не помѣнялся бы своею участью съ королемъ, хотя былъ лишь бѣднымъ актеромъ, отправлявшимся на работу въ душный театръ, чтобы забавлять публику. Я не промѣнялъ бы своей судьбы на судьбу императора.

Я былъ такъ счастливъ въ этотъ вечеръ, идя по городу и все удаляясь отъ аромата садовъ и лѣсовъ, звуковъ музыки, журчанья ручьевъ и пѣнiя птицъ, чтобы запереться въ мрачной комнаткѣ, гдѣ я переодѣвался для сцены.

Новая пьеса называлась: «Le pot de vin de Thibautin». Она была очень нелѣпа, но весела. Я никогда съ тѣхъ поръ не игралъ въ ней, но каждая строчка ея какъ бы выжжена въ моей памяти. Я имѣлъ новый и истинный успѣхъ въ роли Тиботена. Меня вызывали пять разъ и публика, наполнявшая театръ, рукоплескала мнѣ безъ умолку. Великій герпогъ, гостившій здѣсь, пришелъ за кулисы, подарилъ мнѣ свою собственную золотую табакерку и удостоилъ высокой похвалы. Я зналъ, что моя будущность упрочена; у меня уже была репутація, которая съ каждымъ годомъ должна была все болѣе утверждаться во Франци. Я вышелъ изъ театра счастливымъ человѣкомъ.

Была теплая, прекрасная, темная беззвѣздная ночь. Тяжелыя облака обложили небо; въ воздухѣ царила тишина. Маленькій городъ былъ лишь настолько освѣщенъ, что темныя холмы за нимъ казались еще темнѣе. Запахъ цвѣтовъ еще сильнѣе наполнялъ воздухъ, чѣмъ во время заката; на цвѣтахъ лежали тяжелыя капли росы. Все было такъ тихо. Жители тѣснились въ балъныхъ или игорныхъ залахъ. Окна покинутыхъ домовъ были широко раскрыты. Мелькали цвѣтные фонарики. Тамъ и сямъ стояли женщины, облокотившись на перила балкона.

Я шелъ внизъ по аллеѣ Marteau. Среди тишины я могъ слышать журчанье ручья, струившагося по камнямъ и шелестъ листьевъ, трепетавшихъ отъ прикосновенія легкаго вѣтра.

Я взглянулъ на окно моей маленькой квартиры. Свѣтъ проникалъ сквозь зеленыя ставни. Виноградъ виселъ надъ ними и казался темнѣе отъ падавшаго на него изнутри свѣта. Я взглянулъ къверху и хоть мало зналъ Бога среди жизни, каку ю вель, призвалъ его имя.

Я отворилъ дверь, поднялся на лѣстницу и вошелъ въ свою комнату. Я искалъ ее глазами на обыкновенномъ мѣстѣ возлѣ лампы, тамъ, гдѣ стояла большая ваза съ бѣлыми розами. Ея тамъ не было.

Мнѣ нечего рассказывать больше: эта исторія такъ стара!

Въ продолженіе многихъ недѣль послѣ этой ночи, я ничего не сознавалъ. Я сходилъ съ ума и не помню ничего. Помню только пустую покинутую комнату, массу бѣлыхъ розъ, лампу, подъ которой стояло маленькое распятіе, и пустой стулъ, возлѣ котораго валялись ея кружева, недоконченныя и спутанныя. Я вижу все это постоянно.

Она ушла, не оставивъ мнѣ ни одного слова, ни одного знака; а между тѣмъ все это было такъ просто. Всѣ предвидѣли это, — какъ говорили мнѣ потомъ — всѣ, исключая меня.

Съ этой ночи ничего не было слышно въ городѣ ни о немъ, ни о ней; квартиранты нашего дома не знали ничего; по крайней мѣрѣ, они такъ говорили. Но на полу подъ зеркаломъ лежало разорванное письмо, которое забыли или уронили. Въ немъ было не много словъ, но ихъ было достаточно, чтобы сказать мнѣ, что, когда она цѣловала меня и улыбалась при закатѣ солнца, отсылая въ театръ играть мою новую роль, она уже знала, что измѣнитъ мнѣ съ наступленіемъ ночи. Говорятъ, что такъ всегда поступаютъ женщины.

Вѣроятно, я дѣйствительно сходилъ съ ума; это очень можетъ быть. Уже поздно осенью я началъ сознавать, что дѣлалъ и говорилъ. Городъ опустѣлъ, лѣса пожелтѣли, музыка замолкла, цвѣты

завяли. Я проснулся въ какомъ-то оступѣннѣ, а между тѣмъ былъ совершенно спокоенъ и сознавалъ, что случилось со мной. Мнѣ казалось, что я прожилъ много лѣтъ послѣ той ужасной ночи. Мои волосы посѣдѣли. Я чувствовалъ себя слабымъ и постарѣвшимъ.

Жизнь кончилась для меня. Я удивлялся, почему не умеръ и не лежалъ спокойно въ могилѣ.

Когда меня выпустили, я вышелъ на покинутыя улицы; онѣ казались такими странными—на нихъ не было почти ни души, и ставни домовъ были заперты. У меня была лишь одна мысль — слѣдовать за ними и найти ихъ. А я потерялъ столько времени; была уже почти зима. Мой директоръ и его труппа, конечно, уже уѣхали. Небольшія деньги, которыя я скопилъ, украли у меня въ то время, какъ я лежалъ безъ сознанія. Мнѣ сказали, что я былъ обязанъ жизнью общественному милосердію. Моей жизнью?.. Я захохоталъ имъ въ лицо.

Меня боялись, все еще считая сумасшедшимъ. Но это была неправда. Я сознавалъ, что дѣлалъ, и у меня была одна опредѣленная цѣль, совершенно ясная для меня, для которой единственно я еще могъ терпѣть жизнь.

Я былъ дуракъ, а она—недостойная женщина, безъ сомнѣнія. Но вѣдь я любилъ ее. Я ни разу не мечталъ вернуть ее. Нѣтъ, не думайте такъ низко обо мнѣ. Моя жизнь была честной и незапятнанной въ глазахъ всѣхъ людей; я не хотѣлъ бы опозорить ее такой недостойной и грязной слабостью. Но у меня была одна цѣль, она возбуждала мои нервы и придавала мнѣ силы.

Въ одно сѣрое утро я покинулъ городъ. У меня не было ни копѣйки. Мой маленькій талантъ былъ убитъ во мнѣ; карьера погибла. Моя зарождавшаяся извѣстность была уже въ прошедшемъ, забытомъ всѣми.

Когда я пріѣхалъ въ эту долину, у меня было честное прошлое, драгоценное настоящее, полное надежды будущее. Когда я покинулъ ее... Ну, да это все равно теперь. Я умеръ тогда. Пули завтра не могутъ причинить мнѣ боли.

Не стоить рассказывать, какъ я существовалъ между тѣмъ временемъ, какъ покинулъ маленькій городокъ, въ горахъ, и нынѣшнимъ днемъ, когда надо мной тяготѣетъ смертный приговоръ. Моя прежняя карьера сдѣлалась для меня отвратительной, невозможной. Искусство, которымъ я владѣлъ когда-то, погибло во мнѣ. Еслибъ я взошелъ на сцену, я не могъ бы сказать ни слова, ни двинуться хоть однимъ членомъ. Прежнее занятіе, прежнее удовольствіе, родное и дорогое мнѣ съ самаго дѣтства, погибло для меня навсегда.

Актеры тысячу разъ играли—и женщины тоже, я это зналъ—

съ разбитыми и обливающимися кровью глазами, и публика рукоплескала имъ. Но у меня всякій талантъ исчезъ; еслибъ я снова вошелъ въ театръ, я бы сошелъ съ ума. Въ ту послѣднюю ночь я былъ такъ счастливъ—и въ полнотѣ счастья благословлялъ Бога! Я жилъ—все равно какъ; былъ несчастливъ, но не былъ нищимъ. Жизнь съ рожденья научила меня довольствоваться очень малымъ и самому добывать то небольшое, безъ чего невозможно существовать.

Всю зиму я искалъ вѣстей о ней—и о немъ. Но страна была велика, прошли мѣсяцы и я не узналъ ничего о его пребываніи, ничего, что бы могло дать мнѣ малѣйшее указаніе на это.

VIII.

Приѣхавъ въ Парижъ, я оставался тамъ, думая, что, съ его богатствомъ и знатностью, онъ непременно рано или поздно приѣдетъ сюда. Я ждалъ всю зиму, но онъ не приѣхалъ. Я отправился на его родину, на югъ, и старался найти его слѣдъ. Я видѣлъ его большой дворецъ, достойный принца, но узналъ, что онъ не жилъ тамъ уже нѣсколько лѣтъ. Онъ почти совсѣмъ покинулъ его для блестящей жизни городовъ.

Мнѣ сказали, что онъ въ Италиі. Я отправился туда, но и тамъ все время опаздывалъ; онъ каждый разъ оказывался выѣхавшимъ за нѣсколько дней до моего приѣзда. Не стоитъ говорить о всѣхъ этихъ странствованіяхъ, изъ которыхъ всѣ были безплодны.

Однажды въ Венеціи я опоздалъ захватить его только на одинъ день; гондольеръ сказалъ мнѣ, что съ нимъ была женщина, прелестная, какъ роза. Это было во время весны. Вездѣ цвѣла сирень. Я дожидъ до того, что увидѣлъ цвѣтуція деревья. Какую же боль могутъ причинить мнѣ пули завтра,—когда меня будутъ разстрѣливать?..

Я жилъ въ бѣдности, въ отчаяніи, но все же не хотѣлъ умереть безъ мести. Наступило лѣто, а съ лѣтомъ война. Когда она была объявлена, я былъ на границѣ. Я поспѣшилъ на родину такъ скоро, какъ только могъ, идя все время пѣшкомъ и зарабатывая по дорогѣ хлѣбъ отъ селенія до селенія, изо дня въ день.

Я лишился всего, сдѣлался слабъ, тупъ и мраченъ, сдѣлался тѣмъ, что называютъ маньякомъ. Мнѣ все казалось, что я вижу ея лицо, смотрящее на меня изъ-за цвѣтовъ сирени. Я никогда ни съ кѣмъ не говорилъ о ней, но постоянно видѣлъ ее. Я вполне лишился прежней веселости и, встрѣчая когонибудь изъ прежнихъ товарищей, избѣгалъ ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ жалѣли меня, хо-

тѣли помочь мнѣ. У нихъ были добрыя намѣренія, безъ сомнѣнія, но я скорѣе желалъ бы, чтобъ они убили меня. Я избѣгалъ всѣхъ и всего, чтѣ могло напомнить мнѣ прошлое; я сдѣлался мраченъ и, можетъ быть, отчасти лишился рассудка.

Но когда я услышалъ о войнѣ, мнѣ показалось, что я проснулся. Мнѣ казалось, что она звала меня, какъ живое существо. Я не былъ уже годенъ ни на что, но все еще могъ наносить удары. Къ тому же, я зналъ, что онъ былъ офицеромъ. Я навѣрно могъ рассчитывать на встрѣчу съ нимъ во время какого нибудь сраженія. И потомъ я истинно любилъ Францію, и среди несчастій моей жизни все еще любилъ ее за то, чтѣ она дала мнѣ. Я любилъ ее за ея залитыя солнцемъ дороги, за ея веселый смѣхъ, за ея обвитыя виноградомъ хижины, за ея довольную бѣдность, за ея кроткую веселость, за ея свѣтлые дни, звѣздныя ночи, за веселыя группы людей у сельскихъ колодезь, за ея смуглыхъ, смиренныхъ крестьянъ, за ея широкія равнины, ласкаемыя вѣтромъ и освѣщаемыя солнцемъ. Она дарила мнѣ чудные часы, дала счастье въ молодости. Я не былъ неблагодаренъ.

Во время сентябрьскихъ жаровъ я достигъ своей родины. Это было на другой день битвы при Седанѣ. Въ продолженіе всего пути я слышалъ печальный, мрачный шопотъ о нашихъ ужасныхъ несчастьяхъ. Не всегда рассказывали правду, но рассказы эти достаточно приближались къ истинѣ, чтобы быть ужасными.

Жажда крови, овладѣвшая мной съ той ночи, когда я нашелъ ея мѣсто пустымъ, кигѣла во мнѣ; я ничего не видалъ, кромѣ крови—въ воздухъ, въ солнцѣ, въ водѣ. Я всегда былъ довольно спокойнаго характера, всегда ненавидѣлъ ссоры. Я жилъ спокойно, дружно со всѣми меня окружавшими. Надо мной даже острили, говоря, что если меня кто нибудь ограбить, я буду думать лишь о томъ, какъ бы спасти грабителя отъ рукъ правосудія.

Теперь я сдѣлался похожимъ на хищнаго звѣря. Мнѣ нужно было *убивать*, чтобъ утолить болѣзненно-жгучую жажду, томившую меня. Вы не понимаете этого? Молите Бога, если онъ есть у васъ, чтобы вамъ никогда не пришлось понять. Одинъ день можетъ измѣнить насъ такъ, что родная мать не узнаетъ своихъ сыновей. Я ненавидѣлъ себя, а между тѣмъ не могъ перемѣниться. Если насъ сдѣлають отвѣтственными за это на томъ свѣтѣ, это будетъ несправедливо. Мы не можемъ избѣжать судьбы.

Когда я достигъ центра Франціи, всюду формировались новые корпуса и отряды вольныхъ стрѣлковъ. Я записался въ одинъ изъ такихъ отрядовъ. Я былъ силенъ и хорошаго роста; не смотря на мой физическій недостатокъ—безобразіе,—меня

приняли съ радостью. У меня была лишь одна мысль: драться за отечество и рано или поздно найти его.

Я сражался нѣсколько разъ; говорятъ: храбро. Я бросался на враговъ, какъ тигръ—а о личномъ страданіи и опасности никогда не думалъ. Мы жили въ дѣсахъ. Днемъ прятались, ночью объѣзжали окрестности. Мы совершали бѣшеные набѣги, останавливали поѣзда, перерѣзывали телеграфныя проволоки, перехватывали курьеровъ, часто разбивали кавалерію непріятеля. Мы знали, что, если будемъ схвачены, насъ повѣсятъ, какъ простыхъ разбойниковъ, за нашъ патріотизмъ, но эта мысль не могла остановить никого изъ насъ; мы только нападали на врага еще съ болѣшимъ остервененіемъ.

Иногда въ дѣсахъ или на горныхъ дорогахъ мы находили когонибудь изъ своихъ товарищей повѣшеннымъ на деревѣ, хотя онъ попался въ руки непріятеля въ честной борьбѣ за отечество; подобное зрѣлище еще больше ожесточало насъ. Мы проливали кровь, какъ воду, и спасли бы Францію,—я въ этомъ увѣренъ,—еслибы ктонибудь сумѣлъ вести и соединить насъ. Но никто не брался за это и всѣ труды пропали напрасно.

Партизаны могутъ сдѣлать очень много, но, чтобъ одерживать настоящія побѣды, среди нихъ долженъ быть геній, а у насъ его не было. Впослѣдствіи стало извѣстнымъ, что я сражался за десятерыхъ. Меня произвели въ офицеры и перевели въ дѣйствующую армію. Для меня это было безразлично. Мѣсто, имя, репутація—что мнѣ было до этого? Я умеръ съ моей прошлой жизнью. Меня перевели изъ отряда охотниковъ въ батальонъ Бурбаки. Мнѣ пришлось нести еще болѣе тяжелую службу и республика была довольна мною. Возлѣ меня часто сражались и часто падали мои прежніе товарищи. Актеры и артисты честно исполнили свой долгъ относительно Франціи; осмѣянное царство комедіантовъ выслало сотни своихъ самыхъ блестящихъ представителей въ видѣ отвѣта на призывъ смерти.

Во все это время я ни разу не видалъ его, хоть постоянно искалъ одного его, среди бури перестрѣлки и въ горахъ тѣлъ послѣ сраженія.

— Вы, вѣрно, ищете брата?—спрашивали меня часто солдаты видя, какъ я неутомимо, одну за другой приподнималъ головы убитыхъ на полѣ сраженія. А я каждый разъ отвѣчалъ имъ: «Я ищу того, кто былъ мнѣ ближе брата.» Но я нигдѣ не встрѣчалъ его.

Однажды происходило жестокое сраженіе. Это было въ дни нашей послѣдней борьбы. Мы пытались прорваться сквозь желѣзную

стѣну, выросшую вокругъ Парижа. Это не удалось намъ, но мы работали неутомимо. По крайней мѣрѣ, я могу сказать это про всѣхъ, сражавшихся возлѣ меня, и намъ даже показалось, что мы одержимъ верхъ.

Въ ту минуту какъ я спѣшилъ впередъ съ своими товарищами, въ облакѣ густаго дыма, съ нами поравнялся отрядъ кавалеріи, несшійся въ карьеръ. Многія изъ лошадей были ранены или лишены сѣдоковъ. Но, не смотря на свои потери, они пришли къ намъ на помощь; это былъ кавалерійскій отрядъ южныхъ дворянъ-добровольцевъ, кирасиры Кореза. Рядомъ со мной сѣрая лошадь, прострѣленная насквозь, захрипѣла и упала; ея всадникъ упалъ на минуту вмѣстѣ съ ней, но тотчасъ же освободился и всталъ.

Это былъ онъ—наконецъ! Онъ узналъ меня, а я его, даже въ эту страшную минуту.

Я бросился на него, какъ звѣрь; моя сабля уже сверкнула близъ его груди; дымъ окружалъ насъ со всѣхъ сторонъ; никто насъ не видѣлъ; онъ былъ безоруженъ и въ моей власти.

Мои солдаты кричали: «En avant!»! Они думали, что мы побѣдили. Я услышалъ этотъ крикъ—и вспомнилъ все: онъ тоже сражался за Францію. Я не смѣлъ убить его.

— Послѣ, послѣ!—прошепталъ я ему. Онъ понялъ, что я хотѣлъ сказать.

Онъ поймалъ лошадь, скакавшую мимо него безъ всадника, схватилъ свою упавшую саблю и ускакалъ съ своимъ отрядомъ, а я снова вернулся къ своему полку. Среди свиста пуль и криковъ нашей мнимой побѣды, я бросился въ самые густые ряды непріателя, пока не упалъ безъ чувствъ.

Когда докторъ нашелъ меня на другой день на зарѣ, на мнѣ не было ни одной раны. Что касается побѣды, она жила лишь въ мечтахъ побѣжденныхъ, какъ всѣ побѣды Франціи во время этого жестокаго года.

Я очнулся, повторяя все одно слово: «послѣ! послѣ!» Это время наступило скоро. Я больше не видалъ его тогда. Кирасиры Кореза прошли на востокъ. Мое начальство послало меня въ столицу. Было начало новаго года. Вскорѣ наступилъ тотъ смертельный часъ, когда въ награду за все, что мы сдѣлали и испытали, намъ поднесли позоръ капитуляціи. Я былъ одинъ изъ тѣхъ, которые считали это преступленіемъ, измѣной. Я не претендую на знаніе, на политическія способности, но знаю, что, еслибъ я стоялъ во главѣ правленія, я бы скорѣе сжегъ Парижъ, какъ русскіе сожгли Москву, чѣмъ подписать его сдачу.

Многіе думали, какъ и я, но насъ не спрашивали и не замѣ-

чали. Мы должны были молчать и спокойно смотрѣть, какъ нѣмцы вошли въ Парижъ. Тогда наступила другая война, междоусобная. Я все еще былъ въ столицѣ. Мнѣ казалось, что народъ былъ правъ. Я не могу доказать этого, но думаю такъ до сихъ поръ. Они, быть можетъ, дурно взяли за дѣло, но они не требовали ничего безумнаго и были правы—въ началѣ, по крайней мѣрѣ. Когда битвы и рѣзня кончились, страшное чувство овладѣло мной. Я ощущалъ то, что чувствуетъ человѣкъ, долго слушавшій шумъ водопада и вдругъ очутившійся тамъ, гдѣ все вполне тихо. Эта тишина притупляетъ чувства. То же самое случилось и со мной. Я началъ думать, что все было лишь сномъ, кошмаромъ; я помнилъ только съ поразительной ясностью его взглядъ, когда я взмахнулъ саблей надъ его грудью, и каждый разъ, пробуждаясь отъ сна, я шепталъ: «послѣ, послѣ!»

Въ то время я часто ходилъ смотрѣть на тотъ домъ, въ которомъ я жилъ съ ней въ Парижѣ. Гранаты обнажили маленькую розовую комнатку подъ крышей; ея передняя и задняя стѣны были разрушены; я могъ заглянуть внутрь и увидѣлъ обломокъ зеркала, висѣвшій на сохранившейся стѣнѣ. Другая граната разрушила маленькій театръ, въ которомъ я въ первый и послѣдній разъ игралъ въ Парижѣ; теперь онъ представлялъ лишь дымившіяся развалины. А все это было такъ недавно!

Въ такія минуты я спрашивалъ себя, зачѣмъ пощадилъ его?! Я былъ мраченъ, молчаливъ и жилъ вполне одинокимъ; всѣ, кого я зналъ, были убиты или погибли отъ голода. Я не искалъ новыхъ друзей и жилъ одинъ. Однако наступилъ день, когда я долженъ былъ рѣшить, на чью сторону я стану.

Я сталъ на сторону народа, соединилъ съ нимъ свою судьбу и остался въ Парижѣ. Быть можетъ, народъ былъ правъ, быть можетъ, и нѣтъ—не знаю; я зналъ только, что самъ вышелъ изъ народа; что между нимъ были мои братья, мои родные, и я соединился съ ними... Говорятъ, что народъ былъ не правъ, потому что потерпѣлъ неудачу; это всегда такъ бываетъ; но, мнѣ кажется, я ошибся лишь въ томъ, что взялся за дѣло, для котораго свѣтъ еще не созрѣлъ. Дѣйствовать не во-время всегда опасно.

Но я соединился съ ними не потому, что считалъ ихъ вполне правыми. Я не былъ политикомъ и не спрашивалъ, чего они хотѣли. Я соединилъ свою судьбу съ ихъ судьбой потому, что самъ вышелъ изъ ихъ среды, и потому, что мнѣ казалось трусостью оставить ихъ. Весь этотъ ужасный годъ проходилъ медленно. Я былъ запертъ въ городѣ; было тяжело, чѣмъ во время первой осады. Я участвовалъ во многихъ вылазкахъ, не сомнѣваясь, что онъ

въ Версалѣ и каждый день, вставая, говорилъ себѣ: «теперь не для чего будетъ падить его».

На бастіонахъ, гдѣ развѣвался красный флагъ, въ густомъ пороховомъ дымѣ, я глубоко задумывался, глядя на лѣса Версаля.

— Еслибы мы только встрѣтились хоть одинъ разъ!

Я былъ свободенъ теперъ: его братья сражались противъ монаховъ. Эта мысль укрѣпляла мою увѣренность въ дѣлѣ коммуны. Вѣроятно, многіе переживали то же, что и я.

Помню, что въ это страшное время одна женщина приложила горящій фитиль къ пушкѣ, канонеръ которой только что палъ. Она мѣтила вѣрно; ея выстрѣлъ попалъ прямо въ небольшой отрядъ кавалеристовъ, скакавшихъ по дорогѣ къ Нёльи, и свалилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

— У тебя хорошее зрѣніе,—сказалъ я ей.

— Этой зимой,—отвѣчала она медленно,—всѣ мои дѣти умерли отъ недостатка пищи, — одно за другимъ, начиная съ перваго. Съ тѣхъ поръ мнѣ постоянно хочется заставлять страдать когонибудь. Вы понимаете?

Я понимаю ее! Именно эти чувства и производятъ революціи. Это былъ страшный годъ. По улицамъ текли вино и кровь. Народъ опьянѣлъ и обезумѣлъ въ этомъ опьяненіи. Дворцы были разграблены, церкви осквернены. Я сражался внѣ городскихъ воротъ, когда было возможно; когда нѣтъ, я запирался на своемъ чердакѣ, чтобы никого и ничего не видѣть. Мое сердце, почти переставшее чувствовать, болѣло за Францію.

Однажды, идя съ укрѣпленій по боковымъ улицамъ къ моему жилищу, я проходилъ черезъ улицу, почти совершенно разрушенную гранатами и огнемъ. Зданія представляли лишь развалины; вмѣсто домовъ возвышались кучи мусору и извести. Балки, кирпичи, желѣзныя перекладины, камни и щебень были навалены кучами вмѣстѣ съ разбитыми зеркалами, обломками позолоченной рѣзьбы, изодранными картинами, и, быть можетъ, подъ этими развалинами лежали трупы обитателей этихъ домовъ,—никто не зналъ этого. Все было разорено, мрачно, невыразимо-печально.

Но среди всего этого разоренія оставался одинъ прелестный, живой предметъ, не тронутый и не обезображенный. Въ маленькомъ, когда-то зеленомъ и любимомъ садикѣ стояло молодое деревцо сирени въ полномъ цвѣту, благоухающее, прямое, покрытое нѣжной росой и роскошными цвѣтами, одно среди всеобщаго разрушенія.

Въ первый разъ послѣ того, какъ она меня бросила, я упалъ

на колѣни, закрылъ лицо руками и плакалъ, какъ плачутъ женщины. Вскорѣ послѣ этого наступилъ конецъ.

Парижъ горѣлъ съ разныхъ сторонъ. Народъ убивалъ заложниковъ, совершалъ дикія преступленія. Я находился въ самомъ центрѣ пороховаго дыма, насилія, пламени, кровопролитія, озлобленія и звѣрской жестокости; я былъ слишкомъ близокъ ко всему этому, чтобы правильно судить. Войска свирѣпствовали не меньше коммунаровъ, но, повторяю: въ началѣ народъ былъ правъ.

Съ того дня, какъ перестрѣляли старыхъ священниковъ; я не хотѣлъ больше сражаться за коммуну. Но я зналъ, что коммуна должна пасть, и потому не хотѣлъ покинуть ее. Я думаю, что многіе чувствовали, какъ и я—ненавидѣли злодѣйства народа, но не хотѣли отречься отъ него на краю гибели. Я не хотѣлъ сражаться за нихъ, но не сталъ бы сражаться и противъ нихъ. Я выходилъ на улицы и смотрѣлъ на происходившее вокругъ. Небо было черно, а все кругомъ освѣщалось пламенемъ пожаровъ.

Солдаты Версаля занимали всѣ улицы; я смотрѣлъ, не сознавая, сколько часовъ и дней пронеслось надо мной. Все казалось мнѣ—одной безконечной ночью, освѣщенной безконечнымъ пламенемъ. Маленькія дѣти пробѣгали мимо меня съ зажженными головешками въ рукахъ, которыя они со смѣхомъ бросали въ дома и погреба. Женщины, почернѣвшія отъ пороха, съ распущенными волосами и обнаженной грудью, проносились мимо меня, какъ фурии съ громкими проклятіями, пока, сраженные пулями, не падали замертво на мостовую. Изъ оконъ, съ крышъ, съ деревьевъ народъ стрѣлялъ въ солдатъ; солдаты въ свою очередь осыпали градомъ пуль деревья, штурмовали дома и выбрасывали изъ оконъ мертвыя тѣла. По улицамъ текла кровь, поднимавшаяся все выше, мертвыя тѣла лежали во всѣхъ направленіяхъ: одни на папертяхъ церквей, другія на ступеняхъ высокихъ алтарей.

Во время всего этого ужаса я вспомнилъ о сиреневомъ деревѣ и пошелъ взглянуть на него. Улица, которая вела къ нему, горѣла. Въ маленькомъ садикѣ происходила жестокая свалка; мертвые лежали десятками въ лужахъ крови. Но маленькое деревцо сирени стояло прямо; его зеленныя вѣтки и нѣжные цвѣты трепетали отъ вѣтра. Нѣсколько маленькихъ птичекъ пріютили своихъ птенцовъ въ вѣткахъ сирени. Они безпокоились, щебетали и трепетали крыльшками между вѣтвями. Было такъ темно; имъ казалось, что наступила ночь, но на церковныхъ часахъ пробило только полдень. Я сѣлъ на грудѣ бревенъ, смявшихъ траву у корней дерева; тихо сидѣлъ тамъ и ждалъ. Я не могъ сражаться за нихъ и не хотѣлъ сражаться противъ нихъ.

Вниз по разоренной, дымившейся улицѣ быстро шель офицеръ съ обнаженной саблей, оглядываясь во всѣ стороны, какъ чело-вѣкъ, заблудившійся или потерявшій товарищей. Его мундиръ былъ измятъ, изорванъ, покрытъ пылью и кровью, но это былъ мундиръ высшаго офицера. Когда онъ приблизился ко мнѣ, яркое пламя освѣтило его прекрасное лицо: я узналъ его сразу.

Богъ предалъ его въ мои руки,—думалъ я. Мы всегда взваливаемъ наши преступленія на Бога. Я вскочилъ и загородилъ ему дорогу.

— Наконецъ!—воскликнулъ я.

Онъ, смущенный, остановился и смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. Безъ сомнѣнія, я очень измѣнился и онъ не узналъ меня въ этомъ страшномъ полумракѣ, освѣщенномъ лишь пламенемъ пожара. Я не далъ ему опомниться и бросился на него съ обнаженной саблей.

— Защищайтесь!—крикнулъ я ему.—Мы должны были бороться до смерти—такъ я поклялся себѣ—но наша борьба должна быть честной борьбой.

Когда я заговорилъ, онъ узналъ меня. Онъ былъ храбрый и честный чело-вѣкъ и не сталъ кричать, чтобы созвать своихъ товарищей. Онъ принялъ мой вызовъ, какъ я ему бросилъ, его и тотчасъ же сталъ въ позицію.

— Я готовъ,—сказалъ онъ просто.

Мы были одни. Огонь окружалъ насъ со всѣхъ сторонъ. Одни мертвые были нашими зрителями. Маленькое деревцо сирени качалось отъ вѣтра.

Наши сабли скрестились нѣсколько разъ быстро, какъ молнія, потомъ онъ вдругъ наклонился впередъ и упалъ на мою саблю; его тѣло тихо склонилося къ землѣ, какъ сорванная вѣтка.

Желѣзо проникло прямо въ его грудь. Я былъ отомщенъ. Мы боролись честно другъ противъ друга. Онъ взглянулъ на меня, падая полумертвый на камни. Странная, блѣдная улыбка мелькала на его губахъ.

— Вы были отомщены уже раньше,—произнесъ онъ съ трудомъ.—Развѣ вы не знали? Она предала меня прошлой осенью пруссакамъ; у нея былъ любовникъ, между нами, болѣе знатный, чѣмъ я.

Потокъ крови заставилъ его умолкнуть. Онъ лежалъ молча, опираясь на одну руку. Пламя освѣщало его лицо; дымъ проносился надъ нами, маленькое деревцо сирени покачивалось отъ вѣтра, птички щебетали что-то своимъ птенцамъ.

Потомъ вдругъ улица наполнилась людьми. Это были его сол-

даты. Они бросились на меня, чтобъ отомстить за его смерть. Съ послѣднимъ усиленіемъ жизни онъ приподнялся и крикнулъ имъ, чтобъ они отошли.

— Не трогайте его,—крикнулъ онъ громко:—Я оскорбилъ его и палъ въ честной борьбѣ.

При этихъ словахъ, дрожь пробѣжала по его тѣлу и онъ скончался. Его голова упала на камни; волосы пропитались кровью, уже раньше пролитой, смертельная блѣдность покрыла его лицо, а между тѣмъ оно было прекрасно даже и тогда.

Цвѣты сирени, сбитые вѣтромъ и жаромъ огня, мягко падали на него одинъ за другимъ, какъ слезы. Я не двинулся и стоялъ, смотря на него. Моя ненависть умерла вмѣстѣ съ его молодой жизнью; я только сожалѣлъ объ немъ. Мы оба погибли за такое низкое созданье.

Его товарищи и солдаты не обратили вниманія на его слова; меня арестовали, какъ убійцу. Я не пытался сопротивляться, сломалъ свою саблю и бросилъ ее рядомъ съ его тѣломъ.

Меня привели въ тюрьму; надо мной, какъ говорятъ, было произведено цѣлое слѣдствіе и завтра меня убьютъ. Въ чемъ меня обвиняютъ? Въ томъ, что я, солдатъ коммуны, убилъ солдата правительства. Этого больше, чѣмъ довольно въ наши дни. Я радъ, что всему наступаетъ конецъ. Я просилъ только объ одномъ—чтобы солдаты, которые будутъ стрѣлять въ меня завтра, были не тѣ, съ которыми я такъ долго сражался за Францію.

«А когда они бросятъ мое тѣло въ яму—прикажите имъ зарыть со мной эту вѣтку сирени»...

Она ничего не стѣбитъ—она давно завяла.

ВЪ ЛУННУЮ НОЧЬ.

~~~~~

Лунная тихая ночь, —
Воздухъ, исполненный лѣни.
На серебристомъ снѣгу,
Темныя, рѣзкія тѣни.
Сердце бы грѣзить не прочь,
Только печальна душа, —
Только мечтать не могу,
Холодомъ въ холодъ дыша!

Въ сердцѣ весна отцвѣла:
Тамъ, какъ въ пустынѣ, безгласно;
Прошлое счастье—луной
Свѣтитъ мертвѣ и неясно.
Въ блестеяхъ морозная мгла,
Въ звѣздахъ холодная высь...
Что жъ ты, любовь, не со мной?
Гдѣ жъ ты, весна, отзовись!

К. Фофановъ.

Поземельныя и общественныя права крестьянской женщины.

I. Условія возникновенія вопросовъ о правахъ женщины на участіе въ дѣлахъ и отношеніяхъ сельскаго общества.—Важное значеніе этого вопроса для самого крестьянскаго общественнаго устройства и управленія.—Общій широкій смыслъ ст. 47 общаго положенія о крестьянахъ.—Домохозяинъ, какъ представитель двора, и дворъ, какъ юридическое лицо.—Постановленіе 22-го ноября 1875 г.—Истинный его смыслъ.—Условія примѣненія на мѣстахъ крестьянскихъ законовъ и выводы, сдѣланные на практикѣ изъ постановленія 22-го ноября 1875 г.—Уродливыя явленія, замѣчаемыя въ одной губерніи.—Невозможность разрѣшенія вопросовъ о правахъ женщины обыкновеннымъ путемъ и необходимость законодательныхъ разъясненій и опредѣленій.—II. Сенатское разъясненіе по дѣлу Тифановой, и особенности этого дѣла.—III. Сущность разъясненія по дѣлу Тифановой и сопоставленіе его съ разъясненіемъ по дѣлу Суковатиной.—Невозможность предполагать, чтобы разрѣшеніе настоящихъ вопросовъ законъ предоставлялъ обычаю.—IV. Разъясненія сената по дѣламъ Петровой, Кулимановой, Симаковой и Вызиной.—V. Общее заключеніе о значеніи сенатскихъ разъясненій по настоящимъ вопросамъ.—Теоретическое предположеніе о томъ, какъ разрѣшаются эти вопросы въ жизни, на дѣлѣ.—Подтвержденіе этого предположенія со стороны бытовыхъ чертъ, рисующихся въ указанныхъ сенатскихъ разъясненіяхъ.—Характерный порядокъ осуществленія правъ на усадьбу.—VI. Какая постановка желательна для настоящихъ вопросовъ?

I.

Среди многочисленныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ общимъ положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, по которому были устроены потомъ и всѣ прочіе разряды свободныхъ сельскихъ обывателей, — однимъ изъ важнѣйшихъ представляется безспорно вопросъ о законномъ составѣ сельскаго схода.

Согласно ст. 47, сельскій сходъ составляется, между прочимъ, изъ «крестьянъ-домохозяевъ». Кто же именно—прямо и точно—долженъ почитаться домохозяиномъ, полноправнымъ участникомъ схода, высказывающимся по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ его вѣдѣнію? Можетъ ли принимать участіе въ сельскомъ сходѣ,

напримѣръ, *женщина*? Вѣдѣнію сельскаго схода предоставленъ цѣлый рядъ существенныхъ предметовъ. Допущеніе женщины къ участию въ мірскихъ дѣлахъ и устраненіе ея отъ этого участія—естественно—должно приводить къ неодинаковымъ постановленіямъ и распоряжамъ. Приговорами сходовъ могутъ затрогиваться немаловажныя права самой женщины. Имѣетъ ли она возможность лично представлять за свои интересы, располагаетъ ли для этого правомъ голоса?—Далѣе; женщина можетъ быть опекуномъ или попечительницею своихъ дѣтей. Интересы же опекаемыхъ безусловно требуютъ участія ея въ дѣлахъ схода. Какъ же осуществляетъ она возникающія отсюда свои естественныя права?—Вообще, вопросъ объ участи женщины въ общественныхъ дѣлахъ можетъ возбуждаться очень часто. Отъ того или инаго разрѣшенія его зависить сила и нерушимость самихъ постановленій сельскихъ сходовъ. Для законности и дѣйствительности ихъ требуется, чтобы они исходили отъ установленнаго числа домохозяевъ. Въ однихъ случаяхъ, необходимо для этого большинство двухъ третей, въ другихъ—достаточно простаго большинства. Но какъ можетъ опредѣляться то или иное большинство, когда нѣтъ ясныхъ указаній о томъ, *кто именно* считается домохозяиномъ и какое именно число составляютъ лица, имѣющія въ данномъ обществѣ право на участіе въ сельскомъ сходѣ? Понятно, что, при неопредѣленности этихъ вопросовъ, могутъ возникать частыя вмѣшательства извнѣ во внутреннюю жизнь общества. Приговоры сходовъ могутъ свободно отмѣняться, и общественное крестьянское устройство и управленіе можетъ попадать въ положеніе шаткое, неустойчивое.

То обстоятельство, что въ ст. 47-ой говорится какъ бы только о представителяхъ мужскаго пола, какъ участникахъ схода, («крестьяне-домохозяева»), само по себѣ не доказываетъ исключенія женщинъ изъ числа членовъ общественныхъ собраній. Въ законахъ гражданскихъ (т. X, ч. 1, изд. 1887 г.) также говорится какъ бы только о мужчинахъ, могущихъ быть свидѣтелями при завѣщаніяхъ, потому что вездѣ употребляется слово «свидѣтель» и нѣтъ вовсе указаній относительно «свидѣтельницъ»; тѣмъ не менѣе, всѣми безъ разногласія признается, что законъ подразумеваетъ здѣсь и женщинъ, причѣмъ основаніемъ къ этому является лишь ст. 1055 о томъ, что «въ губерніяхъ черниговской и полтавской женщины къ свидѣтельству при завѣщаніи не допускаются». Отсюда только и выводять, что во всей остальной Россіи, гдѣ не имѣетъ примѣненія литовскій статутъ, женщины могутъ быть допускаемы къ свидѣтельству при завѣщаніи. Конечно, въ отношеніи права крестьянской женщины участвовать въ сходѣ, нѣтъ столь же яснаго, хотя и косвеннаго указанія,—почему подобное право не можетъ быть и выводимо изъ ст. 47 съ такимъ же единодушіемъ. Все же и относительно крестьянской женщины есть хотя менѣе ясное общее указаніе въ той же ст. 47. Оно состоитъ въ томъ, что сама по себѣ статья 47 общаго пол. 19-го февраля 1861 г. не устанавливала какихъ либо особыхъ требованій отъ участника схода, ибо, въ случаѣ

отлучки, болѣзни и вообще невозможности лично явиться на сходѣ, домохозяину предоставлялось прислать вмѣсто себя *«кого-либо изъ членовъ своего семейства»*. Можно считать, что въ выборѣ представителей въ подобныхъ случаяхъ домохозяинъ не былъ стѣсненъ никакими требованіями, кромѣ тѣхъ естественныхъ условій, что замѣститель его долженъ обладать слухомъ, рѣчью, нормальными умственными способностями, и — согласно примѣчанію 2 къ ст. 47 — не долженъ быть лишенъ всѣхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, или отданъ подъ надзоръ общества, по распоряженію судебныхъ мѣстъ. Вообще домохозяинъ, по общему и по прочимъ положеніямъ 19 февраля 1861 г., былъ членомъ схода, какъ *представитель своего двора, являющагося, по смыслу закона, юридическимъ лицомъ*. Право это не присвоивалось постоянно и во всѣхъ случаяхъ одному и тому же лицу, напимѣръ, мужинѣ, главѣ семьи. Сходъ сельскаго общества, въ случаѣ неисправности въ платежахъ домохозяина, могъ, на основаніи ст. 188 общаго положенія, назначить «старшимъ въ домѣ другаго члена той же семьи». При этомъ, конечно, и участіе въ сходѣ переходило ко вновь назначенному домохозяину. Представительство все таки оставалось *за членами того же двора*. Только лицо, имѣющее непосредственный интересъ въ дѣлахъ и отношеніяхъ даннаго двора, могло представлять этотъ дворъ по общему положенію 19 февраля 1861 г. Оттого, въ своемъ рѣшеніи отъ 27 ноября 1886 г., сенатъ правильно высказалъ, что «временное устраненіе со схода (на основаніи п. 2 ст. 51 общ. пол.), подобно совершенному устраненію изъ среды общества, есть взысканіе *личное*, вслѣдствіе котораго крестьянскій дворъ, къ которому принадлежитъ устраненный, не лишается права прислать на сходъ другаго члена, на основаніи ст. 47». («Сборникъ рѣшеній правит. сената по крестьянскимъ дѣламъ», Горемыкина, стр. 397). Итакъ, взысканіе, налагаемое на естественнаго представителя крестьянскаго двора, есть личное, простирающееся лишь на того, на кого оно именно наложено; право же представлять интересы двора на сходѣ — въ существѣ своемъ, принадлежитъ не одному домохозяину, но всему двору, который лишь передаетъ это право своему старшему члену, если онъ лично способенъ къ тому, и замѣняетъ его другимъ членомъ, коль скоро способность принимать на себя подобныя права и обязанности утрачена первымъ въ силу постановленія схода о наложеніи на него взысканія, согласно пункту 2 ст. 51, которымъ именно предоставляется сходу «временное устраненіе крестьянъ отъ участія въ сходахъ, не долѣе, какъ на три года». По разъясненію сената, и здѣсь, какъ въ случаяхъ назначенія новаго домохозяина вмѣсто неисправнаго въ платежахъ, представительство двора остается *въ средѣ его членовъ*, не передаваясь никакому постороннему лицу. Опять только членъ семьи можетъ заступить мѣсто устраненнаго. Съ этой стороны, не представляетъ ничего несообразнаго, съ юридической точки зрѣнія, право передачи домохозяиномъ своего участія въ сходѣ кому либо изъ членовъ своего семейства, въ случаѣ невозможности явиться на сходъ лично. Подобное право не при-

обрѣтаетъ оттого характера *частнаго* гражданскаго права, передаваемого общеустановленнымъ порядкомъ, и остается правомъ *публичнымъ*, общественнымъ, потому что оно и не было у *передающаго* личнымъ, исключительнымъ, — и *имѣлось in potentia* у *принимающаго*, какъ члена одного и того же семейства. Представительство перемѣщалось лишь, и — для большого удобства — по непосредственному распоряженію самого законнаго, прямаго представителя двора. Въ то же время, какъ видно, передача права въ подобныхъ случаяхъ не ограничивалась никакимъ срокомъ. Какъ бы ни была продолжительна отлучка, болѣзнь или невозможность лично присутствовать на сходѣ — право, переданное домохозяиномъ, не утрачивалось у того, кто его приобрѣлъ. И это опять вполнѣ послѣдовательно вытекало изъ положенія домохозяина, какъ представителя двора, и двора, какъ настоящаго субъекта права.

Женщины, очевидно, никакъ не могли быть исключаемы — по закону — изъ числа лицъ, могущихъ, по крайней мѣрѣ, заступать домохозяевъ, по порученію послѣднихъ.

Такъ представляется вопросъ въ теоріи. Но *на дѣлѣ*, иногда, подъ вліяніемъ распоряженій со стороны учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, женщины, даже въ качествѣ заступающихъ прямыхъ домохозяевъ, устранились отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Не опираясь ни на какія основанія, подобное устраненіе доказывало общее правило о возможности примѣнять произвольно крестьянскіе законы. Тѣмъ легче было не признавать права женщины участвовать въ сходѣ не по препорученію отъ прямаго домохозяина, а *самостоятельно*, въ качествѣ лица, пользующагося земельнымъ надѣломъ и ведущаго хозяйство. Право такого участія, какъ видно, не признавалось прямо за женщиной означенною статьею, но также не отвергалось ею, оставаясь лишь неопредѣленнымъ. Упомянутое же выше косвенное благоприятное указаніе могло быть безъ труда отвергаемо, какъ слишкомъ общее, уже съ самаго начала приведенія въ дѣйствіе положеній 19 февраля, въ особенности въ виду того, что помѣщикамъ, подъ именованъ правъ вотчинной полиціи, предоставлялось весьма широкое вліяніе на общественныя дѣла временно-обязанныхъ крестьянъ. Новымъ же положеніемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, высочайше утвержденнымъ 22 ноября 1875 г., было постановлено: «Для устраненія затрудненій въ составленіи сельскихъ сходовъ въ указанномъ составѣ, по случаю продолжительной отлучки домохозяевъ, предоставить отлучающимся на полгода и болѣе домохозяевамъ, не имѣющимъ въ своей семьѣ лицъ, могущихъ, по ст. 47 общ. пол., замѣнить ихъ на сельскомъ сходѣ, — право передавать свой голосъ на сходѣ кому либо изъ своихъ однообщественниковъ, съ тѣмъ однако, чтобы никто изъ членовъ схода не имѣлъ на ономъ болѣе двухъ голосовъ: одного за себя и одного по уполномочію. О такой передачѣ голоса должно быть словесно объявлено въ волостномъ правленіи и записано въ особую книгу, указаннымъ въ ст. 91 порядкомъ». По изданію особаго приложенія къ т. IX (1876 г.) постановленіе это составило примѣчаніе 3 къ ст. 47. Кстати сказать, настоящее поста-

новление означено здѣсь состоявшимся 15 декабря 1875 г., тогда какъ оно утверждено именно 22 ноября 1875 г., и лишь распубликовано было при указѣ сената отъ 15 декабря.

Вліяніе, оказанное настоящимъ постановленіемъ на примѣненіе указанныхъ началъ 19-го февраля 1861 г. (хотя и весьма неясно выраженныхъ), показываетъ, какъ не соотвѣтствуетъ ни свойству крестьянскихъ законовъ, ни условіямъ ихъ примѣненія, присоединеніе къ отдѣльнымъ статьямъ *цѣльныхъ узаконеній* — новыхъ частныхъ примѣчаній, съ цѣлью опредѣлить одну подробность изъ числа многихъ, выраженныхъ въ слишкомъ *общемъ* прежнемъ постановленіи, — вмѣсто послѣдовательной и *цѣльной* же переработки всѣхъ узаконеній, сюда относящихся. Само по себѣ, подлинное постановление 22-го ноября 1875 г. не вводило особо важныхъ измѣненій въ представительство на сходѣ крестьянскаго двора. Право домохозяина относительно передачи участія на сходѣ «кому либо» изъ членовъ своего семейства, по буквальному смыслу его, опять не подчинялось никакимъ правиламъ. Новое правило касалось лишь домохозяевъ — «не имѣющихъ въ своей семьѣ лицъ, могущихъ, по ст. 47 общ. пол., замѣнить ихъ на сходѣ». Имѣющие же кого либо для подобной замѣны оставались въ сторонѣ. Статья 47-ая оставалась неизмѣнною. Постановление 22-го ноября 1875 года имѣло, очевидно, въ виду тотъ *частный* случай, когда у домохозяина не только не было кого либо способнаго, по общимъ условіямъ, замѣнить его на сходѣ въ случаѣ продолжительной отлучки, но еще, кромѣ того, когда въ данномъ обществѣ, вслѣдствіе сильнаго развитія отхожихъ промысловъ, не всегда могъ составиться сходъ въ надлежащемъ числѣ домохозяевъ («въ указанномъ составѣ») — говорилось въ постановленіи 22-го ноября 1875 г. — то есть, надо полагать, въ наибольшемъ числѣ, требуемомъ статьею 54 для рѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ — въ числѣ двухъ третей всѣхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ). Тамъ же, гдѣ «затрудненій» подобнаго рода не возникало, тамъ, можно думать, и отлучающійся домохозяинъ могъ даже обходиться безъ всякой передачи своего голоса.

Что постановление 22-го ноября 1875 г. имѣло именно такой ограниченный смыслъ и частное значеніе — доказываетъ и порядкомъ его изданія. Именно оно состоялось въ исполнительномъ порядкѣ — было поднесено на высочайшее утвержденіе прямо изъ главнаго комитета, а не передано предварительно въ общее собраніе государственнаго совѣта, что требовалось для дѣлъ законодательныхъ статьею 15 учрежденія комитета. Новое постановление не составляло закона, которымъ измѣнялась бы ст. 47, и потому оно было издано не въ законодательномъ порядкѣ. Но, хотя постановление 22-го ноября 1875 г., ни по юридическому существу своему, ни по порядку изданія, не вносило никакихъ измѣненій въ представительство крестьянскаго двора на сходѣ, тѣмъ не менѣе, въ особенности, какъ измѣненное при внесеніи въ особое приложеніе изд. 1876 г., оно могло породить гораздо большія послѣдствія, сравнительно съ тѣми, на которыя было рассчитано. — Практика закона на мѣстахъ обыкновенно не различаетъ по-

становленій, издаваемыхъ въ исполнительномъ и законодательномъ порядкѣ. Обыденная практика съ большимъ трудомъ и далеко не всегда отличается отъ закона даже сенатскія рѣшенія и циркуляры исполнительныхъ властей. Все, что вносится въ сводъ, принимается огромнымъ большинствомъ за законъ, безъ всякихъ исключеній. Обыденная практика не вникаетъ также въ сущность постановленія, въ общій его смыслъ, и не устанавливаетъ связи его съ другими. Вмѣстѣ съ тѣмъ, юридически-наразвитое большинство способно принимать всякій законъ скорѣе въ смыслъ устанавливаемыхъ имъ ограниченій, нежели въ духъ предоставляемой имъ свободы дѣятельности. То, что не запрещено, далеко не признается дозволеннымъ, и всякое новое постановленіе легко принимается за запрещеніе. Въ особенности же такова практика крестьянскихъ законовъ, по условіямъ той темной среды, въ которой они принимаются, и по неудовлетворительности мѣстныхъ учреждений по крестьянскимъ дѣламъ.

При такихъ же условіяхъ, постановленіе 22-го ноября могло быть понято—и, дѣйствительно, было понято въ одной губерніи—далеко не въ истинномъ своемъ смыслѣ. И прежде того право домохозяина посылать на сходъ кого либо изъ членовъ своего семейства возбуждало здѣсь разныя сомнѣнія и сталкивалось съ ограниченіями. И передъ тѣмъ женщина нерѣдко не допускалась къ участию на сходѣ даже въ качествѣ замѣстительницы своего мужа. Новое постановленіе, имѣя въ виду домохозяевъ *семейныхъ*, говорило о случаяхъ, когда у нихъ *не было*, однако, въ семьяхъ лица, могущихъ, по ст. 47 общ. пол., замѣнить ихъ. Значитъ—выводилось отсюда—далеко *не все* члены семьи могутъ замѣнять домохозяина на сходѣ. Стали предполагать, что для этого они должны удовлетворять извѣстнымъ условіямъ, и условія эти начали представляться еще болѣе строгими и ограничительными, чѣмъ это вытекало изъ буквального смысла ст. 47-ой. Гораздо чаще стали признавать, между прочимъ, что женщина,—хотя бы и жена домохозяина,—не можетъ замѣнять его на сходѣ. Сильнѣе и сильнѣе начало развиваться требованіе, чтобы отлучающійся домохозяинъ передавалъ всегда свой голосъ однообщественнику, то есть такому же полноправному домохозяину. Въ средѣ самихъ обществъ являлись лица, заинтересованныя въ такомъ толкованіи относящихся сюда опредѣленій. Многимъ стало выгодно принимать на себя порученія отлучающихся объ участи за нихъ на сходѣ. Ибо такимъ образомъ, съ одной стороны, пріобрѣталось усиленное вліяніе на общественныя дѣла; съ другой же—получалось вознагражденіе за исполненіе подобнаго, нисколько не отягчительнаго порученія. Вознагражденіе это достигало мѣстами до семи-восьми рублей и составляло весьма выгодный и пріятный заработокъ. Отсюда и стали возникать весьма уродливыя явленія. Отлучающійся домохозяинъ чаще и чаще оказывался въ необходимости, помимо членовъ своего семейства, передавать свой голосъ: или постороннему лицу, которое предполагало воспользоваться имъ ради своекорыстныхъ расчетовъ на небольшое вознагражденіе, или за болѣе значительное вознагражденіе другому, кто, съ своей

стороны, не предполагалъ торговать на сходѣ чужимъ голосомъ и не соглашался, однако, оказывать даромъ известную услугу. Бывали даже такіе случаи, когда жена домохозяина, отлучавшагося безъ передачи голоса, не допускалась къ непосредственной замѣнѣ его на сходѣ, но ей предоставлялось—«нанять» для этого однообщественника. Передача участія на сходѣ превратилась изъ публичнаго права, принадлежащаго домохозяину, лишь какъ представителю двора, — въ тягостную гражданскую обязанность, возложенную лично на домохозяина, въ полное противорѣчіе съ дѣйствительнымъ своимъ значеніемъ. При этомъ проигрывали частныя лица, терпѣли интересы двора, нарушались выгоды и пользы общественныя, и—выигрывали немногіе неблагонадежныя члены сельскихъ сходовъ.

Условія примѣненія крестьянскихъ законовъ почти одинаковы въ разныхъ губерніяхъ, а потому и настоящія явленія, замѣченныя въ одной губерніи, безъ сомнѣнія, сплошь да рядомъ повторяются во всѣхъ прочихъ мѣстностяхъ.

Вообще вопросъ объ участіи на сходѣ крестьянской женщины, не разрѣшаясь прямымъ закономъ, еще болѣе былъ запутанъ практикою низшихъ учреждений. Въ то же время, для рѣшенія этого вопроса, невозможно было прибѣгать и къ общему смыслу законовъ, къ *общему духу* законодательства, ибо ст. 65 законовъ основныхъ, — *предписывая*, въ огражденіе отъ произвольнаго примѣненія законовъ, руководствоваться *буквальнымъ* ихъ смысломъ—во второй части допускаетъ разрѣшать дѣла по общему духу законовъ только весьма рѣдко, въ исключительныхъ, строго опредѣленныхъ, случаяхъ. Это возможно только тогда, когда известный предметъ опредѣляется двумя или нѣсколькими постановленіями, между собою противорѣчащими, неясными. Нельзя, напротивъ, обращаться къ общему духу законодательства тогда, когда на какой либо предметъ вовсе нѣтъ закона, когда онъ со всѣмъ не предусмотрѣнъ. Вопросъ, возникающій при такихъ условіяхъ, долженъ признаваться неразрѣшимымъ обыкновеннымъ путемъ, въ *исполнительномъ* порядкѣ, и требуетъ законодательнаго вмѣшательства. Въ данномъ случаѣ, кромѣ того, бесполезно и прибѣгать къ общему духу законодательства, даже еслибы это было правильно, потому что и такимъ путемъ нельзя вывести опредѣленныхъ заключеній. Гдѣ, въ какихъ частяхъ законодательства слѣдовало бы разыскивать нужныхъ указаній? Не явился ли бы отвѣтъ результатомъ мимолетныхъ соображеній, вызванныхъ лишь обстоятельствами даннаго частнаго случая? Не пришлось ли бы мѣнять заключенія при нѣсколько иныхъ обстоятельствахъ другаго частнаго случая? Притомъ же вопросъ этотъ неразрывно связанъ съ вопросомъ о *правахъ крестьянской женщины на надѣльную землю*,—а этотъ вопросъ представляется столь же неопредѣленнымъ и также неразрѣшимымъ обыкновеннымъ путемъ, помимо того, что крестьянскія отношенія вообще опредѣлены закономъ слишкомъ недостаточно.

Однако, не смотря на отсутствіе прямого закона по этому предмету, сенатъ принялъ на себя разрѣшеніе нѣсколькихъ слу-

чаевъ. При этомъ естественно получились заключенія, не только не убѣдительныя, но и противорѣчащія одно другому.

II.

Изъ числа рѣшеній, сдѣлавшихся извѣстными, благодаря изданію сборниковъ сенатскихъ разъясненій по крестьянскимъ дѣламъ, гг. Данилова и Горемыкина, — первымъ и основнымъ рѣшеніемъ является рѣшеніе отъ 13-го іюня 1878 г. по дѣлу Тифановой. Рѣшеніе это въ высшей степени любопытно. По дѣлу Тифановой высказался цѣлый рядъ учрежденій. Обнаружилось слишкомъ рѣдкое для мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ стремленіе — по возможности правильно понять законъ, проникнуть въ его настоящій смыслъ, дабы именно согласно съ закономъ разрѣшить данныя отношенія. Заинтересованныя стороны также выказываютъ рѣдкую энергію. Дѣло проводится черезъ всѣ обыкновенныя инстанціи и не вносится только, къ сожалѣнію, въ чрезвычайную инстанцію, — въ комисію прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ, откуда оно могло бы быть направлено въ первое общее собраніе сената, а еслибы здѣсь встрѣтилось разногласіе, то могло перейти въ государственный совѣтъ. Такимъ образомъ, получилось бы, наконецъ, законодательное разрѣшеніе, въ которомъ именно нуждался этотъ вопросъ. Крестьянка Тифанова и ея сельское общество не уступаютъ другъ другу. Каждая сторона упорно стоитъ на своемъ, и — обращаясь къ закону, основывая въ немъ свои права, — дѣйствуетъ съ полнымъ сознаніемъ своей правоты. Законъ не можетъ стоять одновременно на сторонѣ Тифановой и ея общества. Но крайняя неопредѣленность закона допускаетъ обосновываніе на немъ совершенно противоположныхъ интересовъ именно съ видомъ правоты и согласія съ законными требованіями. При такихъ же условіяхъ, самый вопросъ исчерпывается довольно обстоятельно, хотя и не разрѣшается, ибо, — какъ сказано выше, — обыкновеннымъ путемъ, въ исполнительномъ порядкѣ, онъ и не можетъ быть разрѣшенъ, вслѣдствіе недостаточности указаній со стороны закона. Настоящее опредѣленіе сената, — какъ оно излагается съ обстоятельствами дѣла въ сборникѣ рѣшеній за 1851—1879, г. Данилова, — состоитъ въ слѣдующемъ (стр. 211):

Крестьянская вдова нижеборецкаго общества, кургоминской волости, Аксинья Тифанова жаловалась мировому посреднику 2 участка шенкурскаго уѣзда на свое сельское общество, которое отказываетъ ей какъ въ выдѣлѣ въ частную собственность земли на два душевыхъ надѣла, оставшихся послѣ смерти ея мужа и сына, за которые она внесла въ казначейство выкупные платежи въ 1861 г., такъ и въ пользованіи тѣми участками, съ насѣянными овимовымъ руномъ, лишая ее чрезъ это, съ двумя дочерьми, средствъ къ пропитанію. Разсматривая это дѣло, мировой посредникъ принялъ въ соображеніе: 1) что нѣтъ въ виду закона, пре-

доставляющаго право женщинамъ выкупать поступившія въ надѣль общественныя земли, такъ какъ самый надѣль произведенъ только по числу душъ мужскаго пола; 2) что по наслѣдству можетъ переходить только имущество, принадлежащее умершему въ собственность, а какъ мужъ и сынъ просительницы не имѣли права собственности на состоявшій въ ихъ пользованіи земельный участокъ, а владѣли имъ, какъ члены общества, на основаніи надѣла по уставной грамотѣ, данной на все общество,—то участокъ этотъ переходу по наслѣдству подлежать не можетъ, ибо собственникомъ его считается все мірское общество; 3) что поэтому общество вправе отказать просительницѣ въ выдѣлѣ участка, не только въ частную собственность, но и въ пользованіе. Въ виду вышеизложеннаго и на основаніи ст. 23 полож. о кр. учр., мировой посредникъ постановилъ: ходатайство просительницы Тифановой о выдѣлѣ ей въ частную собственность земельного участка оставить безъ послѣдствій. Что же касается посѣяннаго просительницею озимоваго руна и вывезеннаго подъ яровое навоза, то такъ какъ эти предметы составляютъ ея частную собственность, то общество неправѣ отнимать ихъ у нея и передавать другимъ крестьянамъ, безъ ея согласія. Относительно же обезпеченія пропитаніемъ семейства просительницы, законъ обязываетъ общество давать это обезпеченіе вообще лицамъ, не могущимъ снискивать себѣ пропитанія и не имѣющимъ къ тому никакой возможности; поэтому просительница можетъ просить о семъ общество.

Крестьянка Тифанова обжаловала это рѣшеніе мировому съѣзду, объясняя, между прочимъ, что общество вправе отобрать участокъ отъ отдѣльнаго домохозяина только въ такомъ случаѣ, когда владѣющій землею окажется неисправнымъ плательщикомъ податей и повинностей (ст. 188 общ. пол.), или оставить за собою, когда послѣ умершаго домохозяина не останется никакихъ наслѣдниковъ. Отказъ посредника какъ въ выдѣлѣ, такъ и въ пользованіи участкомъ земли, оставшимся послѣ смерти ея мужа и сына, не основателенъ, потому что она владѣла такимъ болѣе 10 лѣтъ и считалась по обществу домохозяйкой, управляя сама хозяйствомъ. Если нѣтъ въ виду закона, которымъ бы предоставлялся женщинамъ выкупъ земли, то точно также нѣтъ и закона, который воспрещалъ бы имъ выкупать земли, чрезъ взносъ въ казначейство слѣдуемаго выкупа.

Мировой съѣздъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что ходатайство Тифановой о выдѣлѣ изъ общественной въ частную собственность земельного участка на два душевыхъ надѣла, а также и о правѣ пользованія имъ въ общемъ владѣніи, основано на правѣ наслѣдованія послѣ умершаго мужа и сына; но, принимая во вниманіе 160 ст. пол. о выв. и 113 ст. пол. мѣстн., слѣдуетъ считать общественныя земли собственностью всего общества, на которыя не можетъ быть распространено право частнаго семейнаго наслѣдства, за исключеніемъ земель подворныхъ или усадебныхъ, которыя считаются собственностью двора, по ст. 110 мѣстн. пол. Въ силу этого закона, общество считается собственникомъ общественныхъ

земель и имѣть право общаго пользованія и разверстки между своими членами, согласно 51 ст. общ. пол. и 160 ст. пол. о вык. Хотя, по ст. 165 пол. о вык., разрѣшается отдѣльнымъ домохозяевамъ выкупать земельные участки въ собственность, но подъ словомъ «домохозяевамъ» слѣдуетъ понимать одно мужское народонаселеніе, по числу душъ котораго общества надѣлены землями по уставнымъ грамотамъ. Здѣсь неминуемо затрогивается вопросъ о *равноправности* половъ крестьянскаго народонаселенія. По существующей системѣ, государство, призывая *мужское* народонаселеніе къ отбыванію разныхъ государственныхъ повинностей, натуральныхъ и денежныхъ, предоставляетъ этому народонаселенію способы къ отбыванію повинностей и право на самоуправленіе, считываясь съ обществомъ посредствомъ мужскихъ душъ подъ круговою порукою; *женское же* народонаселеніе не призывается къ отбыванію никакихъ повинностей, но зато и не предоставлено ему никакаго участія въ общественномъ управленіи и пользованіи общественными угодьями. Отсюда истекаетъ неравноправность женскаго народонаселенія, по отношенію къ мужскому, какъ по самоуправленію, такъ и въ пользованіи общественными угодьями, за исключеніемъ правъ семейныхъ и права частнаго наслѣдства. При существующей подушной податной системѣ, допущеніе женщинъ до выкупа земель въ собственность неминуемо повлечетъ разстройство не только этой системы относительно круговаго ручательства, которое обезпечивается землями, но и лишитъ мужское народонаселеніе полнаго обезпеченія его быта и исполненія обязанностей передъ правительствомъ. По праву семейнаго представленія, Тифанова съ дочерьми могла бы имѣть право на землю по наслѣдству послѣ мужа и сына, *когда бы* послѣдніе при жизни воспользовались правомъ, представленнымъ 165 ст. пол. о вык., или когда бы общественныя земли были раздѣлены обществомъ на подворные участки, согласно 115 ст. мѣстн. полож. Но какъ мужъ и сынъ жалобницы не воспользовались при жизни выдѣломъ участка, а въ обществѣ не существуетъ подворнаго участкаго раздѣла земель, то Тифанова съ дочерьми не имѣютъ никакого права ни на выдѣлъ, ни на пользование общественными землями, безъ согласія общества. Посему мировой съѣздъ опредѣлилъ: въ просьбѣ Тифановой—отказать.

Это рѣшеніе Тифанова обжаловала архангельскому губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, чрезъ повѣреннаго своего, крестьянина Ивана Никитина, который просилъ о возложеніи на общество обязанности—предоставить его вѣрительницѣ на выкупъ два душевые участка послѣ умершихъ ея мужа и сына, за внесенную выкупную сумму, согласно 165 ст. пол. о вык., и о воспрещеніи обществу отбирать изъ пользованія Тифановой тѣ участки, такъ какъ она владѣетъ ими болѣе 10-ти лѣтъ.

Губернское присутствіе, рассмотрѣвъ 8 октября 1876 г. настоящее дѣло, нашло, что надѣлъ крестьянъ землею по уставнымъ грамотамъ произведенъ лишь на *ревизскія мужскія души*, а потому всѣ законы, опредѣляющіе права членовъ общества на выкупъ земли и обязанности самихъ обществъ въ предоставленіи

членамъ надѣловъ относятся лишь до крестьянъ мужскихъ: женщинамъ же, хотя не воспрещается приобретать себѣ въ собственность земли, но не иначе, какъ по добровольнымъ сдѣлкамъ съ лицами собственниками или обществами, а не по праву на надѣлъ и не по обязанности обществъ отводить его женщинамъ. Соображенія просителя, въ подтвержденіе своего ходатайства, не имѣютъ никакихъ законныхъ основаній, а именно: 1) онъ приводитъ право на землю по наслѣдству, но наслѣдовать можно только собственностью умершаго, а не чужое имущество, бывшее лишь въ пользованіи. Право же собственности на участки мужа и сына довѣрительницы просителя всегда состояло и состоитъ за обществомъ, которому земли даны въ надѣлъ, а не за ними, такъ какъ они участки тѣхъ не выкупили и общество раздѣла на подворные и наслѣдственные участки (ст. 163 пол. о вык. и 115 ст. мѣстн. пол.) не производило; слѣдовательно, мужъ и сынъ только временно пользовались участками по разверсткѣ общества, которое всегда имѣло право, съ согласія домохозяевъ, измѣнить порядокъ пользованія (ст. 160). Указаніе просителя на 1 п. 169 ст. совершенно неумѣстно, такъ какъ въ ней говорится объ участкахъ, приобретенныхъ въ личную собственность отдѣльныхъ крестьянъ, а не о землѣ общественной; объ отчужденіи же послѣдней говорится въ ст. 162; 2) указаніе просителя, что въ пенкурскомъ уѣздѣ и женщины привлекаются къ исполненію повинностей, не имѣетъ никакого значенія въ вопросѣ объ обязанности обществъ надѣлять женщинъ землею.—такъ какъ если женщины и исправляютъ иногда повинности, то лишь *вслѣдствіе* пользованія землею, по добровольному согласію съ обществомъ, и притомъ повинности не за себя, а за мужскія души; значитъ, это исполненіе имѣетъ видъ вознагражденія за предоставленіе въ пользованіе земли, а не выражаетъ обязанности женщинъ нести повинности, которыхъ законъ на нихъ не возлагаетъ. 3) Смысла просителя, что его *вѣрительница числилась домохозяйномъ въ обществѣ, съ правомъ голоса на сходѣ, участвовала въ выборахъ и сужденіяхъ* показываетъ только незаконность дѣйствій должностныхъ лицъ кургоминской волости, но не можетъ укрѣпить за его вѣрительницею тѣхъ правъ, которыхъ ей законъ не предоставилъ. 4) Указаніе просительницы на 10-лѣтнюю давность и на самовольное отобраніе обществомъ земли, съ подборомъ разныхъ статей закона и кассационныхъ рѣшеній прав. сената, не имѣетъ къ настоящему случаю никакого отношенія: во 1) потому, что для закрѣпленія имущества по давности надо владѣть имъ на правѣ собственности, а не по предоставленію отъ хозяина имущества, какъ въ данномъ случаѣ земля была предоставлена отъ общества только въ пользованіе, а не въ собственность вѣрительницы или ея мужа по общественному раздѣлу; во 2) всякое фактическое владѣніе, хотя и неправильное, охраняется закономъ за владѣльцемъ до отчужденія въ такомъ только случаѣ, если права сторонъ на имущество подлежатъ судебному разбирательству; настоящее же дѣло не составляетъ тяжбы Тифановой съ обществомъ о правѣ собственности на землю, а только вопросъ объ обяза-

тельномъ для обществъ правѣ женщинъ выкупать надѣлы ихъ умершихъ мужей или односельчанъ,—вопросъ, подлежащій разрѣшенію не судебныхъ, а административныхъ учреждений, которыя никакихъ имуществъ не отчуждаютъ, а указываютъ только порядокъ законнаго ими пользованія, и въ 3) здѣсь нѣтъ со стороны общества ничего самовольнаго въ преступномъ значеніи этого слова, такъ какъ общество не нарушило ни въ чемъ правъ вѣрительницы, распоряжаясь землею, какъ своимъ достояніемъ, на основаніи 37 и 34 общ. пол., и изъ обстоятельствъ дѣла не видно, чтобы оно, предоставляя вѣрительницѣ пользованіе, ограничило себя срокомъ или какими либо другими условіями на возвращеніе земли; слѣдовательно, могло распоряжаться ею во всякое время и безъ всякихъ разрѣшеній со стороны какой либо власти, такъ какъ законъ не предоставляетъ никакому учрежденію завѣдыванія общественною землею. По симъ соображеніямъ, губернское присутствіе опредѣлило: жалобу Никитина *оставить безъ послѣдствій*.

На это постановленіе губернскаго присутствія энергическая крестьянка принесла правительствующему сенату жалобу, по выслушаніи которой сенатъ, указомъ отъ 28 февраля 1878 года, за № 9998, предписалъ архангельскому губернатору доставить свѣдѣнія о томъ, въ какой мѣрѣ справедливо заявленіе Тифановой о взносѣ ею въ 1866 г. выкупныхъ платежей и о томъ, спорило ли при этомъ сельское общество о правахъ Тифановой на означенныя надѣлы. Во исполненіе этого указа сената, губернаторъ, при рапортѣ отъ 12 мая 1876 г., за № 517, представилъ квинтаницію пенкурскаго казначейства во вносѣ крестьянкою Тифановою, въ 1866 г., денегъ за выкупаемые ею два душевые надѣла земли и приговоръ нижеборецкаго сельскаго общества, отъ 20 апрѣля 1878 г., въ которомъ общество, между прочемъ, объясняетъ: 1) что означенныя деньги внесены Тифановою въ казну безъ вѣдома о томъ сельскаго схода; 2) что объ отказѣ ей въ выдѣлѣ тѣхъ участковъ въ собственность приговора составлено не было, и 3) что крестьяне землю Тифановой пустили въ общій раздѣлъ общества и она по сіе время получаетъ съ нихъ обратно изъ внесенныхъ ею выкупныхъ платежей причитающуюся часть. Разсмотрѣвъ изложенное, сенатъ нашелъ, что крестьянская вдова Тифанова жаловалась пенкурскому мировому съѣзду на отказъ нижеборецкаго сельскаго общества: во 1) въ выдѣлѣ ей въ собственность земли на два душевыхъ надѣла, оставшихся послѣ смерти ея мужа и сына, за которые она внесла въ казначейство выкупные платежи въ 1866 г., и во 2) въ пользованіи означенными участками. По первой части жалобы Тифановой, изъ доставленныхъ архангельскимъ губернаторомъ свѣдѣній обнаруживается, что взносъ денегъ Тифановой въ казначейство за выкупаемые надѣлы былъ совершонъ безъ вѣдома общества, а, слѣдовательно, безъ соблюденія установленныхъ на сей предметъ правилъ въ 165 ст. и дополнительной къ примѣч. къ ней по пред. 1869 г. пол. о вык., и потому жалоба просительницы относительно послѣдовавшаго затѣмъ отказа общества въ выдѣлѣ ей земли, въ виду

указаннаго съ ея стороны упущенія, не заслуживаетъ уваженія, приче́мъ отъ Тифановой не отъе́млетсѣ осуществленіе права выкупа по исполненіи въ точности означенныхъ законоположеній. Что же касается права Тифановой на пользованіе означенными участками, то, принимая во вниманіе, что просительница со смерти мужа и сына, *въ теченіи десяти лѣтъ*, владѣла тою землею безъ всякаго спора со стороны общества, отбывая исправно всѣ на землю повинности и даже, по объясненію просительницы, не опровергнутому по дѣлу, *участвуя въ собраніяхъ схода наравнѣ съ прочими домохозяевами*; что, по точной силѣ 6 п. 188 ст. общ. полож., общество можетъ отобрать надѣлъ отъ домохозяина лишь въ случаѣ неисправности его въ платежѣ податей и повинностей и что *положенія о крестьянахъ допускаютъ участіе женщинъ въ качествѣ домохозяевъ (см. 110 ст. мѣстн. полож.)*, равно предоставляютъ принимать во вниманіе существующіе *мѣстные у крестьянъ обычаи (38, 47 и 107 ст. общ. полож. и 110 ст. мѣстн. полож.)*, на основаніи которыхъ Тифанова и могла быть терпима въ обществѣ, какъ домохозяйка, за смертью *лицъ мужскаго пола въ ея семействѣ*, — правительствующій сенатъ призналъ распоряженіе сельскаго общества, неоформленное притомъ надлежащимъ приговоромъ объ изыятіи изъ пользованія Тифановой находившихся у нея въ теченіе многихъ лѣтъ двухъ надѣловъ — несогласнымъ съ приведенными указаніями. По симъ основаніямъ, признавая, что пенкурскій мировой съѣздъ, не обративъ вниманія на изложенное, а архангельское губернское по кр. дѣл. присутствіе, оставивъ опредѣленіе мирового съѣзда въ силѣ, поступили неправильно, правительствующій сенатъ опредѣлилъ: постановленіе архангельскаго губернскаго по кр. дѣл. присутствія, — въ чемъ оно съ вышеизложеннымъ несогласно, — отмѣнить, предписать губернскому присутствію постановить новое опредѣленіе, не стѣснясь прежнимъ. (13 іюня 1878 г., № 4757).

III.

Таковъ этотъ знаменательный указъ сената отъ 13 іюня 1878 г. Г. Даниловъ, приводя его подъ ст. 47 общаго положенія своего изданія, дѣлаетъ изъ него слѣдующій выводъ: «Положенія о крестьянахъ допускаютъ *участіе женщинъ*, въ качествѣ домохозяевъ, *въ пользованіи землею и въ отбываніи за нее повинностей*; допускаетъ и *присутствіе ихъ на сходахъ съ правомъ голоса, наравнѣ съ мужскимъ населеніемъ*». — Едва ли, однако, можно сдѣлать подобный выводъ изъ приведеннаго рѣшенія въ томъ смыслѣ, чтобы сенатъ извлекъ именно изъ закона такія права крестьянской женщины. Смыслъ этихъ словъ совершенно иной. Сенатъ во все не опровергнулъ тѣхъ ссылокъ на законъ, которыя сдѣланы были въ настоящемъ дѣлѣ въ пользу сельскаго общества, равно не подкрѣпилъ указаній на законы, сдѣланныхъ Тифановою. Да сенатъ и не кладетъ законовъ въ основаніе своего заключенія, но полагаетъ возможнымъ разрѣшить дѣло *по обычаю*. Сенатъ

полагаетъ именно, что законъ допускаетъ здѣсь дѣйствіе обычая. Признавъ неправильнымъ распоряженіе сельскаго общества, не оформленное притомъ надлежащимъ приговоромъ, сенатъ указываетъ лишь на *фактъ* пользованія женщиною правами полного домохозяина, — но въ то же время не высказывается вовсе о *законности* такого факта. Ссылаясь же на статьи 38, 47, 107 общаго положенія и на ст. 110 мѣстнаго положенія губерній великороссійскихъ, сенатъ употребляетъ даже выраженіе, что именно на основаніи *обычаевъ*, указываемыхъ въ означенныхъ статьяхъ, Тифанова — «могла быть *терпима* въ обществѣ, какъ домохозяйка, за смертью лицъ мужскаго пола въ ея семействѣ». То, что Тифанова владѣла землею безъ всякаго спора со стороны общества больше десяти лѣтъ на правахъ полного домохозяина, признано доказательствомъ, *удостовереніемъ* обычая, существовавшего въ данномъ сельскомъ обществѣ. Еслибы, слѣдовательно, споръ зашелъ въ началѣ пользованія Тифановою правами домохозяина, то сенатъ могъ бы не признать обычая удостовереннымъ и отвергнуть притязанія просительницы. Точно также сенатъ отвергъ бы ея притязанія и въ томъ случаѣ, еслибы было доказано, что она не была *терпима* въ обществѣ, то есть, что обычай въ пользу женщинъ здѣсь не сложился.

Что сенатъ основалъ настоящее свое опредѣленіе на *обычаи*, а не на законъ, признавъ, что дѣла этого рода должны разрѣшаться именно такимъ образомъ, — доказательствомъ служить кромѣ существа рѣшенія, также и слѣдующее за первымъ, второе рѣшеніе по однородному дѣлу крестьянки Суковатиковой, вынесенное 26 марта 1881 г. («Сборникъ рѣшеній сената по крестьянскимъ дѣламъ, за 1879—1882 гг.», изд. Данилова, стр. 295). — Подобно Тифановой, крестьянка села Кубенскаго, Суковатикова (вологодской губерніи), внесла было 200 рублей для выкупа двухъ душевыхъ надѣловъ земли, оставшихся послѣ ея умершаго мужа. Между тѣмъ, общество означеннаго села дало отзывъ, что на надѣлы эти «она права не имѣетъ» и — составило приговоръ объ отобраніи отъ нея земли. Мѣстное уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, однако, отмѣнило этотъ приговоръ. Въ свою очередь, и губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе признало за Суковатиковою право на выкупъ мужниныхъ надѣловъ земли. Тогда кубенское сельское общество принесло по настоящему дѣлу жалобу въ сенатъ. — Еслибы сенатъ разрѣшалъ дѣло Тифановой на основаніи закона, имѣющаго повсемѣстно одинаковую силу, то, конечно, и здѣсь притязаніе Суковатиковой было бы признано имъ правильнымъ, а распоряженіе сельскаго общества было бы объявлено неосновательнымъ. Вмѣсто же того, сенатъ высказалъ, что — «крестьянка Суковатикова, до признанія за нею кубенскимъ сельскимъ сходомъ права на состоявшіе въ пользованіи ея мужа два полевыхъ надѣла земли, не могла выкупать тѣ надѣлы единовременнымъ взносомъ въ казначейство, такъ какъ, на основаніи 6 п. 51 ст. общ. пол., *отъ сельскаго схода* зависѣло оставить означенные надѣлы въ ея пользованіи или же предоставить таковые въ пользованіе другаго

члена общества, по бездѣтности Суковатиковой». Итакъ, въ первомъ рѣшеніи права женщины признаны, во второмъ отвергнуты. При этомъ, то обстоятельство, что Суковатикова была бездѣтна, а у Тифановой было двѣ дочери, вовсе не объясняетъ втораго рѣшенія. Въ соображеніяхъ сената по дѣлу Тифановой совсѣмъ не говорится о томъ, что она обременена дѣтми. Во всѣхъ послѣдующихъ рѣшеніяхъ вопросъ также разрѣшается безотносительно къ тому, есть или нѣтъ дѣти у данной женщины. Въ одномъ изъ этихъ, указываемыхъ ниже, рѣшеній (по дѣлу Кулимановой) признаются права на землю за женщиною, у которой нѣтъ сыновей. Вообще, какъ это и надлежитъ, сенатъ вездѣ ставитъ вопросъ принципиально:—имѣютъ ли женщины вообще права на землю. Такая же, а не иная постановка дается вопросу и въ дѣлѣ Суковатиковой, и бездѣтность ея не имѣетъ существеннаго значенія. Съ принципиальной точки зрѣнія, казалось бы, что рѣшенія по дѣлу Тифановой и Суковатиковой противорѣчатъ одно другому. На самомъ же дѣлѣ, противорѣчія нѣтъ. То и другое рѣшеніе вполнѣ между собою согласны, потому что оба рѣшенія сенатъ основалъ на обычаяхъ, оба раза полагая, что обычай, а не законъ, долженъ служить тутъ руководствомъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ сенатъ какъ бы одинаково заключилъ, что женщина имѣетъ право на землю, если это допускаетъ обычай, и не имѣетъ, если онъ не предоставляетъ ей такого права. Для заинтересованныхъ же женщинъ, то и другое рѣшеніе получило совершенно *различное* значеніе потому, что въ обстоятельствахъ перваго дѣла сенатъ усмотрѣлъ существованіе обычая, благопріятнаго для женщины; во второмъ же случаѣ, обычай представлялся совершенно не выясненнымъ,—и сенатъ, въ концѣ концовъ, дѣйствуя въ качествѣ кассационной инстанціи, т. е. не дѣлая постановленій по существу и не производя повѣрки существованія или отсутствія того или инаго обычая, предоставилъ сельскому сходу — разрѣшить дѣло согласно выработавшимся въ немъ порядкамъ. Общество же, конечно, сохранило свое первоначальное распоряженіе и не признало за женщиною права на землю.

Можно ли, однако, думать, что отсутствіе прямыхъ указаній въ законѣ по настоящему предмету, — въ особенности же по вопросу объ участіи женщины въ дѣлахъ сельскаго схода, —означало предоставленіе *обычаю* опредѣлять таковое участіе, и признавать или отвергать его? Едва ли. Рѣчь идетъ здѣсь о предметѣ слишкомъ большой важности. Отъ обычая здѣсь ставилось бы въ зависимость все *сельское общественное устройство* крестьянъ въ одномъ изъ самыхъ существенныхъ отношеній. Съ тѣмъ вмѣстѣ, обычаямъ опредѣлялись бы *личныя и по состоянію права женщины*. Правда, общее положеніе и допускаетъ дѣйствіе обычая не въ однихъ частныхъ имущественныхъ отношеніяхъ: обычаю предоставлено также дѣйствовать и на нѣкоторые публичные отношенія, напримѣръ, на отвѣтственность за преступленія и проступки. Но все таки эти отношенія не представляются столь же важными, какъ личныя и по состоянію права женщины. Последнія еще болѣе нуждаются въ опредѣленіи ихъ именно закономъ, въ

предупрежденіе всякаго произвола и различій въ положеніи женщины, не опирающихся на достаточныя основанія. Наконецъ, еслибы столь важныя отношенія ставились закономъ въ зависимость отъ одного обычая, то объ этомъ и было бы прямо упомянуто, подобно тому, какъ упомянуто въ той же ст. 47, что отъ многотягольнаго двора на сходѣ можетъ присутствовать и нѣскольکو членовъ—«если сіе согласно съ мѣстнымъ обычаемъ». Молчаніе закона можетъ быть признано въ данномъ случаѣ лишь доказательствомъ его недостаточности и необходимости восполненія. Скорѣе, пусть именно законъ допускаетъ женщинъ къ участию въ сельскомъ сходѣ и къ пользованію общинною землею, наравнѣ съ мужскимъ населеніемъ, отнюдь не ставя ихъ въ зависимость отъ неяснаго, измѣнчиваго обычая, не одинаковаго въ двухъ сосѣднихъ деревняхъ и могущаго примѣняться совершенно произвольно. Чувство справедливости нарушалось бы одинаково, еслибъ, при совершенно равныхъ условіяхъ, за одною женщиною извѣстное право признавалось, притязанія же другой — отвергались. Такъ и по настоящему вопросу можетъ быть только *однимъ* отвѣтъ—или и Тифанова, и Суковатикова имѣютъ права, или же обѣ эти женщины предъявляютъ неправильныя притязанія и противящіяся имъ общества, наоборотъ, правы. Тифанова и Суковатикова принадлежатъ къ разнымъ губерніямъ. Не болѣе ли настоятельнымъ представился бы утвердительный отвѣтъ касательно ихъ правъ, еслибы онѣ принадлежали къ сосѣднимъ смежнымъ сельскимъ обществамъ одной и той же губерніи, уѣзда, волости?..

IV.

Въ тѣхъ послѣдующихъ рѣшеніяхъ, которыя напечатаны въ трехъ сборникахъ гг. Данилова и Горемыкина, нѣтъ ни одного новаго рѣшенія, съ разъясненіемъ вопроса собственно о правѣ участія женщины въ сельскомъ сходѣ. Но есть нѣсколько рѣшеній по вопросу о правахъ женщины на надѣльную землю. то есть по тому же вопросу, который разрѣшался въ дѣлѣ Суковатиковой. А такъ какъ и въ дѣлѣ Тифановой вопросъ этотъ разрѣшался нераздѣльно съ вопросомъ объ участіи въ сельскомъ сходѣ, то можно считать, что то или иное рѣшеніе вопроса о поземельныхъ правахъ женщины до нѣкоторой степени опредѣляетъ и ея права на участіе въ дѣлахъ общества. Въ самомъ дѣлѣ, хотя законъ не указываетъ, кто именно можетъ почитаться домохозяиномъ, должно ли для этого имѣть не только усадьбную, но и пахотную землю и вести самостоятельное хозяйство,—но во всякомъ случаѣ легче могутъ быть признаны права женщины на участіе въ сельскомъ сходѣ, если она владѣетъ полными надѣлами и ведетъ хозяйство. По крайней мѣрѣ, права мужчины, владѣющаго одною усадьбою, не разъ подвергались сомнѣніямъ,—тогда какъ права крестьянина, пользующагося и пахотною землею, всегда признавались беспорными.

Какъ видно, тотъ и другой вопросъ въ дѣлахъ Тифановой и Суковатиковой оставлены въ самомъ неопредѣленномъ положеніи. Тѣмъ не менѣе, сенатъ, въ двухъ послѣдующихъ рѣшеніяхъ, находитъ возможнымъ прямо сослаться на рѣшеніе по дѣлу Тифановой, какъ будто бы оно исчерпывало всѣ законные доводы, какъ будто сила этого рѣшенія опиралась на законъ, а не была перенесена на обычай. Вообще сенатъ призналъ послѣ за означеннымъ рѣшеніемъ тотъ же смыслъ, какой приданъ ему г. Даниловымъ въ приведенномъ выше извлеченіи. Въ этихъ послѣдующихъ случаяхъ, поземельныя права женщинъ ограждаются сенатомъ отъ нарушенія ихъ со стороны обществъ. При этомъ, не только законъ опредѣленно не указывается, а также не упоминается и то, что заинтересованная женщина пользовалась до того извѣстными правами, что, слѣдовательно, обычай допускалъ ее въ качествѣ домохозяйки. Сенатъ просто ссылается на то, что «положенія о крестьянахъ», — какъ было уже разъяснено по дѣлу Тифановой, — допускаютъ женщинъ въ качествѣ домохозяекъ въ пользованіи землею и отбываніи за нее повинностей, *наравнѣ* съ мужскимъ населеніемъ». Такой выводъ былъ именно сдѣланъ изъ означеннаго разъясненія первымъ департаментомъ сената, 28 мая 1882 г., при разрѣшеніи дѣла костромской крестьянки Петровой, и вторымъ департаментомъ, 30 мая 1885 г., при разрѣшеніи дѣла нижегородской крестьянки Кулимановой («Сборникъ» Данилова за 1879—1882 гг., стр. 185; «Сборникъ» Горемыгина, стр. 279). Распоряженія сельскихъ обществъ объ отобраніи земли у означенныхъ крестьянокъ признаны были сенатомъ неправильными.

Очевидно, что эти два рѣшенія противорѣчатъ рѣшенію по дѣлу Тифановой, въ самомъ ихъ основаніи, такъ какъ, безъ приведенія закона, они опираются на законъ, а не на обычай; также точно противорѣчатъ они рѣшенію по дѣлу Суковатиковой и по *послѣдствіямъ* ихъ для заинтересованныхъ женщинъ, ибо права Суковатиковой поставлены въ зависимость отъ сельскаго схода и не получили законнаго огражденія.

Въ нижеслѣдующемъ случаѣ также дѣлается неопредѣленная ссылка на положенія о крестьянахъ. Отъ крестьяки Симаковой былъ отобранъ обществомъ ея надѣлъ, оставшійся послѣ мужа, который находился въ безвѣстной отлучкѣ. Буинское уѣздное присутствіе признало, однако, приговоръ общества неправильнымъ и отмѣнило его, потому что — разсуждало оно — крестьянскимъ обществамъ предоставлено, по закону, право отбирать отъ своихъ однообщественниковъ землю только при общихъ передѣлахъ и въ случаѣ накопленія недоимки; въ данномъ же случаѣ передѣла не было и недоимокъ за Симакову не состоитъ. Принося на это постановленіе жалобу въ симбирское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, повѣренный крестьянскаго общества, крестьянинъ Гордѣевъ объяснилъ, между прочимъ, что — «женщины не могутъ считаться за членовъ общества, ибо онѣ, по ст. 187 общ. пол. не входятъ въ круговую поруку, почему, въ случаѣ накопленія Симаковою недоимки, таковую должно уплачивать общество». — Губернское присутствіе утвердило постановленіе:

уѣзднаго. Повѣренный общества принесъ тогда жалобу въ сенатъ, объясняя, что надѣлъ отобранъ отъ Симаковой за недоимку, не уплаченную ею безвѣстнотствующимъ мужемъ; и что Симакова начала ходатайствовать о возвращеніи надѣла лишь по случаю возвышенія цѣны на землю. При этомъ, повѣренный общества, со ссылкой на статьи 36 и 47 общ. пол., 107 и 109 мѣст. пол. и на ст. 165 пол. о вык., повторилъ прежнее заявленіе о томъ, что—«женщины-крестьянки не имѣютъ права, по закону, пользоваться надѣломъ».—Сенатъ призналъ, что—*положенія о крестьянахъ* дозволяютъ женщинамъ пользование землею, когда онѣ являются, на примѣръ, наслѣдницами послѣ выбывшихъ изъ состава семействъ лицъ мужскаго пола и заступаютъ мѣсто домохозяевъ, и что, по силѣ 6 п. 188 ст. общ. пол., общество можетъ отобрать надѣлъ отъ домохозяина лишь въ случаѣ неисправности въ платежѣ податей и отбываніи повинностей». Вслѣдствіе этого, постановленія уѣзднаго и губернскаго присутствій были признаны правильными, притязанія же сельскаго общества — неосновательными.

Слѣдовательно, съ тѣмъ вмѣстѣ, и крестьянка Симакова была признана полноправнымъ членомъ общества. Вновь права женщины, въ противоположность рѣшенію по дѣлу Тифановой, признаются какъ бы устанавливаемыми закономъ, независимо отъ обычаевъ. Но насколько неубѣдительно настоящее рѣшеніе и въ какой слабой мѣрѣ могло оно сдѣлаться руководящимъ, — ясно слѣдуетъ изъ того, что, во-первыхъ, по принципиальному вопросу о правахъ крестьянской женщины, благопріятное для нея заключеніе показано истекающимъ изъ положеній о крестьянахъ вообще, тогда какъ повѣренный общества основывалъ свои обратныя притязанія на *опредѣленныхъ* статьяхъ этихъ положеній; во-вторыхъ, и самое это благопріятное заключеніе весьма ограничительно, такъ какъ не указываетъ какого либо общаго права, а лишь поименовываетъ, что женщины имѣютъ право на землю въ *частныхъ* случаяхъ, на примѣръ, когда онѣ являются наслѣдницами и заступаютъ мѣсто домохозяевъ; наконецъ, данный случай даже не подходитъ подъ ограничительное заключеніе, такъ какъ рѣчь шла не о наслѣдствѣ, не о заступленіи, а о *совершенно самостоятельномъ* правѣ Симаковой на земельный надѣлъ. Недоумѣнія могли возникнуть уже въ примѣненіи настоящаго разъясненія къ данному частному случаю.

Послѣднее рѣшеніе, относящееся къ настоящему предмету, есть рѣшеніе отъ 23 сентября 1883 г., вынесенное особымъ отдѣленіемъ въ составѣ перваго департамента сената, образованнымъ 25 мая 1882 г. и преобразованнымъ 24 января 1884 г. во второй департаментъ исключительно для крестьянскихъ дѣлъ. (Сборникъ Горемыкина, стр. 92). Ссылка на опредѣленныя статьи и здѣсь не дѣлается. «Положеніями о крестьянахъ — *вообще*» говорится въ немъ — лица женскаго пола *не устраняются* отъ участія въ тѣхъ правахъ и обязанностяхъ, какія предоставлены въ имущественномъ отношеніи лицамъ мужскаго пола, а слѣдовательно—заключаетъ сенатъ изъ настоящей, столь недостаточной

посылки — онѣ вправѣ прибрѣтать, по ст. 165 положенія о выкупѣ, въ собственность состоящія въ ихъ пользованіи земельныя участки, чрезъ единовременный взносъ причитающихся за землю выкупныхъ платежей». Вслѣдствіе этого, притязанія подобнаго рода нижегородской крестьянки Бызиной были удовлетворены, забота же сельскаго общества ея признана неосновательною. Какъ и въ дѣлѣ Симаковой, права крестьянской женщины признаны здѣсь въ смыслѣ весьма ограниченномъ, а именно — признаны лишь права *имущественныя*. Что же касается до личныхъ правъ и правъ по состоянію, — до правъ, напримѣръ, на участіе въ сельскомъ сходѣ, — то вовсе не сказано, чтобы женщины не устранились отъ этихъ правъ, принадлежащихъ лицамъ мужскаго пола. — Дѣло это совершенно однородно съ дѣломъ Тифановой. И тамъ, и здѣсь рѣчь идегъ не только о правѣ на землю вообще, но именно объ одномъ и томъ же проявленіи этого права — о правѣ на выкупъ земли по ст. 165 положенія. Право на выкупъ земли признается и за Тифановою, и за Бызиною. Но въ дѣлѣ Тифановой выставляются основаніемъ обычаи; здѣсь же вовсе не упоминается объ обычаяхъ. Не указанъ также и опредѣленный законъ, въ подкрѣпленіе даваемого разъясненія. — Дѣло Бызиной также однородно съ дѣломъ Суковатиковой, ибо и послѣдняя добывалась выкупа земли по ст. 165. Но въ то время какъ за Суковатиковой такое право не было признано, — за Бызиною оно признается.

V.

Такимъ образомъ, положеніе настоящихъ вопросовъ въ законѣ вполне отразилось на попыткахъ сената къ ихъ разъясненію. Учрежденіе, стоящее во главѣ подзаконнаго управленія и обеспечивающее правильнѣйшій ходъ крестьянскаго дѣла — насколько это возможно при настоящемъ положеніи послѣдняго, — въ данномъ случаѣ не даетъ необходимаго твердаго указанія для регулированія отношеній, запутывающихся, между тѣмъ, слишкомъ часто. Нечего и говорить о томъ, что мѣстныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ ни въ какой мѣрѣ не соотвѣтствуютъ тѣмъ задачамъ, которыя возникаютъ для нихъ изъ настоящихъ отношеній. Всегда признававшіяся неудовлетворительными и не улучшенныя преобразованиемъ 12-го іюля 1889 года, эти учрежденія не могутъ найти опоры въ тѣхъ чрезвычайныхъ правахъ и вліяніи, которыя имъ предоставлены. Наоборотъ, тѣмъ печальнѣе положеніе настоящихъ вопросовъ, если они, не получая законодательнаго разъясненія, могутъ разрѣшаться по простому усмотрѣнію низшей власти, или совершенно произвольно въ средѣ самихъ крестьянскихъ обществъ... Когда бы эти послѣднія были предоставлены самимъ себѣ, и вполне ограждены всесильнаго вліянія мѣстныхъ учреждений, — то и тогда два ли можно было бы рассчитывать, что все устроится само со-

бою, къ пользѣ и благополучію женщины, въ полномъ согласіи съ правдою. Отношенія мужа къ женѣ не опредѣлены яснымъ закономъ, ограждающимъ личность женщины. Имъ также предоставлено опредѣляться нравами и обычаями. Что же вытекаетъ отсюда? — угнетенное положеніе жены, терпящей побои и находящей законную защиту только тогда, когда побои эти — тяжкіе, когда они составляютъ изувѣченіе или грозятъ опасностью жизни. Такое положеніе не должно создаваться и въ другой сферѣ. Положеніе *жены* опредѣляется *частною* волею, проявляющеюся въ закрытой для всѣхъ домашней жизни, — волею, не только не встрѣчающей препятствій въ господствующихъ нравахъ и обычаяхъ, но, наоборотъ, поощряемой ими къ жестокости обращенія. Положеніе же *домохозяйки-женщины* ставится въ зависимость отъ *общества* людей, умѣющаго создавать правильные распоряженія при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, отъ общества, прямо обязаннаго дѣйствовать по праву и выражающаго свою волю въ открытыхъ постановленіяхъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ только общество праведниковъ можетъ не нуждаться для правильности своихъ дѣйствій во внѣшнихъ правовыхъ опредѣленіяхъ, то и положеніе женщины-домохозяйки, не обезпечиваемое закономъ, должно уподобляться положенію жены, тѣмъ болѣе, что всякія бываютъ сельскія общества и не всегда они выражаютъ свою волю свободно, независимо отъ вліяній внутреннихъ и внѣшнихъ. Съ полнымъ основаніемъ можно предположить слѣдующее. Когда земля была дешева, а платежи за нее взимались высокіе — тогда женщина являлась желательною участницею въ землепользованіи и, пожалуй, въ относящихся сюда дѣлахъ схода. Въ очень многихъ мѣстахъ земля не окупала платежей и вмѣстѣ съ тѣмъ, до обязательнаго выкупа, не было надежды на то, что платежи эти когда либо прекратятся. Здѣсь, пожалуй, сельскія общества бывали готовы даже «наваливать» на женщину сообразный съ ея силами надѣлъ. Но вотъ, — платежи уменьшаются, объявляется обязательный выкупъ, а съ нимъ платежи эти дѣлаются срочными. Является надежда — въ теченіе извѣстнаго времени окончательно погасить ихъ и приобрѣсть землю въ собственности. Тѣмъ временемъ, самая земля значительно возвышается въ цѣнѣ. Соотвѣтственно такимъ новымъ обстоятельствамъ, и картина должна измѣниться. Отдѣльныя лица не стремятся уже «свалить» съ себя лишнія «души». Наоборотъ, они готовы принять на себя новыя. Въ свою очередь, другія лица, чувствующія недостатокъ въ землѣ, начинаютъ усиленно хлопотать объ его восполненіи; возбуждаются вопросы о равеніи, но уже не въ томъ смыслѣ, въ какомъ они возбуждались прежде, — не въ смыслѣ разложенія на всѣхъ поровну *тяжелыхъ поземельныхъ повинностей*, а въ смыслѣ предоставленія всѣмъ одинаковаго участія въ *выгодахъ землепользованія*. Если до сихъ поръ трудно было уклониться отъ *обязанности* держать землю, то теперь, когда рѣчь идетъ о *прямыхъ выгодахъ*, еще труднѣе отстоять *право* на землю. Нужно, чтобы это право было совершенно ясно, твердо, ниѣмъ неоспариваемо. Посмотрите, насколько ясно и прямо установлено *зако-*

номъ право большинства двухъ третей передѣлять землю. Между тѣмъ, статистики въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что подчасъ и огромное большинство встрѣчаетъ неодолимыя препятствія къ этому со стороны небольшой, но сильной кучки «широкодачниковъ» въ обществѣ. Участъ всякихъ сомнительныхъ спорныхъ правъ должна быть печальна. Тутъ женщина уже не встрѣчаетъ прежняго приѣма. Земля, а съ нею и разныя права на участіе въ дѣлахъ общества, уходятъ у нея изъ подъ ногъ. Нужно имѣть сильную поддержку, средства и энергію, для того чтобы повести съ успѣхомъ борьбу за собственные, столь неопредѣленные права... Слабость, бѣдность и полное невѣдѣніе правъ и обязанностей—плохіе помощники. Если же,—какъ въ данномъ отношеніи,—не оказывается поддержки ни въ законѣ, ни въ разъясненіяхъ высшаго судебного мѣста; если вопросъ и для самаго внимательнаго изслѣдователя погруженъ въ темноту непроницаемую—то положеніе женщины должно сдѣлаться совсѣмъ безнадежнымъ... Что касается, затѣмъ, вопроса о правахъ женщины на участіе въ общественныхъ дѣлахъ, то тутъ возможны самыя разнообразныя вліянія извнѣ и внутри сельскаго круга, не обусловливаемыя даже болѣе или менѣе опредѣленными экономическими причинами.

Заключеніе это отчасти оправдывается уже тѣми бытовыми чертами, которыя можно вывести изъ приведенныхъ сенатскихъ рѣшеній. Характерно прежде всего, что первое (изъ обнародованныхъ) дѣло касательно правъ женщины доходитъ до сената лишь въ 1878 году, Подобныя дѣла должны были возникать и раньше, такъ какъ не вездѣ платежи за землю превосходили ея доходность и не вездѣ женщина принималась охотно, какъ участница въ землепользованіи. Однако, такихъ дѣлъ было гораздо меньше вначалѣ, а изъ всѣхъ вообще дѣлъ до сената доходитъ лишь самое незначительное число, такъ какъ, помимо матеріальныхъ средствъ, обжалованіе разныхъ дѣлъ затруднено еще и другими обстоятельствами. Къ восьмидесятымъ годамъ цѣнность земли мѣняется, возникаютъ болѣе частые споры между женщинами-домохозяйками и ихъ обществами, и—до сената доходитъ первое дѣло; затѣмъ, число ихъ въ 1885 г. увеличивается до пяти, а по приведеннымъ рѣшеніямъ видно уже, какъ затруднительна для женщины борьба съ ея сельскимъ обществомъ, и какъ упорна она съ обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ, здѣсь участвуютъ *женщины-вдовы*, имѣющія возможность такъ или иначе основывать свои права на правахъ умершихъ мужей или сыновей, а также ссылающіяся подчасъ на необходимость кормить дѣтей. Почему нѣтъ ни одного рѣшенія, въ которомъ рѣчь шла бы о *дѣвушкѣ*? Да потому, вѣроятно, что для дѣвушки борьба еще менѣе по силамъ. Кромѣ того, она не можетъ сознать за собою и такого права на землю и на участіе въ общественныхъ дѣлахъ, какъ женщина, бывшая замужемъ. Дѣвушка живетъ, притомъ, болѣе замкнутою жизнью, и у нея не можетъ быть ни такого интереса къ землѣ, ни такой энергіи въ борьбѣ за свое поземельное право. Вдова женщина можетъ располагать необходимыми сельско-хозяйственными рудіями и скотомъ. У дѣвушки скота большею частью нѣтъ. Вдова чаще жи-

веть полнымъ домою. Дѣвушка почти всегда живетъ въ «вельѣ». Вообще, въ бытовомъ отношеніи, есть большая разница между положеніемъ вдовы и дѣвушки, а этимъ должна обуславливаться разница и въ юридическомъ ихъ положеніи, — опредѣляется ли оно закономъ, или обычаемъ, или складывается по чисто произвольнымъ вліяніямъ. Имѣющіяся у меня отрывочныя данныя касательно той же губерніи, о которой говорилось выше, также вполне подтверждаютъ сдѣланное выше теоретическое предположеніе. Вообще говоря, замѣчается извѣстное различіе между разрѣшеніемъ настоящихъ вопросовъ въ прежнее и новѣйшее время. Права женщины чаще и чаще встрѣчаютъ возраженія, хотя—это необходимо замѣтить—земля далеко не приобрѣла еще здѣсь той цѣнности, при которой ею начинаютъ сильно дорожить. Затѣмъ представляется не одинаковымъ положеніе дѣвицъ, вдовъ бездѣтныхъ, вдовъ съ дочерьми и вдовъ съ сыновьями. Наиболѣе обезпеченнымъ—хотя не вездѣ одинаково—оказывается положеніе вдовъ съ сыновьями. За такую вдовою земля обыкновенно оставляется, если она вноситъ за нее подати и сборъ безъ недоимокъ. Но и здѣсь она *временная владѣлица*, какъ бы представительница сына, пользующаяся его правами. Владѣніе ея землею—съ нѣкоторымъ видомъ владѣнія за себя—простирается только до тѣхъ поръ, пока сынъ не подростетъ настолько, чтобы самостоятельно оплачивать подати. Для этого не нужно достиженія имъ гражданскаго совершеннолѣтія. Довольно, если онъ всталъ на собственныя ноги, пристроился къ дѣлу, оказался «стоящимъ». Съ этого времени, владѣніе землею отходитъ отъ вдовы прямо къ нему. Онъ можетъ не жить дома, и все же мать остается лишь прямою его представительницею и всякій слабый видъ самостоятельнаго владѣнія землею утрачивается. Въ теченіе всего этого времени, она участвуетъ обыкновенно и въ дѣлахъ своей деревни, въ деревенской сходѣ. А хотя самостоятельное юридическое положеніе, значеніе юридическаго лица не придано закономъ отдѣльному селенію, не составляющему цѣлаго сельскаго общества, — какъ уже указано мною (см. № 7 «Наблюдателя» за 1890 г., ст. «Итоги крестьянскаго освобожденія»), — но, тѣмъ не менѣе, фактически и при весьма тяжкихъ условіяхъ, такіа селенія живутъ самостоятельною юридическою жизнью и въ ихъ средѣ составляются особые сходы, именуемые *селенскими* или *деревенскими*, въ отличіе отъ признаваемыхъ закономъ только *сельскихъ* и *волостныхъ* сходоу¹⁾.

¹⁾ Сенатъ признаетъ, и то со значительными колебаніями, нѣкоторыя права и за селеніями, не составляющими отдѣльнаго сельскаго общества, называя сходы такихъ селеній *селенскими*. Но хотя насущная житейская необходимость приводитъ къ признанію юридическаго лица и за такими весьма многочисленными селеніями, однако, признаніе ихъ лишь сенатомъ, да еще въ рѣшеніяхъ не всегда однообразныхъ—вовсе не облегчаетъ существованія такихъ селеній. Они совершенно упущены изъ виду и крайне нуждаются въ прямомъ признаніи и опредѣленіи ихъ *закономъ*. Давно желательно, чтобы сенатъ, не разрѣшая возникающихъ отсюда *дѣлъ*, возбудилъ *законодательный* вопросъ.

Именно, въ этихъ *селенскихъ* сходахъ (весьма многочисленныхъ въ этой губерніи, такъ какъ поселенія здѣсь большею частью маленькія и десятки деревень бываютъ нерѣдко соединены въ одно сельское общество) женщина и принимаетъ участіе болѣе или менѣе постоянно, хотя нерѣдко лишь съ правомъ совѣщательнаго, а не рѣшающаго голоса. Затѣмъ, къ непосредственному участію собственно въ *сельскомъ* сходѣ женщина и при такихъ условіяхъ допускается уже гораздо рѣже. Однако, иногда, считается необходимымъ, чтобы ея дворъ имѣлъ представительство и на *сельскомъ* сходѣ. Отсюда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выработалась довольно тяжкая для нея повинность—«нанимать» за себя, для участія на *сельскомъ* сходѣ, мужчину. Затѣмъ, коль скоро сынъ такой женщины живетъ дома и правитъ хозяйствомъ,—то онъ вступаетъ и во всѣ права домохозяина, совершенно устраняя мать. Если онъ, далѣе, женатъ, то—обыкновенно—въ случаяхъ отлучекъ и отсутствія, мѣсто его заступаетъ жена, а не мать. При этомъ, опять рѣже и рѣже признается и за его женою-хозяйкою право на участіе въ *сельскомъ* сходѣ, но и она участвуетъ болѣе или менѣе свободно въ *селенскомъ* или *деревенскомъ* сходѣ. Положеніе вдовы, оставшейся съ дочерьми, уже гораздо менѣе опредѣленно. Признаніе ея правъ почти совершенно зависитъ отъ благорасположенія общества. Довольно земли, достаетъ ея на всѣхъ, и—она пользуется надѣломъ, соотвѣтственно ея силамъ. Мало земли, и—надѣлъ отъ такой вдовы отбирается, хотя бы она была совершенно исправна въ платежахъ. Отстаивать свои притязанія на землю бываетъ ей настолько затруднительно, что она ограничивается слезами и разговорами объ учиненной несправедливости. Затѣмъ, коль скоро вдова съ дочерьми участвуетъ въ землепользованіи, то приблизительно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и вдова съ сыновьями; участвуетъ она въ *селенскомъ* сходѣ и нерѣдко несетъ повинность по отношенію къ *сельскому* сходу. Еще менѣе признаются права на землю со стороны бездѣтной вдовы, и въ еще большей мѣрѣ участіе ея въ землепользованіи зависитъ отъ простаго благорасположенія сосѣдей. Наконецъ, вовсе уже нѣтъ никакого сознанія правъ на пахотную землю со стороны дѣвушки. Но вотъ весьма характерное обстоятельство, свойственное не одной указываемой губерніи и показывающее, что несогласное съ закономъ возрѣніе на усадебную землю, какъ на частную собственность домохозяина, подлежащую, между прочимъ, и отчужденію,—несогласно также и съ юридическими понятіями народа, которому вовсе несвойственно смотрѣть на усадебную землю, какъ на совершенно свободную отъ общинныхъ распоряждовъ, такъ что его сходъ можетъ распоряжаться лишь въ случаѣ превращенія въ выморочное имущество и совершенно устраняется во всѣхъ другихъ случаяхъ. Обстоятельство это состоитъ въ томъ, что дѣвушка всегда можетъ получить мѣсто для постройки кельи на усадебѣ семейства, къ которому она принадлежитъ. Конечно, однимъ изъ весьма важныхъ основаній для общепризнаваемыхъ правъ ея на часть усадьбы служить ст. 110 мѣстнаго положенія великор. губ.,

по которой усадебная земля находится въ наследственномъ пользованіи проживающаго на томъ дворѣ семейства. Существованіе этого закона даетъ женщинѣ весьма твердую опору въ подобныхъ притязаніяхъ. Но свое право, вытекающее изъ этого закона, она осуществляетъ вовсе не въ томъ порядкѣ, какой предписывается неправильными возрѣніями на усадьбу, какъ на частную собственность. Она не требуетъ мѣста отъ хозяина того двора, не предъявляетъ къ нему иска, для осуществленія своего частнаго права, но—обращается къ обществу. И именно это общество не въ качествѣ судебного мѣста, разрѣшающаго споръ о правѣ гражданскомъ, а въ качествѣ субъекта извѣстныхъ *общинныхъ* правъ, простирающихся и на усадебную землю,—именно оно, своею собственною, почти никогда не оспариваемою властью, *отводитъ* дѣвушкѣ, выдѣляетъ извѣстное пространство. Такія же права на усадьбу признаются и за всѣми прочими женщинами, и въ такомъ же порядкѣ осуществляются. Женщина же, вышедшая замужъ за лицо не-крестьянскаго сословія, наоборотъ, лишается правъ на какое либо участіе въ пользованіи усадьбою роднаго семейства. Затѣмъ, женщины, владѣющія одними усадьбами, въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ. Кромѣ того, нерѣдко не признаются права ихъ на участіе въ пастбищныхъ угодьяхъ. Зато, чтобы имѣть право пускать единственную корову въ общее пастбище, съ нихъ требуется иногда непомерная плата. Нѣкоторыя общины стремятся подобными взносами со стороны «бобылокъ»—окупить всѣ расходы на пастуха. Вообще, тутъ происходятъ явленія крайне печальныя.

VI.

Изъ всего изложеннаго выше должно представляться совершенно очевиднымъ, что вопросъ о правахъ крестьянской женщины на надѣльную землю и на участіе въ общественныхъ дѣлахъ, дѣйствительно, требуетъ законодательнаго разъясненія, что онъ крайне нуждается именно въ подробномъ и ясномъ опредѣленіи,—ибо, если во многихъ обществахъ онъ и разрѣшается самъ собою удовлетворительно, то, во-первыхъ, и здѣсь положеніе женщины, не опираясь на законъ, не можетъ считаться обезпеченнымъ; а, во-вторыхъ, въ иныхъ мѣстахъ положеніе женщины прямо плачевно и не можетъ быть оставлено на произволь судьбы. Въ третьихъ, наконецъ, необходимо, чтобы вообще настоящія отношенія разрѣшались съ полнымъ сознаніемъ *права*, однообразно, а не въ зависимости отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Общій духъ нашего законодательства также требуетъ именно такой постановки для настоящаго столь важнаго предмета.

Какъ же именно должны быть разрѣшены настоящіе вопросы? Изъ вышеизложеннаго также должно быть очевидно, что вопросы эти чрезвычайно сложны. Едва ли кто прямо признаетъ, что

права женщины, напимѣрь, на землю должны быть одинаковы съ правами мужчины. Въ тѣхъ возраженіяхъ, которыя дѣлались противъ правъ Тифановой, есть много справедливаго. Отношеніе ея къ государству и обязанности къ общинѣ представляютъ значительныя различія. Притомъ же, то обстоятельство, что въ обнародованныхъ сенатскихъ рѣшеніяхъ не встрѣчается дѣль о возложеніи на женщину обязанности держать землю противъ ея желанія,—показываетъ до извѣстной степени, что она и не дѣлила съ мужчиною прежнихъ невыгодъ землевладѣнія, не несла продолжительнаго бремени обработыванія земли, не окупающей высокихъ платежей. А, слѣдовательно, едва ли можно предоставлять ей настоящія и будущія выгоды землевладѣнія наравнѣ съ мужскимъ населеніемъ. Вопросъ этотъ долженъ представляться тѣмъ сложнѣе, что въ ближайшемъ времени произойдутъ еще болѣе значительныя измѣненія въ отношеніяхъ крестьянъ къ землѣ, такъ какъ скоро будутъ окончательно погашены выкупные платежи крестьянъ-собственниковъ, государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній, затѣмъ собственниками, погасившими эти платежи, сдѣлаются крестьяне, бывшіе государственные, въ девяти западныхъ губерніяхъ, и т. д. Строго говоря, остаются далеко невыясненными поземельныя права крестьянскихъ обществъ даже въ настоящее время, когда выкупные платежи еще не погашены. Еще менѣе опредѣленными представляются тѣ права, которыя крестьянскія общества получаютъ по окончательномъ погашеніи выкупныхъ платежей. Соотвѣтственно тому, еще болѣе неясными оказываются поземельныя права несомнѣнно полноправныхъ членовъ обществъ. Насколько же былъ бы неопредѣленъ вопросъ объ объемѣ правъ на землю со стороны женщины, еслибъ эти права были ей предоставлены путемъ короткаго примѣчанія къ одной изъ статей положеній о крестьянахъ, безъ стройной обработки всѣхъ, относящихся до поземельныхъ правъ, постановленій? До сихъ поръ, противозаконною практикою, преувеличивались только права лицъ мужскаго населенія, выкупившихъ, землю по ст. пол. о вык.; допускалась продажа и залогъ ими надѣльныхъ земель. Замѣчались весьма частые случаи обезземеленія крестьянъ, вслѣдствіе взыскаія частныхъ долговъ. Тогда же стали бы преувеличиваться и права женщинъ, такъ что раз- мѣръ крестьянскаго землевладѣнія началъ бы сокращаться еще сильнѣе такимъ путемъ. Поэтому, вопросъ о поземельныхъ правахъ крестьянской женщины, какъ частный вопросъ,—можетъ и долженъ быть разрѣшенъ только въ связи съ общимъ выясненіемъ и опредѣленіемъ поземельныхъ правъ крестьянскихъ обществъ и ихъ членовъ. Ближайшимъ поводомъ и является для этого обсужденіе очереднаго проекта о неотчуждаемости крестьянскихъ земель. При этомъ, женщинѣ безспорно могутъ быть предоставлены извѣстныя права на земли, хотя бы не равныя съ мужчинами и не одинаковыя для дѣвицъ, вдовъ съ дѣтьми и бездѣтныхъ. Правильное обезпеченіе существованія правомъ на землю—для женщины крайне необходимо, такъ какъ возможность добывать средства къ жизни не земледѣльческимъ, а инымъ трудомъ

и промысломъ. не дома, а на сторонѣ—значительно ограничена для женщины. Между тѣмъ, она въ весьма большой степени несетъ бремя воспитанія и содержанія дѣтей. Къ тому же, и изъ общаго духа нынѣ дѣйствующаго законодательства можетъ быть выведено право женщины на землю,—такъ какъ и прежде среди государственныхъ крестьянъ, и впослѣдствіи среди освобождавшихся, земля отводилась не на одно лицо въ семействѣ, а на все семейство, на весь крестьянскій дворъ въ совокупности, такъ что дворъ этотъ представлялся юридическимъ лицомъ, а домохозяинъ—лишь представителемъ его интересовъ. Все это не было только выяснено въ достаточной степени.

Разрѣшеніе вопроса о поземельныхъ правахъ крестьянской женщины составить уже до нѣкоторой степени разрѣшеніе вопроса и о правахъ ея на участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Коль скоро она получитъ опредѣленные права на землю, то тѣмъ самымъ тачнѣе опредѣлятся ея права и въ общественныхъ отношеніяхъ. Однако, здѣсь необходимо особое, еще болѣе вниманіе. Желательно прямое предоставленіе крестьянской женщинѣ извѣстныхъ правъ на участіе въ общественныхъ дѣлахъ. По отношенію къ губерніямъ бывшаго царства польскаго, указъ объ устройствѣ сельскихъ гминъ, 19 февраля 1864 г., такъ и разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ ст. 100: *«крестьянки, владѣющія усадебными участками (то есть, вообще крестьянскими участками и съ пахотною землею) и самостоятельно управляющія хозяйствомъ, могутъ, буде пожелаютъ, участвовать въ сельскихъ сходахъ, наравнѣ съ прочими домохозяевами»*. Но эти права еще менѣе могутъ быть опредѣлены и установлены сами по себѣ, независимо отъ существующихъ указаній касательно состава сельскаго схода. Вся статья 47 должна быть, прежде всего, подвергнута полной переработкѣ. Но и этого недостаточно. Вопросы, относящіеся сюда, неразрывно связаны съ иными вопросами крестьянской жизни. Таково уже нынѣшнее положеніе крестьянскаго дѣла: оно нуждается не въ однихъ частныхъ исправленіяхъ; нельзя обратить вниманіе на одинъ вопросъ, безъ того, чтобы не усмотрѣть печальнаго положенія другихъ, не меньшей важности. Положеніе крестьянъ требуетъ цѣльнаго и исключительнаго вниманія, послѣдовательной работы, — и притомъ на началахъ относительно новыхъ для этого разряда населенія, на началахъ *закономѣрной свободы*. Необходимо полное, ясное и подробное выясненіе правъ и обязанностей крестьянъ. Нынѣ положеніе всего сельскаго схода, даже прямыхъ его членовъ, является весьма шаткимъ. Какъ же стала бы отстаивать свое положеніе, какъ члена схода, крестьянская женщина, при неизмѣнности всѣхъ прочихъ условій юридическаго положенія крестьянъ, поставленнаго въ слишкомъ большую и рѣшительно противорѣчащую основнымъ законамъ зависимость—отъ усмотрѣнія ближайшаго начальства.

Н. Дружининъ.

СУМЕРКИ.

(Изъ новогоднихъ силуэтовъ).

I.

У низенькаго окна бѣдно обставленной комнаты сидѣла женщина и спѣшно шла на машинкѣ. Женщина была лѣтъ тридцати семи-восьми, средней полноты, съ милостивымъ лицомъ, съ легкими морщинками вокругъ сѣрыхъ глазъ. Щоки нѣсколько ввалились, брови немного сдвинуты. Она была одѣта въ черное шерстяное платье, съ черной же оторочкой по вороту и рукавамъ.

Круглые стѣнные часы, висѣвшіе надъ старымъ диваномъ, обитымъ какою-то недорогой матеріей, уже давно потерявшей первоначальный цвѣтъ, — пробили, слегка хрипя, девять. За шумомъ ручной машинки, женщина не сосчитала числа ударовъ. Вѣрнѣе даже, что, занятая работою, она безъ вниманія пропустила первые звуки боя, и только уже когда часы, смолкнувъ, задрезжали по обыкновенію пружиною, женщина вдругъ подняла голову и повернула ее по направленію часовъ.

— Уже девять!—прошептала она,—что же это я: пора будить Зиночку...когда еще одѣнется...

Она расправила пальцы лѣвой руки и крикнула ласковымъ голосомъ:—Зинуша! Вставай, дружокъ, пора!

Изъ-за перегородки доносилось слабое, ровное дыханіе.

— Разспалась голубка, устала,—съ легкимъ вздохомъ произнесла женщина и поднялась со стула.

Она подошла къ двери,—которая вела въ слѣдующую комнату, отдѣленную перегородкою отъ первой, болѣе обширной,—приотворила ее и сказала тѣмъ же ласковымъ тономъ:

— Зина, Зинуша!

Тоненькій голосокъ откликнулся коротко:

— А? Что?

Говорившая, видимо, еще не очнулась совѣмъ, и сквозь полусонъ, уловивъ вопросъ, полубезсознательно отозвалась на него.

— Вставать пора, милѡкъ! Уже девять часовъ!

Слегка скрипнула кровать, и въ ту же минуту послышался глубокий вздохъ проснувагося человѣка.

— Что вы говорите: девять?—промолвилъ тотъ же тоненькій мелодичный голосокъ.

— Девять, дружокъ!

— А—а!

Зина зѣвнула протяжно и свѣсила ноги съ кровати. Но она не встала сейчасъ же, а продолжала сидѣть. Женщина вошла за перегородку, приблизилась къ дѣвушкѣ, поцѣловала ее и, проводя рукою по ея русой головкѣ, сказала:

— Что, моя птичка, разоспалась?

— Да, мамочка, такъ хорошо...

Она опять зѣвнула и обняла мать.

— Устала ты, голубка...

— Нѣтъ, мамочка, ничего... А вы... кончили?—добавила она, стараясь всунуть въ туфли маленькія ножки, обутыя въ черныя чулки.

— Кончила, милая. Можешь одѣваться. Постой...

Одна изъ туфельекъ упрямо не хотѣла попасть на ногу дѣвушки, и мать нагнулась, чтобы пособить дочери.

— Не надо, не надо... я сама, мамочка, чтѡ вы!

Она встала и, въ знакъ благодарности, крѣпко поцѣловавъ мать, вышла въ большую комнату.

Зина была семнадцатилѣтняя дѣвушка, небольшого роста, стройная и гибкая, съ прелестнымъ наивнымъ личикомъ Грехенъ, еще не утратившимъ милаго дѣтскаго выраженія. Прямой маленькій носикъ былъ лучшимъ украшеніемъ этого личика, свѣтло-голубые глаза оттѣнялись шелковистыми рѣсницами. На бѣломъ невысокомъ лбу, обрамленномъ слегка волнистыми русыми волосами, нерѣдко выдѣлялись тоненькіе шнурочки темноватыхъ бровей. Розовыя губы были пухлы, и на пухломъ же подбородочкѣ обозначалась красивая ямка. Это было одно изъ тѣхъ влекущихъ личиковъ, на которое нельзя вдосталь налюбоваться. На дѣвушкѣ было надѣто простенькое темно-зеленое шерстяное платьѣ гладкаго покроя, рельефно обозначавшаго слегка округленный бюстъ. Единственнымъ украшеніемъ костюма служилъ поясъ изъ желтой кожи, шнипомъ спереди, зашнурованный шолковымъ въ цвѣтъ шнур-

комъ, на бонцахъ котораго висѣли два большихъ и пышныхъ шелковыхъ помпона.

— Что, мамочка, ничего вышло? — проговорила Зина, обращаясь къ шедшей сзади матери.

— Совсѣмъ, милая, хорошо.

Дѣвушка подошла къ столу, на которомъ стояла ручная машинка, и, осмотрѣвъ шелковую отдѣлку лифа, промолвила:

— Кажется, ничего... Вечеромъ не будетъ особенно замѣтно.

— Нисколько не будетъ, Зинуша. Да по моему, вообще платье вышло совсѣмъ хорошо... Ты напрасно такъ боялась.

— Ахъ, мамочка, тамъ будетъ такъ много народу... все нарядные...

Въ ея голосѣ слышалось маленькое недовольство или—правильнѣе—сожалѣніе, что ея платье не новое, такое бѣдное въ сравненіи съ тѣми, какія будутъ у другихъ. Дѣвушка даже слегка вздохнула, но сейчасъ же, движимая инымъ чувствомъ, ласково улыбнулась и, повернувшись къ матери, добавила, цѣлуя ее:

— Спасибо, голубушка мама... вамъ пришлось такъ много передѣлывать.

И она, не выпуская матери изъ объятій, прильнула къ ней русой головкой.

— Ну, какія хлопоты... что ты! Слава богу, что все такъ удалось,—отвѣчала мать, стараясь удержаться отъ слезъ.

Она пролила ихъ немало вчера и сегодня, въ отсутствіе дочери. Въ то время какъ рука вертѣла ручку машинки, мысль неустанно работала, память воскрешала картины минувшаго. Она переживала мысленно свое дѣтство, молодость, пору любви, недолгіе годы свѣтлаго безмятежнаго счастья, и затѣмъ длинные, мрачные годы душевной скорби и борьбы чуть не съ нищетою. Но самое тяжелое время прошло, Богъ помогъ вынести ей бремя. Она подняла своихъ сиротъ. Сынъ учится въ гимназіи, идетъ прекрасно; Зиночка кончила гимназію, и есть надежда, что ей скоро дадутъ мѣсто учительницы въ школѣ. Несбыточныхъ желаній она не пытается въ душѣ. Слава богу, что, въ ожиданіи мѣста, у Зины есть два урока, относительно выгодные: одинъ у купца въ пятнадцать рублей, а другой въ домѣ адвоката Щеславскаго, который, уговорясь съ Зиной на двадцати рубляхъ, видя ея старанія, самъприбавилъ ей еще пять. Итого—сорокъ рублей. Это почти весь бюджетъ, потому что сама она достаетъ очень немного. Годы предъидущей борьбы и усиленной работы сказались на ея здоровьѣ. Да и по дому работы немало: надо обшить всѣхъ (къ портнихѣ приходилось прибѣгать только въ са-

момъ крайнемъ случаѣ), приготовить обѣдъ—прислугу держать не изъ чего. Изрѣдка, впрочемъ, и она работала на сторону, но все это мелочь, а главнымъ источникомъ жизни являлся все таки заработокъ дочери, которая въ минувшемъ августѣ только что кончила курсъ гимназіи.

Сорокъ рублей для троицхъ, при дороговизнѣ столичной жизни, слишкомъ ничтожныя деньги. Ихъ не хватаетъ, и Зинѣ часто приходится прибѣгать къ авансамъ у Щеславскаго: купецъ не даетъ впередъ.—«Я,—говоритъ Сила Пахомовичъ,—этого не люблю, потому счета путаются. Отучила мѣсяцъ и получай свое!» Щеславскій относился къ Зинѣ очень хорошо. Онъ никогда не отказывалъ въ авансѣ. Можетъ быть, онъ помогъ бы и больше, но стѣснялся, боясь обидѣть. Онъ человѣкъ очень деликатный, да и Зина обидчива. Щеславскіе жили хорошо, открыто. Тридцать перваго декабря у нихъ собиралось всегда много народу для встрѣчи новаго года. У адвоката были двѣ взрослые дочери; ради нихъ и устраивался всегда балъ.

— Нельзя не поплясать. Дѣвчонокъ хлѣбомъ не корми, а дай попрыгать,—смѣясь, говорилъ Щеславскій.

Онъ пригласилъ на вечеръ и учительницу. Когда Зина поблагодарила его, онъ сказалъ сердечно и ласково:

— Пожалуйста, пріѣзжайте, Зинаида Николаевна... не подумайте, что я приглашаю васъ только изъ приличія. Вы очень обидите меня, если не пріѣдете. Да и мои дѣвочки будутъ также недовольны.

На такое приглашеніе отвѣчать отказомъ было неловко, да и Зинѣ хотѣлось повеселиться. Но въ чемъ ѣхать? Нельзя же одѣться кое-какъ, возбудить общій смѣхъ. Зиночка, передавъ матери приглашеніе адвоката, прибавила сейчасъ же:

— Но, разумѣется, я не поѣду.

А, между тѣмъ, въ ея голосѣ слышались слезы.

— Почему же, другъ мой, тебѣ не съѣздить, не повеселиться? Ты и такъ заработалась,—возразила мать.

— Но, мамочка, въ чемъ же я поѣду!—воскликнула дѣвушка, готовая расплакаться.

— А твое голубое платьице, дружокъ?

— Куда же оно годится? Тамъ масса народу будетъ...

— Но его можно поправить, Зинуша,—успокоительно сказала мать.—Достань-ка его изъ шкафа, посмотримъ... я увѣрена, что можно

Дѣвушка была того мнѣнія, что ничего сдѣлать нельзя, но исполнила желаніе матери и вынула голубое шерстяное платье.

— Видите... какое... что же тутъ сдѣлать?—сказала она, кладя платье на стулъ.

— Погоди, дружокъ, не торопись.

Зина опустила въ кресло возлѣ матери, принявшей осматривать платье.

— Да еще какъ можно-то, голубка, — произнесла черезъ нѣсколько минутъ мать, весело взглядывая на дѣвушку: — совсѣмъ будетъ, какъ новое.

— Да, какъ же, мамочка?—съ недоумѣніемъ спросила дочь,—и радость блеснула въ ея голубыхъ глазкахъ.

— А вотъ видишь...

И мать принялась объяснять дочери свои соображенія. Ея доводы показались Зинѣ основательными, и она воскликнула совсѣмъ уже весело:

— Ахъ, мамочка, милая, и въ самоѣ дѣлѣ выдетъ, можетъ быть!

— Конечно, выдетъ... а ты ужь и въ слезы... ахъ ты!

Она не договорила и, нагнувшись, поцѣловала дочь.

— Не бойся, дружокъ, устроимъ... надо только прикупить лентъ и кружевъ.

— Мамочка, я не буду просить у Щеславскаго, ни за что, а у купца получать жалованье послѣ новаго года.

— Не безпокойся, я устрою: у меня осталось немножко отъ прошлаго мѣсяца.

Зина взглянула было пытливо на мать, но не поняла ея невольнаго обмана и, со свойственной ея возрасту безпечностью, наивно предалась свѣтлымъ мечтамъ о предстоящемъ веселіи. До бала, между тѣмъ, оставалось всего два дня. Нужно было торопиться. И любящая мать, забывъ и сонъ, и отдыхъ, энергично принялась за работу. Зина хотѣла помочь матери, но эта послѣдняя рѣшительно воспротивилась. Она находила, что здоровье у Зины слабое, вся она такая воздушная, да и устала отъ уроковъ (ходить приходилось далеко), ей нужно отдохнуть. И вотъ, работа одна ночью, бѣдная женщина предавалась своимъ грустнымъ думамъ, и непрошенныя слезы, застилая глаза, не одинъ разъ мѣшали ей работать.

«Зина, Зина, бѣдная моя птичка!» — чуть слышно шептали поблекшія ея губы. И, оставляя работу, она устремляла глаза на карточку, висѣвшую на стѣнѣ надъ столомъ. Изъ простой рамки выглядывало прелестное личико малютки-дѣвочки. То была Зина, одѣтая, какъ картинка. Она была въ зимнемъ костюмѣ, вся въ бѣдомъ пуху, въ теплыхъ изящныхъ сапожкахъ, съ муфточкою,—

розовенькая, веселая, собравшаяся на прогулку. Жизнь улыбалась тогда Зинѣ, и кто могъ думать, что потомъ ей придется видѣть нужду, носить ситцевое платье, привыкнуть къ грубой обуви! А пришлось. Вотъ и теперь приходится передѣлывать, перелицовывать старое платье, которое, — еслибы все было по прежнему, — уже давно было бы подарено горничной. О томъ ли мечталъ когда-то тотъ, кому всего дороже была дѣвочка-херувимъ? Онъ умеръ, ничего не знаетъ, ничего не чувствуетъ, а вотъ ей, матери, пришлось все пережить и перечувствовать. Боже, Боже, какъ это тяжело! Она не думаетъ о себѣ, ей уже не жаль теперь себя, но ей больно за свою бѣдную, милую дѣвочку, которая должна довольствоваться какими-то тряпками, тогда какъ другіе... А какъ бы пошелъ къ ней роскошный нарядъ: она вѣдь хороша, очень хороша!

И болѣзненно сжималось сердце матери, и слезы бѣжали по ея щекамъ, скатываясь на платье, которое она перешивала. Но при дочери она сдерживала себя, и старалась казаться довольной и веселой. Это было тяжело и трудно, но необходимо, чтобы не отравить веселья Зины. Вотъ и сегодня, когда дѣвушка вернулась съ Петербургской стороны, куда ходила, прочитавъ объявленіе насчетъ переводовъ, — она нашла мать доброй и спокойной. Продолжая шить, она спросила дочь:

— Ну что?

— Ужъ поздно. Да и съ англійскаго языка, — отвѣтила Зина тономъ устали.

Мать окинула ее заботливымъ взглядомъ, накормила обѣдомъ и сейчасъ же усала отдохнуть.

— Иначе ты совсѣмъ не будешь въ силахъ ѣхать на вечеръ, — сказала она.

— Можетъ быть, и не придется еще, — отвѣтила Зина.

Подъ вліяніемъ усталости и послѣдней неудачи она чувствовала себя нѣсколько нервной и раздраженной.

— Отчего не придется? — спросила мать.

— Какъ выдетъ, да и успѣете ли вы?

— Не безпокойся, ложись скорѣе. Успѣю, и все будетъ хорошо, — отвѣтила мать.

И она, дѣйствительно, успѣла. Хотя она и сказала дочери: «ну какія хлопоты», но хлопотъ было немало, и она за двѣ ночи сильно утомилась, устала не только физически, но нравственно, отъ думъ и волненій. Подъ вліяніемъ этихъ думъ, раза два ей самой казалось, что изъ платья ничего не выдетъ. И руки опускались у нея. Но она скорѣе спѣшила убѣдить себя, что это не правда, и продолжала работать. Она сдѣлала все, что могла, и

достигла того, что Зинѣ можно было ѣхать: костюмъ вышелъ совсѣмъ приличный.

— Однако, Зинуша, надо торопиться,—сказала мать, слегка отстраняя дѣвушку, прижавшуюся къ ней: — не ловко пріѣхать прямо къ встрѣчѣ... скоро ли еще одѣнешься...

— Я сейчасъ, мама.

И дѣвушка начала разстегивать кушакъ.

— Гдѣ твои туфельки, Зина?

— Въ комодѣ... да я, мамочка, сама.

— Не успѣешь, ужъ я помогу тебѣ... Милуша, да ты еще не причесана! Садись скорѣе, я тебя причешу... Тебѣ самой неловко да и долго.

Она быстро причесала дочь, и принялась помогать ей одѣваться. И опять вспомнилось ей прошлое: у маленькой Зины была особая горничная, а теперь вотъ...

Она застегивала пуговицы лифа, расправляла платье, ленты, а грустныя думы не покидали ея, и нѣтъ-нѣтъ предательскія слезы туманили глаза. Но она говорила не то, что чувствовала, и Зина, вся полная мыслями о вечерѣ, нисколько не догадывалась о душевномъ состояніи матери.

Черезъ полчаса съ небольшимъ, дѣвушка была одѣта. Голубое шерстяное платье глядѣло такимъ же свѣженькимъ, какъ и она сама. Только при очень внимательномъ взглядѣ, да и то опытнаго глаза, можно было замѣтить, что платье перелицовано изъ стараго, съ добавкою къ нему лентъ, кружевъ и отдѣлки изъ шолка, зокрывавшей часть лифа и юбки, съ цѣлю скрыть кое-какія погрѣшности шерстяной матеріи. Но надо сказать правду—все это было сдѣлано весьма искусными руками, умѣло распорядившимися матеріаломъ: платье сидѣло безукоризненно, и очень шло къ Зинѣ, красиво отбѣняя ея розовенькое веселое личико. Оно не было тапимъ, пока Зина одѣвалась, потому что ей казалось, что платье не хорошо. Но когда дѣвушка осмотрѣла себя въ зеркало, совсѣмъ уже одѣтая, она нашла, что платье глядитъ прекрасно, особенно вечеромъ. Душевная тревога улеглась, и Зина почувствовала себя счастливой и довольной.

— Совсѣмъ, мамочка, хорошо, совсѣмъ!—радостно воскликнула она.

Видя искреннюю радость Зины, мать сама почувствовала себя веселой, бодрой, счастливой. Усталости какъ не бывало. Исчезли мучительныя думы. Она любовалась на свою дѣвочку, и съ восхищеніемъ находила, что Зина и въ этомъ скромномъ нарядѣ обаятельна и прелестна.

«Еслибы ей еще другой костюмъ», мелькнуло у нея въ головѣ.
 — Вотъ и все!—промовила Зина, повертываясь передъ зеркаломъ.—Гдѣ, мамочка, новыя перчатки? Ахъ, да: онѣ въ муфточкѣ.
 Когда пришлось надѣвать шубку, личико Зины снова нѣсколько затуманилось.

— Какая скверная шубенка, мама!

— Да, дружокъ. Надо бы новую.

— Стыдъ, просто... Дай-то Богъ, чтобы со мной никто вмѣстѣ не вошелъ! Ну, да я живо скину.

— Можетъ быть, послѣ новаго года исправимъ, Зиночка.

— О, гдѣ же, мамочка! Ну, да ничего... Прощайте, мамочка! прощайте, дорогая! Вамъ скучно одной будетъ, да? Бѣдная мама! Она щебетала, какъ птичка.

— Ничего, ничего, милочка. Не будетъ скучно. Я вотъ напьюсь чаю, да и лягу.

— А вы бы, мамочка, къ Никоновымъ пошли, все бы лучше!

— Можетъ быть, къ нимъ пойду.

— Сходите... Ну, мамочка, перекрестите меня,—совсѣмъ тономъ ребенка проговорила Зина, уже окутанная платкомъ.

Мать перекрестила ее и крѣпко поцѣловала.

Щеславскіе жили не близко; отпустить Зину одну такъ поздно и притомъ въ праздникъ, когда вездѣ столько пьяныхъ,—мать не рѣшилась. Она еще ранѣе переговорила по этому поводу съ Никоновыми, жившими въ томъ же этажѣ напротивъ, черезъ площадку, и тѣ согласились дать свою прислугу, чтобы проводить дѣвушку до Щеславскихъ. Мать и дочь вышли изъ квартиры, и первая позвонила къ Никоновымъ. Дверь отворила толстая, краснощекая баба.

— Что, Матренушка, ты свободна?

— Свободна, Наталья Дмитриевна... а ефто вы насчетъ, чтобы, значить, барышню проводить... я сейчасъ.

Она надѣла пальто, накинула на голову красный клѣтчатыи платокъ и вышла на лѣстницу.

— Баринъ съ барыней прилегли,—объявила Матрена,—а мнѣ сказали, что какъ вы позвоните, такъ я и ѣхала бы съ вашей барышней.

— Развѣ ужъ ваши легли спать? удивилась Наталья Дмитриевна.

— Нѣгути, какой спать! Такъ прилегли, значить... а я вотъ вернусь, барышню вашу проводимши, и разбужу ихъ. Какое спать! Встрѣчать новый годъ будутъ.

Зина, между тѣмъ, уже успѣла спуститься внизъ и крикнула съ нетерпѣніемъ оттуда:

— Ну, что же, я жду.

— Сейчас, барышня, сейчас.

И Матрена бѣгомъ начала спускаться съ пятого этажа.

Наталья Дмитріевна подошла къ периламъ, перегнулась черезъ нихъ и крикнула въ пролетъ:

— До свиданья, голубка! Веселись хорошенько! Да, Бога ради, не пей холоднаго, разгорячившись.

— Нѣтъ, нѣтъ! До свиданья, мамочка!

— До свиданья, Зинуша!

Въ открытую внизу дверь потянуло морознымъ воздухомъ; затѣмъ дверь шумно захлопнулась, заставивъ замигать газъ въ розжкахъ. Наталья Дмитріевна постояла еще съ минуту и направилась къ себѣ въ квартиру.

II.

Натальѣ Дмитріевнѣ вдругъ сдѣлалось скучно. Въ квартирѣ царил мертвая тишина, нарушаемая только стукомъ маятника старинныхъ круглыхъ часовъ. Наталья Дмитріевна въ первый разъ еще оставалась совсѣмъ одна въ канунъ новаго года. Раньше она всегда проводила этотъ вечеръ съ дѣтьми. Но нынче сынъ уѣхалъ на святки къ товарищу въ имѣніе, а Зину нельзя было не отпустить къ Щеславскимъ. Они навѣрное бы обидѣлись. Впрочемъ, не въ этомъ дѣло. Главное то, что дѣвушкѣ будетъ такъ весело, танцуется вволю, а она такъ любить, такъ любить танцы. Еще бы! Молода, а что видитъ? Какія радости? Не сидѣть же съ матерью въ этой убогой квартиркѣ, и не идти же къ Никоновымъ встрѣчать новый годъ. Было бы совсѣмъ безжалостно удержать ее. И для чего? — Чтобы встрѣтить новый годъ съ матерью? Это было бы эгоизмомъ по отношенію къ дочери. Нѣтъ, Наталья Дмитріевна не хочетъ этого. Пусть ей теперь скучно одной, но она лучше вынесетъ скуку, чѣмъ лишитъ свою дѣвочку удовольствія. Ей такъ пріятно доставить какое нибудь равлеченіе Зинѣ. Развѣ то бы еще ей нужно? Но если нельзя многого, такъ лишать хоть такого-то удовольствія—болѣе чѣмъ жестоко. Слава богу, что явилась возможность повеселиться.

Наталья Дмитріевна вспомнила, какъ въ прошлый годъ она изстрадалась за свою дочь. Былъ гимназическій балъ, а Зинѣ пришлось оставаться дома, потому что ей не въ чемъ было ѣхать. Дѣвочка крѣпилась, стараясь не выдать своего горя, не опечалить мать, но не выдержала и расплакалась. Наталья Дмитріевна утѣ-

пала дочь, сама едва сдерживая слезы. И у нея въ эту минуту, противъ воли шевельнулся въ душѣ упрекъ богатымъ счастливымъ и судьбѣ. Ей сейчасъ же, впрочемъ, стало какъ-то неловко за свой ропотъ, но вѣдь ей было невыразимо больно видѣть слезы бѣдной дѣвочки. За что, за что страдаетъ она? «Вотъ теперь», думаетъ Наталья Дмитриевна: «что за костюмъ, въ которомъ поѣхала Зина?—Тряпички перешитыя, а какъ она имъ рада! Какъ боялась, тревожилась, голубка!»

Наталья Дмитриевна вздохнула и опустила на кресло возлѣ стола, на которомъ стоялъ небольшой портретъ худощаваго блондина съ вьющимися волосами, обрамляющими серьезное лицо, которому, однако, взглядъ свѣтлыхъ глазъ придавалъ выраженіе мягкости и доброты. Тою же мягкостью дышала и нѣсколько грустная улыбка полныхъ губъ, улыбка, въ которой было такъ много состраданія и прощенія. Достаточно было взглянуть въ черты нервнаго лица, въ мягкіе свѣтлые глаза, чтобы понять думу этого худощаваго челювѣка. О, Наталья Дмитриевнѣ хорошо знакомы эти думы, думы не о себѣ, а о семьѣ и любимыхъ людяхъ. Она устремила свой взоръ на портретъ мужа и точно застыла въ этой неподвижной позѣ. Она опять унеслась мыслями и думами къ той свѣтлой порѣ, когда еще билось любовью къ ней то чуткое сердце, которое теперь давно уже стало добычею тлѣнія.

Едва ли можно любить семью больше того, какъ любилъ Николай Львовичъ Грековъ. Онъ находилъ счастье именно въ томъ, что могъ жить для тѣхъ, кого любилъ. Онъ вовсе не думалъ о себѣ. Жена, дѣти—словомъ, семья—стояли на первомъ планѣ: все для нихъ.

Квартиру онъ нанималъ довольно большую, но въ ней все было приноровлено для удобства тѣхъ для кого жилъ и работалъ Николай Львовичъ. Самъ онъ занималъ небольшой кабинетъ, спальню въ одно окно, и совсѣмъ уже полутемную комнату, гдѣ помѣщались шкафы съ книгами, не умѣстившіеся въ кабинетѣ. Лучшія комнаты были отданы женѣ и дѣтямъ. Малютки росли на полномъ раздолѣ. Они не знали ни въ чемъ отказа, равно какъ не знала его и жена. Она любила комфортъ, нѣгу, любила жить широко. Не красавица, но все таки очень красивая, изящная, образованная дѣвушка, она видѣла вокругъ себя немало поклонниковъ. Но она предпочла всѣмъ имъ Николая Львовича. Чѣмъ онъ побѣдилъ ее? Почему она его выбрала? Онъ не былъ красивъ, по крайней мѣрѣ, не лучше многихъ, не былъ и богатъ: онъ жилъ исключительно докторскимъ гонораромъ и тѣмъ, что давала ему работа въ журналахъ. Правда, все это позволяло жить

хорошо, даже открыто, но все это было непрочно: доходъ съ труда не то, что доходъ съ капитала, лежащаго въ банкѣ. Такъ смотрѣли родители Натальи Дмитриевны и ея знакомые, старавшіеся отговорить ее отъ брака съ Грековымъ. Но она не послушала ихъ. Она горячо полюбила доктора за мягкій, ласкающій взглядъ его грустныхъ глазъ, проникающій прямо въ сердце, за его тихія нѣжащія рѣчи, за отношеніе къ ней—какое-то особенное, не такое, какъ у всѣхъ. Въ этомъ отношеніи, было много *любви*, гораздо больше любви тихой, чѣмъ того страстнаго элемента, который ошибочно считается главнымъ. Хотя одинъ онъ дѣлаетъ чувство непрочнымъ и эгоистичнымъ. Неопытная дѣвушка, она, однако, чутьемъ чистаго сердца поняла все это, и на признаніе Грекова отвѣтила согласіемъ. Этотъ день, этотъ мигъ,—когда онъ, катаясь съ ней въ лодкѣ, въ первый разъ сказалъ ей «люблю», и спросилъ: любить ли она его?—Наталья Дмитриевна помнила всю жизнь; эти минуты во всей ясности припомнились ей теперь. Признаніе Грекова не походило на множество другихъ признаній, которыя раньше и позже довелось выслушивать Натальѣ Дмитриевнѣ. Оно было просто и коротко, безъ громкихъ фразъ, клятвъ и увѣреній, а между тѣмъ каждое слово дышало искреннею любовью; она чувствовала, что все правда, что нельзя не вѣрить.

И она повѣрила.

Онъ ничего не сказалъ ей въ отвѣтъ на короткое «да» только посмотрѣлъ на нее долгимъ проникновеннымъ взглядомъ, нагнулся и поцѣловалъ ея руку. Наталья Дмитриевна помнить, что она, спустя нѣкоторое время послѣ свадьбы, спросила какъ-то мужа: «а что бы ты сдѣлалъ, еслибы я отказала?»:

— Что? Я любилъ бы тебя.

— Но я бы вышла за другаго!

— Это не мѣшало бы мнѣ тебя любить.

— А твоя жена?

— Я бы никогда и ни на комъ не женился,—отвѣтилъ Николай Львовичъ уже совсѣмъ серьезно, и обычная морщинка набѣжала на его высокій лобъ.

И она опять почувствовала, что это была не фраза, а глубокая правда.

Недолго длилось счастье, но зато это было такое счастье, минуты котораго дѣлаютъ человѣка счастливымъ на всю жизнь, воспоминанія о которомъ даютъ потомъ, въ годы мученія и горя, силу для борьбы и утѣшенія.

Николай Львовичъ умеръ скоростижно отъ разрыва сердца. Это былъ страшный ударъ, который, казалось, не перенести

ей. Даже и теперь, черезъ много лѣтъ, вспоминая объ этихъ страшныхъ минутахъ, Наталья Дмитриевна чувствуетъ, что ея сердце готово разорваться отъ боли и ужаса. А тогда ей казалось, что и она умерла вмѣстѣ съ тѣмъ, чьи глаза, свѣтившіеся одной любовью къ ней, потухли и закрылись. И оно было такъ: она умерла для жизни, для радостей, для шумнаго веселья; все это отошло, сдѣлалось для нея чуждымъ. Жизнь потеряла цѣну, и она охотно умерла бы вмѣстѣ съ нимъ, унесшимъ съ собою ея смѣхъ, ея способность отзываться сердцемъ на шумное, блестящее веселье. Въ первыя минуты она забыла все, даже дѣтей. Она сдѣлалась какимъ-то полутрупомъ: ходила, говорила, распоряжалась — но все это какъ-то безсознательно, автоматически. Боялись за ея разумокъ, опасались, что она наложитъ на себя руки.

Отъ мужа не осталось никакихъ средствъ. Послѣ широкой жизни, послѣ довольства, ей пришлось скоро встрѣтиться лицомъ къ лицу съ нуждой. И это-то обстоятельство, можетъ быть, спасло и отрезвило Наталью Дмитриевну. Она какъ бы пришла въ себя, оглянулась и поняла, что ждетъ ее, ея дѣтей — тѣхъ самыхъ дѣтей, о блестящей судьбѣ которыхъ такъ любилъ мечтать покойный. Мечталъ! Но развѣ можно было мечтать, не имѣя обезпеченнаго завтра? Любя, не слѣдовало ли позаботиться о будущемъ? И она въ первый разъ упрекнула себя, и даже мужа. Да, они должны были жить не только нынѣшнимъ днемъ, жить такъ необдуманно-широко... Она была молода, неопытна, а онъ старше ея, и онъ долженъ былъ подумать объ этомъ,—тогда бы тяжелаго настоящаго не было. А теперь вотъ... Надѣяться было не на кого. Приходилось бороться, а не опускать руки. Въ ней вдругъ проснулась энергія, та упорная энергія, которая была свойственна ея натурѣ, но спала, пока бодрствовала энергія другаго чловѣка! Но не легко было Натальѣ Дмитриевнѣ хлопотать и заботиться, потому что она годами привыкла, чтобы заботились о ней, а не она.

Потянулись тяжелые, мрачные годы, и вотъ, когда Наталья Дмитриевна узнала, что значить остаться бѣдною вдовою! Она такъ вѣрила въ людей, такъ любовно смотрѣла на все, стоя вдаль отъ житейской битвы, сталкиваясь съ людьми въ обстановкѣ, при условіяхъ, когда всѣ кажутся хорошими, всѣ предупредительны и любезны. Но вотъ ей пришлось искать работы, хлопотать за дѣтей, и тѣ же самые люди, которые еще недавно такъ радушно встрѣчали ее у себя въ гостинныхъ, рассыпались въ любезностяхъ,

увѣряли въ дружбѣ, сидя въ ея будуарѣ,—теперь вдругъ сдѣлались холодными, черствыми, и для нея у нихъ нѣтъ уже ни прежнихъ любезныхъ фразъ, ни прежняго вниманія. Ей высказывали банальное сожалѣніе, причѣмъ иные забывали даже имя или путали его, заставляли ее дожидаться по часамъ въ своихъ пріемныхъ, а на ея просьбы слышались отвѣты, въ родѣ слѣдующихъ: «не могу-съ»... «нельзя-съ»... «хорошо, погодите, если можно; впрочемъ, не общаю»... «Извините, такъ много желающихъ», и т. д.

Она удивлена, она озадачена. Но разъ... Боже мой! Этого она не ожидала никогда, даже и послѣ того, какъ многое уже поняла въ людяхъ. Она обратилась къ одному богатому комерсанту, часто бывавшему у нихъ при жизни мужа, и даже считавшемуся другомъ покойнаго. Она обратилась съ просьбою помочь ей пристроить куда нибудь мальчика. Обладатель милліоновъ встрѣтилъ молодую красивую вдову любезно, даже очень любезно. Онъ такъ сожалѣетъ, такъ сочувствуетъ. Бѣдныя дѣти! Послѣ такой жизни—вдругъ... Онъ пришелъ въ ужасъ, узнавъ, что она живетъ въ двухъ комнатахъ, гдѣ-то на Пескахъ, чуть не на чердакѣ. Она такъ молода, красива. Наталью Дмитріевну смутили эти подчеркиванія ея молодости и красоты. Она заговорила о дѣтяхъ. О, разумѣется, дѣтямъ нужно не то, согласился богачъ, но вѣдь если ей будетъ хорошо,—будетъ хорошо и дѣтямъ. Неужели она этого не понимаетъ? Да, она не поняла сразу смысла этихъ фразъ. Милліонеръ улыбнулся наивности вдовы, и высказался уже яснѣе.

Оскорбить больше было нельзя. Не помня себя, она вскочила съ дивана. Ея щоки пылали. И гнѣвъ, и страшная боль одновременно наполнили ея сердце. Ей сдѣлалось трудно дышать; вся блѣдная, дрожащая, она бросилась вонъ изъ залы и, не совладавъ съ собою, громко, истерически разрыдалась въ передней.

Она застала дѣтей уже спящими, упала на колѣни передъ портретомъ мужа и, рыдая, шептала въ какомъ-то изступленномъ полузабытьѣ:

— Милый мой, дорогой мой! Еслибы ты зналъ, чувствовалъ, какъ оскорбляютъ твою Наташу!

И на стекло рамки лились слезы, одной изъ которыхъ было бы достаточно, чтобы прожечь все сердце того, къ кому взывала теперь оскорбленная женщина. Къ счастью для него, онъ не зналъ и не чувствовалъ, какъ подло и безчеловѣчно поступилъ его другъ съ той, которую онъ берегъ, какъ святыню. Случайно зашедшая соседка застала Грекову въ нервномъ припадкѣ.

Послѣ этого жестокаго удара, Наталью Дмитріевну уже все

перестало удивлять и оскорблять. Въ самомъ дѣлѣ, въ сравненіи съ этимъ, что могло значить предложеніе товарища мужа отдать сиротъ въ пріютъ, гдѣ мальчика устроили бы къ сапожнику, а дѣвочку въ модный магазинъ. Стоило ли уже оскорбляться, если ее не принимали подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ тѣ самые люди, которые прежде часто бывали у нея и обижались за то, что она рѣдко посѣщаетъ ихъ. Даже отказъ въ просьбѣ одолжить пятнадцать рублей, чтобы купить теплое пальто Зинѣ, уже не показался Натальѣ Дмитріевнѣ обиднымъ. Она начала привыкать къ новымъ условіямъ жизни, забывать прежнюю, припоминая ее, словно какой-то сонъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ становилось труднѣе и хуже. Пришлось перейти въ одну комнату, ходить на поденную работу въ магазинъ, и отказывать себѣ въ кускѣ мяса, чтобы только не отнять его у дѣтей.

Она была еще молода. Говорять, молодость беретъ свое. Правда, многія женщины, еще не успѣвъ сносить башмаковъ, въ которыхъ шли за гробомъ мужа, уже готовы отвѣчать на новую любовь. Наталья Дмитріевна была не изъ тѣхъ. Но она была женщина. Она вдовѣла уже пятый годъ, когда судьба столкнула ее съ однимъ архитекторомъ. Онъ произвелъ на нее впечатлѣніе, понравился, нѣкоторыми чертами лица напоминая ей покойнаго мужа. Нельзя сказать, чтобы она его горячо полюбила, но она почувствовала къ нему симпатію и, когда онъ сдѣлалъ ей предложеніе, она не сразу отказала ему. Вѣроятно, она вышла бы за него, еслибы не боязнь за дѣтей, не опасеніе, что имъ будетъ уже не такъ хорошо. А она имѣла основаніе такъ думать. Она отказала, сдѣлавъ это не безъ боли, не безъ колебанія, и въ этотъ недолгій періодъ, противъ воли, въ ея сердцѣ иногда шевелилось какое-то нехорошее чувство къ дѣтямъ. Она любила ихъ, она не могла пожертвовать ихъ счастьемъ, но въ то же время она чувствовала, сознавала, что они мѣшаютъ ея новому счастью, что для нихъ она должна отказаться отъ него. Она чувствовала себя какъ бы виноватою за это и передъ дѣтьми, и передъ памятью мужа, и въ то же время не могла заглушить того ощущенія, которое мѣшало ей попрежнему беззавѣтно любить дѣтей, ласкать ихъ, только и думать о нихъ. Минутами они, какъ будто, ей надобѣдали, мѣшали, и ея отношенія къ нимъ стали нѣсколько иными. Она сдѣлалась раздражительной, и часто была несправедлива къ сыну и дочери. Она мучилась, обвиняла себя, и сегодняшнюю холодность старалась загладить на другой день усиленной нѣжностью. Она ласкала дѣтей и плакала. Они не могли понять ея слезъ, и съ удивленіемъ спрашивали: «что съ тобою, мама? Тебя

ктонибудь обидѣлъ?» Лицо у Мити дѣлалось серьезнымъ.—«Ничего, милые, ничего, никто не обидѣлъ», съ болью въ сердцѣ отвѣчала она. Ей было и стыдно, и тяжело. И, точно ища себѣ поддержки въ борьбѣ, желая изгнать изъ души новый образъ, она вызывала изъ прошлаго другой дорогой образъ, и принималась рассказывать дѣтямъ про ихъ отца, про то, какой онъ былъ хорошій, добрый.. Она учила ихъ молиться за него, и сама вмѣстѣ съ ними молилась. Сердце человѣческое полно неумирающей жаждою любви. Сильна и велика эта жажда! Она пробудилась и въ сердцѣ Натальи Дмитриевны, истомила, истерзала ее. Однако, мать побѣдила женщину. И когда Грекова, побѣдивъ, снова успокоилась, она была рада, что такъ поступила. Ей казалось, что она оскорбила бы память мужа, еслибы поддалась новому чувству, да и не была бы счастлива. Развѣ ктонибудь другой любилъ бы такъ ее, холилъ, берегъ такъ, какъ *онъ*. О, никогда! Она сдѣлала бы очень дурно, еслибы вышла вторично. За *его* любовь, за то счастье, какое она испытала раньше, не стоило развѣ пожертвовать новымъ призрачнымъ счастьемъ, отказаться отъ него ради дѣтей *того*? Да, она поступила прекрасно. И когда въ эту минуту, она посмотрѣла на портретъ мужа, ей показалось, что онъ улыбнулся ей своей ласковой, благодарной улыбкой. Она заплакала, и съ ея губъ сорвалась невольная клятва: «никогда никто не займетъ твоего мѣста». И она почувствовала себя необыкновенно хорошо.

Съ этого дня она опять всецѣло отдалась дѣтямъ. Благодаря случаю, удалось помѣстить сына бесплатно въ гимназію. Зина уже училась. Наталья Дмитриевна работала цѣлые дни, нерѣдко и ночи. Трудно было повѣрить, что все это могла вынести она, такъ свыкшаяся съ блестящею жизнью, не знавшая, что значитъ встать рано, идти пѣшкомъ, одѣться безъ горничной. И она вынесла. Года прошли. Теперь легче. Сынъ учится; Зина... А что ждетъ ее—Зину? Развѣ уже конецъ тревогамъ? Нѣтъ, настоящія тревоги еще только начинаются. Одинъ неосторожный шагъ Зины, и она погибла. Вѣдь теперь все ея счастье—счастье въ дочери. А кто поручится, что Зина будетъ счастлива? Видѣть несчастье того, кто дорогъ,—развѣ можетъ быть еще бѣльшее горе? Зина—дѣвочка любящая, она ничего почти не скрываетъ отъ матери,—это правда, но вѣдь еще и нѣтъ у нея на душѣ никакой особенной тайны. Она увѣрена, что нѣтъ. Она зорко присматривается къ дочери. Впрочемъ, что же: дочь еще такъ юна, чиста... а дальше? Развѣ она сама не любила своей матери?—Любила, и очень, а между тѣмъ, развѣ ея мать знала зарожденіе любви въ ней? Мать

узнала только тогда, когда уже было поздно; затушить пожаръ не легко, а начало-то его мать и проглядѣла. Впрочемъ, ея мать не смотрѣла такъ зорко. Она была вся погружена въ свѣтскую жизнь. Часто ей не было никакого дѣла до дочери, но она, Наталья Дмитріевна, поступаетъ не такъ. Останься все по старому, какъ при мужѣ, и она бы, пожалуй, менѣе заботливо отнеслась къ Зинѣ: ея душа, внутренній міръ были бы дальше. Жизнь, полная блеска, отнимаетъ много времени и вниманія. Но теперь, когда всѣ ея интересы дома, на дѣтяхъ, она ближе къ дочери. Въ этомъ отношеніи даже лучше, что ея жизнь измѣнилась. О, конечно, въ прежней обстановкѣ Зина выросла бы съ другими понятіями, съ иными взглядами, а теперь... а какъ все таки во многомъ ей приходится отказывать себѣ. Она трудится, и все, что зарабатываетъ, отдаетъ матери. Нужно бы ей и платьѣ получше, и пианино, хотя напрокатъ, взять не мѣшало бы — ничего нельзя. И дѣвушка покоряется всему. Конечно, она страдаетъ и не всегда въ силахъ скрывать это, но чтобы упрекнуть мать свою, жизнь, — никогда. А между тѣмъ, что это за жизнь? Какія-то сумерки! Еще едва наступило утро, и уже сумерки. Положимъ, они рано наступили и въ ея жизни, но она знала утро: роскошное, чудное, а у бѣдной Зины... Чудное, доброе дитя! А что, если ее увлечетъ какойнибудь негодяй, разобьетъ всю жизнь? Боже, Боже! не допусти до этого!

Ей вдругъ пришелъ на память одинъ адвокатикъ: хлыщаватый, пошленькій, совсѣмъ дрянной человѣчишка. Онъ раза два, три встрѣчался съ Зиной и, видимо, она ему нравится. Онъ ухаживалъ. Это замѣтила она, и старалась всѣми силами отвлечь вниманіе дочери отъ него. Зина имъ не занята, относится къ нему, какъ ко всѣмъ, но долго ли увлечъ неопытную дѣвочку, особенно человѣку красивому, ловкому. Въ томъ возрастѣ, какъ Зина, дѣвочки еще такъ плохо умѣютъ разглядѣть и понять внутренняго человѣка въ томъ, кто произвелъ на нихъ благопріятное впечатлѣніе виѣшностью. Франтоватый адвокатикъ навязывался на знакомство, высказывалъ желаніе быть приглашеннымъ въ домъ, но Наталья Дмитріевна холодно отклонила эти поползновенія. Когда онъ предложилъ проводить ихъ изъ театра, она отказалась и отъ этого. Она наблюдала за дочерью и, возвратясь домой, нарочно заговорила объ адвокатѣ. Отвѣты Зины и личныя наблюденія успокоили ее. Пока ничего, но... ахъ, вѣдь онъ будетъ у Щеславскихъ, непременно будетъ, Зина даже говорила объ этомъ. Почему она упомянула? Неужели?... ахъ, какъ это нехорошо. Вотъ опять мученья-то: нельзя не отпустить дочь, рада, что она

веселится, и тревожишься за нее. Да, эти тревоги невыразимо мучительнѣе и тяжелѣе, чѣмъ прежнія, когда она была маленькой. Что тогда? Тогда были тревоги только матеріальныя.

Ей припомнился первый канунъ новаго года послѣ смерти мужа. Они жили уже въ маленькой квартирѣ, скромно. У Мити и Зины съ наступленія рождества начались разговоры объ елкѣ. Они привыкли къ блестящей дорогой елкѣ, къ шумному дѣтскому празднику. Они не понимали, конечно, что ничего подобнаго теперь не могло быть. На послѣднія деньги она устроила имъ елку. То была маленькая, бѣдно-убранная елка, помѣщавшяся на столѣ. Но она не доставила удовольствія дѣтямъ. Митя плакалъ и повторялъ: «не надо такой, большую, большую елку зажги». Онъ не слушалъ никакихъ уговоровъ и отталкивалъ рукою маленькую елку, продолжая требовать «большой». Онъ такъ и уснулъ въ слезахъ. Зина не кричала, даже не плакала. Она сидѣла такой печальной, убитой, неохотно зажгла елку, и не сняла ни одного дешеваго подарка съ нея. Но когда дѣвочка легла въ постельку и стала прощаться съ матерью, крестившею ее, она спросила грустно, какъ-то особенно вдумчиво, глядя своими глазками: «мама, больше никогда не будетъ у насъ нарядной елки?» Наталья Дмитріевна едва могла что-то отвѣтить. Слезы душили ее, но она старалась сдержаться при дочери. Она дала имъ волю, когда легла на свою кровать и укрылась одѣяломъ. Въ ея памяти было еще такъ живо воспоминаніе о сегодняшнемъ праздникѣ въ прошломъ году. Было много народу, весело, музыка играла, дѣтскія личики сияли счастьемъ. И онъ, ея дорогой, ея единственный другъ былъ съ нею. Послѣ вечера, когда всѣ уже гости разъѣхались, онъ вмѣстѣ съ нею пошелъ въ дѣтскую, и они вмѣстѣ любовались на спящихъ малютокъ. А потомъ онъ проводилъ ее до ея комнаты, и они еще долго сидѣли, разговаривали. Онъ посадилъ ее на колѣни и, лаская, какъ только онъ одинъ умѣлъ ласкать, дѣлился съ нею мечтами. Она слушала его съ восторгомъ, вся полная счастьемъ... А между тѣмъ смерть уже стояла у порога, и вотъ черезъ годъ она совсѣмъ одна. Все прошлое исчезло, какъ миражъ. И долго, долго въ эту ночь не спала Наталья Дмитріевна.

Потомъ... потомъ и она, и дѣти поняли многое, и привыкли къ новой жизни. Митя—очень серьезный, вдумчивый мальчикъ, такой же заботливый и добрый, какъ отецъ. Зина... о, она довольна и дочерью, только характеръ послѣдней какъ-то легче, менѣе глубокой. Братъ ея моложе, но онъ смотритъ на жизнь серьезнѣе. Онъ и теперь уже сознательно отказывается отъ многого ради матери и сестры. Славный, милый мальчикъ! Его нельзя

не любить, и она его любить нисколько не меньше, чѣмъ дочь, но она какъ-то о немъ менѣе тревожится. Ея покойный мужъ говорилъ всегда: «съ дѣвочкой больше тревогъ; не хлопоть, а именно тревогъ». Это вѣрно.

И она опять задумалась о Зинѣ. Съ болью задавала она себѣ вопросъ: неужели жизнь бѣдной дѣвочки, начавшейся сумерками,—да, сумерками, потому что утро было такъ коротко, что его нечего и считать,—неужели она и продолжится также... На что надѣяться? Она бѣдна... красива, но бѣдна, а нынче... Конечно, счастье не въ деньгахъ и не въ богатствѣ мужа. Пусть она полюбитъ и выйдетъ за небогатаго, но честнаго человѣка,—только любилъ бы онъ ее, только была бы она ему такъ дорога, какъ она сама была дорога Николаю Львовичу. И при небогатствѣ такая любовь все освѣтитъ, а то вѣдь тѣ сумерки будутъ еще тяжелѣе и холоднѣе, чѣмъ теперешніе. Отдавшись своимъ думамъ, Наталья Дмитриевна вдругъ сильно вздрогнула, когда раздался бой часовъ. Было 12.

Грекова поднялась со стула, обернулась лицомъ къ образувисѣвшему въ углу, и, крестясь, опустилась на колѣни. Она молилась о дѣтяхъ, прося провидѣніе избавить ихъ отъ горя, послать имъ свѣтлое, прочное счастье. Особенно молилась она о своей «бѣдной птичкѣ», какъ называла дочь, за судьбу которой всего болѣе тревожилась. Забывъ уже о самой себѣ, она желала только одного, чтобы жизнь Зины не походила на томительныя сумерки,

А въ эту минуту Зина, сидя за столомъ, счастливая и довольная, весело болтала со своимъ сосѣдомъ. Въ ея сердцѣ, по крайней мѣрѣ, теперь—не было сумерекъ...

А. Кругловъ.

СКАЗКИ.

(СОНЕТЪ).

Куда умчались вы, какъ звуки пѣсногѣнья,
Блестящіе рои великолѣпныхъ фей,
Царевны плѣнныя съ звѣздою межъ бровей
И принцы статные, какъ чудныя видѣнья?
Гдѣ садъ твой, Аладинъ, и яркіе каменья,
Что скрыты, какъ плоды, въ тѣни густыхъ вѣтвей?
Лампада гдѣ твоя?.. Увы! изсякъ елей,
И свѣтъ ея потухъ въ нѣмой ночи забвенья!..
Обманы милые, умчались вы туда,
Гдѣ счастье дѣтскихъ лѣтъ исчезло навсегда!
Но сердцу какъ тепло, когда изъ этой дали,
Случайною мечтой, вы къ намъ летите вновь!—
Не вы ли, призраки, намъ первые сказали,
Что есть поэзія на свѣтѣ и любовь?..

Графъ П. Бутурлинъ.

Ж Л А Д Ъ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Павла Андреевича Арапова почти всю ночь преслѣдовало роковое для него *девятое іюля*. Только что онъ засыпалъ, сейчасъ же начинала его мучить неотвязная мысль, что онъ ошибся и напрасно воображаетъ, будто теперь пошелъ іюнь мѣсяць: на самомъ дѣлѣ идетъ уже іюль. И дядя говоритъ, что іюль, и двоюродный братъ Яша настойчиво повторяетъ своей скороговоркой: „іюль, іюль, іюль“, и квартирная хозяйка, Ирина Васильевна, посмотрѣвъ на свой стѣнной календарь и проведя пальцемъ по его крайнему столбцу, упираетъ ногтемъ въ строку, въ которой обозначено: восьмое іюля, среда, день такихъ-то и такихъ-то святыхъ. Да, іюль, и притомъ восьмое число... Къ ужасу своему, онъ видитъ, что перепуталъ не только мѣсяцы, но и числа. Сегодня не второе іюня, какъ ему думалось, а восьмое іюля; слѣдовательно, роковое девятое іюля наступитъ не черезъ пять недѣль, какъ онъ рассчитывалъ, а черезъ нѣсколько часовъ,—завтра... Ну, въ такомъ случаѣ, ему, разумѣется, нечего и думать о какой бы то ни было возможности спастись,—онъ пропалъ окончательно. Остается только написать объяснительную записку дядѣ, другую—для полиціи, а потомъ пойти куда нибудь въ Горлицыну рощу или на старое кладбище и пустить себѣ пулю въ високъ.

Павель Андреевичъ просыпался со смертельною тоскою на сердцѣ. Онъ пилъ воду, выкуривалъ папиросу и понемногу

успокаивалъ свои возбужденные нервы тѣми соображеніями, что—хотя страшень сонъ, да милостивъ Богъ: сегодня все таки второе іюня, а не восьмое іюля, и до роковаго дня остается цѣлыхъ пять недѣль, въ теченіе которыхъ все можетъ устроиться благополучно. Однако, какъ только онъ успокаивался и засыпалъ, его опять начиналъ преслѣдовать тотъ же кошмаръ лишь въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Снилось Павлу Андреевичу, что онъ тяжело боленъ и ждетъ доктора. Приходить докторъ; только сейчасъ же оказывается, что это не докторъ, а ростовщикъ Дивовъ въ своей длинной шинели отставнаго военнаго, съ сѣдыми бѣлыми волосами, бѣлыми усами, бѣлыми бакенбардами и съ бѣлой фуражкой въ одной рукѣ. Въ другой рукѣ у него бумага, которую Павелъ Андреевичъ принимаетъ сначала за рецептъ, но потомъ видитъ, что это вовсе не рецептъ, а вексель.

— Ну, какъ вы себя чувствуете? Вѣдь завтра срокъ, — говорить Дивовъ.

Павелъ Андреевичъ, преисполняясь ужасомъ, опять начинаетъ думать, что онъ ошибся и что теперь не іюнь мѣсяцъ, какъ ему казалось, а уже іюль.

— Какъ завтра?!...

— Такъ, завтра, — иначе говоря, черезъ двадцать четыре часа. Сегодня у насъ восьмое іюля, а срокъ платежа назначенъ девятаго іюля. Изволите видѣть... Положимъ, вы были больны и пролежали безъ памяти больше мѣсяца; однако, я предупреждалъ васъ, чтобы вы записали это число гдѣ нибудь на стѣнкѣ, у себя передъ кроватью. Кто же виновать, если вы не послушались?

— Но если я былъ боленъ столько времени, такъ должны же вы мнѣ дать отсрочку, по крайней мѣрѣ, хоть на мѣсяцъ, — съ отчаяніемъ говорить Павелъ Андреевичъ.

— Я? Нѣтъ. Мнѣ должны многіе, но я никому не долженъ, — съ грубою ироніею отвѣчаетъ Дивовъ. — Въ этомъ вы меня ужъ извините. Здѣсь отсрочка, тамъ отсрочка, — этакъ я никогда не соберу моихъ денегъ, а между тѣмъ, мнѣ именно теперь необходимо собрать у себя въ рукахъ какъ можно болѣе крупную сумму, потому что иначе я пропущу выгодное дѣло и останусь въ дуракахъ... Мнѣ нельзя. А вамъ, вѣдь, все равно. Если вы теперь не при деньгахъ, такъ заплатитъ

Алексѣй Тихоновичъ. Онъ вамъ дядя, вы ему племянникъ,— иначе говоря, вы свои люди и можете сводить ваши денежные счета не торопясь, а по домашнему...

И опять сердце Павла Андреевича сжимается отъ мучительной тоски, опять онъ думаетъ, что ему остается только умереть, потому что, по его понятіямъ, проступки, въ родѣ сдѣланнаго имъ, искупаются лишь цѣною жизни.

Въ шесть часовъ онъ опять проснулся и, закуривъ папиросу, думалъ, что, пожалуй, лучше будетъ встать, хоть онъ и не выспался. Отъ такихъ сновъ, все равно, не прибавится бодрости и не станетъ лучше расположеніе духа. Сердце болить и тоскуетъ; преслѣдовавшая его во снѣ мысль о томъ, что остается только пустить себѣ пулю въ голову, все еще продолжаетъ гнѣздиться въ его мозгу, хотя теперь онъ знаетъ, что до роковаго девятаго іюля остается срока больше мѣсяца... Нѣтъ, лучше одѣваться и вставать.

Рядомъ со спальней была у него небольшая зальца, служившая ему также и столовой. Изъ зальцы дверь вела въ прихожую, въ которой не было окна, а вмѣсто него была стеклянная дверь въ садъ, на крытую террасу. Павелъ Андреевичъ, зѣвая и протирая щурившіеся отъ свѣта глаза, прошелъ прямо на террасу. Хозяйская кошка, дремавшая на скамейкѣ, посмотрѣла на него прищуренными глазами, тоже зѣвнула, потянулась и стала лѣниво облизывать свою сѣрую шкуру. Воробьи, копошившіеся на пескѣ около террасы, вспорхнули и разлетѣлись по деревьямъ. Дохнувъ освѣжающимъ воздухомъ, влажнымъ отъ выпавшаго за ночь дождя, Павелъ Андреевичъ спустился со ступенекъ террасы и пошелъ по саду. Около первой же яблони онъ остановился, снялъ съ листьевъ паутинный бѣлый коконъ яблонной моли и тщательно растеръ его ногою. Пройдя еще нѣсколько шаговъ и замѣтивъ коконы на другихъ яблоняхъ, онъ воротился за перчатками на террасу, гдѣ, въ наиболѣе безопасномъ отъ дождя углу, у него хранились различныя вещи, нужныя при садовой работѣ: кривые и прямые ножи, пилы, ножницы, заступы, грабли, лейки, серпъ, складная лѣстница и топоръ. Если у Павла Андреевича была къ чему нибудь особенная привязанность, такъ это именно къ садоводству. Квартира, занимаемая имъ теперь, была во многихъ отношеніяхъ очень нехороша, но ему не

приходило и въ голову мѣнять ее на какую нибудь другую, потому что, живя здѣсь, онъ могъ по своему произволу распорядиться довольно большимъ и издавна запущеннымъ садомъ. Хозяйка дома была одинокая старуха, нисколько не интересовавшаяся садомъ и даже относившаяся къ нему враждебно, потому что, по ея мнѣнію, это именно ему она обязана была сыростью, расплзавшеюся по дому, и ревматическими болями, все сильнѣе одолѣвавшими ее съ каждымъ годомъ. Павелъ Андреевичъ могъ вырубать неправившіяся ему деревья, могъ выдирать съ корнями бесполезные или слишкомъ густо разросшіеся кусты; могъ копать и перекапывать садъ во всѣхъ направленіяхъ, сажать и пересаживать что угодно. И бывали дни, когда онъ, выдя раннимъ утромъ работать въ садъ, работалъ въ немъ до вечера, заходя въ домъ только для того, чтобы на скорую руку выпить чаю и пообѣдать.

Обирая съ деревьевъ коконы яблочной моли, Павелъ Андреевичъ медленно подвигался въ глубь сада, покуда не дошелъ до его дальняго края. Здѣсь былъ пустырь, уже давно рѣзавшій глаза Павлу Андреевичу своимъ безобразіемъ. Съ одной стороны, отдѣляя этотъ пустырь отъ сада, тянулись длинною правильною линіею кусты черной смородины. Съ трехъ другихъ сторонъ,—направо, налѣво и прямо,—чернѣли старые заборы. Около одного изъ нихъ росли четыре березы, около другаго густо разросся шиповникъ, сплошь усѣянный блѣднорозовыми цвѣтами, а все остальное пространство заросло крапивой, репейникомъ и,—что безобразнѣе всего,—желтоватой болотной травой. Когда-то посрединѣ этого пустыря былъ колодець. Потомъ его засыпали, но сдѣлали это такъ небрежно, что земля надъ нимъ скоро осѣла, и здѣсь образовалась постепенно расширявшаяся яма, въ которой застаивалась вода. Образовалось болото. По мнѣнію Павла Андреевича, необходимо было выкопать двѣ осушительныя канавы и вырытой изъ нихъ землей засыпать осѣвшее мѣсто. Тогда и въ этой части сада можно будетъ разводить что угодно, тѣмъ болѣе, что земля здѣсь, пожалуй, даже лучше, чѣмъ тамъ. Нѣтъ, не можетъ онъ дольше переносить такого безобразія и сегодня же примется копать канаву.

II.

Наскоро напившись чаю, онъ дѣйствительно принялся за работу. Въ тѣ дни, когда, вслѣдствіе чего бы то ни было, на него находило тоскливое настроеніе духа, онъ привыкъ обращаться къ тяжелой физической работѣ, какъ къ лучшему лѣкарству. До этого времени оно почти всегда помогало ему. Но на нынѣшній день и это испытанное лѣкарство оказывалось бессильнымъ. Роковое девятое іюля не выходило изъ головы Павла Андреевича, и на душѣ у него нисколько не дѣлалось покойнѣе.

Это петля на шеѣ! Это—совершенно безвыходное положеніе!.. И, главное, онъ очутился въ этомъ безвыходномъ положеніи такъ незамѣтно и неожиданно, что все еще не можетъ опомниться и понять, какъ попалъ въ эту петлю... Жилъ онъ всегда скромно. Въ обстановкѣ для своей квартиры,— въ какойнибудь шикарной мебели, коврахъ, драпировкахъ, бронзовыхъ лампахъ по тридцати рублей за штуку, разныхъ дорогихъ бездѣлушкахъ для украшенія письменнаго стола— онъ никогда не чувствовалъ надобности и смотрѣлъ на всю эту обстановочную роскошь, какъ на пошловатое мѣщанство. На ѣду онъ тоже былъ не прихотливъ. Тарелка щей или супу, да кусокъ жаренаго мяса — вотъ все, что ему нужно было, чтобы пообѣдать, какъ слѣдуетъ, а за такой обѣдъ квартирная хозяйка брала съ него обыкновенно шесть, семь рублей въ мѣсяць. Къ вину у него не было привычки. Въ обществѣ, когда другіе пили, разумѣется, пилъ и онъ, чтобы не стѣснять другихъ и не ставить себя въ глупое положеніе какого-то особеннаго человѣка, но само по себѣ вино вовсе не было для него необходимою или потребностью. Карты— онъ, пожалуй, любилъ, но и къ нимъ у него не было страсти. Временами, въ особенности лѣтомъ, ему случалось не дотрогиваться до нихъ по цѣлымъ мѣсяцамъ. Въ длинные же осеніе и зимніе вечера, когда къ нему приходили товарищи или онъ шелъ къ комунибудь изъ нихъ,—что было дѣлать безъ игры въ карты?.. Иногда ему случалось порядочно проигрываться, въ другое время приходилось точно также порядочно выигрывать. Въ сущности, еслибы возможно было подвести

итоги проигрышамъ и выигрышамъ, эти итоги оказались бы, по всей вѣроятности, равны между собою или разнились бы одинъ отъ другаго на пустяки. Игралъ онъ не съ шулерами, а съ товарищами или знакомыми, игралъ спокойно, потому что волноваться изъ-за денегъ позволительно только торгашамъ и семинаристамъ; счастливыя и несчастныя для него полосы чередовались между собою довольно равномерно... Нѣтъ, карты не имѣли и не могли имѣть никакого серьезнаго значенія въ его жизни.

Ему постоянно говорили, что онъ не знаетъ цѣны деньгамъ и не умѣетъ распоряжаться ими. Дѣйствительно, онъ никогда не умѣлъ торговаться и, вслѣдствіе этого, жизнь стоила ему дороже, чѣмъ другимъ. За квартиру, которой хорошая цѣна была восемь рублей, онъ платилъ десять, двѣнадцать. Прислуга и денщики, не стоявшіе другимъ почти ничего, обходились ему порядочно дорого. Портные и сапожники, поставившіе ему вещи, нисколько не лучшія, чѣмъ другимъ, брали съ него дороже. Извозчики получали съ него по полтиннику за конецъ, который другимъ обходился въ пятнадцать копѣекъ. Лакеи въ ресторанахъ и клубахъ привыкли получать отъ него на чай вчетверо больше, чѣмъ отъ другихъ. Положимъ, руки у него дѣйствительно имѣли какое-то такое особенное свойство, что деньги въ нихъ просто таяли; но развѣ же возможно остановиться серьезно на той мысли, что онъ дошелъ до своего теперешняго отчаяннаго положенія именно вслѣдствіе того, что не крѣпко зажималъ въ кулакѣ всѣ эти излишне переданные имъ полтинники и двугривенные?.. Какіе пустяки!.. До этого отчаяннаго положенія его довело просто несчастное стеченіе обстоятельствъ. У него была любовница, дѣвушка лѣтъ двадцати трехъ, иногда отъ скуки поступавшая куда нибудь продавщицей, но больше жившая на его содержаніи. Лѣтъ пять назадъ, когда Павлу Андреевичу случилось совершенно неожиданно получить отъ своей двоюродной тетки наслѣдство въ четыре тысячи, онъ рѣшилъ: половину полученныхъ денегъ подарить этой дѣвушкѣ.

— Пусть это будетъ твой капиталъ, Груня Ивановна, — сказалъ онъ, — и пусть отнынѣ ты сдѣлаешься капиталисткой. Только я не отдамъ тебѣ на руки эти деньги. Я куплю тебѣ на нихъ восемь выигранныхъ билетовъ, перваго и втораго

займа поровну. Проценты и выигранные двѣсти тысячъ будешь получать, разумѣется, ты, но сами билеты будутъ куда находиться въ моемъ распоряженіи, потому что иначе ты ихъ живо прокутишь. Я выдамъ тебѣ на нихъ сохранный расписку, и когда мы поссоримся и разойдемся съ тобой, ты можешь сейчасъ же вытребовать ихъ у меня.

Съ тѣхъ поръ эти билеты много разъ то закладывались имъ, то выкупались. Но съ осени прошлаго года они не выходили изъ заклада. Часть денегъ, полученныхъ за нихъ, была издержана самимъ Павломъ Андреевичемъ; другая, значительно бѣльшая, была разобрана займы товарищами и знакомыми. И вотъ, два мѣсяца назадъ, шестаго апрѣля, ему пришлось проиграть около девяносто рублей. Проигрышь, конечно, былъ довольно чувствительный, но самъ по себѣ онъ не могъ поставить Павла Андреевича въ безвыходное положеніе, потому что одинъ только Муравлевъ, на котораго онъ могъ вполнѣ положиться, былъ долженъ ему восемьсотъ рублей и обѣщаль возвратить эти деньги по первому слову. До безвыходнаго положенія довела его „Груня Ивановна“. Утромъ на другой день, когда Павелъ Андреевичъ только что всталъ съ постели, Груня явилась, видимо, сама не своя и прямо бросилась ему въ ноги.

— Груня Ивановна! Помилосердствуй! Это еще что за новости?!—воскликнулъ онъ, съ недоумѣніемъ замѣчая, что она одѣта какой-то сироткой, въ скромненькое темное платье и причесана гладко, безъ всякихъ вычурныхъ завитковъ и кудряшекъ.

Никогда не отличавшаяся послѣдовательностью въ своихъ объясненіяхъ и, постоянно начинавшая говорить не съ того конца, съ какого слѣдовало, она на этотъ разъ сыпала словами, слезами и жестами еще болѣе беспорядочно; однако, въ концѣ концовъ, Павелъ Андреевичъ понялъ, что ей представляется счастливый случай—выйти замужъ за прекраснаго непыющаго человѣка, который служить куда прикащикомъ на хорошемъ жалованьи, а съ ея деньгами можетъ хоть сейчасъ же начать свою собственную торговлю. Павелъ Андреевичъ насупился. Конечно, ему было больно, что женщина, въ которой онъ привыкъ и которая,—какъ ему думалось,—должна была привыкнуть къ нему, на самомъ дѣлѣ такъ легко

покидаетъ его. Въмѣстѣ съ этимъ онъ соображалъ, что нельзя же удерживать ее, когда представляется такой, по ея понятіямъ, рѣдкостно-счастливый случай сдѣлаться законною женою и купчихою, то есть сразу занять опредѣленное и довольно солидное положеніе въ ея обществѣ. Но тотчасъ же всѣ эти соображенія были отодвинуты на задній планъ и совсѣмъ заслонены тревожною мыслью: откуда же онъ возьметъ теперь денегъ, чтобы выкупить заложенные билеты?

— Ну, хорошо, Груня Ивановна, только не терзайся и не плачь, а сядь, — сказалъ онъ. — Билеты свои, если отъ нихъ зависить твое счастье, ты получишь. Только теперь ихъ нѣтъ у меня, — они заложены. Сколько ты можешь дать мнѣ срока, чтобы справиться съ деньгами и выкупить ихъ?

Груня Ивановна была до того поражена его словами, что у нея побѣлѣли губы и затруднилось дыханіе. Теперь она заговорила ужъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ ее спрашивали, а о покойной матушкѣ, о покойномъ батюшкѣ, о томъ, что вся ея жизнь была сплошь горькая и что, навѣрное, и теперь судьба жестоко насмѣется надъ нею, — только покажетъ ей издали счастье, а въ руки не дастъ... Наконецъ, безпрестанно прерывая ея жалобы, спрашивая и переспрашивая ее по пунктамъ, Павелъ Андреевичъ допытался, что билеты нужны ей чуть не сейчасъ, потому что ея женихъ пріѣхалъ сюда только на нѣсколько дней, съ товаромъ на ярмарку, и тотчасъ же долженъ ѣхать по хозяйскимъ дѣламъ въ Москву. Павелъ Андреевичъ задумался. Въ лицѣ Груни, въ ея взглядѣ и отвѣтахъ ему видѣлось что-то крайне подозрительное. Очень могло быть, что она узнала какимъ нибудь образомъ, — черезъ денщиковъ или квартирныхъ хозяекъ, — о его вчерашнемъ проигрышѣ и, испугавшись за судьбу своихъ билетовъ, рѣшилась, по совѣту добрыхъ людей, какъ можно скорѣе выручить свой капиталъ. Всю эту исторію о своемъ странствующемъ изъ города въ городъ женихѣ она, пожалуй, просто выдумала съ помощью пріятелей и пріятельницъ... Однако, дѣло было въ томъ, что выдумала она или не выдумала, а билеты несомнѣнно принадлежали ей, и разъ она, изъ недобрыя ли ему, или почему бы то ни было другому, хочетъ взять ихъ, — ему остается только одно: возвратитъ безъ всякихъ разговоровъ.

— Прекрасно,—сказалъ онъ.—Только повторяю тебѣ, у меня нѣтъ теперь въ рукахъ ни твоихъ билетовъ, ни денегъ, чтобы выкупить ихъ. Сейчасъ я поѣду доставать деньги. Сегодня, пожалуй, уже не успѣю возвратитъ тебѣ билеты, но завтра, по всей вѣроятности, возвращу. Даже навѣрное возвращу, можешь быть спокойна! — рѣзко проговорилъ онъ вдругъ, замѣтивъ въ глазахъ Груни Ивановны, уязвленное его, выраженіе тревожнаго недовѣрія.

Прежде всего онъ поѣхалъ къ лучшему своему пріятелю Муравлеву, съ которымъ былъ на „ты“ еще съ того времени, когда они учились—одинъ въ корпусѣ, другой въ гимназіи. День былъ будничныи, и Павлу Андреевичу пришлось ѣхать въ банкъ, гдѣ служилъ Муравлевъ.

— Здравствуй. Очень тебѣ благодаренъ,—сказалъ Муравлевъ, меланхолически посмотрѣвъ на него своими припухшими и нѣсколько воспаленными больными глазами.

— За что?

— За пріятно проведенные часы. Я еще вчера ночью узналъ отъ папочки о твоемъ проигрышѣ... Говорятъ, тысячи полторы...

— Нѣтъ, около девяносто.

— Только?.. Душевно радуюсь за тебя, но мнѣ и отъ девяносто не легче, чѣмъ отъ тысячи пятисотъ. Я постарался сегодня же приготовить деньги, которыя тебѣ долженъ, но еслибы ты зналъ, чего мнѣ это стоило!.. По всей вѣроятности, тебѣ вѣдь не обойтись безъ нихъ теперь? Билеты всѣ заложены?

Павель Андреевичъ повѣсилъ голову и молчалъ нѣсколько времени. Когда онъ ѣхалъ сюда, въ немъ гнѣздилась нѣкоторая надежда, что, можетъ быть, Муравлевъ поможетъ ему достать гдѣ нибудь деньги, необходимыя для выкупа билетовъ. Теперь эту надежду приходилось оставить.

— Скверно,—сказалъ онъ.—А мнѣ до зарѣзу нужно было бы добыть около трехъ тысячъ.

— Къ сроку?

— Сегодня же.

— Чортъ побери!—проговорилъ Муравлевъ.

Павель Андреевичъ опять замолчалъ, раздумывая, что

ему теперь дѣлать и брать или не брать у Муравлева приготовленные имъ деньги.

— Ты говоришь, тебѣ было очень трудно достать эти деньги?—спросилъ онъ наконецъ.

— Ну, да... Но что же дѣлать?.. Кажется, что и твое положеніе не изъ легкихъ... Чтò еще такое стряслось надъ тобой, что тебѣ понадобились сразу такія деньги, да притомъ сейчасъ?

— Объ этомъ послѣ,—отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ.—А теперь я, видишь ли, не знаю, брать мнѣ у тебя деньги или не брать... Все равно, мнѣ нужно добывать еще двѣ тысячи... Можетъ быть, достану и всѣ три... Я думаю, сначала мнѣ надо повидаться съ дядей и еще кое съ кѣмъ, и тогда ужъ будетъ видно, можно мнѣ будетъ обойтись безъ твоихъ денегъ или нельзя...

— Ахъ, еслибы!..—тихо воскликнулъ Муравлевъ, вдругъ оживившись.—Еслибы ты нашелъ возможность обойтись безъ моихъ денегъ хоть одну только недѣлю, такъ и этимъ снялъ бы у меня съ плечъ цѣлую гору!

Павелъ Андреевичъ ушелъ отъ него, повѣсивъ голову. Четверо или пятеро другихъ знакомыхъ тоже были должны ему нѣсколько сотъ рублей. Но, во-первыхъ, самый крупный изъ этихъ должниковъ, перебравшій у него въ разное время рублей до трехсотъ, уже два мѣсяца лежалъ больной въ постели и, по всей вѣроятности, больше прежняго нуждался въ деньгахъ. Нельзя же было напоминать ему о долгѣ. А, во-вторыхъ, еслибы Павлу Андреевичу даже и удалось собрать сегодня всѣ деньги, какія были ему должны товарищи, то чтò же онъ сталъ бы дѣлать съ этими пятью или шестью сотнями рублей, когда ему нужны были почти три тысячи? Нѣтъ, не стоитъ и беспокоить людей изъ-за такихъ пустяковъ. Придется обратиться прямо къ дядѣ. Отношенія между нимъ и дядей Алексѣемъ Тихоновичемъ были очень хорошія. Помимо того, что дядя смотрѣлъ на него, какъ на порядочнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, существовало еще одно обстоятельство, заставлявшее старика относиться къ племяннику съ особенною заботливостью. У дяди былъ сынъ Яша, юноша лѣтъ семнадцати, очень болѣзненный и, главное, съ какими-то путанными и, по временамъ, какъ бы заволакивавшимися туманомъ ум-

ственными способностями. Самъ старикъ, которому шель уже седьмой десятокъ лѣтъ, тоже не отличался крѣпостью здоровья и, къ тому же, былъ мнителенъ. Задавшись иногда мыслью, что въ него закрадывается серьезная болѣзнь и что теперь ему остается только готовиться къ смерти, онъ въ томительной тоскѣ останавливался надъ мыслью: что же будетъ безъ него съ несчастнымъ сыномъ? Какъ будетъ жить этотъ Богомъ обиженный мальчикъ, когда онъ совсѣмъ не въ состояніи существовать безъ няньки и безъ постояннаго заботливаго надзора надъ нимъ?.. Живо обернуть и ограбятъ сироту... Хорошо еще, если послѣ этого позаботятся пристроить его куда нибудь въ больницу, а то придется ему бродить по улицамъ блаженненькимъ дурачкомъ, безъ шапки и обуви, голодному и иззябшему... Горе, горе!.. Одна только надежда на Павлушу, который и любитъ своего несчастнаго двоюроднаго брата, и сдумѣлъ привязать его къ себѣ, и, конечно, позаботится о немъ при случаѣ... если только не уѣдетъ куда нибудь далеко. Но въ послѣднее время отношенія между Павломъ Андреевичемъ и его дядей перемѣнились. Года два назадъ, старикъ, руководствуясь, какъ ему думалось, одною только заботою о будущности своего Яши, вздумалъ жениться. Дѣвушка, которая навела его на эти мысли о женитбѣ, казалась ему именно такою женщиною, какая можетъ замѣнить Яшѣ если не мать, то хоть сестру. Она была уже не первой молодости, совершенно одинока, безъ всякихъ средствъ, жила изъ милости у своей крестной матери, исполняла всякую черную работу по хозяйству и, какъ ходили слухи, подумывала поступить въ монастырь. Старикъ рассчитывалъ, что будетъ вполне естественно, если эта неизбалованная жизнью дѣвушка, войдя хозяйкою въ его сравнительно богатый домъ, въ среду любящихъ людей, почувствуетъ себя точно пригрѣтою солнцемъ и привяжется всѣмъ сердцемъ къ мужу и пасынку. Конечно, онъ женился.

Павель Андреевичъ, не безъ интереса слѣдившій за тѣмъ, что изъ этого выдетъ, скоро рѣшилъ про себя, что хорошаго не будетъ ничего. Его новая тетенька нравилась ему все меньше и меньше. Сначала ему не нравились только ея угловатыя манеры, взглядъ изподлобья, отрывистость вопросовъ и отвѣтовъ, самое ея имя—Валентина Константиновна.

Но потомъ, по мѣрѣ того какъ Валентина Константиновна входила въ свою новую роль полновластной хозяйки довольно богатаго дома и переставала дичиться людей, ея племянникъ все больше и больше укрѣплялся въ томъ убѣжденіи, что она—самая обыкновенная пустынькая бабенка, обрадовавшаяся тому, что наконецъ-то ей представилась возможность дѣлать себѣ какіе угодно наряды и пользоваться всѣми удовольствіями, какими пользуются другія дамы. Съ каждой недѣлей она обзаводилась новыми и новыми пріятельницами. Одной, дома, со старикомъ-мужемъ и „блаженненнымъ“ пасынкомъ, безконечно надоѣдавшимъ ей то своимъ страдальческимъ видомъ, когда былъ боленъ, то неумолкаемою болтовнею, — ей становилось все скучнѣе и скучнѣе. Старикъ Араповъ по временамъ какъ будто чувствовалъ, что онъ ошибся въ этой женщинѣ, и тогда еще сердечнѣе относился къ своему племяннику, а въ другое время, напротивъ, весь подпадалъ подъ власть молодой жены и въ эти періоды замѣтно охлаждѣвалъ къ Павлу Андреевичу.

И прежде, еще до второй женитьбы дяди, Павелъ Андреевичъ очень рѣдко и неохотно обращался къ дядѣ за деньгами. Во-первыхъ, старикъ никогда не бралъ назадъ денегъ, взятыхъ племянникомъ взаймы, а это было очень неприятно Павлу Андреевичу, потому что эти подарки набрасывали, какъ ему казалось, подозрительный отблескъ на его добрыя отношенія къ дядѣ и двоюродному брату. Во-вторыхъ, имѣть какія бы то ни было денежныя дѣла съ дядей было вообще неприятно, такъ какъ старикъ, отчасти по разсѣянности, отчасти по врожденному ему неумѣнью обращаться съ цифрами, постоянно все перепутывалъ въ своихъ счетахъ—и то насчитывалъ въ итогахъ сотни рублей, которыхъ у него не оказывалось въ наличности, то, наоборотъ, находилъ въ шкатулкѣ или въ сголѣ препорядочныя деньги, которыхъ, по итогамъ, у него не должно было быть. А теперь къ этимъ неприятностямъ присоединялась еще и та, что Валентина Константиновна, относившаяся къ Павлу Андреевичу также недружелюбно, какъ онъ относился къ ней, по всей вѣроятности, сейчасъ же узнаетъ, что онъ обращался къ дядѣ за деньгами, и, конечно, воспользуется этимъ случаемъ, чтобы еще больше возстановить старика противъ племянника.

Однако, дѣлать было нечего. Если Павелъ Андреевичъ хотѣлъ достать необходимыя деньги, то ему оставалось теперь только одно: обратиться къ дядѣ. Когда онъ пришелъ къ нему, Валентина Константиновна еще спала, Яша только что собирался вставать, а старикъ сидѣлъ въ столовой, одинъ съ собачкой Лайкой на колѣняхъ, и пилъ чай.

— А... это ты, — сказалъ онъ, увидѣвъ племянника. — Здравствуй. Садись, налей себѣ чаю, если хочешь... Ну, какъ дѣла?

На сердцѣ у Павла Андреевича стало еще тяжелѣе, чѣмъ было. Онъ такъ хорошо зналъ дядю, что съ перваго же его взгляда и слова понялъ, что теперь стоитъ такая полоса, когда старикъ находится подъ башмакомъ своей Валентины Константиновны, а къ нему, племяннику, по меньшей мѣрѣ равнодушенъ.

— Плохи! — отвѣчалъ онъ, наливая себѣ чаю.

— Что такъ?

— Еще вчера были ничего себѣ; а сегодня стали совсѣмъ скверны.

— Что же такое случилось?

— Не выпался... въ головѣ какая-то муть... на душѣ тоже скверно... Я вчера порядочно проигрался, — проговорилъ Павелъ Андреевичъ тѣмъ, усвоеннымъ имъ себѣ, ровнымъ тономъ, по которому чрезвычайно трудно было понять, волнуется онъ хоть сколько нибудь, или совершенно спокоенъ.

— И много?

— Порядочно. Почти девятьсотъ.

— Охъ... Наличными или долженъ заплатить.

— О наличныхъ не стоило бы и говорить. Долженъ заплатить около девятьсотъ.

Старикъ видимо обезпокоился, переложилъ у себя на колѣняхъ собачку, запахнулъ полу своего драповаго халата и сталъ тревожно вертѣть пальцами.

— Скверно, скверно! Какъ же ты теперь думаешь? А?.. Осталось у тебя что нибудь изъ тѣхъ четырехъ тысячъ? Или ужь все ухнулъ? А?..

— Собственно у меня ничего не осталось. Но роздано по рукамъ порядочно. Одинъ Муравлевъ долженъ мнѣ больше восьмисотъ рублей. Онъ уже приготовилъ мнѣ эти деньги,

такъ что я могу ихъ взять хоть сейчасъ... Но дѣло въ томъ, что если я возьму у него эти деньги теперь, то поставлю его въ крайне затруднительное положеніе. Онъ говоритъ, что еслибы я хоть съ недѣлю подождалъ брать ихъ, то и этимъ вывелъ бы его изъ страшнаго затрудненія.

— Изъ страшнаго затрудненія,—повторилъ старикъ, начиная раздражаться.—Да что же дѣлать, если ты и самъ находишься въ страшномъ затрудненіи? Что касается до меня, такъ я и радъ бы былъ выручить тебя, да у меня, какъ нарочно, подошла такая полоса, что я и самъ не знаю, какъ мнѣ быть съ деньгами. Нѣту ихъ у меня! Вчера Валентина Константиновна просила приготовить ей рублей сотню, сегодня Яшѣ на что-то понадобились десять рублей, а у меня ничего нѣтъ, хоть и должны бы быть деньги. Ума не приложу, куда онѣ могли дѣваться. Потерять—кажется, негдѣ, тѣмъ болѣе, что я ужь съ недѣлю не выходилъ изъ дому; передать кому нибудь—тоже какъ будто не было возможности, хотя, по правдѣ сказать, за послѣднее время, я, пожалуй, только и дѣлалъ, что выдавалъ деньги направо и налево. Расходовъ — тьма... Я думаю, что раньше какъ мѣсяца черезъ полтора мнѣ не справиться съ деньгами...

Павель Андреевичъ молчалъ.

— Конечно,—продолжалъ старикъ, искоса посмотрѣвъ на его печальное и озабоченное лицо,—конечно, еслибы тебѣ было не откуда достать денегъ, я не допустилъ бы до того, чтобы ты затянулъ уплату долга, а досталъ бы тебѣ эти деньги во что бы ни стало. Объ этомъ нечего и говорить. Но ежели Муравлевъ уже приготовилъ тебѣ эти деньги, такъ лучше взять ихъ. Что дѣлать? Ему трудно, да вѣдь и намъ не легче.

Пришелъ Яша, пришла вслѣдъ за нимъ Валентина Константиновна, и разговоръ о деньгахъ уже не возобновлялся между дядей и племянникомъ до той минуты, покуда Павель Андреевичъ собрался уходить.

— Такъ какъ же? Возьмешь у Муравлева?—спросилъ старикъ, выходя съ нимъ въ прихожую.

— Что дѣлать! — неопредѣленно проговорилъ Павель Андреевичъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что, кажется, ничего больше не остается. Возьми, возьми, это будетъ самое лучшее.

Однако Павелъ Андреевичъ не пошелъ къ Муравлеву и не былъ согласенъ съ тѣмъ, что взять у него деньги—самое лучшее. Чтò онъ будетъ дѣлать съ этими восемьюстами рублей, когда ему нужно около трехъ тысячъ? Взявъ у Муравлева деньги, онъ не освободится самъ изъ петли, въ которую вдѣлъ свою голову, и, очевидно, поставитъ только товарища въ самое мерзкое положеніе. Что въ этомъ хорошаго? Дойдя до городского сада на Соборной площади, Павелъ Андреевичъ свернулъ на одну изъ боковыхъ дорожекъ и сталъ ходить по ней взадъ и впередъ. Сколько ни обсуждалъ онъ свое положеніе, ему представлялось всего два выхода. Одинъ—пойти опять къ дядѣ и откровенно рассказать ему все. Дядя, давно уже поговаривавшій о томъ, что Павлу Андреевичу слѣдовало бы оставить службу и серьезно заняться хозяйствомъ, къ которому у него были и способности, и влеченіе, собирался сдѣлать ему довольно крупный подарокъ. Прошлою осенью онъ повезъ его за городъ, на такъ называемую Ключковскую дачу, и велѣлъ внимательно осмотрѣть ее. Когда осмотръ былъ конченъ и Павелъ Андреевичъ похвалилъ и старый, но еще крѣпкій домъ, и полузапущенный огромный фруктовый садъ, и землю, старикъ сказалъ:

— Ну, въ такомъ случаѣ, если Богъ дастъ, я куплю эту дачу для тебя. Вотъ только подожди до конца мая или до іюня, дай мнѣ справиться съ деньгами. И сдѣлаю я это столько же для своего собственнаго спокойствія, сколько для тебя. Во-первыхъ, здѣсь ты будешь несравненно больше на своемъ мѣстѣ, чѣмъ теперь въ полку. Во-вторыхъ, хозяйство можетъ дать тебѣ со временемъ гораздо больше средствъ и независимости, чѣмъ военная служба. А въ третьихъ, и самое главное для меня: купивъ тебѣ эту дачу, я хоть до нѣкоторой степени прикрѣплю тебя къ мѣсту. Я буду спокоенъ, что отъ хозяйства ты не уйдешь такъ легко въ тридцатое государство, какъ можешь уйти теперь съ полкомъ. Случись что нибудь со мной, я буду знать передъ смертью, что Яша останется не одинъ на свѣтѣ, а подъ твоей защитой... Кто знаетъ, можетъ быть, придутъ такія времена, что Яшѣ придется искать себѣ пріюта подъ этою кровлей. Въ жизни все возможно...

По крайней мѣрѣ, я буду знать, что здѣсь онъ всегда найдетъ себѣ и уголь, и кусокъ хлѣба...

И вотъ, пойти теперь къ старику, напомнить эти слова, сказать, что онъ можетъ сдѣлать ему, Павлу Андреевичу, неизмѣримо болѣе цѣнный подарокъ: пусть только выручить его теперь изъ отчаяннаго положенія и пусть знаетъ, что этимъ онъ пріобрѣтетъ себѣ и Яшѣ человѣка, который до конца жизни будетъ считать себя въ неоплатномъ долгу передъ ними.

Да, пойти сказать!... Это легко задумать, но страшно трудно сдѣлать. Конечно, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что, узнавъ о томъ положеніи, въ какомъ находится племянникъ, старикъ, откуда бы то ни было и на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, достанетъ денегъ. Онъ не допуститъ, чтобы его ближайшій и любимѣйшій родственникъ, сынъ роднаго брата, обвинялся въ томъ, что позволилъ себѣ растратить деньги своей любовницы. Невозможно ни на одну минуту усомниться въ этомъ. Но, все таки, какъ пойти рассказывать дядѣ свою исторію и просить у него три, двѣ тысячи, когда онъ сейчасъ говорилъ, что ему трудно достать и тысячу? Съ прошлой осени, когда они ѣздили осматривать Ключковскую дачу, все успѣло измѣниться. Тогда старикъ, вслѣдствіе цѣлаго ряда непріятныхъ исторій съ женой, горько разочаровался въ ней и смотрѣлъ на Павла Андреевича, какъ на единственнаго своего друга, на котораго только и можно положиться. Съ тѣхъ поръ Валентина Константиновна если не поумнѣла, то научилась лучше приноравливаться къ окружающимъ ее людямъ и обстоятельствамъ. Непріятности между нею и мужемъ происходили все рѣже, дѣлались все менѣе серьезными, и вотъ уже мѣсяца два, если не всѣ три, старикъ находился вполне подъ ея вліяніемъ и видѣлъ своего лучшаго друга въ ней, а не въ нелюбимомъ ею племянникѣ. Теперь онъ, по всей вѣроятности, почти забылъ о Ключковской дачѣ и если иногда вспоминалъ о ней, то не иначе, какъ о непріятномъ обязательствѣ, необдуманно сдѣланномъ имъ подъ впечатлѣніемъ минуты... Какъ же при такихъ условіяхъ обратиться къ нему за помощью? Невозможное дѣло...

Былъ еще другой выходъ. Года полтораназадъ, когда Павлу Андреевичу пришлось хлопотать по дѣламъ дяди въ сосѣдней

губерніи, старикъ далъ ему на всякій случай вексельный бланкъ съ своею подписью. Тогда въ этомъ бланкѣ не представилось надобности, и онъ такъ и остался у Павла Андреевича. Старикъ забылъ о немъ, Павелъ Андреевичъ—тоже, и увидѣлъ его только вчера, когда, воротившись изъ клуба, рылся въ своей шкатулкѣ, гдѣ хранилъ деньги, разныя квитанціи и другія нужныя бумаги. Вчера онъ только покачалъ головой, увидѣвъ этотъ опасный лоскутокъ бумаги, и подумалъ, что его давно бы слѣдовало возвратить дядѣ. Но сегодня, послѣ разговоровъ съ „Груней Ивановной“, въ его головѣ не одинъ разъ проскальзывала мысль, что въ крайнемъ случаѣ стоитъ лишь написать нѣсколько строкъ на этомъ бланкѣ, проставить нужную сумму, годъ, число,—и все будетъ улажено на нѣсколько мѣсяцевъ. Уходя отъ Муравлева, онъ остановился на этой мысли уже серьезнѣе. А теперь, послѣ свиданія съ дядей, вексель не выходилъ у него изъ головы. Написать вексель на три тысячи, срокомъ, по меньшей мѣрѣ, на три мѣсяца,—такимъ образомъ, день уплаты будетъ девятого іюля. Дядя обѣщалъ купить ему Ключковскую дачу въ іюнѣ или даже въ маѣ, — слѣдовательно, деньги, нужныя для уплаты по векселю, нетрудно будетъ достать къ сроку, такъ какъ подъ эту дачу охотно дадутъ даже и больше трехъ тысячъ. Въ концѣ концовъ, все устроится какъ нельзя лучше: онъ заплатитъ свой проигрышъ, возвратитъ Грунѣ ея билеты, не поставитъ Муравлева въ затруднительное положеніе, избѣгнетъ тягостной необходимости обращаться за помощью къ дядѣ и отдѣляется только тѣмъ, что долженъ будетъ заплатить порядочные проценты ростовщику за его услугу.

Конечно, это не прямая дорога. Вѣрнѣе сказать, это скверная дорога, порядочно подлая, не говоря о томъ, что и опасная... Могутъ быть десятки случайностей, изъ которыхъ каждой совершенно достаточно, чтобы поставить его въ самое ужасное положеніе, какое только можно себѣ представить. Онъ можетъ тяжело захворать, прежде чѣмъ расплатиться по векселю. Дядя можетъ какимъ нибудь образомъ узнать о существованіи этого векселя. Обстоятельства могутъ сложиться такъ, что, при всемъ своемъ желаніи исполнить данное обѣщаніе, старикъ принужденъ будетъ откладывать

покупку дачи съ мѣсяца на мѣсяць... Игра можетъ окончиться тѣмъ, что ему останется только пустить себя пулю въ лобъ, во избѣжаніе позора... Нѣтъ, этотъ позоръ до такой степени ужасенъ, что лучше не думать о векселѣ, а сейчасъ же пойти къ дядѣ и рассказать ему все. Хотя идти къ нему — все равно, что идти на пытку, но вѣдь эта пытка не можетъ быть продолжительна, и какъ только кончится, онъ разомъ стряхнетъ съ плечъ всѣ угнетающія его заботы, точно воскреснетъ. Онъ опять почувствуетъ себя свободнымъ человекомъ и опять будетъ вправѣ говорить самому себѣ, что хотя ошибокъ и глупостей ему приходилось дѣлать много, но отъ подлостей его куда хранилъ Богъ...

Стоило только рѣшиться и, такъ сказать, насильно отвести себя къ дядѣ, но именно этого-то и не могъ сдѣлать Павелъ Андреевичъ. По мѣрѣ того какъ онъ приближался къ тому концу аллеи, откуда начиналась Московская улица, гдѣ жилъ дядя, шаги его становились все медленнѣе. Нѣтъ, лучше воспользоваться векселемъ: объясняться съ дядей — это чистая пытка. Павелъ Андреевичъ смутно предчувствовалъ, что и съ векселемъ ему предстоитъ впоследствии пытка, еще болѣе мучительная. Но пытка объясненія съ дядей предстояла сейчасъ, а пытка съ векселемъ должна была начаться еще не скоро. Мало ли что можно сдѣлать за три мѣсяца? Можно понемногу получить деньги съ Муравлева, собрать по частямъ кое-какіе другіе долги, признаться кое-гдѣ и такимъ образомъ уплатить по векселю. Наконецъ, еслибы его стало преслѣдовать такое несчастіе, что ему ни откуда не удалось бы достать нужныхъ денегъ, — ну, тогда-то, въ самой послѣдней крайности, и наступить настоящій моментъ обратиться къ дядѣ. Если ему ужь суждено непременно вынести эту пытку, то онъ успѣетъ подвергнуться ей и послѣ. Это соображеніе положило конецъ колебаніямъ Павла Андреевича. Правда, нехотя, съ неприятнымъ чувствомъ на сердцѣ, но все таки онъ рѣшилъ пустить въ оборотъ вексель дяди и, свернувъ съ половины аллеи, пошелъ по направленію къ Соборной улицѣ. Тамъ жилъ Дивовъ, съ которымъ онъ уже не одинъ разъ имѣлъ небольшія денежныя дѣла.

— Три тысячи... за подписью Алексѣя Тихоновича, — сказалъ суровый Дивовъ, выслушавъ его и задумчиво подвп-

гавъ своими пушистыми сѣдыми бровями. — Хорошо-съ... можно... Только ни подѣ какимъ видомъ не на шесть мѣсяцевъ. На шесть мѣсяцевъ не могу; иначе говоря, мнѣ необходимо получить обратно деньги не позже, какъ черезъ три мѣсяца. На три мѣсяца—извольте...

Павель Андреевичъ молчалъ.

— Если хотите на три мѣсяца, привозите вексель и получайте деньги; а не хотите — какъ хотите, — повторилъ нетерпѣливый Дивовъ.

Ясно было, что слѣдовало обратиться къ какому нибудь другому ростовщику, который согласился бы дать деньги на болѣе продолжительный срокъ. Но Павель Андреевичъ колебался и посматрѣлъ на часы. Было два часа. Съ самаго утра, съ восьмого часу, онъ говорилъ и думалъ только о деньгахъ, о заложенныхъ билетахъ, о векселяхъ, и теперь съ тоской спрашивалъ себя: неужели необходимо ѣхать за этими деньгами еще куда-то, можетъ быть, въ пять, шесть мѣствъ?.. Нѣтъ, съ него довольно. Тамъ будь, что будетъ, а если теперь представляется ему возможность стряхнуть съ себя всѣ эти грызущія сердце заботы, то у него просто нѣтъ силъ противостоять такому искушенію.

— Хорошо, — сказалъ онъ. — Когда вамъ привезти вексель? Черезъ часъ, черезъ два?

— Да, такъ часу въ шестомъ. Теперь я пообѣдаю, потомъ немного отдохну, — иначе говоря, сосну часика два, а тамъ опять буду къ вашимъ услугамъ, — отвѣчалъ Дивовъ, вставая и давая тѣмъ понять своему гостю, что онъ можетъ покуда убраться.

Это было девятого апрѣля. Получивъ деньги, Павель Андреевичъ успокоился на нѣкоторое время, но это время было очень непродолжительно, — всего недѣли двѣ, не больше. А потомъ все чаще и неотступнѣе, не только днемъ, но иногда даже и ночью, началъ его преслѣдовать гнетущій душу вопросъ: успѣетъ ли онъ въ-время достать денегъ, чтобы расплатиться по векселю? Конечно, въ крайнемъ случаѣ, у него всегда остается возможность обратиться къ дядѣ, но кто еще знаетъ, какими глазами старикъ будетъ смотрѣть на него къ тому времени? Валентина Константиновна не по днямъ, а по часамъ покоряетъ мужа себѣ подѣ ноzi, и къ тому вре-

мени, когда Павлу Андреевичу придется обратиться къ нему, старикъ, можетъ быть, будетъ уже совсѣмъ возстановленъ противъ него. Когда въ жизни человѣка наступаетъ черная полоса несчастья, можно ожидать самыхъ непріятныхъ случайностей и слѣдуетъ готовиться ко всему самому худшему. Въ концѣ апрѣля, Павелъ Андреевичъ пришелъ къ тому рѣшенію, что онъ долженъ, не медля, выйти въ отставку. Если исторія съ векселемъ окончится худо, ну, тогда, по крайней мѣрѣ, хоть полкъ и честь мундира не будутъ замараны. Если же все пройдетъ благополучно, въ такомъ случаѣ онъ можетъ, пожалуй, и опять поступить на службу.

— Что это тебѣ вздумалось? — съ видимымъ безпокойствомъ и неудовольствіемъ спросилъ дядя, когда узналъ, что племянникъ выходитъ въ отставку.

— Такъ будетъ лучше, — отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ, приготовившійся къ этому вопросу. — Тамъ у насъ завелись нѣкоторыя фізіономіи, которыя мнѣ ужасно противны. Боюсь, не вышла бы какая нибудь скверная штука, если я заблаговременно не отойду подальше.

Старикъ, хотя припомнилъ, что и прежде что-то слышалъ отъ него объ этихъ ненравившихся ему фізіономіяхъ, все таки не удовлетворился этимъ объясненіемъ.

— Хорошо. Но въ такомъ случаѣ проще было бы перевестись въ другой полкъ, — сказалъ онъ.

— Да въ сущности я такъ и хочу сдѣлать. Подожду нѣсколько времени, а потомъ опять буду проситься на службу.

Старикъ пожалъ плечами, пасмурно разсуждая самъ съ собой, что было бы гораздо проще прямо хлопотать о переводѣ въ другой полкъ, а во избѣжаніе возможныхъ столкновеній съ непріятными людьми, взять покуда отпускъ или сказаться на время больнымъ, какъ это у нихъ тамъ дѣлается. Нѣтъ, совсѣмъ не въ этомъ дѣло. По всей вѣроятности, причина кроется просто въ томъ, что племянничекъ разсчитываетъ на Ключковскую дачу, которую онъ, старый дуракъ, необдуманно пообѣщалъ купить ему.

— Ну, какъ знаешь! твое дѣло, — со вздохомъ сказалъ онъ и потомъ, точно противъ воли, прибавилъ сквозь зубы: — Пожалуй, такъ будетъ даже и лучше... Вотъ, Богъ дастъ,

справляюсь съ деньгами... можетъ быть, удастся устроить тебя иначе.

Сердце Павла Андреевича сжалось отъ тоски. „Богъ дастъ“, „можетъ быть“. Ясное дѣло, что дядя хотъ и помнить свое обѣщаніе и не считаетъ возможнымъ отступить отъ него, но будетъ откладывать покупку Ключковской дачи съ мѣсяца на мѣсяць, съ нынѣшняго года до будущаго, куда... не выиграетъ двѣсти тысячъ или не поссорится совсѣмъ съ племянникомъ. На дачу нечего и рассчитывать. Нужно придумать какія нибудь другія средства выпутаться изъ петли.

Однако, придумать онъ не могъ ровно ничего, сколько ни думалъ. Занять три тысячи рублей—было негдѣ. Собрать эти деньги по частямъ—не представлялось никакой возможности. Муравлевъ уже отдалъ ему около половины своего долга,—четыреста рублей,—и теперь отъ этихъ денегъ не оставалось почти ничего. Съ грѣхомъ пополамъ, пожалуй, можно было бы собрать рублей тысячу, но что ему въ этой тысячѣ, когда нужно три тысячи, не считая процентовъ? Оставалось опять таки одно спасеніе—обратиться къ дядѣ и просить у него денегъ. Но какъ только Павелъ Андреевичъ додумался до этой мысли, все его существо возмущалось противъ нея. Обратиться къ дядѣ именно теперь, когда старикъ видимо возстановленъ противъ него и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ твердитъ, что у него нѣтъ денегъ,—невозможное дѣло. Пусть пройдетъ еще мѣсяць. Старикъ, по всей вѣроятности, помнить же, что онъ обѣщалъ ему купить Ключковскую дачу въ маѣ или въ іюнѣ, и, въ концѣ концовъ, можетъ быть, захочетъ, не смотря ни на что, исполнить свое обѣщаніе. Да наконецъ, если даже онъ и не найдетъ этого возможнымъ, то, можетъ быть, хотъ станетъ относиться къ племяннику болѣе дружелюбно.

Прошелъ и май мѣсяць, но не принесъ ничего лучшаго. О Ключковской дачѣ дядя не упоминалъ ни словомъ. Отношенія его къ Павлу Андреевичу становились не лучше, а—пожалуй—даже хуже, отчасти именно потому, что старику, хорошо помнившему свое неисполненное обѣщаніе и въ глубинѣ души чувствовавшему себя виноватымъ передъ племянникомъ, было неловко и непріятно видѣться съ нимъ. Дѣло

дошло наконецъ до того, что дней десять назадъ Павелъ Андреевичъ далъ себѣ слово не ходить больше къ дядѣ „до послѣдней минуты“. Тогда и пойдетъ (если только пойдетъ), а до тѣхъ поръ зачѣмъ онъ будетъ таскаться туда, гдѣ его не хотятъ видѣть?

Н. Бажинъ.

(Продолженіе будетъ).

СМЕРТЬ РЕБЕНКА.

Онъ явился на мгновенье,
Намъ блеснулъ во тьмѣ унылой
И, какъ чудное видѣнье,
Скрылся тѣнью легкокрылой...
И когда, томясь въ недугѣ,
Онъ сомкнулъ навѣки глазки—
Ты не вѣрила въ испугѣ
Смерти той, какъ страшной сказкѣ...
Это сонъ сошелъ къ малюткѣ...
Только сонъ—дитя проснется,
Кроткой ласкѣ, нѣжной шуткѣ,
Какъ и прежде, улыбнется...
И на чудо воскрешенья
Ты надѣялась несмѣло,
Но—лежало безъ движенья
Холодѣющее тѣло...
Умеръ онъ... Но вѣрь, родная,
Онъ счастливѣй насъ, конечно,
Въ свѣтозарныхъ кущахъ рая,
Гдѣ блаженство льется вѣчно,
Гдѣ витають со святыми
Сонмы ангеловъ безплотныхъ,
Гдѣ рѣзвятся вмѣстѣ съ ними
Души дѣтокъ беззаботныхъ;
Гдѣ въ серебряной коронѣ,
Окруженный звѣзднымъ клиромъ,
Неустанно въ небосклонѣ
Мѣсяцъ плаваетъ надъ міромъ...
Той странѣ чужда тревога,
Тамъ невѣдома невзгода,
Только тамъ лишь волей Бога
Всѣмъ равно дана свобода...

Л. Медвѣдевъ.

ВЛАСТЬ ДЕНЕГЪ.

Романъ Эмиля Золя.

I.

На биржѣ пробило одиннадцать часовъ, когда Саккаръ вошелъ въ ресторанъ Шампд, въ бѣлую съ золотомъ залу, выходящую двумя высокими окнами на площадь. Онъ окинулъ взглядомъ ряды маленькихъ столиковъ, гдѣ озабоченные посѣтители сидѣли локоть къ локтю, и, повидимому, былъ удивленъ, не найдя здѣсь, кого искалъ. Вошедшій обратился къ одному изъ гарсоновъ, суетливо бѣгавшихъ между публикой съ кушаньями и пустыми тарелками.

— Скажите, пожалуйста, г. Гюре еще не приходилъ?

— Нѣтъ, сударь, еще не приходилъ.

Саккару оставалось занять одинъ изъ опроставшихся столиковъ въ амбразурѣ окна; онъ думалъ, что опоздалъ, и, пока ему перемѣняли салфетку, его взгляды обратились на улицу, на прохожихъ, сновавшихъ по тротуару. Даже и послѣ того, когда столъ былъ накрытъ, онъ не потребовалъ ничего и съ минуту смотрѣлъ на площадь, представлявшую веселое зрѣлище, при ясной погодѣ въ одинъ изъ первыхъ дней мая. Около полудня, когда всѣ завтракаютъ, площадь была почти пуста: подъ каштанами съ ихъ свѣжей весенней зеленью всѣ скамейки оставались незанятыми; вдоль рѣшетки, гдѣ останавливаются экипажи, тянулась длинная вереница фіакровъ съ одного конца до другаго; бастильскій омнибусъ остановился у конторы на углу сада, не выпустивъ и не впустивъ ни одного пассажира. Солнечные лучи падали почти отвѣсно, заливая зданіе биржи съ его колоннадой, высокими статуями

и обширнымъ подъѣздомъ, вверху котораго виднѣлись пока одни пустые стулья, разставленные правильными рядами.

Отвернувшись отъ окна, Саккаръ увидѣлъ Мазо, биржеваго маклера, занявшаго сосѣдній столикъ. Онъ протянулъ ему руку.

— А, это вы? здравствуйте!

— Здравствуйте, — сказалъ тотъ, разсѣянно отвѣчая на рукопожатіе.

Маленькій брюнетъ, очень живой, красивый мужчина, Мазо, будучи всего тридцати двухъ лѣтъ отъ роду, недавно получилъ маклерское мѣсто по передачѣ отъ одного изъ своихъ дядей. Онъ точно никого не видѣлъ въ залѣ, кромѣ господина, сидѣвшаго напротивъ него, толстяка съ багровымъ, гладко выбритымъ лицомъ. Это былъ знаменитый Амадѣ, передъ которымъ благоговѣла биржа со времени его замѣчательной аферы съ сильзисскими копами; когда акціи этого предпріятія упали до пятнадцати франковъ и каждаго, кто ихъ покупалъ, считали безумцемъ, онъ вложилъ въ дѣло все свое состояніе— двѣсти тысячъ франковъ, такъ себѣ, здорово живешь, безо всякаго расчета, не обладая никакимъ „нюхомъ“ дѣльца, просто изъ упрямства грубой скотины, которой все удается. Теперь же, когда открытіе настоящихъ и богатыхъ минеральныхъ жилъ заставило акціи подняться свыше тысячи франковъ, Амадѣ получалъ пятнадцать милліоновъ и дурацкая операція, за которую его слѣдовало бы по настоящему запереть въ сумашедшій домъ, поставила этого человѣка наряду съ финансовыми геніями. Ему поклонялись, но въ особенности цѣнили его совѣты; впрочемъ, онъ болѣе не спекулировалъ, какъ будто удовлетворенный возможностью царить надо всѣми, благодаря единственному и легендарному успѣху. Мазо, вѣроятно, мечталъ приобрести въ немъ кліента.

Не удостоившись даже улыбки со стороны Амадѣ, Саккаръ раскланялся съ тремя знакомыми спекуляторами: — Пильро, Мозеромъ и Салмономъ, усѣвшимися за столикъ напротивъ него.

— Здравствуйте; ну, какъ дѣла?

— Ничего, такъ себѣ... здравствуйте!

И эти трое отнеслись къ нему холодно, почти враждебно. Между тѣмъ Пильро, высокій, страшно худой, съ нервными

жестами и тонкимъ носомъ,—сплюснутымъ съ боковъ, какъ сабельный клинокъ,—на костлявомъ лицѣ Донъ-Кихота, отличался фамиллярностью игрока, любившаго самыя отчаянныя спекуляціи, и утверждалъ, что онъ всегда жестоко проваливался, когда предварительно обдумывалъ свои операціи. Пилеро обладалъ широкой натурой людей, вѣчно играющихъ на повышение, вѣчно увѣренныхъ въ побѣдѣ; между тѣмъ какъ Мозеръ, коротенькій желтолицый человѣчекъ, страдавшій болѣзнью печени, напротивъ, имѣлъ привычку постоянно жаловаться: ему повсюду мерещились крахи. Что же касается Салмона, замѣчательно красиваго мужчины, не смотря на пятьдесятъ лѣтъ, съ превосходной, черной, какъ смола, бородою, то онъ считался необыкновенно тонкимъ дѣльцомъ. Никогда онъ не говорилъ; отвѣчалъ только улыбками; никто не зналъ, въ какомъ направленіи онъ играетъ и даже играетъ ли вообще; его манера слушать до того сильно вліяла на Мозера, что тотъ частенько, проболтавшись ему о дѣлѣ, опрометью бѣжалъ отмѣнять свои распоряженія, сбитый съ толку однимъ молчаливымъ взглядомъ своего собесѣдника.

Среди всеобщаго равнодушія, Саккаръ оставался одинокимъ, бросая вокругъ лихорадочные, тревожные взгляды и оканчивая осмотръ посѣтителей; уже онъ не кивалъ головой никому и раскланялся только съ высокимъ молодымъ человѣкомъ, сидѣвшимъ черезъ три стола далѣе.

Это былъ красавецъ Сабатани, левантинецъ, съ продолговатымъ, смуглымъ лицомъ; глаза у него были великолѣпны, но непріятный, отталкивающій ротъ портилъ общее впечатлѣніе. Любезность левантинца окончательно взбѣсила Саккара. Сабатани принадлежалъ къ числу людей, которые являются въ Парижъ, прогорѣвъ на иностранной биржѣ,—тайственныхъ субъектовъ, любимыхъ женщинами; съ прошлой осени его личный кредитъ былъ подорванъ послѣ одного банковаго краха, въ которомъ онъ игралъ незавидную роль. Однако этотъ малый опять понемногу началъ втираться въ довѣріе и биржи, и кулисы ¹⁾, благодаря своей выдержкѣ и неизмѣнной обходительности даже съ людьми самой плохой репутаціи.

Одинъ изъ гарсоновъ подбѣжалъ къ Саккару.

1) Кулиса—собраніе торгующихъ акціями внѣ биржи.

— Что прикажете подать, сударь?

— Ахъ, да!.. Да что хотите... Ну, котлету, спаржи...

И онъ крикнулъ вслѣдъ убѣгавшему слугѣ:

— Вы увѣрены, что г. Гюре не приходилъ раньше меня?

— Совершенно увѣренъ!

Итакъ, вотъ до чего онъ дошелъ, послѣ того какъ лопнувшія предпріятія заставили его въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года опять ликвидировать свои дѣла, продать отель возлѣ парка Монсо и нанять квартиру! Развѣ какой нибудь Сабатани удостоивалъ его поклонами, когда онъ входилъ въ ресторанъ, гдѣ прежде царилъ; Аристидъ Саккаръ оставался незамѣченнымъ, тогда какъ въ былое время всѣ головы оборачивались къ нему, всѣ руки протягивались для привѣтствія. Какъ настоящій благородный игрокъ, онъ не упалъ духомъ, потерявъ все состояніе въ неудачной и скандальной спекуляціи по отчужденію земельныхъ участковъ, но его кровь кипѣла желаніемъ вернуть потерянное. Вотъ почему отсутствіе Гюре такъ бѣсило Аристида. Гюре формально обѣщалъ ожидать его въ ресторанѣ Шампо съ одиннадцати, чтобы сообщить о результатѣ переговоровъ съ его братомъ Евгеніемъ Ругономъ, въ то время всемогущимъ министромъ. Гюре, скромный депутатъ, креатура великаго человѣка, былъ только посредникомъ между братьями; если онъ не сдержалъ слова, Богъ съ нимъ, но какъ не стыдно самому Ругону! Неужели онъ, при своемъ громадномъ вліяніи, покинетъ его? Впрочемъ, Евгеній всегда поступалъ не по братски. Если онъ разсердился по поводу скандала съ Аристидомъ, если онъ открыто прервалъ съ нимъ всѣ сношенія, не желая быть компрометированнымъ, это вполнѣ понятно, но развѣ Ругонъ не могъ тайно помочь ему въ эти полгода? Неужели у него и теперь хватить духу отказать въ поддержкѣ брату, о которой онъ проситъ черезъ посредство третьяго лица, не рѣшаясь видѣться съ нимъ лично, изъ боязни гнѣвной вспышки съ своей стороны? Ругону стоило сказать одно слово, чтобы опять поставить Саккара на ноги и принудить этого подлый, громадный Парижъ снова пресмыкаться у его ногъ.

— Какое вино подать вамъ, сударь?—спросилъ лакей.

— Ваше обыкновенное бордо.

Саккаръ, остудившій свою котлету, потому что ему не хотѣлось ѣсть, поднялъ голову, замѣтивъ на скатерти чью-то

мелькнувшую тѣнь. Онъ узналъ Массіаса, толстаго, краснолицаго малаго; это былъ биржевой агентъ — ремизье, сильно нуждавшійся во времена оны. Пришедшій пробирался между столами съ курсовымъ листомъ въ рукѣ. Саккара опять передернуло, когда тотъ прошелъ мимо, не останавливаясь, и подалъ листъ Пильро съ Мозеромъ. Занятые споромъ, они едва заглянули въ него, разсѣянно отвѣчая, что на сегодня не дѣлаютъ заказовъ, отлагая это до будущаго раза. Агентъ, не смѣя подступить къ знаменитому Амадѣ, который склонился надъ салатомъ изъ омаровъ, тихонько разговаривая съ Мазо, вернулся къ Салмону; тотъ взявъ курсовой листъ, долго просматривалъ его и, наконецъ, безъ слова отдалъ обратно. Зала ресторана оживлялась. Другіе агенты входили и выходили, ежеминутно хлопая дверьми. Нѣкоторые изъ посѣтителей обмѣнивались издали громкими словами; чѣмъ дальше подвигалось время, тѣмъ сильнѣе разыгрывалась дѣловая лихорадка. Саккаръ, то и дѣло выглядывавшій на улицу, замѣтилъ, что и площадь понемногу стала оживляться. Экипажи и пѣшеходы приливали сюда волной, а на ступеняхъ биржи, ослѣпительно блестящихъ на солнцѣ, появились уже черныя пятна—люди, входившіе по одиночкѣ.

— Увѣряю васъ, — говорилъ Мозеръ своимъ поющимъ голосомъ, — что эти добавочные выборы двадцатаго марта служатъ самымъ тревожнымъ симптомомъ... Однимъ словомъ, теперь весь Парижъ примкнулъ къ оппозиціи.

Пильро, однако, пожалъ плечами.—Экая важность, если Барно и Гарнье-Пажэ вступили въ ряды лѣвой!

— Ну, а шлезвигъ-голштинскій вопросъ?—не унимался Мозеръ.—Да вѣдь онъ угрожаетъ страшными осложнениями!.. Смѣйтесь, смѣйтесь, сколько угодно! я не говорю, чтобы намъ слѣдовало защитить Данію отъ Пруссіи вооруженной силой, но можно было дѣйствовать и другими способами... Говорю вамъ, когда сильные начинаютъ обижать слабыхъ, тутъ никогда не жди добра... Что же касается Мексики...

Пильро, бывшій въ особенно лучезарномъ настроеніи, прервалъ его взрывомъ смѣха.

— Ну ужъ, любезнѣйшій, перестаньте насъ пугать мексиканскими дѣлами!.. Мексика,—это будетъ одна изъ славныхъ страницъ настоящаго царствованія... Съ чего вы берете—чортъ

возьми—что и имперія не прочна? Развѣ трехсотмилліонный заемъ не былъ покрытъ болѣе чѣмъ въ пятнадцать разъ въ январѣ мѣсяцѣ? Подавляющій успѣхъ!.. Постоите, дайте намъ дожить до 67-го года, когда откроется всемірная выставка, утвержденная императоромъ.

— Говорю вамъ, что все идетъ къ упадку!—настаивалъ Мозеръ тономъ отчаянія.

— Ахъ, отстаньте вы, пожалуйста; все идетъ прекрасно.

Салмонъ попеременно смотрѣлъ на нихъ обоихъ со своей глубокомысленной улыбкой. Саккаръ, слушавшій разговоръ спекуляторовъ, мысленно примѣнялъ къ своему личному стѣсненному положенію этотъ кризисъ, повидимому, угрожавшій имперіи. Самъ онъ еще разъ былъ сброшенъ на землю; неужели и эта блестящая имперія, создавшая его, Саккара, полетитъ, въ одинъ прекрасный день, съ высоты славы и могущества въ глубокую бездну, откуда нѣтъ возврата? Ахъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ онъ любилъ и защищалъ этотъ режимъ, при которомъ ему жилось такъ привольно, какъ дереву на плодородной почвѣ! Но, если брату вздумается съ корнями вырвать его отсюда, если его вычеркнуть изъ числа тѣхъ, которые беспрепятственно питаются соками жирнаго грунта, о, тогда пусть гибнетъ все въ общемъ грандіозномъ крушеніи среди разгула вакханалій!

Саккаръ терпѣливо ожидалъ, пока ему принесутъ спаржу, не видя ничего, происходившаго въ залѣ ресторана, гдѣ становилось все шумнѣе; воспоминанія поглотили его. Въ широкомъ зеркалѣ, напротивъ, онъ увидалъ свое лицо; оно удивило Аристиду. Годы не состарили этого миньятюрнаго человѣчка; въ пятьдесятъ лѣтъ онъ казался не старше тридцати восьми, сохранивъ худощавость и живость молодости. Съ годами его темное, сухое лицо маріонетки, съ острымъ носомъ, узенькими глазками, какъ будто стало даже благообразнѣе; ему сообщилась прелесть этой неувыдаемости, этой гибкой подвижности и энергіи. Волосы Саккара были еще густы и въ нихъ не серебрилась сѣдина. Невольно вспомнилъ онъ свой пріѣздъ въ Парижъ, сейчасъ послѣ государственнаго переворота. Зимнимъ вечеромъ очутился онъ здѣсь, безпріютный, съ пустыми карманами, но съ бѣшеной жаждой окъ всему, чѣмъ пользуются баловни судьбы. Ахъ, какъ ему

памятна эта первая торопливая прогулка по улицамъ Парижа, когда, не успѣвъ еще распаковать своихъ чемодановъ, онъ почувствовалъ потребность пробѣжаться по городу, какъ былъ: въ стоптанныхъ сапогахъ, въ засаленномъ пальто. Убогій костюмъ не смущалъ его нисколько; Саккаръ чувствовалъ, что побѣдитъ великій Парижъ. Начиная съ этого знаменательнаго вечера, онъ не разъ поднимался высоко; рѣка милліоновъ протекала черезъ его руки, но ни разу ему не удавалось сдѣлать фортуны своей работой, назвать ее своей вещью, которой можно располагать по произволу, держа ее подъ ключемъ, близкую, осязаемую: ложь, фикція всегда жили на днѣ его сундуковъ, откуда золото вытекало точно въ какія-то невидимыя отверстія. И вотъ Саккаръ опять очутился на мостовой, какъ въ ту отдаленную эпоху, когда только что начиналъ свою карьеру, а онъ былъ по прежнему молодъ, по прежнему жадно стремился къ успѣху, вѣчно ненасытный, вѣчно томимый страстью къ наслажденіямъ, къ побѣдамъ. Онъ попробовалъ всего и не насытился, за неимѣніемъ, какъ ему казалось, случая и времени основательно заняться и людьми, и матерьяльными благами. Въ эту минуту онъ отлично сознавалъ, что ему тяжелѣе видѣть себя выкинутымъ на мостовую, чѣмъ какому нибудь новичку, котораго поддерживаютъ иллюзіи и надежды; его томила лихорадка нетерпѣнія: до того этому неугомонному человѣку хотѣлось начать все съизнова, чтобы все покорить, подняться такъ высоко, какъ онъ еще никогда не подымался, пригнуть къ своимъ ногамъ побѣжденный городъ. Теперь его не удовлетворило бы одно показное богатство; нѣтъ, ему хотѣлось построить свое счастье на незыблемомъ грунтѣ, создать настоящее царство золота, гдѣ подножіе его трона опиралось бы на туго набитые мѣшки.

Голосъ Мозера, рѣзкій и пронзительный, заставилъ наконецъ Саккара очнуться отъ его размышленій.

— Мексиканская экспедиція обходится Франціи въ четырнадцать милліоновъ ежемѣсячно; Тьеръ это доказалъ, какъ дважды два... Въ самомъ дѣлѣ, надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, до чего поколеблено большинство въ палатѣ. Лѣвая насчитываетъ болѣе тридцати членовъ. Самъ императоръ

понимаетъ, что абсолютная власть становится невозможной; недаромъ онъ ударился въ либерализмъ.

Пильро, вмѣсто отвѣта, презрительно усмѣхался.

— Да, я знаю, рынокъ кажется вамъ солиднымъ; дѣла идутъ, но подождите конца... Въ Парижѣ черезчуръ много разрушали стараго и строили вновь. Крупныя строительныя предпріятія истощили запасные капиталы. Что же касается банкирскихъ домовъ съ громадными оборотами, то они кажутся въ цвѣтущемъ состояніи, но стоитъ лопнуть одному изъ нихъ, какъ всѣ, одинъ за другимъ, подвергнутся той же участи... А ужъ о томъ, что народъ неспокоенъ, и говорить нечего! Пресловутая международная ассоціація рабочихъ, основанная для улучшенія ихъ быта, сильно пугаетъ меня. Рѣшительно, во Франціи духъ протеста, революціонныя движенія даютъ себя чувствовать съ каждымъ днемъ сильнѣе. Я вамъ говорю, что червь подтачиваетъ плодъ. Скоро все рухнетъ.

На эту рѣчь посыпались шумныя возраженія Пильро. Право, у проклятаго Мозера опять поднялась желчь! Между тѣмъ, Мозеръ, во время разговора, не спускалъ глазъ съ сосѣдняго столика, гдѣ Мазо и Амадѣ продолжали неслышно бесѣдовать подъ шумокъ. Эти продолжительныя совѣщанія понемногу взволновали всю залу.

О чемъ они перешептывались такъ тайно? Конечно, Амадѣ давалъ приказанія, подготовлялъ какую нибудь хитрую штуку. Вотъ уже три дня, насчетъ работъ на Суэзскомъ перешейкѣ стали ходить неблагоприятныя слухи. Подмигнувъ глазами, Мозеръ также понизилъ голосъ.

— А вы знаете, что англичане хотятъ помѣшать намъ работать на Суэзѣ? этакъ вѣдь и до войны недалеко!

При такомъ заявленіи, даже беззаботный Пильро встревожился; новость была слишкомъ важная; это просто неслыханно! И вотъ слова Мозера начали передаваться съ одного стола на другой, приобрѣтая силу достовѣрности: Англія прислала ультиматумъ, требуя немедленной остановки работъ на Суэзѣ. Амадѣ, очевидно, говорилъ только объ этомъ съ маклеромъ Мазо, которому давалъ приказъ продать всѣ свои суэзскія акціи. Въ залѣ поднялся тревожный ропотъ, похожій на гудѣнье пчелъ, и вскорѣ паника охватила присутствующихъ, въ этой атмосферѣ, пропитанной жирными запахами, посреди

возраставшаго стука столовой посуды. Но что довело до последней крайности общее напряженіе, такъ это внезапный приходъ помощника маклера, маленькаго Флори, молодаго человѣка съ нѣжнымъ лицомъ, обросшимъ густою каштановой бородою. Онъ приближалъ съ пакетомъ фишекъ въ рукахъ и торопливо передалъ ихъ своему патрону, прошептавъ ему что-то на ухо.

— Хорошо, — лаконически отвѣтилъ Мазо, укладывая фишки въ свою записную книжку; потомъ, вынувъ часы, онъ прибавилъ:

— Ровно двѣнадцать! Скажите Бертъе, пусть онъ меня подождетъ, и сами будьте тамъ; сходите наверхъ за депешами.

Послѣ ухода Флори, маклеръ опять вернулся къ разговору съ Амадѣе, вынулъ другія фишки изъ кармана и разложилъ ихъ по скатерти рядомъ со своей тарелкой. Уходя изъ ресторана, каждый клиентъ наклонялся къ нему мимоходомъ и говорилъ одно слово, которое тотъ быстро записывалъ на клочкѣ бумаги, не переставая ѣсть. Ложный слухъ, взявшійся богъ вѣсть откуда, возникшій изъ ничего, разросался, какъ грозовая туча.

— Вы продаете, не такъ ли?—спросилъ Мозеръ Салмона.

Но нѣмая улыбка молчальника была такъ загадочна, что онъ струсилъ, усомнившись въ ультиматумѣ англійскаго правительства, который былъ бессознательно выдуманъ имъ же самимъ.

— Я покупаю сколько угодно суэзскихъ акцій, — брякнулъ Пильро съ хвастливой отвагой игрока безъ методы.

У Саккара горѣли виски отъ этого биржеваго азарта, проснувшася къ шумному концу завтрака дѣловыхъ людей, въ тяжелой атмосферѣ душной залы. По прежнему одинокій за своимъ столикомъ, онъ рѣшился наконецъ съѣсть поданную ему спаржу, снова сердясь на несноснаго Гюре, на котораго онъ больше не рассчитывалъ. Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ прогорѣвшій миллионеръ, обыкновенно такой рѣшительный и скорый; колебался, мучимый сомнѣніемъ; правда, онъ чувствовалъ большую охоту измѣнить свою карьеру и сначала мечталъ о новой дѣятельности въ высшихъ административныхъ сферахъ или въ политикѣ. Почему бы законодательному корпусу не провести его, Саккара, въ совѣтъ министровъ,

как брата Евгенія? Въ спекуляціяхъ ему не нравилось теперь это вѣчное непостоянство счастья, эти крупныя суммы, которыя также быстро уплывали, какъ и являлись. Никогда не имѣлъ онъ у себя настоящаго, не фиктивнаго милліона, не будучи долженъ никому. Въ данную минуту, провѣряя свою совѣсть, онъ говорилъ себѣ, что въ немъ, пожалуй, слишкомъ много страстности для этой битвы за золото, требующей большаго хладнокровія; можетъ быть, этимъ и объяснялось, почему, послѣ столькихъ превратностей и поразительныхъ переходовъ отъ роскоши къ нуждѣ, онъ удалился отъ дѣлъ съ совершенно пустыми карманами, разоренный дотла. Что принесли ему десять лѣтъ колоссальныхъ операцій по отчужденію земельныхъ участковъ для новаго Парижа, гдѣ такъ много другихъ, менѣе предприимчивыхъ людей составили себѣ громадныя состоянія? Ужъ не ошибся ли онъ насчетъ своихъ настоящихъ способностей; не суждено ли ему возвыситься однимъ скачкомъ въ политической сумятицѣ съ ея необыкновенной дѣятельностью и пылкой вѣрой въ себя? Все будетъ зависѣть отъ того, какой отвѣтъ получить онъ отъ брата. Если Евгеній Ругонъ оттолкнетъ его и сброситъ въ пропасть ажіотажа, ну, чтожь? въ добрый часъ! Тѣмъ хуже для министра и для другихъ! Саккаръ затѣетъ тогда крупное предпріятіе, о которомъ онъ не говорилъ пока никому. Объ этомъ колоссальномъ дѣлѣ Аристидъ мечталъ ужъ больше мѣсяца, и оно пугало его самого, какъ своей обширностью, такъ и тѣми важными послѣдствіями, которыя должно было повлечь за собой и въ случаѣ удачи, и въ случаѣ неуспѣха.

Вдругъ Пильро возвысилъ голосъ:

— Мазо, съ Шлоссеромъ окончательно порѣшили?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчалъ маклеръ,—объявленіе будетъ выставлено сегодня... Что дѣлать? Это всегда очень непріятно, но я получилъ самыя тревожныя извѣстія и первый дисконтировалъ. Нельзя, знаете; надо же отъ времени до времени производить очистку.

— Меня увѣряли,—замѣтилъ Мозеръ,—что ваши товарищи, Жакоби и Деларокъ, имѣли у него большіе вклады?

Агентъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ.

— Что же дѣлать? Всегда приходится кому нибудь постра-

дать. Этотъ Шлоссерь, должно быть, принадлежалъ къ особой шайкѣ; все его наказаніе ограничится тѣмъ, что онъ уберется отсюда по добру, по здорову и станеть съ этихъ поръ баламутить берлинскую или вѣнскую биржу.

Глаза Саккара обратились на Сабатани; онъ случайно открылъ его стачку со Шлоссеромъ. Оба они сообща вели извѣстную игру: одинъ игралъ на повышение, другой на пониженіе, на одинаковыя суммы; барыши дѣлились пополамъ. Проигравшій, конечно, ступевывался послѣ неудачи. Во время этого разговора, Сабатани оставался невозмутимымъ; онъ спокойно расплатился за тонкій завтракъ, потомъ со своей ласкающей граціей уроженца востока съ примѣсью итальянской крови подошелъ пожать руку Мазо, у котораго состоялъ кліентомъ. Нагнувшись къ нему, онъ далъ приказъ, который былъ немедленно записанъ на фишкѣ.

— Бьюсь объ закладъ, онъ продаетъ свои суэзскія акціи, — прошепталъ Мозерь, и, движимый своимъ болѣзненнымъ недоуміемъ, спросилъ:

— А что вы думаете, Мазо, насчетъ Суэза?

Гудѣніе голосовъ тотчасъ смолкло; всѣ головы сидѣвшихъ по близости обратились къ нему. — Высказанный имъ вопросъ резюмировалъ общее, все возраставшее безпокойство. Не двинулся одинъ Амадѣ, пригласившій Мазо просто для того, чтобъ отрекомендовать маклеру одного изъ своихъ племянниковъ; онъ сидѣлъ, повернувшись спиной къ публикѣ, рѣшительно непроницаемый, такъ какъ ему нечего было сказать; между тѣмъ агентъ, начинавшій удивляться, что кліенты приказываютъ продать такое количество акцій солиднаго предпріятія, только покачалъ головой — по профессиональной привычкѣ къ осторожности.

— Суэзъ?.. Да вѣдь это очень солидно! — заявилъ своимъ пѣвучимъ голосомъ Сабатани, который, прежде чѣмъ уйти, сдѣлалъ крюкъ, чтобы любезно пожать руку Саккара.

И Саккаръ на минуту сохранилъ ощущеніе этого пожатія гибкой, млѣющей, почти женской руки. Въ своей нерѣшимости, куда повернуть и какъ передѣлать свою жизнь, онъ считалъ мошенниками всѣхъ, кто находился здѣсь. О, если его доведутъ до крайности, какую облаву онъ на нихъ устроитъ, какъ онъ ихъ острижетъ, всѣхъ этихъ трусливыхъ Мозеровъ,

хвастуновъ Пильро, Салмоновъ съ головой пустѣе тыквы: этихъ Амадѣ, попавшихъ въ геніи, благодаря шальному успѣху! Но вотъ, послѣ короткой паузы, стукъ тарелокъ и стакановъ возобновился; голоса хрипѣли съ натуги, двери хлопали сильнѣе, потому что всѣхъ пожирало нетерпѣнье поскорѣе быть тамъ, гдѣ пойдетъ страшная игра, если суэзскія акціи провалятся. Изъ окна, посреди площади съ катящимися фіаками, съ кишащими пѣшеходами, онъ видѣлъ блестящія на солнцѣ ступени биржи, покрытыя теперь точно черными мушками; это былъ человѣческій муравейникъ, наплывъ людей въ безупречныхъ черныхъ сюртукахъ, которые мало по малу наполняли колоннаду, тогда какъ за рѣшетками сквера появилось нѣсколько женщинъ неопредѣленнаго вида, бродившихъ подъ каштанами...

Вдругъ въ ту минуту, когда Аристидъ принимался за сыръ, только что поданный ему гарсономъ, грубый голосъ заставилъ его поднять голову.

— Извините, пожалуйста, любезнѣйшій, никакъ не могъ прійти раньше!

Это былъ Гюре, нормандецъ изъ Кальвадоса, съ широкимъ, толстымъ лицомъ хитраго мужика, прикидывающагося простофилей. Онъ тотчасъ велѣлъ принести себѣ чего нибудь, что стояло въ общемъ меню, съ прибавкой овощей.

— Ну, что же?—сухо спросилъ Саккаръ, сдерживая накипающую злобу.

Но Гюре не торопился, поглядывая на Саккара взглядомъ тонкаго, осторожнаго человѣка; потомъ, принимаясь ѣсть, онъ приблизилъ къ нему лицо и началъ вполголоса:

— Ну-съ, повидался я съ великимъ человѣкомъ... сегодня утромъ, у него на квартирѣ; министръ выказалъ къ вамъ большое, очень большое участіе!

Онъ остановился, осушилъ большой стаканъ вина и закусилъ картофелемъ.

— Ну, что же дальше?

— А дальше, видите ли, милѣйшій... Г-нъ министръ сдѣлаетъ для васъ все, что можетъ; онъ вамъ найдетъ хорошенькое мѣстечко, но только не во Франціи; ну, опредѣлить, наприимѣръ, васъ губернаторомъ въ одну изъ нашихъ колоній, конечно,

въ хорошую. Вы будете тамъ полновластнымъ хозяиномъ, маленькимъ царькомъ.

Саккаръ поблѣднѣлъ, какъ смерть?

— Вы, кажется, поднимаете меня на смѣхъ?! Къ чему это понадобилось немедленно отправить меня къ чорту на кулички! Впрочемъ, оно понятно: Ругонъ хочетъ избавиться отъ брата! Ну, пусть пеняетъ на себя, если въ концѣ концовъ ему самому придется отъ меня плохо!

Гюре съ набитымъ ртомъ заговорилъ въ примирительномъ тонѣ:

— Позвольте, не кипятитесь; вамъ же вѣдь желаютъ добра; вы только не мѣшайте...

— Такъ неужели, по вашему, я позволю себя упечь въ какую нибудь трущобу?.. Какъ же! Да вотъ сейчасъ только здѣсь толковали, что имперія дошла до геркулесовыхъ столбовъ политической безтактности, и ей не остается больше ни шагу по пути фатальныхъ ошибокъ. Еще бы? Итальянская война, мексиканская экспедиція, дѣла съ Пруссіей... Общественное мнѣніе судить совершенно справедливо! Правительство надѣлаетъ скоро столько глупостей и сумасбродствъ, что вся Франція поднимется противъ него въ одну минуту.

Депутатъ, горячій приверженецъ министра, перемѣнился въ лицѣ и, безпокойно ёрзая на стулѣ, поглядывалъ по сторонамъ.

— Однако позвольте, я не могу допускать такихъ рѣчей... Ругонъ честный дѣятель и, пока онъ на своемъ посту, ничего не произойдетъ дурнаго... Нѣтъ, прошу васъ, ни слова болѣе; вы страшно въ немъ ошибаетесь!

Пылкій Саккаръ не могъ долѣе сдерживаться и прервалъ Гюре, съ бѣшенствомъ стиснувъ зубы:

— Ну, и прекрасно, любите его на здоровье; будьте съ нимъ заодно! А мнѣ только скажите безъ обиняковъ, хочетъ онъ покровительствовать родному брату въ Парижѣ, или нѣтъ?

— Въ Парижѣ? Никогда!

Не сказавъ болѣе ни слова, Аристидъ поднялся и позвалъ арсона, чтобы расплатиться, между тѣмъ какъ его собѣдникъ преспокойно жевалъ большіе куски хлѣба. Зная

запальчивость Саккара, онъ не противорѣчилъ ему изъ боязни скандала.

Но тутъ въ залѣ произошло движеніе.

Въ ресторанъ вошелъ Гундерманъ, король банкировъ, властитель биржи и вершитель человѣческихъ судебъ, мужчина лѣтъ шестидесяти, съ громадной лысой головой и круглыми глазами на выкатѣ; черты его лица выражали громадное упрямство и страшное утомленіе. Гундерманъ никогда не ходилъ на биржу и даже утверждалъ, будто бы не посылаетъ туда никакого официальнаго представителя. Никогда онъ не завтракалъ въ публичныхъ мѣстахъ. Только отъ времени до времени случалось ему, какъ сегодня, показываться въ ресторанѣ Шампо, гдѣ онъ садился къ столику и не требовалъ ничего, кромѣ стакана виши, подаваемого на тарелкѣ. Страдая двадцать лѣтъ болѣзью желудка, онъ питался исключительно однимъ молокомъ.

Едва онъ успѣлъ войти, какъ вся прислуга бросилась за его любимымъ напиткомъ; остальные присутствующіе съежились и стали, что называется, тише воды, ниже травы. Мозеръ, глубоко проникнутый сознаніемъ своего ничтожества, благоговѣнно созерцалъ этого полубога, знавшаго всѣ тайны, ниспосылавшаго по своему произволу повышеніе и пониженіе курса, какъ Господь ниспосылаетъ грозу; ему кланялся даже Пильро, человѣкъ, вѣрившій только въ неодолимую силу миллиарда. Была половина перваго. Мазо, безъ церемоніи бросивши Амадѣ, повернулъ обратно и согнулся вдвое передъ великимъ банкиромъ, отъ котораго онъ имѣлъ честь получать иногда приказанія. Многіе кліенты, собиравшіеся уходить, остались и окружили своего кумира стоя, образовавъ вокругъ него почтительный, подобострастный дворъ посреди запачканныхъ и смятыхъ скатертей; всѣ эти люди благоговѣнно смотрѣли, какъ Гундерманъ взялъ дрожащей рукой стаканъ воды и поднесъ къ своимъ безцвѣтнымъ губамъ.

Въ прежнее время, спекулируя земельными участками на равнинѣ Монсо, Саккаръ нерѣдко спорилъ и, наконецъ, формально поссорился съ Гундерманомъ; они никогда не могли столкнуться: одинъ обладалъ страстной, сластолюбивой натурой, другой былъ воздержанъ и руководствовался холодной логикой. Поэтому раздосадованный Саккаръ, котораго еще болѣе

взбѣсила триумфальная встрѣча сопернику, собрался уходить, когда тотъ его позвалъ.

— Скажите, пожалуйста, добрый ли г. Саккаръ, правда ли, что вы удаляетесь отъ дѣлъ?.. По моему, съ вашей стороны это будетъ самое лучшее.

Эти слова были для Аристиды ударомъ хлыста по лицу. Онъ выпрямился во весь свой маленькій ростъ и отвѣчалъ отчетливо и рѣзко на всю залу:

— Я основываю комерческое предпріятіе съ капиталомъ въ двадцать пять милліоновъ, а потому рассчитываю вскорѣ побывать у васъ.

И онъ вышелъ изъ ресторана, гдѣ поднялся безпорядочный шумъ. Всѣ уходили, толкаясь, чтобы не пропустить открытія биржи.

Ахъ, только бы добиться успѣха, видѣть опять у своихъ ногъ этихъ людей, поворачивавшихъ ему спину, помѣряться силами съ этимъ царемъ капиталистовъ и, пожалуй, сломить его въ одинъ прекрасный день! Въ сущности, Саккаръ еще не рѣшался приступить къ своему колоссальному предпріятію; фраза, брошенная Гундерману, невольно сорвалась у него съ языка, такъ что онъ и самъ удивился. Но могъ ли онъ теперь попытаться счастья на какомъ нибудь другомъ поприщѣ, когда родной братъ покидалъ его на произволъ судьбы, когда и люди, и обстоятельства были противъ него, толкая этого пылкого, упрямого человѣка на новую борьбу, какъ исходящаго кровью быка толкають обратно на арену цирка?

Одну минуту онъ остановился, весь дрожа, на краю тротуара. Это былъ часъ лихорадочной биржевой суеты, когда вся жизненная дѣятельность Парижа какъ будто приливаетъ на эту центральную площадь, между улицами Монмартръ и Ришелье, двумя переполненными артеріями, по которымъ стекается публика. Съ четырехъ перекрестковъ, по четыремъ угламъ площади, неслись перемежающіяся волны экипажей, пересѣкавшихъ мостовую среди толкотни пѣшеходовъ. Двѣ вереницы порожнихъ фіакровъ, протянувшіяся вдоль рѣшетокъ, постоянно обрывались и выстраивались вновь. Въ улицѣ Вивьенъ стоялъ тѣсный рядъ викторій богатыхъ биржевиковъ съ кучерами на высокихъ козлахъ, готовыми пустить лошадей во всю прыть по первому знаку. Ступени и перистиль биржи

казались теперь черными отъ кипившихъ здѣсь черныхъ сюртуковъ; кулиса, расположившаяся уже подъ часами, работала на полномъ ходу; отсюда разносился нестройный гулъ спроса и предложенія, точно рокоть морскаго прибоя; это былъ грозный приливъ ажіотажа, заглушавшаго городской шумъ. Прохожіе оборачивались изъ любопытства и страха передъ тѣмъ, что здѣсь происходило; ихъ интриговала эта глубокая тайна финансовыхъ операцій, въ которую могутъ проникнуть немногіе умы, тайна быстрыхъ обогащеній и еще болѣе быстрыхъ краховъ, остававшаяся непонятной среди нелѣпой жестикуляціи и варварскихъ криковъ. А Саккаръ на краю панели, оглушенный неясными голосами, все стоялъ въ задумчивости, не замѣчая толчковъ; онъ опять мечталъ о могуществѣ золота въ этомъ кварталѣ, въ центрѣ котораго отъ часу до трехъ лихорадочно работаетъ биржа, точно колоссальное, ускоренно пульсирующее сердце.

Однако, послѣ своего пораженія, онъ не смѣлъ входить туда; въ этотъ же день еще вдобавокъ чувство оскорбленнаго самолюбія и увѣренность, что его здѣсь встрѣтятъ съ обиднымъ снисхожденіемъ, какъ побѣжденнаго, мѣшали Аристиду подняться на завѣтныя ступени. Съ нимъ происходило то же, что бываетъ съ любовниками, изгнанными изъ алькова любимой женщины; оказывая ей пренебреженіе, они еще сильнѣе томятся страстью; также и онъ вѣчно приходилъ сюда, точно его влекла невѣдомая сила. Саккаръ слонялся подъ разными предлогами вокругъ колоннады, входилъ въ садъ, точно для прогулки, и тихо прохаживался подъ тѣнью каштановъ. Въ этомъ жалкомъ пыльномъ сквэрѣ безъ зелени, дерна и цвѣточныхъ клумбъ, тѣснились на скамейкахъ, между будочками съ извѣстнымъ назначеніемъ и кіосками для продажи газетъ, подозрительные спекуляторы въ перемежку съ простоволосыми бабами, живущими по близости и забѣгавшими на минутку покормить грудью ребятишекъ. И вотъ, среди подобной компаніи, Саккаръ прикидывался беззаботно гуляющимъ, хотя его глаза безпокойно высматривали что-то, а въ груди клочкотала безсильная ярость. Онъ какъ будто готовился къ осадѣ монументальнаго зданія и заранѣе изучалъ его со всѣхъ сторонъ, мечтая войти туда триумфаторомъ.

Обогнувъ правый уголъ, Саккаръ прошелъ на ту сторону

сквера, которая выходитъ къ Банковской улицѣ, и тотчасъ наткнулся на мелкую биржу упавшихъ процентныхъ бумагъ. Торговцевъ этимъ обезцѣненнымъ товаромъ называютъ „мокроногими“, такъ какъ они производятъ свои операціи на открытомъ воздухѣ и мѣсятъ грязь въ дождливую погоду; тутъ толкалась преимущественно неопрятная жида; мелькали жирныя лоснящіяся лица, рѣзкіе профили, напоминающіе хищныхъ птицъ, цѣлое чрезвычайное собраніе типичныхъ носовъ, тянувшихся одинъ къ другому, какъ будто они торопились расклевать добычу; грубая жестикуляція, гортанные возгласы, яростные взгляды! Жажда наживы пожирала ихъ до того, что они, кажется, были готовы проглотить другъ друга. Аристидъ хотѣлъ пройти мимо, какъ вдругъ увидѣлъ въ отдаленіи человѣка, вертѣвшаго на солнцѣ дорогой рубинъ въ своихъ громадныхъ грязныхъ рукахъ.

— А, это вы, Бушъ! хорошо, что я васъ встрѣтилъ, вы мнѣ нужны.

Бушъ, содержатель комисіонерской конторы на углу улицъ Фейдо и Вивьенъ, не разъ выручалъ его изъ большихъ затрудненій. Теперь онъ въ совершенномъ экстазѣ любовался блескомъ рѣдкаго камня, поднятаго въ рукѣ. Для удобства еврей закинулъ голову и его сѣрые глаза на плоскомъ лицѣ точно потухли въ сіяніи рубина; неизмѣнный бѣлый галстукъ на шеѣ скрутился у него въ веревочку, а сюртукъ, купленный по случаю, отличнаго матеріала и покроя, былъ страшно истертъ и засаленъ; воротникъ упирался въ самый затылокъ и былъ прикрытъ косицами рѣдкихъ волосъ, окружавшихъ длинной бахромой громадную лысину. Шляпа, порывѣвшая отъ солнца, размоченная проливными дождями, служила ему, должно быть, безконечное число лѣтъ.

Не сразу рѣшился онъ спуститься на землю, очнувшись отъ своего восхищенія.

— Ахъ, г. Саккаръ! вы, вѣроятно, здѣсь прогуливаетесь?

— Да... Я получилъ письмо на русскомъ языкѣ отъ одного банкира, поселившагося въ Константинополь.

Бушъ, машинально перекатывавшій рубинъ на правой ладони, протянулъ лѣвую руку за письмомъ, обѣщая прислать переводъ въ тотъ же вечеръ. Но Саккаръ объяснилъ, что все дѣло заключалось въ какихъ нибудь десяти строчкахъ.

— Лучше я зайду къ вамъ въ контору самъ; вашъ братъ прочтетъ мнѣ это письмо сію же минуту.

Ихъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ женщины съ монументальной фигурой, нѣкоей г-жи Мешень, хорошо извѣстной завсегдатаямъ биржи. Она принадлежала къ числу отъявленныхъ мелкихъ игроковъ на биржѣ, которые не брезгаютъ самыми грязными дѣлишками.

Ея лицо, раздутое и красное, какъ полная луна, съ узенькими голубыми глазами, съ маленькимъ носикомъ, терпящимся между толстыхъ щекъ, и маленькимъ ртомъ, откуда раздавался тоненькій дѣтскій голосокъ, точно выплывали изъ старой фіолетовой шляпки съ завязками гранатоваго цвѣта. Исполинская грудь и громадный водяночный животъ выпучивались подъ платьемъ зеленаго поплина, съѣденнымъ грязью и пожелтѣвшимъ. Она держала на рукѣ старомодный мѣшокъ черной кожи, помѣстительный, какъ чемоданъ; этотъ аксессуаръ никогда не покидалъ ея, а сегодня былъ набитъ биткомъ, такъ что она невольно гнулась на бокъ подъ его тяжестью, точно искривленное дерево.

— Наконецъ-то! — вымолвилъ Бушъ, который, повидимому, ее поджидалъ.

— Да, вотъ и я съ вандомскими бумагами...

— Отлично, пойдите ко мнѣ... здѣсь сегодня нечего дѣлать.

Саккаръ бросилъ бѣглый взглядъ на колоссальный кожаный саквояжъ. Онъ зналъ, что сюда неизбѣжно попадали всѣ процентныя бумаги, не принимавшія больше на биржѣ, акціи обанкротившихся обществъ, которыми еще продолжаютъ спекулировать макронегіе. Прежде эти акціи стоили, положимъ, по пятисотъ франковъ, а теперь ихъ скупаютъ по двадцати пяти и даже по десяти су, въ смутной надеждѣ на невѣроятную поправку предпріятія, или же съ цѣлью выгодно сбыть ихъ обанкротившимся патронамъ, желающимъ раздуть свой пассивъ. Въ убійственныхъ финансовыхъ сраженіяхъ, Мешень играла роль ворона, который слѣдуетъ за арміями; ни одна компанія, ни одно крупное кредитное учрежденіе не основывались безъ того, чтобъ она не появилась тамъ со своимъ неизбѣжнымъ саквояжемъ, чтобы не нюхала воздухъ, чую мертвечину даже въ счастливые дни, когда дѣла шли въ гору

и выпускъ акцій являлся настоящимъ триумфомъ; ей было хорошо извѣстно, что всякая неудача вела къ роковому исходу, что настанетъ день крушенія, когда будетъ можно поживиться трупами и подобрать нѣсколько акцій въ грязи и крови на аренѣ побоища. У Саккара, обдумывавшаго проэктъ своего предпріятія, пробѣжалъ по тѣлу легкой ознобъ; тяжелое предчувствіе сжало ему сердце при видѣ этого саквоаяжа, этой могилы обезцѣненныхъ бумагъ, куда попадалъ весь соръ, вымятенный съ биржи.

Бушъ собирался уходить съ Мешенъ; но Саккаръ его удержалъ.

— Значить, я могу къ вамъ зайти? Вѣроятно, вашъ братъ дома?

Глаза еврея неожиданно приняли мягкое выраженіе и въ то же время обратились на Аристидѣ съ какой-то затаенной тревогой.

— Мой братъ?! ну, конечно. Гдѣ жъ ему быть?

— Очень хорошо.

— Такъ до свиданья.

И Саккаръ, давъ ему дорогу, направился медленной походкой подъ тѣнью деревьевъ къ улицѣ Потръ-Дамъ-де-Виктуаръ. Это сторона площади—одна изъ самыхъ многлюдныхъ; тутъ помѣщаются торговья заведенія и нумера для пріѣзжающихъ съ золотыми вывѣсками, которыя горѣли теперь отъ солнца; на балконахъ раздувались маркизы; цѣлая провинціальная семья зѣвала у окна меблированного отеля. Аристидѣ машинально поднялъ голову, чтобъ взглянуть на этихъ людей съ наивными фізіономіями, и улыбнулся: его осѣнила успокоительная мысль, что въ отдаленныхъ департаментахъ всегда найдутся довѣрчивые акціонеры для новыхъ предпріятій. За его спиной по прежнему гудѣла биржа, напоминая назойливый шумъ отдаленнаго морскаго пролива; эти грохочущія волны какъ будто гнались по пятамъ Саккара, грозя настичь его и поглотить.

Но тутъ разорившагося богача остановила новая встрѣча.

— Какъ, Иорданъ, вы посѣщаете биржу! — воскликнулъ онъ, пожимая руку высокаго молодого брюнета съ усиками на рѣшительномъ, своенравномъ лицѣ.

Иорданъ, сынъ марсельскаго банкира, доведеннаго до са-

моубійства неудачными спекуляціями, уже десять лѣтъ жить въ Парижѣ и честно боролся съ нуждою, прилежно занимаясь литературой. Одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ, жившій въ Плассанѣ и знакомый съ семействомъ Саккара, рекомендовалъ его во времена дны Аристиду, когда тотъ принималъ у себя весь Парижъ въ своемъ отелѣ у парка Монсо.

— Я посѣщаю биржу?! Никогда!—отвѣчала молодой человѣкъ, дѣлая рѣзкій жестъ, какъ будто хотѣлъ отогнать трагическое воспоминаніе о своемъ отцѣ.—Потомъ онъ улыбнулся и прибавилъ:—А вы знаете, что я женатъ?.. На подругѣ дѣтства... Насъ обручили еще въ то время, когда я былъ наслѣдникомъ миллонера, но моя невѣста ни за что не захотѣла отказаться отъ меня и послѣ нашего разоренія.

— Какъ же, слышала... Я получилъ вашу карточку съ увѣдомленіемъ,—отвѣчалъ Саккаръ.—И представьте себѣ, вѣдь прежде я имѣлъ дѣла съ вашимъ тестемъ, г. Можандромъ, когда тотъ имѣлъ парусинную фабрику въ Виллетѣ; онъ, вѣрно, нажилъ тамъ кругленьке состояннице?

Этотъ разговоръ происходилъ у скамейки бульвара и молодой человѣкъ прервалъ его, чтобы представить Аристиду толстаго, коротенькаго человѣка съ военной выправкой, который тутъ сидѣлъ, толкуя съ Иорданомъ, когда съ ними поровнялся Саккаръ.

— Капитанъ Шавъ, дядя моей жены... Г-жа Можандръ, моя теща, урожденная Шавъ изъ Марсели.

Капитанъ всталъ; и Саккаръ раскланялся съ нимъ. Ему была знакома эта апоплексическая фигура съ неподвижной шеей отъ привычки къ волосяному воротнику; то былъ одинъ изъ типовъ мелкихъ игроковъ на биржѣ, спекулирующихъ на чистыя деньги; ихъ ежедневно можно встрѣтить на дежурствѣ отъ часу до трехъ. Игра этихъ людей самая ничтожная и выигрышъ почти вѣрный, отъ 15 до 20 франковъ, которые нужно реализовать тутъ же биржѣ.

Кончивъ представленіе, Иорданъ прибавилъ со своимъ добродушнымъ смѣхомъ, объясняя присутствіе старика въ такомъ мѣстѣ:

— Дядя мой азартный игрокъ и я по большей части успѣваю только позать ему руку мимоходомъ.

Капитанъ Шавъ ничуть не сконфузился.

— Что же дѣлать?—просто сказалъ онъ,—поневолѣ станешь играть, когда правительство положило такой пенсіонъ, что приходится умирать съ голоду.

Саккаръ, любившій Иордана за безопасную отвагу въ борьбѣ съ жизнью, съ участіемъ освѣдомился, какъ идутъ его литературныя занятія. Молодой человѣкъ, развеселившись еще болѣе, принялся рассказывать со смѣхомъ, какъ онъ устроилъ свое убогое хозяйство въ пятомъ этажѣ одного дома въ аллеѣ Клиши. Можандры не чаяли большаго прока отъ зятя-поэта; они считали благодѣяніемъ уже и то, что выдали за него дочь, и потому не дали новобрачнымъ ничего, подъ предлогомъ вѣрнѣе сохранить завѣщанный ей капиталъ, который долженъ еще возрасти съ годами. Нѣтъ, литература не могла пропитать человѣка, избравшаго ее своей спеціальностью; правда, у него есть проэктъ отличнаго романа, но нѣтъ времени добросовѣстно заняться этой работой, такъ что теперь Иорданъ поневолѣ принялся сотрудничать въ газетахъ, гдѣ приходится писать рѣшительно обо всемъ, начиная съ хроникъ до судебныхъ отчетовъ и даже до мелкихъ ежедневныхъ происшествій включительно.

— Подождите,—сказалъ Саккаръ,—если мнѣ удастся загнать крупное предпріятіе, я, можетъ быть, обращусь еще къ вамъ. Заходите повидаться со мной.

И, раскланявшись, онъ повернулъ за биржу. Только здѣсь, наконецъ, затихъ нестройный гулъ голосовъ, этотъ яростный и азартной игры; онъ перешелъ въ неясный ропотъ, затѣявшійся посреди стука фіакровъ на площади. Хотя и съ этой стороны ступени были полны народа, но кабинетъ маклеровъ въ красной обивкѣ, виднѣвшейся сквозь высокія окна, не опускалъ страшнаго шума изъ большой залы въ колоннаду, дѣ спекуляторы, важные и богатые, удобно разсѣлись въ ѣни—одни въ одиночку, другіе маленькими группами, устроивъ что въ родѣ клуба въ обширномъ перистилѣ на открытомъ воздухѣ. Эта сторона зданія напоминала отчасти задній фадъ театра съ подъѣздомъ для артистовъ; такое впечатлѣніе болѣе усиливалось видомъ подозрительной и сравнительно юкойной улицы Нотръ Дамъ-де-Виктуаръ, которая вся сплошь нята винными погребками, кафе, тавернами, гдѣ кишитъ оя особая смѣшанная публика. Многія вывѣски указывали

также на вредную растительность, возникшую на краю громадной сосѣдней клоаки: страховыя общества, не заслуживающія довѣрія, мошенническія финансовыя газеты, товарищества, банки, агентства, конторы, — однимъ словомъ, на цѣлую серію убогихъ воровскихъ притоновъ, пріютившихся по лавочкамъ или по антресолямъ въ ладонь шириною. По тротуарамъ, посрединѣ мостовой, повсюду здѣсь слонялись люди, чего-то выжидавшіе, точно на опушкѣ лѣса.

Саккаръ остановился за рѣшеткой, устремивъ на дверь, ведущую въ кабинетъ маклеровъ, пронизательный, упорный взглядъ, какъ предводитель арміи, производящій со всѣхъ сторонъ рекогносцировку пункта, который онъ намѣревается взять приступомъ. Вдругъ изъ сосѣдней таверны вышелъ какой-то человекъ; онъ пересѣкъ улицу и низко поклонился Аристиду.

— Ахъ, г. Саккаръ, нѣтъ ли у васъ чегонибудь для меня? Я окончательно бросилъ общество заклада движимыхъ имуществъ и теперь ищу мѣстечка.

Подошедшаго человекъ звали Жантдру; прежде онъ служилъ преподавателемъ и переселился изъ Бордо въ Парижъ, вслѣдствіе какой-то неблаговидной исторіи. Уволенный изъ министерства народнаго просвѣщенія, скомпрометтированный, этотъ красивый малый, съ черной бородою вѣромъ и ранней плѣшью, отличался начитанностью, умомъ и былъ очень обходителенъ. На биржѣ онъ началъ спекулировать лѣтъ двадцати восьми; лѣтъ десять работалъ здѣсь въ качествѣ агента-посредника, принималъ участіе въ грязныхъ предпріятіяхъ, трепалъ свое имя, выручая лишь настолькоъ, чтобъ удовлетворять своимъ порокамъ. Теперь же, окончательно облысѣвъ, Жантдру отчаивался, какъ состарѣвшая камелія наканунѣ полнаго банкротства, но не переставалъ мечтать о неожиданномъ чудесномъ обогащеніи.

Саккаръ, видя его такимъ смиреннымъ, съ горечью вспомнилъ заискивающую любезность Сабатани въ ресторанѣ Шампо: рѣшительно только одни скомпрометтированные и оплеванные не отворачивались отъ него; но онъ не пренебрегалъ Жантдру съ его недюжиннымъ умомъ, хорошо зная, что самыя храбрыя войска вербуются изъ людей, готовыхъ на все, которымъ

нечего терять. Поэтому Аристидъ отнесся благосклонно къ отставному педагогу.

— Вы просите мѣстечка?—сказалъ онъ,—хорошо; у меня, можетъ быть, найдется для васъ вакансія. Зайдите какъ нибудь.

— Вашъ теперешній адресъ: — улица Сенъ-Лазарь, не такъ ли?

— Совершенно вѣрно, и по утрамъ я дома.

Они разговорились. Жантру былъ ужасно озлобленъ противъ биржи; онъ повторялъ, что тамъ добиваются успѣха только мошенники—обыкновенная пѣсня людей, которымъ не повезло въ мошенничествѣ. Поэтому онъ махнулъ рукой на биржу и хотѣлъ приняться за что нибудь другое. Съ его университетскимъ образованіемъ и житейской опытностью онъ могъ бы занять хорошее мѣсто въ администраціи. Саккаръ соглашался съ нимъ, утвердительно кивая головой. Когда они выходили изъ-за рѣшетки и направились по тротуару въ улицу Броньяръ, ихъ обоихъ заинтересовало темное купе съ превосходной запряжкой,—оно остановилось въ этой улицѣ, причемъ лошадь была повернута къ улицѣ Монмартръ. Въ то время какъ спина кучера на высокихъ козлахъ могла поспорить въ неподвижности съ дикой скалой, они замѣтили женскую головку, которая два раза выглядывала изъ окна, чтобы опять торопливо спрятаться. Вдругъ молодая дама высунулась изъ дверцы и долго съ нетерпѣніемъ смотрѣла назадъ, по направленію къ биржѣ.

— Э-э! да вѣдь это, кажется, баронесса Сандорфъ,—пропешталъ Саккаръ.

Женщина, сидѣвшая въ экипажѣ, была смуглая брюнетка, очень оригинальная, съ черными жгучими глазами подъ измятыми вѣками, съ подвижнымъ страстнымъ личикомъ и ярко пунцовыми губами; но красивыя черты портилъ слишкомъ длинный носъ. Все таки она была прехорошенькая, хотя черезчуръ полна для своихъ двадцати пяти лѣтъ и похожа на вакханку, одѣтую знаменитыми портными второй имперіи.

— Какъ же, это баронесса,—подтвердилъ Жантру,—я зналъ ее еще молодой дѣвушкой въ домѣ ея отца, графа де-Ладрикуръ. Азартный былъ биржевой игрокъ и возмутительно грубъ въ обращеніи; я каждый день ходилъ къ нему за при-

казаніями и однажды онъ меня чуть не побилъ. Я не жалѣлъ его, когда онъ померъ отъ удара, разорившись вслѣдствіе цѣлой серіи ликвидацій... его молоденькой дочери пришлось тогда волей-неволей выйти за барона Сандорфа, совѣтника при австрійскомъ посольствѣ, который былъ на тридцать пять лѣтъ старше ея; она совершенно свела его съ ума своими огненными взглядами.

— Знаю, — односложно замѣтилъ Саккаръ.

Головка баронессы опять юркнула въ купэ, но почти тотчасъ появилась снова; ея черты выражали пылкое нетерпѣніе и она перегнула шею, чтобы дальше видѣть все, происходившее на площади.

— Вѣдь баронесса играетъ, не такъ ли?

— Ахъ, какъ сумашедшая! Въ дни кризисовъ ее всегда можно видѣть здѣсь въ своемъ экипажѣ, гдѣ она выжидаетъ извѣстій, съ лихорадочной поспѣшностью что-то заносить въ свою книжку, даетъ приказанія...

— Пойдите, пойдите! да вѣдь она поджидала Массіаса, вотъ онъ бѣжитъ къ ней, какъ угорѣлый.

Дѣйствительно, Массіасъ бѣжалъ во всю прыть своихъ маленькихъ ножекъ съ курсовымъ листомъ въ рукѣ, а потомъ облокотился на дверцу экипажа и, просунувъ голову въ окно, долго совѣщался съ кліенткой. Жантру съ Саккаромъ немного подались назадъ, чтобъ ихъ не заподозрили въ подглядываньѣ, а когда агентъ возвращался обратно, опять таки бѣгомъ, они его окликнули. Тотъ сначала боязливо оглянулся, желая убѣдиться, что кліентка не видитъ его за угломъ; а потомъ остановился, запыхавшись, весь красный, съ видомъ полнокровнаго, сильно измученнаго человѣка, что не мѣшало ему однако сіять веселостью.

— Ума не приложу, что такое сегодня творится! — крикнулъ онъ, взглянувъ на обоихъ собесѣдниковъ большими глазами на выкатъ. — Суэзскія акціи такъ и падаютъ. Толкуютъ о войнѣ съ Англіей; этотъ слухъ баломутитъ публику, хотя неизвѣстно, откуда онъ взялся. Война! Какъ вамъ это понравится? Кто это могъ выдумать? Пожалуй, все это одна чепуха, но, какъ бы то ни было, штука выходитъ скверная!

Жантру опустилъ глаза.

— А что ваша барынька, все по прежнему не отстаётъ, отъ азартной игры?

— О-о, совсѣмъ бѣшеная! Я бѣгу съ ея порученіями къ Натансону.

Саккаръ, молча слушавшій, замѣтилъ на это:

— Ахъ да, вѣдь мнѣ говорили, что Натансонъ вступилъ въ кулису.

— Премилый человекъ, — сказалъ Жантру, — онъ заслуживаетъ успѣха. Мы служили съ нимъ вмѣстѣ въ обществѣ заклада движимыхъ имуществъ. Натансонъ добьется своего, потому что еврей. Его отецъ, родомъ изъ Австріи, поселился въ Безансонѣ; часовыхъ дѣлъ мастеръ, кажется... Насмотрѣвшись, какъ орудуютъ въ кредитномъ обществѣ, онъ вздумалъ перейти на биржу. Натансонъ сказалъ себѣ, что это вовсе не хитрая штука и что для комерческихъ операцій стоить имѣть комнату и открыть форточку; и онъ открылъ форточку. А вы довольны своимъ положеніемъ, Массіасъ?

— Какъ тутъ быть довольнымъ? Вы сами прошли этотъ искусъ и совершенно вѣрно говорите, что для спекуляцій нужно быть евреемъ; а иначе нѣтъ никакого толку вникать въ эту хитрую махинацію; какъ ни бейся, не будетъ тебѣ прибыли. Поганое ремесло! Но разъ за него взялся, и тянешь лямку. Впрочемъ, у меня еще хорошія ноги и я не унываю.

И онъ побѣждалъ отъ нихъ прочь, продолжая смѣяться. Про этого агента говорили, что онъ сынъ ліонскаго судьи, отрѣшеннаго отъ должности и провалившагося на биржѣ. Послѣ исчезновенія отца, Массіасъ немедленно бросилъ университетъ, гдѣ изучалъ право, и пошелъ по его слѣдамъ.

Жантру съ Саккаркомъ, не спѣша, вернулись въ улицу Броньяръ; купѣ баронессы стояло на прежнемъ мѣстѣ, но стекла были опущены; таинственный экипажъ казался пустымъ, а кучеръ какъ будто закаменѣлъ на козлахъ въ этомъ ожиданіи, продолжавшемся иногда до закрытія биржи.

— Чертовски аппетитная бабенка! — цинично замѣтилъ Саккаръ. — Я понимаю старика барона.

Жантру странно улыбнулся.

— Баронъ! Да она, кажется, ему давно надоѣла; говорятъ, будто бы муженекъ ея — порядочный скряга... А знаете,

съ кѣмъ она сошлась теперь, чтобы платить по счетамъ, такъ какъ биржевая игра никогда не покрываетъ ея расходовъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Съ Делькамбромъ.

— Съ Делькамбромъ, генеральнымъ прокуроромъ! Это такой высокій, худой человѣкъ съ желтымъ лицомъ, неподвижный, какъ мумія? Будущій министръ!.. Ну, хотѣлъ бы я видѣть вмѣстѣ эту парочку!

И они оба, развеселившись, сильно наэлектризованные, разстались съ крѣпкимъ рукопожатіемъ, причемъ Жантру напомнилъ, что разчитываетъ скоро побывать у Саккара.

Оставшись одинъ, Саккаръ опять услышалъ гулъ на биржѣ, гудѣвшей съ назойливостью морскаго прибоя. Онъ повернулъ за уголь и направился къ улицѣ Вивіенъ по той сторонѣ, гдѣ отсутствіе кафе придаетъ площади болѣе строгій видъ. Минувавъ комерческую управу, почтовое бюро, крупныя конторы объявленій, Аристидъ, все болѣе и болѣе оглушаемый и чувствовавшій лихорадку по мѣрѣ приближенія къ главному фасаду биржи, пріостановился тамъ, откуда можно было бросить незамѣтный взглядъ на перистиль; ему какъ будто еще не хотѣлось прекратить обхода колоннады монументальнаго зданія, которое Саккаръ точно собирался осадить или обвести магическимъ кругомъ. Здѣсь, на этомъ расширеніи мостовой, уличная жизнь выставлялась на показъ, била ключемъ; волна посѣтителей врывается во всѣ кафе, лавка пирожника была биткомъ набита; выставки въ окнахъ привлекали прохожихъ въ особенности въ магазинѣ золотыхъ дѣлъ мастера, гдѣ за витринами горѣли, какъ жаръ, крупныя вещи изъ серебра. А съ четырехъ угловъ, съ четырехъ перекрестковъ несся потокъ фіакровъ и пѣшеходовъ; онъ еще какъ будто прибывалъ среди невообразимой толкотни, — бюро омнибусовъ увеличивало тѣсноту, а экипажи биржевиковъ, выстроенные въ линію, загораживали тротуаръ почти отъ одного конца рѣшетки до другаго. Но глаза бывшаго миллионера не отрывались отъ высокихъ ступеней, гдѣ на самомъ солнпекевъ мелькали черныя сюртуки, спускаясь по лѣстницѣ. Потомъ они снова поднялись къ колоннамъ, слившись въ компактную массу и образуя какое-то подвижное черное мѣсиво, гдѣ едва выдѣлялись блѣдныя пятна человѣческихъ лицъ. Всѣ были на

ногахъ; стулья исчезли, кружокъ кулисы, усѣвшейся подъ часами, выдавалъ себя только клокотаньемъ яростной бури жестовъ и криковъ, отъ которыхъ сотрясался воздухъ. Немного дѣвѣе группа банкировъ, занятыхъ сравненіемъ вексельныхъ курсовъ, — арбитражемъ, операціями съ векселями и англійскими чеками, — вела себя спокойнѣе и поминутно раздвигалась вереницей людей, пробиравшейся на телеграфъ. Даже подъ боковыми галереями кишели спекуляторы, толкая другъ друга среди постоянной давки, а между колоннъ, опираясь на чугунныя перила, нѣкоторые присутствующіе безцеремонно, какъ у себя дома, прислонялись спиной или животомъ къ бархату ложи. Сотрясеніе и гулъ, точно отъ машины, работающей на всѣхъ парахъ, все возрасталъ, волнуя биржу, какъ вѣтеръ волнуетъ пламя. Вдругъ Аристидъ узналъ Массіаса, бѣгомъ спускавшагося со ступеней; потомъ онъ прыгнулъ въ свою карету и кучеръ погналъ лошадь во всю прыть.

Тутъ Саккаръ почувствовалъ, что его кулаки сжимаются отъ безсиьной ярости и заставилъ себя вернуться въ улицу Вивьенъ, чтобы дойти до угла улицы Фейдо, гдѣ стоялъ домъ Буша. Онъ вспомнилъ о русскомъ письмѣ, которое было нужно перевести; но, у самаго входа, съ нимъ раскланялся молодой человекъ, стоявшій противъ писчебумажнаго магазина. Саккаръ узналъ Густава Седиля, сына фабриканта шелковыхъ матерій въ улицѣ Женеръ; отецъ помѣстилъ его къ Мазо для изученія механизма финансовыхъ дѣлъ. Саккаръ отечески улыбнулся этому высокому элегантному юношѣ, догадываясь про себя, зачѣмъ онъ тутъ торчитъ. Писчебумажный магазинъ Коненъ снабжалъ записными книжками всю биржу, съ тѣхъ поръ какъ маленькая г-жа Коненъ помогала въ торговлѣ мужу, флегматичному толстяку, никогда не выходившему изъ своей мастерской позади лавки, гдѣ онъ занимался изготовленіемъ своихъ издѣлій.

Жена замѣняла Конена во всемъ остальномъ; она постоянно находилась въ движеніи, успѣвая и торговать за прилавкомъ, и хлопотать по дѣламъ въ городѣ. Пухленькая, бѣлокурая, розовая, г-жа Коненъ напоминала курчаваго барашка со своими шелковистыми, свѣтлыми волосами; это было граціозное, вкрадчивое, постоянно веселое созданіе. Мужа своего, говорятъ, она любила, что не мѣшало ей, однако, по време-

намъ выказывать благосклонность тому или другому биржевику изъ своей кліентуры, но это дѣлалось не изъ-за денегъ, а единственно изъ удовольствія, притомъ не больше одного раза въ знакомомъ домѣ по сосѣдству. Такъ, по крайней мѣрѣ, гласила о ней молва. Во всякомъ случаѣ, счастливицы, которымъ она дарила часы любви, оказывались людьми скромными и благодарными, потому что г-жу Коненъ продолжали обожать, носили на рукахъ и на ея имени не было пятна. Между тѣмъ бумажный магазинъ Конена процвѣталъ; это былъ пріютъ невозмутимаго супружескаго счастья. Проходя, Саккаръ увидѣлъ хозяйку лавочки, улыбающуюся въ окно Густаву. Какой прелестный маленькій барашекъ! У Саккара явилось восхитительное ощущеніе, какъ будто его самого нѣжно ласкали. Наконецъ, онъ поднялся на лѣстницу.

Уже пятнадцать лѣтъ Бушъ занималъ въ самомъ верху, въ пятомъ этажѣ, тѣсную квартирку въ двѣ комнаты съ кухней. Родившись въ Нанси, отъ родителей-нѣмцевъ, онъ поселился здѣсь, когда пріѣхалъ въ Парижъ изъ своего города; въ Парижѣ онъ мало по малу расширилъ кругъ своихъ занятій, отличавшихся необыкновеннымъ разнообразіемъ. Однако, не смотря на сложныя операціи, Бушъ не чувствовалъ потребности въ болѣе обширномъ кабинетѣ и предоставилъ своему брату Сигизмунду комнату, выходящую на улицу, удовольствовавшись для себя каморкой съ однимъ окномъ во дворъ. Здѣсь были навалены такія кипы бумагъ, подшитыхъ дѣль, пакетовъ разнаго сорта, что между ними оставалось свободное мѣсто только для одного стула, стоявшаго противъ конторки. Одной изъ главныхъ отраслей его дѣятельности были операціи съ бумагами, упавшими въ цѣнѣ; Бушъ скупалъ ихъ и служилъ посредникомъ между малой биржей мокроногихъ и банкротами, желавшими заткнуть дыры въ своемъ балансѣ. Поэтому онъ слѣдилъ за курсами, покупая иногда прямо, но бумаги, приносимыя па домъ, доставляли ему больше выгоды. Кромѣ ростовщичества и тайной торговли золотыми вещами и драгоценными камнями, еврей главнымъ образомъ скупалъ долговья обязательства.

Ими и былъ набитъ снизу до верху его кабинетъ; ради ихъ онъ постоянно шнырялъ по всему Парижу, вынюхивая, подглядывая, имѣя агентовъ, во всѣхъ слояхъ общества. Чуть

заслышавъ о какомъ нибудь банкротствѣ, онъ бросался туда со всѣхъ ногъ, вертѣлся вокругъ синдика и дѣло кончалось тѣмъ, что ему въ руки попадало все, изъ чего конкурсная комисія не могла извлечь непосредственной выгоды. Бушъ слѣдилъ за конторами нотаріусовъ, за раздѣлами имущества, представлявшими извѣстные сучки и задоринки, присутствовалъ на рѣшеніяхъ дѣлъ несостоятельныхъ должниковъ. Онъ самъ публиковалъ объявленія, чтобы привлечь нетерпѣливыхъ кредиторовъ, которые предпочитали получить хотя ничтожную часть немедленно, вмѣсто того чтобъ подвергаться риску, преслѣдуя прогорѣвшихъ капиталистовъ. И вотъ изъ этихъ-то разнообразныхъ источниковъ въ его контору стекались воза бумагъ, вѣчно возростающая куча тряпичника въ кредитномъ дѣлѣ: неоплаченныя обязательства, неустойки, расписки, исполнительные листы. Потомъ онъ приступалъ къ ихъ сортировкѣ, роясь въ этомъ хламѣ, что требовало спеціальнаго, особенно тонкаго нюха. Въ этомъ морѣ исчезнувшихъ или несостоятельныхъ должниковъ, нужно было дѣлать строгій выборъ, дѣйствовать осмотрительно, чтобъ не терять понапрасну трудовъ. Въ общемъ, Бушъ держался того правила, что всякій документъ, даже просроченный и съ виду безнадежный, можетъ опять получить свою силу, если ловко за него взяться. Съ этой цѣлью у него имѣлись особые списки, составленные съ поразительной аккуратностью; это былъ тщательный сводъ всевозможныхъ данныхъ, касавшихся извѣстнаго дѣла, а списки дополнялись еще длиннымъ реестромъ именъ. Еврей перечитывалъ ихъ по временамъ, чтобъ освѣжить себѣ память. Изъ несостоятельныхъ должниковъ онъ, конечно, прилежнѣе слѣдилъ за тѣми, кто имѣлъ въ виду полученіе наслѣдства. Наводя повсюду справки, этотъ ловкій человекъ докапывался до всего, разузнавалъ семейныя тайны, разыскивалъ богатую родню, разнохивалъ источники матерьяльныхъ средствъ, особенно появлявшіеся вновь, которые давали возможность вчинать иски, прямо или косвенно. Иногда, такимъ образомъ, онъ оставлялъ человека въ покоѣ цѣлые годы, чтобы прихлопнуть его при первомъ успѣхѣ.

Что же касается исчезнувшихъ должниковъ, то погоня за ними особенно разжигала его, бросала въ лихорадку настойчивыхъ поисковъ; Бушъ не пропуская ни одной вывѣски,

ни одного имени въ газетахъ, выслѣживая адреса, какъ лягавая собака выслѣживаетъ дичь. И когда, наконецъ, они попадали ему въ руки, эти исчезнувшіе и несостоятельные, мелкій спекуляторъ становился кровожаднымъ звѣремъ, безжалостно допекалъ ихъ процентами, высасывалъ изъ нихъ всю кровь, выручая по сту франковъ за то, что обошлось ему въ десять су. Онъ грубо объяснялъ свою жадность рискомъ игрока, который поневолѣ наворачиваетъ на тѣхъ, кто ему попался, убытки, причиненные другими, которые проскользнули у него между пальцевъ, разсѣявшись, какъ дымъ.

Въ этой охотѣ за должниками Мешень приносила Бушу большую пользу, и онъ охотно прибѣгалъ къ ея помощи. Разумѣется, онъ не могъ обойтись безъ особыхъ агентовъ, бывшихъ всегда у него въ распоряженіи, но онъ не довѣрялъ этимъ людямъ, въ свою очередь жаднымъ до наживы и получавшимъ отъ него жалкіе гроши. Между тѣмъ Мешень стояла до извѣстной степени выше этой перекатной голи; она имѣла недвижимую собственность, цѣлый поселокъ за Монмартрскимъ холмомъ, обширный участокъ земли, застроенный избушками на курьихъ ножкахъ, которыя она сдавала внаймы помѣсячно. Эта мѣстность носитъ громкое названіе Неаполитанскаго поселка и представляетъ притонъ ужасающей нужды; тутъ ютятся нищенское населеніе въ страшной тѣснотѣ и грязи; однако жалкіе углы, похожіе на поросячьи закуты, берутся здѣсь съ бою и приносятъ хозяевамъ немалую выгоду. По крайней мѣрѣ, Мешень не церемонилась со своими жильцами и безжалостно выметала оборванцевъ вмѣстѣ съ ихъ навозомъ, какъ только они не могли больше платить. Она была бы богата, но ее пожирала страсть къ биржевой игрѣ. Мешень проматывала на нее всѣ доходы; она также, какъ и Бушъ, любила несчастія, крахи, разоренія, гдѣ всегда бываетъ можно поживиться растаявшими деньгами и драгоценностями. Когда Бушъ поручалъ ей навести справки, отыскать скрывающагося должника, она не жалѣла ни силъ, ни средствъ, тратя иногда собственные деньги, просто потому, что находила въ этомъ удовольствіе. Она называла себя вдовою, но никто не зналъ ея мужа. Мешень взялась неизвѣстно откуда, и, кажется, ей всегда было пятьдесятъ лѣтъ, всегда она была такой же тучной и говорила тоненькимъ голоскомъ маленькой дѣвочки.

Въ этотъ день, когда Мешенъ заняла единственный стулъ въ каморкѣ своего пріятеля, его кабинетъ переполнился, какъ будто окончательно заткнутый горою мяса въ лицѣ монументальной посѣтительницы. Помѣстившись передъ конторкой, Бушъ не могъ пошевелиться, точно зарытый въ этомъ биткомъ набитомъ пространствѣ; только его квадратная голова выступала изъ моря бумажныхъ кипъ, нагроможденныхъ во всѣхъ углахъ.

— Вотъ,—сказала она, вынимая изъ стараго саквояжа громадную кучу бумаги, — Фейе прислалъ мнѣ это изъ Вандома... Онъ все скупилъ для васъ при банкротствѣ Шарлье, какъ вы велѣли. Сто десять франковъ...

Фейе, котораго Мешенъ называла своимъ двоюроднымъ братомъ, основалъ въ Вандомѣ контору для уплаты рентъ. Его явной профессіей былъ размѣнъ купоновъ мелкихъ провинціальныхъ капиталистовъ; такимъ образомъ, постоянно имѣя въ рукахъ наличныя деньги, онъ предавался отчаяннымъ спекуляціямъ.

— Ну, изъ провинціи-то немного выжмешь,—пробормоталъ Бушъ,—хотя и тамъ случается дѣлать важныя находки.

Онъ присматривался къ бумагамъ, сортировалъ ихъ наскоро опытной рукой, пока еще по первому впечатлѣнію, такъ сказать, по запаху. Его плоское лицо понемногу омрачалось и онъ сдѣлалъ недовольную гримасу.

— Гм! Ну, это товаръ завалищій, нечѣмъ поживиться. Хоть недорого стоило, и то ладно. Вотъ векселя... И опять векселя... Ну, если должники—люди молодые и пріѣхали въ Парижъ, мы, пожалуй, ихъ спаваемъ...

Вдругъ онъ слегка вскрикнулъ отъ изумленія.

— Пойдите, это что за штука?

Бушъ прочиталъ внизу гербоваго листа подпись графа де-Бовильера; а весь текстъ документа состоялъ всего изъ трехъ строчекъ, написанныхъ толстымъ старческимъ почеркомъ: „Обязуюсь выплатить сумму въ десять тысячъ франковъ дѣвицѣ Леони Кронъ въ день ея совершеннолѣтія“.

— Графъ де-Бовильерь... — протянулъ онъ, разсуждая вслухъ.— Да, припоминаю, у него были фермы, цѣлое помѣстье возлѣ Вандома... Онъ умеръ вслѣдствіе несчастнаго случая на охотѣ, оставивъ жену и двоихъ дѣтей въ очень стѣснен-

ныхъ обстоятельствахъ. Я имѣлъ въ прежнее время ихъ векселя и уплата производилась туго. Покойный графъ былъ шалопай, человѣкъ такъ себѣ, дрянцо...

Вдругъ еврей разразился громкимъ хохотомъ, представляя себѣ любовныя похождения сѣдовласаго волокиты съ дѣвицей Кронъ.

— Ахъ, старый плутъ, какъ ловко одурачилъ дѣвчонку!.. Она, вѣрно, не соглашалась, а онъ соблазнилъ ее этимъ клочкомъ бумаги, который не имѣетъ никакой законной силы. Потомъ онъ умеръ... Посмотримъ: на документѣ выставленъ 1854 годъ, значить, дѣло произошло десять лѣтъ назадъ. Чортъ побери! Конечно, эта Леони давно совершеннолѣтняя. Но какимъ образомъ документъ попалъ къ Шарье? Вѣдь этотъ Шарье былъ хлѣбный торговецъ и выдавалъ краткосрочныя ссуды подъ залогъ. Вѣроятно, дѣвушка заложила эту бумагу за нѣсколько су или же ростовщикъ взялъ на себя произвести взысканіе.

— Но,—перебила Мешень, — вѣдь тутъ наклеивается выгодное дѣльце!

Ростовщикъ презрительно пожалъ плечами.

— Ахъ, перестаньте! Говорю вамъ: по закону здѣсь не получишь ничего... Ну, я предъявлю эту бумажечку наследникамъ, а они и пошлютъ меня къ чорту, потому что вѣдь надо доказать подлинность долга... Понимаете, въ чемъ суть? Найдите прежде эту Леони Кронъ, напишите Фейе, чтобъ онъ тамъ разыскалъ ее. А послѣ того ужъ будетъ видно, какъ поступить.

Бушъ разложилъ принесенныя бумаги въ двѣ пачки, собираясь хорошенько заняться ими въ свободную минуту, и стоялъ, пожимая ихъ ладонями.

Послѣ нѣкотораго молчанія, Мешень заговорила снова:

— А я занялась іордановскими векселями... повидимому, мнѣ удалось напасть на настоящій слѣдъ должника. Сначала онъ гдѣ-то служилъ, а теперь пишетъ въ газетахъ. Но вотъ бѣда: въ редакціяхъ неохотно сообщаютъ свѣдѣнія и отказываютъ выдавать адреса. Кромѣ того, я полагаю, Іорданъ не подписывается настоящей фамиліей подъ газетными статьями.

Не говоря ни слова, Бушъ протянулъ руку за дѣломъ Іордана, лежавшимъ на полкѣ въ массѣ другихъ, причѣмъ всѣ

они размѣщались въ строгомъ алфавитномъ порядкѣ. Тамъ оказалось шесть векселей по пятидесяти франковъ каждый, разсроченныхъ помѣсячно. Они были подведены подъ общій итогъ въ триста франковъ и подписаны молодымъ человѣкомъ пять лѣтъ назадъ. Иорданъ задолжалъ эту сумму одному портному, когда сильно нуждался. Послѣ протеста, векселя остались неуплаченными и на нихъ накопилась громадная цифра процентовъ; къ дѣлу было пришито нѣсколько документовъ, относившихся къ судебной процедурѣ, по поводу взысканія. Въ настоящее время, долгъ возросъ до семисотъ тридцати франковъ и пятнадцати сантимовъ.

— Если у этого малаго есть будущность, онъ отъ насъ не уйдетъ,—пробормотала Бушь.

Потомъ, вѣроятно, вспомнивъ что-то, онъ вскричалъ:

— Ну, а въ какомъ положеніи у насъ дѣло Сикардо?— Неужели его придется бросить?

Мешень съ трагическимъ жестомъ воздѣла къ небу толстыя, какъ бревна, руки, и вся ея чудовищная фигура выразила отчаяніе.

— Ахъ, Создатель,—пропищала она своимъ тоненькимъ голоскомъ,—я, кажется, разорюсь тутъ дотла.

Дѣло Сикардо представляло цѣлый романъ, который старуха любила рассказывать. У нея была молоденькая кузина, Октавія Шаваль, младшая дочь сестры ея отца. Въ шестнадцать лѣтъ эта дѣвушка была оболъщена на ступеняхъ лѣстницы одного дома въ улицѣ Ла-Гарпъ, гдѣ она проживала съ матерью въ маленькой квартиркѣ шестаго этажа. Хуже всего было то, что виновный, женатый господинъ, поселившійся съ женою всего за недѣлю въ меблированной комнатѣ у одной дамы во второмъ этажѣ, выказалъ столько страстного пыла, что Октавія, неосторожно, опрокинутая имъ навзничь, вывихнула себѣ плечо объ острый уголъ каменной ступени. Старуха-мать, разумѣется, вышла изъ себя и чуть не надѣлала скандала, не смотря на слезы дочери, увѣрявшей, что она добровольно отдалась соблазнителю, что онъ изувѣчилъ ее нечаянно и потому она будетъ въ большомъ горѣ, если господина посадятъ изъ-за нея въ тюрьму. Тогда мать притихла и ограничилась тѣмъ, что потребовала отъ любовника для дочери сумму въ шестьсотъ франковъ, развер-

станную на двѣнадцать векселей по пятидесяти франковъ каждый, чтобы производить по нимъ ежемѣсячную уплату въ теченіе года. И это требованіе было основательно, даже скромно, такъ какъ дѣвушка, кончавшая ученіе у портнихи, лишилась всякаго заработка и слегла въ постель. Ея лѣченіе стоило дорого да и вышло очень неудачно: послѣ вывиха, руку свело и Октавія осталась калѣкой. Но не прошло и мѣсяца, какъ господинъ выѣхалъ, не оставивъ адреса. Между тѣмъ несчастія посыпались одно за другимъ на бѣдныхъ женщинъ: Октавія разрѣшилась мальчикомъ, потомъ схоронила мать, сбилась съ пути и впала въ страшную нищету. Пріютившись у двоюродной сестры, Мешень, въ Неаполитанскомъ поселкѣ, она вела позорную жизнь до двадцати шести лѣтъ, потому что изуродованная рука мѣшала ей работать. Иногда Октавія торговала лимонами на рынкѣ, исчезая на цѣлыя недѣли съ какимъ нибудь мужчиной, который въ концѣ концовъ выталкивалъ ее вонъ, пьяную и покрытую синяками. Годъ назадъ, она, къ счастью, отдала Богу грѣшную душу, послѣ особенно основательнаго кутежа. Старухѣ Мешень пришлось взять къ себѣ ея сынишку, Виктора, и такимъ образомъ ото всей этой исторіи осталось только двѣнадцать неуплаченныхъ векселей, подписанныхъ фамиліей Сикардо. Объ немъ никакъ не могли разузнать ничего обстоятельнаго; онъ просто назывался Сикардо и все тутъ.

Бушь снова протянулъ руку, чтобъ достать дѣло Сикардо, въ тоненькой сѣренькой обложкѣ. Тамъ не было другихъ документовъ, кромѣ двѣнадцати векселей.

— Еще еслибъ Викторъ былъ порядочный мальчикъ!— жаловалась тетка.— Но это какой-то головорѣзъ. Вотъ завидное наслѣдство досталось мнѣ—ужь нечего сказать!—скверный ребенокъ, который, вѣрно, кончитъ на эшафотѣ, да безполезные клочки бумаги! Навѣрно изъ нихъ никогда не удастся выжать ни единого су.

Бушь между тѣмъ не сводилъ своихъ большихъ выпѣвшихъ глазъ съ разложенныхъ передъ нимъ документовъ. Сколько разъ изучалъ онъ ихъ такимъ образомъ, въ надеждѣ найти полезное указаніе въ какой нибудь просмотрѣнной до сихъ поръ подробности, въ формѣ буквъ, даже въ качествѣ гербовой бумаги, на которой были написаны векселя.

— Странно!—повторялъ онъ въ раздумьѣ,—мнѣ положи- тельно знакомы эти *a* и *o*, до того удлинненныя, что ихъ можно принять за *i*.

Какъ разъ въ ту минуту постучались въ дверь. Ростов- щикъ попросилъ Мешень протянуть руку, чтобы отворить; его каморка выходила прямо на лѣстницу; она была проход- ная и соединялась дверью со второй комнатою лучше, ок- нами на улицу. Кухня же, — темный закоулокъ, въ родѣ чу- лана, — помѣщалась по ту сторону площадки.

— Войдите, сударь!

Посѣтитель былъ Саккаръ; онъ слегка улыбался. Его разсмѣшила надпись на дверяхъ квартиры Буша: „Тяжбы“. Это слово было выгравировано крупными черными буквами на мѣдной доскѣ.

— Ахъ, это вы, г. Саккаръ! насчетъ перевода, не правда ли? Мой братъ тамъ, въ сосѣдней комнатѣ; войдите, войдите, пожалуйста!

Но Мешень совершенно заграждала проходъ и съ любо- пытствомъ разсматривала гостя, причемъ ея лицо выражало все большее и большее изумленіе. Чтобы пропустить Сак- кара, потребовался довольно сложный маневръ: онъ подался обратно на лѣстницу, Мешень вышла и отодвинулась въ дальній уголь площадки, чтобы дать ему возможность пройти и добраться до сосѣдней комнаты, гдѣ Саккаръ и исчезъ. Во время этихъ сложныхъ передвиженій, старуха не спускала съ него глазъ.

— Уфъ!—произнесла она, отдуваясь, — такъ это и есть г. Саккаръ? Я никогда не видала его хорошенько вблизи... Викторъ—вылитый портретъ этого господина.

Бушъ сначала не понялъ и пристально посмотрѣлъ на Мешень. Потомъ внезапная догадка озарила его.

— Тысяча чертей!—прошепталъ онъ, стиснувъ зубы,— вѣдь вотъ оно что! Недаромъ почеркъ казался мнѣ знакомымъ.

На этотъ разъ онъ приподнялся, перерылъ всѣ свои бу- маги и наконецъ нашелъ собственноручное письмо Саккара, написанное въ прошломъ году, когда тотъ просилъ у него отсрочки для одной несостоятельной должника. Ростовщикъ горючливо сравнилъ почеркъ на векселяхъ и въ письмѣ: без- спорно это были тѣ же самыя *o* и *a*, сдѣлавшіяся съ тече-

ніемъ времени еще острѣе; кромѣ того, и въ большихъ буквахъ было несомнѣнное сходство.

— Это онъ, это онъ, — повторялъ Бушъ. — Только почему же подписано Сикардо вмѣсто Саккаръ?

Но тутъ ему смутно припомнилась исторія изъ прошлаго Саккара, рассказанная повѣреннымъ подѣламъ Ларсонно, который сталъ теперь милліонеромъ: Саккаръ появился въ Парижѣ сейчасъ послѣ государственнаго переворота, желая воспользоваться протекціей своего брата Ругона, только что входившаго въ то время въ силу; сначала онъ нуждался, проживая въ грязныхъ улицахъ стараго латинскаго квартала, а потомъ быстро разбогатѣлъ, сдѣлавъ выгодную, но двусмысленную партію, послѣ того какъ ему посчастливилось схронить первую жену. Въ то время, когда Аристиду приходилось съ такимъ трудомъ пробивать себѣ дорогу, братъ министра перемѣнилъ свою фамилію Ругонъ и назвался Саккаромъ, передѣлавъ это имя изъ фамиліи первой жены, урожденной Сикардо.

— Да, да, Сикардо, я отлично помню, — прошепталъ Бушъ. — Такъ онъ смѣлъ безстыдно подписать эти векселя фамиліей жены! Вѣроятно, супруги записались на квартирѣ подъ этимъ именемъ, поселившись въ улицѣ Ла-Гарпъ. А потомъ негодяй, конечно, принималъ всѣ предосторожности, мѣняя квартиру, какъ только у него являлась догадка, что кредиторы напали на его слѣдъ. А-а! значить, онъ стремился не къ одной наживѣ денегъ, а былъ не прочь опрокидывать дѣвчонокъ на лѣстницахъ! Ужасно глупо! Когданибудь Саккаръ за это поплатится.

— Шш! — унимала его Мешень. — Слава богу, что онъ попалъ намъ въ руки, истинная милость божья, право! Наконецъ-то я буду вознаграждена за все, что сдѣлала для бѣднаго малютки Виктора, котораго я все таки люблю, не смотря ни на что.

Она сіяла, ея узенькіе глазки блестѣли на заплывшемъ отъ жира лицѣ. Но Бушъ, котораго сначала бросило въ лихорадку при неожиданномъ открытіи тайны, такъ долго интриговавшей его, смотрѣлъ теперь на дѣло хладнокровно и съ сомнѣніемъ покачивалъ головой. Конечно, отъ Саккара есть чѣмъ поживиться, хотя въ настоящее время онъ и ра-

ворень. Отцомъ Виктора могъ оказаться просто какой нибудь проходимецъ безъ гроша за душой. Только Саккаръ не такой человекъ, чтобъ позволилъ себя обойти; тягаться съ нимъ слишкомъ рискованно; кромѣ того, вѣроятно, онъ самъ не зналъ, что у него есть сынъ, и могъ отрицать этотъ фактъ не смотря на сходство, бросавшееся въ глаза и такъ сильно поразившее Мешень. Вдобавокъ онъ имѣлъ еще то преимущество, что, овдовѣвъ вторично, былъ совершенно свободенъ и не обязанъ никому отдавать отчетъ въ своемъ прошломъ. Значить, если онъ и признаетъ Виктора своимъ сыномъ, его нельзя ничѣмъ запугать. Если же это открытіе не принесетъ ничего, кромѣ добровольной уплаты со стороны Саккара шестисотъ франковъ, то положительно игра не стоила свѣчъ и чудесный случай, такъ внезапно пришедшій на помощь Бушу, пропадетъ безъ пользы. Нѣтъ, нѣтъ, надо все хорошенько обдумать, надо дать созрѣть этому дѣлу, чтобы оно принесло обильную жатву.

— Не станемъ торопиться,—сказалъ ростовщикъ старухѣ Мешень,—теперь съ Саккара взятки гладки, надо дать ему оправиться.

И, прежде чѣмъ отпустить свою помощницу, онъ спросилъ о другихъ мелкихъ дѣлишкахъ, порученныхъ ей. Такъ, надо было навести справки о молодой дамѣ, заложившей свои драгоценности для любовника; о господинѣ, за котораго заплатитъ долгъ теща, состоявшая съ нимъ въ связи, если умѣючи взяться за дѣло,—однимъ словомъ, у Буша былъ цѣлый ворохъ предпріятій подобнаго рода, гдѣ требовалось много изворотливости, выдержки, находчивости, чтобы достичь цѣли путемъ сложныхъ махинацій.

Войдя въ сосѣдную комнату, Саккаръ былъ ослѣпленъ яркимъ свѣтомъ солнца, врывавшимся въ незавѣщенное окно. Эта комната съ палевыми обоями, усыпанными голубыми цвѣточками, представляла довольно убогій видъ: вся ея мебель ограничивалась узкой желѣзной кроватью въ углу, сосновымъ столомъ посрединѣ и двумя соломенными стульями. Вдоль перегородки съ лѣвой стороны были придѣланы кое-какъ отесанные доски, служившія книжными полками; онѣ были завалены книгами, брошюрами, газетами и бумагами разнаго рода. Но ясное небо, не заслоненное ничѣмъ на вы-

сотѣ шестаго этажа, заглядывало такъ привѣтливо въ эту комнату съ голыми стѣнами, что сообщало ей какое-то веселье молодости, что-то смѣющееся, свѣжее, наивное. Младшій братъ Буша, Сигизмундъ, мужчина лѣтъ тридцати пяти, безбородый, съ длинными, рѣдкими каштановыми волосами, сидѣлъ у стола, подпирая исхудавшей рукой выпуклый лобъ. Онъ до того углубился въ чтеніе какой-то рукописи, что даже не повернулъ головы, не разслушавъ стука отворившейся двери.

Сигизмундъ отличался выдающимся умомъ, учился въ германскихъ университетахъ и, кромѣ роднаго французскаго языка, говорилъ по нѣмецки, по англійски и по русски. Въ тысяча восемьсотъ сорокъ девятомъ году онъ познакомился съ Карломъ Марксомъ и сдѣлался однимъ изъ самыхъ любимыхъ редакторовъ *Новой Рейнской газеты*. Съ тѣхъ поръ его направленіе строго опредѣлилось: онъ сталъ проповѣдовать социализмъ съ пламенной вѣрой, отдавшись весь идеѣ будущаго социальнаго обновленія, которому предстояло упрочить счастье бѣдныхъ и обиженныхъ судьбою. Съ тѣхъ поръ какъ его учитель, изгнанный изъ Германіи и принужденный покинуть Парижъ вслѣдствіе іюньскихъ дней, поселился въ Лондонѣ и много писалъ, стараясь организовать партію, Сигизмундъ Бушъ жилъ одними радужными мечтами о будущемъ благѣ человѣчества, относясь съ такою безпечною къ собственнымъ интересамъ, что навѣрно умеръ бы съ голоду, еслибы старшій братъ не приютилъ его у себя въ улицѣ Фейдо возлѣ биржи. Ростовщикъ подаль Сигизмунду мысль утилизировать свое знаніе языковъ, занимаясь переводами. Старшій братъ любилъ младшаго страстной, материнскою любовью: кровожадный волкъ по отношенію къ должникамъ, способный стянуть десять су въ какойнибудь грязной плутиѣ, онъ проявлялъ нѣжную, чисто женскую заботливость и деликатность во всемъ, что касалось Сигизмунда, а бѣдный ученый, не смотря на зрѣлые годы, оставался ребенкомъ, былъ вѣчно разсѣянъ и безтолковъ въ житейскихъ дѣлахъ. Братъ уступилъ ему лучшую комнату съ окномъ на улицу, замѣнялъ Сигизмунду прислугу, велъ ихъ маленькое холостое хозяйство, подметая полъ, приготавливая постели, заботясь о кушаньяхъ, которыя имъ приносили два раза въ день изъ маленькаго ресторана по сосѣдству. Старшій Бушъ, вѣчно дѣятельный, съ

головой, набитой различными аферами, охотно мирился съ праздною младшаго, такъ какъ переводы шли плохо, постоянно отодвигаемые на задній планъ другими занятіями, не приносящими пользы, но болѣе интересными для молодаго социалиста. Бушь даже запрещалъ ему работать, тревожась постояннымъ зловѣщимъ кашлемъ Сигизмунда; не смотря на свою жадность, не разбирающую средствъ къ наживѣ, въ которой онъ видѣлъ единственный смыслъ существованія, этотъ ростовщикъ и спекуляторъ снисходительно улыбался, выслушивая теоріи революціонера и предоставляя ему распорядиться на словахъ капиталомъ, какъ предоставляютъ избалованному ребенку игрушку, чтобъ тотъ ее сейчасъ же испортилъ.

Сигизмундъ, съ своей стороны, даже никогда не задумывался надъ вопросомъ, чѣмъ занимается братъ въ сосѣдней комнатѣ. Онъ не подозрѣвалъ отвратительныхъ спекуляцій съ бумагами-упавшими въ цѣнѣ, и съ покупкой чужихъ векселей; его душа парила слишкомъ высоко, питалась возвышенными мечтами о справедливости. Благотворительность онъ отрицалъ въ принципѣ, она оскорбляла его, приводила въ бѣшенство: благотворительность это та же милостыня, обидное неравенство, освященное добротой. А онъ допускалъ одну справедливость, возстановленіе правъ каждаго члена общества, основанное на незыблемыхъ принципахъ новой социальной организаціи. Идя по стопамъ Карла Маркса, съ которымъ онъ находился въ постоянной перепискѣ, Сигизмундъ убивалъ все свое время надъ изученіемъ этой организаціи, перестраивая и безпрестанно совершенствуя на бумагѣ общество будущаго. Онъ исписывалъ цифрами цѣлыя листы, основывая на выводахъ науки сложное зданіе всеобщаго счастья. Онъ отнималъ капиталъ у однихъ, чтобъ раздѣлить его между другими; воровалъ миллиардами, перемѣщая однимъ почеркомъ пера мировое богатство. И всѣ эти страшные перевороты происходили въ комнатѣ съ голыми стѣнами, обитатель которой не зналъ другихъ страстей, кромѣ своей возвышенной мечты, не зналъ потребности наслажденія и до того ограничивалъ себя во всемъ, что брату приходилось насильно заставлять его выпить глотокъ вина или поѣсть говядины. Сигизмундъ хотѣлъ, чтобы трудъ человѣка, соразмѣряемый съ его силами, обеспечивалъ ему удовлетвореніе необходимыхъ потребностей

а самъ убивался за работой, довольствуясь скудной пищей. Это былъ настоящій мудрецъ, страстно преданный наукѣ, отрѣшившійся отъ матеріальной жизни, кроткій и высоко нравственный. Съ прошлой осени онъ кашлялъ все сильнѣе; чахотка пожирала его, но онъ не обращалъ на это вниманія и не думалъ лѣчиться. Наконецъ Саккаръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ; тогда Сигизмундъ вскинулъ на него разсѣянные глаза и удивился, хотя зналъ пришедшаго.

— Я пришелъ попросить васъ перевести письмо.

Удивленіе молодого человѣка все возрастало; онъ давно отвалилъ кліентовъ: банкировъ, спекуляторовъ, маклеровъ, всѣхъ представителей биржеваго міра, которые получаютъ, изъ-за границы, преимущественно изъ Англій и Германіи, массу писемъ, циркуляровъ и уставовъ различныхъ обществъ.

— Я получилъ русское письмо... О,—это всего только десять строчекъ!

Тутъ Сигизмундъ протянулъ руку; русскій языкъ остался его специальностью, такъ какъ онъ одинъ хорошо владѣлъ имъ; другіе же переводчики изъ ихъ квартала жили только нѣмецкими и англійскими переводами. Русскіе документы рѣдко попадались на парижскомъ рынкѣ, и вотъ почему у младшаго Буша было столько досуга. Онъ вслухъ перевелъ письмо на французскій языкъ. Оно состояло всего изъ трехъ фразъ, заключавшихъ въ себѣ благопріятный отвѣтъ одного константинопольскаго банкира, простое согласіе, касавшееся какого-то дѣла.

— Ахъ, благодарю васъ!—вскричалъ просіявшій Саккаръ.

И онъ попросилъ написать эти нѣсколько строчекъ перевода на оборотѣ письма; но съ Сигизмундомъ вдругъ сдѣлался страшный приступъ кашля; больной зажималъ ротъ платкомъ, боясь потревожить брата, который тотчасъ прибѣгалъ въ такихъ случаяхъ. Отдышавшись немного, молодой человѣкъ подошелъ къ окну и распахнулъ его настежь; ему не хватало воздуха. Саккаръ, послѣдовавшій за нимъ, выглянулъ на улицу и у него вырвалось невольное восклицаніе:

— Ахъ, взгляните на биржу! Какая она смѣшная отсюда!

Въ самомъ дѣлѣ, ему никогда еще не приходилось видѣть этого громаднаго зданія съ высоты птичьяго полета, его цинковой крыши съ четырьмя покатосями громаднаго размѣра,

со щетинившимся на ней лѣсомъ печныхъ трубъ. Шпицы громоотводовъ поднимались въ видѣ гигантскихъ копій, какъ будто угрожавшихъ небу, и вся биржа казалось просто каменнымъ кубомъ, обнесеннымъ рядами колоннъ; грязно - сѣраго цвѣта, обнаженный и некрасивый, этотъ кубъ увѣнчивался знаменемъ въ лохмотьяхъ. Но въ особенности удивляли его ступени и перистиль, усѣянные черными точками; тутъ кипилъ цѣлый взбаломученный муравейникъ, метавшійся изъ стороны въ сторону; съ высоты, его движеніе казалось и безсмысленнымъ, и жалкимъ.

— Удивительно, какъ разстояніе уменьшаетъ предметы, — продолжалъ Саккаръ, — такъ вамъ и кажется, что всѣхъ этихъ людей можно захватить въ одну горсть.

Потомъ, зная идеи своего собесѣдника, онъ прибавилъ смѣясь: — А когда же вы все это опрокинете однимъ пинкомъ, ноги?

Сигизмундъ пожалъ плечами.

— Стоитъ ли беспокоиться? вы сами готовите себѣ гибель.

И мало по малу онъ оживился, спѣша наговориться о предметѣ, наполнявшемъ его умъ. Потребность прозелитизма заставляла его, при малѣйшемъ намекѣ, развивать передъ слушателями свою систему.

— Да, вы работаете для насъ, не догадываясь объ этомъ. Вы — ничтожная горсть узурпаторовъ, которые отнимаютъ собственность у народной массы, а когда васъ затопитъ богатство, намъ останется только въ свою очередь отобрать нажитые вами капиталы... Всякое накопленіе, всякая централизація ведутъ къ коллективизму. Вы даете намъ практическій урокъ. Точно также, какъ крупныя землевладѣнія поглощаютъ мелкую земельную собственность, крупныя производители пожираютъ мелкихъ кустарей, большіе банкирскіе дома и большіе магазины убиваютъ всякую конкуренцію, наживаются разореніемъ мелкихъ банковъ, маленькихъ лавочекъ; все же это, вмѣстѣ взятое, представляетъ медленный, но неизмѣнный переходъ къ новому соціальному строю... Мы ждемъ, пока прежнее разрушится, пока способъ настоящаго производства не доведетъ до нестерпимаго порядка вещей. Тогда буржуа и крестьяне сами придутъ къ намъ на помощь.

Заинтересованный Саккаръ смотрѣлъ на Сигизмунда съ

неопредѣленной тревогой, хотя и принималъ его за помѣшаннаго.

— Но объясните же мнѣ наконецъ, что значитъ коллективизмъ?

— Коллективизмъ есть превращеніе частныхъ капиталовъ, существующихъ конкуренціей, въ одинъ общій капиталъ, эксплуатируемый общимъ трудомъ... Представьте себѣ общество, гдѣ орудія производства составляютъ общественное достояніе, гдѣ всѣ работаютъ по мѣрѣ способностей и силъ, и гдѣ продукты этой соціальной коопераціи раздѣляются на каждого, пропорціонально его труду. Ничего не можетъ быть проще, не такъ ли? Общее производство на заводахъ, національныя верфи, національныя мастерскія; затѣмъ обмѣнъ, плата натурой. Если явится излишекъ производства, его помѣщаютъ въ общественные склады, откуда затѣмъ берутъ на пополненіе могущихъ случиться дефицитовъ. Тутъ только нужно сохранить равновѣсіе... Эта система, какъ ударъ топора, валитъ подгнившее дерево. Нѣтъ болѣе конкуренціи, нѣтъ болѣе частнаго капитала; значитъ, нѣтъ болѣе никакихъ аферъ, ни рынковъ, ни биржъ. Идея наживы теряетъ свой смыслъ. Источники спекуляціи, ренты, получаемыя безъ труда, упраздняются.

— Ого! — прервалъ Саккаръ, — это перевернетъ вверхъ дномъ привычки многихъ! Ну, а что вы сдѣлаете съ тѣми, которые получаютъ въ настоящее время ренты?.. Вотъ хоть бы, на примѣръ, Гундерманъ; вы отнимете у него принадлежащій ему миллиардъ?

— Нисколько; мы не грабители! Мы выкупили бы у Гундермана и деньги, и всѣ его цѣнныя бумаги, и ренты, посредствомъ боновъ на разнородныя житейскія блага; этими бонами будетъ ежегодно погашаться общественный долгъ. Но представьте же себѣ гундермановскій капиталъ, замѣненный подавляющимъ обиліемъ предметовъ потребленія! Менѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ, потомки обладателя миллиарда будутъ принуждены трудиться сами, потому что ежегодная уплата въ концѣ концовъ погаситъ капиталъ, а у наслѣдниковъ будетъ отнята возможность капитализировать то, что поневолѣ останется у нихъ въ экономіи, т. е. тотъ избытокъ продуктовъ, который приходился на ихъ долю, допуская даже, что право

наслѣдства не будетъ упразднено!.. Я вамъ говорю, что новый порядокъ смететь однимъ взмахомъ не только индивидуальныя дѣла, акціонерныя общества, ассоціаціи частныхъ капиталовъ, но и всѣ косвенные источники ренты, всѣ кредитныя системы, ссуды, наймы квартиръ, аренды... Мѣриломъ цѣнности останется одна работа. Плата будетъ, разумѣется, уничтожена, потому что, при теперешнемъ отношеніи капитала къ труду, она, не соотвѣтствуя настоящему продукту работы, представляетъ только минимумъ того, что нужно работнику на свои ежедневныя насущныя потребности. Надо сознаться, что во всемъ виноватъ теперешній строй нашей жизни, а не сами капиталисты, взятые въ отдѣльности; самый честный изъ хозяевъ фабрики, завода или помѣстья поневолѣ подчиняется суровому закону конкуренціи и принужденъ эксплуатировать рабочихъ, если не хочетъ умереть съ голоду. Нужно разрушить всю нашу социальную систему... Ахъ, воображаю себѣ Гундермана, подавленнаго страшнымъ количествомъ боновъ на полученіе всевозможныхъ земныхъ благъ, его наслѣдниковъ, которые не будутъ въ состояніи проѣсть и прожить всей этой массы добра и поневолѣ подѣлятся имъ съ другими, а сами возьмутъ въ руки лопату или другое орудіе, чтобъ не отставать отъ товарищей!

И Сигизмундъ расхохотался добрымъ ребяческимъ смѣхомъ, по прежнему стоя у окна и устремивъ глаза на биржу, гдѣ продолжалъ кишить черный муравейникъ азартной игры. Красныя пятна выступили у него на щекахъ... Этотъ бѣднякъ не зналъ другаго развлеченія, кромѣ того, что потѣшался надъ разными курьезами, которые должны вытупить на сцену, когда въ мірѣ наступитъ царство „настоящей“ справедливости.

Между тѣмъ Саккаръ чувствовалъ непріятную неловкость. А ну, какъ этотъ мечтатель, грезившій наяву, говорилъ правду? Что, если онъ сумѣлъ угадать будущее? По крайней мѣрѣ, его объясненія выходили и крайне ясными, и разумными.

— Ба!— произнесъ, наконецъ, Аристидъ успокоительнымъ тономъ.— Все то, о чемъ вы толкуете, случится еще не завтра.

— Пожалуй! — отвѣчалъ молодой человѣкъ, впадая въ серьезный тонъ и обнаруживая болѣзненную усталость.— Мы переживаемъ переходное время. Можетъ быть, дѣло не обойдется безъ кровавыхъ революцій; онѣ часто неизбежны. Но

всѣ преувеличенія, крайности — вещи преходящія... О, я не скрываю, что сначала это будетъ сопряжено съ большими трудностями. Свѣтлое будущее, о которомъ мы мечтаемъ, кажется невозможнымъ; трудно дать людямъ ясное понятіе объ этомъ обществѣ будущаго, обществѣ справедливаго труда, нравы котораго естественно должны во многомъ отличаться отъ нашихъ теперешнихъ. Это какъ бы иной міръ на иной планетѣ. Крімъ того, надо сознаться: реорганизація еще не готова, мы пока ищемъ выхода. Страдая бессонницей, я размышляю объ этомъ цѣлыя ночи напролетъ. Напримѣръ, намъ могутъ возразить: „если порядокъ вещей таковъ, какъ онъ есть, значитъ, онъ проистекаетъ изъ логики человѣческихъ условій“. Поэтому вы можете вообразить, сколько предстоитъ труда, чтобы вернуть рѣку къ ея истоку и направить по другому руслу!.. Разумѣется, настоящей социальный строй обязанъ своимъ вѣковымъ процвѣтаніемъ принципу индивидуализма. Соревнованіе, личный интересъ дѣлаютъ его плодотворнымъ въ смыслѣ безпрестанно возобновляющейся производительности. Какъ знать, достигнетъ ли коллективизмъ такой же плодovitости да и какими средствами возбудить въ работникѣ рвеніе къ производительности, когда самое понятіе о барышѣ перестанетъ существовать? Тутъ, по моему, невольно возникаетъ сомнѣніе, является тревога; здѣсь слабый пунктъ, который мы должны защищать съ особой энергіей, если хотимъ, чтобы социализмъ нѣкогда одержалъ побѣду на этой почвѣ... Но мы непременно побѣдимъ, потому что за насъ справедливость. Пойдите, вы видите это громадное зданіе передъ собой... вы видите его?

— Биржу?—спросилъ Саккаръ.—Чортъ побери! Конечно, вижу.

— Такъ вотъ! Было бы глупо взорвать ее на воздухъ, потому что ее выстроили бы въ другомъ мѣстѣ; только я вамъ предсказываю, что она упразднится сама собою, когда государство сдѣлаетъ ее своею собственностью и биржа поневолѣ станетъ единственнымъ и всеобщимъ банкомъ націи. Какъ знать? Пожалуй, она послужитъ общественнымъ складомъ избытку нашихъ богатствъ, одной изъ кладовыхъ изобилія, гдѣ наши внуки найдутъ роскошь для своихъ праздничныхъ дней.

Широкимъ жестомъ Сигизмундъ какъ будто открывалъ это

будущее всеобщаго счастья и довольства. Онъ пришелъ въ такой экстазъ, что снова раскашлялся и присѣлъ къ столу, опираясь локтями на бумаги, придерживая руками голову и стараясь заглушить хриплые звуки, вылетавшіе у него изъ горла. На этотъ разъ ему не удалось однако подавить кашля. Дверь съ шумомъ распахнулась и въ комнату вбѣжалъ Бушъ, наскоро отпустивъ Мешенъ. Онъ былъ страшно встревоженъ и страдалъ не меньше больного. Бросившись къ Сигизмунду, ростовщикъ охватилъ брата своими ручищами, точно стараясь убаюкать его, какъ хворое дитя.

— Послушай, мой мальчикъ, зачѣмъ ты еще давишься стараясь заглушить кашель? Вѣдь я говорилъ, что надо позвать доктора; право, какой ты неразумный!.. Тебѣ ужасно вредно много говорить.

И онъ покосился на Саккара, который стоялъ посреди комнаты, рѣшительно огорошенный тѣмъ, что слышалъ отъ этого высокаго малаго, такого пылкаго и еле живаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ готоваго совершить судьбу парижской биржи изъ окна своей свѣтелки. Въ его ухахъ еще раздавались горячія рѣчи о томъ, что все должно быть сметено и перестроено на новый ладъ.

— Благодарю васъ, я уйду, — сказала посѣтитель. — Пришлите мнѣ письмо съ нѣсколькими строчками перевода... Я ожидаю и другихъ русскихъ писемъ, такъ что мы разочтемся съ вами за все разомъ.

Между тѣмъ кашель Сигизмунда прекратился и Бушъ на минуту удержалъ Саккара.

— Кстати, та особа, которую вы сейчасъ у меня видѣли, знала васъ когда-то, впрочемъ, ужъ очень давно.

— Вотъ какъ! Гдѣ же это?

— Въ улицѣ Ла-Гарпъ, № 52.

При всемъ самообладаніи, Саккаръ поблѣднѣлъ. Нервная судорога передернула его губы. Не то, чтобы онъ вспомнилъ въ ту минуту бѣдную швею, соблазненную имъ на лѣстницѣ: онъ даже не зналъ о ея беременности и существованіи ребенка, но ему просто было неприятно вспоминать годы нужды въ началѣ своей карьеры.

— Въ улицѣ Ла-Гарпъ! О, я тамъ прожилъ всего недѣлю, только что приѣхавъ въ Парижъ; мнѣ нужно было гдѣ нибудь

пріютиться, пока отыскалась подходящая квартира... до свиданія!

— До свиданія, — съ удареніемъ произнесъ Бушъ, перетолковавшій по своему замѣшательство гостя и уже придумывавшій способы эксплуатировать романическое приключеніе въ свою пользу.

Снова очутившись на улицѣ, Саккаръ машинально вернулся на площадь биржи. Его трясла лихорадка, онъ даже не взглянулъ на миловидную г-жу Коненъ съ ея прелестной бѣлокурой головкой, улыбающуюся у двери своего магазина. Суতোлка на площади увеличилась; громкіе крики игроковъ сливались въ непрерывный гулъ, который съ необузданной яростью морскаго прилива отражался отъ тротуаровъ, кипѣвшихъ народомъ. Это былъ ревъ чудовища, окончательно расходившагося къ закрытію биржи, до котораго оставалось всего только четверть часа; сраженіе приходило къ концу, устанавливались послѣдніе курсы и толпу охватило бѣшеное желаніе узнать, кто сегодня уйдетъ отсюда съ полными руками. Остановившись на углу биржевой улицы напротивъ перистилія, Саккаръ не могъ оторваться отъ этого зрѣлища; ему казалось, будто бы онъ узнаётъ среди безпорядочной толкотни подъ колоннами вѣчно унывающего Мозера и бравирующаго Шильро; оба они лѣзли изъ кожи, а изъ глубины большой залы до слуха Аристиды какъ будто доносился рѣзкій голосъ маклера Мазо, который иногда покрывался громкими раскатами могучаго баса Натонсона, сидѣвшаго подъ часами въ кружкѣ кулисы. Вдругъ чья-то карета, проѣзжавшая у самаго тротуара, чуть не забрызгала грязью разорившагося богача. Прежде чѣмъ кучеръ успѣлъ остановить лошадей, изъ экипажа выпрыгнулъ Массіасъ: онъ вбѣжалъ на лѣстницу и, совершенно запыхавшись, передалъ послѣдній приказъ одного изъ кліентовъ.

Между тѣмъ Саккаръ, — по прежнему стоявшій неподвижно, устремивъ взглядъ на сумятицу въ сѣняхъ биржи, — мысленно переживалъ свое прошлое, возвращаясь къ началу своей дѣятельности, о которомъ напомнилъ ему ростовщикъ Бушъ. Онъ представлялъ себѣ улицу Ла-Гарпъ, потомъ улицу Сень-Жакъ, гдѣ бѣгалъ въ стоптанныхъ сапогахъ авантюриста, пріѣхавшаго въ Парижъ, чтобъ побѣдить великій городъ, и снова

чувствовалъ бессильную ярость при мысли о томъ, что полная побѣда еще не одержана, что онъ снова очутился на мостовой, подстерегая фортуна съ неутоленными желаніями, болѣе чѣмъ когда нибудь терзаемый жаждой наслажденій. Сумашедшій Сигизмундъ, пожалуй, говорилъ правду: работой не проживешь; работаютъ только одни несчастные да безмозглые, чтобъ другіе жирѣли на ихъ счетъ. Одна биржевая игра можетъ доставить въ нѣсколько часовъ полное благосостояніе, роскошь, безпечальное, сытое житье. И, если старый социальный строй долженъ когда нибудь рухнуть, развѣ такой человекъ, какъ онъ, Аристидъ Саккаръ, не успѣетъ еще утолить своихъ желаній до всеобщаго крушенія?

Но тутъ его толкнулъ прохожій, даже не обернувшійся, чтобъ извиниться. Саккаръ узналъ Гундермана, который каждый день немного прогуливался пѣшкомъ для моціона. Онъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и увидѣлъ, какъ этотъ властелинъ золота зашелъ къ кондитеру, откуда имѣлъ обыкновеніе приносить иной разъ коробку конфетъ въ одинъ франкъ своимъ внучкамъ. Этотъ обидный толчокъ локтемъ въ такую минуту, когда лихорадка азартной игры все болѣе овладѣвала Саккаръ, пока онъ въ своемъ безуміи кружился около биржи, былъ для него послѣднимъ ударомъ хлыста, заставившимъ спекулятора окончательно рѣшиться. Теперь онъ кончилъ свою рекогносцировку и приступалъ къ осадѣ. Онъ далъ клятву безпощадной борьбы: онъ не покинетъ Франціи, онъ пойдетъ противъ брата, поставитъ страшную ставку, затѣетъ крупную игру, махнетъ рукой на все, съ безумной отвагой, чтобы увидѣть Парижъ у своихъ ногъ или безвозвратно погибнуть.

До самаго закрытія биржи Саккаръ простоялъ на своемъ наблюдательномъ пунктѣ, грозя оттуда врагу. Онъ смотрѣлъ, какъ пустѣетъ перистиль, какъ спускаются по ступенямъ медленными шагами всѣ эти разгорячившіеся, утомленные люди. Вокругъ него на мостовой и тротуарахъ продолжалась давка; непрерывная людская волна колебалась туда и сюда по всѣмъ направленіямъ площади. О, эта вѣчная толпа, всегда готовая подчиниться эксплуатаціи! Сколько здѣсь будущихъ акціонеровъ, которые не могли пройти мимо этой громадной лотереи спекуляціи, не повернувъ головы съ любопытствомъ и трахомъ передъ тѣмъ, что творилось тамъ. Всѣ они жадно

стремились проникнуть въ тайну финансовыхъ операцій, тѣмъ болѣе соблазнительную для французскихъ умовъ, что она была доступна пониманію очень немногихъ.

II.

Послѣ несчастной аферы съ отчужденіемъ земельныхъ участковъ, когда Саккаръ былъ принужденъ выѣхать изъ своего дворца возлѣ парка Монсо, предоставивъ его кредиторамъ, во избѣжаніе худшей катастрофы, — первой его мыслью было поселиться у сына. Максимъ, съ тѣхъ поръ какъ похоронилъ жену на маленькомъ кладбищѣ въ Ломбардіи, занималъ одинъ цѣлый дворецъ въ Аллеѣ императрицы, гдѣ устроилъ свою жизнь по всѣмъ правиламъ мудраго и жестокаго эгоизма; онъ проматывалъ состояніе покойной Луизы акуратно и методически, какъ прилично юношѣ слабаго здоровья, которому порокъ привилъ раннюю зрѣлость. Нисколько не смущаясь, сынъ отказалъ отцу взять его къ себѣ, „чтобы не портить ихъ дружескихъ отношеній“, — прибавилъ юный крезъ со своимъ улыбающимся и положительнымъ видомъ.

Тогда Саккаръ сталъ подыскивать другое убѣжище. Ему хотѣлось нанять домикъ въ Пасси, буржуазный пріютъ коммерсанта, удалившагося отъ дѣлъ. Но тутъ онъ вспомнилъ, что въ отелѣ Орвiedo въ улицѣ Сенъ-Лазаръ до сихъ поръ не были заняты два нижнихъ этажа и стояли съ наглухо запертыми дверьми и ставнями. Княгиня Орвiedo, перебравшись со смерти князя въ три комнаты на самомъ верху, не выставила даже объявленія объ отдачѣ квартиры у большихъ воротъ, оброставшихъ травюю. Низкая дверь на другомъ концѣ фасада вела во второй этажъ по черной лѣстницѣ. Имѣя дѣла съ княгиней и бывая у нея, Саккаръ нерѣдко удивлялся, почему она не хочетъ извлечь никакой выгоды изъ пустовавшаго дома. Но вдова только покачивала головой; у нея была своя точка зрѣнія относительно денежнаго вопроса. Когда же Аристидъ предложилъ ей отдать ему квартиру, она тотчасъ согласилась и уступила за ничтожную плату въ десять тысячъ франковъ оба этажа, отдѣланныхъ съ княжеской пышностью. Такое роскошное помѣщеніе стоило, по крайней мѣрѣ, вдвое.

Парижъ не забылъ еще хвастливой роскоши, среди которой жилъ князь Орвiedo. Въ апогеѣ своего колоссальнаго финансоваго успѣха прїѣхалъ онъ изъ Испаніи, чтобъ поселиться въ Парижѣ, гдѣ на него сыпался цѣлый дождь милліоновъ; въ то время онъ купилъ и отстроилъ отель въ улицѣ Сень-Лазарь, въ ожиданіи дворца изъ мрамора и золота, которымъ чванный вельможа собирался удивить міръ. Отель, построенный еще въ прошломъ столѣтіи, представлялъ одинъ изъ тѣхъ увеселительныхъ домовъ, окруженныхъ обширными садами, какіе любила старинная знать; однако, разрушенный частями и отстроенный въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, онъ сохранилъ отъ своего прежняго парка только широкій дворъ съ конюшнями и сараями по сторонамъ, причемъ проэктированная улица Кардинала Феша грозила отнять у него и этотъ свободный участокъ. Отель достался князю отъ нѣкоей дѣвицы Сень-Жермень, земля которой простиралась до улицы Труа-фреръ, составлявшей въ бывшее время продолженіе улицы Тебу. Впрочемъ, у отеля сохранился подъѣздъ на улицу Сень-Лазарь, бокъ-о-бокъ съ большимъ зданіемъ той же эпохи, прежнимъ „Фоли Бовильеръ“, гдѣ до сихъ поръ жило семейство Бовильеровъ, понемногу дошедшее до окончательнаго разоренія. Имъ принадлежалъ остатокъ восхитительнаго сада съ великолѣпными деревьями, которому также предстояло исчезнуть при перестройкѣ квартала.

Не смѣтря на упадокъ дѣлъ, Саккаръ держалъ кучу прислуги, оставшейся отъ прежняго, черезчуръ многочисленнаго персонала. При немъ находились: камердинеръ, старшій поваръ съ женою, завѣдывавшей бѣльемъ, еще одна служанка, оставленная богъ вѣсть для чего, кучеръ и двое конюховъ. Новый жилецъ занялъ конюшни и каретники, помѣстивъ туда пару лошадей и три экипажа, а внизу устроилъ столовую для прислуги. У этого человѣка не было свободныхъ пятисотъ франковъ въ кассѣ; между тѣмъ онъ сталъ жить, какъ будто располагалъ двумя или тремястами тысячъ годоваго дохода. Онъ находилъ вполне естественнымъ занять для одного себя обширныя комнаты перваго этажа, гдѣ было три гостинныхъ, пять спаленъ, не считая громадной столовой на пятьдесятъ еловѣкъ. Здѣсь въ прежнее время былъ теплый ходъ на верхъ, въ другую, менѣе обширную столовую, и княгиня, недавно

сдавшая ту часть верхняго этажа одному инженеру, по фамиліи Гамлену, холостяку, жившему съ сестрой, ограничилась тѣмъ, что заколотила дверь двумя крѣпкими винтами; такимъ образомъ, для самой хозяйки осталась только бывшая старая черная лѣстница, по которой ходили и жильцы; одинъ Саккаръ пользовался параднымъ ходомъ. Онъ кое-какъ меблировалъ нѣкоторыя комнаты остатками вещей изъ своего богатаго дома, другія же оставилъ пустыми, но все таки придавъ жизнь этой анфиладѣ печальныхъ обнаженныхъ стѣнъ, съ которыхъ чья-то упрямая рука, казалось, сорвала послѣдніе остатки обивки на другой же день по смерти князя. Здѣсь Саккаръ снова могъ мечтать о колоссальномъ богатствѣ.

Княгиня Орвiedo, была въ то время замѣчательной личностью въ Парижѣ. Пятнадцать лѣтъ назадъ, она рѣшилась выйти за нелюбимаго человѣка въ угоду матери, герцогинѣ де-Комбвиль. Двадцатилѣтняя невѣста славилась своей красотой и благоразуміемъ; она была очень набожна и, пожалуй, слишкомъ серьезна, хотя страстно любила выѣзды въ свѣтъ. Она не знала странныхъ слуховъ, ходившихъ о князѣ; не знала, откуда взялось его царственное богатство, доходившее до трехъсотъ милліоновъ; между тѣмъ все это было безсоставно награвлено—не вооруженной рукой на пустынной дорогѣ, какъ дѣлали благородные искатели приключеній добраго стараго времени; нѣтъ, Орвiedo дѣйствовалъ, какъ благовоспитанный разбойникъ новаго закала, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, на глазахъ цѣлой биржи, опустошая карманы бѣднаго доверчиваго люда посреди краховъ и смерти. И въ Испаніи, и во Франціи, въ продолженіе двадцати лѣтъ, Орвiedo получала свою львиную долю во всѣхъ крупныхъ мошенничествахъ, ставшихъ легендарными. Нимало не догадываясь о той грязи и крови, въ которой онъ собралъ столько милліоновъ, молодая дѣвушка, тѣмъ не менѣе, съ первой же встрѣчи почувствовала къ нему отвращеніе и, не смотря на свою религіозность, не могла побѣдить въ себѣ этого чувства, сдѣлавшись женою Орвiedo; вскорѣ къ этой антипатіи присоединилось глупое ожесточеніе за то, что несчастный насильственный бракъ остался вдобавокъ безплоднымъ. Материнство примирило бы ее съ печальной долей; княгиня обожала дѣтей и возненавидѣла человѣка, который не только не сдѣлалъ ея счастливой

любовницей, но и не удовлетворилъ, какъ мать. Съ тѣхъ поръ молодая женщина бросилась въ вихрь свѣтскихъ удовольствій, окружила себя неслыханной роскошью, ослѣпляла Парижъ блескомъ своихъ празднествъ и вела такой шумный образъ жизни, что, по слухамъ, ей завидовали даже въ Тюльери. Потомъ неожиданно, на другой день по смерти князя, скончавшагося отъ удара, отель въ улицѣ Сентъ-Лазаръ погрузился въ глубокую тишину и совершенный мракъ; яркіе огни погасли, звуки веселья замерли, окна и двери оставались наглухо закрытыми. Распространился слухъ, будто бы княгиня, наскоро перебравшись изъ парадныхъ комнатъ въ три каморки верхняго этажа, стала жить затворницей, отпустивъ всю прислугу, кромѣ бывшей горничной покойной матери, старой Софьи, которая ходила за ней въ дѣтствѣ. Когда она снова стала показываться людямъ на глаза, всѣ были поражены происшедшей съ ней пережвѣной; на княгинѣ было простое черное шерстяное платье, а волосы прикрывалъ маленькій чепчикъ изъ черныхъ кружевъ; небольшого роста, полная, съ узкимъ лбомъ, красивымъ круглымъ личикомъ и жемчужными зубками между крѣпко сжатыхъ губъ, молодая женщина какъ будто мало измѣнилась по наружности, но ея щеки пожелтѣли, а лицо стало безжизненнымъ, точно у монахини, послѣ долгихъ лѣтъ затворничества, отрекшейся отъ міра и поглощенной одной высокой мыслью о спасеніи души. Ей только что минуло тридцать лѣтъ, но съ тѣхъ поръ она посвятила себя дѣламъ широкой благотворительности.

Парижъ былъ пораженъ; поведеніе княгини подало поводъ къ самымъ невѣроятнымъ толкамъ. Ей достался цѣликомъ весь капиталъ, знаменитые триста милліоновъ, о которыхъ трубили даже газеты. Наконецъ, молва остановилась на романической легендѣ. Рассказывали, будто какой-то неизвѣстный человѣкъ, одѣтый въ черное, неожиданно появился вечеромъ въ комнатѣ княгини, когда та собиралась лечь въ постель; никто не могъ объяснить, откуда онъ взялся, черезъ какой потайной ходъ могъ проникнуть въ ея спальню. Чтò говорилъ ей этотъ странный незнакомецъ, о томъ не узнала ни одна душа, но, вѣроятно, онъ открылъ вдовѣ безчестный источникъ богатства князя и, пожалуй, взялъ съ нея клятву загладить бездну его несправедливостей и преступленій, угрожая въ

противномъ случаѣ карой небесъ. Послѣ того человѣкъ этотъ исчезъ. Въ теченіе пяти лѣтъ своего вдовства, княгиня, дѣйствительно, занималась только благотворительностью, хотя трудно было рѣшить, повинуется ли она въ данномъ случаѣ повелѣнію свыше или побужденіямъ собственной честной натуры. которая возмущилась открытіемъ, сдѣланнымъ въ бумагахъ покойнаго. Такъ или иначе, но эта бабочка съ громкимъ именемъ жертвовала всѣмъ, проникнутая пылкимъ самоотверженіемъ и стремясь загладить позорное прошлое князя. Не извѣдавъ ни счастья любви, ни счастья материнства, она обратила всю свою нѣжность и въ особенности силу обманутаго материнскаго инстинкта на обездоленныхъ, страждущихъ, и слѣпыхъ. Ей казалось, что она владѣетъ деньгами, украденными у нихъ, и она желала вознаграждать всѣхъ несчастныхъ щедрою рукою, по царски. Ею владѣла упорная идея, которая крѣпко засѣла у нея въ мозгу: она стала смотрѣть на себя только какъ на банкира, которому бѣдные принесли на храненіе триста милліоновъ, чтобъ употребить эти деньги съ возможно большею пользою; княгиня сдѣлалась простымъ бухгалтеромъ, дѣловымъ человѣкомъ, погружилась въ цифры, видалась только съ нотаріусами, архитекторами, работниками. Внѣ дома она завела обширную контору, гдѣ было до двадцати служащихъ. У себя, въ своихъ трехъ тѣсныхъ комнатахъ, она принимала только четырехъ или пятерыхъ лицъ, исполнявшихъ ея порученія, и, точно директоръ крупнаго предпріятія, проводила дѣльные дни за письменнымъ столомъ, совершенно уединившись отъ докучныхъ посѣтителей, среди вороха дѣловыхъ бумагъ. Ея мечтой было смягчать страданія несчастныхъ, начиная ребенкомъ, который мучится, только что явившись на свѣтъ, и кончая старикомъ, который не можетъ умереть безъ болезненной агоніи. Въ пять лѣтъ, бросая золото пригоршнями, она основала въ Виллетѣ „Ясли Дѣвы Маріи“ съ бѣлыми колыбельками для самыхъ маленькихъ, съ голубыми постелями для дѣтей постарше; въ этомъ обширномъ свѣтломъ помѣщеніи получали дневной пріютъ триста малютокъ. Кромѣ того, у нея былъ сиротскій домъ въ Сенъ-Мандѣ, называвшійся пріютомъ Св. Іосифа; сто мальчиковъ и сто дѣвочекъ получали здѣсь воспитаніе, какое обыкновенно дается

въ семьяхъ средняго класса. Наконецъ, въ Шатильонѣ была выстроена богадѣльня для престарѣлыхъ, куда можно было принять пятьдесятъ мужчинъ и пятьдесятъ женщинъ, и больница на двѣсти кроватей въ одномъ изъ предмѣстій. Последнее учрежденіе, называвшееся госпиталемъ Сентъ-Марсо, только что открылось. Но горячѣ всего относилась княгиня къ дому трудолюбія, устроенному по ея собственной программѣ; онъ долженъ былъ замѣнять исправительный рабочій домъ; сюда принимали дѣтей, не имѣвшихъ пристанища, подобранныхъ на мостовой Парижа, погрязшихъ въ развратѣ и преступленіяхъ; здѣсь они исправлялись, благодаря заботливому надзору и тщательному воспитанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ подготовляли къ практической дѣятельности, обучая различнымъ ремесламъ. Заведеніе было рассчитано на полтора-ста мальчиковъ и полтараста дѣвочекъ. Въ это дѣло княгиня вкладывала всю душу. Основывая одно полезное учрежденіе за другимъ, дѣлая значительные вклады, однимъ словомъ, проявляя безумную щедрость въ дѣлахъ благотворенія, вдова князя Орвiedo истратила въ пять лѣтъ около ста милліоновъ. Еще нѣсколько лѣтъ такой расточительности, и ей грозило разореніе; она не обезпечила себѣ даже и маленькой ренты, необходимой на покупку молока и хлѣба, которыми теперь исключительно питалась. Иногда старая няня, Софья, выходя изъ своего обычнаго молчанія, бранила княгиню, предсказывая, что та умретъ на соломѣ, но молодая женщина только слегка улыбалась въ отвѣтъ. Иной улыбки не знали ея блѣдныя губы, кромѣ божественной улыбки надежды.

Саккаръ познакомился съ княгиней Орвiedo именно по поводу ея дома трудолюбія.

Онъ былъ однимъ изъ владѣльцевъ земельного участка который она приобрѣла подъ его постройку; на этомъ мѣстѣ находился прежде садъ съ прекрасными деревьями, примыкавшій къ парку Нейли и простиравшійся вдоль бульвара Бино. Саккаръ понравился молодой женщинѣ той живостью, съ которой говорилъ о дѣлахъ, и она стала приглашать его къ себѣ по поводу нѣкоторыхъ затрудненій съ подрядчиками. Самъ онъ заинтересовался работами; его воображеніе разыгралось; онъ пришелъ въ восторгъ отъ грандіознаго плана, начертаннаго благотворительницей архитектору.

Домъ предполагалось выстроить въ два монументальныхъ флигеля—одинъ для мальчиковъ, другой для дѣвочекъ—соединенныхъ между собою главнымъ корпусомъ, гдѣ должны была помѣщаться домовая церковь, общія залы, конторы, квартиры начальства и служащихъ; каждый флигель имѣлъ особый обширный дворъ, свои мастерскія и службы всякаго рода. Но что всего болѣе прельщало Саккара, любившаго широкой размахъ и пышность, такъ это роскошь, съ какою было задумано новое предпріятіе: постройка изъ вѣковѣчныхъ матерьяловъ, повсюду мраморъ, кухня, облицованная фаянсомъ, гдѣ можно сварить цѣлаго быка; гигантскія столовыя съ богатыми дубовыми панелями; спальни, залитыя свѣтомъ, расписанныя яркой живописью; кладовая для бѣлья, обширная ванная, лазаретъ, и все это со всевозможными новѣйшими усовершенствованіями, съ полнымъ комфортомъ; повсюду широкіе дворы, площадки, лѣстницы, коридоры, галереи съ обиліемъ воздуха лѣтомъ, тепло натопленные зимою; весь домъ, залитый солнечными лучами, гдѣ бьетъ ключемъ веселье молодости, довольство, обезпеченное большими средствами. Когда архитекторъ, приведенный въ сомнѣніе и находя такое великолѣпіе излишнимъ, говорилъ о страшныхъ расходахъ, княгиня останавливала его однимъ словомъ; сама она нѣкогда пользовалась роскошью и теперь хотѣла представить ее бѣднякамъ; пускай наслаждаются ею тѣ, которые зарабатываютъ деньги для богачей. Вдова князя Орвiedo какъ будто помѣшалась на желаніи осыпать милостыней неимущихъ, чтобы они спали на прекрасныхъ постеляхъ и сидѣли за такимъ же столомъ, какъ и баловни судьбы; она не могла ограничиться подаваніемъ корки хлѣба, какимъ нибудь убогимъ нищенскимъ ложемъ; нѣтъ, бѣдняки, взятые на ея попеченіе, должны были жить въ полномъ довольствѣ, въ роскошныхъ палатахъ, какъ у себя дома, для того чтобы воспользоваться своей долей счастья, наслаждаться тѣмъ, что дано въ удѣлъ торжествующимъ богачамъ. Къ сожалѣнію, при своихъ громаднхъ затратахъ, она не замѣчала, что ее беспощадно грабятъ; цѣлый рой подрядчиковъ жилъ на ея счетъ, не считая убытковъ, происходившихъ отъ дурнаго надзора; добро бѣдняковъ немилосердно расхищалось. На выручку ей подоспѣлъ Саккаръ; онъ открылъ княгинѣ глаза и про-

силъ предоставить ему провѣрку счетовъ, впрочемъ совершенно съ безкорыстною цѣлю, изъ одного удовольствія регулировать эту безумную пляску миллионовъ, приводившихъ его въ энтузіазмъ. Никогда еще не выказывалъ Саккаръ такого полнаго безкорыстія. Въ этомъ колоссальномъ и сложномъ дѣлѣ онъ былъ самымъ дѣятельнымъ, самымъ добросовѣстнымъ сотрудникомъ, жертвуя своимъ временемъ, даже деньгами и чувствуя себя счастливымъ только изъ-за того, что черезъ его руки проходили громадныя суммы. Въ домѣ трудолюбія знали его одного; княгиня никогда тамъ не бывала, какъ и въ другихъ своихъ учрежденіяхъ, скрываясь отъ людскихъ глазъ, точно невидимая благодѣтельная фея. Между тѣмъ Саккара всѣ обожали, осыпали благословеніями и благодарностью, отъ чего княгиня Орвiedo тщательно уклонялась.

Съ этого времени Саккаръ началъ питать одну смутную надежду, перешедшую въ настоящее, острое желаніе, съ тѣхъ поръ какъ онъ поселился жильцомъ въ отелѣ Орвiedo. Отчего бы ему не посвятить себя вполнѣ управленію дѣлами княгини? Въ этотъ періодъ сомнѣній, побѣжденный на аренѣ спекуляцій, не зная, на какомъ поприщѣ снова начать свою карьеру, онъ увлекся заманчивой перспективой возрожденія, неожиданнаго, лучезарнаго апоѳеоза — идеей стать во главѣ этой царственной благотворительности, провести каналы для неизсякаемаго потока золота, разливавшагося надъ Парижемъ. Въ запасѣ оставалось еще двѣсти миллионовъ. Сколько полезныхъ учрежденій можно еще основать, какой городъ чудесъ вызвать изъ земли! А чтò можетъ выйти изъ этого колоссальнаго богатства въ его рукахъ! Вѣдь у него эти миллионы будутъ приносить плоды; онъ ихъ удвоитъ, утроитъ, съумѣетъ извлечь изъ нихъ новое, страшное богатство. По своей страстной натурѣ, онъ увлекся до самозабвенія; передъ нимъ раскинулись широкіе горизонты; онъ жилъ только одной опьяняющей мечтой безконечно разсыпать деньги на милостыню, затопить ею счастливую Францію. И Саккаръ умилялся, потому что дѣйствовалъ вполнѣ безкорыстно: ни одинъ су не прилипъ къ его пальцамъ. Въ его экзальтированномъ мозгу создалась гигантская идиллія, впрочемъ идиллія безсознательная, къ которой не примѣшивалось никакого желанія испустить свои прежнія фінансовыя мошенничества; тѣмъ болѣе,

кто конечной цѣлью стремленій Саккара все таки являлась мечта его цѣлой жизни—побѣдить Парижъ. Быть царемъ благодетельности, обожаемымъ кумиромъ колоссальной массы бѣдняковъ; сдѣлаться единственнымъ, приобрести неслыханную популярность, занимать собою свѣтъ, это превосходило самыя честолюбивыя вождельнія Аристиды. Какихъ чудесъ не сотворить онъ, если рѣшится употребить на добро свой геній дѣльца, свою изворотливость, свою настойчивость, а въ придачу къ нимъ полное отсутствіе предрасудковъ! И только подумать, что, ко всему этому, онъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи неодолимую силу, которая выигрываетъ битвы, всемогущее золото полными сундуками, золото, которое часто приноситъ столько зла и которое сдѣлаетъ столько добра въ тотъ день, когда человѣкъ найдетъ высшее наслажденіе въ томъ, чтобы раздавать его щедрою рукою, и станетъ этимъ гордиться.

Затѣмъ, придавая своему проэктору еще болѣе грандіозныя размѣры, Саккаръ пришелъ къ мысли, что ему было бы недурно жениться на княгинѣ Орвiedo. Это, по крайней мѣрѣ, опредѣлитъ ихъ положеніе и отниметъ всякую пищу у злыхъ языковъ. Цѣлый мѣсяць Аристидъ искусно подготовлялъ почву, излагая свои великолѣпныя планы, разсчитывая сдѣлаться необходимымъ для княгини, и вотъ, въ одинъ прекрасный день, совершенно спокойнымъ тономъ, даже впадая въ наивность, онъ сдѣлалъ брачное предложеніе и развилъ передъ молодою женщиной свой великій проэктъ. Онъ предлагалъ ей настоящую ассоціацію, отдавалъ самого себя, чтобы сдѣлаться ликвидаторомъ суммъ, наворованныхъ княземъ; онъ обязывался возратить ихъ бѣднымъ удесятеренными. Сначала княгиня, сидѣвшая передъ нимъ въ своемъ неизмѣнномъ черномъ платьѣ съ кружевнымъ чепчикомъ на головѣ, слушала его внимательно, безъ малѣйшаго слѣда волненія на пожелтѣвшемъ лицѣ. Она была сильно поражена выгодами подобной ассоціаціи, равнодушная ко всѣмъ другимъ соображеніямъ. Отложивъ отвѣтъ до другаго дня, она кончила однако тѣмъ, что отказала: конечно, ей пришло въ голову, что, выдя замужъ, она перестанетъ быть единственной хозяйкой своего богатства, а княгиня желала распоряжаться имъ полновластно, даже безразсудно. Впрочемъ, эта добрѣйшая женщина при-

бавила, что она сочтетъ себя счастливой, если Саккаръ останется ея совѣтчикомъ, и доказала, насколько она цѣнить его содѣйствіе, прося, чтобъ онъ продолжалъ заботиться о дождѣ трудолюбія, гдѣ Аристидъ сдѣлался настоящимъ директоромъ.

Цѣлую недѣлю онъ ужасно сожалѣлъ о своей неудачѣ; ему не хотѣлось разстаться съ дорогой мечтой, не потому, чтобы онъ чувствовалъ, какъ его потянуло опять въ пропасть мошенническихъ спекуляцій, а потому, что эта колоссальная идиллія добра, созданная на цѣлые милліоны, умиляла его состарившуюся разбойничью душу, какъ sentimentalный романсъ умиляетъ до слезъ самыхъ отвратительныхъ пьяницъ: онъ считалъ себя какъ бы свергнутымъ съ престола. Посредствомъ денегъ ему всегда хотѣлось достигъ не только удовлетворенія своихъ страстей, но и царскаго великолѣпія обстановки, а онъ еще ни разу не былъ удовлетворенъ въ этомъ отношеніи. Саккаръ приходилъ въ бѣшенство по мѣрѣ того, такъ съ каждой неудачей гибла одна изъ его надеждъ. Поэтому, когда его прозектъ рушился передъ спокойнымъ, безапелляціоннымъ отказомъ княгини, онъ снова почувствовалъ въ себѣ яростное желаніе вступить въ бой. Биться, быть самымъ сильнымъ въ суровой войнѣ спекуляціи, пожирать другихъ, чтобъ не дать имъ пожрать самого себя,—это было, послѣ жажды великолѣпія и наслажденій, величайшимъ и единственнымъ стимуломъ его страсти къ аферамъ! Если онъ не наживался, зато у него оставалось другое наслажденіе,—борьба колоссальныхъ цифръ, цѣлыя состоянія, выдвигаемая, точно корпуса арміи, столкновение враждебныхъ мильоновъ, съ пораженіями и опьянявшими его побѣдами. И тотчасъ заговорила въ немъ ненависть къ Гундерману, безумная жажда взять свое: доканать чваннаго короля биржи; эта химера овладѣвала имъ всякій разъ, когда онъ былъ сброшенъ на землю, разбитъ. Если Саккаръ и сознавалъ ребячество подобной попытки, то отчего бы ему все таки не помѣряться силами съ этимъ богачемъ, не стать съ нимъ лицомъ къ лицу, чтобы принудить къ раздѣлу, какъ поступаютъ между собою монархи сосѣднихъ странъ и одинаковаго могущества, которые называютъ другъ друга двоюродными братьями? Вотъ именно тогда-то биржа и привлекла его вновь своей магической силой; въ оловѣ у него зароились планы новыхъ аферъ; увлекаемый во

всѣ стороны противоположными проектами, Саккаръ былъ хваченъ такою лихорадкой, что не зналъ, на что рѣшиться, пока однажды грандіозная, страшная въ своей необъятности идея не выдѣлилась изъ массы другихъ и не завладѣла постепенно всѣмъ его существомъ.

Поселившись въ отелѣ Орвiedo, Саккаръ встрѣчался иногда мелькомъ съ сестрою инженера Гамлена, жившаго въ маленькой квартирѣ втораго этажа. Эта женщина съ восхитительной фигурой называлась въ домѣ попросту мадамъ Каролиной. Чтò особенно поразило въ ней Аристиды съ перваго взгляда, такъ это ея превосходные сѣдые волосы, настоящій царскій вѣнецъ серебряныхъ косъ, производившій изумительный эффектъ при свѣжемъ, моложавомъ лицѣ. Каролина посѣдѣла въ двадцать пять лѣтъ, теперь же ей было не болѣе тридцати шести. Черныя густыя брови молодили ее, придавали живую оригинальность чертамъ, обрамленнымъ горностаемъ. Она никогда не была красива со своимъ круглымъ подбородкомъ и носомъ, съ широкимъ ртомъ и пухлыми губами, выражавшими безпредѣльное добродушіе; но это серебряное руно, эта бѣлизна тонкихъ шелковистыхъ кудрей смягчала нѣкоторую жесткость фізіономіи Каролины, придавая ей веселую прелесть бабушки въ полномъ цвѣтѣ свѣжести и молодыхъ силъ, когда женщина еще не умерла для любви. Она была высока ростомъ осаниста; ходила смѣлой, благородной поступью.

Каждый разъ, встрѣчаясь съ нею, Саккаръ, бывшій ниже Каролины, провожалъ ее глазами, невольно заинтересованный, втайнѣ завидуя этому высокому росту и здоровому сложенію. Мало по малу онъ узналъ исторію Гамленовъ отъ своихъ окружающихъ. Каролина и Жоржъ были дѣти одного врача изъ Монпелье, замѣчательнаго ученаго, пламеннаго католика, но очень бѣднаго. Дочь осталась послѣ отца восемнадцати, а сынъ—девятнадцати лѣтъ; Жоржъ только что поступилъ въ политехническое училище и сестра послѣдовала за нимъ въ Парижъ, гдѣ нашла мѣсто гувернантки. Изъ своего жалованья молодая дѣвушка снабжала брата карманными деньгами въ продолженіе двухлѣтняго курса; когда онъ вышелъ изъ училища съ дипломомъ не первой степени, и ему пришлось долгое время искать работы, Каролина опять таки поддерживала его, въ ожиданіи, пока онъ найдетъ мѣсто. Братъ съ сестрой обожали другъ

друга, мечтая никогда не разставаться; между тѣмъ, молодой дѣвушкѣ неожиданно представилась партія. Милая обходительность и живой умъ Каролины плѣнили одного миллионера, владѣльца пивовареннаго завода, который познакомился съ ней въ домѣ, гдѣ она была гувернанткой. Жоржъ сталъ уговаривать ее принять предложеніе, въ чемъ жестоко раскаялся впоследствии, такъ какъ, черезъ нѣсколько лѣтъ супружества, Каролина была принуждена искать развода; мужъ ея оказался пьяницей и въ нетрезвомъ видѣ нѣсколько разъ покушался убить жену въ припадкахъ нелѣпой ревности. Тогда ей было двадцать шесть лѣтъ; молодая женщина снова очутилась безъ средствъ, не желая требовать содержанія отъ человѣка, брошеннаго ею. Тѣмъ временемъ, брату удалось найти занятіе, за которое онъ принялся съ большимъ удовольствіемъ: его отправляли въ Египетъ съ комисіей для первыхъ изслѣдованій мѣстности, гдѣ было предположено провести Суэзскій каналъ. Онъ взялъ съ собою сестру; она отлично устроилась въ Александріи и снова принялась давать уроки, пока Жоржъ развѣзжалъ по дѣламъ службы. Такимъ образомъ, они прожили въ Египтѣ до 1859 года и присутствовали при началѣ работъ на отлогомъ берегу Портъ-Саида. За прорытіе канала принялась, подъ руководствомъ горсти инженеровъ, ничтожная ватага землекоповъ, человѣкъ въ полтора ста не болѣе, совершенно терявшаяся въ безбрежномъ морѣ песковъ. Затѣмъ Гамленъ, посланный въ Сирію, чтобы обезпечить подвозъ припасовъ, остался тамъ, вслѣдствіе ссоры съ начальствомъ. Онъ выписалъ Каролину въ Бейрутъ, гдѣ ее ожидали другіе ученики, а самъ бросился въ крупное предпріятіе, покровительствуемый одной французской компаніей. Онъ взялся провести шоссе изъ Бейрута въ Дамаскъ, первый и единственный удобный путь черезъ горы Ливана; тамъ они прожили еще три года до окончанія постройки дороги. Жоржъ Гамленъ съѣздилъ на два мѣсяца въ Константинополь черезъ Таврскій хребетъ. Каролина сопровождала его, когда могла отлучиться раздѣляя планы брата, мечтавшаго о новыхъ сооруженіяхъ, чтобы разбудить эту ветхую землю, заснувшую подъ пепломъ мертвыхъ цивилизацій. Портфель молодого инженера былъ полонъ различными проектами; онъ чувствовалъ настоятельную необходимость вернуться во Францію, чтобы осуществить эту

массу предпріятій, образовать общества, найти капиталы. Итакъ, послѣ десятилѣтняго пребыванія на востокѣ, они поѣхали обратно черезъ Египеть, чтобы взглянуть на работы на Суэзскомъ каналѣ, которыя еще болѣе вдохновили ихъ: цѣлый городъ выросъ въ четыре года среди песковъ на берегу Портъ-Саида; тысячи народа суетились тамъ, кишили, какъ муравьи, измѣняя лицо земли. Однако, въ Парижѣ Гамлена ждало горькое разочарованіе. Прошелъ годъ и три мѣсяца въ напрасныхъ хлопотахъ; никто не заинтересовался его проектами, никому не могъ онъ вдохнуть своей вѣры, потому что былъ слишкомъ скромнень, немногорѣчивъ и жилъ отшельникомъ. Поселившись во второмъ этажѣ отеля Орвiedo, въ крошечной квартиркѣ изъ пяти комнатъ, молодой инженеръ очутился еще дальше отъ желанной цѣли, чѣмъ въ то время, когда странствовалъ по горамъ и равнинамъ Азіи. Скопленные деньги быстро исчезали; въ близкомъ будущемъ брату и сестрѣ грозила нужда.

Саккаръ прежде всего обратилъ вниманіе на возраставшую грусть Каролины; обычная веселость измѣняла ей при видѣ унынія, все сильнѣе овладѣвавшего братомъ. Въ ихъ скромномъ хозяйствѣ она отчасти играла роль мужчины. Жоржъ, очень походившій на нее физически, хотя менѣе выносливый и здоровый, имѣлъ рѣдкую способность къ труду, но, погружаясь въ свои занятія, забывалъ обо всемъ остальномъ. Такъ, онъ совсѣмъ не думалъ о женитбѣ, не чувствуя къ ней никакого влеченія, и до того любилъ сестру, что она замѣняла ему семью. У него, вѣроятно, бывали мимолетныя связи, о которыхъ однако никто не узналъ, и этотъ бывшій воспитанникъ политехническаго училища, человекъ съ широкими замыслами, съ пылкимъ усердіемъ ко всему, что онъ предпринималъ, обнаруживалъ иногда такую наивность, что могъ показаться недалекимъ. Воспитанный въ самомъ узкомъ католицизмѣ, онъ сохранилъ свою дѣтскую религіозность и строго придерживался всѣхъ обрядовъ религіи, между тѣмъ какъ сестра давно измѣнила свои взгляды на этотъ предметъ, благодаря огромной начитанности и образованію, которыя постепенно пріобрѣла, раздѣляя труды ученаго брата и занимаясь самостоятельно, во время его продолжительныхъ отлучекъ. Каролина говорила на четырехъ языкахъ, прочла экономистовъ,

философовъ, увлекалась одно время социалистическими и эволюционистскими теоріями, но потомъ взглянула на нихъ трезвѣе. Далекія путешествія, долгое пребываніе среди различныхъ цивилизацій развили въ ней большую терпимость, да и умъ этой женщины былъ слишкомъ трезвъ для утопій. Если она не вѣрила больше, то относилась всегда почтительно къ вѣрованіямъ брата. Они объяснились разъ навсегда по этому вопросу и не возвращались къ нему болѣе. Каролина обладала недюжиннымъ умомъ, при своей простотѣ и добродушіи, и легко несла бремя жизни, вѣчно веселая, неунывающая передъ невзгодами; она говорила, что у нея только одно горе—бездѣтность.

Саккару удалось услужить Гамлену, доставивъ ему небольшую работу; его знакомымъ понадобился инженеръ для того, чтобъ составить докладъ о дѣйствиіи вновь изобрѣтенной машины. Благодаря этому, Аристидъ сблизился съ братомъ и сестрою и часто приходилъ къ нимъ на часокъ, поболтать въ ихъ гостиной, единственной просторной комнатѣ, которую они обратили въ рабочій кабинетъ. Въ ней не было ни портьеръ, ни занавѣсей, а вся мебелировка состояла изъ длиннаго чертежнаго стола, другаго стола поменьше и полдюжины стульевъ; на каминѣ лежали груды книгъ, но хозяева придумали импровизированное украшеніе для голыхъ стѣнъ: они покрыли ихъ множествомъ плановъ и акварелей, державшихся по четыремъ угламъ на простыхъ кнопкахъ. То были проекты Гамлена, набросанные въ Сиріи, и въ этихъ чертежахъ заключалось все будущее богатство инженера. Акварели, изображавшія виды, типы и костюмы Востока, принадлежали Каролинѣ; между ними находилось много любопытнаго, что было подмѣчено и набросано ею во время странствія съ Жоржемъ; въ нихъ обнаруживался оригинальный вкусъ рисовальщицы, впрочемъ, безо всякихъ претензій на вычурную художественность. Два широкихъ окна, выходившихъ въ садъ отеля Бовильеръ, освѣщали этотъ пестрый сбродъ картинокъ, воскрешавшихъ передъ зрителемъ иную жизнь, иную природу, величавыя видѣнія древняго міра, готоваго разсыпаться прахомъ. Между тѣмъ техническіе чертежи съ ихъ прямыми линиями, вычисленными по всѣмъ правиламъ математики, точно хотѣли снова поставить на ноги этотъ жалкій отжившій міръ,

съ помощью прочныхъ данныхъ новѣйшей науки. Саккаръ съумѣлъ сдѣлаться полезнымъ новымъ друзьямъ, при своей неутомимой дѣятельности и подвижности, которая дѣлала его очаровательнымъ собесѣдникомъ. Познакомившись съ ними ближе, онъ подолгу заглядывался на планы и акварели по стѣнамъ, заглядывался жаднымъ взглядомъ, безпрестанно требуя новыхъ объясненій. Въ его головѣ уже зарождалась обширная идея.

Однажды поутру онъ нашелъ Каролину одну. Погрузившись въ безотрадные думы, она сидѣла, опустивъ руки на свою письменную работу, за маленькимъ столомъ, замѣнявшимъ ей бюро.

— Что намъ дѣлать? — заговорила сестра Ламлена. — Во всемъ насъ преслѣдуютъ неудачи... Конечно, я не падаю духомъ, но намъ рѣшительно ни въ чемъ не везетъ. И что всего досаднѣе, такъ это упадокъ энергіи у моего бѣднаго брата: онъ не умѣетъ бороться съ обстоятельствами, онъ молодецъ только на работу... Я ужь думала опять поискать мѣста гувернантки, чтобы помочь ему хоть чѣмъ нибудь; но и мѣста мнѣ не находится... Между тѣмъ, поступить въ экономки мнѣ бы не хотѣлось.

Никогда еще Саккаръ не видѣлъ ея такой печальной и разстроенной.

— Чортъ возьми, что вы тамъ затѣваете? — воскликнулъ онъ.

Она покачала головой, очевидно, потерявъ въ свою очередь всякое мужество и вѣру въ жизнь, тогда какъ прежде никакія невзгоды не могли сломить ея энергіи и задорной веселости. Вошедшій въ ту же минуту Гамлень сообщилъ вдобавокъ о новой неудачѣ. Тогда крупныя слезы потекли по щекамъ Каролины; она замолчала, сжавъ кулаки и устремивъ въ пространство разсѣянный взглядъ.

— И только подумать, что въ благодатной странѣ насъ ожидаютъ цѣлые миліоны! — невольно вырвалось у Гамлена. — Хоть бы кто нибудь помогъ мнѣ ихъ заработать!

Саккаръ остановился противъ плана павильона, построеннаго въ центрѣ обширныхъ магазиновъ.

— Что это такое? — спросилъ онъ.

— Ахъ, это... такъ себѣ! Я просто забавлялся, — объяснилъ инженеръ. — Мнѣ вздумалось составить проэктъ жилища

въ Бейрутѣ для директора компаніи, которую я мечталъ создать. Помните, я говорилъ вамъ о главной компаніи соединенныхъ пароходныхъ обществъ.

Онъ оживился, пускаясь въ новыя подробности. Во время пребыванія на востокѣ, Гамленъ видѣлъ всю непригодность системы транспортовъ. Нѣсколько обществъ пароходства, основанныхъ въ Марсели, подрывали другъ друга конкуренціей и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣли средствъ завести удобныхъ пароходовъ. Ему, прежде всего, пришла идея слить вмѣстѣ эти предпріятія, подведя всѣ общества подъ одно управленіе и соединивъ ихъ въ одну обширную компанію, которая располагала бы мильонами и непременно бы достигла абсолютнаго господства на Средиземномъ морѣ, установивъ правильные рейсы для всѣхъ портовъ Африки, Испаніи, Италіи, Греціи, Египта, Азіи и далѣе, даже въ глубь Чернаго моря. Дѣйствительно, этотъ проэктъ обнаруживалъ въ Гамленѣ, какъ дѣловитость организатора, такъ и патріотизмъ достойнаго гражданина: осуществить его планъ—значило побѣдить востокъ, отдать его Франціи, не считая того, что онъ приближалъ къ ней Сирію, гдѣ открывалось широкое поле для ея операцій.

— Синдикаты, — пробормоталъ Саккаръ, — да, кажется, въ нихъ теперь все будущее... Это такая могучая форма ассоціаціи! Три или четыре маленькихъ предпріятія, которыя прозябаютъ въ отдѣльности, получаютъ жизненную силу и станутъ процвѣтать, соединившись между собою... Да, завтрашній день принадлежитъ крупнымъ капиталамъ, централизованнымъ усиліямъ крупныхъ массъ. Вся промышленность, вся торговля придутъ къ тому, что образуютъ необъятный общій базаръ, гдѣ можно будетъ запастись всѣмъ необходимымъ.

Онъ остановился опять, на этотъ разъ передъ акварелью, представлявшей дикую мѣстность, скалистую горловину, прегражденную гигантскимъ обваломъ скалъ, увѣнчанныхъ кустарниками.

— Вотъ, — воскликнулъ онъ, — настоящій конецъ свѣта! Въ такомъ уголку васъ ужъ не затолкаютъ прохожіе.

— Это горловина Кармила, — отвѣчалъ Гамленъ. — Сестра срисовала ее, пока я дѣлалъ изысканія въ той мѣстности.

И онъ равнодушно прибавилъ:

— Тамъ, между мѣловыми известняками и порфирами, поднявшими эти известняки, по всему скату горы проходить жила сѣрнисто-серебряной руды на очень значительномъ протяженіи. Разработка такой серебряной залежи, по моимъ вычисленіямъ, принесла бы громадныя барыши.

— Какъ серебряная залежь?—живо спросилъ Саккаръ.

Каролина, по прежнему устремивъ глаза въ пространство, погруженная въ грустную задумчивость, услыхала его слова и заговорила, точно передъ ней проносилось забытое видѣніе.

— Кармилъ, ахъ, какая это пустыня, какое тамъ уединеніе! Повсюду цвѣтутъ мирты и дрокъ, и теплый воздухъ напоенъ ихъ ароматомъ. А сколько орловъ! Постоянно видишь, какъ они рѣютъ въ вышинѣ... И представьте же себѣ это серебро, спящее въ своей гробницѣ, а рядомъ съ нимъ голую нищету! Такъ и хочется начать раскопки, видѣть, какъ вокругъ разрастется промышленность, явятся города, цѣлый народъ, перерожденный трудомъ!

— Отъ Кармила было бы легко провести путь къ Сенъ-Жанъ-д'Акру,—продолжалъ Гамленъ.—Я увѣренъ, что тамъ найдется желѣзо, потому что его много во всѣхъ мѣстныхъ горахъ... Я также изучилъ новый способъ добыванія руды, который значительно удешевитъ промыселъ. Однимъ словомъ, все готово. Вопросъ только въ томъ, чтобъ найти капиталы.

— „Общество серебряныхъ копей Кармила“, — прошепталъ про себя Саккаръ.

Но тутъ заговорилъ инженеръ, оживленный своими воспоминаніями. Устремивъ глазъ вверхъ, онъ переходилъ отъ одного плана къ другому, увлекшись своей любимой идеей, охваченный лихорадкой при мысли о блестящемъ будущемъ, которое спало въ благодатной странѣ, между тѣмъ какъ его парализовала нищета.

— Э, да что толковать; все эти однѣ мелочи, годныя для начала,—продолжалъ онъ.—Взгляните на эту серію плановъ: вотъ въ чемъ заключается важный переворотъ. Это—цѣлая система желѣзнодорожныхъ линій, которыя должны пересѣчь Малую Азію по всѣмъ направленіямъ. Въ недостатокъ удобныхъ и быстрыхъ способовъ сообщенія кроется главная причина застоя этой богатой страны. Вы не встрѣтите тамъ ни одной порядочной проѣзжей дороги; путешествія и перевозка товаровъ

совершаются на спинѣ мула или верблюда... Представьте же себѣ, какъ все перевернется вверхъ дномъ, когда рельсовые пути проникнуть до предѣловъ пустыни! Да вѣдь это удесятерить промышленность и торговлю! Цивилизація восторжествуетъ, и Европа отворить, наконецъ, ворота на востокъ... О, если только это васъ заинтересовало хоть немного, мы еще потолкуемъ съ вами обстоятельно, и вы увидите, что я не преувеличиваю.

Впрочемъ, Жоржъ Гамленъ и теперь не могъ воздержаться, чтобы не войти въ нѣкоторыя подробности. Собственно во время поѣздки въ Константинополь онъ занимался чертежемъ своей системы желѣзныхъ дорогъ. Крупное и единственное затрудненіе представлялъ переваль черезъ Таврскій хребетъ; но Гамленъ посѣтилъ многія ущелья и былъ увѣренъ, что здѣсь возможно провести прямой путь, который обойдется сравнительно недорого. Кромѣ того, онъ и не думалъ о постройкѣ всей системы за разъ. Получивъ разрѣшеніе султана, было бы благоразумнѣе всего приняться сначала за главную линію отъ Бруссы до Бейрута, на Ангору и Алеппо. Позднѣе, можно приступить къ развѣтвленію отъ Смирны до Ангоры и къ другому—отъ Трапезунда до Ангоры, на Эрзерумъ и Сивасъ.

— А потомъ, потомъ...—продолжалъ онъ, но не кончилъ, удовольствовавшись улыбкой, не смѣя сказать, какъ далеко заходили его смѣлые планы.

Это была заманчивая, далекая мечта...

— Ахъ, эти равнины у подножія Тавра,—снова заговорила Каролина своимъ медленнымъ тономъ, точно грезя наяву,—что это за восхитительный эдемъ! Стоить немного поцарапать почву, и хлѣбъ родится въ такомъ изобиліи, что его не успѣваютъ собрать. Фруктовыя деревья: персиковыя, вишневыя, фіговыя миндальныя, ломаются отъ избытка плодовъ. А какія рощи оливъ и тутовъ, точно настоящіе лѣса! И что за жизнь въ томъ краю: близкая къ природѣ, не обремененная излишнимъ трудомъ, простая и здоровая, въ легкомъ воздухѣ, подъ вѣчно голубымъ небомъ!

Саккаръ засмѣялся самодовольно и рѣзко, какъ смѣется человѣкъ, у котораго пріятно разыгрывается аппетитъ. Это съ нимъ бывало всегда, если онъ чуюлъ крупную наживу, И когда Жоржъ Гамленъ заговорилъ еще о другихъ проэктахъ,

именно объ учрежденіи банка въ Константинополь, причѣмъ заикнулся о своемъ знакомствѣ съ тамошними вельможами, и въ особенности съ великимъ визиремъ, Аристидъ весело прервалъ его:

— Но вѣдь это, просто, земля, текущая млекою и медомъ!

Потомъ онъ безцеремонно положилъ руки на плечи Каролины, сидѣвшей у стола, и прибавилъ:

— Не падайте духомъ, сударыня. Я очень полюбилъ васъ обоихъ и вы увидите, что мы съ вашимъ братцемъ затѣмъ кое-что, весьма полезное для насъ троихъ... Имѣйте только терпѣніе, обождите!

На слѣдующій мѣсяцъ Саккаръ снова доставилъ нѣсколько мелкихъ работъ инженеру и, если не заговаривалъ больше о крупныхъ предпріятіяхъ, зато, вѣроятно, думалъ о нихъ постоянно, озабоченный и колеблющійся передъ подавляющей обширностью затѣяннаго дѣла. Но чтѣ еще тѣснѣе сблизило Гамленовъ съ ихъ сосѣдомъ, такъ это любезность Каролины, которая безъ стѣсненія вмѣшалась въ хозяйство Саккара. Живя одинокимъ, онъ не замѣчалъ, сколько бесполезныхъ тратъ дѣлается у него въ домѣ и какъ мало толку приноситъ большой штатъ прислуги. Проницательный, практичный, когда дѣло касалось какихъ нибудь финансовыхъ операцій, предпріимчивый и ловкій въ крупныхъ мошенничествахъ, онъ рѣшительно не могъ установить у себя порядка, и не безпокоился тѣмъ, что хозяйство поглощало у него втрое больше, чѣмъ было нужно. Вообще, отсутствіе женщины давало себя чувствовать даже въ мелочахъ. Когда Каролина замѣтила эти вопіющіе безпорядки, она сперва стала давать совѣты Саккару, а потомъ прямо вмѣшалась въ его дѣла съ прислугой, чтобы соблюсти экономію въ нѣкоторыхъ вещахъ. Встрѣтивъ въ сосѣдкѣ такую толковую хозяйку, Саккаръ, смѣясь, предложилъ ей, въ одинъ прекрасный день, сдѣлаться его управительницей. Почему бы не такъ? Вѣдь искала же она мѣста гувернантки, почему бы ей не принять приличнаго положенія, которое облегчить ее въ настоящее переходное время? Дѣло началось въ шутку, а кончилось серьезно. Каролина нашла, что хозяйство также развлечетъ ее, какъ и всякое другое занятіе, а триста франковъ въ мѣсяцъ, предложенные Саккаромъ, составить важную статью дохода въ ихъ скудномъ бюджетѣ. Она

согласилась и въ одну недѣлю поставила все въ домѣ по своему; повару съ женой отказали, замѣнивъ ихъ одной кухаркой, которая съ помощью камердинера могла управиться къ комнатахъ, тогда какъ кучеръ смотрѣлъ за лошадьми и отлично обходился безъ конюховъ. Одна изъ лошадей была продана по настоянію Каролины, а изъ троицхъ экипажей оставили только одну карету; молодая женщина входила во все и съ такимъ тщаніемъ провѣряла счета, что черезъ двѣ недѣли расходы уменьшились ровно вдвое. Хозяинъ былъ въ восторгѣ. Онъ говорилъ, шутя, что самъ обкрадываетъ теперь Каролину, такъ какъ ей слѣдовало бы получать процентъ съ доставляемыхъ ему выгодъ.

Послѣ того, эти трое людей тѣсно сблизились между собой. Саккару пришло въ голову растворить заколоченную дверь, соединявшую обѣ квартиры, и теперь можно было свободно подниматься по внутренней лѣстницѣ изъ одной столовой въ другую. Когда Жоржъ Гамленъ работалъ вверху надъ приведеніемъ въ порядокъ своихъ бумагъ, привезенныхъ съ востока, и сидѣлъ съ утра до вечера, запершись въ кабинетѣ, Каролина, оставивъ собственное хозяйство на рукахъ единственной прислуги, то и дѣло спускалась внизъ, чтобы отдавать приказанія, какъ у себя дома. Саккару приносили отраду постоянныя появленія этой высокой, красивой женщины, проходившей по комнатамъ своей величавой поступью, и онъ не уставалъ любоваться контрастомъ между ея сѣдыми волосами и молодымъ лицомъ. Она снова повеселѣла, съ тѣхъ поръ какъ чувствовала себя полезной, находясь цѣлые часы въ движеніи среди хлопотъ по хозяйству. Безо всякаго желанія щеголять простотой, Каролина стала носить черное платье, а въ карманѣ у нея весело позвякивала связка ключей. Вѣроятно, ее занимало то, что она, — такая ученая, такой философъ, — работала, какъ всякая прилежная хозяйка, сдѣлавшись экономкой мота, котораго стала любить, какъ любить дѣтей-озорниковъ. Саккаръ, въ одинъ прекрасный день, прямо почувствовалъ, что она ему сильно нравится, и, вспомнивъ, что между ними всего двѣнадцать лѣтъ разницы, спросилъ себя, что бы вышло, еслибъ онъ когда нибудь вечеромъ нечаянно обнялъ Каролину. Можно ли допустить, чтобъ въ теченіе десяти лѣтъ со времени своего вынужденнаго разрыва

съ мужемъ, отъ котораго она видѣла больше колотушекъ, чѣмъ ласкъ, эта плѣнительная женщина жила странствующей амазонкой, не сталкиваясь ни съ однимъ мужчиной? Разумѣется, путешествія могли способствовать ея цѣломудрію. Однако онъ зналъ, что пріятель инженера Гамлена, нѣкій Бодуанъ, негодіантъ въ Бейрутѣ, собиравшійся скоро вернуться въ Парижъ, не шуга любилъ Каролину и даже рѣшился ждать смерти ея мужа, попавшаго въ сумашедшій домъ вслѣдствіе перепоя. Очевидно, предстоявшій бракъ долженъ былъ прикрыть ихъ интимныя отношенія, впрочемъ вполнѣ извинительныя и почти законныя. Но, если у Каролины былъ въ прошломъ одинъ романъ, почему ихъ не могло быть и два? Однако Саккаръ оставался пока при однихъ размышленіяхъ, считая Каролину только своей доброй пріятельницей и часто забывая въ ней женщину. Видя, какъ она проходитъ мимо со своей прелестной осанкой, Аристидъ повторялъ себѣ вопросъ: что будетъ, если онъ рѣшится ее поцѣловать? И ему казалось, что изъ этого выдутъ только самыя обыкновенныя, пожалуй, даже скучныя послѣдствія; это соображеніе заставляло стараго волокиту отложить опытъ на неопредѣленное время. Теперь же Саккаръ ограничивался тѣмъ, что крѣпко пожималъ руки молодой женщинѣ, счастливымъ ея дружескимъ расположеніемъ.

Затѣмъ, вдругъ Каролина впала въ сильную грусть. Въ одно утро она сошла внизъ разстроенная, блѣдная, съ припухшими глазами; Саккаръ ничего не могъ отъ нея добиться и оставилъ разпросы, замѣтивъ, что она отъ нихъ уклоняется. Только на другой день онъ понялъ, въ чемъ дѣло, найдя наверху карточку съ объявленіемъ о свадьбѣ Бодуана съ дочерью одного англійскаго консула, очень молодой и страшно богатой дѣвушкой. Ударъ былъ тѣмъ больнѣе для Каролины, что роковое извѣстіе пришло въ самомъ банальномъ письмѣ, безо всякой подготовки, даже безъ слова прощанья. Этимъ были разбиты всѣ надежды несчастной женщины, отнять послѣдній шансъ на счастье, которымъ она утѣшалась въ горькія минуты. Судьба жестоко посмѣялась надъ ней; какъ разъ за два дня передъ тѣмъ она узнала о смерти мужа и, слѣдовательно, въ теченіе двухъ сутокъ ледѣяла надежду вскорѣ сдѣлаться женой человѣка, который ее лю-

билъ. Теперь же все рухнуло, и Каролина чувствовала себя убитой. Въ тотъ же вечеръ, съ ней случилась другая непредвидѣнная непріятность: прежде чѣмъ лечь въ постель, она, по обыкновенію, пришла къ Саккару, узнать о его распоряженіяхъ на завтрашній день. Тутъ онъ заговорилъ о ея горѣ съ такою добротой, что она разрыдалась; растроганная его участіемъ, молодая женщина не успѣла опомниться, какъ очутилась въ объятіяхъ Аристиды; ея воля была парализована, и она отдалась ему почти машинально, по крайней мѣрѣ, безо всякой любви съ той и съ другой стороны. Придя въ себя, она не возмущилась, но стала еще печальнѣе; ея сердце разрывалось тоской. Зачѣмъ она допустила подобную вещь? Вѣдь она не любила этого человѣка, какъ и онъ не любилъ ея. И не то, чтобы она считала его старикомъ, или онъ внушалъ бы ей отвращеніе своей наружностью: хотя и некрасивый, и уже въ лѣтахъ, Саккаръ нравился ей своимъ подвижнымъ лицомъ, живостью всей своей черномазой фигурки. Не зная его коротко, Каролина хотѣла видѣть въ немъ человѣка добраго, обязательнаго, съ недожиннымъ умомъ, способнаго осуществить обширные проэкты ея брата, съ посредственной честностью большинства людей. Но во всякомъ случаѣ какое нелѣпое паденіе! Она, такая благоразумная, прошедшая такую суровую школу, такъ хорошо умѣвшая владѣть собою, отдалась мужчинѣ—ни съ того, ни съ сего, въ припадкѣ слезъ, точно сантиментальная гризетка! Но это было еще не самое худшее: Каролина чувствовала, что Саккаръ былъ удивленъ и раздосадованъ случившимся не меньше ея. Когда, стараясь унять ея слезы, Аристидъ заговорилъ о Бодуанѣ, какъ о бывшемъ любовникѣ, котораго слѣдовало забыть за низкую измѣну, Каролина вострепнулась и стала увѣрять, что она никогда не принадлежала ему. Сначала Саккаръ счелъ ея слова невольной ложью, изъ чувства оскорбленной гордости, но она повторила свою клятву съ такой настойчивостью, смотрѣла на него такими прекрасными, искренними глазами, что онъ повѣрилъ. Очевидно, Каролина, по своей прямотѣ и не желая ронять своего достоинства, берегла себя до дня свадьбы, а ея обожатель дожидался два года переменъ обстоятельствъ. Но тутъ ему подвернулся соблазнительный случай жениться на молодой, богатой дѣ-

вущкѣ, и онъ не устоялъ. Странно, что такое открытіе, которому слѣдовало бы возбудить любовь Саккара, привело его напротивъ, въ замѣшательство, до такой степени онъ досадовалъ на свою роковую и нелѣпую удачу. Впрочемъ, его отношенія съ Каролиной остановились на этомъ; оба они не чувствовали другъ къ другу влеченія.

Цѣлыхъ двѣ недѣли она страшно грустила, повидимому, утративъ всякій интересъ къ жизни. Исполняя свои обязанности, молодая женщина дѣлала все машинально, не интересуясь ничѣмъ, не находя ни въ чемъ смысла. Она работала, сознавая все ничтожество своего труда. Веселость и бодрость покинули ее, и въ своемъ мрачномъ уныніи она развлекалась только тѣмъ, что просиживала всѣ свободные часы подъ окномъ большаго рабочаго кабинета, выходившаго въ сосѣдній садъ. Онъ примыкалъ къ отелю Бовильеръ, гдѣ Каролина, съ первыхъ же дней своего переселенія въ отель Орвiedo, угадала разореніе и горькую бѣдность, скрытую подъ маской приличій. Значить, рядомъ съ нею жили также страждущіе люди. Ея собственное горе какъ будто утолялось ихъ слезами. Каролиной овладѣла такая меланхолія, что она считала себя безчувственной и умершей для всего.

Эти Бовильеръ, обладавшіе въ былое время, кромѣ обширныхъ помѣстій въ Турени и Анжу, великолѣпнымъ ~~отельмъ~~ въ улицѣ Гренель, владѣли теперь въ Парижѣ только этимъ стариннымъ домомъ, выстроеннымъ за городомъ въ началѣ прошлаго столѣтія; но теперь онъ обветшалъ и былъ совершенно загороженъ другими неприглядными строеніями въ улицѣ Сенъ-Лазаръ. Нѣсколько прекрасныхъ деревьевъ стариннаго сада стояли, окруженные высокими стѣнами, точно въ глубинѣ колодца; поросшія мохомъ ступени подѣзда крошились и разваливались. Это былъ какой-то клочокъ природы, заключенный въ тюрьму, кроткій и мертвенный, полный нѣмаго отчаянія; солнечный свѣтъ проникалъ туда только сквозь густую листву, зеленоватый и смягченный, и отъ густоты деревьевъ тамъ держалась постоянная сырость. Первое лицо, которое увидѣла Каролина на распатанномъ крыльцѣ, была сама графиня де-Бовильеръ, высокая, сухая женщина лѣтъ шестидесяти, совершенно сѣдая, замѣчательно благородной осанки, но уже отжившая. Со своимъ крупнымъ пря-

мымъ носомъ, тонкими губами, длинной шеей, она напоминала состарившагося лебедя, кроткаго и печальнаго. Затѣмъ, почти тотчасъ вслѣдъ за ней показалась ея дочь, Алиса де-Бовильеръ, двадцатипятилѣтняя дѣвушка, до того тощая, что ее можно было счесть за дѣвочку, еслибъ не пожелтѣвшая кожа лица и уже заострившіяся черты. Это былъ портретъ матери, но въ болѣе мизерномъ видѣ; въ дочери было меньше аристократическаго благородства, а длинная шея уродовала ее; въ этомъ бѣдномъ созданіи сохранилась только жалкая прелесть выродившейся благородной расы. Обѣ женщины жили въ полномъ уединеніи, съ тѣхъ поръ какъ сынъ графини, Фердинандъ де-Бовильеръ, поступилъ въ папскіе зуавы, послѣ сраженія при Кастельфидардо, проиграннаго Ламорисьеромъ. Каждый день, когда не было дождя, обѣ дамы показывались такимъ образомъ одна за другой, спускались съ высокаго крыльца и обходили узкую центральную лужайку, не обмѣнявшись ни единымъ словомъ. Въ саду были только бордюры изъ плюща; цвѣты здѣсь или не принимались, или стоили слишкомъ дорого. И эта медленная прогулка обѣихъ блѣдныхъ женщинъ, прохаживавшихся, вѣроятно, только ради моціона подъ столѣтними деревьями, — которыя видѣли столько пышныхъ празднествъ и теперь задыхались, стиснутыя мѣщанскими жилищами, — эта прогулка принимала такой меланхолическій характеръ, какъ будто бѣдныя графини совершали траурное шествіе, въ память погребеннаго былого великолѣпія.

Каролина полюбила сосѣдокъ и если наблюдала за ними, то не изъ празднаго любопытства; мало по малу передъ ней открылась ихъ интимная жизнь, которую они тщательно скрывали отъ постороннихъ глазъ. Въ конюшнѣ отеля всегда стояла лошадь, а въ каретникѣ экипажъ; за всѣмъ э имъ наблюдалъ старый служитель, одновременно замѣнявшій л кея, кучера и привратника, какъ кухарка замѣняла горничную; но если экипажъ выѣзжалъ изъ воротъ, запряженный какъ слѣдуетъ, чтобы вести хозяекъ въ гости или за покупками, если столяръ отличался извѣстной роскошью зимою, когда у графини каждый двѣ недѣли бывали званые обѣды для короткихъ знакомыхъ, — какимъ долгимъ воздержаніемъ, какими добровольными лишеніями со стороны матери и дочери оплачивалось это показное довольство! Въ маленькомъ сарайчикѣ, куда никто не

заглядывалъ, производилась постоянная стирка, чтобы какъ можно менѣе тратить на прачку; бѣлье графини было поношенное, все покрытое заплатами и штопками; на ужинъ имъ подавались варенныя овощи и хлѣбъ, который сушили на доскѣ, чтобъ не ѣсть его слишкомъ много; приходилось скупиться на каждомъ шагѣ и совершать чудеса экономіи. Старый кучеръ починивалъ худыя ботинки барышни, кухарка мазала чернилами концы пальцевъ у истертыхъ перчатокъ графини; платья матери переходили къ дочери послѣ ряда искусныхъ передѣлокъ, а шляцы носились годами, причемъ на нихъ перемѣняли только цвѣты и ленты. Прислуга выказывала рѣдкую преданность обѣдѣвшимъ господамъ, скрывая въ угоду имъ нищету, которая слишкомъ бросалась въ глаза. Когда не ждали гостей, пріемныя комнаты внизу тщательно запирались, какъ и парадные покои перваго этажа; во всемъ обширномъ отелѣ мать съ дочерью занимали только одну тѣсную комнату, которую обратили и въ столовую, и въ свой будуаръ. Когда окно было отворено, можно было видѣть старую графиню, штопавшую бѣлье не хуже простой мѣщанки, а дочь, помѣстившись между фортепіано и принадлежностями для рисованья—вязала чулки и митени для матери. Однажды, послѣ сильной грозы, обѣ онѣ, и старушка, и молодая, спустились въ садъ, чтобы сметать обратно на середину дорожекъ песокъ, размытый ливнемъ.

Теперь Каролина знала ихъ исторію. Графиня де-Бовильеръ много перенесла отъ мужа, развратнаго кутилы, на котораго никогда не жаловалась. Однажды вечеромъ его принесли къ ней въ Вандомѣ при послѣднемъ издыханіи, прострѣленнаго пулей. Говорили, что будто бы съ нимъ случилось несчастье на охотѣ: онъ былъ подстрѣленъ какимъ-то лѣснымъ сторожемъ, у котораго, по слухамъ, отнял жену или дочь. Хуже всего было то, что со смертью графа наступило разореніе. Въ прежнее время, родъ Бовильеровъ обладалъ несмѣтными богатствами, заключавшимися въ обширныхъ, истинно царскихъ владѣніяхъ. Революція застигла ихъ уже въ началѣ упадка, а отецъ покойнаго графа и самъ онъ окончательно промотали громадное состояніе. Изъ обширной недвижной собственности оставалась теперь только одна ферма подъ названіемъ „Обле“, въ нѣсколькихъ льѣ отъ Вандома, прино-

сившая около пятнадцати тысячъ дохода, что составляло единственный ресурсъ вдовы съ двумя дѣтьми. Отель въ улицѣ Гренель былъ давно проданъ, тогда какъ послѣдній уцѣлѣвшій домъ въ улицѣ Сень-Лазарь поглощалъ бѣольшую часть пятнадцати тысячъ франковъ, получаемыхъ съ фермы. Заложенный и перезаложенный, онъ угрожалъ въ свою очередь пойтись молотка, если не будутъ своевременно внесены проценты; такимъ образомъ, на содержаніе четырехъ людей оставалось всего шесть или семь тысячъ франковъ, а графиня де-Бовильеръ непременно хотѣла жить согласно своему званію. Прошло уже восемь лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ она осталась вдовою съ двоими дѣтьми на рукахъ: двадцатилѣтнимъ сыномъ и семнадцатилѣтней дочерью, среди полного упадка и разоренія. Но графиня замкнулась въ своей аристократической гордости, поклявшись довольствоваться хлѣбомъ и водою, лишь бы не уронить своего громкаго имени. Съ тѣхъ поръ всѣ ея помыслы были устремлены на то, чтобъ удержаться на прежней высотѣ, найти дочери знатнаго жениха, а сына сдѣлать хорошимъ солдатомъ. Фердинандъ сначала причинялъ ей немало огорченій; онъ не отставалъ въ кутежахъ отъ товарищей и надѣлалъ долговъ, которые пришлось платить; но когда мать открыла ему глаза на ихъ настоящее положеніе, въ серьезномъ и откровенномъ разговорѣ наединѣ, онъ остепенился. Сердце у него было доброе и его губила только праздность, нравственное ничтожество; не имѣя никакихъ занятій и никакого состоянія, онъ едва ли могъ рассчитывать на выдающееся мѣсто въ современномъ обществѣ. Теперь, вступивъ въ ряды папской гвардіи, молодой человекъ по прежнему служилъ предметомъ тайныхъ тревогъ старой графини: Фердинандъ былъ слабъ здоровьемъ, не смотря на красивую виѣшность; въ немъ также сказывалось вырожденіе расы, а климатъ Рима не благопріятствовалъ ему. Алиса засидѣлась въ старыхъ дѣвахъ, и мать не могла смотрѣть на нее безъ слезъ; дѣвушка быстро отпвѣтала среди суровыхъ лишеній и скуки. При своей невзрачности и постоянной грусти, она, однако, вовсе не была ограниченной; ей страстно хотѣлось жить, быть любимой, найти супружеское счастье; но, не желая нагонять еще больше тоски въ свое жилище, Алиса дѣлала видъ, что отказалась ото всего добровольно,

и шутила надъ замужествомъ, говоря, что ея призваніе остаться старой дѣвой. Но вначалѣ она рыдала, уткнувшись въ подушки, изнемогая подъ бременемъ горькаго одиночества, на которое обрекла ее судьба. Старая графиня, благодаря своей скупости, ухитрилась скопить двадцать тысячъ франковъ въ приданое дочери; кромѣ того, ей удалось спасти отъ продажи нѣсколько фамильныхъ драгоценностей: старинный браслетъ, кольца, серьги, стоимость которыхъ доходила до десяти тысячъ франковъ. Разумѣется, это было ничтожное приданое для знатной дѣвушки, и о такой свадебной корзинкѣ мать не рѣшалась даже и заикнуться, такъ какъ эта сумма едва покрыла бы необходимые расходы, еслибъ Алисъ представилась, наконецъ, подходящая партія. Но, между тѣмъ, мать не отчаивалась и продолжала бороться, крѣпко держась за всѣ привилегіи своего знатнаго происхожденіи, не роняя ни въ чемъ своего титула. Онѣ съ дочерью никогда не выходили пѣшкомъ; ихъ парадные приемы были обставлены вполне прилично, за столомъ при гостяхъ подавалось положенное число блюдъ; но зато бѣдныя графини нитались по цѣлымъ недѣлямъ картофелемъ безъ масла, чтобы приложить какихъ нибудь пятьдесятъ франковъ къ приданому Алисы, хотя оно, не смотря на всѣ жертвы, оставалось по прежнему недостаточнымъ. Это былъ ежедневный подвигъ мучительнаго и, пожалуй, ребяческаго геройства, а тѣмъ временемъ обветшалый домъ понемногу разваливался надъ головами обѣихъ женщинъ.

До сихъ поръ Каролина не имѣла случая познакомиться съ графиней и ея дочерью. Сестра Жоржа Гамлена постепенно узнала всѣ подробности ихъ закулисной жизни, которую онѣ надѣялись скрыть отъ глазъ цѣлаго свѣта, а, между тѣмъ, три сосѣдки обмѣнивались только молчаливыми взглядами, невольно выражавшими взаимное сочувствіе. Княгиня Орвiedo пришлось сблизить ихъ между собою. Она вздумала учредить для своего дома трудолюбія нѣчто въ родѣ наблюдательной комисіи изъ десяти дамъ, которыя собирались бы по два раза въ мѣсяцъ и подробно осматривали заведеніе, контролируя служащихъ. Предоставивъ себѣ выборъ этихъ почетныхъ надзирательницъ, княгиня прежде всего остановилась на г-жѣ де-Бовильеръ; прежде она была съ нею

очень дружна и разошлась только, удалившись отъ свѣта. Случилось такъ, что наблюдательная комисія неожиданно потеряла своего секретаря въ лицѣ Саккара, который однако остался главнымъ распорядителемъ заведенія и рекомендовалъ княгинѣ Каролину, какъ образцоваго секретаря, съ которымъ никто не можетъ сравниться. Дѣйствительно, обязанность эта требовала немалого труда. Секретарю приходилось много писать, входить въ матеріальныя заботы, что не нравилось аристократкамъ; между тѣмъ Каролина съ самаго начала заявила себя съ отличной стороны. Любя дѣтей, она перенесла весь пыль неудовлетвореннаго материнскаго чувства на обездоленныхъ созданий, которыхъ добрые люди старались вырвать изъ когтей порока. На послѣднемъ засѣданіи комисіи, сестра Гамлена встрѣтилась съ графиней де Бовильберсъ, но та ограничилась холоднымъ поклономъ, затаивъ въ душѣ непріятное сознаніе, что отъ сосѣдки не укрылась ихъ жалкая нищета. Послѣ того, онѣ обѣ кланялись другъ другу, встрѣчаясь глазами, потому что съ обѣихъ сторонъ было бы слишкомъ невѣжливо дѣлать видъ, что онѣ незнакомы.

Однажды Гамленъ, его сестра и Саккаръ были вмѣстѣ въ большомъ кабинетѣ. Инженеръ чертилъ планъ по новымъ вычисленіямъ; Саккаръ, стоя рядомъ, слѣдилъ за его работой; Каролина у своего любимаго окна смотрѣла на графиню съ дочерью, гулявшихъ въ саду. Въ это утро на нихъ были обуты такіе обтрепанные башмаки, какихъ неподняла бы на улицѣ даже тряпичница.

— Бѣдныя женщины! — прошептала Каролина, — каково имъ играть комедію, представляясь богатыми, чтобъ избѣжать насмѣшекъ!

И она подалась назадъ, прячась за занавѣску изъ опасенія сконфузить сосѣдокъ. Сама она стала гораздо спокойнѣе, съ тѣхъ поръ какъ въ продолженіе трехъ недѣль каждое утро наблюдала за ними изъ этого окна. Ея личное горе затихало, какъ будто видъ несчастія другихъ пристыдилъ эту женщину, обманутую въ своихъ надеждахъ. Хотя она рѣшила, что для нея теперь все кончено въ жизни, но не отчаивалась и даже нерѣдко у нея вырывался прежній беззаботный смѣхъ.

Съ минуту еще Каролина слѣдила глазами за женщинами

въ саду, позеленѣвшемъ отъ моха; на лицѣ у нея появилось выраженіе мечтательной задумчивости. Потомъ, повернувшись къ Саккару, она проговорила съ живостью:

— Скажите, пожалуйста, почему это я не умѣю грустить? У меня печаль проходить какъ-то очень скоро, я не могу долго тосковать, чтѣ бы ни случилось... Неужели это эгоизмъ? Впрочемъ, нѣтъ, я не думаю, это было бы слишкомъ гадко, да и кромѣ того, при всей моей веселости, сердце у меня тотчасъ обливается кровью, какъ только я увижу чужое горе. Ну, какъ это согласить: я весела, и готова плакать надъ несчастіемъ каждаго встрѣчнаго, хотя отлично понимаю, что простой кусокъ хлѣба принесъ бы ему болѣе существенной пользы, чѣмъ мои ненужныя слезы.

Говоря такимъ образомъ, она смѣялась своимъ пріятнымъ смѣлымъ смѣхомъ, какъ храбрый боецъ на аренѣ жизни, предпочитающій дѣло на пользу ближняго многорѣчивому нытью.

— А между тѣмъ, Богу извѣстно, — продолжала сестра Гамлена, — сколько пришлось мнѣ выстрадать въ жизни... Послѣ ада въ домѣ мужа, гдѣ меня оскорбляли, били, я думала, что мнѣ остается только броситься въ воду. Но, однако, я не утопилась, а была весела и полна радостныхъ надеждъ, двѣ недѣли спустя послѣ разрыва съ нимъ, когда братъ увозилъ меня на востокъ... Потомъ, по возвращеніи въ Парижъ, когда насъ преслѣдовала неудача за неудачей, я иногда проводила ужасныя ночи; мнѣ казалось, что мы умремъ съ голоду на грудѣ нашихъ блестящихъ проектовъ. Однако мы не умерли, и я снова принялась мечтать о чемъ-то безконечно прекрасномъ, счастливомъ; эта радужная перспектива заставляла меня иногда смѣяться, даже когда я была одна... А теперь вотъ опять, послѣ страшнаго удара, о которомъ я еще не смѣю заговорить, мое сердце точно было вырвано съ корнемъ. Да, я положительно чувствовала, что оно не бьется болѣе! Я считала себя умершей и похороненной. Но потомъ вдругъ опять окружающій міръ захватилъ меня своими интересами; сегодня я смѣюсь, завтра стану надѣяться, и мнѣ опять захочется жить, жить безъ конца. Не правда ли, это странно, что человѣкъ не можетъ долго оставаться вѣрнымъ своей печали?

Саккаръ, смѣявшійся вмѣстѣ съ нею, пожалъ плечами.

— Ба, не вы одинѣ, весь міръ таковъ; такова жизнь.

— Вы думаете?—вскричала она съ удивленіемъ.—А мнѣ, напротивъ, кажется, что есть на свѣтѣ люди вѣчно печальные, которые не знаютъ, что такое веселье, и отравляютъ себѣ жизнь, видя все въ мрачномъ свѣтѣ... О, не думайте, чтобъ я слишкомъ прикрашвала прелесть и красоту существованія! Напротивъ, жизнь подчасъ черезчуръ жестока, я видѣла слишкомъ много ея мрачныхъ сторонъ вблизи; нѣтъ мѣста на землѣ, гдѣ бъ не было страданія. Жизнь бываетъ порой отвратительна, въ ней столько мерзкаго, отталкивающаго! Но какъ вы хотите, я люблю ее! За что? сама не знаю. Пускай вокругъ меня все грозитъ разрушеніемъ, падаетъ, на другой же день я опять весела и вѣрю въ будущее на развалинахъ прошлаго. Я часто думала, что во мнѣ отражается въ миньютюрѣ все человѣчество, которое хотя и живетъ среди жестокихъ бѣдствій, но опять воскресаетъ, обновляется молодостью въ каждомъ поколѣніи. Послѣ всякаго горя, которое меня пригнетало къ землѣ, я чувствовала какъ бы приливъ новой юности, весну, которая меня согрѣвала и заставляла сильнѣе биться мое сердце. Это до такой степени вѣрно, что послѣ какого нибудь тяжелаго испытанія, когда я снова выхожу на воздухъ, на солнце, я тотчасъ готова любить, надѣяться, быть счастливой. Прожитые годы не измѣнили меня; въ своей наивности я какъ будто не замѣчаю, что становлюсь стара... Право, для женщины я слишкомъ много читала и теперь совсѣмъ не знаю, куда иду. Впрочемъ, и весь этотъ обширный свѣтъ знаетъ не больше меня. Только какой-то внутренній голосъ, на зло разсудку, твердитъ мнѣ, что всѣ мы подвигаемся къ чему-то необыкновенно хорошему, радостному.

Каролина кончила тѣмъ, что повернула сказанное въ шутку, но она была растрогана и старалась скрыть свое умиленіе. Гамленъ поднялъ голову и смотрѣлъ на сестру съ обожаніемъ и благодарностью.

— О, что касается тебя,—сказалъ онъ,—ты просто создана для житейскихъ передрагъ, ты сама любовь къ жизни!

Въ этихъ ежедневныхъ утреннихъ разговорахъ мало по малу стало сказываться что-то лихорадочное, и если Каролина вернулась къ своей обычной веселости, обусловленной

прежде всего ея цвѣтущимъ здоровьемъ, ~~этимъ~~ она отчасти была обязана Саккару съ его пылкимъ стремленіемъ къ широкой дѣятельности. Между ними было почти рѣшено приступить къ осуществленію проэктовъ, спавшихъ въ знаменитомъ портфель инженеря. Подъ раскаты рѣзкаго голоса Аристида все оживало въ преувеличенныхъ размѣрахъ. Прежде всего наши прожектеры собирались приняться за Средиземное море, чтобы забрать его въ руки съ помощью главной компаніи соединенныхъ пареходныхъ обществъ. И Саккаръ принимался перечислять приморскіе порты всѣхъ странъ, гдѣ должны быть устроены станціи. Онъ примѣшивалъ сюда классическія воспоминанія, потускнѣвшія въ его памяти во время увлеченія биржевымъ ажіотажемъ; онъ прославлялъ это море, единственное, извѣстное древнимъ, лазурное, чарующее, вокругъ котораго цвѣла цивилизація, чьи волны омывали древніе города: Аѳины, Римъ, Тиръ, Александрію, Карфагенъ, Марсель, всѣ, которымъ обязана своимъ существованіемъ современная Европа. Потомъ, когда этотъ широкій путь на востокъ будетъ обезпеченъ, Саккаръ со своими друзьями собирался приняться за работу въ Сиріи, начавъ съ маленькаго предпріятія: разработки серебряной руды на Кармилѣ, такъ себѣ, мимоходомъ, чтобы заработать нѣсколько лишнихъ милліончиковъ. Но и такое пустячное дѣло обѣщало дать важный толчокъ остальнымъ, потому что самое слово: „серебряная копь“ имѣло уже въ себѣ что-то магическое. Ну, какъ не соблазниться возможностью загребать лопатой благородный металлъ, почти разсыпанный на поверхности земли? Такая идея всегда будетъ соблазнительна для публики, въ особенности, когда къ ней можно пристегнуть звучное историческое названіе прославленной горы Кармила. Въ той мѣстности были и залежи каменнаго угля, да еще какія! Совсѣмъ наружи. Онѣ стояли золота. Угольные копи дѣйствительно обѣщали превратиться въ золотой рудникъ, когда страна покроется заводами. Не считая этихъ главныхъ, сколько еще другихъ мелкихъ предпріятій можно было начать между дѣломъ: можно учредить банки, синдикаты для отраслей промышленности, находящихся въ цвѣтущемъ состояніи; эксплуатировать обширные лѣса Ливана, гдѣ гніють гигантскія деревья за неимѣніемъ сбыта. Нако-

нецъ, добирались и до жирнаго куска, — до учрежденія товарищества желѣзныхъ дорогъ на востокъ. Тутъ Саккаръ впадалъ въ настоящій бредъ; эта сѣть рельсовыхъ путей, — наброшенная съ одного конца до другаго на материкъ Малой Азіи, какъ крѣпкіе силки, — представляла для Аристида самую заманчивую спекуляцію, служила залогомъ широкой жизни; она забирала въ свою власть однимъ ударомъ этотъ древній міръ, какъ новую добычу, еще не тронутую, богатую неисчислимыми сокровищами, скрытую подъ корою невѣжества и грязи цѣлыхъ столѣтій. Онъ чуялъ зарытый въ ней кладъ и ржалъ, какъ боевая лошадь при запахѣ пороховаго дыма.

Каролина, не смотря на свой трезвый умъ и обычную сдержанность, все таки невольно заражалась энтузіазмомъ Аристида, такъ что переставала замѣчать непрактичность его мечтаній. Дѣло въ томъ, что смѣлыя фантазіи Саккара слишкомъ подкупали ее; Каролина любила востокъ, тосковала по этой прекрасной странѣ, гдѣ ей жилось хорошо. Безъ предвзятаго намѣренія, на зло здравой логикѣ, она сама все сильнѣе и сильнѣе разжигала лихорадку предприимчивости въ Саккарѣ, увлекая его заманчивыми, образными описаніями и обиліемъ различныхъ свѣдѣній. Стоило ей заговорить о Бейрутѣ, гдѣ она прожила три года, какъ слова лились у нея рѣкой. Что это за дивный городъ, у подножія Ливана, на плоской возвышенности, между моремъ краснаго песку и обвалами скалъ! Какъ живописны его дома, построенные амфитеатромъ посреди обширныхъ садовъ! Восхитительный эдежъ, гдѣ цвѣтутъ померанцы, лимоны, зеленѣютъ цитрусы. Потомъ шелъ перечень всѣхъ городовъ по морскому побережью: къ сѣверу Антиохія, павшая съ высоты блестящаго величія; къ югу Саидъ, древній Сидонъ, Сень-Жанъ д'Акръ, Яффа и Тиръ (нынѣшній Суръ) прототипъ всѣхъ остальныхъ городовъ, — Тиръ, чьи купцы были царями, чьи моряки объѣхали Африку и который въ настоящее время со своимъ портомъ, занесеннымъ песками, представляетъ одно поле развалинъ, прахъ дворцовъ, гдѣ только тамъ и сямъ виднѣются разбросанныя рыбачьи хижины. Каролина повсюду сопутствовала брату: она посѣтила Алеппо, Ангору, Бруссу, Смирну, даже Трапезундъ; прожила цѣлый мѣсяць въ Іерусалимѣ, заснувшимъ среди позорнаго торга святынями, и два мѣсяца въ Дамаскѣ, царственномъ городѣ

востока, въ центрѣ обширной равнины. Здѣсь процвѣтають торговля и промышленность, сюда сходятся караваны изъ Мекки и Багдада, а улицы постоянно кишать разноплеменной, пестрой толпой. Каролина хорошо знала долины и горы, деревни, населенныя маронитами и друзами, лѣпящіяся на плоскогорьяхъ, теряющіяся въ глубинѣ горловинъ; она обозрѣвала въ той странѣ и обработанныя, и безплодныя поля. И всѣ эти уголки, нѣмыя пустыни и большіе города оставили въ ней чувство восторга передъ неистощимой роскошной природой востока, а вмѣстѣ съ тѣмъ возмущали ее противъ людской глупости и злобы. Какое изобиліе естественныхъ богатствъ, оставленныхъ втупѣ или разграбленныхъ. Она говорила о налогахъ, парализующихъ торговлю и промышленность, о нелѣпомъ законѣ, который запрещаетъ вкладывать капиталы въ земледѣліе свыше положенной цифры, жаловалась на рутину, оставляющую въ рукахъ крестьянина плугъ, какимъ пахали землю его предки еще до Рождества Христова. Образованную, энергичную женщину ужасало глубокое невѣжество, въ которомъ коснѣютъ еще въ наши времена эти миллионы людей, подобныхъ отупѣвшимъ дѣтямъ, остановленнымъ въ своемъ развитіи. Въ былое время берегъ оказывался слишкомъ тѣснымъ, города строились бокъ-о-бокъ, теперь жизнь ушла на западъ, и путешественнику кажется, что онъ проходитъ по одному громадному покинутому кладбищу, на этомъ побережьѣ, когда-то поражавшемъ кипучей дѣятельностью. Ни о школахъ, ни о путяхъ сообщенія тамъ нѣтъ и помину; правительство самое безсовѣстное; судъ продажный, представители администраціи—мошенники и воры; тяжелые налоги, нелѣпыя законы, лѣность, фанатизмъ; ко всему этому слѣдуетъ прибавить постоянныя междоусобныя войны, самосудъ и рѣзню, опустошающіе иногда цѣлыя деревни. Вспоминая объ этомъ, Каролина сердилась; она спрашивала, позволительно ли уродовать такимъ образомъ прекрасное созданіе природы, благодатную землю, полную дивнаго очарованія, гдѣ сходятся всѣ климаты, гдѣ жаркія долины чередуются съ плодоносными склонами горъ и вѣчными снѣгами высокихъ вершинъ? Разказчица всякій разъ входила въ паѳосъ; ея любовь къ жизни, способность видѣть во всемъ свѣтлую сторону, свойственная ей живучесть надежды заставляли эту

женщину горячиться; она страстно увлекалась при мысли о томъ, что магическому жезлу науки и спекуляціи стоитъ только коснуться этой древней заснувшей страны, чтобы разбудить ее для обновленной жизни.

— Вотъ видите, — вскричалъ Саккаръ, — эта горловина Кармила, нарисованная вами, гдѣ теперь нѣтъ ничего, кромѣ амней и мастиковыхъ деревьевъ, сдѣлается неузнаваемой. Едва только мы приступимъ къ разработкѣ серебряной руды, какъ тутъ сначала выростетъ деревушка, а потомъ и цѣлый городъ... И всѣ эти порты, занесенные песками, подвергнутся тщательной расчисткѣ, будутъ окружены высокими насыпями; большіе корабли найдутъ пристанище тамъ, гдѣ теперь не смѣютъ бросить якоря рыбацьи лодки... На обезлюдѣвшихъ равнинахъ, въ пустынныхъ горныхъ проходахъ, гдѣ пройдутъ наши рельсовые пути, вы увидите волшебное превращеніе: поля расчистятся, проложатся дороги и каналы, новыя поселенія выростутъ, какъ изъ-подъ земли, и новая жизнь закипитъ въ странѣ, какъ закипаетъ она въ организмѣ выздоравливающаго, когда истощенныя вены начинаютъ наполняться обновленной кровью... Повѣрьте мнѣ: деньги совершатъ эти чудеса.

Слова Саккара, произнесенныя взволнованнымъ, рѣзкимъ голосомъ, подѣйствовали на Каролину; передъ ея глазами стали развертываться заманчивыя картины цивилизаціи, которую онъ предсказывалъ. Сухіе чертежи, прямолинейные планы оживали, населялись: это было осуществленіе ея мечты о прекрасномъ востокѣ, омытомъ отъ своей грязи, извлеченномъ изъ глубины невѣжества, наслаждающемся и плодородной почвой, и своимъ дивнымъ небомъ, и всѣми благодатными плодами науки. Вѣдь на глазахъ Каролины совершилось уже одно чудо: въ короткое время возникъ Портъ-Саидъ; сначала на голомъ низменномъ берегу выросло нѣсколько шалашей для убѣжища первыхъ работниковъ, потомъ изъ нихъ образовался городъ въ двѣ тысячи жителей; наконецъ, это число возрасло до десяти тысячъ, а городъ обзавелся богатыми домами, громадными магазинами, гигантской плотиной; упорный трудъ пробудилъ къ жизни заснувшую страну, создалъ благосостояніе. То же самое должно повториться и въ другихъ мѣстахъ: это обусловлено поступательнымъ движе-

ніемъ челоѣчества, неодолимымъ, неизбѣжнымъ; соціальнымъ порывомъ, который заставляетъ насъ стремиться къ наибольшей суммѣ счастья, просто изъ потребности дѣйствовать, идти впередъ, не зная даже хорошенъко, куда, но только затѣмъ, чтобы жилось легче и въ лучшихъ условіяхъ. Лицо земли измѣняется усиліями челоѣческаго муравейника, который перестраиваетъ свой домъ, и постоянная работа, новые виды наслажденій, удесятѣренное могущество челоѣка, — все это является результатомъ инстинктивнаго, неудержимаго стремленія впередъ, и земля съ каждымъ днемъ все болѣе принадлежитъ челоѣку.

Гамленъ, слушавшій съ улыбкой, сдѣлалъ благоразумное замѣчаніе:

— Все это уже поэзія результатовъ, а мы еще и не приступали къ прозѣ первыхъ начинаній.

Но для того, чтобы воспламениться, Саккару былъ нуженъ широкій полетъ фантазіи; онъ окончательно залетѣлъ за облака, когда, принявшись за книги съ описаніями востока, нашелъ рассказъ объ египетской экспедиціи. Еще и раньше онъ бредилъ воспоминаніями о крестовыхъ походахъ, — о той эпохѣ, когда западъ обратился на востокъ, къ своей колыбели, — о великомъ движеніи, возвратившемъ крайнюю Европу къ древнимъ странамъ, которыя въ то время находились еще въ полномъ расцвѣтѣ и гдѣ можно было еще многому научиться. Но его сильнѣе поразила величавая фигура Наполеона, отправляющагося воевать въ страну пирамидъ съ грандіозной и таинственной цѣлью. Если онъ говорилъ о завоеваніи Египта, о томъ, чтобы основать тамъ французскія учрежденія и такимъ образомъ упрочить за Франціей торговлю Леванта, то навѣрно не высказывался вполнѣ. Въ той сторонѣ экспедиціи, которая осталась невыясненной и загадочной, Саккаръ хотѣлъ видѣть какой-то проэктъ колоссальнаго честолюбія, приписывалъ Наполеону намѣреніе основать обширную имперію, короноваться въ Константинополѣ и, сдѣлавшись императоромъ Востока и обѣихъ Индій, осуществить мечту Александра Македонскаго, оставивъ позади себя Цезаря и Карла Великаго. Развѣ онъ не говорилъ на островѣ Св. Елены, упоминая о Сиднеѣ, англійскомъ генералѣ, который остановилъ его передъ Санъ-Жанъ-д'Акромъ:

„этотъ человѣкъ испортилъ мнѣ все“. И то, чего пытались достигъ крестовые походы, чего не могъ совершить Наполеонъ, эта гигантская мысль о завоеваніи востока воспламеняла Саккара, но онъ бредилъ о мирномъ завоеваніи съ помощью двухъ соединенныхъ силъ, — науки и денегъ. Такъ какъ цивилизація шла отъ востока на западъ, почему бы ей не вернуться къ своему источнику, къ первому саду человѣчества, къ этому эдему Индустанскаго полуострова, который спалъ въ своемъ вѣковомъ утомленіи? Это была бы обновленная молодость; Саккаръ гальванизировалъ земной рай, дѣлалъ его снова обитаемымъ посредствомъ пара и электричества, ставилъ опять Малую Азію центромъ всего свѣта, пунктомъ пересѣченія великихъ естественныхъ путей, соединяющихъ материка. Здѣсь предстояло пожинать уже не милліоны, а милліарды и милліарды.

Съ тѣхъ поръ, каждое утро у Гамленъ съ Саккаромъ происходили продолжительныя совѣщанія. Если ихъ надежды были обширны, то и представлявшіяся трудности многочисленны, громадны. Инженеръ, бывшій въ Бейрутѣ, какъ разъ въ 1862 году, въ то время, когда друзья произвели страшную рѣзню христіанъ-маронитовъ, потребовавшую вмѣшательства Франціи, не скрывалъ препятствій, которыя должны встрѣтиться въ средѣ населенія, ведущаго постоянныя войны и предоставленнаго невѣжественному произволу мѣстныхъ властей. Къ счастью, въ Константинополѣ у него были важныя связи и онъ могъ смѣло рассчитывать на поддержку великаго визиря Фуада-паши, человѣка съ большими достоинствами, явнаго сторонника реформъ. Жоржъ-Гамленъ рассчитывалъ получить отъ него необходимыя разрѣшенія на все, что имъ понадобится. Съ другой стороны, хотя и предсказывая неизбежное банкротство оттоманской имперіи, онъ видѣлъ скорѣе благоприятный знакъ въ ея безумной погонѣ за деньгами, въ государственныхъ займахъ, которые повторялись изъ году въ годъ: нуждающееся правительство, если и не представляетъ личной гарантіи, то, по крайней мѣрѣ, мирволить всякимъ частнымъ предпріятіямъ, если только въ нихъ заключается для него малѣйшая выгода. Не практичнѣе ли будетъ разрѣшить этотъ вѣчный, какъ бѣльмо на глазу торчащій, восточный вопросъ, предложивъ имперіи участіе въ крупныхъ аферахъ,

затѣянныхъ съ цивилизаторскою цѣлью, и такимъ образомъ мало по малу привести блистательную Порту къ прогрессу, чтобы она перестала, наконецъ, служить чудовищной заставой между Европой и Азіей? Какую прекрасную патриотическую роль играли бы тогда французскія компаніи!

Но вотъ въ одно утро Гамлень спокойно принялся излагать свою секретную программу, на которую иногда намекалъ, называя ее вѣнцомъ зданія.

— Когда мы сдѣлаемся хозяевами востока, — началъ онъ, — то создадимъ палестинское королевство и посадимъ на его престоль папу... Сначала можно удовольствоваться Іерусалимомъ съ Яффою, потому что намъ необходимъ приморскій портъ. Затѣмъ Сирія будетъ объявлена независимой и ее присоединять къ Палестинѣ... Вы знаете, что близко время, когда папская власть не будетъ больше въ состояніи держаться въ Римѣ, въ виду возмутительныхъ униженій, которыя ей готовятъ; мы должны быть готовы къ этому дню.

Ошеломленный Саккаръ слушалъ, какъ его пріятель высказывалъ эти вещи, какъ нѣчто самое обыкновенное, съ своей пламенной вѣрой яраго католика. Хотя самъ онъ не отступалъ передъ сумасбродными фантазіями, но никогда бы не дошелъ до подобной утопіи. Гамлень, этотъ человѣкъ науки, такой холодный съ виду, поражалъ его.

— Но это безуміе! — воскликнулъ Аристидъ. — Порта не уступитъ Іерусалима.

— А почему же это? — невозмутимо продолжалъ инженеръ. — Ей такъ нужны деньги! Іерусалимъ тяготитъ ее, она будетъ рада отъ него избавиться. Очень часто оттоманское правительство теряетъ голову среди столкновеній разныхъ исповѣданій, которыя оспариваютъ другъ у друга обладаніе іерусалимскими святынями... Кромѣ того, папа нашелъ бы въ Сиріи крѣпкій оплотъ въ маронитахъ; вѣдь вамъ извѣстно, что онъ основалъ въ Римѣ коллегію для ихъ духовенства... Наконецъ, я много размышлялъ объ этомъ, я все взвѣсилъ и вы увидите, что это будетъ новая эра, эра торжества католицизма. Можетъ быть, мнѣ скажутъ, что я захожу слишкомъ далеко, что въ данномъ случаѣ папа будетъ какъ бы отрѣзанъ отъ Европы, отъ ея интересовъ. Но подумайте, какимъ ослѣпительнымъ ореоломъ, какую властью облечетъ его этотъ новыи

тронъ въ святыхъ мѣстахъ, когда онъ будетъ взывать къ своей паствѣ отъ имени Иисуса Христа изъ той же страны, гдѣ училъ Спаситель! Дѣйствительно, тамъ его настоящее наслѣдіе и тамъ должно утвердиться папство. Будьте покойны, мы сдѣлаемъ его престолъ могущественнымъ и прочнымъ, мы оградимъ его отъ политическихъ пертурбацій, основавъ папскій бюджетъ, гарантированный доходами страны, на операціяхъ колоссальнаго банка, акціи котораго будутъ разбираться на расхватъ католиками цѣлаго міра.

Саккаръ, начавшій улыбаться, подкупленный уже грандіозностью проэкта, хотя и неполнѣ убѣжденный, не могъ не окрестить сейчасъ же проэктированнаго банка и воскликнулъ, гордясь своей находчивостью.

— Отлично! мы назовемъ его Сокровищемъ Святаго Гроба! Великолѣпно, не правда ли? Вотъ увидите, какъ это будетъ заманчиво!

Однако тутъ онъ встрѣтилъ разсудительный взглядъ Карлины. Она также улыбалась, но скептически и даже немного раздосадованная. Аристидъ устыдился своей горячности.

— Все равно, мой милый Гамлень, мы будемъ держать въ секретѣ этотъ вѣнецъ зданія, какъ вы выражаетесь. Насъ, пожалуй, поднимутъ на смѣхъ. Кромѣ того, наша программа и безъ того ужасно многосложна. Будетъ лучше, если мы оставимъ про себя, для однихъ посвященныхъ, ея конечныя послѣдствія, ея блистательный результатъ.

— Разумѣется, таково всегда было мое намѣреніе, — заявилъ инженеръ. — Это останется тайной между нами.

На этомъ кончилась въ тотъ день эксплуатація знаменитаго портфеля Жоржа Гамлена. Компаньоны окончательно порѣшили исподволь приступать къ громадной серіи проэктвъ. Прежде всего, слѣдовало учредить банкъ въ скромныхъ размѣрахъ, чтобы дать ходъ первоначальнымъ предпріятіямъ, а затѣмъ, по мѣрѣ успѣха, они надѣялись завладѣть рынкомъ и завоевать свѣтъ.

На другой день, когда Саккаръ поднялся въ квартиру княгини Орвiedo за распоряженіями касательно дома трудолюбія, ему вспомнилось то время, когда онъ лелѣялъ мечту сдѣлаться принцемъ-супругомъ этой царицы милостыни, простымъ распорядителемъ и администраторомъ состоянія бѣдняковъ. Онъ

улыбнулся, находя теперь свою затѣю немного сумасбродной: онъ былъ созданъ для того, чтобъ широко участвовать въ жизни, а не для врачеванія ранъ, нанесенныхъ ею. Наконецъ-то, ему удалось попасть на свою колею, вступить въ самую жаркую схватку битвы за свои собственные интересы въ этой погонѣ за счастьемъ, олицетворявшей само поступательное движеніе человѣчества, изъ столѣтія въ столѣтіе, къ бдльшей суммѣ радостей, къ большому количеству свѣта. Въ тотъ же день онъ нашелъ Каролину одну, въ кабинетѣ съ чертежами. Она опять стояла у окна, заинтересованная появленіемъ въ неурочный часъ въ саду графини де-Бовильеръ съ дочерью. Сосѣдки читали какое-то письмо, видимо разстроенныя и опечаленныя: вѣроятно, оно было отъ сына Фердинанда, которому, должно быть, не особенно везло на папской службѣ въ Римѣ.

— Взгляните сюда, — сказала сестра Гамлена, увидавъ Саккара. — У этихъ несчастныхъ, кажется, опять новое горе. Право, нищія на улицѣ менѣе жалки, чѣмъ онѣ.

— Ба, — весело вскричалъ тотъ, — пригласите ихъ ко мнѣ. Мы обогатимъ и этихъ графинь, потому что въ нашей власти будетъ осчастливить весь свѣтъ.

Довольный собою и пріятно возбужденный, онъ старался поцѣловать ее въ губы, но она рѣзко отстранилась, поблѣднѣвъ и сдѣлавшись серьезной.

— Нѣтъ, прошу васъ!

Это была его первая попытка возобновить ихъ близкія отношенія, съ тѣхъ поръ какъ молодая женщина отдалась ему въ минуту полной безсознательности. Устроивъ важныя дѣла, Саккаръ вспомнилъ тотъ день и захотѣлъ выяснитъ свое положеніе также и съ этой стороны. Энергичный отпоръ удивилъ его немного.

— Неужели это вамъ непріятно?

— Да, очень непріятно ..

Она успокоилась и улыбнулась въ свою очередь.

— Сознайтесь откровенно, вѣдь и вы не дорожите нашей близостью?

— Напротивъ, я васъ обожаю.

— Нѣтъ, не говорите этого. Теперь вы будете страшно заняты! И къ тому же, увѣряю васъ, я готова питать къ вамъ

искреннюю дружбу, если вы окажетесь тѣмъ дѣятельнымъ человѣкомъ, какимъ я васъ считала, и осуществите грандіозные планы, о которыхъ вы толковали... Повѣрьте, будетъ гораздо лучше, если между нами водворится дружба.

Онъ слушалъ ее, по прежнему улыбаясь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сконфуженный и сбитый съ позиціи. Она отталкивала его; но вѣдь это смѣшно, что онъ обладалъ ею всего только разъ, да и то по оплошности. Однако, только его мужское тщеславіе было задѣто ея равнодушіемъ.

— Значить... только друзья... не болѣе?

— Да, я буду вашимъ товарищемъ, вашей помощницей... и мы сдѣлаемся друзьями, закадычными друзьями!

Она подставила ему щеку; Саккаръ, побѣжденный и находившій, что она права, напечатлѣлъ по крѣпкому поцѣлюю на каждой щекѣ Каролины.

III.

Письмо русскаго банкира изъ Константинополя, переведенное Сигизмундомъ, содержало въ себѣ благопріятный отвѣтъ, котораго ожидалъ Саккаръ, чтобъ приступить къ дѣлу. День спустя, при самомъ пробужденіи, его осѣнила мысль, что нужно дѣйствовать безотлагательно, что, раньше наступленія вечера, ему необходимо составить надежный синдикатъ, а затѣмъ приступить къ выпуску пятидесяти тысячъ акцій своего анонимнаго общества, по пятисотъ франковъ каждая, причемъ основной капиталъ компаніи долженъ простираться до двадцати пяти милліоновъ.

Спрыгнувъ съ постели, Аристидъ нашелъ наконецъ названіе новому учрежденію, — вивѣску, которую онъ давно придумывалъ. Слова: „Всемирный Банкъ“ явились вдругъ передъ нимъ, какъ будто начертанныя пламенными буквами во мракѣ спальни, со спущенными шторами.

— Всемирный Банкъ, — не переставалъ онъ повторять во время одѣванья. — Всемирный Банкъ, это и просто, и величественно; это включаетъ все какъ бы въ одну сферу, покрываетъ собой земной шаръ. Да, да, превосходно. Всемирный Банкъ!

До половины десятого утра онъ прохаживался по обширнымъ комнатамъ, погруженный въ свои думы, не зная еще, откуда начать погоню за милліонами въ Парижѣ. Двадцать пять милліоновъ... Положимъ, такую сумму достать нетрудно, повернувъ только за уголь; здѣсь даже приходится выбирать между людьми, къ которымъ стоитъ обратиться; но Саккаръ не хотѣлъ приступать къ дѣлу необдуманно. Онъ выпилъ чашку молока и даже не разсердился, когда кучеръ пришелъ къ нему сказать, что лошадь захворала, вѣроятно, отъ простуды, и что не мѣшало бы послать за ветеринаромъ.

— Хорошо, пошлите; я возьму фіакръ.

Однако, выдя на тротуаръ, Саккаръ былъ встрѣченъ рѣзкимъ, порывистымъ вѣтромъ: зима неожиданно возвратилась въ разгарѣ мая, послѣ тихихъ, ясныхъ дней. Впрочемъ, дождя еще не было, хотя большія желтоватыя тучи скоплялись на горизонтѣ. Онъ не взялъ фіакра, чтобъ согрѣться ходьбой, и рѣшилъ сначала пройти пѣшкомъ къ Мазо, биржевому маклеру въ Банковскую улицу; ему пришла идея спросить о Дегремонѣ, извѣстномъ спекуляторѣ, счастливомъ участникѣ всѣхъ синдикатовъ. Но только онъ успѣлъ повернуть въ улицу Вивьенъ, какъ небо заволочлось бѣловатыми тучами и хлынулъ такой ливень въ перемежку съ градомъ, что Саккару пришлось спрятаться подъ первыми попавшимися воротами. Съ минуту онъ стоялъ тамъ, наблюдая потоки дождя; потомъ его ухо вдругъ уловило звонъ золотыхъ монетъ, заглушавшій хлестанье ливня. Звонъ какъ будто выходилъ изъ нѣдръ земли, непрерывный, легкій, ни дать, ни взять, какъ въ сказкѣ изъ тысячи и одной ночи. Онъ повернулъ голову, осмотрѣлся и увидѣлъ, что стоитъ подъ воротами дома Кольба, одного банкира, специально занимавшагося торговлею золотомъ; онъ покупалъ вонкую монету въ казнѣ, по сравнительно дешевымъ цѣнамъ, а потомъ переплавлялъ ее, чтобъ продавать слитки въ другихъ странахъ, гдѣ золото дороже. Въ тѣ дни, когда производилась эта работа, изъ-подъ земли раздавался съ утра до вечера кристальный звонъ золотыхъ монетъ; червонцы размѣшивали лопаткой, брали изъ ящиковъ и кидали въ тигель для плавки. Прохожіе по тротуару круглый годъ слышали это пріятное позвякиванье. Саккаръ улыбнулся отъ удовольствія при такой хузыкѣ, слу-

жившей какъ бы подземнымъ голосомъ для квартала биржи. Это показалось ему счастливымъ предзнаменованіемъ.

Дождь прекратился; Аристидъ перешелъ площадь и былъ уже у дома маклера Мазо. Молодой агентъ, составлявшій исключеніе между товарищами, имѣлъ собственную квартиру въ первомъ этажѣ того же дома, гдѣ находилось бюро его маклерской конторы, занимавшее весь второй этажъ. Онъ прямо переселился въ помѣщеніе дяди, когда послѣ смерти старика, по уговору съ другими наслѣдниками, приобрѣлъ право на его должность:

Было десять часовъ. Саккаръ прошелъ прямо въ бюро и въ дверяхъ встрѣтился съ Густавомъ Седилемъ.

— Г. Мазо тамъ?

— Право, не знаю, милостивый государь, я только что пришелъ.

Молодой человѣкъ улыбался; онъ постоянно приходилъ позднѣе положеннаго часа, относясь спустя рукава къ своей службѣ, за которую не получалъ никакого жаловонья. Седиль согласился проработать годъ или два у маклера, въ угоду отцу, фабриканту шолковыхъ издѣлій въ улицѣ Жёнеръ.

Саккаръ прошелъ черезъ кассу, гдѣ съ нимъ раскланялись оба кассира, одинъ—выдававшій деньги, другой—бумаги; затѣмъ онъ вступилъ въ кабинетъ обоихъ уполномоченныхъ помощниковъ маклера и тутъ нашелъ одного Бертье, который былъ обязанъ вести переговоры съ кліентами и сопровождать патрона на биржу.

— Г. Мазо здѣсь?

— Кажется, такъ; я сейчасъ изъ его кабинета... Ахъ, извините, онъ куда-то ушелъ... Вѣрно, хозяинъ въ бюро на личныхъ суммъ.

Бертье толкнулъ сосѣдную дверь и окинулъ взглядомъ довольно обширную комнату, гдѣ работало пятеро служащихъ подъ надзоромъ старшаго конторщика.

— И тутъ нѣтъ... Какъ странно. Пройдите лучше сами въ отдѣлъ ликвидацій, вотъ сюда, рядомъ.

Саккаръ вошелъ въ бюро ликвидацій. Здѣсь ликвидаторъ, центръ маклерскихъ операций, съ помощью семи человѣкъ подчиненныхъ, разбиралъ обыкновенно записную книжку, которая подавалась ему агентомъ каждый день послѣ закрытія

биржи; потомъ онъ записывалъ операціи, совершенныя по заказу кліентовъ, съ помощью фишекъ, сохранявшихся съ тѣмъ, чтобы знать имена заказчиковъ. Въ записную книжку имена не вносятся; тамъ записываютъ только краткія указанія о покупкѣ или продажѣ: такая-то цѣнность, такое-то количество, по такому-то курсу и отъ такого-то агента.

— Не видали ли вы г. Мазо?—спросилъ Саккаръ.

Но ему даже не отвѣтили. Ликвидаторъ вышелъ, трое слушающихъ читали газету; другіе смотрѣли куда-то въ потолокъ, между тѣмъ какъ приходъ Густава Седиля сильно обрадовалъ маленькаго Флѣри, который по утрамъ писалъ бумаги, составлялъ обязательства, а послѣ полудня былъ занятъ на биржѣ телеграммами. Родомъ изъ Сента, сынъ чиновника въ регистратурной экспедиціи, онъ былъ канторщикомъ у банкира въ Бордо, затѣмъ прошлой осенью попалъ въ Парижъ къ Мазо, гдѣ могъ надѣяться выслужить двойной окладъ жалованья только лѣтъ черезъ десять. До сихъ поръ онъ велъ себя очень благоразумно, былъ прилеженъ, добросовѣстно относился къ дѣлу. Но мѣсяць тому назадъ, когда къ нимъ въ бюро поступилъ Густавъ, юноша перемѣнился къ худшему: новый товарищъ, элегантный, со связями, бывшій всегда при деньгахъ, соблазнялъ его на кутежи и познакомилъ съ женщинами. У Флѣри было бородатое лицо, носъ, намекавшій на страстную натуру, пріятный ротъ, нѣжные глаза; онъ покучивалъ иногда въ скромныхъ размѣрахъ съ мадмуазель Шюшо, фигуранткой изъ театра Варіэте, тощей саранчей парижскихъ мостовыхъ, дочерью привратницы изъ Монмартрскаго предмѣстья, очень забавной при своей рожицѣ, сдѣланной точно изъ папье-маше, но обладавшей великолѣпными, большими карими глазами.

Густавъ, даже не снимая шляпы, принялся рассказывать, какъ онъ провелъ послѣдній вечеръ.

— Да, мой милѣйшій: я такъ и думалъ, что Жермена прогонитъ меня, потому что пришелъ Жакоби; но она какимъ-то образомъ ухитрилась спровадить его, а я остался.

Оба они расхотались, захлебываясь смѣхомъ. Дѣло шло о Жерменѣ Кёръ, роскошной двадцатипятилѣтней дѣвушкѣ, томной, пухленькой, съ высокой грудью; одинъ изъ товарищей Мазо, еврей Жакоби, содержалъ ее помѣсячно. Она всегда жила съ биржевиками и постоянно ей платили помѣ-

сячно, что гораздо удобнѣе для этихъ страшно занятыхъ людей; голова у нихъ постоянно набита цифрами и они оплачиваютъ любовь, какъ все остальное; серьезно увлечся имъ недосугъ. Въ своей маленькой квартиркѣ въ улицѣ Мишодьеръ, Жермень старалась только устранить непріятныя встрѣчи между мужчинами.

— А знаете,—замѣтилъ Флѣри,—вѣдь я подозрѣвалъ, что вы заглядываетесь на хорошенькую хозяйку писчебумажнаго магазина.

При этомъ намекѣ на г-жу Коненъ, Густавъ сдѣлался серьезенъ. Ее уважали, какъ женщину порядочную, и если ей случалось оказывать мужчинѣ благосклонность, то не бывало еще примѣра, чтобъ кто нибудь проболтался: такъ хорошо умѣла она сохранять дружескія отношенія со своими поклонниками. Поэтому, избѣгая отвѣта, Густавъ задалъ въ свою очередь вопросъ:

— Ну, а вы ѣздили вчера съ Шюшю въ Мабиль?

— Вотъ еще! Это слишкомъ дорого. Мы вернулись домой и устроили чай.

Саккаръ, стоявшій позади молодыхъ людей, разслышалъ имена женщинъ, о которыхъ он и торопливо перешептывались. Улыбнувшись, онъ обратился къ Флѣри:

— Не видали ли вы г. Мазо?

— Да, милостивый государь, онъ сейчасъ отдавалъ мнѣ приказанія... Кажется, у него боленъ маленькій сынъ: ему пришли доложить о приходѣ доктора. Вамъ лучше всего позвонить въ хозяйскую квартиру, потому что г. Мазо можетъ уйти, не заходя сюда.

Саккаръ поблагодарилъ и поспѣшилъ спуститься этажемъ ниже. Мазо былъ одинъ изъ самыхъ молодыхъ маклеровъ, настоящій баловень счастья. Послѣ смерти дяди, ему досталась одна изъ самыхъ богатыхъ маклерскихъ конторъ въ Парижѣ; а онъ былъ еще въ томъ возрастѣ, когда другіе только приглядываются къ дѣламъ. Небольшой ростомъ, Мазо имѣлъ пріятное лицо съ тонкими темными усиками и черными глазами; по своей подвижной натурѣ, онъ былъ чрезвычайно дѣятеленъ и обладалъ живымъ, сметливымъ умомъ. Природная смѣтка и живость, необходимыя въ маклерскомъ ремеслѣ, обратили на него вниманіе главныхъ дѣятелей биржи, а эти

качества, вмѣстѣ съ замѣчательнымъ чутьемъ и сообразительностью, общали выдвинуть его впередъ. Остается прибавить, что и голосъ у него былъ звонкій, и свѣдѣнія объ иностранныхъ биржахъ получалъ онъ изъ первыхъ рукъ, заведя связи во всѣхъ крупныхъ банкирскихъ домахъ, а, вдобавокъ, еще имѣлъ какого-то дальняго родственника въ агентствѣ Гавасъ. Женился Мазо по любви, и его жена, молодая, прелестная женщина, принесла ему въ приданое миллионъ двѣсти тысячъ франковъ; у нихъ было уже двое дѣтей: трехлѣтняя дѣвочка и мальчикъ полутора года.

Мазо какъ разъ провожалъ доктора на площадку лѣстницы и врачъ успокаивалъ его, смѣясь.

— Войдите, пожалуйста, — сказалъ хозяинъ Саккару. — Ужасная возня съ этими ребятишками! При всякой пустячной болѣзни невольно пугаешься и вѣчно боишься ихъ потерять.

Хозяинъ провелъ посѣтителя въ залу, гдѣ сидѣла еще его жена съ малюткой на колѣняхъ, между тѣмъ какъ старшая дѣвочка, обрадовавшись, что мать развеселилась, тянулась на цыпочкахъ поцѣловать ее. Всѣ трое были бѣлокуры, молочной бѣлизны; молодая мать казалась такою же наивною и нѣжной, какъ и дѣти. Мужъ поцѣловалъ ее въ голову.

— Ты видишь, что мы перепугались понапрасну.

— Ахъ, что за бѣда, мой другъ! Я такъ довольна, что докторъ насъ успокоилъ.

Любуясь ихъ счастьемъ, Саккаръ остановился, раскланиваясь. Роскошно убранная комната, дѣйствительно, дышала атмосферой счастливаго супружества, семейной гармоніей, не нарушавшейся пока ничѣмъ. За четыре года супружеской жизни, молодому маклеру приписывали только одно мимолетное увлеченіе пѣвицей комической оперы. Онъ оставался примѣрнымъ мужемъ, а на биржѣ слылъ за очень сдержаннаго человѣка, не зарывавшагося въ биржевой игрѣ на свой счетъ, не смотря на кипучую молодость. И пріятная атмосфера удач и безоблачнаго счастья, дѣйствительно, какъ будто притаилась въ этомъ мирномъ уголкѣ за его коврами и портьерами, примѣшивалась къ аромату огромнаго букета розъ, поставленнаго въ китайскую вазу, проникала собой все окружающее.

Г-жа Мазо, знавшая немного Саккара, весело сказала ему:

— Не правда ли, стоять только пожелать, чтобъ быть всегда счастливымъ?

— Совершенно вѣрно, — отвѣчалъ тотъ. — Кромѣ того, есть личности до того прекрасныя и добрыя, что никакое зло не смѣетъ ихъ коснуться.

Она встала, сіяющая, довольная, поцѣловала мужа въ свою очередь и ушла съ ребенкомъ на рукахъ; дѣвочка, предвзвительно бросившись на шею отцу, побѣжала за ней слѣдомъ. Мазо, желая скрыть счастливое волненіе, обратился къ гостю шутливымъ тономъ:

— Вы видите, здѣсь не соскучишься. — Потомъ онъ съ живостью прибавилъ: — вы хотѣли сказать мнѣ что нибудь?.. Пойдемте лучше на верхъ, гдѣ намъ будетъ удобнѣе.

Вверху передъ кассой Саккаръ увидѣлъ Сабатани, пришедшаго за получкой вырученныхъ барышей; онъ удивился, видя, какъ дружески маклеръ пожималъ руку кліента. Вслѣдъ за тѣмъ, усѣвшись въ кабинетѣ, посѣтитель объяснилъ цѣль своего прихода и сталъ спрашивать маклера, какія требуются формальности для допущенія цѣнныхъ бумагъ къ официальной котировкѣ. Небрежно, какъ бы мимоходомъ коснулся онъ затѣвимаго дѣла — учрежденія „всемирнаго банка“ съ капиталомъ въ двадцать пять милліоновъ. Это кредитное общество основывалось исключительно съ цѣлью поддерживать крупныя предпріятія, на которыя Саккаръ намекнулъ только слегка. Мазо слушалъ, не двинувъ бровью, и очень любезно объяснилъ все, касавшееся неизбѣжныхъ формальностей. Впрочемъ; Аристиду не удалось его провести; онъ отлично понималъ, что тонкій спекуляторъ не станетъ беспокоиться изъ-за такихъ пустяковъ. Поэтому, когда наконецъ Саккаръ произнесъ имя Дегремона, маклеръ невольно улыбнулся. Конечно, Дегремонъ опирался на колоссальное богатство, хотя о немъ и поговаривали, какъ о человѣкѣ не особенно надежномъ, но, впрочемъ, кто же бываетъ постоянно вѣренъ въ дѣлахъ, какъ и въ любви? Нѣтъ! Вообще Мазо не хотѣлъ давать неблагоприятныхъ отзывовъ о Дегремонѣ, послѣ ихъ разрыва, надѣлавшаго много шума на биржѣ. Тотъ въ настоящее время давалъ большую часть порученій Жакоби, бордосскому еврею, высокому малому лѣтъ шестидесяти съ широкимъ веселымъ лицомъ, знаменитому своимъ рычащимъ голосомъ, но уже отяжелѣвшему, съ тол-

стымъ отвислымъ брюшкомъ. Между этими двумя маклерами возникло нѣкоторое соперничество; молодому покровительствовалъ случай, а старый добился успѣха годами труда; онъ долго служилъ уполномоченнымъ помощникомъ маклера, пока наконецъ средства позволили ему пріобрѣсти контору своего патрона. Жакоби былъ человѣкъ необыкновенно практичный и хитрый, но его губила безумная страсть къ игрѣ, и онъ постоянно былъ въ критическомъ положеніи, не смотря на большіе барыши. Всѣ его деньги таяли въ ликвидаціяхъ. Между тѣмъ, Жермена Кёръ обходилась ему всего въ нѣсколько тысячъ франковъ въ годъ, а жена его никуда не показывалась.

— Впрочемъ, въ дѣлѣ Каракаса,—заклучилъ Мазо, уступая чувству непріязни, не смотря на свою замѣчательную выдержку, — Дегремонъ явно подставилъ ножку и хапнулъ барыши... Этому человѣку не клади пальца въ ротъ. Но почему бы вамъ не обратиться къ Гундерману? — прибавилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.

— Ни за что!—вскричалъ Саккаръ, задѣтый за живое.

Въ эту минуту, въ кабинетъ вошелъ Бертье, помощникъ маклера, и сказалъ ему что-то на ухо.

Въ контору только что заѣхала баронесса Сандорфъ за уплатой убытковъ и прибѣгала теперь ко всевозможнымъ придиркамъ, чтобъ заплатить поменьше. Обыкновенно Мазо любезно кидался ей на встрѣчу, но когда она была въ проигрышѣ, то бѣгала отъ нея, какъ отъ чумы, зная, что она примется слишкомъ злоупотреблять его любезностью. Дамы-кліентки народъ самый бѣдовый—онѣ положительно несносны, когда имъ приходится платить.

— Скажите ей, пожалуйста, что меня нѣтъ дома, и не уступайте, ради Бога, ни одного сантима,—съ досадой отвѣчалъ своему фактотуму хозяинъ.

По уходѣ Бертье, маклеръ угадалъ по насмѣшливой улыбкѣ Саккара, что онъ слышалъ ихъ разговоръ.

— Да, милѣйшій, эта баронесса Сандорфъ—славная барыня, но вы не можете себѣ представить, до чего она жадна... Ахъ, какъ любили бы насъ кліенты, еслибъ постоянно выигрывали! Но чѣмъ они богаче, чѣмъ выше по общественному положенію, тѣмъ меньше — прости меня Господи! — я

имъ довѣряю, и постоянно дрожу, что они мнѣ не заплатятъ. Право, иной разъ, кромѣ большихъ банкирскихъ домовъ, я не хотѣлъ бы имѣть другой кліентуры въ Парижѣ и ограничился бы одной провинціей.

Вошелъ служащій изъ бухгалтерскаго отдѣла со счетами, которые хозяинъ потребовалъ поутру, и осторожно вышелъ.

— Вотъ, какъ это кстати! Сію минуту явился получатель рентъ изъ Вандома, нѣкій Фейе... Вы не повѣрите, какое множество заказовъ имѣю я отъ этого корреспондента. Конечно, заказы его неважные, потому что ихъ посылаютъ мелкіе буржуа, мелкіе комерсанты, фермеры. Но здѣсь мы беремъ численностью... Дѣйствительно, большая часть кліентовъ во всѣхъ учрежденіяхъ состоитъ изъ мелкихъ вкладчиковъ, изъ громадной анонимной толпы, участвующей въ игрѣ. Они-то и доставляютъ главный фондъ оборотныхъ капиталовъ.

Эти слова напомнили Саккару о Сабатани у форточки кассы.

— Сабатани также сдѣлался важнымъ кліентомъ?—спросилъ онъ.

— Да, кажется, съ годъ назадъ, — отвѣчалъ маклеръ съ видомъ любезной небрежности. — Очень милый господинъ, не правда ли? Онъ началъ съ небольшого, но, при своемъ благо-разуміи, кое-чего добьется.

Мазо умолчалъ объ одной вещи, о которой даже забылъ и самъ, именно о томъ, что Сабатани сдѣлалъ у него вкладъ только въ двѣ тысячи франковъ, почему онъ и игралъ такъ умѣренно, какъ начинающій. Конечно, левантинецъ, подобно многимъ другимъ, выжидалъ, пока ничтожность этой гарантіи забудется, и выказывалъ себя сдержаннымъ, постепенно и осторожно увеличивая размѣръ заказовъ, чтобы потомъ, попавъ въ крупную ликвидацію, ловко исчезнуть. Но какъ можно обнаружить недовѣріе къ такому прелестному чловѣку, съумѣвшему втереться въ дружбу? Какъ усомниться въ его состоятельности, когда онъ постоянно веселъ, всегда, по-видимому, при деньгахъ и выказываетъ столько элегантности, необходимой, какъ форменная одежда, при биржевомъ грабежѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ, очень милый, очень умный чловѣкъ, — подтвердилъ Саккаръ, ктоорому неожиданно пришло

въ голову обратиться къ Сабатани, если ему понадобится ловкій сообщникъ, молчаливый и безъ предрасудковъ.

— Ну, прощайте!—сказалъ онъ, вставая. — Когда наши акціи будутъ готовы, я повидаюсь съ вами, прежде чѣмъ хлопотать о допущеніи ихъ къ котировкѣ.

Пожимая ему руку на порогѣ кабинета, Мазо повторилъ еще разъ:

— Право, напрасно вы не хотите обратиться къ Гундерману насчетъ синдиката.

— Ни за что!—съ гнѣвомъ повторилъ Аристидъ.

При выходѣ, онъ увидаль передъ форточкой кассы Мозера и Пильро: первый, съ плачевнымъ видомъ, клалъ въ карманъ свой барышъ за двѣ недѣли — семь или восемь билетовъ въ тысячу франковъ, а второй, бывший въ проигрышѣ, выплачивалъ около десяти тысячъ, весело болтая, съ привѣтливой, сіяющей фізіономіей, точно послѣ побѣды. Часъ завтрака и открытія биржи приближался; маклерская контора должна была отчасти опустѣть; дверь въ ликвидационное отдѣленіе распахнулась и оттуда слышались взрывы смѣха. Густавъ рассказывалъ Флѣри приключеніе во время катанья на лодкѣ, когда ихъ дама, сидѣвшая на рулѣ, свалившись въ Сену, растеряла даже свои чулки.

На улицѣ Саккаръ взглянулъ на часы. Уже одиннадцать; сколько потеряннаго времени! Нѣтъ, онъ не пойдетъ къ Дегремону и, хотя его бѣсило уже одно имя Гундермана, ему вдругъ пришло въ голову повидаться съ нимъ. Вѣдь онъ предупредилъ его о своемъ посѣщеніи у Шампо, объявляя о своемъ проэктѣ, въ отвѣтъ на обидную насмѣшку. Саккаръ даже извинялъ себя тѣмъ, что онъ не имѣетъ въ виду извлечь никакой пользы изъ этого визита, а хочетъ только подразнить противника, показать свою силу надъ человѣкомъ, который позволялъ себѣ обращаться съ нимъ, какъ съ мальчишкой. Разразился новый ливень, хлеставшій по мостовой, точно на камни опрокидывали цѣлые ушаты воды; Аристидъ вскочилъ въ первый попавшійся фіакръ и приказалъ вести себя въ улицу Провансъ.

Гундерманъ занималъ громаднй отель, гдѣ, однако, едва хватало мѣста для его многочисленной семьи. У него было пять дочерей и четыре сына; изъ нихъ три дочери были уже

замужемъ; трое сыновей женаты, и отъ нихъ старикъ имѣлъ четырнадцать человѣкъ внучатъ. Когда все это поколѣніе сходилось за обѣдомъ, то, считая дѣда и бабушку, за столъ усаживалась компанія въ тридцать одинъ человѣкъ. Только двое зятьевъ не жили у тестя, всѣ же остальные члены семьи имѣли здѣсь отдѣльныя квартиры въ правомъ и лѣвомъ флигеляхъ зданія, выходившихъ въ садъ; весь центральный корпусъ отеля былъ занятъ обширными отдѣленіями банкирской конторы. Менѣе чѣмъ въ столѣтіе, чудовищное богатство, доходившее до мильярда, родилось, выросло, полилось черезъ край въ этой семьѣ, приобрѣтенное какъ путемъ сбереженій, такъ и при помощи благоприятныхъ обстоятельствъ. Здѣсь было какое-то предопредѣленіе, которому способствовали и живой умъ, и упрямая настойчивость въ трудѣ, и осторожныя, непобѣдимыя усилія, направленные постоянно къ одной и той же цѣли. Теперь всѣ золотыя рѣки текли въ это море, миллионы исчезали въ гундермановскихъ миллионахъ, общественныя богатства поглощались, какъ бездной, этимъ богатствомъ одного человѣка, постоянно возрастающимъ. И Гундерманъ былъ настоящимъ господиномъ, всемогущимъ владыкой Парижа и цѣлаго свѣта, внушавшимъ къ себѣ страхъ и повиновеніе.

Поднимаясь по широкой каменной лѣстницѣ со стертymi ступенями отъ постоянной ходьбы несмѣтнаго числа народа, болѣе стертymi, чѣмъ пороги старинныхъ храмовъ, Саккаръ чувствовалъ, какъ въ немъ закипаетъ непримиримая ненависть. Ахъ, проклятый еврей!

Онъ терпѣть не могъ евреевъ, питая къ нимъ инстинктивное отвращеніе, особенно свойственное жителямъ южной Франціи. Въ этомъ чувствѣ было что-то органическое, точно самое тѣло Саккара возмущалось противъ нечистаго племени; при одной мысли о малѣйшемъ прикосновеніи къ еврею, у него по кожѣ пробѣгала неприятная дрожь; отвращеніе и гнѣвъ душили его и онъ не могъ преодолѣть себя никакими доводами благоразумія. Удивительнѣе всего было то, что Саккаръ, беззащѣтный аферистъ, крупный мошенникъ, безсовѣстный, изолгавшійся плутъ, забывалъ о собственныхъ подвигахъ, едва заходила рѣчь о евреяхъ. Онъ тотчасъ начиналъ громить ихъ, вскипалъ благороднымъ негодованіемъ честнаго человѣка, жи-

вущаго трудомъ своихъ рукъ и чуждаго всякому неправедному стяжанію. Онъ пускался въ перечисленіе пороковъ еврейской расы, отверженной Богомъ, не имѣющей болѣе ни отечества, ни царя, живущей паразитомъ посреди другихъ народовъ, наружно повинующейся закону, а на дѣлѣ не признающей ничего, кромѣ своего бога грабежа, крови и ярости. Саккаръ выставлялъ еврея исполнителемъ кровожадной миссіи, опредѣленной ему этимъ богомъ, миссіи поселяться въ средѣ каждаго народа по примѣру паука въ центрѣ своей паутины, чтобъ подстерегать добычу, высасывать изъ нея кровь, питаться чужими соками и жирѣть на счетъ жизни другихъ. Видѣлъ ли ктонибудь еврея, живущаго работой? Развѣ есть еврей-крестьяне, еврей-ремесленники? Нѣтъ, они считаютъ работу безчестьемъ; ихъ религія почти запрещаетъ ее, превознося только эксплуатацію чужаго труда. Ахъ, негодяи! Саккаръ тѣмъ болѣе ожесточился противъ евреевъ, что они внушали ему удивленіе и зависть своей изумительной способностью къ финансовымъ оборотамъ, тѣмъ врожденнымъ пониманіемъ цифръ, тѣмъ естественнымъ умѣньемъ ориентироваться въ самыхъ сложныхъ операціяхъ, тѣмъ чутьемъ и необыкновеннымъ счастьемъ, которыя служатъ порукой успѣха во всемъ, за что бы они ни принялись. Въ этой воровской игрѣ, — говорилъ онъ, — христіане всегда пасуютъ; они вѣчно кончаютъ проваломъ; но возьмите вы любаго еврея, не знающаго даже бухгалтеріи, киньте его въ мутную воду какойнибудь мошеннической аферы и онъ непременно вышлыветъ да еще унесетъ на своей спинѣ всѣ барыши. Это ужъ особенный племенной даръ, завидное свойство, которое поддерживаетъ евреевъ, въ то время какъ другія національности нарождаются и исчезаютъ съ лица земли. И Саккаръ со злостью предсказывалъ, что евреи побѣдятъ, наконецъ, всѣ народы, завладѣвъ всѣмъ золотомъ на земномъ шарѣ, причемъ это должно случиться скоро, такъ какъ имъ позволяютъ съ каждымъ днемъ расширять свое господство. Гундерманъ служилъ тому яркимъ примѣромъ; его власть въ Парижѣ была прочнѣе императорской и онъ пользовался даже большимъ почетомъ.

Наверху лѣстницы, при входѣ въ обширную переднюю, Саккаръ невольнo подался назадъ, увидавъ, что она полна биржевыми агентами, просителями, мужчинами, женщинами,

цѣлой толпой народу. Агенты въ особенности старались протѣсниться впередъ; каждый хотѣлъ войти первымъ, въ тщетной надеждѣ, что ему дадутъ порученіе, такъ какъ у великаго банкира были свои собственные люди на биржѣ, но уже одинъ тотъ фактъ, что они приняты у Гундермана, дѣлалъ имъ большую честь, которой всякій спѣшилъ похвастаться. Зато въ передней никого и не задерживали. Двое молодыхъ конторщиковъ только и дѣлали, что устанавливали посѣтителей гуськомъ и эта вереница тянулась непрерывной цѣпью, туда и обратно, настоящій галопъ черезъ цѣлый рядъ ежеминутно хлопавшихъ дверей. Не смотря на стеченіе публики, Саккаръ почти тотчасъ попалъ въ пріемную, увлекаемый общей волною.

Кабинетъ Гундермана помѣщался въ громадной комнатѣ, гдѣ самъ хозяинъ занималъ только небольшой уголокъ въ глубинѣ, у послѣдняго окошка. Возсѣдая за простымъ письменнымъ столомъ чернаго дерева, онъ повертывался спиной къ свѣту, чтобы его лицо оставалось въ тѣни. Банкиръ имѣлъ обыкновеніе вставать съ пяти часовъ и прилежно работалъ, пока Парижъ наслаждался сномъ; въ девять часовъ, когда раззадоренные аппетиты поднимали толкотню въ его передней и галопировали мимо короля золота, его дневная работа была уже окончена. Посрединѣ кабинета, за болѣе обширными письменными столами ему помогали двое сыновей и одинъ изъ зятьевъ, впрочемъ, рѣдко оставаясь на мѣстѣ, а большею частью суетясь между цѣлой аравой то приходившихъ, то уходившихъ конторщиковъ. Но ихъ дѣятельность касалась только домашней службы въ собственномъ банкѣ. Улица, проходившая черезъ всѣ кабинеты, направлялась къ самому хозяину, въ его скромной уголокъ. Цѣлыми часами, до самаго завтрака, длился этотъ пріемъ. Гундерманъ, съ безстрастнымъ и сумрачнымъ видомъ, принималъ посѣтителей, часто ограничиваясь какимъ нибудь знакомъ, иногда словомъ, если хотѣлъ показать особенную любезность.

При видѣ Саккара, по его лицу промелькнула чуть замѣтная лукавая усмѣшка.

— Ахъ, это вы, мой добрый другъ... Посидите немного, если вамъ нужно со мной поговорить. Я сейчасъ къ вашимъ услугамъ.

Вслѣдъ за тѣмъ банкиръ прикинулся, будто бы забылъ о

немъ. Впрочемъ, Саккаръ не спѣшилъ, заинтересованный вереницей биржевыхъ агентовъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ по пятамъ. Каждый изъ нихъ отвѣшивалъ низкій поклонъ, вынималъ изъ кармана безукоризненнаго сюртука одинаковую карточку, свой курсовой листокъ съ обозначеніемъ биржевыхъ курсовъ, и подавалъ ихъ Гундерману съ одинаковымъ заискивающимъ, почтительнымъ жестомъ. Вотъ ихъ прошло уже цѣлыхъ десять, наконецъ—двадцать. Банкиръ у каждого бралъ карточку, заглядывалъ въ нее и отдавалъ обратно. Ничто не могло сравниться съ его неистощимымъ терпѣніемъ, развѣ только его равнодушіе подъ этимъ градомъ предложеній.

Но вотъ показался Массіасъ со своимъ веселымъ и безпокойнымъ видомъ побитой, добродушной собаки. Иногда его принимали здѣсь до того неблагосклонно, что онъ былъ готовъ заплакать. Въ этотъ день, вѣроятно, бѣдняга не могъ вынести своего униженія, потому что вдругъ позволилъ себѣ выказать неожиданную настойчивость.

— Обратите вниманіе, милостивый государь! Бумаги общества для заклада движимыхъ имуществъ стоятъ необыкновенно низко... Сколько вы прикажете купить ихъ для васъ?

Гундерманъ, не взявъ курсоваго листка, поднялъ свои сѣро-зеленые глаза на молодого человѣка, осмѣливагося разсуждать съ нимъ такъ фамиллярно, и грубо замѣтилъ:

— Неужели вы полагаете, мой другъ, что мнѣ доставляютъ удовольствіе ваши посѣщенія?

— Ахъ, Боже мой, да вѣдь и мнѣ нѣтъ никакой радости приходить къ вамъ каждое утро, вотъ уже цѣлыхъ три мѣсяца, безо всякаго толку.

— Ну, такъ можете не приходить.

Биржевой агентъ поклонился и ушелъ, обмѣнявшись съ Саккаромъ сердитымъ и отчаяннымъ взглядомъ неопытнаго юнца, которому вдругъ стало ясно, что онъ никогда не наживетъ себѣ богатства.

Между тѣмъ Саккаръ невольно спрашивалъ себя, какая польза Гундерману принимать всѣхъ этихъ людей. Очевидно, онъ обладалъ спеціальной способностью сосредоточиваться: онъ углублялся въ себя, не переставалъ думать среди этой сумятицы, не считая того, что тутъ требовалось соблюденіе дисциплины, особый навыкъ каждое утро производить смотръ

этого рынка, гдѣ банкиръ всегда умѣлъ выручить для себя какойнибудь барышъ, хотя бы самый незначительный. Такъ, онъ довольно рѣзко оборвалъ одного маклера кулисы, которому далъ наканунѣ порученіе, причемъ тотъ хотѣлъ об- считать его на восемьдесятъ франковъ. Потомъ пришелъ торговецъ рѣдкостями, предлагая купить у него золотую съ эмалью коробочку прошлаго столѣтія. Зоркій глазъ Гундермана тотчасъ увидалъ, что эта вещь частью передѣлана. Вслѣдъ за нимъ явились двѣ дамы, одна старая, съ совинымъ носомъ, другая молоденькая брюнетка, замѣчательно красивая. Онѣ продавали комодъ въ стилѣ Людовика XV и приглашали покупателя для осмотра къ себѣ на квартиру. Гундерманъ отказалъ имъ наотрѣзъ. Пришелъ еще брильянтикъ съ рѣдкими рубинами, двое изобрѣтателей, англичане, нѣмцы, итальянцы, — однимъ словомъ, представители и представительницы всѣхъ націй. А вереница вольныхъ агентовъ биржи опять таки тянулась своимъ чередомъ, прерывая другіе визиты, затягиваясь безъ конца, воспроизводя тотъ же механическій жестъ при подачѣ курсоваго листка. Волна служащихъ въ собственномъ банкѣ прилиwała тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе подходилъ часъ открытія биржи. Конторщики все въ большемъ числѣ являлись въ кабинетъ, кто съ депешами, кто съ бумагами для подписи.

Но какъ будто всего этого шуму и суеты было еще недостато чно: въ комнату ворвался мальчикъ лѣтъ пяти, верхомъ на палочкѣ, пронзительно трубившій въ игрушечную трубу; за нимъ вбѣжало еще двое дѣтей: двѣ дѣвчурки, одна лѣтъ трехъ, другая лѣтъ восьми. Ребятишки осадили кресло дѣда, дергали старика за руки, вѣшались ему на шею. Гундерманъ не думалъ ихъ останавливать и самъ цѣловалъ внуковъ съ тою страстною нѣжностью къ семьѣ, которая характеризуетъ еврея, дорожащаго своимъ потомствомъ, всегда готоваго защищать его.

Вдругъ Гундерманъ сдѣлалъ видъ, будто бы только теперь вспомнилъ о Саксарѣ.

— Ахъ, мой добрый другъ, извините бога ради! Видите: у меня нѣтъ свободной минуты... Потрудитесь объяснить мнѣ ваше дѣло.

И онъ сталъ его слушать, но тутъ одинъ изъ служащихъ,

введя въ кабинетъ высокаго господина, шепнулъ на ухо патрону фамилію посѣтителя. Старикъ тотчасъ всталъ, впрочемъ безъ торопливости, и, пригласивъ вошедшаго отойти въ стону, къ другому окну, принялся съ нимъ бесѣдовать, между тѣмъ какъ одинъ изъ его сыновей продолжалъ принимать вмѣсто отца вольныхъ биржевыхъ агентовъ и участниковъ кулисы.

Не смотря на подавленное чувство досады, Саккаръ невольно сталъ проникаться уваженіемъ къ королю банкировъ. Въ бѣлокуроемъ господинѣ онъ узналъ представителя одной изъ великихъ державъ, неприступнаго въ Тюльери, а здѣсь стоявшаго передъ хозяиномъ, слегка опустивъ голову, съ заискивающей улыбкой просителя. Другой разъ и высшимъ должностнымъ лицамъ, и министрамъ императора приходилось встрѣчать здѣсь такой же пріемъ; ихъ даже не просили сѣсть въ этой комнатѣ, открытой для всѣхъ, точно городская площадь, да еще вдобавокъ наполняемой дѣтскимъ крикомъ и возней. Здѣсь-то и обнаруживалось всемірное могущество этого человѣка, имѣвшаго собственныхъ посланниковъ при каждомъ дворѣ, собственныхъ консуловъ во всѣхъ провинціяхъ, свои агентства во всѣхъ городахъ и свои корабли на каждомъ морѣ Гундерманъ вовсе не былъ спекуляторомъ, искателемъ приключеній, распоряжающимся чужими милціонами, мечтающимъ, по примѣру Саккара, о геройскихъ битвахъ, гдѣ онъ долженъ побѣдить, получивъ для себя колоссальную добычу съ помощью мелкихъ вкладовъ, находящихся у него на храненіи; нѣтъ, Гундерманъ былъ, — какъ добродушно выражался о самомъ себѣ, — простымъ торговцемъ деньгами, но самымъ искуснымъ, самымъ старательнымъ, какого только можно себѣ представить. Только для упроченія своего могущества ему было необходимо подчинить себѣ биржу; поэтому при каждой ликвидаціи происходила новая битва, гдѣ побѣда неукоснительно оставалась на его сторонѣ, благодаря хорошо вооруженнымъ крупнымъ военнымъ силамъ. Одну минуту Саккаръ, смотрѣвшій на короля банкировъ, — былъ подавленъ мыслью, что всѣ эти деньги, которыми онъ ворочалъ, неотъемлемо принадлежали ему, что у него въ погребахъ лежалъ неистощимый запасъ товара и онъ торговалъ имъ, какъ хитрый, осторожный купецъ, какъ полновластный хозяинъ, которому повиновались

съ одного взгляда, который хотѣлъ все видѣть, все слышать и все дѣлать самъ. Собственный, неотъемлемый миллиардъ, которымъ можно такъ распоряжаться, дѣйствительно представляеть несокрушимую силу.

— Здѣсь намъ не дадутъ ни минуты покоя, мой добрый другъ,—сказаль ему Гундерманъ, возвращаясь на прежнее мѣсто.—Пойдемте ко мнѣ въ столовую, я сейчасъ буду завтракать. Можетъ быть, насъ тамъ не потревожатъ.

Они прошли въ малую столовую отеля, гдѣ семья Гундермана не сходилась въ полномъ составѣ. Сегодня здѣсь собралось всего девятнадцать душъ, въ числѣ которыхъ было восемь дѣтей. Хозяинъ помѣстился посрединѣ и передъ нимъ поставили только большую чашку молока.

Онъ посидѣлъ съ минуту, закрывъ глаза, измученный до изнеможенія; его блѣдное лицо морщилось отъ боли; старикъ страдалъ болѣзнию печени и почекъ. Потомъ, когда онъ поднесъ дрожащими руками чашку къ губамъ и отпилъ нѣсколько глотковъ, у него вырвался тяжелый вздохъ.

— Совсѣмъ измаялся сегодня!—произнесъ банкиръ.

— Но отчего же вы не отдохнете?—спросилъ Саккаръ.

Гундерманъ съ удивленіемъ взглянулъ на него и отвѣчалъ самымъ наивнымъ тономъ:

— Отдыхать! Да развѣ это можно?

Въ самомъ дѣлѣ, ему даже не дали выпить безъ помѣхи его молоко, потому что, съ новымъ наплывомъ биржевыхъ агентовъ, ихъ безконечная вереница потянулась теперь въ столовую. Семья Гундермана: мужчины, дамы, привычные къ этой толкотнѣ, продолжали завтракать, какъ ни въ чемъ не бывало; они съ аппетитомъ уничтожали холодное жаркое, пирожное, хохотали, между тѣмъ какъ дѣти, расхोдившись отъ полурюмки выпитаго ими неразбавленнаго вина, поднимали оглушительный гамъ.

Саккаръ, не спускавшій взгляда съ хозяина, удивлялся про себя, видя, какъ онъ пилъ медленными глотками свое молоко съ такимъ усиліемъ, какъ будто ему никогда не допить своей порціи. Доктора предписали ему строгую молочную діету и старикъ не смѣлъ прикосаться ни къ мясу, ни къ пирогамъ. Ну, стоитъ ли послѣ этого обладать миллиардомъ! Женщины также не предъщали его: въ теченіе сорока лѣтъ онъ

оставался неизмѣнно вѣрнымъ своей женѣ, а теперь ему по-неволя приходилось отказываться отъ наслажденій; они были уже окончательно недоступны для него, и притомъ навсегда. Но въ такомъ случаѣ ради чего же подниматься съ пяти часовъ утра, отдавать всѣ силы ужасному ремеслу, работать до изнеможенія, вести каторжную жизнь, какой не пожелалъ бы послѣдній лохмотникъ, ходить съ головой, вѣчно набитой цифрами, чувствуя, что вашъ черепъ готовъ лопнуть отъ всевозможныхъ заботъ? Къ чему прибавлять это бесполезное золото къ прежнимъ неистощимымъ запасамъ, когда не можешь купить и съѣсть на улицѣ какого нибудь фунта вишенъ, пригласить встрѣчную хорошенькую дѣвушку съ собой въ загородный ресторанъ, насладиться всѣмъ, что продается, побаловать себя лѣнью и свободой? И Саккаръ, который, при своихъ неутолимыхъ вождедѣніяхъ къ житейскимъ благамъ, также по своему любилъ деньги, ради ихъ самихъ, ради доставляемаго ими могущества, почувствовалъ священный трепетъ при видѣ этой характерной фигуры не классическаго скупца, накапливающего деньги, а безупречнаго работника, безо всякихъ плотскихъ желаній, ставшаго человѣкомъ какъ будто не отъ міра сего въ своей страдальческой старости, но продолжавшаго, однако, упрямо возводить свою башню изъ милліоновъ, лелѣя единственную мечту—оставить колоссальное состояніе наслѣдникамъ, чтобъ они увеличивали его еще болѣе, до тѣхъ поръ пока оно покорить себѣ землю.

Наконецъ, Гундерманъ подставилъ ухо Саккару, и тотъ принялся излагать ему вполголоса свое дѣло объ открытіи Всемирнаго Банка. Сначала посѣтитель не пускался въ подробности, только намекая на проэскты, спавшіе въ портфель Гамдена; онъ понялъ съ первыхъ же словъ, что банкиру хочется вывѣдать у него всѣ секреты, чтобы впоследствии подставить ему ножку.

— Опять новый банкъ, мой добрый другъ, опять новый банкъ!—отвѣчалъ ему Гундерманъ со своимъ лукавымъ видомъ.— Ну, ужъ еслибъ я рѣшилъ ссудить кому нибудь денегъ, такъ это на устройство новой гильотины, съ тѣмъ чтобъ казнить всѣ эти возникающіе банки... Какъ вы полагаете? Придумать бы вотъ такіе грабли для очистки биржи? Что, у вашего инженера нѣтъ еще такого изобрѣтенія въ его бумагахъ.

Потомъ, впадая въ отеческій тонъ, Гундерманъ прибавилъ съ невозмутимой жестокостью:

— Послушайте, образумьтесь, вспомните, что я вамъ ска- залъ... Вы совсѣмъ не должны приниматься опять за спеку- ляціи, и я дѣлаю вамъ истинную услугу, отказываясь отъ уча- стія въ вашемъ синдикатѣ... Вы непременно провалитесь: это математически вѣрно, потому что вы черезчуръ страстны, у васъ слишкомъ пылкое воображеніе; потомъ, это всегда плохо кончается, если спекулирують чужими деньгами!.. Почему бы вашему брату не найти вамъ хорошенькаго мѣстечка, а? На- примѣръ, дать вамъ префектуру или сдѣлать васъ сборщикомъ казенныхъ доходовъ; впрочемъ, нѣтъ, послѣднее тоже опасно... Будьте осторожны, будьте осторожны, мой добрый другъ!

Саккаръ поднялся, весь дрожа.

— Такъ дѣло это рѣшеное: вы не возьмете акцій и не хотите прикнуть къ нашему предпріятію?

— Прикнуть къ вамъ? Да никогда въ жизни!... Не прой- деть и трехъ лѣтъ, какъ васъ скушаютъ безъ остатка.

Наступила пауза, грозная, зловѣщая, во время которой про- тивники мѣрили другъ друга подозрительными взглядами.

— Въ такомъ случаѣ, до свиданья!... Я не успѣлъ по- завтракать и ужасно голоденъ. Еще посмотримъ, кто кого съѣсть!

И Саккаръ оставилъ Гундермана посреди его табора, шумно кончавшаго набивать свои желудки лакомыми блюдами. Хозяинъ принималъ послѣднихъ маклеровъ, закрывая по временамъ глаза отъ утомленія и допивая по маленькимъ глоткамъ свою чашку, бѣлыми отъ молока губами.

Аристидъ вскочилъ въ фіакръ, приказывая везти себя въ улицу Сень-Лазаръ. Былъ уже часъ дня; шутка ли, цѣлый день потерянь! Онъ ѣхалъ домой позавтракать, совсѣмъ взбѣ- шенный. Ахъ, этотъ отвратительный жидъ! Вотъ кого бы онъ съ наслажденіемъ разгрызъ пополамъ, какъ собака раз- грызаетъ кость. Конечно, это кусокъ слишкомъ большой и страшный, чтобъ его съѣсть. Но какъ знать? Самыя большія государства рушились; рано или поздно, но всегда наступаетъ часъ, когда приходитъ конецъ могуществу. Если ужъ не сразу съѣсть Гундермана, такъ хоть сначала въ него вцѣ- питься, вырвать нѣсколько клочковъ изъ его миллиарда, а

потомъ и съѣсть. Почему же нѣтъ? Уничтожить, въ лицѣ ихъ безспорнаго властелина, всѣхъ этихъ евреевъ, считавшихъ себя вершителями человѣческихъ судьбъ! И эти размышленія, этотъ гнѣвъ, разыгравшійся въ немъ у Гундермана, поднимали въ душѣ Саккара необузданное рвеніе, потребность броситься въ водоворотъ финансовыхъ операцій, добиться немедленнаго успѣха: ему хотѣлось бы однимъ мановеніемъ руки воздвигнуть свой проэктированный банкъ, пустить его въ ходъ, заставить восторжествовать, раздавить всѣ другіе банки. Вдругъ онъ вспомнилъ о Дегремонѣ; не размышляя, однимъ неудержимымъ движеніемъ высунулся изъ окна фіакра и крикнулъ кучеру повернуть въ улицу Ларошфуко. Если онъ хотѣлъ застать Дегремона, ему слѣдовало торопиться и отложить свой завтракъ, такъ какъ знаменитый спекуляторъ постоянно выходилъ изъ дому около часу. Безъ сомнѣнія, этотъ христіанинъ стоилъ двоихъ евреевъ и буквально пожиралъ возникающія предпріятія, которыя ему довѣряли. Но въ эту минуту Саккаръ былъ готовъ вступить въ союзъ съ самимъ Каргушемъ, только бы одержать побѣду даже подъ условіемъ дѣлажа. Потому обстоятельства выяснятся, и онъ успѣетъ взять перевѣсъ.

Тѣмъ временемъ фіакръ, съ трудомъ поднимавшійся въ гору, остановился передъ высокими монументальными воротами одного изъ послѣднихъ уцѣлѣвшихъ большихъ отелей этого квартала, гдѣ были прежде замѣчательно красивыя зданія. Главный корпусъ въ глубинѣ обширнаго мощенаго двора отличался царственнымъ величіемъ, а садъ при домѣ, съ сохранившимися вѣковыми деревьями, представлялъ настоящій паркъ, изолированный отъ шумныхъ улицъ. ОТЕЛЬ Дегремона славился въ Парижѣ своими роскошными праздниками и въ особенности великолѣпной картинной галереей, которую считалъ непремѣннымъ долгомъ посѣтить каждый августѣйшій путешественникъ. Женатый на особѣ, знаменитой своей красотой, какъ и его картины, и пользовавшейся громкимъ успѣхомъ въ свѣтѣ въ качествѣ пѣвицы, хозяинъ дома жилъ съ княжескою пышностью, гордился своей конюшнею скаковыхъ лошадей не меньше своей галереи, состоялъ членомъ одного изъ важныхъ клубовъ, показывался со звѣздами полу-свѣта высшей марки, имѣлъ ложу въ оперѣ, стулъ въ отелѣ

Друо и скамейку въ модныхъ увеселительныхъ мѣстахъ несовсѣмъ скромнаго характера. И вся эта широкая жизнь, эта роскошь, сіяющая въ апопееозѣ каприза и искусства, оплачивалась единственно спекуляціей, вѣчно колеблющимся богатствомъ; оно казалось безграничнымъ, какъ море, но имѣло свой приливъ и отливъ, колебанія на двѣсти и триста тысячъ франковъ при каждой двухнедѣльной ликвидаціи.

Когда Саккаръ поднялся на крыльцо внушительнаго вида, лакей доложилъ о немъ и провелъ его по тремъ гостиннымъ, загроможденнымъ рѣдкостями, до уютной курительной комнаты, гдѣ Дегремонъ докуривалъ свою сигару передъ выходомъ изъ дому. Хозяинъ, сорокапятилѣтній мужчина, еще боролся съ тучностью зрѣлаго возраста; онъ былъ высокаго роста, очень элегантнѣй, тщательно причесанный, съ одними усами и эспаньолкой, въ качествѣ фанатическаго поклонника Тюльери. Онъ прикидывался крайне любезнымъ со всѣми, непоколебимо увѣренный въ себѣ, заранѣе зная, что побѣда останется на его сторонѣ.

При видѣ посѣтителя, хозяинъ тотчасъ бросился къ нему.

— Ахъ, милѣйшій! Ну, какъ поживаете? Я еще недавно вспоминалъ о васъ... Да вѣдь мы, кажется, сосѣди?

Однако онъ умолкъ, воздержавшись отъ дальнѣйшихъ изліяній, которыя преберегалъ для заурядныхъ людей, для стада, послѣ того какъ Аристидъ Саккаръ, находя лишнимъ всякія разглагольствованія, прямо приступилъ къ цѣли своего прихода. Изложивъ обширный планъ своего предпріятія, онъ объяснилъ, что, прежде основанія Всемирнаго Банка съ капиталомъ въ двадцать пять миліоновъ, намѣренъ составить синдикатъ изъ своихъ друзей: банкировъ, промышленниковъ, которые заранѣе обезпечили бы успѣхъ для выпуска акцій, причемъ обязывается пріобрѣсти изъ нихъ четыре пятыхъ всего количества, т. е. по меньшей мѣрѣ сорокъ тысячъ. Дегремонъ тотчасъ сдѣлался серьезенъ; онъ слушалъ и смотрѣлъ на посѣтителя, какъ будто стараясь проникнуть въ самые откровенныя тайники его души, чтобы узнать, какую пользу для себя самого можетъ онъ извлечь изъ этого челоуѣка, извѣстнаго ему своей неутомимой дѣятельностью, своими необыкновенными качествами, своей запальчивой страстностью, когда его жи-

рала лихорадка наживы. Сначала Дегремонъ, впрочемъ, колебался.

— Нѣтъ, ужъ вы меня извините: я и то заваленъ дѣлами по горло; мнѣ нѣтъ расчета затѣвать что нибудь еще.

Но потомъ, соблазвившись перспективой новыхъ барышей, онъ захотѣлъ познакомиться съ предпріятіями, ради которыхъ основывалось новое кредитное общество; однако Аристидъ касался своихъ плановъ очень осторожно. Между тѣмъ, узнавъ о первомъ прозктѣ Саккара и Гамлена: о сляніи въ одно товарищество всѣхъ пароходныхъ обществъ на Средиземномъ морѣ, подъ названіемъ главной компаніи соединенныхъ пакетботовъ, Дегремонъ, казалось, былъ пораженъ и сдѣлался сговорчивымъ.

— Ну, такъ и быть: я примкну къ вашему синдикату. Только на одномъ условіи... Въ какихъ вы отношеніяхъ со своимъ братомъ, министромъ?

Удивленный Саккаръ откровенно обнаружилъ свои настоящія чувства къ Ругону.

— Съ моимъ братомъ?.. Да, видите ли, онъ самъ по себѣ, а я самъ по себѣ. Евгенийъ никогда не отличался братскимъ расположеніемъ.

— Тѣмъ хуже, — отрѣзалъ Дегремонъ. — Я не перейду на вашу сторону, если не сдѣлаетъ того же вашъ братъ. Поймите, я не желаю, чтобъ вы были въ ссорѣ.

У Саккара вырвался жестъ гнѣвнаго нетерпѣнія. На что имъ нуженъ Ругонъ? Развѣ это не значить надѣтъ на себя цѣпи, лѣзть въ петлю, связать себя по рукамъ и по ногамъ, начать заискивать въ немъ? Но вмѣстѣ съ тѣмъ голосъ благоразумія, заглушавшій самый гнѣвъ, подсказывалъ Саккару, что необходимо заручиться хотя нейтралитетомъ великаго человѣка. Тѣмъ не менѣе онъ грубо отказался идти къ нему.

— Нѣтъ, ни за что! Онъ всегда былъ такой свиньей со мною! Нѣтъ, я не сдѣлаю перваго шага.

— Послушайте, — возразилъ Дегремонъ, — я жду Гюре къ пяти часамъ; онъ придетъ по одному порученію... Отправляйтесь-ка скорѣе въ законодательный корпусъ, отведите Гюре въ уголокъ, расскажите ему свое дѣло, а онъ тотчасъ переговоритъ объ немъ съ Ругономъ, узнаетъ мнѣніе министра и

мы получимъ отъ него отвѣтъ въ пять часовъ... Пріѣзжайте и вы сюда къ тому же времени.

Саккаръ размышлялъ, потупивъ голову.

— Боже мой, если для васъ это такъ важно!

— О, непременно! Безъ Ругона—ничего; съ Ругономъ все, что вамъ угодно.

— Хорошо, я ѣду.

Онъ повернулся уходить послѣ крѣпкаго рукопожатія, когда хозяинъ снова позвалъ его обратно.

— Вотъ что: если вы увидите, что дѣло налаживается, заѣзжайте на обратномъ пути къ маркизу де-Богенъ и къ Седилю, скажите имъ, что я участвую въ вашемъ банкѣ и предложите имъ то же самое... Я желаю, чтобъ они были съ нами.

У воротъ Саккаръ нашель свой фіакръ, хотя ему пришлось только пройти конецъ улицы и завернуть за уголъ, чтобъ быть у себя. Онъ отпустилъ наемный экипажъ, рассчитывая выѣхать на своей лошади, и поспѣшилъ домой къ завтраку. Его уже больше не ждали; кухарка сама подала ему кусокъ холодной говядины, которую онъ наскоро съѣлъ, споря въ то же время съ кучеромъ. Призванный въ комнату кучеръ рассказалъ ему о визитѣ ветеринара, запретившаго тревожить лошадь дня три-четыре. Аристидъ съ набитымъ ртомъ упрекалъ слугу въ нерадѣніи и грозилъ, что мадамъ Каролина подтянетъ его, какъ слѣдуетъ. Наконецъ ему было приказано, по крайней мѣрѣ, сбѣгать за фіакромъ. Жестокій ливень снова хлесталъ на улицѣ; Саккару пришлось ожидать экипажа болѣе четверти часа, и онъ вышелъ садиться въ карету подъ цѣлыми потоками дождя.

— Въ законодательный корпусъ!—крикнулъ онъ возницѣ.

Саккаръ имѣлъ въ виду пріѣхать раньше засѣданія, чтобъ захватить Гюре, когда депутатъ только что явится, и потолковать съ нимъ безъ помѣхи. Къ несчастью, въ тотъ день опасались бурныхъ преній, такъ какъ одинъ изъ членовъ лѣвой долженъ былъ поднять вѣчный мексиканскій вопросъ; Ругону, въ такомъ случаѣ, конечно, придется оппонировать.

Когда Саккаръ входилъ въ „залу потерянныхъ шаговъ“, ему посчастливилось какъ разъ наткнуться на депутата. Онъ утащилъ его въ глубину одной изъ маленькихъ сосѣднихъ

гостинныхъ, гдѣ они очутились одни, благодаря сильному волненію, господствовавшему въ коридорахъ. Оппозиція съ каждымъ днемъ становилась все опаснѣе; чувствовалось вѣяніе катастрофы, угрожавшей усилиться, перейти въ ураганъ и все унести съ собою. Поэтому Гюре, озабоченный предстоящимъ засѣданіемъ, сначала не понялъ Саккара и заставлялъ повторять себѣ два раза то, чего отъ него требовали. Но чѣмъ больше онъ старался вникнуть въ слова собесѣдника, тѣмъ дѣлался разсѣяннѣе.

— Ахъ, милѣйшій, подумайте только! ну, какъ я заговорю съ Ругономъ въ такой моментъ? онъ прогонитъ меня, вотъ увидите!

Затѣмъ въ его рѣчахъ проглянуло безпокойство за свою собственную шкуру. Онъ держался только благодаря великому человѣку, которому былъ обязанъ своей официальной кандидатурой, своимъ избраніемъ, своимъ положеніемъ креатуры на всѣ руки, однимъ словомъ, Гюре существовалъ только крохами благоволенія своего покровителя. Этимъ ремесломъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, благодаря магарычамъ и осторожнымъ взяткамъ, поднятымъ подъ столомъ, онъ округлялъ свои обширныя земли въ Кальвадосѣ, намѣреваясь удалиться на родину и жить тамъ припѣваючи, если наступитъ неблагоприятный переворотъ. Его толстое лицо мужика „себѣ на умѣ“ омрачилось, выражая замѣшательство, въ которое повергла депутата эта неожиданная просьба о посредничествѣ. Ему даже не давали времени сообразить, чѣмъ онъ тутъ рискуеть самъ и чѣмъ можетъ воспользоваться.

— Нѣтъ, нѣтъ! Никакъ не могу... — заупрямился онъ сначала. — Вѣдь я передалъ вамъ волю вашего брата и не посмѣю безпокоить его вторично. Подумайте немножко и обо мнѣ, чортъ возьми! Вѣдь г-нъ министръ не очень-то покладливъ, когда ему надоѣдаютъ, да и мнѣ нѣтъ никакой охоты ронять свой кредитъ изъ-за васъ.

Тутъ Саккаръ, хорошо понимая этого человѣка, старался убѣдить его уже другими доводами, выставляя на видъ миліонные барыши, если Всемирному Банку будетъ данъ ходъ. Широкими штрихами принялся онъ описывать великолѣпныя предпріятія, бывшія у него въ проэктѣ и обѣщавшія несомнѣнный колоссальный успѣхъ. Въ такихъ случаяхъ, Аристидъ

увлекался и его пламенное краснорѣчіе превращало денежную аферу въ поэтическую сказку. Дегремонъ, ослѣпленный заманчивой перспективой, будетъ стоять во главѣ синдиката. Боганъ и Седиль просили включить ихъ туда же. Невозможно, чтобъ онъ самъ, Гюре, не былъ съ ними: эти господа непременно желаютъ его участія въ дѣлѣ, въ виду его высокаго политическаго значенія. Надѣются даже, что онъ будетъ согласенъ вступить въ административный совѣтъ, такъ какъ одно его имя послужитъ порукой порядка и честности новаго учрежденія.

Последнее обстоятельство подкупило Гюре, и онъ прямо взглянулъ въ лицо Саккару.

— Чего же вы, наконецъ, отъ меня хотите? Какого отвѣта долженъ я добиться отъ Ругона?

— Боже мой, я охотно бы обошелся безъ моего любезнаго брата; это Дегремонъ непремѣнно настаиваетъ на нашемъ примиреніи. Пожалуй, онъ и правъ... Поэтому, я полагаю, что вамъ слѣдуетъ просто изложить наше дѣло ужасному человѣку и заручиться если не его содѣйствіемъ, то, по крайней мѣрѣ, обѣщаніемъ не вредить намъ.

Гюре, съ полузакрытыми глазами, все еще колебался.

— Слушайте, если вы привезете намъ сегодня только милое словечко—понимаете!—ничего, кромѣ одного милого словечка, Дегремонъ удовольствуется этимъ и мы тотчасъ порѣшимъ между собой втроемъ задуманное мною дѣло.

— Ну, ладно, попытаюсь, — отрѣзалъ вдругъ депутатъ, прикидываясь деревенскимъ простакомъ. — Но если Ругонъ согласится, то единственно для васъ. Онъ вѣдь очень непокладистъ, въ особенности когда „лѣвая“ принимается травить его... Итакъ, до пяти часовъ!

— До пяти... Тогда увидимся.

Саккаръ пробылъ въ законодательномъ корпусѣ еще съ часъ времени, сильно тревожась слухами, ходившими въ публикѣ. Онъ слышалъ, какъ одинъ изъ великихъ ораторовъ оппозиціи сказалъ, что будетъ держать рѣчь. При этомъ извѣстіи Аристидъ чуть не бросился отыскивать Гюре, чтобы сказать ему, не будетъ ли благоразумнѣе отложить до завтра разговоръ съ Ругономъ. Однако, будучи фаталистомъ и вѣря въ счастливыя случайности, онъ побоялся испортить дѣло,

перемѣнивъ однажды принятое рѣшеніе. Можетъ быть, въ суматохѣ, братъ еще скорѣе дастъ свое согласіе. И, чтобы предоставить все судьбѣ, Саккаръ счелъ за лучшее уйти. Онъ опять сѣлъ въ фіакръ, который поворачивалъ уже къ мосту Согласія, какъ вдругъ ему пришло въ голову желаніе, выраженное Дегремономъ.

— Кучеръ, въ Вавилонскую улицу!

Маркизь де-Богэнъ занималъ въ Вавилонской улицѣ бывшіе флигеля одного большаго отеля, именно павильонъ, гдѣ помѣщался прежде конюшенный персоналъ. Павильонъ этотъ передѣлали въ очень комфортабельный домъ новѣйшаго образца. Помѣщеніе вышло роскошное, отличавшееся кокетливымъ аристократизмомъ. Впрочемъ, маркизь жилъ холостякомъ; его жена никогда не показывалась. Ходили слухи, что она больна и не покидаетъ своей комнаты. Между тѣмъ, и домъ, и меблировка принадлежали ей; де-Богэнъ былъ здѣсь чѣмъ то въ родѣ жильца, не имѣя у себя ничего, кромѣ необходимыхъ вещей: платья, бѣлья и чемодана, который можно было безъ труда перевезти въ фіакръ; у супруговъ произошелъ раздѣлъ имущества, съ тѣхъ поръ какъ маркизь существовалъ исключительно биржевой игрой. Уже при двухъ крахахъ онъ прямо отказался платить убытки и синдикъ, вникнувъ въ дѣло, не счелъ даже нужнымъ послать ему официальную бумагу. Его долгъ просто похерили. Онъ забиралъ себѣ все, что выигрывалъ, а когда былъ въ проигрышѣ, то не платилъ; это знали и мирились съ этимъ. Зато онъ обладалъ громкимъ именемъ, служилъ картиннымъ украшеніемъ административныхъ совѣтовъ. Вотъ почему новыя предпріятія, гоняющіяся за раззолоченной вывѣской, приглашали его нарасхватъ. Де-Богэнъ никогда не оставался за штатомъ. На биржѣ у него былъ свой стулъ со стороны, выходящей къ улицѣ Нотръ Дамъ де-Виктуаръ, гдѣ ютятся богатая спекуляція, дѣлающая видъ, что ее не интересуютъ мелкіе слухи дня. Маркиза почитали и въ особенности часто обращались къ нему за совѣтами. Часто онъ оказывалъ вліяніе на рынокъ. Словомъ, это была крупная персона, хоть куда.

Саккаръ хорошо зналъ Богэна. Но все же на него произвелъ впечатлѣніе въ высшей степени вѣжливый приемъ

этого красиваго, величаваго шестидесятилѣтняго старца, съ маленькой головой на колоссальномъ корпусѣ, съ блѣднымъ лицомъ, обрамленнымъ темными кудрями парика.

— Господинъ маркизь, я являюсь къ вамъ настоящимъ просителемъ.

Онъ сказалъ о цѣли своего прихода, не вдаваясь сначала въ подробности. Кромѣ того, маркизь остановилъ его съ первыхъ же словъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, все мое время занято. Въ настоящую минуту я долженъ отвергнуть, по крайней мѣрѣ, десятокъ предложеній.

Но тутъ Саккаръ прибавилъ, улыбаясь:

— Меня послалъ къ вамъ Дегремонъ. Это было его желаніе.

— Ахъ, съ вами участвуетъ Дегремонъ?.. хорошо, хорошо! Если Дегремонъ принялъ предложеніе, то и я согласенъ... Можете на меня разчитывать.

Аристидъ только что хотѣлъ посвятить его хотя отчасти въ дѣло, къ которому онъ согласился примкнуть, какъ тотъ остановилъ его съ любезной снисходительностью важной особы, которая считаетъ лишнимъ входить въ мелочи, по врожденному благородству довѣря людской честности.

— Прошу васъ, не теряйте словъ... Я не хочу ничего знать. Вамъ нужно мое имя и я ссужаю его съ величайшимъ удовольствіемъ, вотъ и все... Передайте только Дегремону, чтобы онъ устроилъ дѣло, какъ ему заблагоразсудится.

Усаживаясь въ свой фіакръ, повеселѣвшій Саккаръ внутренно смѣялся.

„Бога не обойдется намъ не дешево, — подумалъ онъ, — но что дѣлать! Все таки маркизь—славный человекъ“.

И затѣмъ онъ крикнулъ кучеру:

— Въ улицу Жёнеръ!

Торговый домъ Седиля имѣлъ здѣсь свои магазины и конторы, занимая въ глубинѣ двора весь обширный нижній этажъ. Послѣ двадцати пяти лѣтъ настойчиваго труда, Седиль, уроженецъ Ліона, до сихъ поръ имѣвшій тамъ свои мастерскія, поставилъ свою оптовую торговлю шолковыми издѣліями такъ высоко, что сравнялся съ извѣстнѣйшими и наиболѣе солидными парижскими фирмами, когда имъ овладѣла страсть къ

биржевой игрѣ, разгорѣвшись въ немъ разрушительнымъ, неугосимымъ пожаромъ. Произошло это совершенно случайно. Лионцу посчастливилось нажать на спекуляціяхъ два раза къ ряду крупныя барыши. Удача вскружила ему голову. Къ чему отдавать двадцать пять лѣтъ своей жизни, чтобы приобрести какой нибудь жалкій милліонъ, если его можно нажать въ одинъ часъ на простой биржевой операціи? Съ тѣхъ поръ Седиль сталъ все болѣе и болѣе пренебрегать своей торговлей; его дѣла шли еще пока сами собой, но владѣлецъ торговаго дома жилъ теперь только надеждой на счастливую случайность въ удачномъ ажіотажѣ, которая должна была разомъ обогатить его. Между тѣмъ, ему страшно не везло и биржевая игра поглощала всѣ его барыши, получаемыя съ торговли. Въ этой золотой горячкѣ, хуже всего то, что человѣкъ получаетъ отвращеніе къ честной наживѣ и наконецъ утрачиваетъ даже здравое понятіе о деньгахъ. Конечно, Седиль, зарвавшемуся на биржѣ, грозило разореніе. Если его лионскія мастерскія приносили прибыли по двѣсти тысячъ франковъ, зато игра уносила триста тысячъ.

Саккаръ нашелъ Седиль вполномъ встревоженнымъ; этому игроку не доставало ни хладнокровія, ни размышленія. Жилъ онъ среди угрызений совѣсти, то надѣясь, то падая духомъ, вѣчно страдая отъ неизвѣстности. И все это обуславливалось тѣмъ, что онъ оставался честнымъ въ глубинѣ души. Ликвидация въ концѣ апрѣля принесла ему большіе убытки; однако, жирное лицо Седиль, съ большими бѣлокуроми бакенбардами, покрылось румянцемъ съ первыхъ же словъ Саккара.

— Ахъ, мой милѣйшій, если вы приносите мнѣ счастье, въ такомъ случаѣ—добро пожаловать!

Но вдругъ его охватилъ страхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не искушайте меня понапрасну. Я лучше сдѣлаю, если запрусь ото всѣхъ съ моими полковыми матеріями и не буду нигуда выходить изъ своей конторы.

Желая дать ему время оправиться, гость заговорилъ о сынѣ хозяина, Густавѣ, котораго видѣлъ сегодня у маклера Мазо. Но сынъ служилъ негоціанту новымъ источникомъ огорченія. Отецъ мечталъ избавиться отъ торговли, сдавъ ее на руки Густаву, между тѣмъ юноша презиралъ это занятіе. На умѣ у него были только развлечения да кутежи. Онъ об-

ладалъ бѣлыми зубами всѣхъ наслѣдниковъ, у которыхъ отцы вышли изъ ничего; такіе люди способны только сгрызть состояніе, нажитое другими. Седиль помѣстилъ сына къ Мезо, чтобы видѣть, способенъ ли онъ пойти по финансовой части.

— Со смерти его бѣдной матери, — прошепталъ отецъ, — Густавъ мало радовалъ меня. Но все таки въ конторѣ Мазо онъ можетъ научиться кое-чему, узнать тамъ такія вещи, которыя могутъ принести мнѣ пользу.

— Ну, что же, — рѣзко перебилъ его Саккаръ, — будете ли вы съ нами? Дегремонъ прислалъ меня сказать вамъ, что онъ участвуетъ въ нашемъ предпріятіи.

Седиль воздѣлъ къ небу дрожащія руки.

— Ну, конечно, тогда и я съ вами! — проговорилъ онъ измѣнившимся голосомъ, волнуясь желаніемъ и боязнью. — Вы отлично знаете, что я не могу отстать отъ васъ! Если я откажусь, а ваше дѣло пойдетъ хорошо, я вѣдь, просто, заболѣю съ раскаянья... Скажите Дегремону, что я согласенъ.

Выдя на улицу, Саккаръ вынулъ свои карманные часы и увидалъ, что было уже четыре. Впереди у него оставалось еще достаточно времени; кромѣ того, ему вздумалось пройти и онъ отпустилъ фіакръ, о чемъ пришлось пожалѣть почти тотчасъ, потому что, не успѣвъ дойти до бульвара, онъ былъ застигнутъ новымъ ливнемъ, настоящимъ потокомъ, въ перемежку съ градомъ. Аристидъ опять спрятался подъ ворота. Какая скверная погода какъ разъ въ то время, когда ему нужно объѣздить столько мѣстъ! Съ четверть часа постоялъ онъ такимъ образомъ, наблюдая за потоками дождя. Наконецъ, выдя изъ терпѣнія, Саккаръ позвалъ наемный экипажъ, проѣзжавшій мимо. Это была „викторія“ и какъ онъ ни натягивалъ на колѣни кожаный фартукъ, но все таки пріѣхалъ промокшій въ улицу Ларошфуко, притомъ еще на полчаса раньше назначеннаго срока.

Въ курительной комнатѣ, куда проводилъ его лакей, говоря, что баринъ еще не вернулся, Саккаръ сталъ прохаживаться мелкими шагами, разсматривая картины. Но тутъ въ тишинѣ отеля раздалось пѣніе превосходнаго женскаго голоса, меланхолическаго контральто поразительной глубины и силы; гость подошелъ къ отворенному окну, чтобы послу-

шать. Это хозяйка дома репетировала подъ фортепiano музыкальный отрывокъ, который, вѣроятно, ей предстояло исполнить сегодня въ какой нибудь аристократической гостиной. Приятно убаюканный этой музыкой, Аристидъ вспомнилъ страшныя исторіи прошлаго Дегремона. Вообще о немъ разсказывали удивительныя вещи. Особенно двусмысленной вышла исторія съ „Гадамантиномъ“, этимъ займомъ въ пятьдесятъ милліоновъ, весь фондъ котораго онъ оставилъ у себя дѣликомъ, заставляя своихъ собственныхъ маклеровъ продавать и перепродавать его акціи по пяти разъ до тѣхъ поръ, пока ему удалось создать рынокъ и установить собственную цѣну; когда же началась серьезная продажа, бумаги вскорѣ упали съ трехсотъ до пятнадцати франковъ, — громадные барыши, за которые поплатилось множество наивныхъ, довѣрчивыхъ глупцовъ, разорившихся дотла съ одного разу. Да, онъ былъ уменъ, этотъ страшный человекъ! А голосъ г-жи Дегремонъ по прежнему звучалъ нѣжной жалобой, съ такой трагической полнотою, съ такою страстью! Саккаръ, вернувшись на средину комнаты, остановился передъ одною картиною Мессонье, которую мысленно оцѣнилъ во сто тысячъ франковъ.

Вдругъ кто-то вошелъ и Саккаръ удивился, увидѣвъ Гюре.

— Какъ, уже? Но вѣдь нѣтъ еще пяти часовъ... Развѣ засѣданіе кончилось?

— Кончилось!—Вотъ выдумали!.. Они тамъ еще грызутся.

И онъ объяснилъ, что депутатъ оппозиціи все продолжаетъ говорить, и Ругону, вѣроятно, придется отложить свой отвѣтъ на завтра. Увидавъ, что дѣла приняли такой оборотъ, онъ рискнулъ заговорить съ министромъ во время краткаго перерыва засѣданія, столкнувшись съ нимъ въ дверяхъ.

— Ну, и что же? — съ нервной торопливостью спросилъ Саккаръ.—Что отвѣтилъ вамъ мой знаменитый братецъ?

Гюре немного помедлилъ.

— О, Ругонъ былъ золъ, какъ собака!.. Честное слово, я рассчитывалъ, что ему теперь не до насъ, и потому онъ просто пошлетъ меня къ чорту... Я изложилъ ему ваше дѣло и сказалъ, будто бы вы не хотите ничего предпринимать безъ его одобренія.

— Ну, а онъ?

— Онъ схватилъ меня за руки, тряхнулъ со всей силы и крикнулъ мнѣ въ лицо: „Пускай мой братъ хоть повѣсится!“! послѣ чего повернулся и ушелъ.

Саккаръ, блѣдный отъ бѣшенства, принужденно разсмѣялся.

— Очень мило!

— Недурно!—согласился децутать. Признаюсь, я не ожидалъ такого успѣха... Теперь мы можемъ приступить къ дѣлу.

И, услыхавъ въ сосѣдней гостинной шаги Дегремона, возвратившагося домой, онъ тихо прибавилъ:

— Предоставьте мнѣ дѣйствовать.

Очевидно, Гюре близко принималъ къ сердцу учрежденіе Всемирнаго Банка и желалъ участвовать въ немъ. Конечно, онъ уже успѣлъ сообразить, какую роль можетъ тамъ играть. Поэтому, пожимая руку Дегремону, онъ принялъ самый сіяющій видъ и вскричалъ, размахивая рукою:

— Побѣда! Побѣда!

— А, вотъ какъ!—Разскажите же, что у васъ было.

— Боже мой! Великій человекъ поступилъ, какъ слѣдовало ожидать: Онъ мнѣ отвѣтилъ: „Пускай мой братъ преуспѣваетъ“!

Дегремонъ разомъ повеселѣлъ, размякъ, находя это словцо очаровательнымъ: „Пускай преуспѣваетъ“! Настоящій смыслъ этой фразы былъ таковъ: „Чтобъ онъ не сдѣлалъ какой глупости и не вздумалъ бы провалиться, тогда я махну на него рукою, но, если онъ будетъ имѣть успѣхъ, я его поддержу“. Въ самомъ дѣлѣ, превосходно!

— И мы непременно восторжествуемъ, милѣйшій Саккаръ, будьте покойны... Мы сдѣлаемъ все, что для этого нужно.

Потомъ, когда они всѣ трое усѣлись для обсужденія главныхъ пунктовъ, Дегремонъ поднялся, чтобы запереть окно, такъ какъ голосъ его жены, постепенно усиливаясь, перешелъ теперь въ рыданіе безнадежной тоски, которое мѣшало имъ совѣщаться. Но даже и при запертомъ окнѣ эта подавленная жалоба не давала имъ покою, пока они обсуждали учрежденіе кредитнаго общества, Всемирнаго Банка съ капиталомъ въ двадцать пять миліоновъ, раздѣленнымъ на пятьдесятъ тысячъ акцій по пятисотъ франковъ каждая. Кромѣ того, было условлено

что Дегремонъ, Гюре, Седиль, маркизь де-Богэнъ и нѣкоторые изъ ихъ знакомыхъ составятъ синдикатъ, который заранѣе бралъ и дѣлилъ между собою четыре пятыхъ всего количества акцій, т. е. сорокъ тысячъ, чтобы успѣхъ выпуска былъ обезпеченъ и чтобы впослѣдствіи, удерживая у себя бумаги, сдѣлать ихъ дороже на рынкѣ и поднять до любой цифры. Но дѣло чуть не рушилось, когда Дегремонъ потребовалъ премію въ четыре тысячи франковъ, разверстанную на сорокъ тысячъ акцій, по десяти франковъ на каждую. Саккаръ было возмущился и заявилъ, что неразумно заставить корову мычать, прежде чѣмъ ее выдоить. Всякое начало трудно; къ чему создавать новыя затрудненія! Однако онъ долженъ былъ уступить, такъ какъ Гюре нашель это условіе вполне естественнымъ и замѣтилъ, что всегда такъ дѣлается.

Они разстались, назначивъ сойтись на слѣдующій день; на этомъ свиданіи долженъ былъ присутствовать и Гамленъ; но тутъ Дегремонъ ударилъ себя въ лобъ съ видомъ отчаянія.

— А Кольбъ? я о немъ совсѣмъ позабылъ! Вѣдь онъ мнѣ никогда не простить такой оплошности. Его также необходимо пригласить... Саккарчикъ, миленькій, еслибъ вы были такъ любезны, поѣхали къ нему сію же минуту. Теперь нѣтъ еще шести часовъ, вы его захватите... Да ступайте сами, и не завтра, а сегодня вечеромъ; это ему польститъ, а человѣкъ-то онъ нужный.

Саккаръ послушно отправился, куда его посылали, зная по опыту, что счастливые дни надо ловить. Но онъ опять отпустилъ свой фіакръ, рассчитывая вернуться къ себѣ пѣшкомъ, такъ какъ отель Орвiedo былъ по близости. Дождь наконецъ пересталъ и онъ пошелъ, съ удовольствіемъ чувствуя подъ ногами мостовую Парижа, который надѣялся скоро побѣдить. Въ улицѣ Монмартръ нѣсколько капель дождя заставили его повернуть въ пассажи. Онъ прошелъ пассажъ Вердо, пассажъ Жюфруа; потомъ въ пассажъ Панорамъ, повернувъ въ боковую галерею для сокращенія пути, чтобы попасть въ улицу Вивьенъ, Саккаръ былъ немало удивленъ, увидавъ Густава Седилья, выходявшаго изъ темной аллеи; юноша удалился, даже не обернувшись. Аристидъ замедлилъ шаги, присматриваясь къ дому, откуда онъ вышелъ. Это былъ скромный меблированный отель. И вдругъ въ маленькой бѣлокурой

женщинѣ подѣ вуалью, выходявшей оттуда же, Саккаръ несомнѣнно узналъ г-жу Коненъ, хозяйку писчебумажнаго магазина. Такъ вотъ куда, въ припадкахъ нѣжности, приводила она своихъ любовниковъ на одинъ день, между тѣмъ какъ добродушный толстякъ, ея мужъ, былъ увѣренъ, что жена хлопочетъ по дѣламъ! Этотъ потайной уголокъ въ самой серединѣ квартала былъ выбранъ очень кстати и секретъ открылся, только благодаря непредвидѣнной случайности. Саккаръ улыбнулся, исторія показалась ему забавной и онъ завидовалъ Густаву: Жермена Керъ поутру, госпожа Коненъ послѣ обѣда, да онъ лакомится за двоихъ, этотъ молодой человекъ! И два раза Аристидъ взглянулъ на ворота, чтобы запомнить ихъ; ему также захотѣлось быть въ числѣ избранныхъ. Въ улицѣ Вивьенъ, прежде чѣмъ войти къ Кольбу, онъ вздрогнулъ и остановился. Легкая кристальная музыка, какъ будто выходящая изъ земли, точно голосъ легендарныхъ фей, охватила его заманчивой волною, и онъ узналъ ее, эту музыку золота, постоянный звонъ квартала торговли и спекуляціи, слышанный имъ уже сегодня поутру. Пріятные звуки связывали конецъ дня съ его началомъ. Саккаръ просіялъ при ласкѣ этого голоса, какъ будто въ немъ скрывалось счастливое предзнаменованіе.

Кольбъ находился внизу, въ плавающей мастерской, и Саккаръ, въ качествѣ короткаго знакомаго, прошелъ къ нему туда. Въ подвалѣ съ голыми стѣнами, вѣчно освѣщенномъ газомъ, два плавильщика опоражнивали лопаткой ящики, выложенные цинкомъ; сегодня они были полны испанскими монетами; рабочіе бросали ихъ въ тигель на большой четырехъугольной плавающей печи. Жаръ въ этомъ помѣщеніи была страшная; нужно было говорить громко, чтобы слышать другъ друга среди этого гармоническаго звона, вибрировавшаго подѣ низкимъ сводомъ. Слитки и золотыя пластинки съ яркимъ блескомъ новаго металла вытягивались вдоль стола химика, производившаго пробу и дѣлавшаго оцѣнку. Съ утра черезъ его руки прошло болѣе шести милліоновъ, давъ прибыли банкиру на триста или четыреста франковъ, потому что арбитражъ на золото, т. е. реализованная разность между двумя курсами, даетъ самые ничтожные барыши и, исчисляемая тысячными долями, не можетъ дать прибыли иначе, какъ при значительныхъ количествахъ выплавленнаго металла. Вотъ почему у

Кольба постоянно слышалось бряцанье золота, какъ будто подъ землей протекалъ золотой ручей, и это продолжалось съ утра до вечера, нѣтъ года въ годъ, въ глубинѣ погреба, куда золото приходило въ монетахъ, а уходило въ слиткахъ, богъ знаетъ зачѣмъ, пожалуй, съ единственной цѣлью оставить на рукахъ торговца благороднымъ металломъ нѣсколько золотыхъ крупинокъ. Едва только Кольбъ, маленькій смуглый человѣкъ съ орлинымъ носомъ, выходявшимъ изъ громадной бороды и обнаруживавшимъ еврейское происхожденіе, понялъ, чего хотѣлъ отъ него Саккаръ, какъ тотчасъ согласился.

— Отлично!—крикнулъ онъ, между тѣмъ какъ его голосъ покрывался звономъ ссыпаемыхъ монетъ.—Отлично! Я очень радъ быть съ вами, если Дегремонъ тоже тамъ. Благодарю, что вы потрудились зайти ко мнѣ.

Но говорившіе едва понимали другъ друга; наконецъ они замолчали, оставаясь еще минуту въ этомъ хаосѣ, оглушенные, въ упоеніи отъ свѣтлаго, отчаяннаго звона, отъ котораго содрогалось все ихъ тѣло, какъ отъ слишкомъ высокой ноты бесконечно, до спазмъ выдерживаемой на скрипкахъ.

На улицѣ, не смотря на разгулявшуюся погоду и ясный майскій вечеръ, Саккаръ, разбитый усталостью, взялъ фіакръ, чтобы вернуться домой. Тяжелый выдался ему денекъ, да зато удачный!

(Продолженіе будетъ).

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕОФРАСТЪ.

Изданіе «Характеровъ» Лабрюйера въ переводѣ г. Первова является, какъ кажется, первымъ русскимъ изданіемъ сочиненій знаменитаго французскаго моралиста XVII вѣка; можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что до конца 1890 года русская публика не имѣла никакого представленія или имѣла лишь самое смутное объ этомъ писателѣ, который, однако же, занимаетъ перво-степенное значеніе не только во французской литературѣ, но также и въ литературѣ всемірной. Этотъ любопытный фактъ появленія *перваго* русскаго перевода «Характеровъ» Лабрюйера, ровно черезъ сто восемьдесятъ пять лѣтъ послѣ его смерти, достаточно краснорѣчиво иллюстрируетъ состояніе нашей переводной литературы. Сдѣлалось чуть ли не общимъ мѣстомъ утвержденіе, что русская переводная литература чрезвычайно богата, что у насъ переводится все, — и нужное, и ненужное, — что въ этомъ отношеніи мы съ выгодой для себя можемъ потягаться съ любой изъ западныхъ литературъ, даже съ нѣмецкой; но такое мнѣніе, какъ и многое другое, что у насъ считается несомнѣнной истиной, есть не болѣе, какъ довольно печальная иллюзія. До 1890 года у насъ не было перевода Лабрюйера; у насъ и теперь еще нѣтъ по русски Раблэ, нѣтъ полнаго Мильтона, нѣтъ Вольтера и Руссе (по крайней мѣрѣ, лучшихъ, самыхъ важныхъ произведеній этихъ писателей), нѣтъ Поль-Луи Курье, нѣтъ Жанъ-Поль Рихтера, нѣтъ полностью Байрона, нѣтъ даже толкомъ переведенныхъ классиковъ, греческихъ и римскихъ; нѣтъ, наконецъ Теофраста, этого родоначальника жанра, въ которомъ такъ прославился Лабрюйеръ. Съ *такой* переводной литературой далеко не уѣдешь въ умственномъ и культурномъ отношеніи, и невозможно безъ комизма приравнивать *такую* переводную литературу къ переводной литературѣ другихъ странъ — Франціи, Англіи или Германіи, гдѣ переведено (и прибавимъ: прекрасно переведено) безусловно все, имѣющее общечеловѣческое значеніе, вплоть до второстепенныхъ даже произведеній русской литературы.

Исправить это дѣло взялся, — уже на нашихъ глазахъ, — журналъ г. Чудинова: «Пантеонъ литературы», издающійся, впрочемъ, какъ-то очень своеобразно. Журналъ, какъ кажется, не располагаетъ достаточными средствами; переводы лучшихъ иностранныхъ писа-

телей печатаются г. Чудиновымъ, такъ сказать, домашнимъ образомъ, сначала на страницахъ журнала, а потомъ выходятъ отдѣльными книжками съ плохенькой наружностью, причѣмъ переводчикъ получаетъ извѣстное количество экземпляровъ отдѣльнаго изданія вмѣсто гонорара за переводъ. Въ такую серію переводовъ попалъ и переводъ г. Первова.

Переводъ сдѣланъ довольно тщательно, въ обыкновенномъ значеніи слова, но не безъ промаховъ, по временамъ весьма нежелательныхъ. Г. Первовъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ переводитъ: «M. G. ниже всякой посредственности», а въ оригиналѣ, между прочимъ, сказано: «M. G. est au dessous de rien», что вовсе не значитъ «ниже всякой посредственности», потому что *rien* (ничто, нуль) не есть посредственность. Читатель, можетъ быть, скажетъ, что это мелочь и ставить въ упрекъ переводчику такую мелочь несправедливо. Отчасти это правда, но когда дѣло касается перевода классическихъ писателей, и въ особенности такихъ писателей, какъ Лабрюйеръ, Ларошфуко, Сентъ-Эвремонтъ, Паскаль, отличающихся чрезвычайной сжатостью фразы, лаконичностью, крайней опредѣленностью мысли и своеобразной красотой языка,—всякая мелочь имѣетъ свое значеніе; къ тому же, такіе промахи тѣмъ болѣе неприятны въ переводѣ, что они указываютъ на желаніе переводчика сглаживать своеобразности оригинала банальными, ходячими фразами, заѣзженными оборотами рѣчи, общими мѣстами говора толпы; при такомъ сглаживаніи, едва ли переводъ, даже тщательно сдѣланный (т. е. грамматически правильно) передастъ впечатлѣніе подлинника.—Но у г. Первова встрѣчаются и болѣе крупные промахи, едва ли, на этотъ разъ, простительные. Г. Первовъ пишетъ: «Есть души грязныя, испачканныя всякою дрянью и соромъ, влюбленные въ барышъ и интересъ... любознательныя и жадныя, когда дѣло идетъ о 10 деньѣ». Читатель невольно останавливается, не понимая фразы и удивляясь, что такой ясный и точный писатель, какъ Лабрюйеръ, говоритъ такъ вычурно и безтолково. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ означать выраженіе: «10 деньѣ»? Для разъясненія этого недоумѣнія приходится обратиться къ подлиннику. А въ подлинникѣ мы видимъ: «denier dix», т. е. десятый деньѣ. Очевидно, г. Первовъ не зналъ, что хочетъ сказать Лабрюйеръ своимъ «denier dix», и превратилъ выраженіе въ десять деньѣ. А между тѣмъ дѣло просто: въ семнадцатомъ столѣтіи, во Франціи говорили: *placer de l'argent au denier cinq, au denier dix*, чтобы сказать: «помѣстить деньги на проценты одного деньѣ изъ пяти, изъ десяти», какъ мы говоримъ: на пять процентовъ, на десять процентовъ. Такимъ образомъ, непонятная для г. Первова фраза становится совершенно понятной, когда перевести: «...жадные, когда дѣло идетъ о десяти процентахъ».—Наконецъ, необходимо замѣтить еще и то, что при переводахъ классическихъ писателей слѣдуетъ пользоваться не популярными изданіями, чрезвычайно неисправными и небрежными, а лучшими, критическими изданіями съ критически возстановленнымъ и провѣреннымъ текстомъ. Для Лабрюйера такое изданіе было сдѣлано Сервуа (Servois) и помѣщено въ извѣстной «Collection des grands écrivains de la France» (1865).

Мы имѣемъ основаніе предполагать, что г. Первовъ, къ сожалѣнію, пользовался не изданіемъ Сервуа, а какимъ нибудь популярнымъ изданіемъ, небрежнымъ и не провѣреннымъ. Укажу на одинъ примѣръ, который покажетъ, какъ важно для переводчика имѣть подъ руками критическое изданіе. Въ характеристикѣ французскихъ крестьянъ того времени и ихъ бѣдственнаго положенія, — характеристикѣ явно иронической, — Лабрюйеръ, между прочимъ, говоритъ: «... Ils se retirent la nuit dans des tanières où ils vivent de pain noir, d'eau et des racines; ils épargnent aux autres hommes la peine de semer, de labourer et de recueillir pour vivre et méritent ainsi de ne pas *manquer* de ce pain, qu'ils ont semé» (въ переводѣ г. Первова: «На ночь они являются въ свои логовища, гдѣ питаются чернымъ хлѣбомъ, водой и кореньями; они избавляютъ другихъ людей отъ труда сѣять, обрабатывать и собирать для пропитанія, и такимъ образомъ заслуживаютъ того, чтобы у нихъ не было *недостатка* въ хлѣбѣ, который они посѣяли»). При этой редакціи текста, весь ироническій оттѣнокъ характеристики, очевидно, крайне ослабленъ послѣдней фразой о «недостаткѣ»; на этомъ основаніи профессоръ Поль Альберъ, если не ошибаюсь, предложилъ замѣнить слово *manquer* словомъ *manger*, предполагая, что въ текстѣ вкралась типографская ошибка; при такой замѣнѣ, фраза становится чрезвычайно сильной именно въ негодующе-ироническомъ смыслѣ. Оставляя оборотъ рѣчи, употребленный г. Первовымъ, эту фразу, при такой замѣнѣ можно перевести: «и такимъ образомъ заслуживаютъ того, что лишаются даже возможности *нѣтъ* хлѣбѣ, который они посѣяли». — Изъ этихъ нѣсколькихъ примѣровъ, взятыхъ мною совершенно наудачу, читатель замѣтитъ, что переводъ г. Первова далеко не безупреченъ, и было бы желательно, чтобы при второмъ изданіи, если таковое потребуется, переводъ ^{былъ} исправленъ и провѣренъ по изданію Сервуа.

Къ переводу г. Первовъ приложилъ двѣ статьи о Лабрюйерѣ, одну — Сентъ-Бева, другую Прево-Парадоля. Безотносительно говоря, обѣ статьи хороши и талантливы, но онѣ писаны, разумѣется, для французовъ и съ французской точки зрѣнія, и поэтому едва ли могутъ быть полезны въ достаточной степени русскому читателю, мало знакомому съ исторіей французской литературы XVII столѣтія; для русскаго читателя многое въ этихъ статьяхъ покажется непонятнымъ или страннымъ. Было бы поэтому лучше, еслибы, вмѣсто этихъ статей, г. Первовъ самъ написалъ объяснительную характеристику Лабрюйера на основаніи лучшихъ французскихъ работъ, обращая преимущественное вниманіе на точку зрѣнія русскаго читателя.

Даже во французской литературѣ XVII столѣтія Лабрюйеръ стоитъ совершенно особнякомъ; его нельзя приурочить ни къ одной изъ тогдашнихъ литературныхъ школъ; онъ не принадлежитъ ни къ одному изъ тогдашнихъ направленій и теченій, и многими чертами своего таланта совершенно выходитъ за предѣлы XVII вѣка;

онъ менѣе классикъ, чѣмъ другіе писатели того времени, и того ораторскаго приѣма, который былъ такъ свойственъ вѣку «короля-солнца», въ немъ замѣчается очень мало.

Онъ принадлежитъ къ особому типу писателей, который во Франціи имѣетъ нѣсколько весьма замѣчательныхъ представителей, — Паскаля, Сентъ-Эвремона, Ларошфуко и, въ наше время, Амьеля; типъ этотъ отчасти имѣетъ представителей и въ древнемъ мірѣ, въ лицѣ Теофраста и Марка Аврелія. Я бы охотно назвалъ писателей-моралистовъ этого типа *максимистами*, потому что весь ихъ литературный багажъ состоитъ изъ максимъ, сентенцій, краткихъ изреченій, афоризмовъ; они мыслятъ не связно и систематически, а, такъ сказать, параксизмами, и мысль ихъ всегда укладывается въ общія положенія, иногда парадоксальныя, но во всякомъ случаѣ глубокія и чрезвычайно остроумныя. Этотъ своеобразный и рѣдко встрѣчающійся складъ ума совершенно отсутствуетъ въ русской литературѣ; мы — значительно больше художники и въ гораздо меньшей степени мыслители, и почти никогда не бываемъ моралистами. Въ большинствѣ случаевъ, писатели этого своеобразнаго типа нелюдимы, скептики, мизантропы; они живутъ особнякомъ, въ четырехъ стѣнахъ своего кабинета, избѣгая общества и по временамъ чувствуя даже отвращеніе отъ него; они разочарованы въ жизни и въ людяхъ; они — глубокіе аналитики, и постоянное самонаблюденіе, при крайне дѣятельной работѣ мысли, дѣлаетъ ихъ психологами и моралистами. Почти никогда они не создаютъ какаго либо цѣльнаго и опредѣленнаго міросозерцанія, которое бы имѣло философское значеніе; они, такъ сказать, расходятся по мелочамъ, на которыя постоянно наталкиваетъ ихъ безкорыстное и безстрастное созерцаніе дѣйствительности, проходящей передъ ихъ взорами, какъ вѣчная фантазмагорія, въ которой скрещиваются страсти, интересы, побужденія, инстинкты, честолюбивыя мечты, предразсудки, добро и зло, въ ихъ явномъ или скрытомъ состояніи. Такимъ образомъ, ихъ мысль естественно направлена на вѣчныя проблемы этики и, встрѣчая рѣзкое противорѣчіе между дѣйствительною жизнью и тѣмъ категорическимъ императивомъ разума, который они себѣ усвоили, они относятся отрицательно къ жизни и къ людямъ, и иронизируютъ надъ ними, выставляя рядомъ тотъ человѣческій идеалъ, котораго носителями они сами являются.

Такимъ моралистомъ былъ, между прочимъ, и Лабрюйеръ, и это объясняется отчасти обстоятельствами его жизни, сложившейся чрезвычайно неблагоприятно и зависимо. Въ главѣ о «Личной заслугѣ» онъ, между прочимъ, говоритъ: «Во Франціи нужно имѣть много твердости и обширнаго ума, чтобы обойтись безъ должностей и службы и согласиться, такимъ образомъ, жить дома безъ дѣлъ; никто почти не имѣетъ столько заслугъ, чтобы играть эту роль съ достоинствомъ, столько содержательности, чтобы наполнить праздное время, не прибѣгая къ тому, что простой народъ называетъ дѣлами; а между тѣмъ, въ чемъ же и состоитъ препровожденіе времени мудреца? Еслибы размышленія, бесѣды, чтеніе назывались у насъ трудомъ, то мы не сказали бы, что мудрецъ проводитъ время праздно». Въ этой сентенціи несомнѣнно слышится

автобіографическій элементъ; онъ еще ярче виденъ въ другой максимѣ: «Если за человѣка некому хлопотать, если онъ не принадлежитъ къ какой либо шайкѣ или корпораціи, если онъ стоитъ въ одиночку и вмѣсто всякихъ рекомендацій имѣеть за собой только много личнаго достоинства, то какого ужаснаго труда стоитъ ему пробиться въ свѣтъ сквозь окружающій его мракъ и идти въ уровень съ фатомъ, который тѣмъ не менѣе пользуется уваженіемъ».

И дѣйствительно, Лабрюйеръ принадлежалъ къ тѣмъ неудачникамъ, которыхъ онъ въ своихъ «Характерахъ» описываетъ съ такой ѣдкой ироніей. До тридцати пяти лѣтъ онъ оставался никому неизвѣстнымъ бѣднякомъ, слоняясь праздно на парижской мостовой, среди шумной и веселой парижской толпы, сначала мелкимъ адвокатомъ при парижскомъ парламентѣ, — адвокатомъ безъ дѣлъ, — а потомъ мелкимъ чиновникомъ въ казначействѣ, — должность, которую онъ купилъ на послѣднія средства. Жилъ онъ въ убогой мансардѣ, раздѣленной пополамъ ковромъ, колымаемымъ вѣтромъ. Тамъ онъ принималъ своихъ рѣдкихъ посѣтителей, когда они къ нему заглядывали; оттуда онъ созерцалъ то общество, котораго бытописателемъ онъ долженъ былъ впоследствии явиться. Разумѣется, съ такой высоты и на такомъ разстояніи онъ могъ видѣть немного, а то, что онъ видѣлъ, неизбѣжно должно было быть поверхностно и невѣрно. Къ счастью для насъ, ему было предложено мѣсто учителя и наставника герцога бургонскаго, въ одномъ изъ первыхъ аристократическихъ домовъ Франціи, — въ домѣ «великихъ» Кондэ. Едва ли можно представить себѣ что либо отвратительнѣе, бѣшенѣе, «психопатичнѣе» этой фамилии Кондэ, какъ она описана, между прочимъ, въ «Мемуарахъ» герцога Сень-Симона. Боссюэ, этотъ «врагъ истины», какъ его называли, прославляетъ принца Кондэ и изображаетъ его великодушнымъ героемъ, прохаживающимся подъ сѣнью столѣтнихъ дубовъ Шантильи, окруженнаго учеными, поэтами, философами, бесѣдующаго съ ними о величайшихъ вопросахъ человѣческаго разума; представляетъ его чѣмъ-то въ родѣ христіанскаго Платона, увѣнчаннаго славой и героическимъ спокойствіемъ. Въ дѣйствительности же жизнь въ этомъ домѣ была чистымъ адомъ. Патронъ Лабрюйера, герцогъ «былъ грубъ, мраченъ, невыносимаго и жестокаго характера»; съ поэтотомъ Сантелемъ онъ обращался, какъ съ шутомъ и лакеемъ, и однажды, ради забавы, всыпалъ въ его стаканъ цѣлую табакерку нюхательнаго табаку; Сантель, говорятъ, умеръ отъ этого угощенія. Герцогиня «была женщина надменная, насмѣшливая, рѣзкая, неспособная на дружбу, но зато очень способная на ненависть и месть, злая, гордая, неумолимая, неистощимая въ грязныхъ интригахъ и въ самой жестокой брани, которою она, съ веселой улыбкой, угощала лицъ, которыхъ, казалось, любила». Садясь за столъ, гости не знали, какимъ скандаломъ можетъ окончиться обѣдъ. Однажды, вслѣдствіе какого-то невиннаго возраженія, сдѣланнаго Сарразеномъ, Кондэ пустилъ въ него каминные щипцы; герцогиня Кондэ на подобное же возраженіе Сантеля, при всѣхъ, за обѣдомъ, дала ему пощечину и, вслѣдъ за тѣмъ, плеснула въ лицо водой изъ стакана. Само собой разумѣется, что гости взапуски вос-

торгались граціей, съ какой она при этомъ сказала: «Après le tonnère, la pluie» (послѣ грома—дождь), и самъ Сантель ничего лучшаго не могъ придумать, какъ написать латинскіе стихи, въ которыхъ прославлялъ богиню, имѣвшую столько остроумія и изволившую снизойти до фамиллярности съ такимъ смиреннымъ смертнымъ, какимъ былъ Сантель.

Конечно, это были эксцессы нелѣпой напыщенности и зазнавшейся гордости, но и вообще говоря, въ XVII столѣтіи во Франціи великожи очень презрительно и пренебрежительно обращались съ писателями, которые, — надо правду сказать, — вели себя не лучше лакеевъ и въ большинствѣ случаевъ были у нихъ чѣмъ-то въ родѣ прихлебателей, съ которыми они, вслѣдствіе этого, обращались, какъ съ шутами. Папа, на примѣръ, просилъ короля «одолжить ему Мансара» (знаменитый французскій архитекторъ того времени), — точъ въ точъ, какъ еслибы вы попросили у вашего пріятеля одолжить вамъ на время ружье или книгу. Понятно, что честный человѣкъ, дорожившій своимъ человѣческимъ достоинствомъ, долженъ былъ тяготиться подобнымъ положеніемъ. Какъ бы то ни было, но Лабрюйеръ чувствовалъ, что онъ — на жалованьи у герцога; онъ не могъ бывать у вельможъ, у финансистовъ, у царедворцевъ, которыхъ такъ хорошо изучилъ, и съ которыми провелъ всю свою жизнь, не будучи третируванъ съ тѣмъ высокоуміемъ или съ той высокоумной снисходительностью, которую чувствуешь къ подчиненному. Этотъ искусь, однако, онъ выдержалъ съ достоинствомъ въ продолженіе послѣднихъ двѣнадцати или пятнадцати лѣтъ своей жизни. Онъ сумѣлъ держать себя прилично въ этомъ аристократическомъ домѣ; онъ съ величайшимъ тактомъ избѣгалъ всякой фамиллярности, но жизнь, конечно, была не сладка, и отвращеніе, которое онъ испытывалъ при этихъ столкновеніяхъ со «свѣтомъ», все больше и больше заставляло его уединяться. Онъ съ раннихъ поръ замѣтилъ, что современное ему общество основано на тщательномъ распредѣленіи классовъ и состояній, что мудрецъ долженъ прежде всего знать свое мѣсто (по русской пословицѣ: всякъ сверчекъ знай свой шестокъ) и никогда не выходитъ изъ него. И онъ пришелъ къ убѣжденію, что только такимъ путемъ онъ заставитъ себя уважать, хотя бы внѣшнимъ только образомъ. Понятно, какъ много горечи накопилось въ его сердцѣ за эти послѣдніе пятнадцать лѣтъ. Въ его книгѣ, которая теперь для насъ является какъ бы матерьяльнымъ памятникомъ всѣхъ горькихъ размышленій и страданій, пережитыхъ имъ въ теченіе долгой жизни, — почти на каждой страницѣ встрѣчаются мысли о тогдашнемъ французскомъ обществѣ, выраженные удивительно своеобразно. Вотъ, на примѣръ, одна изъ такихъ своеобразныхъ сентенцій: «Право, не знаю, — говорите вы съ холоднымъ и презрительнымъ видомъ: — Филентъ имѣетъ заслуги, умъ, пріятность въ обращеніи, точенъ въ исполненіи долга, вѣренъ и привязанъ къ своему господину, а все таки его несовсѣмъ пѣнять: онъ не нравится, онъ пришелся не по вкусу». Объясните, пожалуйста, Филента ли вы осуждаете, или того вельможу, которому онъ служить»? Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: «Это ученый, —

говорить политикъ, — онъ неспособенъ, значитъ, къ дѣламъ, я ему не довѣрилъ бы завѣдывать даже моимъ гардеробомъ». И онъ правъ. Осса, Ксименесъ, Ришелье были учеными. Но были ли они ловкими? Считали ли ихъ хорошими министрами? «Онъ знаетъ по гречески, — продолжаетъ государственный человекъ: — онъ наводитъ тоску (c'est un grimaud), онъ философъ». Оно и въ самомъ дѣлѣ: вѣдь и торговка фруктами въ Афинахъ, по всѣмъ видимостямъ, говорила по гречески и, слѣдовательно, была философомъ. Всѣ эти Виньоны и Ламужоны тоже наводили тоску. Можно ли въ этомъ сомнѣваться? они знали по гречески»¹⁾. — По временамъ, сарказмъ и иронія Лабрюйера такъ ядовиты, что рана чувствуется подъ краснорѣчіемъ и месть — подъ нравоученіемъ. «Хризантъ, — говоритъ онъ, — человекъ богатый и нахаль, — не хочетъ, чтобы его видѣли съ Евгениемъ, человекомъ почтеннымъ, но бѣднымъ. Онъ думаетъ, что это обезцѣтитъ его. Евгенийъ совершенно также относится къ Хризанту; они не подвергаются риску столкнуться».

Положеніе, занимаемое Лабрюйеромъ, было чрезвычайно удобно для наблюденій; типы попадались на всякомъ шагу и ярко выдѣлялись на фонѣ нравовъ и быта; чувствовалось приближеніе лицемерія, дѣльцы стали приобретать вліяніе, умные люди скептически подсмѣивались. Въ 1688 году появилось первое изданіе книги Лабрюйера, подъ заглавіемъ: «Характеры Теофраста, переводъ съ греческаго, вмѣстѣ съ характерами или нравами этого вѣка». Авторъ былъ человекъ безкорыстный, онъ всю жизнь довольствовался пенсіей въ тысячу эку, которую ему давалъ господи́нъ герцога. Онъ почти ежедневно приходилъ въ лавку книгопродавца Мишалэ, гдѣ просматривалъ новыя книги и забавлялся съ очень хороше́нкой дѣвочкой, дочерью книгопродавца, съ которой подружился. Однажды, войдя къ нему, онъ вынулъ изъ кармана рукопись и сказалъ Мишалэ: «Хотите напечатать эту рукопись (это были «Характеры»). Не знаю, наживете ли вы чтонибудь, но, въ случаѣ успѣха, доходъ будетъ принадлежать вашей дочери, моему другу». — Книгопродавецъ согласился издать рукопись. Книга пошла прекрасно; сейчасъ же послѣ перваго изданія, потребовалось второе, потомъ третье и такъ далѣе. Въ концѣ концовъ, книга принесла книгопродавцу до трехсотъ тысячъ франковъ. Весь Парижъ и вся Франція были сильно заинтересованы книгой; каждому хотѣлось узнать, на кого намекаетъ авторъ въ этихъ портретахъ, такъ ловко набросанныхъ; было составлено множество *ключей*, которые переходили изъ гостинной въ гостинную. Лабрюйеру, вѣроятно, не поздоровилось бы, еслибъ онъ не былъ протезированъ Кондэ. Однако скандалъ достигъ такихъ размѣровъ, что Лабрюйеръ счелъ нужнымъ оправдаться; онъ сдѣлалъ это искренно и съ достоинствомъ, но публика не хотѣла ему вѣрить. Его «Характеры» — нѣчто среднее между сатирой и чисто

¹⁾ Все это мѣсто переведено г. Первовымъ совершенно неправильно. Слово grimaud онъ, напримѣръ, переводитъ словомъ „схоластикъ“, вѣроятно, предполагая, что grimaud — производное отъ слова grammaire. Жаль, что онъ не справился со словаремъ академіи или у Литре. Вообще классиковъ нельзя переводить спустя рукава.

художественнымъ произведеніемъ. Въ основаніи портретовъ, несомнѣнно, лежитъ дѣйствительность: та или другая личность послужила предлогомъ для портрета, но авторъ не довольствуется одной лишь копіей, но возвышается до «перла созданія». до типа, отъ того или другаго конкретнаго явленія; онъ возвышается до общаго, абстрактнаго, до всеобщей, безличной истины. Это-то онъ и старался объяснить публикѣ, которая однако же ему не повѣрила. Чудесный языкъ и мастерство въ отдѣлкѣ не закупили въ достаточной мѣрѣ академикомъ и они предпочли Лабрюйеру одного изъ самыхъ бездарныхъ поэтовъ того времени, Павильона. Въ академію онъ попалъ только въ 1698 году; этотъ выборъ многимъ не понравился. Его рѣчь на торжественномъ приѣмѣ въ академію тоже не понравилась. Въ ней чувствовалась иронія и тонкая насмѣшка. «Не положеніе, — говоритъ онъ въ этой рѣчи, — не кредитъ, не богатство, не титулы, не авторитетъ могли заставить васъ, господа, сдѣлать этотъ выборъ; ничего этого у меня нѣтъ. Сочиненіе, которое пользуется нѣкоторымъ успѣхомъ, благодаря своей своеобразности... было всей моей заслугой».

Заглавіе своей книги Лабрюйеръ заимствовалъ у Теофраста, отчасти также и форму; но едва ли слово «Характеры» отвѣчаетъ тому содержанію, которое заключается въ книгѣ. Собственно говоря, у Лабрюйера нѣтъ характеровъ, а то, что онъ называетъ характерами, скорѣе можно было бы назвать типами. Онъ не изучаетъ ту или другую личность въ ея индивидуальных особенностяхъ, онъ беретъ всегда общій типъ и намѣчаетъ его общими чертами. Таковы его портреты; но такихъ портретовъ немного; остальное — сентенціи, афоризмы, максимы, общія мысли и положенія, навѣянные опытомъ и наблюденіемъ. Къ тому же, въ книгѣ нѣтъ единства; съ каждымъ новымъ изданіемъ Лабрюйеръ прибавлялъ, сокращалъ, вводилъ новые портреты и афоризмы. Лабрюйеръ просто записывалъ свои наблюденія, впечатлѣнія, мысли, которыя ему приходили въ голову, такъ сказать, изо дня въ день, и все это соединилъ подъ общимъ заглавіемъ, неяснымъ и произвольнымъ. Въ этомъ выразилось отсутствіе философскаго ума въ Лабрюйерѣ. Явленія по необходимости наталкиваютъ мыслителя на причины, и эти причины необходимо привести къ одному общему принципу. Общество разлагается и живетъ, подобно всякому живому организму; нравы и обычаи, типы и характеры — только проявленія этого организма. Заслуга художника заключается въ томъ, что онъ создаетъ изъ этой разнообразной, мѣняющейся дѣйствительности — широкую, общую и правдивую картину. Но и этого недостаточно. Система правленія, церковь, социальное положеніе, — вотъ дѣйствительныя первичныя причины нравовъ; ихъ-то и нужно подвергнуть философскому анализу, чтобы дѣйствительность сдѣлалась понятной. Къ несчастью, этого-то именно Лабрюйеръ и не дѣлаетъ; онъ видитъ только то, что есть, и старается изобразить это возможно ярче, руководствуясь не философскимъ инстинктомъ, а художественнымъ. Моралистомъ его можно назвать только потому, что онъ описываетъ нравы современнаго общества, но не задается никакими другими, болѣе высшими цѣлями. Въ этой ограниченности кругозора замѣтенъ французъ

XVII вѣка. Это безсиліе подняться до общаго міровозрѣнія, этотъ нѣсколько наивный оптимизмъ, обнаруживаемый Лабрюйеромъ по отношенію къ государственнымъ и социальнымъ учрежденіямъ, въ то время какъ по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ онъ неумолимо строгъ,—вотъ истинная печать того времени: нападайте, какъ угодно, на людей, издѣвайтесь надъ ними; король не безъ удовольствія видитъ, какъ его подданные нападаютъ другъ на друга; сатира дозволена, но при одномъ условіи: чтобъ сатирикъ не касался ни государства, ни церкви, ни учреждений, не подкапывался подъ «основы». Декартъ былъ первымъ, давшимъ примѣръ этой слѣпой и рабской покорности; само собой разумѣется, что при такомъ деспотическомъ правленіи, каково было правленіе Людовика XIV, такому человѣку, какъ Лабрюйеръ, не могло и въ голову прійти подвергнуть философскому анализу нравственное состояніе тогдашней Франціи.

«Легко ошибиться насчетъ Лабрюйера, — говоритъ Прево-Пародоль.—То немногое, что извѣстно о его жизни, проведенной на службѣ у принца, горькіе намеки на несправедливое неравенство общественныхъ состояній и на свое подчиненное положеніе, гордые жалобы на незаслуженное счастье и безнаказанную наглость вельможъ; наконецъ, нѣсколько словъ краснорѣчиваго негодованія по поводу народной нищеты—могутъ заставить иныхъ читателей видѣть въ Лабрюйерѣ противника общества того времени, нѣчто въ родѣ реформатора или, какъ теперь говорятъ, одного изъ провозвѣстниковъ французской революціи. Но подобный выводъ былъ бы неточнымъ: очень живо чувствуя несовершенство французскаго общества, какимъ Лабрюйеръ его видѣлъ и какимъ рисовалъ, онъ все таки былъ далекъ отъ мысли, чтобы это положеніе вещей могло быть преобразовано, чтобы можно было сколько нибудь приблизиться къ вѣчнымъ законамъ справедливости. Онъ былъ слишкомъ далекъ отъ революціи, чтобы предчувствовать ее; онъ былъ слишкомъ привязанъ лично къ своему мѣсту въ общественной іерархіи, чтобы думать, что ее нѣкогда можно будетъ передѣлать съ верху до низу; онъ слишкомъ близко видѣлъ прочность того монархическаго и аристократическаго монумента, который внушалъ тогда уваженіе всей Европѣ, и которому не грозила еще никакая опасность, чтобы желать или предвидѣть, и притомъ издалека, разрушеніе или потрясеніе этого величественнаго сооруженія». «Во времена Лабрюйера, престижъ рожденія и ранга, вліяніе наследственнаго богатства, сила и блескъ власти были еще въ своей неприкосновенности и лежали всею своею тяжестью на тѣхъ, кто не имѣлъ участія въ этихъ, якобы неоспоримыхъ, правахъ на уваженіе со стороны другихъ. Даже болѣе. Теперь эти преимущества, ставшія сами по себѣ непрочными или слабыми, разсыпались въ средѣ цѣлаго общества: знатное рожденіе часто лишено богатства и удалено отъ власти; богатство, столь быстро въ иныхъ случаяхъ протекающее и всегда готовое ускользнуть, очень часто только само по себѣ и имѣетъ право на вниманіе со стороны другихъ; власть, почти столь же переменчивая, какъ и богатство, не знаетъ часто, что дѣлать со знатнымъ рожденіемъ, и не всегда поддерживается личной за-

слугой. Но тогда рожденіе, власть, богатство, сосредоточенныя въ однихъ рукахъ, соединенныя на однихъ и тѣхъ же лицахъ, представляли другъ для друга взаимную поддержку и къ своему собственному вліянію присоединяли силу и блескъ, происходящій отъ ихъ стеченія. Одно мѣсто, узкое пространство, одинъ пунктъ земнаго шара, находящійся, по Лабрюйеру, на 48° сѣверной широты и болѣе чѣмъ на 1,100 лье отъ моря ирокезовъ и гуроновъ, содержитъ въ себѣ это блестящее общество, къ которому были обращены всѣ взоры, этотъ «дворъ», маленькое отечество на лонѣ большаго отечества, отечество единственное для большей части его обитателей, мѣстопребываніе всякаго авторитета, источникъ всѣхъ милостей, центръ всѣхъ удовольствій. Ни въ чемъ тамъ не было недостатка, что могло бы способствовать наслажденію жизнью, такъ чтобы сдѣлать ее легкою, приятно переносимою и улаждающею чувство. Власть почти не сопровождалась трудомъ и заботою, ибо она исходила отъ единственнаго владыки и смѣшивалась въ понятіяхъ людей съ его милостью, которая возвышаетъ того, кого коснулась, ничего отъ него не требуя. Отсутствие тѣхъ трудовъ и заботъ, отъ которыхъ теперь не избавляетъ никого и самый высокій рангъ, давало свободное мѣсто «празднымъ душамъ,—на которыхъ, какъ—превосходно выражается Лабрюеръ,—«все производить, на первыхъ порахъ, живое впечатлѣніе». Богатство, употребленное искусно въ дѣло, присоединяло блескъ и тонкость къ этому благоденствію и давало средства предупредить скуку разнообразіемъ забавъ; вѣжливость, усвоенная съ дѣтства и переданная съ кровью, смягчала отношенія людей и скользила съ какою-то прелестью даже по малѣйшимъ случаямъ жизни; наконецъ, склонность къ удовольствію французской расы и остроумная грація женщинъ—давали движеніе этой блестящей толпѣ и примѣшивали вкусъ къ умственному удовольствію, испытываемому при поискѣ другихъ удовольствій».

Таково было общество и социальный строй, которыя имѣли передъ глазами Лабрюйеръ; совершенно очевидно, что онъ не видѣлъ тѣхъ элементовъ разложенія, которые нѣдрились въ этомъ обществѣ. Будучи другомъ Боссюэ, Лабрюйеръ думалъ, какъ онъ, да и думать иначе было запрещено. И однако, этотъ убѣжденный моралистъ написалъ, между прочимъ, фразу, которая была бы подстава только Монтескье: «При деспотизмѣ нѣтъ отечества; его замѣняютъ другія вещи: интересъ, слава, служеніе принцу». Если разсматривать Лабрюйера съ этой точки зрѣнія, то въ немъ несомнѣнно паразитъ какая-то неустойчивость мысли, какое-то колебаніе въ мнѣніяхъ; онъ и льстецъ, и свободный мыслитель въ одно и то же время. Все это можно объяснить только чрезвычайною осторожностью, которую ему приходилось соблюдать. Онъ, на-примѣръ, предпринялъ опровергнуть доктрины такъ называемыхъ въ то время *esprits forts*; но это опроверженіе чрезвычайно слабо и все состоитъ изъ официальныхъ общихъ мѣстъ, а la Боссюэ, какъ будто ему нужно было сдѣлать эту уступку, чтобы въ другихъ отношеніяхъ быть свободнымъ. Эти уступки, безъ всякаго сомнѣнія, умаляютъ значеніе писателя. По всей вѣроятности, эти

уступки ему немало стоили; съ одной стороны, онъ были дѣломъ его воспитанія, а съ другой онъ слишкомъ увлеченъ деталями, подробностями, и не видѣлъ цѣлаго. Его подчиненное и шаткое положеніе заставляло покоряться необходимости; его острый умъ увлекалъ въ сторону сатиры. Эти двѣ противоположности онъ старался согласовать, какъ могъ. Но если часто его сужденія слишкомъ смахиваютъ на общія мѣста, то, во всякомъ случаѣ, въ нихъ много справедливаго. Тѣмъ, въ замѣчательномъ этюдѣ о Лабрюйерѣ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ его: «Лабрюйеръ открываетъ только детальныя истины; онъ показываетъ смѣшную сторону моды, чувство отвращенія, внушаемое пороками, несправедливость мнѣній и, какъ самъ говоритъ, суету всѣхъ привязанностей человѣка. Но эти отдѣльные взгляды не приводятъ его къ общей идеѣ; онъ пробуетъ тысячи тропинокъ, но не проводитъ дороги; изъ всѣхъ этихъ вѣрныхъ заключеній онъ не дѣлаетъ никакого вывода. Онъ даетъ совѣты всякому возрасту, всякому положенію, всякой страсти, но не человѣчеству, и когда, подъ конецъ, въ своей послѣдней главѣ, онъ приступаетъ къ доказательствамъ существованія Бога, то только излагаетъ аргументы декартовской школы. Его талантъ, главнымъ образомъ, заключается въ искусствѣ возбуждать вниманіе. Онъ творитъ немного, но то, что видитъ, онъ запечатлѣваетъ неизгладимо. Онъ повторяетъ только обыкновенныя истины, но, разъ онъ высказаны, ихъ нельзя забыть. Онъ похожъ на человѣка, который останавливаетъ прохожихъ на улицѣ, беретъ ихъ за шиворотъ, заставляя забывать о дѣлахъ и удовольствіяхъ, заставляя смотреть себѣ подъ ноги, смотрѣть на то, чего прежде они не видали, и не позволять имъ удалиться до тѣхъ поръ, пока они не запечатлѣютъ въ своей памяти разсмотрѣнный предметъ. Поэтому, у него замѣчаются всѣ уловки стиля; никогда еще форма не была такой совершенной, столь способной выразить точно мысль. Онъ вводитъ фиктивныхъ персонажей, приписываетъ имъ цѣлыя рѣчи и превращаетъ, такимъ образомъ, нравственную проповѣдь въ драматическую сцену. Онъ беретъ какого нибудь древняго мудреца Гераклита, потомъ Демокрита, заставляя ихъ говорить, и обращаетъ вниманіе читателя на странности ихъ рѣчи. Онъ подражаетъ стилю Монтэня и поражаетъ вниманіе контрастомъ между устарѣлой формой рѣчи и современной. По временамъ, онъ возбуждаетъ любопытство загадками или кажущимися наивностями. Онъ увеличиваетъ предметы, усиливаетъ очертанія, накопляетъ краски, и фигура, которую онъ такимъ образомъ нарисовалъ, становится столь выразительной, что невозможно оторвать глазъ отъ нея.»

Необходимо, однако, указать еще на одну черту Лабрюйера, черту, которая сближаетъ его съ нашимъ временемъ. Особенность классическаго стиля въ XVII вѣкѣ—это правильная, логически построенная фраза, держащаяся на извѣстной высотѣ общихъ, абстрактныхъ положеній и возвышенныхъ выраженій. У Лабрюйера какъ разъ наоборотъ: фраза короткая, неправильная, по временамъ вульгарная, касающаяся самыхъ обыденныхъ мелочей жизни, конкретная, въ которой очень часто вещи называются ихъ истин-

ными названиями. Вотъ, напримѣръ, одна характеристика, которая покажетъ, въ какой степени Лабрюйеръ близко подходитъ къ нервному и демократическому стилю XIX столѣтія: «Гнатонъ живетъ только для себя; всѣхъ остальныхъ людей, по его взглядамъ, не существуетъ. Не довольствуясь первымъ мѣстомъ за столомъ, онъ одинъ занимаетъ мѣсто двоихъ; онъ забываетъ, что пиръ устроенъ не только для него, но и для всѣхъ гостей; онъ овладѣваетъ блюдомъ и присвоиваетъ себѣ всякую переимену кушанья; онъ не принимается ни за одно кушанье, не попробовавъ предварительно всѣхъ остальныхъ; ему хотѣлось бы отвѣдать всѣ сразу. За столомъ онъ пускаетъ въ дѣло свои руки, беретъ рукою мясо, перебираетъ его, отрываетъ часть, раздѣляетъ на куски, вообще ведетъ себя такъ, что остальнымъ гостямъ приходится ѣсть, если хотятъ, остатки послѣ него. Онъ не стѣсняется передъ ними въ своей неопрятности, способной отнять аппетитъ у самыхъ голодныхъ; сокъ и соусъ течетъ у него по подбородку и бородѣ; если онъ поднимаетъ рагу надъ блюдомъ, то разливаетъ соусъ по дорожкѣ въ другое блюдо и на скатертъ, оставляя слѣды за собой; ѣсть онъ съ большимъ шумомъ, чавкая, при этомъ ворочаетъ глазами; столъ для него въ родѣ яслей; онъ чиститъ зубы и продолжаетъ ѣсть. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ дѣлаетъ вокругъ себя не меньше простору, чѣмъ въ своей комнатѣ; въ каретѣ для него удобны только заднія мѣста; на всякомъ другомъ мѣстѣ, по его словамъ, ему дѣлается дурно. Если онъ путешествуетъ съ нѣсколькими другими лицами, онъ предупреждаетъ ихъ въ гостинницахъ и умѣетъ всегда занять лучшую постель въ лучшей комнатѣ; онъ все беретъ въ свое пользованіе; по его приказанію, бѣгутъ одновременно и его слуги, и слуги другихъ; онъ все присвоиваетъ себѣ, что попадется подъ руку, будь то какойнибудь скарбъ или экипажи; для него всѣ хлопочуть, а онъ ни для кого не принуждаетъ себя, никого не жалѣетъ, знаетъ только свое горе, свою тучность и желчь; онъ не оплакиваетъ смерти другихъ, боится только своей собственной и охотно залатилъ бы за нее уничтоженіемъ всего человѣческаго рода». По реалистическому приему, этотъ «портретъ» можно было бы приписать Золя, еслибы современный французскій беллетристъ владѣлъ съ такимъ искусствомъ ироніей и сатирой.

И еще одна особенность сближаетъ Лабрюйера съ нашимъ временемъ: его демократическій инстинктъ. По справедливому замѣчанію Тэна, онъ производитъ то же впечатлѣніе, что и Руссо: оба глубоко были уязвлены контрастами между ихъ геніемъ и ихъ социальнымъ положеніемъ, и это тайное страданіе, эта рана, никогда не закрывавшаяся, положила свою мрачную печать на форму ихъ мысли и на самую мысль. Эта же внутренняя, неутихающая боль заставила ихъ обратить вниманіе на несчастныхъ и страдающихъ. Жанъ-Жакъ Руссо написалъ свой «Discours sur l'inégalité»; Лабрюйеръ сдѣлалъ больше, онъ соединилъ въ одной фразѣ все, что современные реформаторы говорили въ многотомныхъ сочиненіяхъ о ненормальности общества, основаннаго на привилегіяхъ. Посмотрите, напримѣръ, на слѣдующую картину: «Вотъ разсѣяны

по полямъ какія-то дикія животныя, самцы и самки, смуглыя, багровыя, всё загорѣвшія отъ солнца, наклонившіяся къ землѣ, которую они роютъ и пахутъ съ непреодолимымъ упорствомъ; между ними какъ будто слышна членораздѣльная рѣчь, а когда они выпрямляются, то мы видимъ человѣческое лицо. И дѣйствительно, это—люди; на ночь они являются въ свои логовища, гдѣ питаются чернымъ хлѣбомъ, водой и кореньями; они избавляютъ другихъ людей отъ труда сѣять, обрабатывать и собирать для пропитанія и такимъ образомъ заслуживаютъ того, что лишаются даже возможности ѣсть хлѣбъ, который они посѣяли». И вслѣдъ за тѣмъ, въ другомъ мѣстѣ, онъ прибавляетъ: «народъ почти не имѣетъ ума, вельможи не имѣютъ души; у того хорошее основаніе и нѣтъ внѣшняго лоска, у этихъ только внѣшность и блестящая поверхность. Если нужно сдѣлать выборъ, я не стану колебаться,—я хочу принадлежать къ народу». Такихъ «выходокъ» у Лабрюйера найдется много: «Есть такая нищета на землѣ, что она сжимаетъ сердце. Инымъ даже нечего ѣсть, иные боятся зимы; имъ страшно за жизнь. Въ иныхъ мѣстахъ ѣдятъ незрѣлые плоды, насидя землю и времена года, чтобы удовлетворить своему неизысканному вкусу. Простые буржуа, только потому, что они были богаты, имѣли смѣлость проглатывать сразу столько, сколько хватило бы на прокормленіе ста семействъ. Пусть, кто хочетъ, выступитъ противъ этихъ крайностей: я укрываюсь въ среду умѣренности и не хочу, если можно, быть ни несчастнымъ, ни счастливымъ...» «Преимущество вельможъ надъ другими людьми огромно въ одномъ отношеніи: пускай ужъ у нихъ будетъ хорошей столъ и богатая меблировка, пускай будутъ собаки, лошади, обезьяны, карлики, дураки и льстецы, но я завидую ихъ счастью имѣть къ своимъ услугамъ людей, которые равняются съ ними сердцемъ и умомъ, а иногда и превосходить ихъ»...

Подобно Руссо, Лабрюйеръ подверженъ какой-то неизлѣчимой меланхолии, какой-то безотчетной грусти; онъ потерялъ всякую иллюзію, онъ чувствуетъ отвращеніе отъ людей; и по временамъ, вы встрѣчаете въ его книгѣ пессимизмъ, который напоминаетъ вамъ краснорѣчивѣйшія страницы Шопенгауэра: «Нужно смѣяться прежде, чѣмъ добиться счастья, а иначе можно умереть, не дождавшись случая смѣяться. Жизнь коротка, если она заслуживаетъ этого имени, только тогда, когда она пріятна, потому что если соединить вмѣстѣ всё часы, которые мы проводимъ за тѣмъ, что намъ нравится, то изъ большаго числа лѣтъ нашей жизни едва составитя нѣсколько мѣсяцевъ». «Жизнь—это сонъ. Старики—это тѣ, у кого сонъ былъ продолжительнѣе; они начинаютъ пробуждаться только тогда, когда нужно умирать. Вспоминая все теченіе своей жизни, они часто не находятъ ни добродѣтелей, ни похвальныхъ дѣйствій, которыя бы отличали одинъ годъ ихъ жизни отъ другаго; они смѣшиваютъ различныя свои возрасты, не видя въ нихъ ничего такого, что достаточно выдавалось бы для того, чтобы измѣрить прожитое ими время; сонъ ихъ былъ смутный, безформенный и непослѣдовательный; но они все таки чувствуютъ, какъ и всякій пробуждающійся ото сна, что долго спали. Для человѣка существуютъ только три

событія: рожденіе, жизнь и смерть. При рожденіи онъ не чувствуетъ себя, при смерти страдаетъ, все время жизни забываетъ, что живетъ». «Въ жизни человѣка есть время, когда разума еще нѣтъ, когда въ немъ замѣчается только инстинктъ, подобный инстинкту животныхъ, и не сохраняющій въ памяти никакого слѣда. Есть и другое время, когда разумъ развивается, даже уже сформированъ и могъ бы дѣйствовать, еслибы не былъ затемненъ и какъ бы погашенъ нравственными пороками, увлеченіемъ, страстями, которыя слѣдуютъ одна за другой и ведутъ человѣка къ третьему и послѣднему возрасту. Тутъ разумъ, находясь во всей своей силѣ, долженъ былъ бы производить; но онъ уже охлажденъ и разслабленъ годами, болѣзнью и горемъ; затѣмъ онъ еще болѣе разстроивается вслѣдствіе разстройства человѣческаго механизма, клонящагося къ разрушенію... Тѣмъ не менѣе, эти періоды составляютъ человѣческую жизнь»

При этомъ неизлѣчимомъ пессимизмѣ Лабрюйера, замѣчается однако теплая, душевная нота, которая какъ бы скрашиваетъ эту меланхолю. Главы: «Сердце» и «Женщина» переполнены трогательными мыслями, сердечными изліяніями, которыя какъ-то не вьжуются съ ироніей и сарказмомъ всего остальнаго, и которыя заставляютъ догадываться, чѣмъ онъ былъ бы, еслибъ условія жизни не сдѣлали его мизантропомъ и скептикомъ. Это любящее сердце, пораненное и оскорбленное, высказывается тутъ въ удивительно-обаятельной формѣ. «Какимъ бы безкорыстіемъ мы ни отличались въ отношеніи тѣхъ, кого любимъ, все таки иной разъ нужно принудить себя и имѣть великодушіе получить отъ нихъ услугу». И вслѣдъ за этимъ: «Тотъ можетъ брать, кто испытываетъ столь же высокое удовольствіе получая, какое испытываетъ другъ его, давая ему». Такія *épanchements*, изліянія, несомнѣнно указываютъ на субъективный элементъ; изъ-за писателя виденъ человѣкъ, который, въ этихъ отрывочныхъ фразахъ, въ этихъ сентенціяхъ, обнаруживаетъ всѣ тайники своего сердца. Эти невольныя изліянія еще сильнѣе поражаютъ своимъ субъективнымъ, личнымъ элементомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ дѣло касается любви. «Красивое лицо,—говоритъ онъ въ одномъ изъ такихъ мѣстъ,—это самое прекрасное изъ всѣхъ зрѣлищъ; самая пріятная гармонія — это звукъ голоса той, которую любишь». Подчасъ эти сентенціи невольно заставляютъ думать, что авторъ просто записывалъ извѣстныя рѣдкія впечатлѣнія жизни, облекая ихъ въ общую абстрактную форму: «Бываютъ подчасъ на пути жизни столь дорогія удовольствія и столь нѣжныя обстоятельства, недоступныя для насъ, что естественно желать, по крайней мѣрѣ, чтобы они были дозволены; такія сильныя чары можно преодолѣть только умнѣніемъ съ достоинствомъ отказаться отъ нихъ». «Иныя потери должны вызывать въ сердцѣ неистощимые источники скорби. Чтобы выйти изъ сильной печали, нужна добродѣтель или сила духа. Обыкновенно мы горько плачемъ и сильно бываемъ тронуты, но потомъ оказываемся столь слабыми и легкомысленными, что утѣшаемся». «Грустно любить, не обладая большимъ состояніемъ, которое даетъ намъ средства осыпать удовольствіями любимый предметъ и сдѣлать его настолько счастливымъ, чтобы большаго счастья онъ не

желаль». Уже въ наше время нѣкоторые изслѣдователи, пораженные этимъ субъективнымъ элементомъ Лабрюйера, пробовали читать между строкъ и раскрыть, если можно такъ выразиться, романъ Лабрюйера. Портретъ Артенисы, между прочимъ, послужилъ главной темой подобнаго рода догадокъ. Въ этомъ портретѣ видѣли портретъ г-жи de Bois-Landry,—если вѣрить свидѣтельству Шолье, который хорошо былъ съ нею знакомъ. Къ несчастію, она нисколько не похожа на портретъ, сдѣланный Лабрюйеромъ. Во всякомъ случаѣ, ничего документальнаго ни въ этомъ отношеніи, ни во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ его жизни нельзя было открыть.

Въ общемъ, Лабрюйеръ является однимъ изъ самыхъ изящныхъ, тонкихъ и глубокихъ писателей французской литературы XVII вѣка, который въ своихъ «Характерахъ» оставилъ намъ чрезвычайно полную и меткую картину нравовъ его времени.

В. Чуйко.

ПОСЛѢ ГРОЗЫ.

Гроза прошла и небо прояснилось,
И кое-гдѣ огни зажглись...
Какая тишь внезапная кругомъ!
Какъ все вокругъ неожиданно измѣнилось: —

Еще сейчасъ тутъ солнышко свѣтилось,
И пыль, и зной стояли надъ прудомъ, —
Гроза прошла и небо прояснилось:
И кое-гдѣ огни зажглись на немъ.

Такъ и въ душѣ былая скорбь смягчилась;
Но, милый другъ, въ томъ сердцѣ молодомъ,
Гдѣ такъ недавно была жизнь влючемъ,
Холодное безстрастье поселилось:
Гроза прошла — и небо прояснилось.

П. Рейтернъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Новый европейскій оракулъ.—Рѣчь императора Вильгельма II о школьномъ образованіи.—Сущность императорскихъ требованій.—Вторая рѣчь Вильгельма.—Рѣчь Бебеля о хлѣбныхъ пошлинахъ. — Русинское движеніе.—Меморандумъ королевы Наталіи.—Жидовствующая Англія.—Расколъ въ ирландской партіи.—Новый фазисъ убійства генерала Селиверстова.—Консерваторы во французской палатѣ.—Верди и Криспи.—Швейцарія, ограничивающая право убѣжища и правъ присяжныхъ.

1 января 1891 года.

Императоръ Вильгельмъ II продолжаетъ, въ сферѣ европейской политики, играть роль оракула, къ приговорамъ котораго съ удивленіемъ прислушиваются не только дипломаты и кабинеты всѣхъ странъ, но и общественное мнѣніе всего образованнаго міра. Говоритъ молодой повелитель Германіи, дѣйствительно, очень много, а къ этому не привыкли ни другіе властители Европы, ограничивающіеся краснорѣчіемъ, выражающимся только въ шаблонныхъ тронныхъ рѣчахъ, ни дипломатическія сферы, сочиняющія въ глубокой тайнѣ свои глубокомысленныя ноты. Удивляются также, что оракулы, нисходящіе съ имперско-германскаго трона, не отличаются ни двусмысленностью, ни загадочностью древнихъ пифій, а просты и ясны, какъ все, что основано на твердомъ, обдуманномъ убѣжденіи и, при этомъ случаѣ, припоминаютъ другаго царственного оракула, четверть вѣка назадъ носившаго имя «европейскаго сфинкса» за изреченіями котораго, высказываемыми обыкновенно на новогоднихъ пріемахъ, съ тревогою должны были слѣдить представители иностранныхъ державъ. Но оракулы авантюриста, 18 лѣтъ позорившаго Францію своимъ управленіемъ, поражали только своею неожиданностью, рѣзкостью, произволомъ, тогда какъ рѣчи Вильгельма касаются важныхъ, настоятельныхъ реформъ, основательно изученныхъ императоромъ и которыя онъ старается объяснить, мотивировать. И его не пугаетъ трудность рѣшенія вопросовъ, поставленныхъ имъ прямо, смѣло и открыто. Съ торо-

пливостью, понятною въ молодомъ и энергичномъ дѣятелѣ, вносить онъ въ парламентъ одновременно три существенныя реформы: рабочую, школьную, податную, и если послѣдняя, при бѣгомъ обзорѣ, не удовлетворяетъ ожиданіямъ большинства, обремененнаго тяжелыми налогами, то двѣ первыя заслуживаютъ полнаго сочувствія всѣхъ мыслящихъ людей, хотя и потребуютъ немало времени и большихъ усилій для своего осуществленія. Борются съ рутинною часто труднѣе, чѣмъ съ непріятелемъ, и уничтожить противника легче, чѣмъ застарѣлые предрассудки. До сихъ поръ классическая система воспитанія была господствующею въ Германіи. Народъ, разрушившій всегда-то римскую имперію, унаслѣдовалъ ея государственныя, юридическія, воспитательныя взгляды, и сдѣлался гораздо болѣе упорнымъ защитникомъ римскихъ порядковъ, чѣмъ романскія государства, основавшіяся на развалинахъ всемірной имперіи. Только литература не поддавалась всеобщему увлеченію, и нѣмецкій романтизмъ, возникшій еще въ концѣ прошлаго столѣтія, водворился вскорѣ и во Франціи. На своей родинѣ онъ постоянно встрѣчаетъ, однако же, сильнаго противника въ классицизмѣ, проникнувшемъ во всѣ отрасли государственной и общественной жизни и особенно въ систему образованія и преподаванія. Поэтому, когда, по почину императора, въ Берлинѣ созвана была конференція для реформы средняго образованія, составленная изъ знатоковъ-экспертовъ и свѣдущихъ людей, то ждали сильныхъ споровъ между приверженцами двухъ противоположныхъ системъ. Положено было хранить въ глубокой тайнѣ пренія конференціи, гдѣ засѣдало большинство классиковъ—до 30-ти членовъ изъ сорока—пасторы, профессора, врачи, фабриканты, куда приглашенъ даже пресловутый Кохъ—неизвѣстно только для размноженія или для истребленія классическихкихъ бациллъ. Большинство соглашалось на нѣкоторыя уступки въ пользу реалистовъ: на уменьшеніе числа часовъ по изученію супиновъ и герундіевъ, по составленію разныхъ эвстемпоралій, и на другія ничтожныя и бесполезныя измѣненія. Реалисты, не надѣясь на побѣду, заботились только о томъ, чтобы выхлопотать у конференціи разрѣшеніе поступать въ университетъ кончившимъ курсъ въ реальныхъ гимназіяхъ. Напрасно независимая печать подняла вновь никѣмъ неопровергнутые аргументы о вредѣ классицизма вообще, о томъ, что университеты выпускаютъ изъ рукъ вонъ плохихъ студентовъ, непригодныхъ къ практической жизни,—никто не надѣялся, что конференція придетъ къ рѣшенію, которое удовлетворило бы давно раздающимся и справедливымъ требованіямъ и жалобамъ общества на переутомленіе и отупѣніе дѣтей. Всѣ знали, въ какомъ направленіи будутъ дѣйствовать классики-эксперты.

И вдругъ это направленіе—и вовсе не по обычному рутинному пути—указалъ самъ императоръ въ рѣчи, произнесенной имъ въ комисіи по школьной реформѣ. Эта обстоятельная рѣчь, поразившая всѣхъ ясностью

взгляда и твердостью убѣжденія, была такъ длинна, что даже официальный вѣстникъ напечаталъ ее въ двухъ нумерахъ, заставивъ всю Германію цѣлыя сутки волноваться, не зная, какое же окончательное мнѣніе ея императора о классической системѣ образованія. А мнѣніе это оказалось такимъ, какого никто не ожидалъ слышать отъ главы правленія въ странѣ, живущей устарѣлыми преданіями и считающей классицизмъ одною изъ главныхъ опоръ власти. И между тѣмъ Вильгельмъ безпощадно опрокинулъ эту опору, доказавъ всю ея гнилость и непригодность. Рѣчь эта до того замѣчательна и представляетъ такой любопытный образецъ властнаго краснорѣчія, что необходимо остановиться на ея главныхъ положеніяхъ.

Императоръ началъ съ восхваленія предсѣдателя конференціи, министра исповѣданій. Извѣстно, что въ Пруссіи просвѣщеніе соединено съ духовными дѣлами, что не разъ уже оказывало вредное вліяніе на развитіе прогресса въ педагогическихъ мѣрахъ, такъ какъ взгляды клерикаловъ всегда строго консервативны и неподвижны, если не ретроградны. Но Госслеръ, кромѣ того, и отъявленный классикъ. Какимъ же образомъ онъ будетъ руководить преніями, направленными противъ классицизма? Чѣмъ Вильгельмъ успѣлъ внушить ему свои убѣжденія? Министры его не имѣютъ самостоятельныхъ убѣжденій, и, если не исполняютъ въ точности его приказаній—онъ тотчасъ смѣняетъ ихъ, чему было уже столько примѣровъ. Для того, чтобы безпристрастно руководить преніями, предсѣдатель долженъ быть совершенно нейтраленъ—и нѣкоторыя газеты уже сообщили, что Госслеръ выходитъ въ отставку, что было бы странно послѣ обращенныхъ къ нему похвалъ. Затѣмъ Вильгельмъ возсталъ противъ безобразной смѣси нѣмецко-административнаго языка съ французскимъ и названія разслѣдованій комисіи *Schulenquѣte* вмѣсто *Schulfrage*. Онъ недоволенъ также програмою вопросовъ, поставленныхъ комисіею, и предложилъ ей свои: о школьной гигиенѣ, сокращеніи учебныхъ плановъ, о методѣ преподаванія, упрощеніи экзаменовъ и контролѣ. «Школа должна играть руководящую роль въ нашемъ развитіи и бороться противъ социаль-демократіи». Здѣсь императоръ увлекся своею ненавистью къ этому ученію и требуетъ отъ школы невозможнаго: никакое среднеучебное заведеніе не можетъ заниматься изслѣдованіемъ соціальныхъ теорій; для этого должна быть особая кафедра въ университетѣ. Средній школьный возрастъ не подготовленъ къ изученію діалектики и вопросовъ общественной жизни, съ которыми справляются съ трудомъ и высшія школы. Но императоръ правъ, сказавъ, что нѣмецкая школа играла важную роль въ отечественномъ развитіи въ 1864—1870 годахъ, когда каждый, выходящій изъ нея, былъ убѣжденъ въ томъ, что «необходимо возстановить германскую имперію и пріобрѣсти вновь Эльзасъ-Лотарингію». О пріобрѣтеніи Эльзаса, положимъ, мало кто заботился: объ этомъ, какъ извѣстно,

не думали ни Вильгельмъ I, ни его желѣзный канцлеръ; это—дѣло случая, одинъ изъ шансовъ благопріятной для нѣмцевъ войны, но что большинство изъ нихъ грѣзило о объединеніемъ еще съ 1848 года—это неоспоримо. Но съ 1871 года, по словамъ императора, все остановилось: молодежи слѣдовало разъяснить, что новое государство создано для дальнѣйшаго существованія и развитія, но учителя гимназій не внушали ученикамъ ничего подобнаго, а «засѣли въ школахъ, какъ филологи, какъ *beati possidentes*, придавая главное значеніе выучкѣ, а не образованію характера и нуждамъ современной жизни». Тутъ Вильгельмъ извинился передъ своимъ учителемъ Гинцпетеромъ и, назвавъ его «филологомъ, исполненнымъ воодушевленія», сказалъ, что все таки далѣе этимъ путемъ идти нельзя: на экзаменахъ требуютъ только, чтобы ученикъ зналъ какъ можно больше, а годится ли это знаніе для практической жизни,—объ этомъ не думаютъ, говоря, что это не задача школы, которая должна развивать гимнастику ума. «Я думаю, что такой точки зрѣнія нельзя долѣе держаться. Я самъ былъ въ гимназій и знаю ея порядки. Прежде всего—въ ней нѣтъ національной основы: намъ слѣдуетъ воспитывать молодыхъ нѣмцевъ въ національномъ духѣ, а не молодыхъ грековъ и римлянъ. Мы должны разстаться съ основами, существовавшими цѣлые вѣка. Представленіе на выпускномъ экзаменѣ безупречнаго сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ, а не на латинскомъ, должно служить мѣриломъ умственнаго развитія юноши». Эти же совершенно логичныя мысли императоръ желаетъ примѣнить къ исторіи и географіи, которыя необходимо преподавать въ національномъ духѣ. «Прежде чѣмъ ходить по музеямъ, надо составить себѣ точное понятіе о собственномъ домѣ. Исторія въ гимназійхъ оканчивается французской революціей, и если я узналъ что нибудь о войнахъ за независимость, то благодаря частнымъ лекціямъ, но еслибы знакомили молодежь съ годами перехода къ XIX вѣку, она понимала бы лучше современные вопросы».

Затѣмъ ораторъ настаивалъ на безусловной необходимости сократить продолжительность школьныхъ занятій. Переутомленіе учениковъ въ кассельской гимназій, гдѣ воспитывался Вильгельмъ II, было крайнее: 5 часовъ уроковъ и до 7-ми часовъ занятій на дому. «Еслибы я не имѣлъ возможности ѣздить верхомъ и вообще пользоваться нѣкоторой свободой—я не зналъ бы, каковъ божій міръ. Такъ продолжаться дѣло не можетъ. Гимназій дали слишкомъ крупный излишекъ образованныхъ людей. Весь умственный пролетаріатъ, всѣ такъ называемые «кандидаты голода», особенно господа журналисты—это не удавшіеся гимназисты и представляютъ для насъ опасность». Противъ этихъ фразъ особенно возстала печать: недоучившихся гимназистовъ гораздо больше—де между журналистами другихъ странъ, чѣмъ въ Германіи, гдѣ, при свободѣ печати, публицистика вовсе не ведетъ къ голоданію. Ораторъ возстаетъ также противъ реальныхъ

гимназій, говоря, что должны быть только «школы съ реальнымъ образованіемъ». Но дѣло, конечно, не въ названіи, и если реальныя гимназіи—полумѣра, дающая только полуобразование, то и классическія гимназіи, дающія только переутомленіе или непригодность къ практической жизни, также не достигаютъ своей цѣли. Говоря объ упрощеніи экзаменовъ, о сокращеніи не только уроковъ, но и числа учениковъ въ классахъ, для того чтобы учитель могъ обратить вниманіе и на развитіе характера учащихся, ораторъ проводитъ афоризмъ Гинцпетера: кто хочетъ воспитывать, тотъ долженъ самъ быть воспитанъ; ораторъ сильно настаиваетъ на томъ, что главною цѣлью школы должно быть не ученіе, а современная практическая жизнь. Онъ приводитъ далѣе нѣсколько статистическихъ цифръ: въ Пруссіи 308 гимназій и прогимназій съ 80,979 учениковъ, 172 реальныхъ гимназій съ 34,465 учениками, 60 высшихъ реальныхъ школъ съ 19,893 учениками. Аттестаты зрѣлости въ гимназіяхъ выданы 31 проц., въ реальныхъ гимназіяхъ—12 проц., въ высшихъ реальныхъ 2 проц.; На долю каждаго ученика приходится 25,000 часовъ уроковъ и 657 часовъ для физическихъ занятій и гимнастики. Такое преобладаніе умственного труда должно быть ослаблено. На 12—14-лѣтнихъ учениковъ гимназій приходится до 37-ми уроковъ въ недѣлю. Число близорукихъ учениковъ особенно пугаетъ императора, потому что «человѣкъ, который не можетъ надлежащимъ образомъ пользоваться своими глазами, не можетъ приносить большой пользы». Это уже слишкомъ преувеличенное мнѣніе, какъ и многое въ рѣчи Вильгельма, но вся она основана на жизненномъ опытѣ здраваго сужденія и производитъ сильное впечатлѣніе прямымъ, увѣреннымъ и откровеннымъ тономъ, къ которому насъ не приучили официальные германскія рѣчи, особенно съ той высоты, на которой говорилъ Вильгельмъ II, старающійся вмѣсто авторитетнаго: *sic volo, sic juveo*, логически развивать свои мнѣнія.

На эту сторону императорской рѣчи обратила особенное вниманіе французская печать. Газета «Temps» говоритъ, что ораторъ отстаиваетъ педагогическія теоріи, уже лѣтъ десять проповѣдуемыя во Франціи, но которыхъ тамъ еще не удалось примѣнить къ дѣлу и, въ этомъ отношеніи, Германія опередила Францію. Болѣе всего Вильгельмъ настаиваетъ на томъ, что школьное знаніе не должно быть одною гимнастикой ума, а должно примѣняться къ практической жизни. То же давно говорятъ новѣйшіе французскіе педагоги: Фрари, Дицъ, Биго, Манувриѣ. Латинскому языку придаютъ преувеличенное значеніе, а онъ неминуемо ведетъ къ переутомленію учениковъ, къ увеличенію «кандидатовъ голода». «Но императоръ настаиваетъ не на упраздненіи древнихъ языковъ, а только на томъ, что ихъ не слѣдуетъ ставить во главѣ средняго образованія. Для массы сыновъ націи нужно создать національное воспи-

таніе». Французскія газеты сожальють только, что режимъ республиканской свободы допускаетъ меньше реформъ въ школьномъ дѣлѣ, чѣмъ почти самодержавная монархія. Парламентскія пренія объ императорскихъ реформахъ начнутся уже послѣ новаго года, и школьная комісія приняла всѣ предложенія Вильгельма II. Главныя изъ нихъ слѣдующія: классическая гимназія и высшая реальная школа безъ латыни признаются нормальными учебными заведеніями для средняго образованія. Этими типами заведеній замѣняются упраздняемые реальные гимназіи. Число уроковъ въ гимназіяхъ, и особенно по древнимъ языкамъ, сокращается, сочиненія на латинскомъ языкѣ отмѣняются, также какъ переводы на греческій языкъ; число уроковъ, посвященныхъ нѣмецкому языку, увеличивается; вводится преподаваніе англійскаго языка; расширяется преподаваніе исторіи и отводится больше часовъ для физическихъ упражненій; приняты всѣ мѣры къ улучшенію гигиеническихъ условій учебныхъ заведеній. Странно, что многіе французскіе профессора и педагоги недовольны этими реформами, и одинъ изъ выдающихся серьезныхъ писателей, Эрнестъ Лависсъ, находитъ, что образованность среднихъ классовъ упадетъ въ Германіи, какъ только исчезнетъ въ ней классическая культура. «Императоръ требуетъ, — говоритъ Лависсъ, — чтобы школа внушала молодежи необходимость нынѣшняго устройства германской имперіи, во сзми нѣмцы не смѣшиваютъ Германію съ существующимъ порядкомъ вещей. Самъ Вильгельмъ сознался, что существуютъ центробѣжныя стремленія и ихъ надо остановить. Онъ отождествляетъ себя съ имперіей и говоритъ педагогамъ и ученикамъ: работайте для меня, вмѣсто того чтобы сказать: работайте для себя. Особенно возмущаетъ его то, что въ школахъ 74 процента близорукихъ, а въ войскѣ нужны меткіе стрѣлки. Онъ не придастъ также значенія философскимъ теоріямъ въ наукѣ, хотя всѣ ученые, начиная со Шлейермахера, Якова Гримма, Шеллинга, подтверждаютъ, что только соединеніе философіи съ практическимъ направленіемъ оставило такъ высоко нѣмецкую науку. Онъ хочетъ избавиться также отъ журналистовъ, въ которыхъ видитъ только социалистовъ, а монополію разработки социальныхъ теорій онъ взялъ на себя, какъ распространеніе лимфы доктора Коха, которую нельзя ни изучать, ни приготавливать безъ позволенія правительства». Этими стремленіемъ, чтобы зсѣ работали только «для прусскаго короля», сильно недовольны французы.

При закрытіи засѣданій школьной конференціи, императоръ произнесъ снова рѣчь, точно также поразившую педагоговъ-рутинеровъ. Онъ говорилъ сначала, что, «какъ прусскій король и высшій епископъ своей церкви», онъ будетъ заботиться о томъ, чтобы религіозное чувство развивалось въ школѣ. Затѣмъ онъ сталъ доказывать, что предки его всегда слѣдили за пульсомъ времени и стояли во главѣ движенія (что не совсемъ согласно съ исторіей, записавшей на своихъ страницахъ, что

Фридрихи-Вильгельмы перѣдко, напротивъ, тормозили это движеніе) и что самъ онъ «понялъ, куда именно стремится новый духъ и приходящее къ концу столѣтіе», а и потому приступилъ съ такою рѣшимостью къ воспитанію молодаго поколѣнія, какъ и къ социальнымъ реформамъ, за что, конечно, благословія многихъ тысячъ матерей призовутся на голову каждаго, кто участвовалъ въ этихъ реформахъ. Потомъ ораторъ, забывъ, что въ предыдущей рѣчи назвалъ журналистовъ «кандидатами голода», прочелъ длинную цитату изъ малораспространеннаго «Ганноверскаго Курьера», во всемъ согласнаго съ мнѣніями императора. Въ цитатѣ говорится, что нынѣшнее устройство имперіи должно быть сохранено, что учителя исторіи должны съ полною свободою говорить о прошедшемъ времени, и учить можетъ только тотъ, кто съ полнымъ убѣжденіемъ стоитъ на монархической и конституціонной почвѣ. Вильгельмъ благодарилъ журналиста за его старанія распространить эти воззрѣнія въ народѣ. О требованіяхъ—распространить школьную реформу и на кадетскіе корпуса, ораторъ не хотѣлъ говорить, такъ какъ корпусъ—«нѣчто своеобразное, имѣетъ свою особую цѣль и непосредственно подвѣдомственъ мнѣ». Рѣчь закончилась исторической цитатой: «*Suum cuique*—значитъ каждому свое, а не каждому то же самое. До сихъ поръ дорога вела отъ Термопилъ черезъ Канны къ Росбаху и Вюввилю. Я же веду молодежь отъ Седана и Гравелота, черезъ Лейтенъ и Росбахъ, назадъ къ Мантиней и Термопиламъ, и думаю, что дорога эта настоящая». Затѣмъ былъ прочитанъ кабинетный приказъ объ открытіи особой комисіи изъ 5—7-ми человекъ, которая переработаетъ весь матеріалъ, собранный по школьному вопросу, и выработаетъ новый типъ учебныхъ заведеній, съ такимъ расчетомъ, чтобы рефармы могли быть введены съ 1893 г. Въ то же время будутъ измѣнены условія относительно положенія и жалованья учителей. Въ конференцъ-залу министерства просвѣщенія, гдѣ будутъ происходить засѣданія комисіи, Вильгельмъ подарилъ свой портретъ во весь ростъ и внизу портрета написалъ собственноручно не *suum cuique*, а—*sic volo, sic jubeo*.

Въ рейхстагѣ сильное впечатлѣніе произвела рѣчь Бебеля о хлѣбныхъ пошлинахъ, которыя правительство никакъ не хочетъ уменьшить. Глава социалистовъ доказывалъ, что таможенная и аграрная политика имперіи вызываетъ враждебныя чувства въ большинствѣ населенія Германіи. Сельскіе рабочіе десятками тысячъ переселяются въ города, гдѣ населеніе въ послѣднія десять лѣтъ возросло на 20 проц. Въ Помераніи сельское населеніе уменьшилось на 0,7 процентовъ. Рабочій день оплачивается 40—60 пфенигами. Хлѣбныя пошлины принесли пользу исключительно крупнымъ землевладѣльцамъ, которые въ числѣ 17-ти человекъ владѣютъ $\frac{1}{3}$ всего обработаннаго пространства Германіи. Они способствуютъ обезземеленію крестьянъ и увеличиваютъ только свои по-

мѣстья. Мнѣнія Бебеля и другихъ ораторовъ о крайнемъ вздорожаніи предметовъ первой потребности, вслѣдствіе высокаго обложенія хлѣба и мяса, не были никѣмъ опровергнуты; ихъ даже не оспаривали. Еще въ 1874 году долгъ Германской имперіи не достигалъ 5 милліоновъ марокъ, теперь онъ перевалилъ за милліардъ.

Австрія въ послѣднее время начала сильно придерживаться своего стараго девиза: «divide et impera». Видя, что Чехія положительно ускользаетъ изъ нѣмецкихъ объятій, а народъ вездѣ присоединяется къ младочешской партіи, не желая входить ни въ какіе компромиссы съ нѣмцами, правительство Франца-Иосифа испугалось, чтобы подобное движеніе не возникло и между русскими галичанами, хотя они придавлены поляками и обобраны жидами. Находя, что двухъ этихъ язвъ недостаточно для подавленія русскаго племени, въ немъ искусно возбуждали раздоръ между двумя старыми партіями: святоюрской, считающей себя въ духовномъ единеніи съ Россією, и украинофильской, или хлопманской, мечтающей о независимости малорусскаго племени. Эта послѣдняя партія, ничтожная и по численности, и по своему значенію, обнародовала воззваніе, подписанное четырьмя уніатскими епископами, двумя депутатами львовскаго сейма и сторонниками общества «Народная рада». Эти господа объявляютъ: «мы, русины, самостоятельный народъ, независимый, какъ отъ польскаго, такъ и отъ русскаго, и на этомъ основаніи стремимся къ развитію нашей народности и нашего языка». Но и эта народность, и этотъ языкъ—чисто русскіе. Это наша Червоная, галицкая Русь, и этимъ языкомъ говоритъ вся южная Россія. Стало быть, никакого независимаго отъ нея развитія народности тутъ и быть не можетъ. А между тѣмъ главари этой партіи, Романчукъ и Сечинскій, въ своихъ рѣчахъ на сеймѣ приглашаютъ «малорусскій народъ, возрождающійся теперь вслѣдствіе пробужденія національнаго сознанія, готовится къ борьбѣ, которая должна разразиться надъ міромъ между Западомъ и Востокомъ. Въ борьбѣ этой малороссы должны принять участіе, какъ католики, и отстаивать Западъ». Это приглашеніе австрійскихъ малороссовъ обратиться въ католичество и идти противъ своихъ братьевъ дѣлаетъ честь вѣрнопопданническому чувству хохломановъ, хотя оно врядъ ли раздѣляется большинствомъ малороссовъ и противорѣчитъ всей исторіи южной и западной Россіи. Но кабинетъ Таафе очень доволенъ манифестомъ этой партіи, обѣщаетъ ей всякія льготы и мѣста въ рейхстагѣ, поддерживая этимъ раздоръ между ею и святоюрцами и достигая того, что «управляетъ, раздѣляя»,—надолго ли только?

Королева Наталія, не слушая дружескихъ совѣтовъ, подала все таки въ скупщину свой меморандумъ. Президентъ, указавъ на щекотливый характеръ этого документа, предложилъ, чтобы чтеніе его происходило при закрытыхъ дверяхъ. Публику удалили, и защитники королевы предло-

жили передать дѣло на разсмотрѣніе отдѣльной комисіи. Скупщина отвергла это и постановила резолюцію: «признавая себя некомпетентной по существу дѣла, скупщина высказываетъ все таки рѣшительное желаніе, чтобы правительство, по соглашенію съ регентствомъ, приняло надлежащія мѣры къ тому, чтобы, въ интересахъ достоинства престола и отечества, были предупреждены послѣдствія распри между августѣйшими родителями короля». Королева не удовольствовалась этимъ рѣшеніемъ и переноситъ дѣло въ обыкновенный судъ, прося, на основаніи конституціи и существующихъ законовъ, о возстановленіи ея правъ, какъ матери, которой запрещаютъ видѣться со своимъ сыномъ. Во всякомъ случаѣ, сербское министерство давно должно было бы положить конецъ этому скандалу и рѣшить: законенъ ли разводъ Милана, можетъ ли такой невѣняемый господинъ быть опекуномъ короля и дѣлать частые визиты въ страну, гдѣ онъ только мутитъ всѣхъ, интригуетъ и откуда его выжидаютъ всякій разъ съ трудомъ, съ помощью «отступнаго».

Семитическая агитація въ защиту евреевъ продолжается въ Англіи съ тою жидовскою настойчивостью, которая въ послѣднее время доходитъ вездѣ до послѣднихъ предѣловъ нахальства, увѣреннаго въ успѣхъ своихъ притязаній. Лондонскій лордъ-мэръ собралъ митингъ во имя гуманности и равноправности евреевъ въ Россіи. На этомъ собраніи два лорда и одинъ альдерменъ произнесли сличіе—не о положеніи лондонскихъ бѣдняковъ, умирающихъ съ голоду, или англійскихъ фермеровъ, эксплуатируемыхъ лордами, а о внутреннихъ дѣлахъ Россіи. Лордъ-мэръ сравнилъ нашихъ жидовъ съ крѣпостными и требуетъ для нихъ освобожденія отъ черты осѣдлости, и безъ того постоянно нарушаемой ими. Хороши крѣпостные, занимающіеся въ низшихъ слояхъ русскаго населенія спайваніемъ его, мошенничествами всякаго рода, фальсификаціей, а въ высшихъ—банковскимъ ростовщичествомъ и биржевою эксплуатаціею!! Пусть бы лордъ-мэръ взглянулъ, какъ плохо живетъ въ банкирскихъ конторахъ, въ торговлѣ, въ адвокатурѣ, этимъ крѣпостнымъ въ Петербургѣ, гдѣ ихъ расплодилось тысячи, тогда какъ при Николаѣ I жидъ, допущенный квартальнымъ надзирателемъ къ временному прожитію въ столицѣ,—конечно, за извѣстное убогодвореніе,—былъ рѣдкою птицею, *ga ga avis*. Или еще лучше: пусть посмотритъ на Москву, гдѣ жидовъ считаютъ уже десятками тысячъ, и принимаютъ ихъ съ распростертыми объятіями уже не одни квартальные надзиратели. *Недаромъ*, въ полномъ смыслѣ этого слова, сыплются изъ первопрестольной столицы, точно изъ Лондона, всякаго рода протесты о гуманности и равноправности. Здѣсь же газеты въ родѣ жидовскихъ «Новостей» считаютъ подобные протесты выраженіемъ общественнаго мнѣнія; зато въ самомъ Лондонѣ г-жа Ольга Новикова напечатала въ «Times» двѣ статьи въ опроверженіе мнѣній лорда-мэра. Русская публицистка по-

лагала, что онъ созываетъ митингъ съ цѣлью протестовать противъ обвиненій правительства генераломъ «арміи спасенія», Бутомъ, въ страшной нищетѣ и бѣдствіяхъ стотысячной массы лондонскаго населенія, или противъ жестокостей, совершенныхъ въ Африкѣ Стэнли и его спутникомъ надъ беззащитными дикарями. Но митингъ собрался въ Гильдголлѣ для протеста противъ преслѣдованія евреевъ въ Россіи. А что, если евреи повѣрятъ сочувствію Англіи?—спрашиваетъ г-жа Новикова—и бросятся сюда изъ Россіи, гдѣ ихъ до 5 милліоновъ, тогда какъ во всей Великобританіи нѣтъ и 60,000? Эта перспектива до того перепугала англійскую печать, что даже либеральнѣйшая газета «Daily News» заговорила: «евреевъ у насъ и безъ того достаточно, и мы поступимъ благоразумно, если перестанемъ переманивать къ намъ русскихъ евреевъ, выражая имъ наши симпатіи». Напрасно только г-жа Новикова называетъ попытку лорда-мэра комическою; гораздо ближе къ дѣлу другое ея выраженіе, что эта пустая болтовня (idle talk) превращается въ дерзость. Лордъ-мэръ, не имѣющій никакого понятія о положеніи русскихъ евреевъ, забылъ, что еще въ 1880 году лондонская печать указывала на размноженіе евреевъ въ столицѣ Англіи, какъ на причину нищеты десятковъ тысячъ англійскихъ рабочихъ, у которыхъ эти жадные пришельцы перебиваютъ скудный заработокъ. Та же печать сколько разъ представляла страшныя картины эксплуатаціи жидами румынскаго и галицкаго населенія. Исторія говоритъ прямо, что одной изъ главныхъ причинъ паденія Польши было ея разореніе жидами. Сеймы приняли уже очень поздно мѣры противъ этого хищническаго, паразитскаго племени. И какъ не спасать отъ него коренное русское населеніе, особенно въ виду гигантскаго прироста жидовъ?! Кто повѣритъ, что ровно сто лѣтъ назадъ въ Бердичевѣ было только 1,950 жидовъ, когда ихъ теперь тамъ болѣе семидесяти тысячъ даже по officialному счету. Въ кievскомъ воеводствѣ ихъ было 21,600, теперь гораздо болѣе 140,000. Во всемъ югозападномъ краѣ насчитывалось 106,000; теперь больше миліона. Что же будетъ еще черезъ сто лѣтъ, и какая же страна будетъ въ состояніи переварить, ассимилировать въ себѣ семидесяти-милліонное еврейское царство?.. Въдъ даже въ Австріи, заповоленной жидами, устраиваются антисемитическія демонстраціи. Въ Вѣнѣ чествовали пріѣхавшаго туда крупнаго дѣятеля изъ нѣмецкихъ антисемитовъ, Бренкеля. Онъ говорилъ рѣчь, въ которой настаивалъ всѣми силами дѣйствовать противъ всеодолювающаго жидовства. Но для этого нужно немало гражданскаго мужества, потому что антисемитовъ почти вездѣ преслѣдуютъ, хотя они и борются за народное благо. Необходимо образовать асоціаціи, рынки, учрежденія всякаго рода,—и не допускать туда евреевъ, не подчиняться ихъ капиталамъ и мошенничествамъ. Вообще и въ Германіи, какъ въ Англіи, жиды требуютъ, чтобы всѣ правительства стали на ихъ сторону и покровительствовали имъ:

Во Франціи дѣло объ убійствѣ генерала Селиверстова приняло новый, странный оборотъ. Въ то время, когда полиція дѣятельно разыскивала убійцу Подлевскаго, — въ мало распространенной, ультра-радикальной газетѣ «Eclair» явилась статья, подписанная громкимъ именемъ Лабрюйера, знаменитаго моралиста эпохи Людовика XIV. Малоизвѣстный репортеръ Пуабранъ, принявшій этотъ громкій псевдонимъ, рассказалъ, что прѣѣхавшая къ нему неизвѣстная дама просила его содѣйствовать скрытію въ Парижѣ Подлевскаго и бѣгству его. Развязный журналистъ охотно взялся за это. заявивъ, что онъ не осуждаетъ и не одобряетъ поступка этого нигилиста, но считаетъ своимъ долгомъ спасти челоуѣка, «сдѣлавшагося убійцей не изъ личной мести, а въ защиту своего дѣла». Пустивъ слухъ, что опъ долженъ драться на дуэли за границей — Лабрюйеръ поѣхалъ черезъ Ліонъ въ Италію съ двумя секундантами и докторомъ Вольфомъ — послѣдній былъ переодѣтый Подлевскій. Полицейскіе комисары на дебаркадерѣ и на границѣ пропустили безпрепятственно дуэлистовъ и Лабрюйеръ проводилъ черезъ сѣверную Италію до Триеста убійцу, отправившагося оттуда въ Америку. Подлевскій увѣрялъ репортера, что убилъ Селиверстова не съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ, а подъ вліяніемъ вспыхнувшаго негодованія, когда генераль предложилъ ему сдѣлаться шпіономъ. Во всемъ этомъ разсказѣ было столько явно придуманнаго, неправдоподобнаго; весь онъ такъ походилъ на рекламу, придуманную для того, чтобы придать сенсационный интересъ газетѣ и увеличить ея розничную продажу, что правительство не обратило вниманія на ничѣмъ не вынужденныя показанія журналиста. Но оказалось по справкамъ, что Лабрюйеръ дѣйствительно ѣздилъ въ Италію и Триестъ вчетверомъ и главная часть разсказа его не вымыслена, хотя и украшена тенденціозными подробностями. Такъ, въ это дѣло замѣшано нѣсколько женщинъ жена социалиста Дюкъ-Керси и писательница Северинъ. Къ первой пришелъ Подлевскій и сказалъ: «я убилъ Селиверстова». — И прекрасно сдѣлала, — отвѣчала она и скрыла его у себя. Северинъ — бывшая любовница комунара-романиста Жюля Валлеса, теперь подруга Лабрюйера, издавала анархическую газету «Le cri du peuple», а теперь пишетъ хронику аристократической жизни въ роялистскомъ «Gaulois». Относительно ареста Лабрюйера и его сообщниковъ возникли споры въ администраціи. Генераль-прокуроръ требовалъ ареста, судебный слѣдователь противился этому. Министръ иностранныхъ дѣлъ грозилъ выйти въ отставку, если не будетъ произведено слѣдствіе надъ Лабрюйеромъ; первый министръ Констанъ не раздѣлялъ этого мнѣнія. Серьезные органы печати требовали наказанія, положеннаго по закону за укрывательство преступника и пособничество къ его бѣгству. Лабрюйера и г-жу Дюкъ-Керси наконецъ арестовали, зато выпустили Мендельсона, жида нигилиста, давшаго Подлев-

скому сто франковъ на покупку револьвера. Лабрюйера присудили къ двухлѣтнему тюремному заключенію, Эсму—къ трехмѣсячному.

Французская палата быстро покончила съ утвержденіемъ бюджета, не оспаривая ни министерскихъ цифръ, ни проэктвъ. Оппозиція не затягивала преній, и только по поводу займа, предложеннаго министромъ финансовъ Рувье, не приняла его плана, и то изъ личнаго нерасположенія къ министру. Онъ былъ, однако, остороженъ и не поставилъ вопроса о довѣрїи къ кабинету, когда проэктъ его былъ отвергнутъ. Поэтому отставка этого нелюбимаго палатою и, дѣйствительно, далеко небезупречнаго государственнаго дѣятеля отложена до болѣе удобнаго случая. Но на преніяхъ о бюджетѣ обнаружился весьма утѣшительный фактъ присоединенія къ существующей формѣ правленія многихъ монархистовъ и имперіалистовъ. Орлеанистъ Дюге де-ла-Фоконери прямо заявилъ о необходимости этого присоединенія, хотя въ этомъ не рѣшаются публично признаться его товарищи-монархисты. За нимъ, имперіалистъ Поль Кассаньякъ, сказалъ, что «династическихъ вопросовъ болѣе не существуетъ, и они составляютъ только дорогія воспоминанія, сохраняющіяся въ сердцѣ человѣка до его послѣднихъ дней. Давно настала часть, когда консервативная Франція готова пойти на встрѣчу республикѣ, которой остается сдѣлать только нѣсколько незначительныхъ уступокъ, чтобы примиреніе состоялось». Кассаньякъ даже назвалъ эти условія: разрѣшеніе семинаристамъ отбывать воинскую повинность не въ строю, а службою въ военныхъ госпиталяхъ, и предоставленіе общинамъ права выбирать между школою безъ религіознаго преподаванія и школою, руководимую духовенствомъ. Первое условіе легко и удобоисполнимо, но дать волю католическимъ монахамъ фанатизировать необразованныя массы— шагъ опасный и рискованный. Во всякомъ случаѣ, самая готовность монархистовъ войти въ соглашеніе съ республиканцами представляетъ отрадное явленіе для политическаго спокойствія Франціи.

Новая итальянская палата депутатовъ составлена изъ приверженцевъ политической системы Криспи, но это не мѣшаетъ оппозиціи преплѣдовать премьера упреками, насмѣшками и обличеніями. Министръ успѣлъ возстановить противъ себя выдающихся дѣятелей страны. Вербуя въ палату новыхъ членовъ, Криспи прежде всего обѣщалъ, что налоги не будутъ увеличены, но какъ только сформировались кабинетъ и палата—тотчасъ уволил въ отставку министра финансовъ и посадилъ на его мѣсто своего клеветы, который, конечно, не поцеремонится наложить на народъ какія угодно подати. Противъ Криспи возсталъ даже знаменитый композиторъ Верди. Его назначили сенаторомъ, но не во уваженіе его таланта, не потому, что онъ прославилъ свое государство, а въ силу его матеріальнаго положенія, потому что за свое имущество онъ платитъ

въ казну три тысячи годового налога. Выборная комисія объявила прямо, что избирательная правоспособность Верди истекаетъ исключительно изъ матерьяльнаго ценза, а не изъ общественнаго, то есть, въ данномъ случаѣ—артистическаго. Сверхъ того, предсѣдатель сенатской комисіи, графъ Маміани, потребовалъ внесенія въ протоколъ спеціальнаго пункта, по которому Верди обязуется не появляться публично на сценѣ: «Для общественнаго дѣятели (говорится въ протоколѣ) удостоеннаго чести носить званіе сенатора и засѣдать въ высшемъ законодательномъ учрежденіи страны, было бы непристойно появиться когда либо на театральныхъ подмосткахъ и раскланиваться передъ публикою, выслушивая аплодисменты театральной толпы». Мудрено ли, что, послѣ такихъ заявленій, композиторъ объявилъ, что никогда не будетъ въ сенатѣ и формально отказался принести особую присягу на званіе сенатора. Хорошо же относится Италия къ своимъ знаменитымъ дѣятелямъ, которые будутъ жить вѣчно въ исторіи искусства и памяти народной, тогда какъ о какомънибудь Криспи и Маміани если и вспомнятъ лѣтъ черезъ десять, то потому только, что они жили во время Верди. И король Гумбертъ разрѣшаетъ своимъ министрамъ обращаться подобнымъ образомъ съ людьми прославляющими его царствованіе!

Консервативное большинство англійскаго парламента въ послѣднее время стало такъ быстро уменьшаться съ замѣною выбывающихъ членовъ либералами гладстоновской партіи, что Салисбюри, опасаясь пораженія кабинета по какомунибудь внутреннему вопросу, задумывалъ даже распустить парламентъ. Общественное мнѣніе все болѣе склонялось на сторону «великаго старика», отстаивающаго независимость Ирландіи по управленію ея мѣстными, домашними дѣлами. И ирландскіе гомрулеры крѣпко держались за вождя либераловъ, хотя у нихъ былъ и собственный глава, дѣятельный и энергичный Парнелъ. Оппозиція либерально-ирландской партіи росла съ каждымъ днемъ и премьеру необходимо было разъединить ихъ, чтобы удержать за собою власть. Онъ пробовалъ это уже два года тому назадъ, обвинивъ Парнеля въ томъ, что онъ проповѣдывалъ аграрныя убійства. Газета «Times» вошла въ стачку съ министромъ и напечатала письма ирландскаго агитатора, взывавшія къ насиліямъ и кровопролитію. Но интрига не выгорѣла: письма были признаны подложными по суду, подъ защиту котораго прибѣгнулъ Парнелъ; составитель ихъ застрѣлился, а Салисбюри и «Times», поднявъ скандалъ, понесли только большія денежныя потери, уплативъ судебныя издержки, всегда огромныя въ англійскихъ процессахъ. Но консервативный премьеръ не успокоился. Не найдя ничего предосудительнаго въ общественной жизни Парнеля, онъ началъ рыться въ его частной жизни и нашелъ тамъ связь агитатора съ женою его друга—преступленіе, недо-

пускаемое, по англійскимъ обычаямъ, для государственныхъ дѣятелей. Тотчасъ же другъ этотъ, ирландскій проходимецъ, нѣсколько лѣтъ спокойно смотрѣвшій на отношенія своей жены къ главѣ его партіи, явился поборникомъ семейныхъ основъ и подалъ въ судъ жалобу на нарушителя его супружескихъ правъ. Все было подстроено такъ, что судъ призналъ Парнеля прелюбодѣемъ и, слѣдовательно, онъ долженъ былъ отказаться отъ политической дѣятельности. Но Парнель объявилъ, что, какъ глава ирландской партіи, онъ не подчинится лицемернымъ англійскимъ обычаямъ, и что его частная жизнь не имѣетъ ничего общаго съ парламентской. Онъ не захотѣлъ оставить свое мѣсто въ палатѣ общинъ, даже временно, даже тогда, когда это счелъ нужнымъ Гладстонъ,—изъ уваженія къ нравственности и принципамъ. Онъ увлекся до того, что вошелъ въ препирательство съ Гладстономъ, требуя отъ него разныхъ гарантій, письменныхъ обязательствъ, и когда на митингѣ ирландская партія осудила его большинствомъ 50-ти голосовъ противъ 30-ти и избрала себѣ другаго вождя,—онъ не захотѣлъ признать этого рѣшенія, разорвалъ протоколъ засѣданія и уѣхалъ въ Ирландію, чтобы поднять въ свою пользу ея населеніе. Тамъ онъ держалъ себя совершеннымъ авантюристомъ, два раза бралъ приступомъ редакцію ирландской газеты, осуждавшей его поступки, дрался со своими противниками, спасался отъ нихъ бѣгствомъ, спускаясь по водосточнымъ трубамъ, однимъ словомъ, оказался не серьезнымъ политикомъ, не государственнымъ дѣятелемъ, а мелкимъ агитаторомъ, и притомъ еще дѣйствующимъ въ свою личную пользу, а не въ интересахъ своей партіи, которая, теперь раздвоившись, потеряла значеніе въ парламентѣ. Парнель привлекъ на свою сторону массу, народъ, но противъ него—духовенство, интеллигенція Ирландіи и эмиграція. Они выбрали себѣ новаго главу, 60-тилѣтняго писателя и журналиста, члена редакціи «Daily News», Макъ-Керти, автора замѣчательной «Исторіи нашей эпохи». Но Парнель не хочетъ отказаться отъ власти и возвратитъ фонды ирландской національной лиги, переведенные во Францію. Все это усложняетъ ирландскій вопросъ, и хотя либеральная партія приняла сторону антипарнелистовъ, ей трудно будетъ поддерживать ее въ палатѣ общинъ, когда на нее поднимутся ирландскіе агитаторы, производящіе на своемъ островѣ большіе беспорядки, которыхъ не можетъ допустить правительство. Все это на руку Салисбюри и укрѣпляетъ его власть, сильно пошатнувшуюся въ послѣднее время.

Высшее правительственное учрежденіе Швейцаріи—союзный совѣтъ—приняло законъ о выдачѣ преступниковъ иностранной національности. Этимъ положенъ конецъ неограниченному праву убѣжища для убійцъ, поджигателей, фальшивыхъ монетчиковъ и даже простыхъ воровъ, если они объявляли, что совершили преступленіе съ политической цѣлью.

Цѣль эта оправдывала ихъ и доставляла имъ безнаказанность, хотя здравый смыслъ и совѣсть возмущались при мысли, что убійство гражданина считается преступленіемъ, а убійство правителя страны—похвальнымъ дѣломъ. Новый законъ постановляетъ, что выдача лицъ, совершившихъ уголовныя преступленія съ политической цѣлью, допускается, если общій характеръ ихъ дѣяній—уголовный. Вопросъ о томъ, имѣетъ ли преступное дѣйствіе политической или уголовный характеръ, рѣшается всякій разъ союзнымъ совѣтомъ, который, выдавая преступника, ставитъ только условіемъ, чтобы онъ не наказывался строже единственно потому, что руководствовался политическими цѣлями. Это послѣднее условіе, представляющее рѣшеніе вопроса политическому учрежденію, а не судебной власти, также несомнѣнно логично, но составляетъ уступку общественному мнѣнію, которое должно примириться съ мыслью, что теперь на континентѣ Европы нѣтъ болѣе страны, гдѣ анархисты могутъ пользоваться убѣжищемъ и безопасностью. Имъ остается только одна Англія, куда направляются теперь всѣ рыцари кинжала и динамита, такъ какъ и Швейцарія въ послѣднее время выслала уже нѣсколько такихъ героевъ, восхвалявшихъ убійство Селиверстова и взывавшихъ къ необходимости новыхъ преступленій. Президентъ швейцарской республики Рюшоннэ указалъ, что до 1833 года существовалъ договоръ даже съ Франціей о взаимной выдачѣ преступниковъ, нарушающихъ безопасность государства, и только въ восьмидесятихъ годахъ начали называть политическими преступленіями даже такіе грабежи и убійства частныхъ лицъ, какіе совершили Штельмахеръ и Каммереръ по наущенію Моста. Недавно, во время возстанія въ тессинскомъ кантонѣ, Кастіони, вторгнувшійся въ залу совѣта вмѣстѣ съ другими инсургентами, безо всякаго повода убилъ выстрѣломъ изъ револьвера одного изъ членовъ совѣта, единственнаго сына у матери, жившей только его поддержкою. Кастіони бѣжалъ въ Англію и лондонскій судъ, въ которому обратились швейцарскія власти, рѣшилъ, что убійцу не слѣдуетъ выдавать, такъ какъ преступленіе его—политическое. «Times» высказалъ то же мнѣніе, хотя оно противно логикѣ и нравственности и теперь Кастіони выставяетъ себя въ Лондонѣ какимъ-то героемъ, чуть не Вильгельмомъ Телемъ.

Швейцарія, дѣлая измѣненія въ своемъ судебномъ законодательствѣ, коснулась и института присяжныхъ, считаемаго незыблемымъ основаніемъ справедливаго суда. Женевскій кантонъ, въ виду слишкомъ частаго оправданія присяжными явныхъ нарушителей закона, постановилъ, чтобы къ 12-ти присяжнымъ, отправляющимся, по окончаніи преній, рѣшать виновность уголовного подсудимаго, присоединялся всегда судья, который разъяснялъ бы присяжнымъ, при совѣщаніи, юридическую сторону дѣла и степень наказанія, какому подвергается подсудимый, въ случаѣ обвинительнаго вер-

дикта, такъ какъ чаще всего боязнь слишкомъ строгой кары по закону заставляетъ присяжныхъ выносить оправдательный приговоръ. Остановить ли, дѣйствительно, часто встрѣчающіяся оправданія это прямое вмѣшательство суда въ дѣло общественной совѣсти—трудно сказать заранее, но если къ нему прибѣгаетъ самый образованный республиканскій кантонъ, значить зло распространилось повсюду и требуетъ исправленія.

НОВЫЯ КНИГИ.

В. Л. Величко. Восточные мотивы. (Стихотворенія). Спб. 1890. Число поэтовъ съ каждымъ днемъ до того увеличивается на русскомъ Парнасѣ, что на немъ скоро, кажется, не будетъ мѣста для любителей и любимцевъ музъ. И всѣ эти воспѣватели кого и чего угодно, познакомивъ публику съ плодами своихъ вдохновеній, тотчасъ же торопятся собрать въ книжку эти плоды, чтобы вторично поднести ихъ своимъ почитателямъ или просто читателямъ. Господа поэты никакъ не хотятъ понять, что даже лучшіе стихи ихъ, легко пробѣгаемые въ періодическомъ изданіи, понавѣ въ книгу, затеряются между сотнею другихъ пьесъ и пройдутъ незамѣченными. Да и много ли найдется лицъ, въ наше дѣловое и занятое время, которыя дали бы себѣ трудъ, даже въ нѣсколько присѣстовъ, одолѣть томъ въ двѣ-три тысячи стиховъ? На это надо быть особымъ охотникомъ или присяжнымъ рецензентомъ. Г. Величко пишетъ давно и стихи его читаются съ большимъ удовольствіемъ въ нашихъ журналахъ, но книгу въ 250 страницъ, и еще наполненную мотивами чуждаго намъ востока, прочесть не легко. По счастью, востокъ этотъ не еврейскій и русскій поэтъ знакомитъ насъ со стихотворцами Персіи, Аравіи, Средней Азій, съ нашими кавказскими инородцами и татарами. Все это если не ново, то оригинально, самобытно, а мѣстами, дѣйствительно, поэтично. Нужно, впрочемъ, особое настроеніе духа, чтобы восхищаться всѣми этими Гафизами, Саади, Абу-Таммамами, Валляде и пр. Перлы ихъ поэзіи слишкомъ грубо отшлифованы, слишкомъ неискусно оправлены, чтобы нравиться европейцу. Въ созерцательной жизни востока, застывшего въ своихъ преданіяхъ и вѣрованіяхъ, незнакомаго съ развитіемъ западной культуры, поэзію считаютъ часто пустяки игрушки стихотворства, мудрыми изреченіями—афоризмы, давно сдѣлавшіеся общими мѣстами риторики, давно уже

пережившей въ Европѣ эпоху своего процвѣтанія. Очень умныя для восточнаго человѣка мысли для насъ только наивны, а въ иныхъ мы не видимъ вовсе никакого смысла. Въ пьесѣ «Щенки», какой-то эфенди самъ жидъ въ холѣ, а сына заставлялъ сидѣть безъ хлѣба и дѣлалъ это потому, что «щенковъ, чтобы научить плавать—бросають въ воду». На эту глупую причину ему замѣчаютъ, что вѣдь при этомъ много щенковъ тонеть. «Теймуразъ-эфенди слушалъ, ротъ разиня, словно отлетѣла отъ него гордыня», но съ тѣхъ поръ все таки не давалъ сыну ни поддержки, ни хлѣба, и за это былъ еще больше уважаемъ. Что за смыслъ въ этомъ стихотвореніи, и кого тутъ поэтъ хотѣлъ выставить идіотами: согражданъ ли эфенди, или его самого? И такихъ примѣровъ восточной мудрости немало въ стихахъ г. Величко, только врядъ ли стоило знакомить съ ними.

Другая, самая обширная поэма въ 30 страницъ, слишкомъ, то есть до тысячи строкъ: «Ханъ, свинья и трое ученыхъ»—въ такомъ же странномъ родѣ. Поэмою, впрочемъ, г. Величко назвалъ въ своемъ сборникѣ рассказанный на десяти страницахъ извѣстный анекдотъ о томъ, какъ Амру хотѣлъ сжечь бібліотеку Александріи, но его отговорилъ отъ этого одинъ мудрецъ; а своего «хана со свиньею и учеными» авторъ назвалъ просто восточною сказкой. Но и для сказки эта исторія очень незамысловата. Къ Ширъ-Али, хану Герата, являются трое ученыхъ и предлагаютъ испытать ихъ премудрость, заключающуюся въ томъ, что если одному изъ нихъ отрѣзать руку, у другаго вынуть глазъ, а у третьяго желудокъ и на другой день вложить опять—это нисколько не подѣйствуетъ на ученыхъ, и они будутъ владѣть своими отрѣзанными органами, какъ прежде. Только для этого необходимо одно условіе: чтобы эти отрѣзанные части тѣла хранила въ теченіе ночи женщина, ни разу не солгавшая на своемъ вѣку. Три года «внухъ Ширъ-Али ищетъ такой женщины во всемъ ханствѣ и, разумѣется, не находитъ. Отыскалась съ большимъ трудомъ только одна такая дама, никогда не лгавшая, да и та—потому, что она нѣмая. Ученые, однако, соглашаются довѣрить и ей свои отрѣзанные члены, чтобы на утро произвести опытъ, долженствующій доказать силу науки. Члены владутъ въ корыто, покрываютъ ковромъ и нѣмая остается хранить ихъ, но шайтанъ посылаетъ къ ней ночью свинью, которая и съѣдаетъ въ корытѣ руку, глазъ и желудокъ. Нѣмая, увидя свою оплошность, убиваетъ свинью, достаетъ изъ нея желудокъ, вырываетъ глазъ у своего кота, отрѣзываетъ руку у повѣшаннаго наканунѣ вора и кладетъ все это въ корыто. Подмѣна не замѣчаютъ, члены вставляютъ мудрецамъ и ханъ дѣлаетъ ученаго со вставленнымъ глазомъ—своимъ визиремъ, чтобы онъ зорко смотрѣлъ за спокойствіемъ въ государствѣ. Мудреца съ отрѣзанной рукой дѣлають сборщикомъ податей, а

с) вставленнымъ желудкомъ — генераль прювиантмейстеромъ. Но визирь съ кошачьимъ глазомъ гоняется только за мышами, мудрецъ съ руюю вора грабитъ народъ, а со свиннымъ желудкомъ ведетъ себя, какъ свинья, и ханъ сажаетъ ихъ наколь. Нельзя не пожалѣть, что на такую восточную премудрость г. Величко потратилъ столько хорошихъ стиховъ, которые вообще у него звучны и гладки, особенно во второй части его сборника, озаглавленной: «лирическія стихотворенія, фантазіи, эскизы». Между 50-ю пьесами этого отдѣла есть много весьма замѣчательныхъ. Вообще мы думаемъ, что еслибы онъ сократилъ на половину свои восточные мотивы, выбросилъ нѣсколько мадригаловъ и альбомныхъ пьесъ съ безчисленными посвященіями, да уничтожилъ вовсе третій отдѣлъ своей книги: «Шутки», благо онъ и весь невеликъ—всего 9 пьесъ—сборникъ его остался бы въ памяти читателей. У г. Величко—серьезное дарованіе, выдѣляющее его изъ ряда современныхъ поэтовъ и тратить его на мелочи не слѣдовало бы.

Любке. Иллюстрированная исторія искусствъ. Второе, дополненное, изданіе перевода *Ө. Булакова.* Спб. 1890.

Видьгельмъ Любке уже болѣе сорока лѣтъ пользуется въ Германіи извѣстностью знатока и историка искусствъ. Онъ читалъ лекціи по этой части въ Берлинѣ, Цюрихѣ, Штутгартѣ, былъ профессоромъ въ разныхъ академіяхъ и политехникумахъ, и написалъ много книгъ по разнымъ родамъ искусства, пользующихся большимъ успѣхомъ на его родинѣ. И у насъ имя его сдѣлалось извѣстнымъ еще въ 1873 году, когда въ Москвѣ вышла въ изданіи г. Седдатенкова и въ переводѣ В. Чаева его «Исторія пластики» съ 230-ю рисунками. (Въ Германіи третье изданіе ея появилось въ 1880 году). Лѣтъ пять тому назадъ, вышла и въ Петербургѣ, въ изданіи г. Суворина, его «Исторія искусствъ», переведенная г. Булгаковымъ съ 8-го изданія 1879 года. Она носила тотъ же подзаголовокъ, что и теперь: архитектура, скульптура, живопись, музыка (для школъ, самообученія и справокъ). Появленіе втораго изданія этой книги доказываетъ, что публика наша,—надо признаться, весьма мало знакомая съ теоріей и исторіей искусства,—нуждалась въ подобной книгѣ. Новое изданіе дополнено свѣдѣніями о новѣйшемъ искусствѣ, а именно: о школахъ французской, бельгійской, голландской и англійской. Переводъ пересмотрѣнъ специалистомъ А. И. Сомовымъ, отдѣлъ музыки переработанъ М. М. Ивановымъ. Все это содѣйствуетъ, конечно, улучшенію книги, но мы должны сдѣлать ей тотъ же самый упрекъ, каковой высказали и при первомъ ея изданіи: въ ней и теперь ни слова не говорится о русской живописи, скульптурѣ, архитектурѣ. Это еще страннѣе потому, что теперь къ книгѣ приложенъ очеркъ исторіи музыки съ портретами русскихъ композиторовъ. Г. Булгаковъ, въ послѣднее время,

по поводу наших выставокъ, издалъ столько прекрасныхъ художественныхъ альбомовъ съ біографіями и оцѣнкою русскихъ художниковъ, что ему не стоило большого труда пополнить исторію искусствъ свѣдѣніями и объ отечественныхъ дѣятеляхъ на этомъ поприщѣ. Вѣдь если русскій переводъ книги Любке попадется иностранцу, развѣ онъ не будетъ вправѣ заключить, что въ Россіи были еще кое-какіе композиторы, но живописцевъ, ваятелей, зодчихъ не было вовсе.

Отдавая справедливость пользѣ, приносимой книгою Любке для школы, мы не можемъ однако согласиться, чтобы она была вполне пригодна для самообученія и даже для справокъ. Изложеніе автора слишкомъ сухо и сжато; сужденія его о дѣятеляхъ искусства и ихъ произведеніяхъ часто не вѣрны; оцѣнка пристрастна и не согласна съ принятыми и утвердившимися въ публикѣ мнѣніями о достоинствѣ и значеніи художниковъ. Изъ національной партійности онъ больше всего хвалитъ нѣмцевъ и говоритъ больше объ нихъ. Отдѣлы архитектуры и скульптуры обработаны полнѣе, живописи—гораздо слабѣе. Рисунковъ, служащихъ объясненіемъ тексту, немало,—ихъ 140 въ книгѣ—но между ними замѣтны большіе пробѣлы. Такъ, живописи грековъ не представлено ни одного образца, живописи этрусковъ отведено всего девять строкъ, римлянъ—25. Древнехристіанской живописи, имѣющей только историческое, а не эстетическое значеніе, какъ и скульптурѣ той же эпохи, дано слишкомъ много мѣста. Произведенія послѣднихъ трехъ столѣтій сжаты на нѣсколькихъ страницахъ. Картинамъ XVII и XVIII вѣка у шести народовъ посвященъ десятокъ страницъ, причемъ иные художники только поименованы, безъ указанія времени, когда они жили, какъ напримѣръ, Караваджіо. Кстати, напрасно авторъ хочетъ заставить Европу переучивать имена великихъ мастеровъ и пишетъ: Кореджо, Тенирсь, Джотто, Мазаччо, вмѣсто Кореджіо, Теньерьь, Джіотто, Мазаччіо. И потомъ, почему же у многихъ художниковъ, какъ напримѣръ, у названныхъ выше представителей нидерландской живописи, авторъ не указываетъ годовъ ихъ рожденія и смерти? Намъ гораздо нужнѣе знать, когда жилъ Ван-Остаде, нежели то, что «многіе считаютъ ошибочно его родиной Любекъ». Вообще жизнь многихъ художниковъ передана не полно, и вовсе не упоминается о ихъ лучшихъ трудахъ, о значеніи ихъ въ исторіи искусствъ. Нельзя сказать также, чтобы техническая часть книги была вполне удовлетворительна: многіе термины искусствъ объяснены сбивчиво и темно, и даже не согласно съ тѣмъ, какъ они опредѣлены въ художественной энциклопедіи г. Булгакова. Онъ много потрудился въ послѣднее время на поприщѣ искусства, издавая біографіи нашихъ художниковъ, иллюстрированные обзоры нашихъ выставокъ, со-

ставивъ даже чрезвычайно любопытные очерки книгопечатанія. Все это очень хорошо и полезно, но намъ кажется, что прежде чѣмъ задумывать новыя изданія, слѣдуетъ закончить уже начатыя. Что же намъ изъ его «Художественной энциклопедіи», остановившейся въ 1887 году на второмъ томѣ, на буквѣ о? Кому и для чего нуженъ неоконченный словарь, за который еще заранѣе уплачены деньги? Многихъ даже удивляетъ, что фирма А. С. Суворина, такая акуратная въ исполненіи всѣхъ своихъ обѣщаній, до сихъ поръ не выпускаетъ въ свѣтъ конца словаря, тянущагося уже шестой годъ. Къ книгѣ Любе приложены два указателя: именъ художниковъ и другой—техническихъ терминовъ, но въ первомъ многія имена, какъ мы уже говорили, искажены, а во второмъ введены для чего-то мѣстами иностранные, не переведенные термины: *wimpeg*, вмѣсто подоконный фронтонъ, *al fresco*, когда есть особое указаніе на фресковую живопись, *cagnation*—вмѣсто тѣльности, даже *nature morte*, или *tumulus*—вмѣсто курганъ. Такихъ промаховъ мы могли бы привести немало, но они все таки не мѣшаютъ труду г. Булгакова быть весьма полезнымъ для русской публики.

Дунай, какъ международная рѣка. *А. Л. Форштетера*, подъ редакціей В. А. Уляницкаго. Москва, 1890.

Прежде всего слѣдуетъ сказать, что авторъ этого сочиненія не иностранецъ, какъ можно было бы судить по его фамиліи, а московскій студентъ юридическаго факультета, написавшій обширное изслѣдованіе «О судоходствѣ по международнымъ рѣкамъ» на тему, заданную факультетомъ для соисканія медали, и получившій эту награду. Приватъ-доцентъ университета г. Уляницкій напечаталъ ту часть изслѣдованія, которая относится къ судоходству по Дунаю, такъ какъ вопросъ этотъ представляетъ преимущественный интересъ для русскихъ читателей и объ этомъ предметѣ нѣтъ сочиненій въ русской юридической литературѣ. Въ чемъ собственно состояла редакція г. Уляницкаго, изъ книги не видно, такъ какъ въ ней нѣтъ его примѣчаній, и въ предисловіи онъ говоритъ, что не счелъ себя вправѣ дѣлать въ ней существенныя измѣненія, а сдѣлалъ только незначительныя исправленія, вполнѣ уважая свободу мнѣній автора. Въ авторѣ редакторъ—или, правильнѣе, издатель—видитъ только слишкомъ довѣрчивое отношеніе къ дипломатическимъ документамъ и склонность къ идеализированію международныхъ постановленій, обусловленныхъ практическими соображеніями, хотя они и прикрываются теоретическими, правовыми мотивами. Но такая идеализація и довѣрчивость свойственна всѣмъ настоящимъ и будущимъ дипломатамъ, къ числу которыхъ можно причислить и г. Форштетера, такъ какъ изслѣдованіе его, помимо фактической, вполнѣ уважительной и добро-совестно составленной стороны, написано чрезвычайно дипломатическо

Авторъ не позволяеть себѣ осуждать ни берлинскій конгрессъ, ни лондонскій трактатъ 1883 года, но надѣется даже на то, что Австрія не прочь сдѣлать верхній Дунай доступнымъ для судовъ всѣхъ націй, что она не пойдетъ наперекоръ всѣмъ государствамъ, прибрежнымъ и не прибрежнымъ къ Дунаю, и не помѣшаетъ ему сдѣлаться свободней международной рѣкой. Этимъ заключеніемъ г. Форштетеръ оканчиваетъ свое изслѣдованіе, изложивъ исторію дунайскаго судоходства до крымской войны, потомъ до русско-турецкой и, наконецъ, до нашихъ дней. Но такое заключеніе не оправдывается исторіей всѣхъ этихъ прибрежныхъ европейскихъ и смѣшанныхъ комисій, учреждавшихся на Дунаѣ и только тормозившихъ плаваніе по немъ. О необходимости введенія однообразной регламентаціи плаванія по всей рѣкѣ давно уже твердитъ вся европейская журналистика. Но какъ достигнуть этого, когда на одной части рѣки дѣйствуетъ международный органъ управленія, а въ другихъ частяхъ территоріальныя власти? И такихъ разнообразныхъ режимовъ теперь на Дунаѣ десять: три комисіи—европейская, смѣшанная и надъ «Желѣзными воротами»; два русскихъ управленія на Киліи и въ Очаковѣ, и, кромѣ того, румынское, сербское, австрійское, баварское и вюртембергское. И каждое изъ этихъ управленій вводитъ свои порядки и правила. Давно ли газеты сообщали, что румынская пограничная стража подстрѣливала русскихъ рыбаковъ, поднимавшихся вверхъ отъ устья рѣки? А препятствія, какія до сихъ поръ ставятъ нашему пароходству по Дунаю прибрежныя государства?.. А обѣщанія Австріи, болѣе десяти лѣтъ взявшей на себя обязательство уничтожить скалы въ «Желѣзныхъ воротахъ», для свободнаго прохода судовъ въ верхній Дунай, и только нынѣшнимъ лѣтомъ взорвавшей нѣсколько камней въ дунайскихъ порогахъ?.. Все это доказываетъ, что дипломатическими приемами тутъ ничего не подѣлаешь и самыя добросовѣстныя изслѣдованія не поведутъ ни къ чему. Надобно, чтобы если «не казакъ поѣхалъ за Дунай», то какое нибудь лицо, облеченное авторитетомъ,—и вотъ почему мы не можемъ согласиться съ авторомъ, что на международной рѣкѣ долженъ быть международный органъ управленія. Онъ и теперь существуетъ, да что отъ него толку?..

Проводникъ и переводчикъ по отдаленнѣйшимъ окраинамъ Россіи. Томъ II. Составилъ *А. В. Старчевскій*. 1889.

Наши сосѣди. Справочная книжка. Заграничный переводчикъ. Томъ III. Составилъ *А. В. Старчевскій*. 1890.

Кавказскій толмачъ. Составилъ *А. Старчевскій*. 1891 г.

Старѣйшій изъ русскихъ журналистовъ, А. В. Старчевскій, принужденный уже нѣсколько лѣтъ оставить журнальное поприще, не перестаетъ трудиться въ области лингвистики и уже болѣе шести лѣтъ составляетъ

весьма полезные сборники въ этой отрасли знаній. Въ 1886 году, по порученію нашего военнаго министерства, онъ составилъ четыре тома «Переводчика съ русскаго языка на турецкій, персидскій, сартскій и китайскій. Затѣмъ онъ издалъ книгу «Русскій Меццофанти, руководство научиться въ двѣ-три недѣли говорить на одномъ изъ пяти языковъ: французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ и испанскомъ». Въ двѣ-три недѣли, конечно, не выучился бы и настоящій Меццофанти, но, не смотря на это преувеличеніе, книга была все таки полезна, потому что ставила вѣрныя лингвистическія правила и давала словари въ 3,000 словъ съ русскаго на каждый изъ пяти языковъ, и съ этихъ языковъ на русскій. Книга вышла вскорѣ вторымъ изданіемъ. За нею послѣдовалъ «Карманный стоязычный словарь 70-ти языковъ, на которыхъ говорятъ въ Россіи, и 30-ти—въ остальной Европѣ и Средней Азіи». Это уже отзывалось чистою рекламою, такъ какъ на двухстахъ страницахъ нельзя было и поверхностно ознакомиться съ сотнею языковъ. Эту книгопродавческую спекуляцію составитель загладилъ изданіемъ слѣдующихъ, несомнѣнно полезныхъ книгъ: «**Нашіи сосѣди**» — справочный сборникъ, не принадлежащій къ области лингвистики, но заключающій въ себѣ статистическія, политическія, военныя, этнографическія и топографическія свѣдѣнія о Швеціи, Пруссіи, Австріи, Румыніи, Турціи, Персіи, Афганистанѣ, Китаѣ и Корей; «Пограничный переводчикъ» по нашей западной границѣ для 12-ти языковъ: шведскаго, нѣмецкаго, литовскаго, венгерскаго, румынскаго и славянскихъ; «Проводникъ и переводчикъ» по окраинамъ Россіи для 26-ти языковъ, и — «*La Russie polyglotte*» — для путешественниковъ по Россіи — на 14-ти языкахъ. Нынѣ вышедшія три книги подобнаго же содержанія дополняютъ серію трудовъ почтеннаго 72-лѣтняго писателя, трудолюбію и усидчивости котораго могли бы позавидовать многія изъ нашихъ молодыхъ силъ. Въ «Проводникъ по отдаленнѣйшимъ окраинамъ» помѣщено до 2,000 словъ, 300 разговорныхъ фразъ и грамматическій очеркъ 44-хъ такихъ языковъ, какъ лопарскій, зырянскій, чувашскій, самоѣдскій, остяцкій, тунгусскій, гиляцкій и т. п. Книга «Нашіи сосѣди», томъ III, даетъ такой же матеріалъ для языковъ по нашей южной азіатской границѣ: азербейджанскаго, курдскаго, гилянскаго, монгольскаго, манджурскаго и др. Наконецъ, «Кавказскій толмачъ» заключаетъ въ себѣ 27 языковъ, какими говорятъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ на пути великаго переселенія народовъ. Во всѣхъ этихъ сборникахъ все та же кропотливая, добросовѣстная работа. Но съ распоряжкомъ ея мы не можемъ согласиться. Не понимаемъ, для какой цѣли во всѣхъ этихъ книгахъ каждый языкъ разбить по тремъ отдѣламъ. Такъ, чтобы поговорить съ абхазцемъ, вы должны сначала найти слова этого языка на страницѣ 280-й, потомъ

фразы на страницѣ 553-й, наконецъ, грамматическій очеркъ на страницѣ 625-й. И такъ для всѣхъ языковъ. Къ чему это изученіе въ разбивку? Г. Старчевскій не объясняетъ, а только твердитъ въ своихъ предисловіяхъ, что его книги составлены не съ ученой, а съ практической цѣлью, тогда какъ метода его вовсе не практична. А вѣдь для приведенія ея въ систему стоило только иначе разверстать книгу при печатаніи. Если составитель сборниковъ и не могъ прибѣгать къ ссылкамъ, указывающимъ, что и откуда заимствовано, слѣдовало все таки перечислить главнѣйшіе источники и пособія. Особенно много этихъ пособій для кавказскихъ языковъ, и напрасно г. Старчевскій говоритъ: я сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать одинъ человекъ. Одному въ лингвистикѣ работать нельзя; провѣрка другихъ лицъ тутъ необходима.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Толки по поводу учрежденія министерства земледѣлія. — Предстоитъ ли надобность въ такомъ спеціальному вѣдомствѣ?—Примѣръ иностранныхъ государствъ. — Доводы противниковъ.—Наши соображенія. — Положеніе сельскаго хозяйства на западѣ Европы и въ Россіи.—Задачи новаго министерства.—Необходимость введенія въ Россію меліорационнаго кредита.—Противники кредита вообще.—Неумѣнье нашихъ землевладѣльцевъ пользоваться кредитомъ.—Выговоръ дворянамъ, сдѣланный кн. Мещерскимъ.—Скептицизмъ въ дѣлѣ кредита.—Недоразумѣнія и поправки. — Факты и выводы.—Нѣсколько словъ по поводу неурядицы въ городскихъ дѣлахъ.—
Необходимость измѣненія порядка городскихъ выборовъ.

Года три-четыре тому назадъ, когда вопросъ о мѣрахъ къ устраненію нашего сельско-хозяйственнаго кризиса еще считался «животрешущимъ» вопросомъ дня, кѣмъ-то была брошена мысль о необходимости учрежденія у насъ спеціального министерства земледѣлія, на обязанности котораго лежало бы попеченіе о нуждахъ и потребностяхъ сельскаго хозяйства. Но эта мысль наткнулась на довольно сильную оппозицію, утверждавшую, что не только никакой необходимости въ учрежденіи подобнаго министерства не предстоитъ, но оно явится просто лишнимъ бременемъ для государственнаго казначейства, потому-де, что ни для кого не тайна, что и нынѣ существующему сельско-хозяйственному департаменту министерства государственныхъ имуществъ, собственно говоря, дѣлать нечего,—и наилучшимъ доказательствомъ этого служить общеизвѣстный фактъ, что этотъ департаментъ болѣе занятъ теоріей, чѣмъ практикой земледѣлія. Но вотъ прошло нѣсколько лѣтъ; сельско-хозяйственный кризисъ не только не миновалъ, а

сталь, напротив, явленіемъ почти хроническимъ. Правительственная помощь, въ видѣ льготной ссуды и уменьшенія процентовъ, тяготѣвшихъ надъ значительной частью нашего землевладѣнія, оказалась недѣйствительной. Казенные банки—дворянскій и крестьянскій, какъ слышно, опять назначили въ продажу съ молотка нѣсколько тысячъ имѣній неисправныхъ должниковъ. О частныхъ земельныхъ банкахъ и говорить не приходится.

Невольно, поэтому, возникаетъ вопросъ: не потому ли наше сельское хозяйство, составляющее центральную артерію нашей экономической жизнедѣятельности, продолжаетъ пребывать въ плачевномъ состояніи, что объ немъ или некому серьезно и всесторонне заботиться или—что, впрочемъ, одно и то же,—за нимъ смотреть слишкомъ много глазъ, вопреки пословицъ, предохраняющей отдавать дитя подъ надзоръ семи нянекъ.

Читателямъ нашимъ хорошо извѣстно, что мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ рутинеровъ, которые видятъ въ заботахъ и попеченіяхъ «канцелярій», — будь онѣ устроены даже по самому усовершенствованному методу, — альфу и омегу всякаго благоустройства. Намъ не разъ приходилось высказывать мысль, что во всякомъ дѣлѣ необходима самодѣятельность тѣхъ, до которыхъ данное дѣло относится непосредственно. И въ настоящемъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о мѣрахъ къ улучшенію нашего сельскаго хозяйства, мы, конечно, далеки отъ мысли, что это улучшеніе можетъ быть достигнуто путемъ регламентирования сельско-хозяйственной дѣятельности страны, хотя бы и при посредствѣ специально созданнаго, въ этихъ видахъ, министерства земледѣлія. Но, съ другой стороны, намъ думается, что разъ всѣ признаютъ безспорно-необходимымъ принятіе извѣстныхъ мѣръ въ дѣлѣ развитія сельскаго хозяйства, то также необходимо чтобы при этомъ соблюдалась точно опредѣленная система. А для достиженія этой именно цѣли, безъ сомнѣнія необходимо, чтобы во главѣ сельско-хозяйственнаго дѣла стояло независимое, самостоятельное учрежденіе, каковымъ является во многихъ цивилизованныхъ странахъ особое министерство земледѣлія. Да и странное дѣло! Мы недавно привыкли къ заимствованіямъ съ запада; особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи Франціи. А между тѣмъ, въ этой послѣдней давно существуетъ особое министерство земледѣлія, хотя Франція считается страной по преимуществу промышленной, а Россія — споконь вѣка признается страной земледѣльческой. Тѣмъ не менѣе, у насъ до сихъ поръ сельское хозяйство не имѣетъ авторитетнаго представительства среди высшей администраціи. Нельзя, конечно, утверждать, что объ этой отрасли нашей экономической дѣятельности не проявляется ни съ чьей стороны никакихъ заботъ. Но дѣло въ томъ, что эти заботы раздѣляются между собою многія учрежденія, въ силу чего невозможно соблюсти единство дѣйствій. Каждое вѣдомство знаетъ лишь свой кругъ дѣятельности и не соглашается своихъ мѣропріятій съ дѣятельностью другихъ учрежденій. Вотъ почему, по справедливому замѣчанію одной московской газеты, замѣчаются не только разногласія, но иногда даже прямая противорѣчія въ правительственной дѣятельности по отноше-

нію къ нашему сельскому хозяйству, что, конечно, никакъ не можетъ благопріятствовать его успѣхамъ.

Отсутствіе самостоятельнаго министерства земледѣлія особенно чувствительно у насъ въ виду своеобразной организаціи нашихъ министерствъ. Въ государствахъ западно-европейскихъ всѣ отдѣльныя министерства, какъ извѣстно, образуютъ *кабинетъ* съ первымъ министромъ (премьеромъ) во главѣ, который *даетъ* тонъ и направленіе дѣйствіямъ всѣхъ своихъ коллегъ по кабинету. И здѣсь нерѣдко случается, что одинъ изъ членовъ кабинета (тотъ или другой министръ) расходится съ мнѣніемъ своихъ коллегъ. Подобное разногласіе обыкновенно стараются уладить посредствомъ взаимныхъ уступокъ, и по большей части достигается соглашеніе. Но если такое соглашеніе не можетъ быть достигнуто, то послѣдствіемъ этого обыкновенно бываетъ выходъ въ отставку «стропитиваго» министра. Мало того. Нерѣдко бываетъ и то, что, по извѣстнымъ соображеніямъ, *два* совершенно различныя министерства передаются въ вѣдѣніе *одного* министра, а по временамъ тотъ или другой постъ министра остается вакантнымъ во все время существованія даннаго кабинета. Такъ напр., въ Англіи кабинетъ обыкновенно составлялъ: 1) первый лордъ казначейства (премьеръ); 2) лордъ-канцлеръ; 3) лордъ-президентъ тайнаго совѣта; 4) лордъ-хранитель малой печати; 5) канцлеръ казначейства; 6) первый лордъ адмиралтейства; 7) статсъ-секретари: а) внутреннихъ дѣлъ; б) иностранныхъ дѣлъ; в) колоній; г) военныхъ дѣлъ; д) Индіи; 8) генералъ-почтмейстеръ; 9) президентъ торговаго бюро и 10) предсѣдатель бюро о бѣдныхъ. Но число этихъ лицъ увеличивается или уменьшается, смотря по условіямъ составленія кабинета. Благодаря описанной организаціи министерскаго управленія, въ западно-европейскихъ государствахъ всѣ отдѣльныя министерства, составляющія данный кабинетъ, дѣйствуютъ по *одному* общему для всѣхъ плану, или, выражаясь техническимъ терминомъ, соблюдаютъ *одинаковую, единообразную политику* въ проведеніи тѣхъ или другихъ мѣръ по своимъ вѣдомствамъ.

На совершенно иныхъ началахъ построены наши министерства. Они, какъ извѣстно, образовались путемъ чисто практическимъ, т. е. путемъ раздѣленія между отдѣльными министрами разныхъ государственныхъ коллегій (дѣйствовавшихъ до учрежденія министерствъ), приблизительно сродныхъ по своему назначенію. Но при этомъ каждый министръ является совершенно самостоятельнымъ представителемъ вѣренной ему части и самъ законъ ограждаетъ отъ вторженія въ его распоряженія стороннихъ вѣдомствъ. Въ виду этого, само собою разумѣется, что для каждой выдающейся отрасли народной дѣятельности въ высшей степени важно, чтобы заботы о ней были ввѣрены спеціальному, самостоятельному представителю власти среди другихъ, столь же самостоятельныхъ представителей государственнаго управленія, ибо, за отсутствіемъ такого спеціального представителя, данной отрасли грозитъ опасность, что ея нужды, при обсужденіи тѣхъ или другихъ мѣропріятій, останутся на заднемъ планѣ. Не говоримъ уже о томъ, что подобная отрасль не можетъ пользоваться равноправностью въ такихъ случаяхъ, гдѣ

требуется инициатива для принятія новыхъ мѣръ, изданія новаго закона и т. п., такъ какъ изъ числа органовъ управленія такая инициатива, по нашему законодательству, принадлежитъ преимущественно министрамъ. Съ этой точки зрѣнія, едва ли кто можетъ спорить, что сельско-хозяйственная дѣятельность въ нашемъ отечествѣ составляетъ именно ту категорію государственной жизни, которая обязательно должна имѣть своего самостоятельнаго представителя въ высшей администраціи. Но говорятъ, что земледѣліе и теперь имѣетъ у насъ своего спеціальнаго представителя въ высшей администраціи, въ лицѣ министерства государственныхъ имуществъ. Думаемъ, однако, что это возраженіе противорѣчитъ дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что интересы государственныхъ имуществъ, хотя и связаны съ интересами сельскаго хозяйства, но, съ другой стороны, первые теперь далеко не настолько велики и разнообразны, какъ вторые, а потому заботы и попеченія о первыхъ далеко недостаточны для вторыхъ. Наилучшимъ доказательствомъ справедливости этого утвержденія можетъ служить тотъ фактъ, что по сіе время всѣ мѣры, принятыя правительствомъ въ интересахъ сельскаго хозяйства вообще, исходили не отъ министерства государственныхъ имуществъ, а отъ другихъ вѣдомствъ. Достаточно вспомнить, напр., что даже свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ стали собираться и публиковаться въ газетахъ по инициативѣ и чрезъ агентовъ министерства финансовъ, а не государственныхъ имуществъ. Да, наконецъ, и само правительство, повидимому, отнюдь не считаетъ министерства государственныхъ имуществъ спеціальнымъ представителемъ интересовъ сельскаго хозяйства вообще; ибо недаромъ такъ называемая «хлѣбная комисія» была образована въ свое время не при министерствѣ государственныхъ имуществъ, а при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра, сенатора В. К. Плеве.

Итакъ, по нашему глубокому убѣжденію, министерство земледѣлія у насъ не только полезно, но и крайне необходимо. Говорятъ, однако, что учрежденіе новаго министерства потребуетъ новыхъ и, притомъ, весьма значительныхъ расходовъ, которые составятъ тяжелое бремя для государственнаго казначейства. По поводу этого возраженія, одна петербургская газета сочла нужнымъ указать способъ, какъ можно устроить новое министерство съ небольшими сравнительно издержками, ссылаясь на примѣръ Америки, гдѣ въ началѣ текущаго года также учреждено вновь министерство земледѣлія. Практичные янки, по словамъ упомянутой газеты, придумали такую организацію для этого министерства, которая ни малѣйшимъ образомъ не напоминаетъ такъ называемой бюрократіи и собственно на содержаніе личнаго состава министерства расходы сведены до минимума (противъ расходовъ же на содѣйствіе успѣхамъ земледѣльской промышленности, какъ-то: на распространеніе сельско-хозяйственнаго образованія, устройство образцовыхъ фермъ, питомниковъ ит. д., никто не возражаетъ у насъ). Суть этой организаціи заключается въ слѣдующемъ. Собственно политическій и правительственный элементъ министерства исчерпывается двумя лицами: министромъ и его товарищемъ, которые входятъ въ составъ кабинета и раздѣ-

яляют его судьбу. А затѣмъ самое министерство складывается изъ двѣнадцати отдѣльныхъ секцій по специальнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, именно: 1) зоотехники, или животной экономики, 2) статистики, 3) сѣмянновѣдѣнія, 4) растительной патологіи, 5) лѣсоводства, 6) животноводства и пр. Во всѣхъ этихъ секціяхъ главными дѣятелями являются физики, химики, ботаники, зоологи и т. д. Такимъ образомъ, каждый возникающій въ сельскомъ хозяйствѣ вопросъ непременно имѣетъ свою секцію, въ которой и разрабатывается специалистами. Какъ успѣшно работаютъ эти секціи, можно судить по слѣдующему частному примѣру: только въ февралѣ открылось министерство, а уже въ началѣ марта статистическая секція разработала и опубликовала таблицы, касающіяся производства и потребления въ штатахъ пшеницы и кукурузы.

Цитируя только что приведенный американскій прототипъ министерства земледѣлія, вышеуказанная газета добавляетъ, что она не хочетъ сказать, что подобная организація въ цѣлости или въ частяхъ примѣнима къ Россіи. Мы же того мнѣнія, что такая оговорка слишкомъ «деликатна». Можно смѣло сказать, что практичные янки не могутъ служить намъ примѣромъ, ибо у насъ прежде всего «натура широкая» и скупиться мы не любимъ. Но въ данномъ вопросѣ объ учрежденіи министерства земледѣлія намъ и нечего искать другаго, какого-то новаго способа для соблюденія экономіи, кромѣ того одного, который давно уже имѣется на лицо. Мы подразумеваемъ здѣсь просто—*преобразование* нынѣ существующаго министерства государственныхъ имуществъ въ министерство земледѣлія. Мы подчеркнули слово «преобразование», желая этимъ сказать, что мы, дѣйствительно, имѣемъ въ виду не простое «переименованіе» одного министерства въ другое, а полную реорганизацію министерства государственныхъ имуществъ, чтобы оно стало на самомъ дѣлѣ авторитетнымъ представителемъ земледѣлія среди высшей администраціи и всестороннимъ руководителемъ сельскаго хозяйства по всѣмъ практическимъ вопросамъ, касающимся этой отрасли народнаго труда. Другими словами, на вновь образованное министерство должна быть возложена обязанность: спеціально изучить сельско-хозяйственныя нужды Россіи, согласовать ихъ съ потребностями торговли, вѣдать и развивать сельско-хозяйственное образованіе, отстаивать интересы сельскаго хозяйства передъ другими правительственными учрежденіями и т. д. Для подобнаго преобразования министерства государственныхъ имуществъ не потребуются почти никакихъ новыхъ расходовъ со стороны государственнаго казначейства, такъ какъ для этого достаточно будетъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ составѣ нынѣ существующихъ министерствъ, гдѣ теперь какъ бы случайно сосредоточиваются тѣ или другіе предметы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ сельскому хозяйству, т. е. придется собственно «*кодифицировать*»—если можно такъ выразиться,—предметы вѣдомства нынѣ существующихъ министерствъ, до сельскаго хозяйства относящіяся. Такъ напримѣръ, къ новому министерству земледѣлія должны будутъ отойти: отъ министерства финансовъ учрежденія, вѣдающія нынѣ отпускную торговлю хлѣбомъ, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ—сельско-

хозяйственная статистика и т. д. Съ другой стороны, отъ министерства государственныхъ имуществъ, по всей вѣроятности, долженъ будетъ отойти горный департаментъ, которому приличнѣе быть въ вѣдѣніи министерства финансовъ (какъ это и было прежде), чѣмъ во вновь преобразованномъ министерствѣ земледѣлія. Но эти подробности, впрочемъ, не особенно насъ интересуютъ; объ нихъ пускай подумаютъ организаторы новаго министерства. Мы лишь хотѣли сказать, что въ *принципѣ* учрежденіе министерства земледѣлія представляется необходимымъ, а для того, чтобы соболости спасительную экономію, о которой много толкуетъ нынѣшняя финансовая администрація, можно, не учреждая новаго министерства, реорганизовать нынѣ существующее по указанной выше программѣ. Въ этомъ направленіи, какъ передаютъ газеты, высказался и комитетъ министровъ. Но въ послѣднее время, по словамъ петербургскихъ газетъ, мысль объ учрежденіи министерства земледѣлія будто бы оставлена, а вмѣсто того предполагается образовать при министерствѣ государственныхъ имуществъ сельско-хозяйственный совѣтъ. По поводу этого слуха, «Новое Время» совершенно основательно замѣчаетъ, что такіе специальные совѣты, изъ представителей разныхъ вѣдомствъ и такъ называемыхъ свѣдущихъ людей, у насъ теперь не новость, и общій ихъ характеръ успѣлъ достаточно опредѣлиться: собираются люди, занятые тысячей другихъ, болѣе для нихъ важныхъ дѣлъ, спорятъ о пойманныхъ налету мелочахъ, чтобы не показаться бездѣйствующими, но если изъ 10 членовъ одинъ далъ себѣ трудъ основательно познакомиться съ обсуждаемымъ предметомъ, то это слава богу. Нерѣдко же бываетъ такъ, что гг. члены совѣтовъ являются на засѣданія, не прочитавъ даже того доклада, который подлежитъ обсужденію, и такимъ образомъ серьезнѣйшіе вопросы получаютъ въ совѣтахъ то именно направленіе, какое даетъ имъ докладывающая канцелярія, иными словами: канцелярія рѣшаетъ дѣло, а официально выходитъ, будто дѣло разрѣшено совѣтомъ компетентнѣйшихъ людей.

Если о такомъ совѣтѣ идетъ въ настоящемъ случаѣ рѣчь, то мы вполне раздѣляемъ мнѣніе цитируемой газеты, что лучше «остаться при томъ, что есть, т. е. при одномъ департаментѣ земледѣлія, который, по крайней мѣрѣ, не облеченъ авторитетомъ совѣтской непогрѣшимости и не освобожденъ отъ извѣстнаго контроля и связанной съ нимъ обыкновенной служебной отвѣтственности. Одной обманчивой иллюзіей все таки будетъ меньше».

Еще одной иллюзіей у насъ теперь стало меньше, а именно иллюзіей о пользѣ огромной помощи, которая была оказана правительствомъ той категоріи дворянъ, за которыхъ такъ распинался въ свое время органъ кн. Мещерскаго. Оказывается, что всѣ льготы, дарованныя названнымъ дворянамъ съ такимъ изысканнымъ великодушіемъ, въ концѣ концовъ нисколько не улучшили ихъ положенія. Этотъ фактъ удостовѣряетъ нынѣ самъ «Гражданинъ». «Дворянскій банкъ,—заявилъ онъ на дняхъ,—принялъ заемщиковъ на облегченныхъ противъ другихъ—и въ особенности противъ золотого банка—условіяхъ; *все, что можно было придумать для облег-*

ченія условій займа, было придумано и примѣнено. И что же получилось въ результатѣ? Получилось, что заемщики дворянскаго банка оказались, противъ прежняго своего положенія заемщиковъ золотого банка, въ безчисленное число разъ неакуратнѣе и несостоятельнѣе.

За подобною «неделикатностью» со стороны заемщиковъ - дворянъ по отношенію къ ихъ «кормильцу» — дворянскому банку, «Гражданинъ» дѣлаетъ имъ строгій выговоръ, впрочемъ, — какъ метко състрила одна газета, — «безъ внесенія въ формуляръ», который, однако, помимо воли князя, принимаетъ довольно непривлекательный видъ, въ силу тѣхъ язвительныхъ укоровъ, которые самъ князь посылаетъ по адресу упомянутыхъ дворянъ. «1863 годъ — говоритъ издатель «Гражданина» — нанесъ польскому дворянству ударъ въ экономическомъ отношеніи несравненно сильнѣе того переворота, который пережило русское дворянство въ 1861 году. И что же за эти 30 или 27 лѣтъ случилось? Разнеслось ли оно, какъ песокъ по вѣтру, размѣнялось оно на самыя мелкія монеты, подошло ли къ неминуемому банкротству и дало ли оно половинѣ своихъ имѣній перейти въ руки кулакамъ, хищникамъ и эксплуататорамъ? Нѣтъ, всего этого не случилось, по той простой причинѣ, что большая часть дворянъ безъ всякаго основнаго соглашенія, но повинувась, такъ сказать, вдохновенію своихъ историческихъ инстинктовъ, обрекла себя жить безвыѣздно и хозяйствовать въ деревнѣ, каждый въ своей усадьбѣ, сокративъ свои бюджеты, кто на половину, кто на двѣ трети. У насъ случилось наоборотъ: *имѣніе, какъ источникъ дохода, сократилось на половину или на одну треть, а расходы остались тѣ же.* А такъ какъ этотъ страннѣйшій финансовый способъ веденія своего хозяйства производился насчетъ поѣдаемыхъ капиталовъ, то, разумѣется, послѣ послѣдняго срока, состояніе того или другаго помѣщика оказалось уменьшеннымъ уже на $\frac{3}{4}$ или на $\frac{2}{3}$, или затѣмъ, когда первый капиталъ (выкупъ) былъ съѣденъ, началось съѣденіе втораго капитала (ссудъ банка); затѣмъ, наконецъ, явился ужинъ, — послѣднихъ ссудъ дворянскаго банка, а послѣ ужина — ничего; смерть экономическая и политическая, лишеніе себя самого правъ состоянія и неизвѣстность: что дѣлать дальше?»

Такъ говоритъ князь Мещерскій, присяжный ходатай за разоренныхъ дворянъ. Чѣмъ вызвана эта метаморфоза во взглядахъ и настроеніи «Гражданина», одинъ аллахъ вѣдаетъ. Но она все таки показываетъ, что даже въ тѣхъ сферахъ, гдѣ прежде думали, что помощью дворянскихъ ссудъ можно будетъ продолжать дореформенное помѣщичье «хозяйничанье», нынѣ начинается складываться убѣжденіе, что даже самый дешевый кредитъ невыгоденъ *для тѣхъ, кто не умѣетъ пользоваться имъ*, — какъ невыгоденъ, разумѣется, и для государства.

Мы подчеркнули слова: «для тѣхъ, кто не умѣетъ пользоваться имъ». Этимъ мы хотимъ сказать, что возстаемъ не вообще противъ дешеваго кредита, а противъ неудачныхъ формъ его, не гарантирующихъ даже возврата полученнаго капитала. Весь вопросъ состоитъ только въ томъ, какая форма кредита наиболѣе

пригодна для воспособленія землевладѣльцамъ. Но и этотъ вопросъ въ настоящее время не подлежитъ болѣе спору, такъ какъ достаточно выяснено, что лишь тотъ кредитъ способенъ принести пользу, который непосредственно употребляется на *нужды сельскаго хозяйства*, а не на какія бы то ни было другія надобности, какъ напр., на покупку новыхъ имѣній, семейные раздѣлы, веселья прогулки въ столицу и проч. Таковъ именно характеръ такъ называемаго *меліорационнаго* кредита, который издавна практикуется въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ и, по отзывамъ весьма компетентныхъ людей, приносить тамъ огромную пользу сельскому хозяйству *).

«*Melioratio*», въ переводѣ на русскій языкъ, означаетъ «улучшеніе». Отсюда происходитъ названіе кредита, специально предназначаемаго на сельско-хозяйственныя улучшенія. Эти улучшенія могутъ быть весьма разнообразны, какъ разнообразна и сама сельско-хозяйственная дѣятельность. Смотри по климатическимъ, почвеннымъ, гидрографическимъ и тому подобнымъ условіямъ страны, для улучшенія хозяйства могутъ потребоваться: осушеніе почвы, дренажъ, удобреніе, обводненіе, новыя сельско-хозяйственныя постройки, усовершенствованныя орудія производства, улучшенный скотъ, подъѣздыя пути, разведеніе лѣсовъ и т. под. Характеръ всѣхъ подобныхъ улучшеній, очевидно, *одинъ*, а именно: послѣдствіемъ ихъ должно быть увеличеніе доходности хозяйства. Въ виду этого, само собою разумѣется, что затраты, которыя предпринимаются на подобныя улучшенія, должны находиться въ строгомъ соотношеніи съ ожидаемымъ возрастаніемъ доходности улучшаемаго хозяйства. Выясненіе этого соотношенія *до* приведенія въ исполненіе предполагаемыхъ улучшеній составляетъ главный, такъ сказать, фокусъ меліорационныхъ ссудъ, который вызываетъ совершенно своеобразную организацію этой формы кредита. Это — съ одной стороны. А съ другой — надобно твердо помнить, что недостатокъ въ капиталѣ для возможно полной и плодотворной обработки земли чувствуется почти во всѣхъ странахъ и обнаруживается съ постепенно возрастающей силой, по мѣрѣ того какъ вздорожаніе труда, увеличеніе лежащихъ на землѣ тяжелыхъ тягостей и пониженіе въ цѣнахъ зерновыхъ продуктовъ указываютъ все настоятельнѣе на переходъ отъ первоначальныхъ пріемовъ обработки къ системѣ болѣе усовершенствованной. Между тѣмъ, тотъ же недостатокъ въ капиталѣ является препятствіемъ къ подобному переходу, дѣлая недоступными для сельскихъ хозяевъ усвоеніе улучшенныхъ способовъ веденія предприятий и примѣненіе болѣе совершенныхъ орудій. Онъ же (т. е. недостатокъ въ капиталѣ) отдастъ землевладѣльцевъ всплѣвъ на жертву случайностямъ неудовлетворительныхъ урожаевъ. Находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе одного недобора, землевладѣльцы затѣмъ уже не могутъ противостоятъ ни малѣйшему

*) См. книгу г. Блюха: „Меліорационный кредитъ и состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи и иностранныхъ государствахъ“. (Спб. 1890 г.).

кризису. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ то время, когда землевладѣніе ощущаетъ все болѣшую и болѣшую нужду въ кредитѣ, самая кредитоспособность землевладѣльцевъ становится постепенно слабѣе. Съ одной стороны, это происходитъ вслѣдствіе паденія доходности земель, такъ какъ цѣнность имѣнія состоитъ въ прямой зависимости отъ размѣра чистой годовой выручки ¹⁾, а съ другой стороны—вслѣдствіе непомернаго возросшей задолженности землевладѣнія, явившейся неизбежнымъ результатомъ все той же малой доходности земли, ибо степень возможной, т. е. рационально допустимой задолженности имѣній обуславливается двумя главными факторами: 1) размѣромъ процентовъ, уплачиваемыхъ по ссудамъ, и 2) доходностью имѣній. Обиліе капиталовъ, ищущихъ помѣщенія, дозволило нѣсколько уменьшить размѣръ процентовъ путемъ конверсій прежнихъ займовъ, и это представило собой нѣкоторую компенсацію за упадокъ доходности крупныхъ имѣній, зависѣвшій отъ пониженія цѣны на продукты. Но средніе и мелкіе землевладѣльцы менѣе могли воспользоваться благодѣяніемъ уменьшенія процентовъ по долгамъ, а потому ихъ положеніе ухудшилось въ болѣшей степени, чѣмъ крупныхъ землевладѣльцевъ. А засимъ, однако, положеніе какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ землевладѣльцевъ теперь крайне тягостно, въ виду непомерныхъ ипотечныхъ долговъ, лежащихъ на землѣ, при сравнительной малопродуктивности послѣдней. Такимъ образомъ, остается единственный выходъ изъ этого кризиса путемъ улучшенія сельско-хозяйственной культуры при помощи меліорационнаго кредита, который и практикуется нынѣ почти во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ. Наилучшую организацію эта форма кредита получила въ Великобританіи, а потому, для ознакомленія

¹⁾ Чтобы показать, до какой степени уменьшилась у насъ за послѣднее время прибыльность земледѣльческихъ предприятий и сдѣлался настоятельнымъ переходъ отъ системы, въ которой преобладающая роль принадлежитъ производству зерновыхъ продуктовъ, къ инымъ, болѣе разнообразнымъ культурамъ,—г. Блюхъ приводитъ нѣсколько цифръ, выражающихъ среднія цѣны на зерно въ нашихъ портахъ.

Оказывается, что среднія цѣны были:

	З а н у д ѣ .	
	пшеницы.	ржи.
Въ періодъ съ 1872—1876 г.	98 коп. мет.	64 коп. мет.
” ” ” 1877—1881 ”	89 ” ”	65 ” ”
” ” ” 1882—1885 ”	71 ” ”	57 ” ”
” ” ” 1886—1888 ”	62,2 ” ”	44 ” ”

Общій упадокъ цѣны, съ 1872 г. по 1889 г., составилъ въ Россіи на пшеницѣ 42%, на ржи 46% и на овсѣ 34%. Это явленіе, по словамъ г-на Блюха, было бы въ обыденной жизни еще гораздо болѣе замѣтно, еслибы оно не маскировалось одновременнымъ пониженіемъ курса кредитнаго рубля, составляющаго мѣрило цѣнностей во внутреннихъ оборотахъ. Дѣйствительно, какъ только курсъ кредитнаго рубля поправился, положеніе производителей хлѣба стало еще болѣе тяжкимъ.

читателей съ основными началами, на которыхъ зиждется меліораціонный кредитъ, мы позволимъ себѣ привести здѣсь in extenso нѣкоторыя узаконенія, изданныя по интересующему насъ предмету въ названной странѣ. Всѣ эти узаконенія раздѣляются на три категоріи. *Первую* изъ нихъ составляютъ акты, предоставляющіе выдавать ссуды на производство дренажныхъ работъ. Денежныя средства доставляло государственное казначейство. Ссуда обезпечивается улучшаемыми землями и возвращается полугодичными взносами, въ теченіе опредѣленнаго времени, подъ надзоромъ спеціально установленныхъ комисаровъ. *Вторую* категорію составляютъ акты, разрѣшающіе замѣнять правительственную ссуду ссудою частныхъ обществъ на всякія меліораціонныя цѣли, съ правомъ наложенія обязательства—производить срочные платежи наравнѣ съ уплатами по правительственнымъ ссудамъ, подъ надзоромъ тѣхъ же комисаровъ. Наконецъ, *третью* категорію составляютъ акты, узаконяющіе меліораціонныя займы землевладѣльца у частныхъ лицъ, но подъ контролемъ тѣхъ же участковыхъ комисаровъ.

Ссуды на дренажныя работы, — выданныя первоначально, на основаніи вышеупомянутыхъ актовъ 1-й категоріи прямо изъ государственнаго казначейства—нынѣ не выдаются вновь, такъ что въ этомъ отношеніи названные акты не имѣютъ больше практическаго примѣненія. Но они важны, потому что установленный ими порядокъ выдачи и возврата ссудъ практикуется и понынѣ въ отношеніи ссудъ, выдаваемыхъ на основаніи актовъ двухъ остальныхъ категорій. Порядокъ этотъ заключается въ слѣдующемъ. Ссуды выдаются съ разрѣшенія и подъ контролемъ спеціальныхъ комисаровъ (of inclosure). Каждый комисаръ имѣетъ право допрашивать лицъ, добровольно изъявившихъ на это согласіе, причемъ, если лицо, добровольно давшее справку, въ какомъ нибудь дѣлѣ показало ложно, то въ Англіи и Ирландіи оно подлежитъ преслѣдованію и наказанію, какъ за совершеніе проступка, въ Шотландіи же, какъ за преступленіе. Комисары должны лично убѣдиться въ томъ, что прибавочный годичный доходъ, происходящій отъ затраты ссуды на улучшенія, превосходитъ годичный взносъ для ея погашенія. Долгъ этотъ имѣетъ преимущество передъ всѣми другими, записанными въ ипотеку, равнымъ образомъ какъ и передъ всякими другими обязательствами, за исключеніемъ поземельной подати и церковнаго налога. Во избѣжаніе могущихъ возникнуть недоразумѣній, заемщики обязаны публиковать въ мѣстныхъ газетахъ свое ходатайство о ссудѣ. Комисары, по словамъ закона, суть не только охранители цѣлесообразнаго употребленія ссудъ, назначенныхъ на меліораціонныя цѣли, но также опекуны правъ другихъ ипотечныхъ кредиторовъ, обезпеченность которыхъ могла бы быть нарушена выдаваемою ссудой. Далѣе, въ законѣ точно указаны тѣ улучшенія, на которыя выдаются меліораціонныя ссуды. Къ этимъ улучшеніямъ относятся всѣ вообще работы, которыя, по мнѣнію комисаровъ, необходимы для повышенія стоимости имѣнія и извлеченія изъ него полной выгоды. Кромѣ того, въ законѣ спеціально оговорено, что улучшеніями считаются также: постройка, расширеніе и улучшеніе помѣщичьихъ домовъ и дру-

гихъ жилыхъ помѣщеній, а равно и перестройка таковыхъ, уже существующихъ, но при этомъ соблюдаются слѣдующія правила. Ссуда, испрашиваемая для устройства помѣщичьего дома и примыкающихъ построекъ, не должна превышать цифры двухгодичнаго дохода отъ даннаго имѣнія, за вычетомъ всѣхъ общественныхъ тягостей и процентовъ по долгамъ, и вообще платежей срочныхъ, а также могущихъ возникнуть со смертью ограниченнаго въ своихъ правахъ владѣльца. При рѣшеніи вопроса, повлекутъ ли за собой названныя улучшенія повышеніе годичнаго дохода на сумму, бѣдшую годичнаго обремененія, комисары должны принять въ расчетъ повышеніе стоимости имѣнія, образуемое изъ затраты землевладѣльцемъ на постройки суммъ *сверхъ* ссуды.

Относительно формальностей, связанныхъ съ выдачей ссудъ, установленъ слѣдующій порядокъ. Землевладѣлецъ, желающій получить ссуду для меліораціонныхъ цѣлей, долженъ обратиться къ комисарамъ, прося объ утвержденіи предлагаемой меліораціи. Пока комисары не утвердятъ этого предложенія, землевладѣлецъ можетъ взять назадъ или переимѣнить его, но не иначе, какъ по возвращеніи связанныхъ съ этимъ издержекъ. Расходы по изслѣдованіямъ падаютъ на ссуду; въ случаѣ же непризнанія ея, считаются долгомъ землевладѣльца и взыскиваются на правахъ причитающихся казнь платежей. Комисары, дѣлая провѣрку, имѣютъ право требовать измѣненій въ предлагаемыхъ работахъ. До подписанія комисарами проекта меліораціи, слѣдуетъ о внесенномъ предложеніи дѣлать публикаціи, въ продолженіе двухъ недѣль подъ рядъ въ газетахъ, выходящихъ въ томъ же графствѣ и, кромѣ того, письменно извѣстить лицъ, имѣющихъ, — согласно съ законами, дѣйствующими въ Англіи, Ирландіи и Шотландіи, — какое нибудь дѣйствительное или наслѣдственное право на данное имѣніе, или записанныхъ въ его ипотеку. Въ публикаціяхъ и извѣщеніяхъ слѣдуетъ обозначить maximumъ требуемой ссуды и срокъ ея погашенія. Подписаніе комисарами можетъ послѣдовать не раньше мѣсяца отъ послѣдней газетной публикаціи. Если комисары найдутъ, что предлагаемая меліораціи повысятъ цѣнность имѣнія и, кромѣ того, убѣдятся, что удовлетворены всѣ условія, требуемыя закономъ, то они должны своею подписью узаконить поданный проектъ и опредѣлить размѣры процентовъ, согласно съ условіями рынка, но не выше 5 проц. въ годъ. Подписанный комисарами, проектъ меліораціи даетъ землевладѣльцу разрѣшеніе на полученіе полной суммы, требуемой для исполненія признанныхъ работъ.

Право это землевладѣлецъ можетъ уступить третьему лицу. Комисарамъ предоставляется право, и во время исполненія работъ, утверждать измѣненія въ плакахъ и проектахъ.

До тѣхъ поръ пока имѣніе обременено ссудой, землевладѣлецъ обязанъ сохранять меліораціи, для производства которыхъ сдѣлана ссуда, въ надлежащемъ порядкѣ, дренажныя же трубы — въ чистотѣ. Если же землевладѣлецъ не держитъ въ порядкѣ дренажа или рубить деревья, разведенныя въ меліораціонныхъ видахъ и т. д., то привлекается къ отвѣтственности и долженъ возвратить причинен-

ные убытки, по требованію заинтересованныхъ лицъ. Строенія должны быть непременно застрахованы.

Собственникъ, желающій улучшить свои земли, долженъ, прежде всего, рѣшить: 1) намѣревается ли онъ самъ исполнить соотвѣтственныя работы, или же поручаетъ ихъ какому нибудь обществу и 2) откуда онъ можетъ получить нужныя на то средства. Въ случаѣ, если онъ хочетъ избѣгнуть затрудненій, связанныхъ съ исполненіемъ работъ, ему удобнѣе всего обратиться къ какому нибудь «обществу», которое само исполняетъ установленныя меліораціонныя работы и доставляетъ необходимыя средства.

Насколько описанная организація меліораціоннаго кредита въ Англіи отвѣчаетъ потребностямъ и желаніямъ земледѣльческаго класса, видно изъ того, что за періодъ времени съ 1847 по 1856 г. средній годичный расходъ на одинъ только дренажъ составлялъ 300 т. ф. ст., т. е. около 30 милліон. рублей. Въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія, съ 1857 по 1866 г. включительно, общая сумма, которая ежегодно употреблялась на дренажъ и другія меліораціонныя работы, составляла, въ среднемъ, около 350 т. фун. стерл., т. е. около 35 милліоновъ рублей. За весь же періодъ отъ изданія перваго парламентскаго акта, т. е. съ 1840 г. по конецъ 1878 г., затрачено всего 12.432,477 фун. ст., а именно: 7.921,457 ф. на дренажи и 4.511,020 ф. ст. на прочія меліораціонныя работы. Нѣтъ сомнѣнія, что меліораціонный кредитъ можетъ дать весьма благоприятные результаты и у насъ, если обставить это дѣло такъ, чтобы меліораціонныя ссуды употреблялись сообразно ихъ назначенію, а не шли на нужды, не имѣющія ничего общаго съ земледѣліемъ. Мы въ настоящемъ случаѣ не беремъ на себя рѣшеніе вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ организовать у насъ меліораціонное дѣло, т. е. слѣдуетъ ли создать правительственное учрежденіе для выдачи меліораціонныхъ ссудъ, или предоставить это дѣло частной инициативѣ. Тотъ и другой путь имѣетъ свои выгоды и неудобства. Найдутся, конечно, скептики, которые скажутъ, что *нашимъ* хозяевамъ и меліораціонный кредитъ въ прокъ не пойдетъ, потому что наши землевладѣльцы въ сущности никакимъ кредитомъ пользоваться не умѣютъ. Для нихъ всякій кредитъ представляетъ собою лишь новый источникъ, откуда можно «перехватить» лишній разъ «малую толику» денегъ, а потому, какъ всякій безрасчетный долгъ, въ результатъ онъ и становится тяжелымъ, непосильнымъ бременемъ для хозяйства. Вѣдь въ былое время.—скажутъ,— намъ трубили точно также о неисчислимыхъ благодѣяніяхъ и нынѣ практикующихся у насъ формъ кредита, а между тѣмъ мы теперь всѣ знаемъ, что кредитный рогъ изобилія въ результатъ превратился въ мертвую петлю для нашего сельскаго хозяйства. Ходятъ слухи, что одинъ изъ власть имущихъ, по поводу толковъ о необходимости введенія у насъ меліораціоннаго кредита, даже прямо сказалъ, что, по его мнѣнію, послѣ выкупныхъ ссудъ и залоговъ въ земельныхъ банкахъ, меліораціонныя ссуды въ сущности составятъ третью закладную на обезцѣненныя имѣнія. Въ этомъ скептицизмъ есть, безъ омовія, доля горькой правды. Дѣйствительно, нашимъ сельскимъ

хозяевамъ слѣдуетъ отдать справедливость, что они съ особенной виртуозностью успѣли скомпрометировать кредитное дѣло. Но, тѣмъ не менѣе, мы полагаемъ, что относительно меліорационнаго кредита скептики далеко не правы. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ нашъ поземельный кредитъ все вертѣлся кругомъ да около долгосрочныхъ *безконтрольныхъ* ссудъ. И получавшіе, и выдававшіе эти ссуды смотрѣли на нихъ, какъ на средство къ добыванію денегъ подъ *закладъ* имѣнія для *личныхъ* надобностей владѣльца. Весьма естественно поэтому, что первые, т. е. заемщики, мало заботились о сохраненіи цѣнности залога, вторые же, т. е. выдававшіе ссуды подъ закладъ имѣнія, не считали нужнымъ да и не имѣли права контролировать дѣйствія заемщика въ отношеніи полученныхъ ссудъ, т. е. пойдутъ ли онѣ на нужды хозяйства, или на другія фантазіи помѣщика. Въ результатъ получалось не увеличеніе кредитоспособности заложенного имѣнія, а прямое ея уменьшеніе. Отсюда, въ концѣ концовъ—продажа заложенного имѣнія за банковскій долгъ съ молотка. Совершенно иное представляетъ меліорационный кредитъ. Тутъ и получающій меліорационную ссуду, и выдающій ее заранѣе знаютъ, что она предназначается исключительно для непосредственныхъ хозяйственныхъ надобностей, что поэтому на обязанности того, кто выдаетъ ссуду, лежитъ—имѣть неусыпный контроль надъ дѣйствіями получателя ссуды, а послѣдній долженъ подчиниться такому контролю. Нерадѣніе, халатность и даже прямо злоупотребленія, конечно, и здѣсь могутъ имѣть мѣсто. Но если даже допустить, что часть капиталовъ окажется непроизводительно затраченною по винѣ владѣльцевъ, то въ этомъ еще не будетъ ничего угрожающаго. Несомнѣнно, что русское сельское хозяйство переживаетъ тяжелый кризисъ и поэтому оказать сельскимъ хозяевамъ серьезную и цѣлесообразную помощь болѣе своевременно теперь, чѣмъ когда либо. Предусмотрительность—вещь хорошая, но преднамѣренное кунктаторство можетъ принести большой вредъ, который затѣмъ окажется трудно поправимымъ.

Противъ кунктаторства мы считаемъ долгомъ высказаться и по поводу другаго весьма важнаго вопроса, давно стоящаго у насъ на очереди и не получающаго надлежащаго движенія по совершенно непонятнымъ для насъ причинамъ. Мы подразумеваемъ, въ данномъ случаѣ, вопросъ о *необходимости пересмотра* нынѣ дѣйствующаго «городоваго положенія». Наши городскіе хозяева, съ ихъ лордъ-мэрами во главѣ, дѣйствуютъ, за весьма рѣдкими исключеніями, изъ рукъ вонъ плохо. Думскіе гласные по большей части манкируютъ явкой въ засѣданія и предоставляютъ дѣйствовать или, вѣрнѣе, «орудовать» управскимъ чиновникамъ. Послѣдніе же, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, обдѣльваютъ съ большимъ успѣхомъ свои личныя дѣла и дѣлишки,—весьма нерѣдко въ ущербъ интересамъ своего муниципалитета. Отсюда—повсемѣстная жалоба на плохое состояніе городского хозяйства вообще и на санитарныя условія въ частности. Хотя въ справедливости этихъ жалобъ едва ли кто сомнѣвается, тѣмъ не менѣе большинство нашихъ городовъ почти ничего не дѣлаетъ для устра-

ненія подобныхъ жалобъ. Что, напр., сказать по поводу губернскаго города Чернигова, который тратитъ въ годъ на свои мостовыя 3,573 рубля и на освѣщеніе — 1,733 рубля? Или по поводу губернскаго города Читы (Забайкальской области), который вовсе не освѣщается. Повѣрить ли европеецъ, что въ городѣ съ 10,000 жителей, какъ Сердобскъ, тратится на мостовыя 4 руб. въ годъ, а въ городѣ съ 47,000 жит. и съ миллионными торговыми оборотами, какъ Кременчугъ, на ту же цѣль тратится 306 р. въ годъ!! При подобныхъ обстоятельствахъ—довольно основательно замѣчаетъ авторъ книги: «Современная Россія»—не удивительно, что наши города, кромѣ Петербурга, Риги, Одессы и Варшавы, напоминаютъ неблагоустроенныя деревни и что жизнь въ нѣмецкой колоніи или въ финляндскомъ мѣстечкѣ представляетъ во сто разъ болѣе удобствъ, нежели въ русскомъ городѣ средней величины. Да и въ Петербургѣ нельзя особенно похвастать хозяйственнымъ благоустройствомъ. Достоинно, напр., сказать, что и здѣсь еще есть улицы, которыя и нынѣ освѣщаются тускло-горящими керосиновыми лампочками; что на красавицѣ Невѣ гниютъ деревянные мосты на плашкоутахъ, не говоря уже о томъ, что на многихъ даже главныхъ улицахъ въ центрѣ города, какъ, напр., на Николаевской, до сихъ поръ еще красуются полуразрушившіеся деревянные домишки. Причина тому кроется въ самомъ законѣ. Возникшее на почвѣ сословныхъ учрежденій, наше нынѣшнее городское самоуправленіе, хотя по смыслу «городоваго положенія» 1870 г., и стало всесословнымъ, но тѣмъ не менѣе осталось *de facto* въ рукахъ нѣсколькихъ ловкихъ людей,—коноводовъ такъ называемой «черной сотни», которые воруяютъ городскими дѣлами не въ интересахъ городского населенія, а для своихъ личныхъ выгодъ. Сила этихъ темныхъ людей такъ велика, что никакія усилія со стороны немногочисленныхъ честныхъ дѣятелей не въ состояніи сломить ее. Въ результатѣ и выходитъ, что всѣ лица, служащія городскому самоуправленію или имѣющія въ виду устроить какое либо дѣльце для себя, стараются попадать въ тактъ дирижерамъ думскаго оркестра, располагающимъ большинствомъ, потакая ихъ низменнымъ стремленіямъ. Смѣшно сказать, что даже въ столицѣ, по милости торгашей и кабачиковъ, составляющихъ на основаніи самого закона (замѣтите—*самого закона!*) главный контингентъ городскихъ выборщиковъ, все дѣло городского самоуправления находится, какъ это всѣмъ извѣстно, въ рукахъ одного ватерлозетнаго заводчика изъ полуграмотныхъ иностранцевъ, который, будучи только простымъ думскимъ гласнымъ, въ дѣйствительности располагаетъ выборами по своему усмотрѣнію и въ виду этого заставляетъ всѣхъ активныхъ думскихъ дѣятелей плясать по его дудкѣ. Противъ подобнаго режима давно уже раздаются голоса во всей періодической печати, но эти голоса остаются вопіющими въ пустынь, потому что на сторонѣ кабацкихъ монополистовъ въ городскомъ общественномъ самоуправленіи—стоитъ самъ законъ. А между тѣмъ этотъ своеобразный законъ, отдающій все дѣло городского хозяйства въ руки своекорыстной клики, не имѣетъ никакихъ раціональныхъ основаній. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте только, какая несообразность кроется въ той по-

становѣ выборовъ въ городскіе гласные, какая принята въ положеніи 1870 года. На основаніи этого «положенія», выходитъ, напр., слѣдующая аномалія. Издатель крупной политической газеты или ежемѣсячнаго журнала, дающій заработокъ многочисленнымъ сотрудникамъ, по милости котораго существуютъ и типографикъ, и переплетчикъ, и т. д., *не имѣетъ права быть выборщикомъ*, т. е. устраняется отъ всякаго участія въ дѣлахъ города, потому что онъ ни торговаго, ни промысловаго свидѣтельства не беретъ, ниже домовладѣльцемъ города не состоитъ. Содержатели же типографій или переплетныхъ мастерскихъ, которые и живутъ, и пропитываются лишь щедротами издателя газеты или журнала, имѣютъ право быть выборщиками на городскихъ выборахъ, а также избираемыми на всякія должности по городскому общественному самоуправленію. Такимъ образомъ выходитъ, что работодатель не пользуется даже тѣмъ правомъ, которымъ пользуется его же рабочій. Согласитесь сами, что подобную аномалію даже трудно себѣ представить цивилизованному европейцу. Въ оправданіе существующаго у насъ порядка городскихъ выборовъ, поборники его обыкновенно ссылаются на то, что онъ построенъ на общезвѣстномъ принципѣ, заключающемся въ томъ, что извѣстными правами должны пользоваться лишь тѣ, которые несутъ соотвѣтственные тяготы, — другими словами, что правомъ участія въ городскихъ дѣлахъ должны пользоваться лишь плательщики сборовъ въ доходъ города. А такими плательщиками являются — де или собственники недвижимыхъ имуществъ, или обязанные по закону платить извѣстный сборъ въ пользу города съ производимыхъ ими промысловъ. Но въ этомъ утвержденіи заключается, по нашему мнѣнію, крупное недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что настоящими плательщиками городскихъ сборовъ являются не одни торговцы, а все городское населеніе, потому что первые платятъ взимаемые съ нихъ сборы не изъ *своего* кармана, а на счетъ потребителей, т. е. того же городского населенія. Это разъ. А, во-вторыхъ, если ужъ допустить, что участіе въ городскихъ дѣлахъ можетъ быть предоставлено только *прямымъ* плательщикамъ городскихъ сборовъ, то никто же не мѣшаетъ установить извѣстный сборъ со всѣхъ городскихъ жителей за право участія въ городскихъ выборахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что введеніе такого specialнаго сбора было бы встрѣчено весьма сочувственно, ибо все же лучше платить извѣстную сумму въ доходъ города и взаимнѣй этого стать полноправнымъ горожаниномъ, чѣмъ переплачивать гораздо болѣе значительные поборы, и притомъ быть устраненнымъ отъ всякаго участія въ городскихъ дѣлахъ.

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Навладатля»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Неожиданный противникъ классицизма, самъ воспитанный въ классической школѣ.—Осужденіе „монашескаго образованія“.—Национальная сторона въ воспитаніи и обученіи.—Строгое предостереженіе „Московскихъ Вѣдомостей“ по адресу германскаго императора.—„Преложеніе“ прозы въ стихъ.—Отзывы европейской печати.—Ретроспективный взглядъ на судьбу нашего средняго образованія.—Классицизмъ, являющійся въ разное время и разрушительнымъ снарядомъ, и опорой порядка.—Уваровъ и Катковъ.

I.

Не знаемъ, въ чью голову воюетъ съ классицизмомъ молодой германскій императоръ, но что онъ забылъ или, по своему тевтонскому невѣжеству, совсѣмъ не зналъ о существованіи „Московскихъ Вѣдомостей“,—седьмой великой державы, имѣющей свою территорію на Страстномъ бульварѣ, а вѣрноподанныхъ подписчиковъ во всѣхъ русско-чешскихъ классическихъ гимназіяхъ,—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. А между тѣмъ... а между тѣмъ отъ такой забывчивости или отъ такого невѣжества чуть-чуть не возникли недавно дипломатическія пререканія и даже международныя столкновенія!

Посудите сами, читатель, куда могло привести легкомысліе этого самозваннаго педагога.

Въ торжественномъ собраніи особой училищной комисіи, призванной, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, вершить найсерьезнѣйшіе вопросы средняго образованія, императоръ Вильгельмъ II, крѣпко зажавъ въ своей рукѣ педагогическую фѣрулу, началъ хлестать ею — не по пальцамъ провинившихся школьниковъ, а прямо таки по спинамъ самихъ господъ педагоговъ, до сихъ поръ невозбранно забивавшихъ молодое поколѣніе плохо постижимыми таинствами аористовъ и герундіевъ. Подъ такимъ „цезарскимъ сѣченіемъ“ новѣйшаго рода положеніе упомянутыхъ учителей-мучителей оказалось много хуже губернаторскаго.

„Мы должны — категорически и авторитетно говорилъ вѣнценосный ораторъ — *отрѣшиться отъ традиціоннаго, средневѣковаго монашескаго образованія, въ которомъ главную роль играетъ латинскій элементъ съ нѣкоторымъ добавленіемъ греческаго. Такая образовательная программа теперь для насъ непригодна. Мы должны сойти съ фундамента, на которомъ многіе вѣка уже стояло гимназическое образованіе...* Намъ надлежитъ воспитывать молодыхъ нѣмцевъ, а не грековъ или римлянъ... Точно также я бы желалъ, чтобы обращали болѣе вниманія на національную сторону въ вопросахъ, касающихся исторіи, географіи и народной литературы. Необходимо, прежде всего, ознакомиться съ собственнымъ домомъ. Освоившись хорошенько со всѣми его комнатами и чуланами, мы можемъ, разумѣется, пойти въ музей и осмотрѣться тамъ, въ свою очередь. *Прежде всего, намъ необходимо знать отечественную исторію...* Отчего современная молодежь такъ легко совращается? Отчего появляются въ такомъ множествѣ туманные реформаторы, не уяснившіе себѣ, чего именно хотятъ? Отчего постоянно порицаютъ безъ надлежащаго основанія наше правительство и ставятъ въ примѣръ заграничные порядки? *Оттого что молодежь наша не знаетъ исторіи развитія нашихъ порядковъ...* Мы должны положить въ основу образованія нѣмецкій элементъ. *Сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ должно быть центральнымъ пунктомъ, вокругъ котораго обращается все остальное.*“

Эффектъ совершенно неожиданный! — конечно, неожиданный только для новѣйшей редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, которая напялила на себя римскую тогу съ „барскаго

плеча“ М. Н. Каткова и важно шествуетъ въ этомъ костюмѣ, путаясь въ его полахъ и спотыкаясь въ чужихъ сандаляхъ. Давно ли г. Петровскій, съ апломбомъ прапорщика, произведеннаго черезъ два чина, утверждалъ, что положеніе классицизма въ западной Европѣ не пошатывается, а укрѣпляется, и что возставать противъ древнихъ языковъ, какъ основы средней школы—значить, заявить себя чуть не помѣшаннымъ? Давно ли онъ говорилъ, что единственный „отворотный“ отъ революціи корешокъ заключается именно въ томъ „средневѣковомъ монашескомъ образованіи“, котораго чурается императоръ Вильгельмъ, самъ прошедшій полную классическую школу въ Касселѣ, подъ руководствомъ „восторженнаго филолога“ Гинцпетера? Да и прежде нынѣшнихъ пигмеевъ Страстнаго бульвара развѣ г. Катковъ не возвѣщаль своимъ могучимъ глаголомъ, что изученіе русской исторіи и—чего Боже упаси—русской литературы ведетъ прямо къ разрушительнымъ утопіямъ и всеотрицающему нигилизму?

И вдругъ монархъ самой классической страны въ мірѣ, напоенной до ушей „монашескимъ образованіемъ“, возстаетъ всѣми силами души противъ излишествъ этой словесной эквилибристики и, впадая въ самую страшную ересь (за которую Катковъ угрожалъ „мѣстами не столь отдаленными“), дерзаетъ вспоминать о „потребностяхъ жизни“, о первѣйшей необходимости для юношества—знать „свой домъ“, т. е. свою отечественную исторію, свой языкъ и литературу. Воспитанниковъ классическихъ гимназій, не научившихся ничему, приложимому къ жизни, онъ называетъ „кандидатами голода“ и въ нихъ-то именно видитъ опасность для общественнаго порядка. При этомъ, и насчетъ переутомленія учащихся молодой императоръ тоже замолвилъ нѣсколько теплыхъ словъ, идущихъ въ разрѣзъ съ утвержденіями „ученаго“ Захарьина.

«Не взвидѣлъ я свѣта!» —

и „Московскія Вѣдомости“, подобравъ длинныя полы своего хитона, ринулись на битву съ нѣмецкимъ ересархомъ, такъ измѣннически отступившимся отъ своей родимой матери—классической гимназіи. Азартъ г. Петровскаго былъ тѣмъ сильнѣе и задорнѣе, что онъ просто заподозрилъ стачку между берлинскимъ ораторомъ и самыми непримиримыми изъ русскихъ

„демооговъ“. Длинный спичъ, обращенный московскимъ преторомъ къ германскому цезарю, можетъ быть резюмированъ слѣдующимъ образомъ въ стихотворной формѣ:

Вы рассыпали перуны
 Въ поощренье русскихъ шельмъ—
 Очень юны, очень юны,
 Императоръ вы Вильгельмъ!

Хоть и вскормлены млекою вы
 Классицизма съ юныхъ лѣтъ,
 Но—я вижу—вы влекомы
 Въ тьму неисчислимыхъ бѣдъ.

Образумьтесь, ради Бога,
 И исправьтесь же, монархъ,—
 Иль васъ покараетъ строго
 Москворѣцкій аристархъ.

Пѣвецъ Фелицы говорилъ „съ улыбкой“ истину царямъ; но въ наше демократическое время даже самые консервативные умы отчасти заражаются демагогическою—и тонъ г. Петровскаго является не только „учительнымъ“, но прямо карательнымъ

II.

Впрочемъ, германскій императоръ можетъ нѣсколько утѣшиться... Конечно, строгое предостереженіе, данное ему сегою великою державою, было очень чувствительно и даже погнало à la baisse биржевой курсъ берлинскихъ марокъ, но однако же чортъ Страстнаго бульвара не такъ страшенъ, какъ его малюютъ арендаторы „Московскихъ Вѣдомостей“. На поддержку молодого оратора, совѣмъ оконфуженнаго діатрибою нашихъ классиковъ, выступила почти вся европейская печать въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей. Въ западной Европѣ, т. е. на самомъ очагѣ классицизма, рѣчь Вильгельма не только не подверглась публичному ауто-да-фе, но, напротивъ, была встрѣчена самыми сочувственными привѣтствіями и комментаріями.

„Императоръ—говоритъ газета „Temps“, одинъ изъ вліятельныхъ органовъ французской прессы, — осуждаетъ прин-

ципъ, что должно преимущественно заботиться о знаніи самомъ въ себѣ, а не о томъ, можетъ ли принести та или другая отрасль знанія какую нибудь пользу въ практической жизни. Всякій разъ, какъ стараются убѣдить такъ называемыхъ „свѣдущихъ людей“, что *гимназиста вѣдь слѣдуетъ воспитывать для жизни* и ея требованій, свѣдущій человекъ неизмѣнно возражаетъ, что это—*не задача школы*, что главное—*гимнастика ума*. Этотъ упрекъ императора свѣдущимъ людямъ *совершенно справедливъ*, равно какъ все то, что онъ сказалъ о *преувеличенномъ значеніи латыни*, о *переутомленіи учениковъ*, о томъ, что *такое абстрактное ученіе рождаетъ кандидатовъ голода* и т. д. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, державный ораторъ вполнѣ сходится во взглядахъ съ Бастиа, который тоже указалъ на *связь между классическимъ бакалавратствомъ и социализмомъ*. Нетолько критика классическаго образованія, сдѣланная императоромъ, совершенно справедлива, но и его взгляды на нужды современнаго образованія вполнѣ вѣрны. И въ этомъ отношеніи *далновидныя французскіе педагоги уже высказывали подобныя же идеи*, въ томъ числѣ бывший министръ народнаго просвѣщенія, Буржуа“.

Таковы же были отзывы и другихъ газетъ, издаваемыхъ на разныхъ концахъ земнаго шара. Всѣ эти отзывы сходились въ томъ, что вопросъ о нормальномъ образованіи и воспитаніи юношества имѣетъ не менѣе важное значеніе, чѣмъ роковой социальный вопросъ, недавно поднятый тѣмъ же энергическимъ императоромъ, и что правильное разрѣшеніе ихъ должно быть ведено параллельно, въ связи одного съ другимъ. Что кадры социализма—и притомъ самаго низменнаго и озвѣрѣлаго—вербуются изъ „кандидатовъ голода“ (по выраженію императора) т. е. изъ бакалавровъ классическихъ гимназій, неспособныхъ ни къ какому практическому труду и являющихся, въ сущности, какими-то иностранцами въ своемъ отечествѣ—въ этомъ должны были сознаться органы самыхъ либеральныхъ направленій, стоящихъ на государственной почвѣ.

Это послѣднее замѣчаніе о тѣсной связи, существующей между классическимъ малограмотствомъ и социалистическимъ—точнѣе, анархическимъ—бунтарствомъ имѣетъ, конечно, чи-

сто практическое, утилитарное значеніе и не касается самаго существа классической системы образованія. Но существенныя стороны этой системы уже давно подверглись серьезной отрицательной критикѣ, и не десять только лѣтъ тому назадъ, — какъ говорить газета „Temps“, — а гораздо раньше. Строго говоря, уже со временъ Бэкона, установившаго *индуктивный* методъ въ наукѣ, и Амоса Коменскаго, рекомендовавшаго *изученіе природы и дѣйствительной жизни*, какъ лучшей путь для образованія юношества, — надъ господствомъ средневѣковой мертвечины въ школахъ произнесенъ уже былъ смертный приговоръ. Но реформаторскія идеи не скоро пробиваютъ себѣ дорогу въ сознаніе массы... Нужны были столѣтія, чтобы убѣдиться въ томъ, что классическое образованіе, когда-то сослужившее свою службу среди мрака и варварства одичалой Европы, перестало уже носить въ себѣ зародышъ оздоровленія, послѣ того какъ средніе вѣка были отпѣты и похоронены новѣйшимъ движеніемъ науки и литературы. Тѣмъ не менѣе, уже четверть вѣка тому назадъ, въ Лондонѣ вышелъ большой томъ (переведенный и на русскій языкъ) подъ названіемъ: „Новѣйшее образованіе, его истинныя цѣли и требованія“. Здѣсь были собраны лекціи въ защиту „научнаго“ (т. е. *не* классическаго) воспитанія такихъ профессоровъ и ученыхъ, какъ напр., Тиндаль, Уэйлендъ, Гексли, Дреперъ, Гербертъ Спенсеръ, Уэвелъ, Ляйелль и мн. др. Замѣчательно, что всѣ названные авторы — знаменитости, каждый въ своей сферѣ — дружно возстаютъ противъ господствующей системы классическаго образованія и предлагаютъ средства привести ее въ соотвѣтствіе съ духомъ и потребностями времени. По свойственной англичанамъ умѣренности и привычкѣ лавировать между двумя крайними мнѣніями, ихъ ученые высказываются сдержанно, уклончиво; но въ результатѣ ихъ возраженій получается полнѣйшее отрицаніе современной педагогической рутины. Иронизируя надъ устарѣлымъ характеромъ классическаго образованія, Гексли говорилъ, напри- мѣръ: „Я не ошибусь, утверждая, что еслибы можно было перенести молодаго римлянина-христіанина, кончившаго свое образованіе, въ одну изъ нашихъ общественныхъ школъ, и онъ прошелъ бы въ ней курсъ обученія, — онъ *не встрѣтилъ бы ни одного необычнаго направленія мысли*. Изъ фактовъ, ко-

торымъ бы онъ научился, ни одинъ не возбудилъ бы въ немъ другаго взгляда на мiръ, чѣмъ взглядъ обычный въ его время. Между тѣмъ, конечно, *большая разница между цивилизаціей IV-го и XIX-го вѣка*, и еще большая—между умственными привычками и строеніемъ мысли того времени и нашего. Что же произвело эту разницу? Я смѣло отвѣчаю: громадное развитіе естествознанія въ послѣдніе два вѣка. *Вся современная цивилизація опирается на естествознание*; отнимите его дары у нашего отечества и наше мѣсто между руководящими націями потеряно завтра же, потому что лишь естествознаніе даетъ уму и нравственной энергіи преобладаніе надъ грубою силою. *На все это наша стереотипная система воспитанія не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія*“.

Въ то время какъ знаменитый фізіологъ Гёксли отстаивалъ необходимость введенія естествознанія (съ его дѣйствительно-развивающимъ методомъ мышленія) въ среднеобразовательную школу, фізикъ Фарадей доказывалъ нелѣпость „формальнаго развитія“, или пресловутой „гимнастики ума“, основанной на бесплодномъ толченіи воды въ ступѣ. Предполагая, что главный вопросъ умственнаго воспитанія есть развитіе ума въ томъ отношеніи, чтобы онъ убѣдился въ связи опредѣленнаго заключенія съ опредѣленными посылками, могъ открыть ложное умозаключеніе или исправить ошибочное, Фарадей отвѣчаетъ на это: „Я не вижу ясно, какъ воспитываютъ классическія гимназіи для этого рода сужденій; но что касается до развитія сужденій на законахъ вещества, они мнѣ кажутся самымъ богатымъ источникомъ для упражненія мысли и *настоящею логикою фактовъ*... Мнѣ кажется, что даже въ людяхъ, получившихъ высшее образованіе, я *нахожу жалкій недостатокъ этого рода логики*. Они *не знаютъ даже своего незнанія*, по окончаніи такого курса ученія“.

Возражая противъ упрека въ „опрометчивости“ и „страсти къ разрушенію“, брошеннаго реалистамъ изъ классическаго лагеря, Тиндаль замѣчаетъ, что дѣло состоитъ тутъ не въ разрушеніи, а въ томъ естественномъ обстоятельстве, что *„составные элементы человѣческой культуры измѣняются съ теченіемъ времени*, и требованія настоящаго расходятся съ

требованіями прошедшаго“. Далѣе, уже въ саркастическомъ тонѣ, Тиндаль вопрошаетъ: „Кто можетъ порицать меня, если я дорожу той увѣренностью, что міръ и до сихъ поръ молодъ, что у него лежитъ впереди громадное поприще, что англичанинъ нынѣшняго дня сдѣланъ изъ такого же хорошаго матеріала, какъ древній грекъ или римлянинъ, и что у него имѣется такое же высокое и самостоятельное значеніе? Принимая съ благодарностью то, что древность можетъ намъ предложить, мы никогда не должны забывать, что нынѣшнее столѣтіе имѣетъ такое же точно законное право на свои формы мышленія и на свои методы образованія, какое имѣли на свои формы и методы всѣ предшествующія столѣтія“.

Къ знаменитымъ англійскимъ натуралистамъ присоединились въ нападахъ на классическую систему и крупные государственные дѣятели. Графъ Россель, напр., на одной конференціи, посвященной техническому образованію, выразилъ сочувствіе тому, что въ Гаррау, въ одномъ изъ большихъ училищъ страны, перестали забивать мальчиковъ писаніемъ длинныхъ и короткихъ латинскихъ стиховъ и начали обучать естественнымъ наукамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ заявилъ надежду что— „и оксфордскій университетъ (главный разсадникъ классицизма) въ скоромъ времени, особенно если парламентъ прибавитъ свое побужденіе, допустить у себя развитіе естественно-научнаго преподаванія“. Бывшій министръ Лоу произнесъ въ Ливерпулѣ не менѣе сильную рѣчь противъ классицизма, какъ основы школьнаго обученія. „Спросите — говорилъ онъ—любаго человѣка, прошедшаго чрезъ обыкновенную рутину школьнаго образованія: доволенъ ли онъ, когда оставляетъ эти школы? Я знаю много такихъ людей и знаю, что они ежедневно ощущаютъ недостатки своего образованія. Какимъ же образомъ они пришли къ нему? Вотъ какимъ: въ тѣ времена, когда учиться еще было нечему и никто не могъ знать ничего полезнаго, учреждено было нѣсколько фондовъ съ цѣлью учить латинскому и греческому языкамъ, и эти фонды и стипендіи существуютъ до сихъ поръ, привлекая большое число учениковъ... Съ тѣхъ поръ возникли истинныя познанія, науки, языки, литературы, но эти учрежденія остались неподвижны. Люди отъ отца къ сыну

шли туда въ теченіе вѣковъ, какъ бы не зная, что все естествознаніе, политическая экономія, новая литература и почти вся чистая математика возникли уже послѣ ихъ основанія. *Среднему классу нужно не это образованіе.* Членамъ палаты общинъ оно, *можетъ быть, нужно для цитатъ* (изъ древнихъ писателей), но *среднему классу нужны тѣ знанія, которыя приучаютъ къ наблюдательности, къ иному, точному пониманію вещей, къ сужденію на основаніи фактовъ, къ самостоятельной работѣ... Учите людей среднего класса правильно писать на своемъ языкѣ, учите ихъ живымъ иностраннымъ языкамъ, которые могутъ не хуже классической литературы образовать ихъ вкусы и, сверхъ того, открыть имъ всю филологическую литературу; учите ихъ чистой математикѣ, которая приучитъ ихъ къ точности выводовъ; знакомьте съ естественными науками, наглядно обращая ихъ вниманіе на невозможность гипотезъ въ приобритеніи истиннаго знанія* (а крайности социалистическихъ ученій держатся именно на произвольныхъ гипотезахъ и совершенно фантастическихъ представленіяхъ). *Естественныя науки приучаютъ къ важному качеству—видѣть вещи реально, какъ онѣ есть, а не считать ихъ истинными потому только, что хочется признавать ихъ истинными*“.

Подобное же отрицательное отношеніе къ классическому образованію замѣчалось уже, 25 лѣтъ назадъ, и на другомъ полушаріи нашей планеты. И тамъ серьезный мыслитель, извѣстный американскій историкъ Дрэперъ, отзывался объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ: „То, что называется классическимъ обученіемъ, присвоиваетъ себѣ объемъ, исключаящій множество важныхъ предметовъ. Это зло вытекаетъ изъ того обстоятельства, что наша система воспитанія была принесена изъ Англій. Это—остатокъ строя мысли въ этой странѣ въ XVI вѣкѣ, строя мысли, имѣвшего свою заслугу и свое оправданіе тогда, но теперь устарѣвшаго. Неопредѣленное представленіе, что этимъ путемъ воспитывается умъ (это—такъ называемая „гимнастика ума“), долго поддерживало такой порядокъ, не соотвѣтствующій требованіямъ. Его оправдываютъ еще предполагаемую возможностью передавать этимъ путемъ мудрость прежняго времени. Но великіе склады человеческого знанія заключаются не въ древнихъ, а въ но-

выхъ языкахъ. Немного фактовъ, стоящихъ изученія,—если есть такіе,—исключительно получаютъ чрезъ знаніе латинскаго и греческаго языковъ; что же касается до развитія ума, то можно съ нѣкоторымъ основаніемъ спросить: что выигрываетъ молодой человѣкъ, переводя ежедневно нѣсколько прекрасныхъ латинскихъ и греческихъ выраженій на дурной и ломаный англійскій языкъ? Если же нужно приготовленіе къ будущей борьбѣ жизни, къ различенію намѣреній соперниковъ и предупрежденію ихъ дѣйствій, къ умѣнью избирать дѣйствія и осуществлять ихъ съ усиліемъ, къ развитію яснаго пониманія чужихъ характеровъ и побужденій, и къ сообщенію рѣшительности нашимъ собственнымъ дѣйствіямъ — въ отношеніи всего этого остроумный человѣкъ, безъ затрудненія, поддержалъ бы забавное положеніе, что *молодые люди больше выигрываютъ, выучившись мастерски двигать шахматами, чѣмъ переведа всѣхъ греческихъ и латинскихъ авторовъ*“¹⁾.

Во Франціи, около того же времени, министръ народнаго просвѣщенія Дюрюи (самъ глубокій знатокъ древняго міра) въ своихъ циркулярахъ высказывалъ постоянныя восхваленія естественнымъ наукамъ и постоянно напоминалъ, что классицизмъ—не по карману среднему классу, у котораго нѣтъ ни средствъ, ни охоты «доводить своихъ дѣтей до современной науки черезъ греческія и римскія ворота». Съ цѣлью обезпечить для реальныхъ училищъ хорошій составъ преподавателей, во Франціи тогда же была устроена особая нормальная школа—почти въ то же время, какъ у насъ возникъ историко-филологическій институтъ и прошли слухи о совершенномъ уничтоженіи реальныхъ гимназій...

III.

Очевидно, что императоръ германскій, — какъ человѣкъ, серьезно мыслящій и отзывчивый на всѣ важнѣйшіе запросы времени,—только прикрылъ своимъ авторитетнымъ именемъ

---

¹⁾ Мы беремъ эти цитаты, съ небольшими сокращеніями, изъ книги: *Живые Вопросы*“. Спб. 1870 г.

то глубокое и плодотворное движение, которое давным-давно уже возникло въ педагогическомъ мірѣ, во всѣхъ образованнѣйшихъ странахъ свѣта. И физики, и химики, и доктора, и историки, и даже сами филологи по классической древности, вмѣстѣ съ прошедшими классическую школу государственными людьми, дружно осуждали устарѣвшую систему обученія и указывали новые пути для средняго образованія. Кто напиралъ на естественныя науки, съ ихъ индуктивнымъ методомъ мышленія; кто рекомендовалъ особенно физику и математику; кто расширялъ программу новыхъ языковъ (съ ихъ литературами), исторіи и географіи,—но протестъ противъ господства классицизма, вытѣсняющаго изъ школы почти всѣ пріобрѣтенія новѣйшихъ наукъ, издавна уже раздавался все громче и громче.

Въ то время, когда въ 1867 г. мы принялись рѣшать этотъ вопросъ *pro domo sua*, антиклассическое движение въ западной Европѣ было уже настолько энергично и осмысленно, что не было возможности „игнорировать“ его или заподозривать въ какихъ-то побочныхъ, открыто не обнаруживаемыхъ, цѣляхъ. Напротивъ, нетрудно было предвидѣть, что это движение будетъ разрастаться съ каждымъ годомъ и что ему принадлежить весьма недалекое будущее. „Когда въ Парижѣ идетъ дождь“,—шутить когда-то князь П. А. Вяземскій,—у насъ на Руси раскрываютъ зонтики“. Но въ вопросѣ о классицизмѣ мы, подъ руководствомъ М. Н. Каткова, хотѣли сыграть въ самостоятельность,—и попались въ просакъ. *Дождь* уже начинался въ наиболѣе приверженныхъ къ классицизму государствахъ, а мы продолжали утверждать съ зажмуренными глазами, что небо ясно и барометръ стоитъ на „очень сухо“.

Любопытно, что въ 1848 году, одною изъ причинъ паденія Уварова было классическое обученіе, введенное имъ въ гимназіяхъ. Тогда—послѣ французской революціи—мы вдругъ вострепнулись и вообразили себѣ, что нѣсколько десятковъ гимназистовъ, напитавшись идеалами Платона и Цицерона, произведутъ и на нашихъ стогнахъ такой же политическій переворотъ. Насколько эти опасенія были основательны,—кажется, и говорить не стѣдуетъ. Тѣмъ не менѣе, парижскій дождь заставилъ насъ раскрыть зонтики, и классическіе языки были почти изгнаны изъ гимназій. Въ то же время, цѣлеб-

нымъ средствомъ противъ революціоннаго направленія были признаны естественныя науки съ ихъ сухою номенклатурою, — и минералогія, и зоологія стали преподаваться въ зубрёжку, безъ кабинетовъ и наглядныхъ пособій.

М. Н. Катковъ оказался жертвою дикихъ гоненій того времени на классицизмъ и на философію; онъ былъ и свидѣтелемъ неосмысленнаго введенія естественныхъ наукъ, какъ панацеи противъ „завиральныхъ идей“. Вотъ онъ и поступилъ, двадцать лѣтъ спустя, какъ разъ наоборотъ: превознесъ до небесъ благонамѣренность классицизма и пугнулъ „жупеломъ“ естествознанія, приведя его въ связь и съ польскимъ бунтомъ, и съ нашими доморощенными революціонными затѣями. Напрасно серьезнѣйшіе педагоги, какъ напр., А. С. Вороновъ, В. Я. Стоюнинъ, К. Д. Ушинскій, баронъ Н. А. Корфъ и многіе другіе предостерегали противъ этого ложнаго направленія: ихъ голоса не были услышаны. А. В. Головинъ погибъ за реализмъ, какъ нѣкогда Уваровъ — за классицизмъ. Приобрѣтя большое вліяніе на настроеніе высшихъ сферъ своей талантливой защитой русскихъ правъ во время польской смуты, Катковъ эксплуатировалъ это вліяніе въ пользу классицизма, какъ эксплуатировалъ его позже въ пользу еврейства...

Ефимъ Простосердовъ.

НѢЧТО О „СПЕРМИНЪ“.

Не стихая по недѣлямъ,
 Безъ приличій и стыда,
 Между Френкелемъ и Пелемъ
 Возгорѣлася вражда.
 Двумъ противникамъ ретивымъ,
 Сбросивъ съ нихъ обычный сплянъ,
 Послужилъ вражды мотивомъ
 Чудодѣйственный *сперминъ*.
 Лавры Броунъ-де-Секара
 Гнали Пеля сладкій сонъ;
 Самъ себя прославить—яро
 Въ свой чередъ рѣшился онъ;
 И для старцевъ, впавшихъ въ дѣтство,
 Изобрѣлъ онъ въ мигъ одинъ
 Возбудительное средство
 Подъ названіемъ «сперминъ».
 Это средство такъ пріятно,
 Что (ничуть не мудрено!)
 На вѣсь золота опрятно
 Продавалось оно.
 Такъ мила для человѣка
 Вѣчной юности пора,
 Что «профессора» аптека
 Осаждалася съ утра
 До глубокой поздней ночи,
 Старцевъ всѣхъ къ себѣ маня.
 Словомъ, Пель,—сказать короче,—
 Быстро сталъ героемъ дня.
 Былъ отъ всѣхъ ему хвалебный
 Пациентовъ слышенъ кликъ;
 Передъ нимъ съ водой цѣлебной
 Даже Вревскій сталъ втушикъ.
 Дни летѣли. Вдругъ, о ужась!
 Неожиданный скандалъ,
 Волей рока обнаружась,
 Славу ту поколебаль.
 Оказалось (о, коварство!)
 Что профессоръ-патріотъ

Вмѣсто чуднаго лѣкарства
 Соль спокойно продаетъ;
 Что (скандальная причина)
 Ловко всѣхъ дурачилъ онъ,
 Что открытіе «спермина»—
 Дѣло будущихъ временъ...
 Пель вскипѣлъ. Досады полонъ,
 На собрата золь весьма,
 На него войной пошелъ онъ
 Въ формѣ рѣзкаго письма.
 Грустно видѣть, безъ сомнѣнья,
 На полемики канвъ
 Въ шарлатанствѣ обвиненья,
 Обвиненья въ воровствѣ!..
 Обоюдныя обиды,
 Оскорбленья безъ стыда...
 Кто неправъ—рѣшить Оемида;
 Подождемъ ея суда.

ИСПОВѢДЬ ЧИНОВНИКА.

Я сижу на видномъ мѣстѣ.
 Хлѣбнымъ домикомъ владѣя,
 И могу сказать по чести,
 Что обязанъ лишь себѣ я
 Этимъ всѣмъ. И въ самомъ дѣлѣ,
 Я избралъ себѣ дорожку
 И по ней стремился къ цѣли
Понемножку.

Опуская робко взоры
 И клоня свои колѣни,
 Я прошелъ, хоть и не скоро,
 Всѣ служебныя ступени.
 Своего страшась начальства,
 Подчиненнымъ ставя ножку,
 Я достигъ и генеральства—
Понемножку.

Не гнушался за труды я
 Отъ просителей даяньемъ
 И, свою сгибая выю,
 Простиралъ упорно длань имъ,

По пословицѣ судебной:
 «Ротъ дереть сухая ложка»,
 И скопиль на домикъ хлѣбный
Понемножку.

Не смотрѣлъ на красоту я:
 Въ чинѣ бывъ уже немаломъ,
 Взялъ невѣсту пожилую,
 Но съ солиднымъ капиталомъ.
 Безъ чужихъ благодѣяній
 Я прошелъ свою дорожку
 И достигъ вѣнца желаній—
Понемножку...

Старый Капраль.

МОЯ МАДОННА.

—Я твоя мадонна, обновленье, свѣтъ;
 Безъ меня дороги тебѣ къ счастью нѣтъ.
 —«Правда, о мадонна. На дорогѣ той
 Ты была бѣ зловѣщимъ пугаломъ—верстой».
 —Я твоя мадонна, дерзкій дуралей.
 Торопись... проси же руку поскорѣй.
 —«Страшно, о мадонна... еслибъ параличъ
 Оковалъ ту руку—беззащитныхъ бичъ»...
 —Я твоя мадонна, грубіянь и скоть...
 Кто пойдетъ со мною—далеко уйдетъ.
 —«Вѣрю, о мадонна. Твоя даль съ клеймомъ:
 Каторга... отравы... сумашедшій домъ».

М.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Стасюлевича, Вольфа, Цинзерлинга,
Карбасникова, Фену и Попова продается

НОВАЯ КНИГА:

ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ,

Стихотворенія В. Л. Величко.

I. Восточные мотивы: оригинальныя стихотворенія и переводы въ персидскаго, арабскаго, турецкаго, грузинскаго и татарскаго языковъ. Между прочимъ, стихотворенія: «Ахметъ на Минаретъ», «Легенда о суфи Халаджъ», «На вершинахъ Ислама», «Неудачливый одноженецъ», «Горойская башня», «Тридцать пестъ халатовъ», поэмы: «Слѣпецъ» и «Амру» и восточная сказка: «Ханъ, свинья и 3 ученыхъ»).

II. Лирическія стихотворенія, эскизы и т. д.

III. Шутки.

Всего 118 №№ на 245 страницахъ.

Книга украшена виньеткой **Н. Н. КАРАЗИНА**, заставками и *ils de lampe* изъ «Вѣстника изящныхъ искусствъ».

Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ

М. Стасюлевича, Риккера, Суворина, Фену и др.

Изданія д-ра А. С. ВИРЕНІУСА.

Школьные столы и скамьи	— р. 60 к.
Рациональный способъ письма	— » 30 »
Гигіена учителя	— » 40 »
Разныя болѣзни въ уч. заведеніяхъ, 2 издан. 1 »	25 »
Переутомленіе учащихся	— » 50 »
Вѣдѣнія. Проф. Ланге. Съ нѣмецкаго	— » 60 »

кладъ у автора: Екатерингофскій пр., у Харламова моста, № 27—119, кв. 2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ, XI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ, ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія бы по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обобщеніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“. V. Послѣднія извѣстія. VI. Города и земская хроника. VII. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“. VIII. всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетоны: научный, литературный и художественный. Беллетристика. XII. Музыка. XIII. Судебная хроника. XIV. Критика и библиографія. XV. Смѣсь. XVI. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVII. Календарь. XVIII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. XIX. Стороннія сообщенія. XX. Объявленія. Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ южной Россіи. Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. Безъ доставки: на годъ 10 р. 50 к., на 6 мѣс. 6 р., на 3 мѣс. 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к. Съ доставкой: на годъ 12 р., на 6 мѣс. 7 р., на 3 мѣс. 4 р., на 1 мѣс. 1 р. 40 к. Съ пересылкою иногороднымъ: на годъ 12 р. 50 к., на 6 мѣс. 7 р. 50 к., на 3 мѣс. 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 60 к. Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей. Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Колаевской площади, въ домѣ Патры.

Кромѣ того, подписка и объявленія принимаются: въ Петербургѣ—въ конторѣ подписки и объявленій Н. Матисена, Б. Конюшенная, № 29; въ Москвѣ—въ конторѣ объявленій и подписки: А. Сень-Мартенъ, Неглинный провѣздъ, д. Молчанова; Печковской, Петровскія линіи; Л. Шабертъ, Покровка, д. Соболевыхъ; въ центральн. конт. объявленій, бывш. Л. Метцль, Мясницкая, д. Спиридонова, и въ справочн. конт. бюро Н. Доничъ и Комп., Софійка, противъ Дубянского пассажа; въ Полтавѣ—въ конторѣ И. А. Дохмана. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ, у Navas, Lalite и C^o, Place de la Bourse.
Редакторъ-Издатель А. А. Юзефовичъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ НА

САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ

ВЪ 1891 ГОДУ (29-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Вступая въ двадцать девятый годъ изданія, „САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“ ставится при той же программѣ и при томъ же, извѣстномъ читателямъ, составѣ редакціи и сотрудниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой въ Саратовъ: на годъ 7 р., на полгода 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к. Съ пересылкою въ другіе города: на годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 3 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, домъ № 10. Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ первые три раза 20 к. за строку, на слѣдующіе разы по 15 к.; на 3-й и 4-й—первые три раза по 7 к., на слѣдующіе разы по 5 к. Годовыя объявленія пользуются особой услужкою. Розничная продажа газеты по 5 к. за экземпляръ.

Редакторъ-издатель П. О. ЛЕБЕДЕВЪ.

Издатель И. П. ГОРИЗОНТОВЪ.

1891—ГОДЪ ИЗДАНІЯ СЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТЫЙ—1891
БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
(ВЪВЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРѢ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

съ еженедѣльными и ежемѣсячными иллюстрирован. приложеніями и книжками
„РОМАНЫ И ПОВѢСТИ“

Газета съ переходомъ къ **НЫНѢШНЕМУ ИЗДАТЕЛЮ** и при **НОВОМЪ СОСТАВѢ РЕДАКЦІИ** совершенно реформирована и выходитъ (безъ повышенія подписной платы) въ форматъ

БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ

Ежедневно помѣщаются статьи по современнымъ общественнымъ вопросамъ, политическія, экономическія, финансовыя и научныя. Беллетристика: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и проч. Выдающіяся событія изъ придворнаго и военнаго міра сообщаются специальными корреспондентами. Вообще же новости дня столычн. внутренней и иностранной жизни печатаются одновременно съ другими изданіями, а потому газета „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ вполне можетъ замѣнить собою

ДОРОГУЮ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ГАЗЕТУ И ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты, подписчикъ получаетъ:

- 1) По воскресеньямъ особое иллюстрированное приложение, отпечатанное на велевовой и глазированной бумагѣ въ видѣ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА,

гдѣ помѣщаются: историческіе и современные романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія (оригинальные и переводные). Въ годъ болѣе 300 рисунковъ.

- 2) книжки **«РОМАНЫ И ПОВѢСТИ»**. Каждая книжка содержитъ отъ 160 до 200 страницъ, что въ теченіе года, въ общемъ, составятъ цѣнную „**ДОМАШНЮЮ БИБЛИОТЕКУ**“ литературныхъ произведеній.

- 3) **«МОДЫ И РУКОДѢЛЬЯ»** (двѣнадцать номеровъ), приспособенныя къ домашнему производству и замѣняющія собою для семействъ дорогой спеціальн. дамскій модный журналъ (образцы узоровъ для вышиванія, вязанія, мѣтодь, вышивочныхъ работъ и проч.

- 4) **«РОСКОШНЫЙ СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ»**, отпечатанный въ ТРИ краски.

Гг. **ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ**, выславшіе сполна подписную сумму, имѣютъ право получить **ОДНО** изъ **ТРЕХЪ** художественныхъ приложений:

- 1) Большую картину художника С. И. ВЕРЕЩАГИНА:

„ВОЙ КУПЦА КАЛАШНИКОВА СЪ КИРИВЪЕВИЧЕМЪ“

(Размѣръ: длина 20 вершковъ, вышина 14 вершковъ).

Картина эта отпечатана въ ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ красокъ.

Интересный историческій сюжетъ ея заимствованъ изъ безсмертной пѣсни М. Ю. Лермонтова и переданъ художникомъ съ тою исторической и этнографической правдой, которая, въ связи съ колоритностью его кисти, дѣлаетъ это новое произведеніе талантливаго художника самою вѣрною и краснорѣчивою иллюстраціей къ популярному творенію нашего поэта.

(См. на оборотѣ)

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ НАБЛЮДАТЕЛЯ.

В Главной Конторѣ имѣются въ продажѣ полные экземпляры «НА-
ЦНОЙ ШКОЛЫ» за 1880, 1881, 1884, 1885, 1887 и 1889 гг.
искупающіе эти экземпляры за всѣ шесть лѣтъ платятъ 18 р. съ
; за три года—10 руб.

НАРОДНАЯ ШКОЛА» издавалась по слѣдующей программѣ: I) За-
дательство по народному образованию. II) Педагогика и дидактика
Исторія народнаго образования. IV) Критика и библиографія. V) Но-
и смѣсь. Этотъ отдѣлъ вполне соотвѣтствуетъ «современному
рѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ—кромѣ
ихъ статей и корреспонденцій—систематическій обзоръ (подъ на-
емъ педагогической хроники) всѣхъ наиболее интересныхъ явленій
области народнаго образования въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же
эматическомъ видѣ предлагалась, по временамъ, хроника народ-
образования въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣща-
обыкновенно, подъ рубрикою «Разныхъ извѣстій», любопытные для
днаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской
и: свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ пред-
мъ, и пр. VI) Приложенія къ журналу, куда входятъ: а) политиче-
извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго рассказа
литическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ
метамъ знанія и пр.

*Изданіе „Народной Школы“ приостанавливается на неопре-
енное время, и подписка на журналъ, на 1891 г., припи-
нся не будетъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ВЪ 1891 ГОДУ (ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ).

Журналъ издается въ 1891 г. подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ нынѣшнемъ году, въ журналъ будутъ напечатаны, между прочимъ:

1) «Ординарный профессоръ», романъ *И. И. Ясинскаго* (*Михаила Бялинскаго*); 2) «Кладъ», романъ *Н. Ѳ. Бажина*; 3) «Дѣвичій полоухъ», комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, *В. А. Крылова*; 4) «Не в силу», повѣсть *П. Лытнева*; 5) рассказы и повѣсти: *Ф. Д. Нефедова*, *А. В. Круглова*, *В. И. Бибикова*, *В. Ступлова*, *К. В. Назаровой* и др.; 6) статьи и изслѣдованія: *П. В. Безобразова*, *Н. П. Дружинина*, *В. Р. Зотова*, *Д. А. Корочевского*, *Н. Поповскаго*, *В. В. Чуйко* и др.; 7) фельетоны изъ общественной жизни, *Ефима Простосердова*.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, *перваго числа* (въ 15-го), *книжки* отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ. Форматъ и объемы журнала увеличены до размѣра самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, подписная же цѣна остается прежнею: 12 р. за годъ безъ доставки; 13 р. съ доставкою въ С.-Петербургъ; 14 р. съ перес.; 17 р. съ пересылкою за границу.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. № 1—6, кв. № 1); въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета), въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и въ конторѣ Гиляровскаго (Столешниковъ пер., д. Корзинкина); въ провинціи: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова; а также во всѣхъ известныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на посылку только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4-хъ часовъ пополудни, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Приемъ въ редакціи—по четкамъ, съ часу до двухъ.

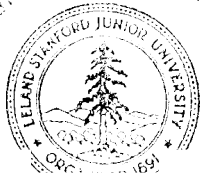
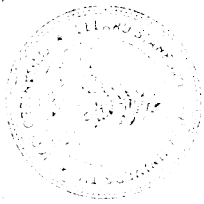
РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ А. П. Пятковскій.

AP
50
N33
V.10
NO.1
1891

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

